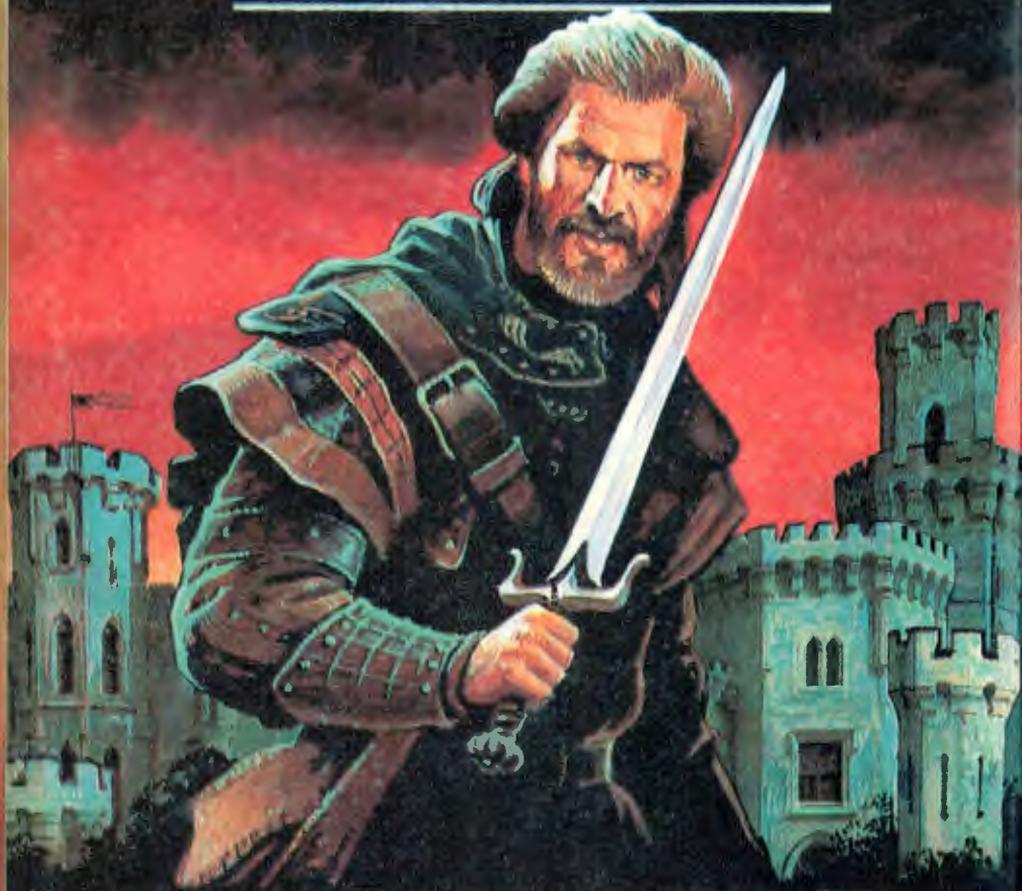

Александр Дюма

РОБИН ГУД

Александр
ДЮМА
РОБИН
ГУД

*Александр
Дюма*

РОБИН ГУД

Александр
ДЮМА
и
РОБИН
ГУД

РОМАН

Краснодар
Издательство «Соло»
1993

И(Фр)
Д 96

Перевод М. А. Нелюбиной

Художник К. Г. Авдеев

Дюма А.
Д 96 Робин Гуд: Роман./Пер. с фр. М. А. Нелюбиной.
Худож. К. Г. Авдеев.— Краснодар: изд-во «Соло» 1993.—
480 с.

ISBN 5-85892-028-4

Впервые для российского читателя — роман знаменитого французского писателя Александра Дюма об отважном и благородном разбойнике Робине Гуде, его возлюбленной Марианне, его заклятом враге бароне Фитц Олвайне, об их приключениях, поражениях и победах.

И(Фр)

ISBN 5-85892-028-4

© Краснодар, издательство «Соло»,
1993. Оформление
© Перевод М. А. Нелюбиной

ПРЕДИСЛОВИЕ

Робин Гуд, или Лесной Робин, как называют его французы, — любимейший персонаж английских народных баллад. Славу ему стяжали не только его удивительные подвиги, но и безудержная фантазия сказителей и поэтов. Он жил в XII веке, при Ричарде Львиное Сердце, отважном короле, завоевавшем себе почетное место в английской литературе.

Робин был атаманом одного из последних отрядов саксонских «партизан», вольных стрелков, которые не признавали власть норманнских завоевателей и жили отверженными изгнанниками в густых лесах, покрывавших в те времена почти весь английский остров. Там они и совершали свои славные подвиги. Норманнские бароны объявили Лесного Робина и его товарищей вне закона, а саксонские крестьяне боготворили их, как своих единственных бескорыстных защитников.

«Серьезные» архивы донесли до нас очень мало сведений о Лесном Робине. Мы можем привести здесь небольшой отрывок из старинной хроники: «В своих песнях и балладах барды воспевают подвиги знаменитого Роберта Года (таково было настоящее имя главаря саксонских вольных стрелков), ставшего разбойником после того, как король лишил его наследственных земель». Коротко и ясно: Роберт Год (Гуд) действительно жил на свете.

Старинные народные песни и баллады были основным источником, из которого черпал сведения о Лесном Робине известный французский историк Огюстен Тьерри. Он не только воссоздал биографию героя, но и попытался понять его бурную, полную приключений жизнь.

«Факты, описываемые в английской народной поэзии, часто противоречивы и не заслуживают доверия, но сколько в ней искренней и горячей симпатии к Лесному Робину и его товарищам, которые, вместо того чтобы гнуть спину на норманнских хозяев, свободные и веселые, живут в зеленом лесу.

Фамилия Гуд, несомненно, саксонского происхождения, и самые древние баллады свидетельствуют, что предками Робина были простые крестьяне. Несколько веков спустя, когда острота конфликта между победителями и побежденными сгладилась, деревенские барды одарили своего любимого героя богатством и знатностью. Одни пожаловали ему графский титул, другие сочинили трогательную историю о графской дочери, которая бежала от жестокого отца в лес и родила там сына. Этот последний вариант лег в основу множества изящных и по-настоящему поэтических баллад.

Никто не может достоверно засвидетельствовать, — продолжает историк, — что Робин Гуд был рожден на лесной поляне, среди цветущих лилий, но нет никакого сомнения, что всю свою жизнь он провел в зеленом

лесу в компании вольных стрелков, ненавидимый знатью и богатым духовенством, но боготворимый крестьянами и городской беднотой.

Вольные стрелки Робина Гуда защищали всех униженных и оскорбленных, делились с неимущими богатствами, отнятыми у тех, кто привык жить не посеяв, и были друзьями честных тружеников.

Добрый и бескорыстный, лучший стрелок из лука, Лесной Робин пользовался непререкаемым авторитетом у лесных братьев. Баллады знакомят нас также с Маленьким Джоном, первым помощником и верным товарищем по оружию Робина Гуда. Английские баллады и пословицы свидетельствуют, что они всегда были вместе, в горе и в радости. А еще был сын мельника Мач, старый Скатлок и веселый монах брат Тук, который сражался в монашеской рясе и из всех видов оружия предпочитал дубину.

Они любили жизнь и жили по своим честным законам, презирали богатство и делились имуществом с бедняками, жертвами грабежей завоевателей.

Враги богачей и власть имущих, они никогда не убивали людей, попадавших в их руки в честном бою, и проливали кровь только тогда, когда их собственной жизни грозила смертельная опасность. Они не щадили также агентов королевской полиции, королевских наместников, которых норманны называли виконтами, а англичане — шерифами.

«Хорошо натягивайте ваши луки и метко цельтесь», — говорил Робин Гуд своим вольным стрелкам. — И пусть будет проклят тот, кто пощадит шерифа и его сержантов!»

Все угнетенные народы едины в своей ненависти к захватчикам, хозяйничающим на их родной земле. Это естественный порядок вещей в человеческом обществе. Злейшим врагом Лесного Робина был ноттингемский шериф. Его подлость вызывала у главаря вольных стрелков ответную ненависть. Шериф назначил за голову Робина крупную денежную награду, но среди лесных жителей не нашлось ни одного предателя. Они проявляли чудеса находчивости и выручали своего безрассудно смелого товарища из смертельной опасности.

«Если потребуется, я, не задумываясь, отдам свою жизнь, чтобы спасти тебя», — сказала однажды Робину бедная крестьянка. — Разве я могу поступить иначе? Ведь ты и Маленький Джон кормите и защищаете меня и моих детей».

Мнение Огюстена Тьерри о Лесном Робине несколько отличается от мнения другого французского историка, Этьенна, который считает, что Робин Гуд был норманном, но по каким-то невыясненным причинам он покинул лагерь завоевателей и примкнул к саксонским лесным братьям.

«Он был одним из последних атаманов таинственных вольных стрелков, поселившихся в лесных дебрях после завоевания норманнами англо-саксонского королевства, и вел отчаянную борьбу с норманнской знатью и королевскими чиновниками, совершенно забыв, что он одной с ними крови. Его имя, быть может, затерлось бы в исторических анналах, если бы ему не посчастливилось жить в эпоху социальных потрясений, всколыхнувших все слои английского общества и позволивших многим выдающимся личностям выйти из тьмы забвения и, вмешавшись в события, оказать на их ход свое хорошее или плохое влияние.

Это была, несомненно, недюжинная, яркая личность. Он командовал большим отрядом отчаянных искателей приключений, безоговорочно признававших его нравственный авторитет. Его храбрость и упорство в достижении поставленных целей завоевали ему почетное место в памяти народа и в трудах историков.

Робин Гуд, — продолжает Этьенн, — мстит сильным мира сего за обиды, наносимые ими бесправной бедноте, побеждает сильного противника

благодаря хитрости, отнимает у богачей несправедливо нажитые богатства и щедро оделяет ими неимущих. Это сильная, необузданная натура. В те времена безраздельно царило право сильного. Сильных уважали, сильных боялись.

Свидетели неизменного торжества силы,— пишет в заключение Этьенн,— средневековые поэты создали оригинальный образ благородного странствующего рыцаря, бескорыстного защитника слабых, отважного борца за справедливость. Лесной Робин — это не что иное, как одно из воплощений короля Артура».

Итак, Лесной Робин, герой старинных баллад — это безрассудно храбрый удалец, меткий стрелок из лука, браконьер и мятежник. Он вооружен луком, мечом и кинжалом. С его пояса свисает рог, которым он сзывает своих товарищей. Одет он в куртку и капюшон из зеленого сукна.

Лесной Робин очень набожен. Вот что повествует об этом старинная баллада: «Робин Гуд — честнейший человек. Каждый день перед обедом он выслушивал три мессы: одну в честь Бога Отца, другую — в честь Святого Духа и третью — в честь Божьей Матери, которую он почитал больше, чем всех других святых. Она была для него идеалом женщины. Преклоняясь перед Божьей Матерью, он научился уважать всех женщин. Никогда он не причинял зла ни одной женщине».

Он до конца выстаивал церковные службы, даже если это грозило ему смертельной опасностью. Однажды во время мессы он чуть было не попал в руки ноттингемского шерифа. Легенда, повествующая об этом событии, рассказывает, что и в такой отчаянной ситуации счастье изменило Лесному Робину. Он не только вышел целым и невредимым из стычки с отрядом шерифа, но и захватил в плен королевского офицера.

Несмотря на свою истовую религиозность, Лесной Робин был грозой духовенства. Самой большой данью он облагал кюре и епископов.

«Сэр аббат, соблаговолите остановиться на минутку. Оделите милостивей бедных йоменов, живущих в этом зеленом лесу. Вы богаты, у вас есть церкви, монастыри, много золота, а мы неимущие»,— говорил веселый Робин, опустошая кошельки духовенства. Рыцари тоже не могли пожаловаться на его грубость. Встретив в лесу рыцаря, Робин приглашал его разделить с ним трапезу. Стоя под зеленым деревом был завален фазанами, кусками оленины, дикими утками. Вдоволь поев и выпив, рыцарь должен был оплатить свой обед. Бедных рыцарей лесные братья угощали бесплатно. А если Робину становилось известно, что его гость был обижен шерифом и горел желанием отомстить ему, он немедленно предлагал рыцарю свою помощь.

Укажем еще на одно противоречие в убеждениях Робина. Вражда с королевскими чиновниками, он оставался верным подданным монарха. «Наш король, наш милостивый король»,— часто повторял он.

Мы имеем поэтические свидетельства о дружбе атамана вольных стрелков с королем Англии. В благодарность за оказанную ему важную услугу монарх пожаловал Лесному Робину крупную сумму денег и пригласил его к своему двору. Через полтора года Робин израсходовал все деньги и вернулся в Шервудский лес к своим товарищам.

Память о Робине Гуде живет во многих названиях. В графстве Йорк есть залив Гуда. В том же графстве местные жители покажут вам источник, который они называют «Колодец Робина Гуда», и пригласят вас напиток из него.

«В течение всего XVII века,— пишет историк Тьерри,— бродячие певцы распевали на деревенских ярмарках и праздниках старинные бал-

лады о Робине Гуде и раздавали слушателям тексты этих баллад, отпечатанные готическим шрифтом. В XVIII веке книгоиздатели собрали эти тексты и издали несколько сборников баллад. Один из этих сборников, озаглавленный «Венок баллад о Робине Гуде», дошел до наших дней».

Многие писатели, поэты, киносценаристы избирали Робина Гуда героем своих произведений. Известный английский писатель Вальтер Скотт в нескольких своих романах, среди которых следует особенно отметить «Айвенго», создал удивительно привлекательные и колоритные образы народных заступников, свободолюбивых людей, не признававших никаких законов, кроме законов своей совести. Враги ненавидели их и называли бандитами, а друзья преданно любили, поддерживали и защищали их.

Диалогия Александра Дюма «Робин Гуд» состоит из двух романов: «Князь отверженных» и «Изгнанник Робин Гуд». Погони, западни, любовные и героические сцены и снова погони. Вы переживаете, плачете, радуетесь и не замечаете, как стремительно летит время. С сожалением переворачиваете последнюю страницу романа. Хвала Александру Дюма, великому рассказчику! «Все жанры хороши, кроме скучного» — это было его золотое правило.

КНЯЗЬ ОТВЕР- ЖЕННЫХ

ГЛАВА I

Это случилось в 1162 году, при короле Генрихе Втором.

В один ненастный вечер двое изнемогавших от усталости всадников в забрызганной грязью одежде ехали по узким тропинкам Шервудского леса.

Деревья, покрытые едва распустившейся нежной мартовской зеленью, гнулись под яростным напором по-зимнему холодного ветра. Туман сгущался, и пробивавшиеся сквозь него пурпурные лучи заходящего солнца гасли в тучах, обложивших весь горизонт. Вскоре совсем стемнело. На лес обрушились шквальные порывы ветра, предвещая грозу.

— Ритсон, — произнес старший из всадников, плотнее закутываясь в плащ, — ты слышишь, как надрывается ветер? Боюсь, как бы гроза не застгла нас в пути. А не заблудились ли мы?

— Нет, милорд, — ответил Ритсон. — Я прекрасно знаю дорогу. И, если память мне не изменяет, менее чем через час мы постучим в дверь дома лесничего.

В течение получаса они ехали молча.

— Да когда же наконец мы достигнем ночлега? — потеряв всякое терпение, вскричал всадник, которого его спутник почтительно назвал милордом.

— Через десять минут, сэр.

— Хорошо. А этот лесничий, человек по имени Хид, достоин ли он моего доверия?

— Вы вполне можете на него положиться, милорд. Хид — мой зять. Простой, неотесанный, но прямодушный и честный человек. Он почтительно выслушает сказку, выдуманную вашей светлостью, и поверит вам. Ложь ему незнакома. Даже подозрительность чужда его характеру... — Прервав на полуслове панегирик лесничему, Ритсон воскликнул: — Смотрите, милорд! Видите вдали огонек, освещающий стволы деревьев? Он светит из дома Джильберта Хиды. Сколько раз в молодости, возвращаясь усталым с охоты, я жадно

искал глазами эту путеводную звездочку и как радовался, увидев ее!

Ритсон, не отрываясь, с умилением смотрел на мерцавший вдали огонек, который навевал ему сладостные воспоминания о прошлом.

— Ребенок спит? — спросил рыцарь. Его мало интересовали переживания слуги.

— Да, милорд, — ответил Ритсон. Его лицо приняло выражение полного безразличия. — Крепко спит. Но, клянусь душой, никак не могу понять, зачем ваша светлость утруждает себя заботами о маленьком ничтожестве. Если вы хотите навсегда избавиться от этого младенца, не лучше ли было бы умертвить его ударом кинжала в сердце? Я в вашем распоряжении. Приказывайте. Пообещайте мне внести мое имя в ваше завещание, и наш маленький соня уже не проснется.

— Замолчи! — грубо прервал его рыцарь. — У меня и в мыслях нет лишать жизни это невинное существо. Я действительно опасаясь, что моя тайна может быть когда-нибудь раскрыта, но лучше жить в страхе, чем мучиться угрызениями совести за совершенное чудовищное преступление. Я надеюсь, я верю, что никто никогда не узнает тайну происхождения ребенка. Если же то, чего я так боюсь, случится, я обвиню в этом только тебя, Ритсон. И поэтому клянусь, что всю свою жизнь я буду внимательно следить за каждым твоим шагом. Ребенок, воспитанный в крестьянской семье, не будет страдать из-за своего низкого общественного положения. Он усвоит привычки и вкусы сословия, в среде которого вырастет, будет счастлив и никогда не узнает, что сегодня он потерял свое состояние и настоящее имя.

— Да свершится ваша воля, милорд! — сказал Ритсон. — И все-таки жизнь младенца не стоит тягот пути из Хантингдоншира в Ноттингемшир.

Через несколько минут всадники подъехали к домику, притаившемуся в лесной чаще, подобно гнезду птички.

— Эй! Хид! — радостно закричал Ритсон. — Эй! Открывай! Мы мокнем под дождем, а в твоём доме жарко пылают очаги! Отпирай дверь, приятель! Окажи нам гостеприимство и дай нам ночлег.

За дверью яростно лаяли собаки.

— Кто стучит? — послышался голос лесничего.

— Друг.

— Какой друг?

— Роланд Ритсон. Твой брат. Скорей отпирай дверь, дорогой Джильберт!

— Так это ты, Роланд Ритсон из Мансфельда?

— Да, да, я самый. Брат Маргариты,— ответил Ритсон.— Ну, теперь-то ты вступишь нас в дом?

Дверь распахнулась, и путники вошли в жилище.

Джильберт Хид сердечно пожал руку своему родственнику и, вежливо поприветствовав рыцаря, сказал:

— Добро пожаловать, мессир рыцарь. Не осуждайте меня за то, что я долго не впускал вас в свой дом. Я чту законы гостеприимства, но вынужден быть осторожным. Мы живем на отшибе, а лес кишит бродягами и разбойниками. От них не спасают ни сила, ни отвага. Простите же меня, благородный странник, и располагайтесь в моей лачуге, как в своем доме. Садитесь у огня, обсушитесь, а о ваших лошадях позаботятся. Эй, Линкольн! — громко позвал Джильберт, приоткрыв дверь в соседнюю комнату.— Поставь лошадей этих господ в сарай. Конюшня слишком мала, они в ней не поместятся. Да задай им вволю овса.

Вошел здоровенный крестьянин, одетый, как и лесничий, в кожаную куртку. Он пересек комнату и, не проявив ни малейшего интереса к гостям, даже не взглянув на них, вышел из дома. Молодая, не старше тридцати лет, красивая женщина подбежала к Ритсону, обняла его и подставила ему лоб для поцелуя.

— Дорогая Маргарита! Милая сестренка! — нежно говорил Ритсон, целуя женщину. Он оглядел ее с наивным восхищением, смешанным с удивлением.— Да ты совсем не изменилась. Твой лобик так же чист, глазки блестят, щечки и губки нежны, как и в те далекие времена, когда наш дорогой Джильберт еще только ухаживал за тобою.

— Это потому, что я счастлива,— ответила Маргарита, бросив нежный взгляд на мужа.

— Мы оба счастливы, Мэгги,— вмешался в разговор лесничий.— Благодаря твоему чудесному характеру в этом доме никогда не бывает ссор. Но мы совсем забыли о наших гостях. Снимайте ваши плащи, мессир рыцарь и вы, дорогой зять. Они промокли насквозь. Сейчас мы угостим вас ужином. Мэгги, подбрось в очаг вязанку хвороста, и еще одну. Подавай на стол все самое лучшее, что у нас есть, да застели постели белыми простынями. Не мешкай же.

Пока молодая женщина поворно выполняла распоряжения своего мужа, Ритсон снял плащ. На его левой руке мирно спал прелестный малыш, завернутый в женскую

накидку из синего кашемира. Ребенку было на вид не больше пятнадцати месяцев. Его круглое, свежее, румяное личико свидетельствовало о несокрушимом здоровье.

Ритсон заботливо поправил смятый чепчик на хорошенькой головке ребенка, подошел поближе к огню и тихо позвал сестру. Маргарита подбежала к нему.

— Мэгги, — обратился к ней брат, — у меня есть для тебя подарок. Ты не сможешь упрекнуть меня в том, что я вернулся после восьмилетнего отсутствия с пустыми руками. Вот, посмотри, что я тебе принес.

— Святая Мария! — воскликнула молодая женщина. — Святая Мария! Ребенок! Роланд, откуда у тебя этот ангелочек? Джильберт, Джильберт! Иди сюда скорее, посмотри на прелестное дитя.

— Ребенок? Ребенок на руках у Ритсона? — Джильберт не разделял восторга своей жены. Строго посмотрев на зятя, он спросил его: — Что же это такое, брат мой? Служа в солдатах, ты стал нянькой? Странная на тебя нашла фантазия — бегать по полям и лесам с ребенком под плащом! Что все это значит? Зачем вы сюда пришли? Откуда у тебя этот малютка? Рассказывай, но только честно. Я должен все знать.

— Это не мой ребенок, дорогой Джильберт. Он сирота, а мессир рыцарь — его опекун. Его светлость был хорошо знаком с родителями этого ангелочка. Да он сам тебе все расскажет. А пока, милая Мэгги, займись малюткой. Я уже устал быть его нянькой. Он мне руки оттянул.

Маргарита бережно взяла маленького соню, прижала его к груди, отнесла в свою комнату, положила на кровать, покрывая его личико и ручки поцелуями, закутала в свою праздничную теплую накидку.

Потом она вышла к гостям и пригласила их к накрытому столу. В конце ужина рыцарь, обратившись к лесничему, сказал:

— Я вижу, что мой малыш полюбился вашей очаровательной жене, и поэтому, отбросив последние сомнения, я хочу сделать вам предложение, касающееся его будущего. Но прежде позвольте мне рассказать вам о его родителях, о некоторых обстоятельствах его рождения и описать положение, в котором оказался этот несчастный сиротка. Его отец был моим самым лучшим другом. Наша молодость прошла в битвах с врагами королевства, и это нас сблизило. В начале царствования нашего славного государя Генриха Второго мы воевали в Нормандии, Аквитании, Пуату. Потом

судьба разлучила нас, и мы вновь встретились в Уэльсе спустя много лет. Еще во Франции мой друг безумно влюбился в девушку, женился на ней, привез ее в Англию и ввел в свою семью. Но его родственники, гордые потомки королей, были насквозь пропитаны глупыми предрассудками. Они отвернулись от молодой женщины только потому, что она происходила из бедной, незнатной семьи. Ее единственным богатством была искренняя, горячая любовь к мужу. Она не смогла перенести это оскорбление и умерла через восемь дней после рождения ребенка. Малютка осталась круглым сиротой. Его отец, мой несчастный друг, был смертельно ранен в Нормандии десять месяцев назад. Перед смертью он думал только о своем сыне. Призвав меня к себе, он дал адрес кормилицы, у которой воспитывался ребенок, и умолил меня стать опорой и защитой осиротевшему малышу. Я поклялся ему в этом и сдержу свое слово. Но, господин Джильберт, жизнь воина проходит среди битв и тягот гарнизонной жизни. Разве можно подвергать такому риску жизнь хрупкого существа? У меня нет ни родных, ни друзей, в руки которых я мог бы безбоязненно передать судьбу моего воспитанника. Я не знал, к какому святому взывать о помощи, и тут мне пришла мысль посоветоваться с вашим зятем Роландом Ритсоном. Он сразу же вспомнил о вас. С его слов я узнал, что вы женаты уже восемь лет, но так и не стали счастливым отцом. Он сказал, что вы, возможно, согласитесь, разумеется за хорошую плату, приютить в вашей семье обездоленного сироту, сына храброго рыцаря. И если Бог дарует мальчику здоровье и долгую жизнь, он станет мне опорой в старости. Когда он подрастет, я поведаю ему печальную повесть о его отважном отце, научу его ничего не бояться и смело идти по дорогам жизни. Воспитайте малыша, как собственного сына, а я со своей стороны обязуюсь оплачивать вам все расходы на его содержание. Отвечайте же, господин Джильберт, принимаете ли вы мое предложение?

С мучительным беспокойством ожидал рыцарь решения судьбы ребенка. Прежде чем дать окончательный ответ, лесничий вопросительно посмотрел на свою жену, но красавица Маргарита, повернув голову к двери соседней комнаты, с улыбкой прислушивалась к сонному дыханию малыша.

Ритсон краем глаза, украдкой, наблюдал за выражением лиц сестры и зятя. «Маргарита несомненно согласится приютить в своем доме сироту, несмотря на колебания мужа», — подумал он и решительно сказал:

— Веселый смех этого мальчика принесет счастье в твой дом, дорогая моя Мэгги. И, клянусь святым Петром, он будет сопровождаться звоном золотых монет, которые каждый год ты будешь получать от его светлости. Ах! Я уже вижу, как ты, богатая и счастливая, сияющая от гордости, идешь на деревенский праздник, ведя за ручку хорошенького, одетого, как принц, малыша, а он смеется и называет тебя мамой.

Маргарита ничего не ответила. Она с блаженной улыбкой смотрела на мужа. Молчание Джильберта было неправильно истолковано рыцарем.

— Вы все еще колеблетесь, господин Джильберт? — спросил он, нахмурив брови.— Чем вам не нравится мое предложение?

— Прошу прощения, мессир. Мы с удовольствием приютим у себя мальчика, если только моя дорогая Мэгги не будет возражать. Говори же, женушка. Как ты скажешь, так мы и поступим.

— Рыцарь прав,— ответила молодая женщина.— Он воин, и у него нет времени воспитывать самому маленького ребенка. Я заменю сироте мать.— И, обратившись к рыцарю, она добавила: — Если когда-нибудь вы захотите забрать своего приемного сына, мы безропотно вернем его вам. Это будет для меня огромным горем, но я постараюсь утешиться. В вашем замке он будет счастливее, чем в нашей бедной хижине.

— Как видите, мессир рыцарь, моя жена принимает ваше предложение. Я же со своей стороны клянусь заменить мальчику отца. Вот залог того, что я не бросаю свои слова на ветер,— сказал Джильберт.

И, вынув из-за пояса перчатку, он бросил ее на стол.

— Доверие за доверие, перчатку за перчатку! — воскликнул рыцарь и тоже бросил перчатку на стол.— Теперь нам осталось только договориться о деньгах, которые я буду вам выплачивать на содержание мальчика. Вот, возьмите,— он протянул лесничему маленький кожаный мешочек с золотыми монетами.— Каждый год вы будете получать от меня такую же сумму.

— Оставьте у себя ваше золото, мессир! — с негодованием сказал Джильберт.— Нежность и хлеб Маргариты не продаются.

Большого труда стоило рыцарю уговорить лесничего принять деньги. По совету Маргариты они пришли к соглашению, что золото, которое рыцарь обязуется ежегодно вы-

плачивать Джильберту на содержание ребенка, будет храниться в надежном месте и его передадут сироте в день совершеннолетия.

Ранним утром Джильберт был уже на ногах. С невольной завистью разглядывал он лошадей рыцаря, стоявших в сарае. Линкольн старательно чистил их.

— Какие великолепные животные, — сказал лесничий своему слуге. — Ни за что не поверишь, что они целых двое суток прошли рысью. Клянусь святой мессой! Только принцы могут себе позволить покупать таких скакунов. Они стоят огромных денег — несравненно дороже, чем наши лошадки. Ах, я совсем забыл о них. Пойду задам им овса. — С этими словами Джильберт вошел в конюшню. Конюшня была пуста.

— Эй, Линкольн! Где наши лошади? На пастбище?

— Нет, хозяин.

— Интересно, — прошептал Джильберт и, охваченный каким-то странным беспокойством, бросился в комнату, в которой ночевал Ритсон. Никого. «Может быть, он у своего хозяина?» — подумал лесничий, направляясь в комнату рыцаря. Но и там никого не было. В дверях он столкнулся с Маргаритой.

— Жена! — вскричал Джильберт. — Наши лошади пропали!

— Не может быть!

— Мне кажется, что рыцарь и твой брат уехали на наших лошадях, а нам взамен оставили своих.

— Но почему они уехали, не попрощавшись с нами?

— Понятия не имею.

— Они, возможно, не хотели, чтобы мы видели, в какую сторону они направились.

— Может быть, им надо было скрыть какой-то свой неблагоприятный поступок?

— Они не предупредили нас, что хотят заменить своих загнанных лошадей на наших свежих.

— Ты не права. Глядя на их лошадей, можно подумать, что они целую неделю не покидали конюшню. Столько в них силы и свежести.

— Не будем больше об этом думать. Лучше посмотри на мальчика. Какой же он хорошенький! Какая у него чудесная улыбка! Поцелуй его.

— Обменяв своих дорогих лошадей на наших кляч, этот незнакомый рыцарь отблагодарил нас за то, что мы согласились приютить малыша.

— Но, опасаясь, что мы не захотим принять от него такой драгоценный подарок, он покинул наш дом ночью, пока мы спали.

— Благодарю его от всего сердца за этих чудных лошадей. Но почему наш брат Ритсон не захотел погостить у нас?

— Роланд избегает нас после смерти твоей несчастной сестры Аннеты, своей невесты. Он очень переживает, глядя на наше семейное счастье.

— Ты права, Мэгги,— тяжело вздохнув, сказал Джильберт.

— Рыцарь поставил нас в очень трудное положение, не сообщив нам своего имени,— проговорила Маргарита.— Как мы сможем известить его, если ребенок заболит? Он даже не сказал нам, как зовут малыша.

— Ну что ж, Маргарита. Выбери сама ему имя.

— Имя мальчику должен выбрать мужчина, Джильберт.

— Хорошо. Я назову его именем моего горячо любимого брата. Думая об Аннете, я всегда вспоминаю нашего несчастного Робина.

— Ну, вот мы и нарекли младенца Робинот. Будь же счастлив, наш милый Робин! — воскликнула Маргарита, покрывая поцелуями личико малыша, а он доверчиво улыбался ей.

Так сирота получил имя Робин Хид. Через много лет по неизвестной причине слово Хид было изменено на Гуд. Робин Гуд. Под этим славным именем наш знакомец навсегда остался в народной памяти.

Г Л А В А П

Прошло пятнадцать лет. Мир и счастье безраздельно царили под крышей дома лесничего. Сирота рос горячо любимым сыном Маргариты и Джильберта Хид.

В одно прекрасное июньское утро пожилой зажиточный крестьянин ехал верхом на крепком, сытом муле по дороге, ведущей через Шервудский лес в живописную деревню Мансфельдвудхауз.

На небе не было ни одного облачка. Золотисто-розовые лучи восходящего солнца ярко освещали бескрайние леса и луга. Легкий утренний ветерок был напоен благоуханием листвы дубов, трав и цветов. Россыпями алмазов сверкала

роса на мхах, травинках, лепестках цветов. Звонко щебетали птицы, перелетая с ветки на ветку. Из лесных чащоб слышались призывные крики оленей. Повсюду пробуждалась жизнь, бесследно рассеивались последние ночные туманы.

На лице путника цвела счастливая, умиротворенная улыбка, навеянная этим сияющим, благоуханным утром. Он дышал полной грудью и сильным, звонким голосом распевал старинную саксонскую песню, в которой звучал призыв уничтожать тиранов.

Внезапно мимо его уха просвистела стрела. Со звоном вонзилась она в ствол старого дуба, росшего на краю дороги.

Крестьянин, скорее удивленный, чем испуганный, соскочил со своего мула, спрятался за деревом, снял с плеча лук, вложил в него стрелу, натянул тетиву и приготовился дорого продать свою жизнь. Немного успокоившись, он внимательно осмотрел дорогу из конца в конец, обшарил взглядом деревья и кустарники, окружавшие место, где он притаился, прислушался к лесным шорохам. Ничего подозрительного, лес хранил тайну неожиданного нападения.

Быть может, это неловкий охотник чуть не убил нашего неосторожного путника? Но в таком случае были бы слышны его шаги, лай собак, а чудом спасшийся олень перебежал бы через дорогу.

А может быть, эту стрелу выпустил один из тех разбойников, которыми кишат леса графства? Они убивают и грабят, обирают до нитки несчастных путников, рискнувших войти в лес. Но с лесничим живут в мире. Они знают, что он не богат, никогда не преследует их, никому не отказывает в куске хлеба и кружке эля. На двадцать миль вокруг не было человека, который осмелился бы поднять руку на лесничего.

Так кто же тогда выпустил стрелу, чуть было не поразившую его насмерть?

Насмерть! Стрела пролетела так близко от его виска, что срезала небольшую прядь волос.

Он лихорадочно обдумывал положение, в котором так неожиданно оказался: «Если бы мне действительно угрожала смертельная опасность, это было бы видно по поведению моего мула. А он совершенно спокоен, как будто стоит в своей конюшне, и мирно щиплет листву. Но все равно незачем ему оставаться здесь. Он может навести на меня невидимого стрелка, если тот в самом деле вознамерился меня убить. Эй, мул! Рысью! Рысью!»

И он тихо свистнул. Умное животное, приученное понимать условные приказы хозяина и немедленно выполнять их, насторожилось, посмотрело круглыми блестящими глазами на дерево, за которым спрятался лесничий, ответило ему коротким ржанием и побежало рысью. В течение четверти часа лесничий оставался настороже, ожидая нового нападения. Ничто не нарушало спокойствия, царившего в лесу.

«Попробуем схитрить», — подумал он, потеряв терпение.

По направлению оперения стрелы, вонзившейся в ствол дерева, он определил место, где мог засесть его противник, и метнул туда дротик, надеясь этим испугать злоумышленника или спровоцировать его на ответное действие и тем самым заставить выдать себя. Дротик пролетел несколько метров и вонзился в кору дерева. Второй дротик, возможно, и достиг бы цели, но его полет был внезапно прерван. Стрела, выпущенная из невидимого лука, ударилась о летевший дротик почти под прямым углом и сбила его. Он упал на дорогу. Этот выстрел был таким быстрым и неожиданным, он свидетельствовал о таком удивительном глазомере и неподражаемом мастерстве стрелка, что лесничий, совершенно забыв о грозившей его жизни опасности, стремительно выскочил из своего укрытия.

— Какой выстрел! Какой необыкновенный выстрел! — воскликнул он, пытаясь разглядеть в зарослях таинственного лучника.

В ответ на его восхищенные восклицания кто-то весело засмеялся, и серебристый молодой голос, нежный, как голос женщины, запел:

В лесах живут олени, а на опушках растут цветы.
Добрый путник, не убивай оленей и не рви цветы.
Пойдем со мной, мой любимый, мой дорогой Робин Гуд.
Я знаю, что ты любишь подстрелить оленя
И сплести венок из полевых цветов,
Но забудь на сегодня об охоте и не рви цветы,
Пойдем со мной, мой любимый, мой дорогой Робин Гуд.

— Ах! Так вот кто поет! Мой Робин, бесовестный Робин Гуд! Иди-ка сюда, мальчишка. Да как ты осмелился стрелять из лука в своего отца? Клянусь святым Дунстаном, я уже подумал, что разбойники, неизвестно за какие мои грехи перед ними, решили отправить меня к праотцам. Злой, нехороший ребенок, разве можно целиться в сидящую голову своего отца? Ах, вот где ты, шалун! — Добрый старик был не на шутку взволнован. Успокоившись, он

сказал: — А ту песню, которую ты распевал, я сложил для моего брата Робина в те далекие времена, когда он ухаживал за хорошенькой Мэй, своей невестой.

— В чем дело, батюшка? Разве моя стрела, просвистев мимо вашего уха, ранила вас? — спросил из зарослей юношеский голос и снова запел:

Не видно ни облачка на бледно-золотом лике луны,
Не слышно ни шороха в долине,
Только где-то далеко нежно звонит монастырский колокол.
Пойдем со мной, мой любимый, пойдем со мной,
Мой дорогой Робин Гуд.
Пойдем со мной в веселый Шервудский лес,
Там под деревом мы произнесем наши первые клятвы верности.
Пойдем со мной, мой любимый, мой дорогой Робин Гуд.

Не успело замолкнуть эхо, разнесшее по лесу этот нежный припев, как из зарослей выскочил юноша и, подбежав к старику, в котором наш читатель уже давно узнал славного Джильберта Хида, почтительно остановился перед ним. На лице юноши играла веселая улыбка. Он выглядел двадцатилетним, хотя на самом деле ему шел семнадцатый год. Густые, черные, слегка вьющиеся волосы красиво обрамляли его белый как снег лоб. Из-под полуприкрытых век смотрели сияющие темно-синие глаза, опущенные длинными густыми ресницами, которые отбрасывали тень на румяные щеки. В этих прекрасных глазах, как в зеркале, отражалась чистая душа подростка, его чувства, его мысли, его взгляд на мир. Отвага и недетская энергия сквозили в каждой черточке красивого, но еще не сформировавшегося лица Робина. В его нежной, благородной красоте не было ничего женственного. Коралловые губы сложились в изящную улыбку, приоткрывшую жемчужные зубы. Но это была улыбка мужчины с твердым, непреклонным характером.

Летний загар уже позолотил его лицо и шею, но из-под воротника куртки виднелась белая атласная кожа.

На нем была куртка из зеленого линкольнского сукна, стянутая на талии поясом, короткие штаны из оленьей кожи, саксонские башмаки, завязанные на щиколотках узкими ремешками. К поясу были привязаны маленький рог и охотничий нож. В одной руке Робин держал лук, а в другой — шапку, украшенную пером цапли. Эта простая крестьянская одежда очень шла подростку и несколько не портила его благородной красоты.

— А что было бы, если бы твоя стрела расколола мой череп? — выговаривал старик подростку, стараясь придать

своему голосу отцовскую строгость.— Такие шалости до добра не доводят, сэр Робин. Ты мог убить меня или ранить, и в этом нет ничего смешного.

— Простите меня, батюшка. У меня и в мыслях не было сделать вам больно.

— Я охотно верю тебе, дорогой мой мальчик. Но такое могло случиться. Если бы мой мул отклонился чуть влево или вправо от своего пути, если бы я повернул голову, если бы тебе изменил глазомер или дрогнула рука, меня бы уже не было в живых.

— Но моя рука не дрогнула, а глазомер у меня отличный. Простите меня, батюшка, за эту глупую шалость и не обижайтесь больше на своего легкомысленного сына.

— От всего сердца прощаю тебя, сынок. Но запомни слова Эзопа, басни которого ты учил у нашего капеллана. Он говорил, что самое подлое развлечение — это играть с жизнью другого человека.

— Вы правы, батюшка,— сказал Робин. В его голосе звучало искреннее раскаяние.— Заклинаю вас, забудьте мой необдуманный поступок, мою глупость, мою гордыню...

— Твою гордыню? — прервал его старик.

— Да, гордыню. Не вы ли мне вчера вечером сказали, что я не смогу выпустить стрелу так, чтобы она на лету срезала несколько волосков на ухе косули, испугала ее, но не ранила. Ну, вот я и решил доказать вам, что стал хорошим стрелком из лука.

— Нечего сказать, хороший способ показывать свое мастерство! Но не будем больше вспоминать об этом, сынок. Я простил и не таю на тебя обиду. Только обещай мне, что ты никогда больше не примешь меня за оленя.

— Никогда, батюшка, никогда! — горячо воскликнул мальчик.— Пусть я шалун, бездельник, шутник, но я никогда больше не позволю себе чем-либо огорчить вас. В моем сердце вы заслужили самую горячую любовь и искреннее уважение. Один волосок на вашей голове дороже для меня всего Шервудского леса.

И он протянул отцу правую руку. Старик взволнованно схватил ее и крепко пожал.

— Золотое сердечко! — проговорил он.— Пусть Бог вознаградит тебя мудростью.— И тут прорвалась его наивная гордость, которую он с трудом сдерживал, пока журил легкомысленного стрелка из лука.— Подумать только, какого замечательного ученика я воспитал! Да, это я, Джильтберт Хид, первым показал тебе, как надо натягивать лук

и выпускать из него стрелу! Ученик оказался достойным своего учителя, и если он и дальше будет совершенствоваться, то скоро станет самым метким стрелком из лука в нашем графстве, а может быть, и во всей Англии.

— Пусть отсохнет моя правая рука, пусть ни одна из моих стрел не попадет в цель, если я когда-нибудь забуду, чем обязан вам, батюшка!

— Дитя мое, ты уже знаешь, что я тебе неродной отец. Мы с тобой связаны только узами сердца.

— Не будем говорить, батюшка, о естественных родительских правах, которых вас лишила природа. За эти пятнадцать лет вы честно заслужили их самоотверженными заботами обо мне.

— Нам нужно серьезно поговорить, — сказал Джильберт. Он вновь пустился в путь в сопровождении Робина, ведя под уздцы мула, которого подозвал к себе свистом. — Какое-то предчувствие говорит мне, что нас ожидают большие несчастья.

— Что вы говорите, батюшка!

— Ты уже вырос. Бог дал тебе силу и отвагу. Но твое будущее неясно. Оно мне представлялось совсем другим, когда маленьким, слабым ребенком, капризничая и смеясь, ты рос на коленях у Маргариты.

— Какое это имеет значение? У меня только одно желание. Я хочу, чтобы будущее ничем не отличалось от прошлого и настоящего.

— Мы с Маргаритой спокойно умерли бы, если бы наконец раскрылась тайна твоего рождения.

— Вы так больше и не увидели славного рыцаря, поручившего меня вашим заботам?

— Нет. Только один раз я получил от него весточку.

— Быть может, он погиб в сражении?

— Кто знает? Через год после того, как он привез тебя к нам, мы получили от него кошелек с золотом и пергамент, запечатанный восковой печатью. Герба на печати не было. Я отнес пергамент своему исповеднику. Он распечатал его и прочитал послание. Я запомнил это послание слово в слово: «Джильберт Хид, двенадцать месяцев назад я отдал тебе на воспитание ребенка и обязался ежегодно выплачивать тебе оговоренную между нами сумму на его содержание. К этому посланию приложены деньги. Я покидаю Англию и не знаю, когда вернусь. Поэтому я принял меры, чтобы ты мог каждый год получать причитающуюся тебе сумму. Эти деньги тебе будет выплачивать ноттингемский шериф.

Воспитывай мальчика, как собственного сына. По возвращении в Англию я приду к тебе и заберу его». Ни подписи, ни печати. Откуда было отправлено это послание? Не знаю. Ничего мы не смогли узнать и у человека, который принес нам деньги и пергамент. Он умел хранить тайны своего хозяина. Я часто рассказывал тебе историю твоего рождения и смерти твоих родителей. Ее я услышал от рыцаря, чьего имени мы так и не узнали. Это все, что мне известно о твоём происхождении, а шериф, выплачивающий мне деньги на твое содержание, тоже умеет держать язык за зубами. Если твой опекун призовет тебя к себе, мы с моей дорогой Маргаритой утешимся, уверенные, что ты наконец обрел богатство и знатное имя, принадлежащие тебе по праву рождения. Если же мы умрем до того, как это случится, страшные переживания омрачат наши последние часы на белом свете.

— Какие переживания, батюшка?

— Мысли о том, что ты остаешься одиноким в этом мире, никому не нужным, незащищенным. Ведь тебе же еще далеко до совершеннолетия.

— Вы с матушкой здоровы и долго проживете.

— Это ведаёт только Бог.

— Бог не допустит, чтобы вы умерли так рано.

— Да свершится Его воля. На всякий случай знай, дитя мое, что ты единственный наш наследник. Хижина, где ты вырос, и окружающие ее раскорчеванные земли принадлежат тебе. Вместе с деньгами, которые мы скопили за пятнадцать лет, это составит значительный капитал, и ты сможешь безбедно прожить всю жизнь. Разумеется, если будешь благоразумен. Страшное несчастье постигло тебя в самом начале жизни, и мы, твои приемные родители, сделали все, чтобы ты не чувствовал себя отверженным. Люби нас, это будет нам самая лучшая награда в жизни.

Мальчик растрогался, крупные слезы потекли из его глаз, но он постарался взять себя в руки, чтобы еще больше не разволновать старика. Он вытер слезы и весело воскликнул:

— Не будем, батюшка, больше говорить о грустном. Мысль о неизбежной разлуке, какой бы отдаленной она ни была, терзает мою душу, я становлюсь слабым, как женщина, а слабость не украшает мужчину (он уже считал себя мужчиной). Я не сомневаюсь, что в один прекрасный день раскроется тайна моего происхождения. Но сделает ли это меня счастливее? Буду ли я и тогда так же спокойно

спать и весело пробуждаться, как теперь? Пусть я не знаю свое настоящее имя, знатное оно или простонародное, но я отлично знаю, кем я хочу стать — самым метким из всех стрелков из лука, которые когда-либо охотились на оленей в нашем веселом Шервудском лесу.

— Вы уже стали им, сэръ Робин, — с гордостью сказал Джильберт. — Разве не я был вашим учителем? Ну, а теперь в дорогу, Джип, мой дорогой мул, — проговорил он, садясь в седло. — Я должен съездить в Мансфельдвудхауз и засветло вернуться. Иначе моя Мэгги будет недовольна. А ты, сынок, упражняйся в стрельбе из лука, чтобы быть таким же метким, каким был я, Джильберт Хид, в лучшие годы моей жизни. Ну, пока.

В течение получаса Робин развлекался, сбивая стрелами листья, росшие на верхушках самых высоких деревьев. Потом это занятие ему наскучило, и он растянулся на траве в тени больших деревьев. Во всех подробностях вспомнился ему недавний разговор с приемным отцом. Окружающий мир был совсем незнаком Робину. В доме лесничего ему было хорошо и тепло, его любили, о нем заботились. Охота на дичь в Шервудском лесу была для него верхом счастья, и поэтому он мало задумывался о своем будущем и о своем происхождении. Для него не имело никакого значения, был ли он знатным бароном или простолюдином.

Размышления нашего юного стрелка были нарушены какими-то шорохами и хрустом веток в соседних кустарниках. Он поднял голову и увидел испуганного оленя, который выскочил из зарослей, быстро пересек поляну и исчез в лесной чащобе.

Натянуть лук и броситься вслед за убежавшим животным — вот было первое желание Робина. Но осторожность взяла верх. Он сдержал свой порыв и, не покидая укрытия, внимательно осмотрелся. Невдалеке, за холмиком, господствовавшим над дорогой, затаился какой-то человек. Вложив стрелу в лук, он кого-то стерег. Вся дорога была перед ним как на ладони.

Своей одеждой и повадками этот человек ничем не отличался от мирных лесных жителей. Опытный охотник, выжидающий в засаде дичь. Но если он был действительно охотником, почему же не погнался за скрывшимся в лесной чаще оленем? Он даже не обратил на него никакого внимания. Неужели это убийца, ожидающий в засаде свою жертву?

Робин понял, что готовится преступление, и решил воспрепятствовать ему. Он спрятался за толстыми стволами

буков и внимательно следил за каждым движением незнакомца. Не выходя из своей засады за холмиком, этот человек повернулся к Робину спиной и, таким образом, оказался между ним и дорогой.

Внезапно незнакомец пустил стрелу в сторону дороги. Он приподнялся, как будто хотел броситься в том направлении, куда улетела его стрела, но остановился, энергично выругался и вложил в лук другую стрелу.

Эта стрела, видно, тоже не попала в цель, так как стрелок снова выругался.

«Интересно, кого он стреляет? — подумал Робин.— Быть может, он «причесывает» кого-то из своих друзей, как я сегодня утром старого Джильберта? Эта игра не из легких. Но я никого не вижу, зато он видит и вот приготовил третью стрелу».

Робин уже хотел выйти из своего укрытия, чтобы познакомиться с этим стрелком-мазилой, как вдруг, отклонив нечаянно ветку бука, он увидел рыцаря и молодую даму, остановившихся в конце тропинки, там, где дорога в Мансфельдвудхауз образует изгиб. Они были очень обеспокоены и не знали, что делать: повернуть назад или же ехать вперед, навстречу опасности. Предчувствуя беду, их лошади храпели. Рыцарь внимательно осматривался, пытаясь обнаружить врага, чтобы обезвредить его.

Вдруг молодая девушка пронзительно вскрикнула и потеряла сознание: стрела вонзилась в луку ее седла.

Не было никакого сомнения, что убийца, стрелявший из засады, был жалким трусом.

Возмущенный Робин выхватил из своего колчана самую острую стрелу, вложил ее в лук и выстрелил. Его стрела пригвоздила левую руку бандита к деревянной части его лука.

Взвыв от злости и боли, убийца завертел головой по сторонам: он искал того, кто помешал ему расправиться с рыцарем и его спутницей, но никого не увидел. Наш юный лучник стоял за стволом бука, его одежда сливалась с листвой. Он мог бы убить бандита, но удовольствовался тем, что примерно наказал его и обезвредил. Следующей стрелой Робин сорвал шапку с головы бандита.

Ужас охватил убийцу. Он выпрямился, затопал ногами, громко застонал от боли, прижал раненую руку к груди здоровой рукой, завертелся на месте. Его обезумевшие глаза искали противника. Так никого и не обнаружив, он в страхе убежал, крича:

— Это дьявол! Дьявол! Дьявол!

Робин приветствовал позорное бегство бандита веселым смехом и послал ему вдогонку последнюю стрелу, которая значительно ускорила его бег: впоследствии он долго бы не смог сидеть.

Как только опасность миновала, Робин вышел из своего укрытия и, приняв небрежную позу, прислонился к стволу дуба, росшего на краю тропинки. Он приготовился поздравить спасенных им людей с благополучным избавлением от грозившей опасности, как вдруг, заметив его, молодая дама закричала от испуга, а рыцарь с мечом в руке одним прыжком оказался рядом с ним.

— Эй! Мессир рыцарь! — воскликнул Робин. — Умерьте вашу ярость. Стрелы, которыми пытались вас убить, были не из моего колчана.

— Ах, вот ты где, негодяй! Вот ты где! — повторял рыцарь, охваченный страшным гневом.

— Я не убийца! Вы мне обязаны своими жизнями!

— А где же убийца? Говори, а не то я проломлю тебе голову!

— Если вы хотите знать, что стало с убийцей, выслушайте меня, я вам все расскажу, — холодно ответил Робин. — И забудьте о своем намерении проломить мне голову. Видите эту стрелу, мессир? Ее острие направлено в вашу сторону. Она пронзит ваше сердце прежде, чем ваш меч коснется моего тела. Я предупредил вас. А теперь давайте мирно поговорим.

— Я слушаю тебя, — проговорил рыцарь. Хладнокровие Робина почти успокоило его.

— Я лежал на траве под этими буками. Вдруг мимо меня пробежал олень. Я хотел было броситься в погоню за ним, но неожиданно увидел незнакомого человека. Спрятавшись за тем холмиком, он стрелял из лука по какой-то невидимой мне цели. Я потерял всякий интерес к оленю, укрылся за деревьями и стал наблюдать за подозрительным стрелком. Вскоре я обнаружил, куда направлял этот негодяй свои стрелы. В вашу прекрасную даму. В Шервудском лесу я пользуюсь славой самого меткого стрелка из лука. Я захотел упрочить эту славу в своих собственных глазах и при этом позабавиться. Первой стрелой я пригвоздил руку бандита к его собственному луку. Вторая стрела сорвала с его головы шапку, она валяется где-то здесь. А моя третья стрела обратила убийцу в бегство. Он и сейчас бежит... Вот и все.

Рыцарь продолжал стоять в угрожающей позе, держа меч над головой. Он не знал, верить или не верить словам мальчика.

— Да посмотрите на меня, мессир! — воскликнул Робин.— Разве я похож на злоумышленника?

— Да, в самом деле, ты несколько не похож на разбойника, дитя мое,— сказал наконец рыцарь, внимательно оглядев Робина. Высокий лоб, спокойное лицо, на котором лежала печать одухотворенности, глаза, горевшие отвагой, гордая улыбка на губах — все в этом благородном подростке внушало доверие.

— Скажи мне, как тебя зовут, и проводи нас, пожалуйста, в спокойное место, где мы могли бы отдохнуть и покормить наших усталых лошадей,— попросил рыцарь.

— С удовольствием. Пойдемте со мной.

— Прими в благодарность мой кошелек, а если тебе этого покажется мало, пусть Бог вознаградит тебя за наше спасение.

— Мне не нужно ваше золото, мессир рыцарь. Я не нуждаюсь в нем. Зовут меня Робин Гуд. Я живу с отцом и матерью в двух милях отсюда, на опушке леса. Пойдемте со мной. В нашем домике вы найдете сердечное гостеприимство.

Стоявшая до сих пор в стороне молодая дама подошла к своему спутнику, и Робин увидел ее полные жизни огромные черные глаза, сверкавшие из-под шелкового капюшона. Пораженный божественной красотой дамы, юноша стоял перед ней, склонившись в вежливом поклоне, и тихонько разглядывал ее.

— Можем ли мы доверять словам этого молодого человека? — спросила дама у рыцаря.

Робин гордо поднял голову и воскликнул:

— Если вы еще сомневаетесь, значит, на земле не осталось больше места для правды и чести!

Рыцарь и его спутница улыбнулись. Отбросив все сомнения, они полностью доверились Робину.

Г Л А В А III

Маленький караван медленно продвигался вперед. Все молчали, погруженные в свои думы. Рыцарь и девушка вспоминали об опасности, грозившей им гибелью, а в голове нашего юного стрелка из лука роились неведомые ему

доселе мысли: первый раз в жизни его взволновала женская красота.

Гордый по природе, он хотел, чтобы люди, обязанные ему жизнью, относились к нему с искренним уважением.

Как заправский проводник, он шел во главе каравана, стараясь придать своим движениям достоинство и суровость. Он догадывался, что эти скромно одетые и путешествовавшие без свиты люди принадлежали к высшей знати, но в Шервудском лесу он считал себя равным им, а перед лицом опасности даже обнаружил свое превосходство.

Пределом честолюбивых стремлений Робина было прослыть метким стрелком из лука и бывалым жителем лесов. Он уже доказал, что достоин первого звания, но никто не принимал всерьез его претензии на второе: уж слишком он был молод.

Природа одарила Робина не только прекрасной внешностью, но и чарующим, мелодичным голосом. Он это знал и с утра до вечера распевал, как жаворонок, веселые песенки. И сейчас, вспомнив об этом своем таланте, он поспешил ознакомить с ним спутников. Но, пропев несколько нот своей любимой баллады, он вдруг почувствовал, как сильное волнение парализовало его голос, губы задрожали и сами закрылись. Он снова попробовал запеть, снова волнение сжало горло, и, тяжело вздохнув, мальчик замолк.

Это волнение, эта робость были первыми вестниками зарождавшейся в его сердце любви. Прекрасная незнакомка, ехавшая верхом следом за ним, уже безраздельно царила в его душе, и он перезабыл свои песни, грезя о ее черных глазах.

Очень скоро ему стала понятна причина охвативших его необычных переживаний. Он снова обрел свое хладнокровие и подумал: «Терпение. Скоро я увижу ее без капюшона».

Рыцарь с неподдельным интересом расспрашивал Робина о его жизни, привычках, вкусах, занятиях, но мальчик ограничивался короткими ответами. Он вышел из задумчивости, только когда рыцарь больно затронул его самолюбие.

— А ты не боишься, что негодяй вернется и отомстит тебе за свое сегодняшнее поражение? Не боишься ли ты, что тебе могут изменить меткость и отвага?

— Ваше последнее предположение оскорбительно, мессир. Это никак не возможно.

— Невозможно?

— Да. Потому что этого никогда не было!

И рыцарь поверил Робину: столько было в ответах подростка благородной уверенности в своих силах. Потом он спросил:

— А смог бы ты поразить цель в пятидесяти шагах так же метко, как в пятнадцати?

— Разумеется. Но, — со смехом прибавил мальчик, — вы ведь не считаете чем-то выдающимся взбучку, которую я задал сегодня тому негодяю?

— Почему?

— Это забавный пустяк. Он ничего не доказывает.

— Ты можешь дать нам еще лучшее доказательство своей ловкости?

— При первой же возможности.

Дальше они ехали молча. Наконец заросли кончились, и перед ними открылась огромная зеленая поляна, перерезанная наискось дорогой. В это мгновение крупная хищная птица стремительно взмыла в небо, а маленький испуганный олененок выскочил из лесной чащи и побежал через поляну.

— Внимание! — вскричал Робин. Он быстро вынул из колчана две стрелы, одну зажал в зубах, а другую вложил в лук. — Какую вы дичь любите, пернатую или покрытую шерстью?

Но не успел рыцарь что-либо ответить, как смертельно раненный олененок забился в судорогах, а пернатый хищник камнем упал на поляну.

— Раз вы не выбрали то, что вам по вкусу, когда они были живы, придется выбирать, когда вам их подадут жареными на обед.

— Какая меткость! — воскликнул рыцарь.

— Никогда не видела ничего подобного! — прошептала девушка.

— А теперь, ваши светлости, извольте ехать прямо по этой дороге. Минуете лес и на опушке увидите дом моего отца. Я побегу предупредить матушку, что к обеду у нас будут гости, да пошлю нашего слугу подобрать и принести домой дичь. Привет!

И Робин убежал.

— Какой благородный ребенок! Правда, Марианна? — обратился рыцарь к своей спутнице. — Очаровательный мальчик.

— Не так уж он и юн, — ответила дама.

— А мне кажется, что он намного моложе, чем выглядит. Нас обманули его высокий рост и крепкое сложение. Со-

всем-совсем ребенок. Вы знаете, Марианна, свежий вольный воздух полей и лесов укрепляет силы и здоровье людей несравненно лучше, чем удушливая, пыльная атмосфера городов,— со вздохом сказал рыцарь.

— Ваши вздохи, мессир Аллан Клэр,— лукаво улыбаясь, заметила молодая дама,— не имеют никакого отношения к зеленым деревьям и лугам веселого Шервудского леса. Вы тоскуете об их очаровательной владелице, благородной дочери ноттингемского барона.

— Вы правы, Марианна, моя дорогая сестренка. Поверьте мне, если бы Кристабель согласилась стать моей женой, я с радостью променял бы богатый замок на скромную хижину йомена в этих лесах и счастливо прожил бы здесь до конца своих дней.

— Как же вы романтичны и наивны, брат мой! Неужели вы думаете, что Кристабель согласится покинуть роскошный замок своего отца и последовать за вами в жалкую хижину? Она не создана для жизни в бедности и безвестности. Ах, милый Аллан, оставьте ваши безумные надежды. Я очень сомневаюсь, что старый барон отдаст вам руку своей дочери.

Печаль омрачила лицо молодого человека, но он скоро овладел с собой и спокойно сказал сестре:

— А я-то думал, что вы поймете и одобрите мое желание жить на лоне природы с моей любимой Кристабель.

— Я прекрасно понимаю вас, Аллан. У меня тоже иногда обнаруживаются странные пристрастия. Но вот Кристабель не разделяет их.

— Если Кристабель действительно любит меня, она будет счастлива в моем жилище, каким бы бедным оно ни было. Ах! Так у вас предчувствие, что барон мне откажет? Но ведь стоит мне сказать одно слово, только одно слово, и гордый, непреклонный Фитц Олвайн будет поставлен перед выбором: или он примет мое предложение, или ему придется тайком бежать из Англии на чужбину, а его ноттингемский замок сровняют с землей.

— Вот и хижина! — прервала Марианна своего брата.— На пороге стоит матушка мальчика и ждет нас. Какая это милая, приятная женщина!

— И ребенок такой же,— поддержал ее брат.

— Ах, он уже давно не ребенок,— прошептала Марианна, и густой румянец залил ее лицо.

Но он быстро сошел, и когда молодая девушка с помощью брата спрыгнула с коня и отбросила назад капюшон, на прекрасном нежно-розовом лице сияла спокойная улыбка.

Робин стоял рядом с матерью и восхищенно смотрел на девушку, чья красота потрясла его и заставила впервые сладко биться сердце. И такое искреннее, чистое волнение охватило его душу, что он, совсем потеряв голову, воскликнул:

— Ах, я так и знал, что такие чудные глаза могут озарять только прекрасное лицо!

Удивленная дерзостью своего сына, Маргарита повернулась к нему и ласково отчитала его. Аллан расхохотался, прелестная Марианна снова покраснела, а Робин бросился на шею матери и спрятал на ее груди свое пылающее от любви и стыда лицо. Из этого укрытия наивный хитрец украдкой посмотрел на Марианну и увидел, что она совсем не гневается на него. Веселая, доброжелательная улыбка играла на устах молодой девушки, и грешник, уверовав, что получит прощение, осмелился робко поднять глаза на свою богиню.

Час спустя вернулся домой Джильберт Хид. На крупе его мула лежал раненый человек, которого добрый лесничий нашел истекающим кровью на дороге. Очень осторожно снял он несчастного с неудобного ложа, внес в дом и позвал Маргариту, которая в это время заботливо размещала рыцаря и его сестру в комнатах второго этажа.

— Вот посмотри, жена, на этого беднягу. Он нуждается в наших заботах. Какой-то паршивец сыграл с ним злую шутку, пригвоздив стрелой его руку к луку в то время, когда он целился в дичь. Поспешим, моя добрая Мэгги: несчастный очень ослабел от потери крови. Как ты себя чувствуешь, приятель? — обратился лесничий к раненому. — Не отчаивайся. Все будет хорошо, ты поправишься. Ну, подними немного голову. Приободришь, черт тебя возьми! От таких пустяков, как острие стрелы, засевшее в руке, не умирают.

Раненый как-то странно согнулся, втянул голову в плечи и упорно отворачивал лицо от Джильберта и Маргариты, которые перевязывали его раны.

В этот момент в комнату вбежал Робин. Он хотел было помочь родителям ухаживать за раненым, но, увидев мельком его лицо, отпрянул и знаком подозвал к себе старого Джильберта.

— Батюшка, — шепотом сказал юноша, — постарайтесь скрыть от этого человека, что в нашем доме гостят рыцарь и молодая дама. Я вам потом все расскажу. Будьте осторожны.

— Но какие чувства, кроме сострадания, может вызвать у наших гостей этот истекающий кровью бедняга?

— Вечером узнаете, батюшка. А пока не забудьте мой совет.

— Вечером узнаю, вечером узнаю,— недовольно пробурчал Джильберт.— Я хочу узнать все сейчас. Этого еще не доставало, чтобы такой молокосос, как ты, учил меня осторожности. Говори, что может быть общего между раненым и их светлостями?

— Заклинаю вас, подождите до вечера. Я все объясню, когда мы с вами останемся одни.

Старик отошел от Робина и снова занялся перевязкой ран незнакомца. Вдруг раненый пронзительно закричал от нестерпимой боли.

— А, сэр Робин, опять твои штучки,— проговорил Джильберт, бросаясь вслед за сыном. Он поймал его уже на пороге комнаты.— Разве я не запретил тебе сегодня утром упражняться в стрельбе из лука на живых людях? Ты пообещал мне с уважением относиться к человеческой жизни и не сдержал своего слова. Вот этому доказательство.

— В чем дело? — с негодованием, но почтительно спросил юноша.— Вы хотите сказать, что...

— Да, я хочу сказать, что это ты пригвоздил руку несчастного к его луку. Никто, кроме тебя, во всем лесу не обладает такой ловкостью. Вот, посмотри на наконечник стрелы, он тебя выдает с головой: на нем выбит наш шифр. Надеюсь, ты теперь не будешь отрицать свою вину.

И Джильберт показал Робину наконечник стрелы, который он вынул из раны незнакомца.

— Да, батюшка, это я его ранил,— холодно ответил Робин.

Лицо старого Джильберта омрачилось.

— Ты совершил чудовищное преступление. Ни за что, ни про что опасно ранил человека, который ничего не сделал тебе плохого. И тебе не стыдно?

— Я не испытываю ни стыда, ни сожаления за свой поступок,— твердым голосом ответил Робин.— Стыдно должно быть тому, кто напал из засады на беззащитных путников.

— Это?..

— Человек, которого вы нашли истекающим кровью в лесу.

И Робин рассказал отцу, как он наказал негодяя.

— Он видел тебя? — с беспокойством спросил Джильберт.

— Нет. Обезумев от страха, он убежал в лес, уверенный, что это дело рук самого дьявола.

— Прости меня, мой мальчик, я был несправедлив к тебе,— проговорил старик, горячо сжимая руки юноши в своих ладонях.— Я восхищен твоей ловкостью. Но теперь мы должны особенно внимательно следить за всем, что творится вокруг нашего жилища. Рана этого негодяя скоро заживет, и в благодарность за наше милосердие он может обездолить нас, вернувшись сюда с ватагой себе подобных. Мне кажется,— добавил Джильберт после минутного размышления,— что я когда-то знал этого человека, но никак не могу вспомнить его имя. Возможно, это оттого, что неузнаваемо изменилось выражение его лица. В те далекие времена он был вполне порядочным человеком.

Подожли Аллан с Марианной и сердечно поздоровались с хозяином дома, в котором они нашли приют.

Вечером того же дня в домике лесничего царило оживление. Спокойная, размеренная жизнь его обитателей, особенно Робина, была нарушена появлением рыцаря, его сестры и их смертельного врага. Джильберт ухаживал за раненым, Маргарита готовила обед, верный Линкольн чистил лошадей и в оба глаза следил за лесом. Один только Робин, предоставленный самому себе, бездельничал, но не бездельничало его сердце. Очаровательная Марианна разбудила дремавшие в нем нежные чувства, и он, забившись в угол, краснел, бледнел, его бросало то в жар, то в холод. Восторженными глазами смотрел он на молодую девушку и не мог наглядеться. Все в ней было пленительно — походка, манера говорить, смеяться.

Никогда на праздниках в Мансфельдвудхаузе он не видел подобной красоты. Он танцевал, смеялся, болтал с мансфельдскими девушками, а некоторым из них даже шептал на ушко любовные глупости, которые на следующий день забывал. Сегодня же он скорее умер бы от страха, чем осмелился сказать хоть одно слово благородной амазонке, которая была обязана ему своей жизнью. Она навеки овладела его сердцем.

Детство Робина кончилось.

Пока Робин сидел в углу комнаты и безмолвно влюбленными глазами следил за каждым движением Марианны, ее брат с искренним уважением и восхищением рассказал об отваге и ловкости юного лучника и поздравил старого Джильберта со счастьем быть отцом такого сына. Джильберт никогда не упускал возможности хоть что-нибудь узнать о

происхождении Робина. Вот и сейчас, доверившись благоумству рыцаря, лесничий поведал ему, при каких обстоятельствах Робин попал в его дом и был принят в нем, как родной сын.

Джилберт добавил, что родители юноши, возможно, происходят из Хантингдона, потому что шериф этого графства выплачивает каждый год деньги на содержание сироты. С удивлением выслушав историю Робина, молодой рыцарь сказал:

— Мы уроженцы Хантингдона, там находится наше поместье. Всего лишь несколько дней прошло, как мы покинули его. То, что вы рассказали нам о Робине, могло бы быть правдой, но я очень сомневаюсь в этом. Никто из хантингдонских дворян не погиб в Нормандии в тот год, когда родился ваш приемный сын, и я никогда не слышал о браке знатного хантингдонца с бедной незнатной французенкой. И кроме того, мне непонятно, зачем надо было увозить ребенка из Хантингдона в такую даль. «Это было сделано в интересах Робина», — повторяете вы слова Ритсона, вашего родственника, который вспомнил о вас в нужный момент и поручился за вас перед своим хозяином. Кто знает, не хотели ли эти люди надежно скрыть тайну происхождения малыша? Чем помешал им невинный ребенок? Почему они его не убили, а подбросили вам? Ваш зять бесследно исчез. Это укрепляет мои подозрения. Но как бы то ни было, вернувшись в Хантингдон, я приложу все усилия, чтобы разыскать семью Робина. Он спас жизнь мне и моей сестре, и поэтому я молю Бога, чтобы Он помог нам отплатить мальчику добром за добро.

Дружелюбие Аллана, простота и сердечность Марианны вернули Робину хладнокровие и веселое настроение.

— Мы ехали в Ноттингем и заблудились в Шервудском лесу, — рассказывал Аллан гостеприимным хозяевам дома. — Завтра на рассвете я покину вас и продолжу свой путь. Не хотите ли вы, дорогой Робин, быть моим провожатым? Сестру я оставляю на попечении вашей доброй матушки. Далеко ли отсюда до Ноттингема?

— Около двенадцати миль, — ответил Джилберт. — Хороший конь домчит вас туда за два часа. Если вы не возражаете, мессир Аллан, я поеду вместе с вами. Я должен получить у ноттингемского шерифа деньги на содержание Робина за этот год.

— Тем лучше, нас будет трое! — воскликнул обрадованный Робин.

— Нет-нет,— запротестовала Маргарита и, повернувшись к мужу, тихо сказала ему на ухо: — О чем ты думаешь? Разве можно оставлять двух женщин одних в доме? Ты забыл об этом бандите?

— Одних? — засмеялся Джильберт.— Неужели ты, дорогая Мэгги, ни во что не ставишь нашего старого Линкольна и моего верного пса Ланса? Да он вырвет сердце у всякого, кто осмелится поднять на тебя руку!

Маргарита умоляюще посмотрела на девушку. Марианна поняла молчаливую просьбу хозяйки и решительно заявила, что, если Джильберт не останется дома, она уедет вместе с братом.

Джильберту пришлось уступить. Было решено, что с первыми лучами солнца Аллан и Робин отправятся в путь.

Когда совсем стемнело, хозяева заперли все двери и пригласили гостей за стол. Ужин был восхитительный, особенно всем понравилось жаркое из олененка. Робин был на седьмом небе от счастья: это был его охотничий трофей, и дама его сердца соизволила сказать, что никогда в жизни она не ела столь вкусного блюда.

Они сидели рядом, эти два очаровательных создания, и болтали как старые знакомые. Аллан с удовольствием слушал рассказы старого Джильберта о веселых жителях Шервудского леса, а Мэгги следила за тем, чтобы на столе было всего вдоволь. Жизнерадостные сотрапезники, сидевшие за столом, который был завален сверкающей всеми красками вкусной едой, так и просились на картину какого-нибудь мастера голландской школы.

Внезапно из комнаты, где лежал раненый, послышался протяжный свист. Все тревожно устремили взгляды на лестницу, которая вела на верхний этаж дома. Не успел замереть последний звук, как из лесу раздался ответный свист. Безотчетная тревога охватила обитателей дома, залаяла сторожевая собака. И снова все смолкло. Гнетущая тишина воцарилась у очага лесничего.

— Такого еще не бывало,— прервал молчание Джильберт.— Я бы удивился, если бы в лесу не нашлось нескольких негодяев, способных без зазрения совести очистить чужие карманы. Но они всегда обходили мой дом стороной.

— Вы действительно боитесь нападения разбойников? — спросил Аллан.

— Я не исключаю такую возможность.

— А я думал, что они грабят только богачей. Чем можно поживиться у честного лесничего? Ведь вы же небогаты.

— Богатые люди редки. Поэтому, когда нет мяса, господа разбойники довольствуются черствым хлебом. Поверьте мне, эти бродяги не постыдятся вырвать кусок хлеба из рук нищего. Но им следовало бы уважать мой дом, меня и моих близких. Много раз, голодные и заочевенвшие от холода, они обогривались у моего очага и ели хлеб за моим столом.

— Благодарность не ведома бандитам.

При этих словах Марианна задрожала от страха и невольно придвинулась к Робину. Робин хотел ее успокоить, но от охватившего его волнения голос у него пресекался, а Джилльберт, заметив испуг на лице девушки, с улыбкой сказал:

— Успокойтесь, благородная барышня. Вы находитесь под надежной защитой. Наши сердца бесстрашны, а луки не знают промаха. Если эти злодеи осмелятся сунуться сюда, то единственной их добычей будет стрела пониже спины.

— Благодарю вас,— ответила Марианна и, бросив на брата многозначительный взгляд, добавила: — Значит, жизнь жителей лесов не безоблачна и не безопасна?

Робин не слышал романтические рассуждения Аллана Клэра о прелестях лесной жизни, поэтому он не понял истинного смысла слов Марианны, принял их на свой счет и с гордостью воскликнул:

— А я считаю, что эта жизнь — одно удовольствие! Я часто провожу целые дни в соседних деревнях и всегда с невыразимой радостью возвращаюсь в мои милые родные леса. Я скорее соглашусь умереть мученической смертью, чем позволю запереть себя в тесном, душном городишке.

Робин и дальше продолжал бы в том же духе, как вдруг яростный удар обрушился на входную дверь дома. Стены и столбы строения задрожали, собаки, спавшие перед пылавшим очагом, зарычали и залаяли. Джилльберт, Аллан и Робин бросились к двери, а обезумевшая от страха Марианна поспешила под защиту доброй Маргариты.

— Эй! — закричал лесничий. — Какой хам осмеливается так бесцеремонно ломиться в дверь моего дома?

Ответом ему был второй удар, еще более сильный, чем первый. Джилльберт повторил свой вопрос, но из-за остревелого лая собак ничего не было слышно. Наконец звонкий голос перекрыл адский шум:

— Откройте во имя Бога!

— Кто там?

— Два бедных монаха бенедиктинца.

— Откуда и куда вы идете?

— Мы идем из нашего аббатства, того, что находится в Ливтоне. А направляемся в Мансфельдвудхауз.

— Что вы хотите?

— Пустите нас переночевать и угостите ужином. Мы заблудились в лесу и умираем с голоду.

— Если судить по твоему голосу, ты вовсе не похож на умирающего. Почему я должен тебе верить?

— Черт возьми! Отопри дверь и посмотри, похожи ли мы на грабителей,— весело ответил тот же голос.— Впусти нас, упрямый лесничий. Мы падаем от усталости, а желудки наши совсем пусты.

Эти слова поколебали решительность Джильберта, он не знал, что делать. Из-за двери послышался другой голос, старческий, слабый:

— Ради Бога! Отоприте дверь и впустите нас, добрый лесничий. Клянусь вам мощами нашего святого патрона, мой брат говорит правду.

Громко, чтобы его могли слышать люди, стоявшие за дверью, Джильберт сказал:

— Чего мы боимся? Нас здесь четверо мужчин, и с помощью наших собак мы отразим любое нападение. Я сейчас отопру дверь. Робин, Линкольн, придержите собак. Вы их спустите, если эти люди окажутся не теми, за кого они себя выдают.

Г Л А В А IV

Едва дверь повернулась на петлях, как в проеме появился человек. Не дав никому опомниться, он быстро переступил порог и оказался в доме. Он был молод, крепкого телосложения, очень высокого роста. Его длинная черная сутана с капюшоном и широкими рукавами была подпоясана веревкой. В одной руке он держал четки, а другой опирался на толстую суковатую палку из кизилового дерева.

За этим красавцем монахом смиренно следовал старик, одетый в такую же сутану.

После взаимных приветствий все сели за стол. Джильберт не мог забыть таинственный обмен свистами между раненым, которого он принес из леса, и его приятелями, но старался не подать виду, что обеспокоен этим происше-

ствисм. Он не хотел нарушать веселье и согласие, установившиеся между сотрапезниками.

— Добрый лесничий, как мы вам благодарны за угощение! Все необыкновенно вкусно! — воскликнул высокий монах, отправляя в рот большой кусок жареной дичины.— Не обижайтесь на меня, что я поспешил разделить с вами ужин, не дождавшись приглашения. В этом повинно мое ненасытное брюхо.

Своими манерами и речами он был скорее похож на бывалого солдата, чем на служителя церкви. В те времена монахи вообще не отличались церемонностью, но в глазах верующих подобные недостатки компенсировались искренней набожностью и благочестием.

— Добрый лесничий, пусть благословение Пресвятой Девы принесет в твой дом мир и счастье,— проговорил старый монах, откусив первый кусок хлеба. Его молодой собрат поглощал с молниеносной быстротой одно блюдо за другим и запивал их элем.

— Простите меня, святые отцы, за то, что я не сразу впустил вас в свой дом,— сказал Джильберт.— Осторожность...

— Все ясно, хозяин. В наши смутные времена осторожность никогда не помешает,— прервал его молодой монах, принимаясь за новое блюдо.— В ваших местах бродит шайка кровожадных негодяев. Не далее как час назад двое злодеев напали на нас и хотели ограбить, несмотря на наши заверения, что мы нищие, живем милостыней и у нас никогда не водится презренный металл, который миряне называют серебром. Клянусь святым Бенедиктом! Они нуждались в хорошем уроке, и я уже собрался приголубить их своей дубинкой, как вдруг послышался протяжный свист, они ответили на него и убежали.

Все сотрапезники, кроме молодого монаха, тревожно переглянулись. А тот продолжал безмятежно насыщаться, не обращая ни малейшего внимания на охватившее всех беспокойство.

— Всеблагое Провидение! — продолжал монах после минутного молчания.— Что бы мы делали, если бы не услышали лай ваших собак, встревоженных пересвистыванием? Не вышли бы на ваше жилище, промокли бы под дождем, а вместо чудесного эля пили бы чистую воду из источника, как этого требует устав нашего ордена.

И, вопреки уставу ордена, он наполнил свой стакан элем и залпом осушил его.

— Хороший пес,— проговорил служитель церкви, наклоняясь, чтобы погладить старого Ланса, случайно оказавшегося у его ног.— Благородное животное!

Но Ланс не был расположен отвечать на ласки монаха. Он поднялся, вытянул шею, принялся и глухо зарычал.

— Ла-ла-ла! Что ты почуял, мой верный Ланс? — спросил Джильберт, лаская животное. Одним прыжком пес оказался у двери. Снова принялся, прислушался и, не проронив ни звука, повернул голову к хозяину. Своими умными, горящими гневом глазами он просил хозяина открыть ему дверь.

— Робин, подай-ка мне мою дубину и возьми свою,— обратившись к сыну, еле слышно сказал Джильберт.

— Если придется отбивать нападение, смело рассчитывайте на меня, хозяин,— произнес молодой монах, поднимаясь из-за стола.— Моя железная рука, мой стальной кулак и кизиловая дубина впридачу к вашим услугам.

— Благодарю тебя,— ответил лесничий.— А я-то думал, что устав твоего ордена запрещает тебе участвовать в подобных предприятиях.

— Устав моего ордена требует от меня без промедления приходить на помощь всем, кто в ней нуждается.

— Дети мои,— воззвал старый монах,— воздержитесь от кровопролития.

— Мы последуем вашему совету, отец мой. Будем только защищаться.

Но Джильберт не успел изложить свой план защиты маленькой крепости. Страшно закричала Маргарита. Наверху лестницы она вдруг увидела человека, который, как она считала, тяжело раненный и обессиленный от потери крови, лежал в постели. От ужаса она не могла вымолвить ни слова и только показывала дрожащими руками на мрачное видение. Все взгляды разом устремились в том направлении, но на лестнице уже никого не было.

— Дорогая Мэгги,— поспешил Джильберт успокоить свою жену,— не дрожи так сильно. Это тебе почудилось. Тот бедняга не вставал с постели, он слишком слаб. Его так изувечили, что вряд ли он сможет сам защитить свою жизнь.

Так успокаивал Джильберт Маргариту, стараясь скрыть от нее охватившую его самого тревогу. Только он и Робин знали, кем был на самом деле раненый. Не было никакого сомнения, что этот злодей был связан с опасной шайкой, окружившей дом. Нужно было зорко следить за ним и при

этом делать вид, что никто не сомневается в его честности. Женщины потеряли бы голову от ужаса, если бы узнали, что в доме притаился убийца. Джилберт взглядом приказал Робину узнать, что делает разбойник. Юноша ловко и бесшумно, как кошка, поднялся по лестнице на второй этаж.

Дверь в комнату, где находился раненый разбойник, была приоткрыта, а сам он, вместо того чтобы лежать в постели, стоял у открытого окна и о чем-то тихо переговаривался с человеком, находившимся снаружи дома.

Робин ползком добрался до этого окна и притаился. Теперь он мог слышать разговор двух разбойников от слова до слова.

— Молодая дама и рыцарь здесь, в этом доме, — сообщил раненый разбойник своему сообщнику. — Я только что их видел.

— Да неужели?

— Да, это правда. Сегодня утром они были в моих руках, но сам дьявол встал на их защиту. Стрела, выпущенная неизвестно кем, пронзила насквозь мою руку, а они в это время исчезли.

— Будь они прокляты!

— Но судьбе было угодно, чтобы они заблудились в лесу и их приотял тот же самый лесничий, который подобрал и меня, истекающего кровью.

— Тем лучше. Теперь они от нас не уйдут.

— Сколько вас, ребята?

— Семеро.

— В доме только четверо мужчин.

— В дом нужно еще войти. Дверь крепко заперта на засов, а изнутри слышится рычание целой своры псов.

— Пусть дверь тебя не волнует. Для нас будет лучше, если она останется запертой, когда начнется драка. Уж на этот раз красотка и ее брат от нас не ускользнут.

— Что же ты предлагаешь?

— Черт побери! Я помогу вам проникнуть в дом через окно. Ведь моя правая рука цела и невредима. Я разорву простыни на полосы, свяжу их — и лестница готова.

— Не бывать этому! — воскликнул Робин. Схватив бандита за ноги, он оторвал его от пола.

Негодование, гнев, страстное желание отвести опасность, нависшую над его родителями и прекрасной Марианной, удесятерили силы подростка. Разбойник растерялся и не мог противостоять неожиданному нападению. Он потерял

равновесие и исчез за окном. Но упал он не на землю, а в наполненный водой резервуар.

Разбойники, удивленные этим странным и неожиданным падением товарища из окна, с криками убежали в лес, а Робин спустился вниз и рассказал, как он расправился с негодяем. Происшествие всех очень рассмешило, но и заставило призадуматься. Джилберт сказал, что разбойники, оправившись от испуга, вряд ли откажутся от своего подлого замысла. Поэтому надо подготовиться к отражению нападения. Старый монах, отец Эдред, предложил вознести молитвы Всевышнему, дабы испросить Его покровительство и защиту.

Голод уже не мучил молодого монаха, и он громовым басом затянул псалом, но Джилберт попросил его замолчать. Все встали на колени, и отец Эдред еле слышным голосом прочитал молитву.

Молитва была прервана стопами и свистом, которые слышались со стороны резервуара. Это выброшенный Робин из окна разбойник звал на помощь своих разбежавшихся сообщников. Пристыженные, они бесшумно вернулись, вытащили своего раненого сотоварища из водяной купели и положили его, умирающего, под навес. Потом предводитель собрал свой сброд и изложил им новый план нападения.

— Мы должны захватить Аллана Клэра и его сестру живыми или мертвыми,— говорил он.— Это приказ барона Фитц Олвайна. Я скорее поссорюсь с самим дьяволом или позволю бешеному волку искусать себя, чем осмелюсь вернуться к барону с пустыми руками. Если бы не глупость бездельника Тэйллефера, мы бы уже возвращались в замок.

Тэйллефером звали злодея, которого так хорошо обработал Робин. Что же касается барона Фитц Олвайна, то наш читатель очень скоро познакомится с ним лично. А пока мы можем сообщить о нем только то, что мстительный вельможа поклялся убить Аллана за то, что тот любил леди Кристаль Фитц Олвайн и был горячо любим ею. Барон считал Аллана недостойным руки своей дочери и предназначил ее в жены богатому королевскому придворному. Но это было еще не все. Аллан знал о некоторых опасных политических секретах барона. Если бы он донес о них королю, Фитц Олвайна ждала бы неминуемая гибель. Но в те далекие феодальные времена барон Фитц Олвайн, владетель Ноттингемского графства, обладал высшей юридической властью в этих землях и имел право карать и

миловать всех без исключения подвластных ему жителей графства. Ему ничего не стоило использовать полицейских чиновников для преследования неугодных ему людей. Но Боже правый! Кто были эти полицейские чиновники? Тэйл-лефер и его шайка...

— Ну, ребята, выньте свои мечи из ножен и — вперед! Не милуйте никого, если нам будет оказано сопротивление. А пока попробуем мирно договориться с ними.— И предводитель семерых негодяев громко застучал в дверь эфесом своего меча.— Именем ноттингемского барона, нашего всемогущего сеньора, приказываю вам открыть дверь и впустить нас!

Яростный лай собак заглушил его голос. Осажденные с трудом расслышали, что он требует выдачи рыцаря и молодой дамы.

Джилберт повернул голову к рыцарю и взглядом спросил у него, действительно ли он в чем-то виновен.

— Виновен? Я? — воскликнул Аллан.— Нет! Клянусь вам, храбрый лесничий, я не виновен ни в каком преступлении, ни в чем, что могло бы обесчестить меня и повлечь наказание. Моя единственная вина известна вам...

— Прекрасно! Вы наш гость, мы должны помогать вам и защищать вас всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

— Открывай, подлый мятежник! — кричал предводитель шайки убийц.

— Не открою.

— Ну, это мы посмотрим.

Предводитель обрушил на дверь град ударов кулаками и оружием, и она рухнула бы, если б не железный засов.

Джилберт хотел во что бы то ни стало выиграть время, чтобы закончить приготовления к обороне. Он не надеялся, что дверь сможет долго выдержать такой яростный натиск. Но когда враги ворвутся в дом, они встретят достойный прием.

Он с успехом выполнял роль командующего осажденной крепостью: расставлял по местам свой немногочисленный гарнизон, давал каждому из своих солдат указания, что тот должен делать, когда в дом ворвутся враги, проверял оружие, призывал всех быть хладнокровными и осторожными. Но он ничего не говорил о храбрости. В этом не было необходимости. Все осажденные уже доказали, что они храбрые солдаты.

— Дорогая Мэгги,— обратился Джилберт к жене,— поднимитесь с нашей благородной гостьей в верхние ком-

наты. Женщинам здесь делать нечего.— Маргарита и Марианна с большой неохотой выполнили приказ командующего.— А ты, Робин, пойдй скажи старому Линкольну, что и ему здесь найдется работа. Потом станешь у окна второго этажа и будешь наблюдать за действиями разбойников.

— Но как только кончатся мои обязанности наблюдателя,— сказал Робин, потрясая своим луком,— я буду сражаться вместе с вами. И в темноте мои стрелы попадут в цель.

— Вы, мессир Аллан, вооружены мечом, а вы, отец мой,— дубиной. Отдубасьте злодеев во славу Божию и вашего ордена.

— Откройте засовы двери,— предложил молодой монах.— Моя дубина наставит на путь истины первого же, кто ворвется сюда.

— Пусть будет так,— ответил Джильберт.— Станем все на свои места. Я из этого угла заброшу негодяев стрелами. Вы, Аллан, станьте здесь и проготовьтесь сражаться с самым сильным противником. Ты, Линкольн...— В этот момент в комнату вошел старик гигантского роста, вооруженный огромной дубиной.— Ты, Линкольн, станешь с одной стороны двери, а добрый брат — с другой, и молотите их дубинками в свое удовольствие. Отодвинем стол и скамьи в сторону и потушим огня. Поле битвы будет освещаться пылающим очагом. Этого вполне достаточно. Вы же, мои храбрые псы,— добавил лесничий, лаская бульдогов,— и ты, мой милый Ланс, хорошо знаете, куда надо кусать непрошенных гостей. Отец Эдред, молитесь за нас, а когда все кончится, помолитесь за здравие оставшихся в живых и за упокой новопреставленных.

Отец Эдред стоял на коленях в углу, повернувшись спиной к участникам разыгрывающейся драмы, и горячо молился.

Пока в доме лесничего шли приготовления, осаждающие, устав безрезультатно колотить в дверь, изменили тактику. Над осажденными нависла смертельная опасность, но, к счастью, Робин со своего наблюдательного пункта вовремя это увидел.

— Батюшка,— тихо позвал он с верхней ступеньки лестницы,— батюшка, разбойники заваливают дверь нашими дровами и сейчас подожгут их. Их всего семеро, не считая раненого, а он уже при смерти.

— Клянусь мессой! — вскричал Джильберт.— Нельзя допустить, чтобы подожгли дрова. Они сухие, и в одно

мгновение наш дом будет охвачен пламенем. Открывайте отец бенедиктинец. Внимание, все по местам!

Монах, стоя в стороне от двери, протянул руку и снял засовы и запоры. Дверь приоткрылась, и в комнату посыпались дрова и вязанки хвороста.

— Ура! — закричал предводитель шайки, первым врываясь в дом. — Ура!

Он испустил только один крик и сделал только один шаг, только один. Ланс вцепился ему в горло, а дубины Линкольна и монаха одновременно опустились на его затылок. Он замертво упал на пол.

Второго злодея постигла та же участь.

И третьего тоже... Разъяренные собаки не выпускали свою добычу, и поэтому остальные четверо разбойников, избегнув участи своих предшественников, почти беспрепятственно ворвались в дом, и битва закипела. Она могла бы быстро закончиться победой защитников дома, если бы Джильберт и Робин, стоявшие каждый на своем посту, решились бы безжалостно перебить стрелами врагов, которые были вооружены только копьями. Но Джильберт не хотел лишнего кровопролития и предоставил бенедиктинцу и Линкольну удовольствие колотить дубинами слуг барона Фитц Олвайна. Сам же он вместе с Алланом Клэром отбивал удары копий.

Кровь лилась только из ран, нанесенных зубами собак. Бездействие угнетало Робина, он тоже жаждал показать свое искусство владения дубиной и луком. Достойный ученик Линкольна, он схватил древко алебарды и присоединился к бойцам.

Один из разбойников, настоящий Геркулес, встретил Робина насмешливым взглядом и, сбив с ног Линкольна и монаха, с рычанием бросился на подростка. Но Робин хладнокровно парировал удар копья, который мог быть для него смертельным, и ловким ударом в грудь поверг гиганта на пол.

— Bravo, Робин! — воскликнул Линкольн.

— Ад и дьявол! — бормотал злодей, выплевывая кровь. Казалось, что он сейчас умрет. Но вот он поднялся на ноги, выпрямился, чуть снова не упал и, разъяренный, с копьем наперевес, ринулся на Робина.

И Робин показал свое искусство! Гигант, заранее торжествуя победу над подростком, забыв об осторожности. Его сверкнувшее как молния копье пронзило бы Робина, если бы не вмешался старый Линкольн. Мощным ударом дубиной по голове он повалил убийцу на пол.

— Вот и четвертый готов! — закричал он и весело засмеялся.

Четверо поверженных разбойников неподвижно валялись на полу, а натиск оставшихся троих настолько ослабел, что казалось, они вот-вот обратятся в позорное бегство. Огромная кизиловая дубина отца бенедиктинца равномерно поднималась и опускалась на их спины.

Сам архангел Гавриил, сражающийся с дьяволом, не был так прекрасен в своем гневе, как этот святой отец с горящими яростью глазами, с непокрытой головой, в развевающейся сутане!

В то время как монах с удивительной ловкостью, восхищавшей Линкольна, сдерживал натиск разбойников, Джилберт с помощью Робина и Аллана крепко связывал злодеев по рукам и ногам. Двое из них просили пощады, один лежал замертво, а предводитель, которого Ланс продолжал держать за горло, ужасно хрипел и кричал своим сообщникам:

— Убей! Убей! Убей пса!

Но те его не слышали, а если бы и услышали, то, занятые спасением собственной шкуры, вряд ли смогли бы прийти к нему на помощь.

Только один разбойник, о присутствии которого все забыли, попытался извлечь предводителя от клыков Ланса. Это был Тэйллефер. Сообщники вытащили его из резервуара с водой и положили, почти бездыханного, на землю под навес. Шум битвы привел его в чувство. Он подполз к сражающимся и уже занес кинжал над верным псом, как был замечен Робинотом. Юноша схватил злодея за плечи, опрокинул на спину, вырвал из его рук кинжал и, встав коленями на грудь, не давал ему подняться. В это время Джилберт и Аллан связали разбойнику руки и ноги.

Это ускорило смерть предводителя убийц. Ланс, обезумевший от ярости подобно любому псу, у которого хотят вырвать из пасти добычу, еще глубже погрузил острые зубы в горло своей жертвы, разорвав сонную артерию и яремные вены. Верный слуга ноттингемского барона истек кровью и умер.

Лишившись главаря, разбойники прекратили сопротивление. Да оно было уже и невозможно. Линкольтн, задвинув засовы двери, перекрыл им путь к бегству. Они оказались в ловушке.

— Пошадите! — вопил один из них, до полусмерти избитый дубиной монаха.

— Не будет тебе никакой пощады! — ответил монах.—
Вы хотели ласки? Вот вам!

— Ради Бога! Пощадите!

— И не просите! Никого не пощадим!

И монах продолжал работать дубиной, поднимая ее только для того, чтобы снова опустить на чью-то спину.

— Пощадите! Пощадите! Пощадите! — закричали все разом.

— Бросайте копья!

Копья со стуком попадали на пол.

— А теперь становитесь на колени!

Разбойники встали на колени.

— Очень хорошо! Мне остается только осушить мою дубину!

В понимании веселого монаха это значило отдубасить напоследок побежденных.

Он проделал это с особенным удовольствием. Потом, скрестив на груди руки и опершись правым локтем на свое мощное оружие, он стал в позу торжествующего Геркулеса и изрек:

— Вашу судьбу решит хозяин этого жилища.

Так Джильберт Хид получил полное право распоряжаться жизнью членов шайки. Он мог предать их смерти согласно обычаям той эпохи, но предпочел помиловать их. Этот храбрый человек привык проливать кровь, только защищая свою жизнь и жизни близких ему людей.

Шестерых раненых поставили на ноги, приведя в чувство тех, кто потерял сознание, привязали их одного к другому, как каторжников, и Линкольн с молодым монахом отвели их подальше от дома, в непроходимые лесные дебри. Там они оставили злодеев на произвол судьбы.

Тэйллефер не разделил их участь.

— Джильберт Хид,— произнес он в тот момент, когда Линкольн хотел привязать его к товарищам,— Джильберт Хид, прикажи положить меня на кровать. Я должен многое поведать тебе перед смертью.

— Нет, неблагодарный пес! Я скорей повешу тебя на первом же дереве.

— Пощади и выслушай меня!

— Ты пойдешь вместе со всеми.

— Выслушай меня, то, что я расскажу, очень важно.

Джильберт и на этот раз хотел было отказать ему, но тут ему почудилось, что с уст Тэйллефера слетело до боли

знакомое имя, всколыхнувшее в нем горестные воспоминания.

— Аннета! Он произнес имя Аннеты,— прошептал Джильберт, наклоняясь над раненым.

— Да, я произнес имя твоей сестры,— слабым голосом ответил умирающий.

— Хорошо! Говори, расскажи мне все, что ты знаешь об Аннете.

— Не здесь. Там, наверху, когда мы останемся одни.

Джильберт считал, что поблизости никого нет. Робин с Алланом недалеко от дома копали яму, чтобы похоронить в ней умершего разбойника, а Маргарита и Марианна еще не вышли из своего убежища.

— Нет, мы не одни,— возразил Тэйллефер, показывая на старого монаха, который читал молитвы над мертвым телом.

Потом, схватив Джильберта за руку, раненый попытался приподняться, но старик оттолкнул его:

— Не прикасайся ко мне, нечестивец!

Несчастный упал. Воспоминание об Аннете смягчило гнев Джильберта, и он, растрогавшись, осторожно приподнял раненого.

— Джильберт,— сказал Тэйллефер слабым голосом,— я причинил тебе много зла, но я постараюсь загладить его.

— Я не прошу этого. Я только выслушаю все, что ты мне расскажешь.

— Ах, Джильберт, помилосердствуй! Я не хочу умирать. Задыхаюсь... Помогни мне выжить, и я тебе все расскажу... там, наверху, наверху!

Джильберт вышел, чтобы позвать Робина и с его помощью перенести умирающего в дом и уложить его в постель, а Тэйллефер, испугавшись, что лесничий может не вернуться к нему, приподнялся на своем жалком ложе и закричал:

— Неужели ты не узнал меня, Джильберт?

— Ты убийца, злодей и предатель — вот кто ты! — откликнулся Джильберт.

— Я хуже, чем ты думаешь обо мне, Джильберт. Я — Ритсон, Роланд Ритсон, брат твоей жены.

— Ритсон! Ритсон! О, Пресвятая Дева Божья Матерь! Да возможно ли это?

И Джильберт упал на колени возле умирающего, тело которого корчилося в судорогах агонии.

Г Л А В А V

Тревожный грозовой вечер сменился тихой, спокойной ночью. Похоронив в лесу разбойника, молодой монах и Линкольн возвратились в усадьбу. Марианна и Маргарита и во сне слышали шум битвы. Аллан, Робин, Линкольн и оба монаха заснули крепким, восстанавливающим силы сном. Бодрствовал только Джильберт.

Склонившись над потерявшим сознание Ритсоном, он ждал, когда умирающий откроет глаза, и размышлял. Он никак не мог поверить, что этот человек с мертвенно-бледным, искаженным от боли лицом, на котором неизгладимо отпечатались все мыслимые и немыслимые пороки, рано постаревший, был Роландом Ритсоном, горячо любимым за веселый и добрый нрав братом Маргариты и женихом несчастной Аннеты.

Джильберт простер над умирающим руки и воскликнул:

— Господи, поддержи его, дай ему силы пожить еще немного!

Бог услышал это. Когда утреннее солнце залило ярким светом комнату, Ритсон очнулся от тяжелого, похожего на смертельный сон, забытья, вздрогнул, горестный стон вырвался из его груди. Он схватил руку Джильберта, поднес ее к своим губам и что-то неразборчиво прошептал.

— Говори,— сказал Джильберт. Он надеялся узнать правду о смерти Аннеты и о происхождении Робина.— Расскажи мне все.

— И я отойду с миром.

Не успел Ритсон начать свою исповедь, как из большой комнаты первого этажа послышались веселые, жизнерадостные голоса.

— Батюшка, вы не спите? — спросил Робин.

— Мы не можем больше задерживаться. К вечеру мы должны уже вернуться из Ноттингема,— прибавил Аллан Клэр.

— Если вы не возражаете, мессеры,— послышался голос Геркулеса в монашеской рясе,— я присоединюсь к вам. Благодарное дело призывает меня в ноттингемский замок.

— Спуститесь вниз, батюшка, попрощайтесь с нами, и мы отправимся в путь.

С большой неохотой Джильберт вышел из комнаты. Он боялся, что в его отсутствие умирающий испустит дух. Как только дом опустел, лесничий поднялся в комнату Ритсона. Никто и ничто не могло теперь помешать ему выслушать

предсмертные признания зятя. Робин, Аллан и молодой монах отправились в Ноттингем, Марианна и Маргарита вызвались проводить их до опушки леса. Джильберт надеялся, что свежий лесной воздух восстановит их силы и вернет им хорошее настроение. Линкольна он отправил под благовидным предлогом в Мансфельдвудхауз. Туда же ушел и старый монах.

— Теперь мы остались одни. Рассказывай, я тебя внимательно слушаю,— сказал Джильберт, садясь у изголовья постели Ритсона.

— Я не буду исповедоваться тебе, брат мой, во всех преступлениях и чудовищных деяниях, запятнавших мою душу. Это был бы слишком долгий рассказ. Зачем тебе это знать? Ты хочешь, чтобы я поведал об Аннете и Робине. Правда?

— Ты прав. Но прежде всего расскажи мне все, что ты знаешь о Робине,— ответил Джильберт. Он боялся, что умирающий не успеет раскрыть ему тайну происхождения Робина.

— Ты знаешь, что двадцать три года назад я покинул Мансфельдвудхауз и поступил на службу к Филиппу Фитцуту, барону де Бозану. Этот титул мой господин получил от короля Генриха в награду за подвиги, совершенные им во Франции. Филипп Фитцут был младшим сыном графа Хантингдонского, который умер задолго до моего поступления на службу в замок. Свои богатства и титул он передал старшему сыну, Роберту Фитцуту.

Через несколько лет после получения отцовского наследства Роберт потерял свою горячо любимую жену. Она умерла, родив мальчика. Несчастный вдовец посвятил свою жизнь ребенку. Болезненный и слабый наследник рода Фитцут был окружен неусыпными заботами и вниманием. Только это продлевало его жизнь. Граф Роберт так и не смог утешиться после смерти жены. Тяжкие душевные и телесные недуги подкосили его. Перед смертью он назначил Филиппа Фитцута опекуном своего сына.

Отныне барон де Бозан Филипп Фитцут стал безраздельным владыкой в графстве. Им овладело честолюбивое желание присоединить к своему имени новый, более блестящий титул и стать единственным наследником колоссальных богатств рода Фитцут. Но на его пути стоял племянник, и после непродолжительных колебаний барон решил избавиться от сироты. Выполнить этот чудовищный замысел оказалось не так-то просто. Молодой граф Роберт

жил в замке среди верных слуг и воинов. Они не позволили бы лишить ребенка его прав, и любая попытка Филиппа присвоить то, что ему не принадлежало, побудила бы жителей графства к вооруженному мятежу.

Барон отложил на время исполнение своих замыслов. Он взял себе в союзники слабое здоровье племянника. Разгульная жизнь и непосильные физические упражнения, по мнению врачей, быстро свели бы его в могилу.

Вот с этой-то целью и приставил меня Филипп Фитцут к молодому графу Роберту, которому уже шел восемнадцатый год. Барон разработал подлый план. Я должен был толкать его племянника к гибели всеми возможными способами. Падения во время выполнения физических упражнений, несчастные случаи, болезни — словом, все, кроме убийства.

К своему стыду, дорогой Джильберт, я должен признать, что оказался достойным и усердным исполнителем воли барона. Я добросовестно прививал Роберту вкус к разгульной жизни и этим, как мне казалось, толкал его к гибели. Сам барон в то время по приказу короля Генриха вел войну во Франции во главе большой армии. Господи, прости мне этот грех! Я должен был бы, воспользовавшись отсутствием барона, расстроить его коварные козни. Вместо этого я делал все возможное, чтобы заработать награду, обещанную бароном за гибель Роберта.

Но, возмужав, Роберт обрел силу и здоровье. Он забыл, что такое усталость и болезни. От зари до зари, в любую погоду мы охотились на зверей и птиц в лесах и полях, а ночами гуляли в тавернах и других зланных местах. Я извелся от такой жизни, он же оставался свежим и полным сил. Мое самолюбие страдало, и, если бы барон хоть одним словом намекнул мне в письме, я бы, не задумываясь, пустил в ход медленно действующий яд, и с молодым графом было бы покончено.

Мое положение со дня на день усложнялось. Моя бедная голова устала выдумывать все новые и новые естественные способы погубить Роберта. Я извелся и уже собрался было расторгнуть свой договор с бароном де Бозаном, как вдруг с удивлением заметил странные перемены в поведении молодого графа. Эти перемены были вначале едва-едва заметны, но очень скоро стали явными. Он потерял свою веселость и живость. Грустил, подолгу о чем-то думал, мечтал, на охоте застывал в неподвижности с копьём в поднятой руке, не обращал внимания на собак, гнавших

зверя, мало ел, совсем не пил вина, плохо спал, избегал женщин, за целый день мог сказать мне только одно-два слова.

Я не надеялся, что он поверит мне свои тайны, и стал следить за ним. Надо было во что бы то ни стало выяснить причину происшедших с ним поразительных перемен, но он всегда находил повод, чтобы избавиться от меня, а я не имел права навязывать ему свое общество.

Однажды на охоте, преследуя оленя, мы вышли на опушку Хантингдонского леса. Там граф остановился и после короткого отдыха покинул меня.

— Роланд,— приказал он,— ждите меня возле этого дуба. Я вернусь через несколько часов.

— Да, сеньор,— ответил я.

Как только граф углубился в лесную чащу, я привязал собак к дереву и бросился за ним следом. Несмотря на всю мою ловкость, ему удалось перехитрить меня и скрыться. Я долго бродил по лесу и заблудился.

Расстроенный из-за того, что упустил прекрасный случай раскрыть тайну Роберта, я искал дерево, возле которого хозяин приказал мне ждать его, и вдруг в нескольких шагах от себя услышал нежный девичий голос. Я остановился, бесшумно отвел ветки и увидел графа с хорошенькой девушкой шестнадцати-семнадцати лет. Они сидели, взявшись за руки, болтали и весело смеялись.

«Так-так,— подумал я,— монсеньору барону де Бозану будет интересно узнать такую новость! Роберт влюбился. Вот откуда его грусть, бессонница, отсутствие аппетита, любовь к прогулкам в одиночестве».

Я прислушался к болтовне двух влюбленных, но ничего, кроме обычных любовных глупостей, не услышал.

Между тем день клонился к вечеру. Роберт встал, подал руку девушке и проводил ее на опушку леса. Там ждал лакей, державший под уздцы двух лошадей. Я следовал за ними на почтительном расстоянии. Наконец они расстались, и мой хозяин быстрым шагом вернулся на место, где он меня оставил.

Мне удалось опередить его. Когда он появился, собаки уже были отвязаны, а я громко трубил в охотничий рог.

— К чему этот шум? — спросил он.

— Солнце заходит, господин граф,— ответил я.— Я беспокоился за вас. Не дай Бог, заблудитесь в лесу.

— Но ведь я же не заблудился,— холодно возразил он.— Возвращаемся в замок.

Свидания Роберта с его возлюбленной продолжались. Он посвятил меня в свою тайну, а я, разузнав все о родителях девушки, осведомил барона де Бозана о сердечных делах его племянника. Семья мисс Лауры не была такой знатной, как семья Роберта, но тем не менее брак молодых влюбленных был бы почетным союзом.

Барон приказал мне любыми средствами воспрепятствовать свадьбе Роберта с мисс Лаурой, не останавливаясь даже перед убийством девушки.

Этот приказ показался мне жестоким, опасным и трудно выполнимым. Я хотел было уже отказаться подчиниться ему, но разве мог я это сделать, я, преданный душой и телом барону де Бозану?

Я не знал, что предпринять, у какого дьявола просить совета. И тут мне на помощь пришел сам Роберт, доверчивый и беззаботный, как все счастливые влюбленные. Он рассказал мне, что скрыл от мисс Лауры свой титул, потому что хотел, чтобы она полюбила его самого.

Мисс Лаура была уверена, что ее возлюбленный — сын лесничего, но, не колеблясь, согласилась отдать ему свою руку.

Роберт снял маленький домик в городе Лукиз, что находится в Ноттингемширском графстве. Там он хотел поселиться с молодой женой, а чтобы его отсутствие не вызвало никаких подозрений, он объявил слугам хантингдонского замка, что уезжает на несколько месяцев в Нормандию к своему дяде, барону де Бозану.

Этот план прекрасно удался. Священник тайно обвенчал влюбленных — я был единственным свидетелем их брака, — и они отправились жить в свое гнездышко.

И потекли счастливые часы. Барон требовал, чтобы я осведомлял его обо всем, что происходит в семье Роберта, и грозил мне своим гневом за то, что я не воспрепятствовал этому союзу. Но — Бог свидетель! — это было не в моей власти.

Целый год они прожили, наслаждаясь безоблачным счастьем. А потом Лаура родила сына и умерла.

— И этот сын... — спросил Джильберт. — Неужели?

— Да, это тот самый ребенок, которого мы поручили твоим заботам пятнадцать лет назад.

— Значит, Робин — наследник графов Хантингдонских?

— Да, Робин — граф. Робин...

И Ритсон, силы которого во время рассказа поддерживались волнением, вызванным угрызениями совести, теперь,

когда Джильберт прервал его, казалось, готов был испустить дух.

— Ах! Мой приемный сын оказался графом, — с гордостью повторял старый Джильберт Хид, — графом Хантингдонским! Рассказывай, брат, рассказывай дальше историю моего Робина.

Ритсон собрал остатки сил и продолжал:

— Его отец едва не лишился от горя рассудка, ни в чем не мог найти себе утешения, упал духом и серьезно заболел.

Барон де Бозан сообщил мне о своем скором возвращении в Англию. Я знал, что он гневается на меня за недостаточное усердный надзор за молодым графом, и поэтому действовал, предугадывая его желания. Графиня Лаура была тайно похоронена в монастыре, и никто так и не узнал, что она была законной женой графа Роберта. Ребенка я отдал кормилице, одной моей знакомой фермерше. Барону оказалась на руку выдумка Роберта о его путешествии во Францию. Он не стал ее опровергать, а приказал перевезти больного племянника в замок и рассказал всем, что граф заболел во время плавания через Ла Манш.

Судьба благоприятствовала барону де Бозану, его заветные желания вот-вот должны были исполниться. Граф Роберт был при смерти, и его дядя с нетерпением ждал того дня, когда он унаследует титулы и состояние графов Хантингдонских. За несколько часов до смерти несчастный молодой граф призвал барона к своему одру и рассказал ему о браке с мисс Лаурой. Барон поклялся на Евангелии, что воспитает сироту. Но не успело остыть тело графа Роберта, как его дядя в свою очередь заставил меня поклясться на Евангелии, что я никогда никому не расскажу ни о браке графа Роберта, ни об обстоятельствах его смерти, ни о его законном наследнике.

Я горько оплакивал смерть графа Роберта. Он был не столько моим хозяином, сколько моим воспитанником, моим товарищем, нежным, добрым, щедрым. Но делать нечего, я должен был повиноваться барону де Бозану.

Я поклялся, и мы отдали вам на воспитание обездоленного ребенка.

— Что случилось с бароном де Бозаном, узурпировавшим титул графа Хантингдонского? — спросил Джильберт.

— Он погиб в кораблекрушении у берегов Франции. Я сопровождал его в этом плавании так же, как сопровождал

в поездке к вам. Мне удалось спастись. Я вернулся в Англию и сообщил властям о гибели графа.

— Кто же ему наследовал?

— Богатый аббат Рэмсей, Уильям Фитцут.

— Как? Аббат обобрал моего Робина?

— Да. Он взял меня к себе на службу, но несколько дней назад с позором выгнал из своего замка, обвинив в том, что я затеваю ссоры с его лакеями. Я был глубоко оскорблен этой несправедливостью и поклялся отомстить за нанесенную мне обиду. Я умираю и не смогу сделать это сам. И все же я буду отомщен: Джильберт Хид не позволит, чтобы Робин оставался обездоленным, он вернет ему утраченное наследство.

— Да, и очень скоро,— сказал Джильберт.— Но если мне это не удастся, я умру с горя. Кто его родственники по матери? Они должны быть заинтересованы в том, чтобы король признал Робина английским графом.

— Отец графини Лауры — сэр Гай Гэмвелл-Холл.

— Вот как! Старый сэр Гай Гэмвелл-Холл, тот самый, который живет с другой стороны леса с семьей великанами сыновьями, славными шервудскими охотниками?

— Да, брат.

— Отлично! С их помощью я вышвырну господина аббата из хантингдонского замка, богатого, могущественного аббата Рэмсея, барона де Броугтона.

— Брат, ты клянешься, что отомстишь за меня? — спросил Ритсон. Его губы еле шевелились.

— Вот тебе мое слово и моя рука. Клянусь, что с Божьей помощью я верну Робину Хантингдонское графство, и все английские аббаты, сколько бы их ни было, не смогут мне помешать совершить это святое дело.

— Благодарю тебя! Перед смертью я хочу загладить хоть ничтожную часть моих злодеяний.

Ритсон медленно умирал. Время от времени, собравшись с силами, он делал новые признания. Он еще не все сказал. Стыд или близкая смерть помрачали его сознание.

— Ах! — произнес он, очнувшись от долгого забытья.— Я должен сказать нечто важное... очень важное.

— Говори! — прошептал Джильберт, поддерживая его голову.— Говори!

— Этот рыцарь с молодой дамой, которых ты приютил..

— Ну?

— Я хотел их убить. Вчера... барон Фитц Олвайн заплатил мне за это. Он опасался, что я могу их не встретить,

и поэтому послал в погоню за ними этих людей, моих сообщников. Это их вы перебили вчера вечером. Мне не известно, за что барон приговорил их к смерти, но предупреди их от моего имени, чтобы они остерегались старого барона.

Джилльберт содрогнулся от страха за Робина и Аллана, которые уже приближались к Ноттингему, и было поздно предупреждать их о грозившей им смертельной опасности.

— Ритсон, — сказал он. — Хочешь, я приведу сюда отца бенедиктинца? Он где-то здесь недалеко. Пусть он примирит тебя с Богом.

— Нет. Я проклят, проклят. Да он и не успеет прийти до того, как я умру.

— Мужайся, брат.

— Я умираю, Джилльберт. Если ты вправду прощаешь меня, скорони мое грешное тело между дубом и буком, там, где дорога поворачивает на Мансфельдвудхауз... Обещаешь?.. Благодарю тебя, мой добрый Джилльберт.

Помолчав, Ритсон воскликнул, ломая руки от отчаяния:

— Ах! Ты не знаешь всех моих преступлений! Я должен признаться тебе во всем! Но если я расскажу тебе о самом страшном своем преступлении, ты не откажешься от обещания похоронить меня там?

— Нет.

— Джилльберт Хид, у тебя была сестра. Ты вспоминаешь о ней?

— О! — вскричал Джилльберт. Его лицо стало мертвенно-бледным. — Да разве мог я ее забыть? Говори, что тебе известно о судьбе моей бедной сестренки? Она заблудилась в лесу? Ее похитили разбойники? Сожрали волки? Аннета, моя нежная красавица Аннета!

Тело Ритсона задрожало, как перед последним вздохом. Глухим, прерывающимся голосом он начал свой рассказ:

— Ты, Джилльберт, любил мою сестру Маргариту, а я любил Аннету. Любил безумно, исступленно. Никто не мучился от любви так, как я. Однажды я встретил ее в лесу, в голове у меня помутилось, и я забыл, что честный человек должен уважать девушку, на которой собирается жениться. Аннета с презрением оттолкнула меня и поклялась, что никогда не забудет мне этой грубости. Я вымаливал у нее прощение, ваялся в ногах, сказал, что покончу с собой, если она не простит меня. Она смягчилась, и там, под теми деревьями, под которыми ты обещал похоронить меня, мы поклялись любить друг друга всю жизнь. Через

несколько дней я подло обманул ее. Один из моих приятелей, переодевшись священником, тайно обвенчал нас.

— Ад и смерть! — прорычал Джилберт. Ярость душила его. Он судорожно сжал руками спинку кровати, чтобы не броситься с кулаками на негодяя.

— Да, я заслуживаю смерти и скоро умру... Джилберт, не убивай меня, я еще не все рассказал... Аннета считала себя моей женой. Чистая, невинная, она не подозревала, что стала жертвой вероломства. Под всякими предложениями я отказывался сообщить вашей семье о нашем браке. Она верила мне и полностью поддерживала меня. Это продолжалось до того времени, когда она поняла, что должна стать матерью. Теперь она уже не могла жить под крышей отцовского дома. Ты женился на моей сестре. Это был благоприятный момент во всем признаться родителям. Она заклинала меня сделать это, но я ее уже не любил и собирался покинуть деревню, чтобы искать счастья на стороне. Я и не думал посвящать Аннету в свои замыслы. Однажды вечером она поджидала меня под тем дубом, под которым я клялся ей в вечной любви. Я пришел на это свидание. Мрачные мысли теснились в моей голове. Я холодно выслушал ее упреки. Она горько плакала. Ах! Вне себя от отчаяния, она упала на землю и, прижимая мои колени к своей груди, умоляла заколоть ее кинжалом. Почему я не остался глух к этой ее мольбе? Едва она вымолвила: «Убей меня!» — как дьявол, да, дьявол вложил в мою руку кинжал, и... я ударил один раз... два раза... три раза. Темная ночь, кругом ни души. Я стоял, отупевший, и не понимал, что совершил преступление, я даже не помнил, что вонзил в нее кинжал. Я ни о чем не думал... как вдруг почувствовал, что по моим ногам течет что-то теплое — это текла кровь Аннеты. И тут я понял, какое преступление совершил. Хотел бежать, но ее руки крепко сжимали мои колени. «Спасибо, Роланд!» — шептал ее нежный голос. Бог проклял меня на всю жизнь за это злодеяние. Когда до меня дошло, что я — изверг, убийца, я в отчаянии хотел заколоться кинжалом на трупе Аннеты, но Бог лишил силы мою преступную руку.

— Презренный негодяй! Ты убил мою сестру, — повторял Джилберт каждый раз, когда Ритсон прерывал свой рассказ, чтобы передохнуть. — Что ты сделал с ее телом, убийца, подлый убийца?

— Когда она благодарила меня, луна осветила ее бледное лицо, и в ее глазах я прочитал прощение. Потом она

простерла ко мне руки и прошептала: «Благодарю тебя, Роланд! Я предпочитаю смерть жизни без твоей любви! Я хочу, чтобы никто не узнал, что со мной случилось. Похорони меня под этим деревом». И испустила дух. Я стоял, как будто пораженный громом, без чувств, возле тела несчастной Аннеты. Время остановилось. Я пришел в себя от сильной боли. Мне показалось, что чьи-то острые зубы грызут мою руку,— и не ошибся. Это был волк. Привлеченный запахом крови, он вышел на охоту... Борьба с кровожадным зверем вернула меня к действительности. Я подумал, что нужно как можно скорее закопать тело моей жертвы, иначе преступление будет обнаружено. Я вырыл могилу между дубом и буком, положил туда бедную Аннету и, охваченный ужасом, убежал. Терзаемый угрызениями совести, я до утра бродил по лесу. Вы нашли меня тогда лежащим на земле, в луже крови, вытекавшей из многочисленных ран от волчьих укусов. Волки шли за мной по пятам, а потом набросились и чуть не загрызли меня. Это было бы возмездием за мое преступление. Но вы меня спасли. На следующий день обнаружилось исчезновение Аннеты. Все бросились ее искать. Я же, вместо того чтобы признаться в своем злодеянии, усердно искал ее вместе с вами. Потом я всем говорил, что, возможно, Аннету похитили разбойники или загрызли дикие звери.

Джильберт ничего больше не слышал. Прислонившись к оконной раме, он горько рыдал. Напрасно несчастный кричал ему: «Я умираю! Я умираю! Не забудь похоронить меня под тем дубом!» Он не помнил, сколько времени простоял так, неподвижный, убитый горем. Когда же он подошел к кровати, Ритсон был уже мертв.

ГЛАВА VI

В то время когда Роланд Ритсон мучительно умирал, трое путников, Аллан, Робин и молодой монах, быстро шли по ноттингемской дороге, бегущей через Шервудский лес. Они болтали, смеялись и пели. То монах рассказывал какую-нибудь забавную или фривольную историю, то серебрястый голос Робина выводил веселую балладу, то Аллан овладевал вниманием спутников, делясь с ними своими глубокомысленными соображениями.

— Мэтр Аллан,— произнес Робин,— солнце приближается к зениту, и мой желудок просит подкрепления. Здесь,

в нескольких шагах от нас, протекает ручей, а мой мешок полон вкусной еды. Посидим на берегу, поедим и отдохнем.

— Ты говоришь дело, сын мой,— поддержал его монах,— и я охотно присоединюсь к тебе.

— И я не против, дорогой Робин,— сказал Аллан.— Но позволь заметить, что я непременно должен попасть в ноттингемский замок до захода солнца. Если же то, что ты предлагаешь, надолго задержит нас, я лучше продолжу свой путь с пустым желудком.

— Как хотите, мессир,— ответил Робин,— тогда и мы не будем останавливаться.

— К ручью! К ручью! — закричал монах.— До Ноттингема осталось только три мили, и до ночи мы успеем десять раз обернуться. Часок отдыха и хороший обед нам не помешают.

Слова монаха убедили Аллана, и он согласился сделать привал. Они расположились в тени высокого дуба, на краю живописной поляны, где по белым и розовым камешкам, между цветущими берегами, бежал чистый, прозрачный ручеек.

— Какая красота! — воскликнул Аллан, замороженный прелестью лесной поляны.— Но этот земной рай слишком удален от твоего дома, дорогой Робин, и поэтому ты, наверное, редко здесь бываешь.

— Вы правы, мессир, мы редко сюда приходим. Только один раз в году, и не тогда, когда здесь все зеленеет, цветет и сверкает, как сегодня, а зимой. Поляна покрыта снегом, ветер гнет обнаженные ветви деревьев, тяжелые тучи обволакивают небо. Печальная природа сочувствует нашему горю.

— Какому горю, Робин?

— Видите высокий бук там, в зарослях шиповника? Под ним похоронен брат моего батюшки. Его, как и меня, звали Робин. Это случилось задолго до моего рождения. Двое лесничих возвращались с охоты, и, когда они проходили через эту поляну, на них напала шайка разбойников. Они отважно защищались, но — увы! Мой дядя Робин был пронзен стрелой и упал, чтобы больше не подняться. Джильберт отомстил за его смерть и воздвиг на могиле эту печальную часовню. Каждый год в памятный день мы приходим сюда оплакать нашего дорогого дядю и помолиться за упокой его души.

— На всей земле не осталось места, не оскверненного злодеяниями людей,— правоучительно сказал монах и при-

бавил с веселым нетерпением в голосе: — Эй, Робин! Пусть мертвые мирно спят, а ты подумай о своих живых спутниках. Мы умираем с голоду. Ну, развязывай свою котомку. Ты говорил, что она полна съестных сокровищ.

Сидя в траве на берегу ручья, друзья весело пировали, уписывая за обе щеки припасы, приготовленные для них заботливой Маргаритой. Время от времени они пускали по кругу объемистую флягу со старым французским вином. Всех охватило безудержное веселье. Время летело незаметно, никто не вспоминал, что в Ноттингеме их ждут неотложные дела. Робин пел одну балладу за другой. Аллан был на седьмом небе от счастья. Он без умолку рассказывал всем о своей любви к леди Кристabelle и вдохновенно описывал ее прелести. Монах болтал всякую всячину, а потом объявил для всеобщего сведения, что его зовут Джил Шерборн, что он происходит из богатой крестьянской семьи, что монастырской жизни он с удовольствием предпочел бы вольную жизнь лесничего. Еще он добавил, что за большие деньги купил у настоятеля монастыря право жить так, как ему заблагорассудится, и право пользоваться дубиной.

— Меня прозвали братом Туком, — рассказывал он, — за мое умение ловко орудовать дубиной и за мою привычку подтыкать подол сутаны. Я добрый с добрыми и злой со злыми, помогаю друзьям и луплю дубиной врагов, пою веселые баллады для хорошего настроения и застольные песни, когда сижу с друзьями за бутылкой вина, в церкви усердно молюсь и подпеваю святошам, рассказываю веселые сказки и истории тем, кто терпеть не может скучные проповеди. Вот я какой, брат Тук. А теперь ваша очередь, мессир Аллан. Расскажите нам о себе.

— Охотно, с вашего позволения, — ответил Аллан.

В это время брат Тук протянул руку, чтобы выхватить у Робина флягу, в которой оставалось еще немного вина.

— Подожди, — остановил его юноша, — я отдам тебе флягу только в том случае, брат Тук, если ты пообещаешь не прерывать мессира Аллана Клэра.

— Хорошо, не буду прерывать его. Давай флягу.

— Вот рыцарь закончит свой рассказ, тогда мы и увидим, сдержал ты свое обещание или нет.

— Злой ты, Робин! Я задыхаюсь от жажды!

— Ну, так выбрось свою жажду в воду.

Монах досадливо поморщился и, сделав вид, что ему хочется спать, а история Аллана Клэра его мало занимает, вытянулся на траве.

— Я происхожу из саксонского рода, — начал свой рассказ Аллан. — Мой отец был близким другом первого министра короля Генриха Второго, Томаса Бекета. Эта дружба стала причиной всех его бедствий после гибели Бекета.

История предков рыцаря не заинтересовала Робина, и он хотел было уже последовать примеру монаха, как вдруг услышал имя Марианны. Он наострил уши и приготовился слушать. И так внимательно слушал, что не заметил, как брат Тук приподнялся и выхватил у него из рук флягу с вином. Каждый раз, когда Аллан прекращал рассказывать о прекрасной Марианне, Робин находил способ вернуть разговор в интересующее его русло. Ему пришлось позволить рыцарю поведать о его любви к благородной и прекрасной Кристабель, дочери ноттингемского барона. Потом рыцарь перешел к повествованию о своей вражде с бароном.

— Когда наша семья пользовалась милостями двора, — рассказывал он, — ноттингемский барон благосклонно относился к нашей любви и называл меня своим сыном, но как только судьба повернулась к нам спиной, он закрыл передо мной ворота своего замка и поклялся, что Кристабель никогда не будет моей женой. Я же со своей стороны поклялся, что сломлю его сопротивление и женюсь на его дочери. С тех пор я упорно иду к своей цели и надеюсь победить. Сегодня вечером, да, сегодня вечером он отдаст мне руку Кристабель или будет наказан за свое вероломство. Случайно я проник в его тайну. Если я раскрою эту тайну королю, барон будет изгнан или обезглавлен. Вот я ему сегодня и скажу: «Барон де Ноттингем, предлагаю вам сделку: я буду молчать, а вы отдадите мне руку Кристабель».

Он еще долго говорил в том же духе, а в сознании Робина образ Кристабель ассоциировался с образом Марианны. Он их сравнивал, размышлял, вздыхал и не прерывал рассказа Аллана до тех пор, пока не заметил, что солнце начало клониться к горизонту.

— В путь, — сказал Аллан.

— В путь, брат Тук, — поддержал его Робин.

Но брат Тук сладко спал, лежа на боку и крепко прижимая к своему сердцу пустую флягу.

Робин предоставил рыцарю удовольствие будить монаха, а сам побежал поклонить колени перед могилой брата Жильберта. Он не простил бы себе, если бы покинул эти места, не выполнив свой печальный долг.

Он прочитал короткую молитву, перекрестился и вдруг услышал страшный шум. Это дрались рыцарь с монахом.

Монах размахивал своей ужасной дубиной над головой Аллана, который парировал удары копьем и смеялся во все горло, а монах изрыгал богохульства.

— Эй, сеньоры, какая муха вас укусила? — полюбопытствовал Робин.

— Если твое копые больно колет, то моя дубина крепко бьет! — кричал воспаленный гневом монах.

Аллан со смехом отбивал атаки монаха, но, заметив, что сквозь сутану брата просачивается кровь, он понял, что гнев его противника был законным, и попросил прощения. Монах, глухо ворча, простил его и перестал размахивать дубиной, но долго еще горько жаловался на рыцаря. Вот как он объяснил юному лучнику причину ссоры:

— Стыд и позор нарушать благочестивые размышления такого святого человека, как я, погружая ему железный наконечник копья в такое место, где этот наконечник не встречает на своем пути костей.

Дело было так: выполняя поручение Робина разбудить соню, Аллан пощекотал его острием копья пониже спины. Но шутка обернулась кровью. Рыцарь по всем правилам попросил прощения у монаха. Мир был восстановлен, и маленький караван поспешил в Ноттингем. Менше чем через час они уже были в городе и всходили на холм, на котором высился феодальный замок.

— Как только я скажу, что желаю говорить с бароном, ворота замка откроются передо мною настезь, — сказал Аллан. — Ну а вы, друзья, под какими предложениями сможете проникнуть туда?

— Обо мне не беспокойтесь, мессир, — ответил монах. — В замке живет молодая двоица, которая имеет большое влияние на воинов, дежурящих у подъемного моста. Я — ее исповедник, духовный отец. Благодаря ей я вхожу в замок в любое время дня и ночи. А вам, прекрасный рыцарь, хочу дать совет. Вы ничего не добьетесь от барона, если будете обращаться с ним так же грубо, как со мной. Это настоящий лев. Будьте с ним вежливы, иначе пеняйте на себя, сын мой.

— Я спрячу когти.

— И да просветит вас Бог! Ну, вот мы и пришли, — проговорил монах и громовым голосом закричал: — Пусть благословит тебя мой почтенный патрон, великий святой Бснедикт, пусть он осыпает своими благодеяниями тебя, мэтр Хьюберт Линдсей, хранитель ворот ноттингемского замка, и твою семью! Впусти нас. Я с двумя друзьями. Один из них

желает переговорить с твоим хозяином об очень важных делах, а другой нуждается в отдыхе. Я же, с твоего позволения, дам духовные наставления твоей дочери.

— Как, это вы, веселый честный Тук, жемчужина Линтонского аббатства? — спросили изнутри замка. В голосе слышалась неподдельная сердечность. — Добро пожаловать, мой дорогой. Вы и ваши друзья.

Тотчас же подъемный мост опустился, и путники вошли в замок барона.

— Барон уже удалился в свои комнаты, — сказал мэтр Хьюберт Линдсей Аллану, который настаивал на том, чтобы его без промедления проводили к барону. — Если же вы пришли с недружественными намерениями, я советовал бы вам перенести эту встречу на завтра. Сегодня весь вечер милорд был в очень плохом настроении.

— Он болен? — спросил монах.

— Его мучит подагра, он страдает, как проклятый. Если его оставят одного, он скрежещет зубами и зовет на помощь. Если же к нему приходят с утешениями, он изрыгает проклятия и грозит смертью. Ах, друзья мои, — с грустью добавил мэтр Хьюберт, — с тех пор, как монсеньор был изранен под Иерусалимом турецкой саблей, он стал неузнаваем. Потерял всякое терпение и здравый смысл.

— Его ярость меня не волнует, — произнес Аллан. — Я хочу немедленно переговорить с ним.

— Воля ваша, господин. Эй, Тристан! — закричал охранник, обращаясь к слуге, который в это время пересекал двор. — Как там его светлость? Ему лучше?

— Никаких улучшений. Он мечет громы и молнии, рычит как тигр потому, что врач плохо наложил повязку на рану. Представляете себе, господа, он пинками выгнал бедного врача, схватил кинжал и, угрожая мне им, запретил приводить другого врача. И еще пообещал за малейшую провинность отрезать нос.

— Заклинаю вас, месьеи рыцарь, — грустно сказал Хьюберт, — не показывайтесь ему на глаза сегодня вечером. Обождите.

— Я не буду ждать ни минуты, ни секунды. Немедленно проводите меня в его покои.

— Вы настаиваете на этом?

— Да, настаиваю.

— Да хранит вас Бог! — произнес старый Линдсей, истово перекрестившись. — Тристан, проводи этого господина к милорду.

Тристан побледнел от страха и задрожал всем телом. Он был счастлив вырваться живым и невредимым из лап этого дикого зверя и не имел ни малейшего желания снова возникнуть перед ним. Гнев барона одинаково обрушится как на посетителя, так и на слугу, который его проводит в господские покои.

— Монсеньор пригласил этого господина? — спросил Тристан. Он был в затруднении.

— Нет, мой друг.

— Позвольте ли вы мне сначала доложить о вас монсеньору?

— Нет, я пойду вместе с вами. Проводите меня к барону.

— Ах! — горестно воскликнул бедняга. — Я погиб.

И он ушел в сопровождении Аллана, а старый охранник сказал со смехом:

— Несчастный Тристан! Он поднимается сейчас по лестнице в покои барона, как по ступеням эшафота. Клянусь святой мессой! Его сердце бьется как бешеное, вот-вот разорвется. Ну, я заговорился тут с вами, друзья мои, а мне еще нужно проверить все посты на стенах замка. Брат Тук, ты найдешь мою дочь в буфетной, иди туда, и, если это будет угодно Богу, я присоединюсь к вам менее чем через час.

— Благодарю тебя, — ответил монах и вместе с Робинем углубился в лабиринт коридоров, переходов, галерей и лестниц. Без его помощи Робин заблудился бы тысячу раз. Но брат Тук знал ноттингемский замок как свои пять пальцев, может быть, даже лучше, чем Линтонское аббатство. Через несколько минут он уже стучал в дверь буфетной с легкостью и непринужденностью человека, который везде чувствует себя как дома.

— Войдите, — послышался из-за двери молодой, свежий голос.

Они вошли. Им навстречу бросилась хорошенькая девушка шестнадцати-семнадцати лет. На ее лице играла кокетливая, веселая улыбка. Вид огромного монаха несколько ее не испугал, наоборот, она была очень рада его приходу.

«Ах! — подумал Робин. — Так вот она какая, духовная дочь нашего святого отца! Признаться, эта девочка с искрящимися весельем глазами, с розовыми смеющимися губами — самая хорошенькая христианка на свете».

Робин не мог скрыть, какое впечатление произвела на него красота этой любезной девушки. Прелестная Мод протянула к нему свои маленькие ручки и поздравила с благополучным прибытием. Брат Тук добродушно воскликнул:

— Ручки — это еще не все, мой мальчик. Ты посмотри на ее губки, алые, хорошенькие губки. Поцелуй их. Долой стыдливость! Стыдливость — это добродетель дураков.

— Ах, Господи! Что за глупости вы говорите, отец мой,— насмешливо сказала девушка, покачав головой.

— «Отец мой! Отец мой!» — передразнил ее монах.

Робин с удовольствием последовал совету монаха и поцеловал девушку в губки, преодолев ее притворное сопротивление, а брат Тук крепко поцеловал ее один раз, другой, третий... и мы будем откровенны и признаем, что Мод обходилась с братом Туком скорее как с возлюбленным, чем как с духовным отцом. Признаем также, что и поведение святого брата мало соответствовало требованиям, предъявляемым церковью к своим служителям.

Робин это заметил и, с аппетитом поглощая напитки и вкусную еду, которыми Мод оставила стол, подумал, что монах совсем не похож на строгого, почтенного исповедника.

— Обычные теплые отношения между родственниками,— сказал монах.

— Ах, так вы, оказывается, родственники?

— И очень близкие, мой юный друг, настолько близкие, что нам запрещено вступать в брак. Мой дед был сыном одного из племянников двоюродного брата двоюродной бабушки Мод.

— Вот это родство!

Мод покраснела, и Робину стало ее жалко. В буфетной раздавались звон стаканов, взрывы веселого смеха и звуки робких поцелуев, которые Робину удавалось сорвать с губок Мод. Бутылки постепенно пустели.

В самый разгар веселья дверь буфетной распахнулась, и на пороге появился сержант в сопровождении десяти солдат.

Сержант учтиво поклонился Мод и, бросив строгий взгляд на сотрапезников, спросил:

— Это вы пришли вместе с рыцарем, который настаивал на свидании с нашим господином лордом Фитц Олвайном, бароном де Ноттингемом?

— Да,— развязно ответил Робин.

— Ну и что? — дерзко спросил брат Тук.

— Вы оба пойдете сейчас со мной в покои монсеньора.

— Это еще почему? — снова спросил Тук.

— Не знаю. Мне приказано доставить вас в покои милорда. Повинуйтесь.

— Перед тем как уйти, выпейте стаканчик,— сказала прекрасная Мод, протягивая сержанту стакан, наполненный элем.— Это вам не повредит.

— С удовольствием.

Осушив залпом стакан, сержант повторил приказ следовать за ним.

Робин и Тук повиновались, с сожалением оставив хорошенькую Мод в одиночестве в буфетной.

Они прошли через несколько галерей, оружейный зал и остановились перед огромной дубовой дверью. Сержант постучал три раза.

— Войдите,— громким голосом ответили ему.

— Следуйте за мной,— приказал сержант Робину и Туку.

— Да входите же, входите, негодяи, разбойники, висьельники. Входите! — повторял громовым голосом старый барон.— Входите, Симон.

Сержант открыл наконец дверь.

— Ах, так вот вы, мошенники! А ты где шлялся с тех пор, как я послал тебя за ними? — спросил барон, бросая на начальника конвоя испепеляющие взгляды.

— Если ваша светлость изволит, я...

— Лжешь, пес! Как ты смеешь еще оправдываться после того, как заставил меня ждать целых три часа?

— Три часа? Милорд ошибается. Прошло всего лишь пять минут с того момента, как вы приказали мне привести этих людей.

— Подлый раб! Не смей оправдываться! Вы, мерзавцы,— добавил он, обращаясь к оторопелым солдатам,— приказываю вам не повиноваться этому изменнику. Отберите у него оружие, схватите его и отведите в камеру, а если он вздумает сопротивляться вам, бросьте без сожаления в каменный мешок! Выполняйте!

Солдаты, подбадривая друг друга взглядами, приблизились к своему начальнику, чтобы обезоружить его. Сержант молчал ни жив, ни мертв.

— Негодяи! — закричал барон.— Не прикасайтесь к этому человеку раньше, чем он ответит на мои вопросы.

Солдаты отступили.

— А теперь, мошенник, теперь ты видишь, как я добр к тебе: ведь не позволил же я этим грубиянам разоружить тебя? Отвечай и не смей лукавить: верно ли, что эти два пса — сообщники нахала, осмелившегося нагло оскорбить меня в моем собственном замке?

— Да, милорд.

— Откуда тебе это известно, дурак? Кто тебе сказал?

— Они сами мне признались.

— Так ты осмелился допрашивать их без моего позволения?

— Милорд, они мне это сказали там, в буфетной, когда я приказал им следовать за мной.

— «Они мне это сказали, они мне это сказали»,— повторил барон, передразнивая дрожащий голос несчастного сержанта.— Ты веришь всему, что тебе скажет первый встречный?

— Милорд, я думал...

— Молчать, негодяй! Хватит! Пошли вон отсюда!

Сержант подал команду «кругом!».

— Подождите!

Сержант приказал солдатам остановиться.

— Нет, идите, идите!

Сержант снова приказал своим людям выйти из покоев барона.

— Вы куда пошли, мерзавцы?

Сержант снова подал команду остановиться.

— Нет, идите, говорят вам, неповоротливые псы, улитки. Вон! Чтоб духу вашего здесь не было!

На сей раз солдатам удалось покинуть покои, а вслед им неслась ругань старого барона.

Робин внимательно следил за всеми перипетиями этого в высшей степени интересного разговора барона Фитц Олвайна с сержантом. Он был ошеломлен и скорее с удивлением, чем со страхом, смотрел на необузданного и странного хозяина ноттингемского замка.

В возрасте около пятидесяти лет, среднего роста, с маленькими живыми глазками, орлиным носом, длинными усами и густыми бровями, с энергичными чертами загорелого, налитого кровью лица, неукротимой дикостью, сквозящей в каждом движении,— таким предстал перед Робинотом старый барон. На нем были пластинчатые доспехи и широкий плащ из белого сукна с красным крестом паладина Святой Земли. Пылкий, на малейшее противоречие — словом, взглядом, жестом — он отвечал ужасным взрывом страстей и мстил, безжалостно, неумолимо, пока не сживал со света.

Начало не предвещало ничего хорошего. Наши друзья ожидали новых бурь, и они разразились.

— Подойди-ка поближе, шервудский волчонок! — кричал барон. В его голосе слышалась жестокая ирония.—

И ты, бродяга-монах, монастырский паразит, тоже подойди! Я надеюсь, вы мне скажете, без хитростей и лукавства, что заставило вас проникнуть в мой замок. Какой разбойничий план вы составили перед тем, как покинуть лесные заросли и монастырскую конуру? Говорите откровенно, а не то испытаете на своих подлых шкурах мой замечательный способ узнавать правду. Клянусь святым Иоанном Акрским, познакомившись с ним, даже немые обретают дар речи.

Робин бросил на барона презрительный взгляд и промолчал. Монах тоже хранил молчание, судорожно сжимая в руках уже знакомую вам кизиловую дубину. Она придавала ему весьма почтенный вид и всегда служила опорой, шел ли он или отдыхал.

— Ах, так вы не желаете отвечать, вы сердитесь, дорогие господа! — снова закричал барон.— Что же, я так и не узнаю, чему обязан счастьем принимать вас у себя? Славная вы парочка: один — приبلудный сын разбойника, а другой — грязный попрошайка!

— Ты лжешь, барон,— ответил Робин.— Я не приبلудный сын разбойника, а монах не грязный попрошайка. Ты лжешь.

— Подлые рабы!

— И опять ты лжешь. Я не раб, ни твой и ничей. А этот монах если и протянет в твою сторону руку, то вовсе не для того, чтобы попросить милостыню.

Тук погладил свою дубину.

— Ах ты, лесной пес! Ты еще смеешь огрызаться, оскорблять меня! — вскричал барон, задыхаясь от гнева.— У тебя слишком длинные уши. Тебя пригвоздят за уши к воротам замка и дадут сто ударов хлыстом.

Робин побледнел от негодования, но не потерял самообладания. Не говоря ни слова и глядя в упор на ужасного барона Фитц Олвайна, он вынул стрелу из своего колчана. Барон вздрогнул, но сделал вид, что не понял намерений юноши. С минуту он молчал, затем внимательно посмотрел на Робина и, сбавив тон, сказал:

— Твоя молодость вызывает у меня сострадание. Ты был дерзок со мной, но я не попомню тебе зла и не прикажу сейчас же бросить тебя в подземелье. Я хочу, чтобы ты ответил на мои вопросы. И помни, что если я дарую тебе жизнь, то только по своей душевной доброте.

— Не думайте, что я в вашей полной власти, благородный сеньор,—ответил Робин.— И в подтверждение этого я воздержусь отвечать на ваши вопросы.

Привыкший к беспрекословному и пассивному повиновению своих слуг и людей, слабых духом, барон долго не мог прийти в себя от изумления. Потом бессвязные мысли, ронившиеся в его голове, вылились в такие же бессвязные слова и ругань.

— А-а-а,— заговорил он скрипучим голосом.— Так ты, значит, не в моей власти, грязный медвежонок? Ах, так ты не хочешь со мной разговаривать, обезьяна, ведьмин сын? Да мне достаточно жеста, взгляда, чтобы отправить тебя в ад. Подожди, подожди, вот я тебя сейчас задушу своим ремнем.

Робин натянул лук и уже собрался пронзить барона стрелой, как в разговор вмешался брат Тук. Вкрадчивым голосом он сказал:

— Я надеюсь, что ваша светлость не исполнит своих угроз.

Этим вмешательством монах вызвал огонь на себя. Фитц Олвайн набросился на него, как бешеный волк на новую добычу.

— Попридержи свой змеиный язык, чертов монах! — закричал барон, смерив взглядом Тука с головы до ног. Потом он презрительно добавил: — Прекрасный образчик тех прожорливых хищников, которых называют нищенствующими братьями.

— Я совершенно не согласен с вами, монсеньор,— благодушно возразил брат Тук.— И позвольте мне сказать, что при всем уважении к такой важной персоне, как вы, я не нахожу в ваших словах никакого здравого смысла. Ваша точка зрения порочна. Быть может, жестокий приступ подагры затмил ваш разум, милорд. А может быть, вы его оставили на дне бутылки, из которой пили джин.

Робин звонко рассмеялся.

Выведенный из себя барон схватил молитвенник и с такой силой бросил его в голову монаха, что оглушенный Тук покачнулся, но устоял на ногах. А так как он был не из тех людей, которые, получив такой подарок, не отдариваются, то, размахнувшись своей ужасной дубиной, он опустил ее на большое плечо барона Фитц Олвайна.

Благородный барон подскочил от боли, взвыл, заревел, как раненый бык на арене цирка, и протянул руку, чтобы сорвать со стены огромный меч, с которым ходил в крестовые походы, но Тук предотвратил этот маневр барона и, сохраняя за собой инициативу, обрушил на всемогущего сеньора Ноттингемского град ударов дубиной. Несмотря на свои тяжелые

доспехи, барон с необыкновенной легкостью убежал от Тука, стараясь уклониться от ударов.

Долго пришлось его светлости звать на помощь. Наконец сержант, арестовавший Тука и Робина, просунул голову между створками двери и флегматично спросил:

— Ваша светлость меня звали?

Легкий и проворный, как в двадцать лет, барон одним прыжком покрыл расстояние между углом комнаты, куда его загнала дубина Тука, и порогом, который сержант не смел переступить без приказа даже для того, чтобы прийти на помощь своему господину.

Несчастный сержант заслуживал быть принятым как спаситель, как ангел-хранитель, а милорд, бессильный против монаха, обрушил на него весь свой гнев, исколотив ногами и кулаками.

Наконец барон устал избивать безответного сержанта, не осмеливавшегося дать ему сдачи, потому что в те времена личность знатного вельможи была неприкосновенна. Он перевел дух и приказал сержанту арестовать Робина и монаха и бросить их в подземелье замка.

Вырвавшись из лап барона, сержант стрелой вылетел из покоев и закричал:

— К оружию! К оружию!

Вернулся он в сопровождении двенадцати солдат.

Увидев такое подкрепление, монах схватил со стола распятие из слоновой кости, встал впереди Робина, который собрался выпустить несколько стрел в солдат, и закричал:

— Именем Пресвятой Девы, именем Ее Сына приказываю вам пропустить меня. Прокляну и отлучу от церкви того, кто станет на моем пути.

Эти слова, произнесенные громовым голосом, ошеломили солдат, они оцепенели, и монах беспрепятственно вышел из баронских покоев. Робин хотел последовать за ним, но барон подал знак рукой, и солдаты бросились на юношу, вырвали из его рук лук и стрелы, а самого вытолкнули на середину комнаты.

— Теперь мы остались вдвоем,— сказал милорд, когда к нему наконец вернулся дар речи.— Вдвоем.

В те далекие времена было небезопасно спорить со служителями церкви. Сам король Генрих Второй испытал это на себе, ввязавшись в ссору с архиепископом Томасом Бекетом. Поэтому барон был вынужден отпустить с миром монаха, но он не терял надежду заставить говорить Робина.

— Это правда, что вы проникли в мой замок вместе с Алланом Клэром? — спокойно спросил он с недоброй улыбкой. — Не можешь ли ты мне сказать, что ему было от меня нужно?

Любой человек на месте Робина посчитал бы себя погибшим, и погибшим безвозвратно, оказавшись в руках такого жестокого и беспощадного негодяя, как старик Фитц Олвайн. Но юный отважный лучник из Шервудского леса был не из тех, кого можно запугать, пусть даже угрозой неминуемой смерти, и он ответил с восхитительным хладнокровием:

— Да, я действительно вошел в ваш замок вместе с мессиром Алланом Клэром, но не имею ни малейшего понятия, о чем он хотел с вами говорить.

— Ты лжешь!

Робин презрительно улыбнулся. Лицемерное спокойствие лорда сменилось взрывом гнева, но чем сильнее бушевал старик, тем веселее улыбался Робин.

— Когда вы познакомились с Алланом Клэром? — взяв себя в руки, спросил барон.

— Сутки назад.

— Лжешь, лжешь! — рычал барон.

Обиженный этими оскорблениями, Робин холодно сказал:

— Я лгу? Я? Ты сам отрицаешь правду, подлый старик! Ну, хорошо. Пусть я лгу, но больше я не буду лгать. Слова от меня ты больше не услышишь.

— Безрассудный мальчишка! Неужели ты хочешь, чтобы тебя сбросили с башни в ров замка? Туда же через час, после исповеди, последует и твой сообщник Аллан Клэр. Я задам тебе еще один вопрос. Но если ты мне на него не ответишь, с тобой будет все кончено. Не было ли совершено на вас нападение, когда вы шли сюда?

Робин не ответил. Его молчание ожесточило Фитц Олвайна. С трудом сдерживая ярость, барон поднялся с кресла и взял в правую руку меч. Робин пристально смотрел на старика, он ждал. Не успел барон поднять меч, как дверь распахнулась, и в комнату вошли два человека. Они еле передвигали ноги, их головы были обвязаны окровавленными тряпками, а одежда была изорвана и вымазана грязью. Они имели вид солдат, бесславно покинувших поле боя. Увидев Робина, они вскрикнули от удивления. Робин же, пораженный этой встречей не меньше, чем они, узнал в них разбойников, которые прошлой ночью напали на жилище Джильберта Хида. Когда разбойники рассказали сво-

ему хозяину обо всех своих бедах и указали на Робина как на одного из самых яростных противников, барон, не дослушав до конца их рассказ, в приступе страшного гнева закричал:

— Схватите этого мерзавца и бросьте его в подземелье замка! Пусть он там остается до тех пор, пока не расскажет все, что знает об Аллане Клэре. А потом он должен попросить у меня на коленях прощения за свои дерзости. Не давать ему ни хлеба, ни воды.

— Прощайте, барон Фитц Олвайн, прощайте,— сказал Робин.— Вы сказали, что не выпустите меня из подземелья, пока я не выполню ваши два условия. Значит, я никогда оттуда не выйду. Прощайте навсегда.

Солдаты потащили Робина из покоев. Он отбивался от них и, повернувшись к барону, добавил:

— Будьте так добры, благородный сеньор, известите Джильберта Хида, честного и отважного сторожа Шервудского леса, что вы соизволили поселить его сына на некоторое время в вашем замке, но без кормежки. Прошу вас, милорд. Вы сами отец, и вам должна быть понятна тревога другого отца, не знающего, что случилось с его сыном или дочерью.

— Тысяча дьяволов! Уберете ли вы наконец отсюда этого болтуна?

— Не думай, что я нуждаюсь в твоём обществе, прославленный ноттингемский барон. У нас с тобой взаимное желание расстаться и больше никогда не встречаться.

Как только Робин покинул покои барона, он запел во все горло, и его свежий серебристый голос долго еще раздавался под сводами мрачных галерей замка. Дверь подземелья захлопнулась за ним.

Г Л А В А VII

Пленник долго прислушивался к невнятным звукам, доносившимся с воли. Когда же шаги солдат смолкли и в галереях воцарилась тишина, он впервые задумался о том, в каком опасном положении оказался.

Его нисколько не испугали ни гнев, ни угрозы всемогущего владельца замка. Только одна мысль не давала покоя этому благородному юноше: как будут беспокоиться и страдать несчастные Джильберт и Маргарита, не дождав-шись его ни сегодня, ни завтра, ни через месяц! Свидятся ли они когда-нибудь?

Эти грустные мысли пробудили в Робине страстное желание вырваться на свободу. Как пойманный львенок мечется по клетке, надеясь найти лазейку, так и Робин метался по своей камере, мерил глазами расстояние до окна, исследовал стены, проверял крепость пола, прикидывал, сколько надо приложить силы и ловкости, чтобы перед ним распахнулась окованная железом, тяжелая дверь, ключ от которой хранится у преданного хозяину чербера.

Камера была маленькая и имела три отверстия: дверь с маленьким окошком наверху и большое окно. Это окно находилось на высоте десяти футов от пола и было забрано решеткой. Обстановка камеры состояла из стола, скамьи и охапки соломы.

«Надо отдать справедливость барону,— подумал Робин,— он не столько жесток, сколько сумасброден и несправедлив. Мои руки и ноги свободны. Воспользуемся этим и посмотрим, что делается там, на воле».

Он поставил скамью на стол, прислонив ее к стене, и вскарабкался по ней наверх.

О, счастье! Схватившись рукой за решетку, он почувствовал, что прутья выполнены не из железа, а из дуба, из трухлявого дуба. Решетка шатается, ее можно сломать. Даже если прутья решетки устоят, между ними можно просунуть голову, а там, где пройдет голова — кто знает? — может быть, пройдет и туловище.

Обрадованный этим открытием, Робин счел нужным узнать, что делается за дверью его темницы. Побегу мог бы помешать охранник, дремлющий в коридоре.

Робин взобрался вверх по скамье, прислоненной к двери, и заглянул в окошко. Ему достаточно было доли секунды, чтобы заметить солдата, бесшумно скользившего вдоль стены галереи в направлении к двери его камеры. Он несомненно намеревался понаблюдать в замочную скважину за занятиями пленника.

Спустившись быстро вниз, Робин запел веселую балладу и между двумя куплетами услышал, как солдат удаляется от двери камеры. Но потом охранник снова приблизился и снова удалился. Это продолжалось добрую четверть часа.

«Если этот парень будет ходить взад-вперед по галерее всю ночь, вряд ли я смогу убежать на рассвете. Ему слышен самый незначительный шорох из моей камеры».

В течение нескольких минут в галерее царила ничем не нарушаемая тишина. Но Робин, опытный охотник, понимал, что эта тишина была обманчивой. Он подумал, что

было бы разумнее полагаться на свидетельство глаз, а не ушей, и во второй раз заглянул в потайное окошко камеры.

И вместо одного надсмотрщика увидел двоих. Они стояли у двери, лицом к лицу, и внимательно прислушивались к тому, что делается в камере.

В конце галереи появилась хорошенькая Мод. В одной руке она держала горящий факел, а в другой — какой-то сверток. Она удивленно вскрикнула, увидев в высоком окошке голову Робина, а внизу двух тюремщиков, прильнувших к двери.

Легче пушинки слетел Робин вниз и с беспокойством прислушался. К счастью, голос Мод заглушил шум в его камере. Девушка громко болтала с солдатами и весело, с чисто женским лукавством объяснила им причину своего удивления.

Распевая во все горло, Робин поставил на место стол и скамью. Ему было интересно, почему Мод бродит среди ночи по замку. А Мод, хорошенькая Мод не замедлила дать ответ на эту загадку. Поболтав доверительно с тюремщиками, она, сияющая, вошла в камеру, положила на стол еду и потребовала, чтобы ее оставили наедине с пленником, потому что ей нужно ему что-то сказать.

— Ну, молодой лесничий,— весело прощепетала она, как только за ней закрылась дверь,— в хорошенькую переделку вы попали. Вы распеваете, как жаворонок в клетке, а я очень боюсь, что эта клетка не скоро откроется. Барон в страшном гневе. Он бушует, ругается и грозит, что будет обращаться с вами, как с сарацином.

— Будьте моей подругой, очаровательная Мод,— сказал Робин, целуя девушку,— и я не буду сожалеть об утраченной свободе.

— Вы слишком много себе позволяете, месьир,— воскликнула девушка, выскальзывая из объятий Робина.— Так галантные кавалеры не поступают.

— Простите меня, но вы так хороши, что... Но поговорим серьезно. Садитесь сюда, дайте вашу ручку. Ну, вот мы и помирились. А теперь скажите, что случилось с Алланом Клэром, моим дорожным товарищем. Он вошел в замок со мной и вашим дядюшкой Туком.

— Увы! Ему еще хуже, чем вам. В его камере темно и очень-очень страшно. Он осмелился сказать в лицо его светлости: «Негодяй! Ты не помешаешь мне жениться на леди Кристабель!» В тот момент, когда ваш неосторожный друг кричал эти слова, я вошла в покои барона вместе с

моей молодой хозяйкой. Увидев миледи, сэр Аллан совсем потерял голову. Он бросился к ней, поднял ее на руки, покрыл ее лицо поцелуями и воскликнул: «Кристабель, дорогая, горячо любимая Кристабель!» Миледи лишилась чувств, и я отвела ее в покои, подальше от греха. Она приказала мне узнать, что случилось с мессиром Алланом. Как я вам уже сказала, он тоже сидит в подземелье. Джилль, веселый монах, рассказал мне о вашем несчастье, и вот я пришла сюда, чтобы...

— Помочь мне бежать. Правда, дорогая Мод? Спасибо, спасибо! Я скоро выйду на свободу! Через час, если мне помогут Бог и прелестная Мод.

— Вы — на свободу? Но как вы отсюда выйдете? За этой дверью стоят два надсмотрщика.

— Я хотел бы, чтобы их там была тысяча!

— Вы колдун, прекрасный лесничий?

— Нет, но я лазаю по деревьям, как белка, и прыгаю через рвы, как заяц.

И он показал глазами на зарешеченное окно. Наклонившись к девушке так близко, что его губы коснулись ее уха, он прошептал:

— Прутья решетки не железные.

Мод все поняла, и ее лицо осветилось радостной улыбкой.

— А теперь мне нужно знать, — добавил Робин, — где я смогу найти брата Тука.

— В... буфетной, — ответила Мод, покраснев. — Мы условились, что, если миледи потребуется его помощь для освобождения мессира Аллана, она пошлет за ним в буфетную.

— А я как найду буфетную?

— Выйдя отсюда, вы повернете налево, к башням, пойдете вдоль этих башен и увидите открытую дверь. Войдете, подниметесь по лестнице на галерею. Пройдете галерею, коридор и попадете в буфетную. Дверь будет закрыта. Если за ней вы не услышите никакого шума, входите. Если вы не найдете там брата Тука, значит, он у миледи. Спрячьтесь в шкафу и подождите там меня. Мы выведем вас из замка.

— Тысяча благодарностей, прелестная Мод. Я никогда не забуду вашу доброту! — весело сказал Робин.

Они смотрели друг на друга, их глаза излучали пламя, и когда искры этого священного огня смешались, они подумали об одном и том же и почувствовали одно и то же, и их уста слились в пылком поцелуе.

— Bravo! Мои влюбленные! Так вот что, значит, ты хотела ему сказать! — дверь внезапно открылась, и на пороге показался один из тюремщиков.— Черт побери! Прелестная барышня, странный напиток принесли вы заключенному! Вы прекрасно столковались, поздравляю вас. Вот только не знаю, услышу ли я слова утешения, когда сам попаду из-за вас в подземелье.

Лицо Мод залила густая краска, несколько минут она сидела безмолвная и дрожащая. Но когда солдат приблизился к ней, чтобы выпроводить ее из камеры, она вновь обрела самоуверенность, ее маленькая белая ручка поднялась, и в камере раздался звук пощечины, а плутовка со смехом убежала.

— Гм! Гм! — пробормотал тюремщик, потирая щеку и бросая на Робина недружественные взгляды.— Птенчику платят совсем другой монетой, чем мне.

Тюремщик вышел, захлопнул дверь и с шумом повернул несколько раз ключ в замочной скважине, а Робин, оставшись один, с удовольствием поужинал, посмеиваясь над бароном. Когда же тюремщика сменил вооруженный с головы до ног часовой, Робин, не желая выглядеть несчастным в глазах солдата, загорланил песни во всю силу своих легких, но часовой, разозленный тем, что ему определили малоприятный пост в подземелье, грубо приказал ему замолчать. Робин повиновался, тем более что это входило в его планы, и насмешливо пожелал солдату спокойной ночи и приятных снов.

Час спустя поднявшаяся в зенит луна известила Робина, что пора бежать. С трудом сдерживая бешеные удары сердца, Робин приставил скамью к стене и быстро вскарабкался по этой самодельной лестнице к зарешеченному окну. Один прут, совсем трухлявый, легко поддался. Путь на свободу был открыт. Робин присел на подоконнике и осмотрел двор замка. В нескольких шагах от него стоял часовой, опершись локтем на пику, и мечтательно смотрел на расстилавшуюся перед ним долину.

— Чуть было не попал в пасть к волку,— сказал себе Робин.— Будем внимательны!

К счастью, между луной и замком пробежало облако, двор погрузился в темноту, но долина была вся залита сверкающим светом. Солдат, видимо уроженец этой долины, не мог оторвать от нее глаз. Он стоял неподвижно, погруженный в свои думы, спиной к Робину.

— Ну, Господи, благослови! — прошептал Робин, истово перекрестившись, и покинул свое убежище. Но он сделал

это так неловко, с таким шумом, что часовой вздрогнул и очнулся. Тревожный крик вырвался из его груди, и с пикой наперевес он бросился к месту, откуда несколько мгновений назад послышался шум. Но там ничего не увидел, ничего не услышал, и, не подумав внимательно осмотреть место, чтобы выяснить причины шума, он вернулся на свой пост и снова погрузился в созерцание своей родной долины.

Воспользовавшись этим, Роберт поднялся и быстро, но бесшумно пошел по маршруту, указанному Мод. Пройдя вдоль укреплений замка, он увидел открытую дверь, о которой ему говорила Мод. Переступив порог, он поднялся по лестнице, прошел галерею, потом огромный коридор.

На пересечении двух галерей наш герой оказался в крошечной тьме. Чтобы не сбиться с пути, он нащупывал дорогу, осторожно скользя вдоль стены. Вдруг он услышал, как кто-то тихим голосом спросил:

— Кто там? Что вы здесь делаете?

Робин прижался к стене и затаил дыхание. Незнакомец тоже остановился и острием меча начал исследовать плиты пола и стен. Его встревожили звуки, послышавшиеся при приближении Робина.

— Это, наверное, скрипнула дверь,— подумал вслух ночной гуляка и снова двинулся в путь.

Робин не без основания решил, что с таким проводником быстрее выйдет из лабиринта галерей и коридоров, в котором он бродил около четверти часа, и последовал за незнакомцем на почтительном расстоянии.

Вскоре человек с мечом открыл дверь и скрылся за нею. Эта дверь вела в часовню замка.

Робин ускорил шаг, проскользнул вслед за незнакомцем в часовню и спрятался за одной из колонн.

В лучах луны, заливавшей часовню бледным светом, он увидел женщину, которая, стоя на коленях перед какой-то гробницей, страстно молилась. Он не мог рассмотреть лицо женщины, оно было скрыто покрывалом. Незнакомец, одетый в монашескую рясу, тревожным, взволнованным взглядом осмотрел всю часовню. Но вот он увидел женщину под покрывалом, вздрогнул и, с трудом сдерживая рвавшийся из груди крик счастья, пересек неф и приблизился к ней. Засылав шум шагов незнакомца, женщина подняла голову и посмотрела на него. Страх и надежда таплись в ее зоре.

— Кристabelle! — нежно прошептал монах.

Девушка выпрямилась, ее щеки покрылись румянцем, и, бросившись в объятия молодого человека, она с невыразимой радостью воскликнула:

— Аллан! Аллан! Мой дорогой Аллан!

Г Л А В А VIII

Джильберт пересказал Маргарите все, что узнал от Роланда Ритсона. Умолчал он только о самых страшных преступлениях ее брата, а историю любви и трагической гибели своей несчастной сестры Аннеты поведал очень кратко, в нескольких словах. Слезы душили его.

— Мы должны вымолить у Бога прощение этому безумцу,— промолвила Маргарита и украдкой вытерла слезы. Она сдерживала свое горе, боясь еще больше расстроить мужа.

Старый монах, которого Джильберт вернул с дороги, стоял на коленях возле тела Ритсона и читал зауспокойные молитвы. Время от времени к нему присоединялись Джильберт и Маргарита. Линкольн копал могилу в том месте, где несчастный завещал похоронить его,— между дубом и букком. С нетерпением ожидали возвращения Робина из Ноттингема.

О Марианне забыли. Предоставленная себе, она пожелала пойти навстречу брату. Подозвала Ланса, спавшего на пороге дома, приласкала его и отправилась с ним по ноттингемской дороге, не предупредив об этом Джильберта.

Погруженная в нерадостные мысли о будущем своего брата, девушка долго шла по дороге. Потом она села под деревом, закрыла лицо руками и горько заплакала. Почему? Что ее так огорчило? Она не знала. Черные предчувствия сжимали ее сердце, и среди тысячи окруживших ее неясных образов она видела дорогого Аллана и молодого лесничего.

Верный Ланс лежал у ее ног и, подняв морду вверх, смотрел на нее своими большими, круглыми, сверкающими умом глазами. И казалось, что он грустил вместе с нею и так же, как она, предчувствовал надвигающиеся несчастья. Он бодрствовал и охранял ее.

Заходящее солнце освещало верхушки самых высоких деревьев, на лес спускался мрак. Вдруг Ланс вскочил и, помахивая хвостом, жалобно залаял.

Этот призыв вывел Марианну из задумчивости. Она увидела, что надвигается ночь, и ей стало страшно оста-

ваться дальше одной в лесу. Она поднялась, и пес весело запрыгал вокруг нее, радуясь возвращению домой. Это немного успокоило девушку, и, надеясь на скорую встречу с братом, она повернула в обратный путь.

Ланс бежал впереди Марианны, показывая ей дорогу, и время от времени поворачивал голову назад, чтобы посмотреть, следует ли девушка за ним.

Марианна полностью положила на инстинкт своего проводника, уверенная, что он не позволит ей заблудиться в лесу, но тем не менее ускорила шаг. Сумерки быстро сгущались, и в синеве неба засверкали первые звезды.

Вдруг Ланс остановился, выпрямился, вытянул вперед шею, наострил уши, его морда исказилась, он тревожно понюхал воздух и яростно залаял.

Марианну охватил страх, она остановилась. «Почему он так тревожно лает? — подумала она, внимательно прислушиваясь. — А может быть, он почуял приближение Аллана?»

Тишина. Пес перестал лаять, и Марианна успокоилась. Но в тот момент, когда она, смеясь в душе над своим испугом, решила продолжать путь, в зарослях послышались чьи-то быстрые шаги. Ланс залаял яростнее прежнего.

Страх попасть в руки разбойника придал девушке силы, быстро, как на крыльях, побежала она по дороге, но скоро силы оставили ее. Она остановилась и чуть не потеряла сознание, услышав позади себя грубый мужской голос.

— Усмирите вашего пса! — властно приказали ей.

Ланс, державшийся позади убежавшей Марианны, тоже остановился и приготовился к прыжку, чтобы вцепиться преследователю в горло.

— Усмирите вашу собаку! — снова закричал незнакомец. — Я не причиню вам зла.

— Почему я должна вам верить? — спросила Марианна, стараясь придать своему голосу твердость.

— Если бы я был злоумышленником, моя стрела уже давно пронзила бы ваше сердце. Еще раз прошу вас, усмирите вашего пса!

Клыки Ланса уже разорвали одежду незнакомца и вонзились в его тело. Но по первому слову Марианны пес отпустил свою добычу и лег у ее ног, не теряя из виду врага и готовый каждую секунду снова броситься на него.

Этот незнакомец был действительно разбойником, одним из тех бродяг, которые грабят жителей лесов, боящихся дать им достойный отпор, и убивают беззащитных путников. Одет он был в камзол и короткие штаны из козлиной кожи.

Старая, измятая, разорванная во многих местах войлочная шапка едва прикрывала его длинные волосы, падавшие в беспорядке на плечи. Его густая борода была вымазана собачьей слюной. На поясе висел кинжал, в одной руке он держал лук, в другой — стрелы.

Несмотря на свое отчаянное положение, Марианна старалась выглядеть спокойной и решительной.

— Не смейте приближаться ко мне! — повелительно сказала она, а пес приготовился к прыжку и оскалил зубы. Разбойник был вынужден остановиться.

— Что вам нужно от меня? Говорите, я вас слушаю.

— Скажу, но вы должны пойти со мной.

— Куда?

— Какое это имеет для вас значение? Следуйте за мной.

— Ни за что!

— Так вы, значит, отказываетесь, прекрасная барышня? — закричал разбойник и дико захохотал. — Не стройте из себя гордячку и недотрогу!

— Я не пойду с вами, — твердо сказала Марианна.

— Тогда я буду вынужден применить другие средства, и вряд ли они придутся вам по вкусу. Смотрите, я вас предупредил.

— Я тоже предупреждаю вас, что если вы посмеете хоть пальцем меня тронуть, то будете жестоко наказаны.

Марианна больше не дрожала от страха. Перед лицом опасности она обрела решительность и отвагу. Ее голос звучал уверенно, а протянутая вперед, к разбойнику, рука приказывала: «Уходите прочь!»

Разбойник снова разразился зловещим смехом, а Ланс зарычал и шелкнул зубами.

— В самом деле, прекрасная девица, — заговорил разбойник после непродолжительного молчания. — Я в самом деле восхищаюсь вашим мужеством и смелостью вашей речи, но это восхищение не помешает мне исполнить то, что я задумал. Я знаю, кто вы такая, знаю, что вы гостите вместе с вашим братом Алланом у лесничего Джильберта Хида и что сегодня утром ваш брат Аллан отправился в Ноттингем. Я все это знаю так же хорошо, как и вы. А еще мне известно то, что не известно вам. Ворота замка барона Фитц Олвайна открылись, чтобы впустить мессира Аллана, но они никогда не откроются, чтобы выпустить его оттуда.

— Что вы говорите? — вскричала Марианна.

— Я сказал, что мессир Аллан Клэр задержан бароном Ноттингемским.

— Боже мой! Боже мой! — горестно прошептала де-вушка.

— А я его не жалю, вашего уважаемого брата. Зачем он полез в пасть льва? Он настоящий лев, этот старый барон Фитц Олвайн. Я воевал с ним в Палестине и хорошо знаю его нрав и его вкусы. Он хочет заполучить сестру так же, как заполучил брата. Вчера вы ускользнули от его ищеек, но сегодня...

В порыве отчаяния Марианна закричала.

— Успокойтесь. Я хочу сказать, что и сегодня вы ускользнете от него.

Марианна подняла глаза на разбойника. В ее взгляде светилось какое-то чувство, похожее на признательность.

— Да, вы и сегодня ускользнете от барона, но не ускользнете от меня. Он получил брата, а я получу сестру. Каждому свое. Ну, вытрите слезы, красотка. Барон сделал бы вас своей рабыней, а я сделаю вас королевой этих старых лесов. Вы будете свободны и счастливы. Многие блондинки и брюнетки станут вам завидовать. Вашу руку, моя прекрасная невеста! Там, в пещере, нас ждет отличный ужин из дичины и мягкое ложе из охапки сухих листьев.

— О! Заклинаю вас, расскажите мне все, что вы знаете о моем брате, о моем дорогом Аллане! — умоляла Марианна. Она как будто не слышала гнусных предложений негодяя.

— Черт возьми! — сказал разбойник. — Если вашему брату удастся вырваться из лап зверя, он будет жить вместе с нами. Но я не верю, что мы когда-нибудь сможем втроем охотиться на оленя. Старый Фитц Олвайн не позволяет своим пленникам подолгу коптить небо в подземельях замка. Он их быстро отправляет в небытие.

— Откуда вы узнали, что барон задержал моего брата?

— С меня хватит твоих вопросов, красотка! Мы будем теперь говорить о моем предложении стать королевой лесов, а не о веревке, которая плачет по шее твоего брата. Клянусь святым Дунстаном, ты пойдешь со мной, хочешь ты этого или не хочешь.

И он шагнул к ней. Марианна живо отшатнулась от него и закричала:

— Ланс! Взять его! Взять!

Отважный пес только и ждал этого приказа. Он бросился на разбойника и вцепился ему в горло. Но разбойник, видимо, умел отражать подобные нападения. Он схватил пса за обе передние лапы и отбросил далеко от себя. Пес не испугался и, ловко бросившись на негодяя не спереди,

а сбоку, вцепился ему в голову. Он так глубоко погрузил свои клыки в тело, что оторвал ухо, и оно вместе с клоком волос осталось в его пасти.

Кровь залила лицо разбойника. Он прислонился к дереву, испуская ужасные вопли и богохульствуя, а Ланс, недовольный результатами нападения, снова бросился на противника, как на дикое животное.

Но третье нападение стало для него роковым. Его враг, хотя и был обессилен потерей крови, изловчился и изо всех сил нанес ему удар по голове плоской стороной кинжала. Пес упал к ногам Марианны.

— А теперь мы остались вдвоем! — воскликнул разбойник, удовлетворенно посмотрев на распростертого на земле Ланса.— Вдвоем, красotka!.. Ад и проклятье! — прибавил он, оглядываясь.— Она хочет бежать! Все дьяволы, взятые вместе, не помогут ей в этом!

И он бросился в погоню за Марианной. Бедная девушка долго бежала, не зная, приведет ли тропинка к дому Джильберта Хида. После того как ее единственный защитник упал и больше не поднялся, Марианна могла надеяться только на свои быстрые ноги и ночной мрак. Больше ничто не могло спасти ее от разъяренного негодяя. Нечеловеческим рывком она оставила преследователя далеко позади себя. Провидение и на этот раз спасло ее. Запыхавшись, Марианна остановилась на лесной поляне, от которой расходились лучами несколько дорог. Она еле отдышалась. Силы постепенно возвращались к ней. В лесу царил тишина. В отчаянии она смотрела на расходящиеся перед ней веером дороги. Какую из них выбрать? Раздумывать было некогда. Надо было выбирать, и как можно быстрее, если она не хотела снова встретиться со своим преследователем. Призвав на помощь Пресвятую Деву, Марианна закрыла глаза, вытянула вперед руку, повернулась вокруг себя два или три раза и побежала по дороге, которая случайно оказалась перед нею. Но едва она углубилась в лес, как на поляне появился ее преследователь. Он растерянно озирался вокруг, стараясь угадать, по какой дороге направилась его жертва. К несчастью, луна, которая была закрыта тучами во время бегства Робина, теперь ярко освещала Марианну. Разбойник увидел ее белое платье, мелькнувшее среди деревьев.

— Теперь ты от меня не уйдешь! — кричал он.

Услышав эти ужасные слова: «Не уйдешь!» — девушка полетела быстрее лани, быстрее стрелы. Она летела, летела, летела, пока силы не оставили ее.

— Аллан! Аллан! Робин! На помощь! На помощь! — закричала она из последних сил.

Ее ноги подкосились, она упала и лишилась чувств.

Разбойник нашел Марианну по белому платью, склонился над ней и уже хотел схватить, как из зарослей послышался твердый мужской голос:

— Эй ты, подлый негодяй! Отпусти сейчас же эту женщину, а не то я убью тебя!

Это был лесной сторож, охранявший королевскую дичь.

Разбойник сделал вид, что не слышит, и, схватив девушку за плечи, поднял ее с земли.

— Ах, так ты не хочешь меня слушать? — воскликнул сторож громовым голосом. — Так вот же тебе, получай!

И обрушил на разбойника град ударов древком своей пики.

— Это моя женщина, — сказал негодяй, поднимаясь.

— Лжешь! Ты ее преследовал, как медведь олененка. Отойди от нее, если не хочешь, чтобы я насадил тебя на пик.

И лесничий приставил пик к груди разбойника. Тот отступил.

— Бросай стрелы! Бросай лук! Бросай княжал! — продолжал лесничий, держа пик наготове.

Разбойник молча побросал свое оружие на землю.

— Прекрасно. А теперь поворачивайся и улупетьвай во все лопатки, а не то я подбодрю тебя стрелами.

Разбойник повиновался, его сопротивление было сломлено. Долго еще в лесу слышались его проклятия, обещания отомстить за себя рано или поздно. Как только негодяй исчез из виду, лесничий склонился над бесчувственной Марианной, лежавшей неподвижно на траве, подобно поверженной беломраморной статуе. Луна освещала ее бескровное лицо.

Человек, спасший Марианну, перенес ее на берег бежавшего невдалеке ручейка и смочил ей лоб и виски холодной водой. Девушка очнулась, открыла глаза, как будто пробуждаясь после долгого сна, и вскрикнула:

— Где я?

— В Шервудском лесу, — просто ответил лесничий.

Услышав незнакомый голос, Марианна встрепенулась, хотела вскочить на ноги, бежать, но, обессиленная, снова упала на траву и, протягивая к незнакомцу руки, жалобно воскликнула:

— Сжальтесь надо мной, не обижайте меня!

— Успокойтесь, барышня. Разбойник, осмелившийся напасть на вас, позорно бежал. Если же он вернется, я постараюсь его образумить.

Марианна дрожала всем телом и затравленно озиралась по сторонам. Но какой-то внутренний голос говорил ей, что этот человек — ее друг.

— Не желаете ли, барышня, чтобы я проводил вас в наш замок? Там вас с удовольствием примут. Правда-правда. Молодые девушки утешат вас, здоровые, сильные ребята защитят, а наш старик будет вам отцом. Ну, так пойдете со мной в наш замок?

И столько было в его словах сердечности и искренности, что Марианна поднялась с земли и доверчиво пошла с честным лесничим. Движение и свежий воздух вернули ей способность принимать разумные решения. При свете луны она внимательно рассмотрела своего спутника. В нем было что-то общее с Джильбертом Хидом, возможно, они даже были друзьями.

— Куда мы идем, мессир? — спросила она. — Ведет ли эта дорога к дому Джильберта Хида?

— Как? Вы знакомы с Джильбертом Хидом? А может быть, вы его дочь? Надо отругать старого хитреца за то, что он так долго скрывал от нас такую красавицу. Простите, мисс. Не обижайтесь на меня. Видите ли, я уже давно знаком с добрым старым Хидом и его сыном Робинном, но никак не мог подумать, что они такие скрытные.

— Вы ошибаетесь, мессир. Я вовсе не дочь Джильберта, а только знакомая. Я гошу у него со вчерашнего дня.

И она рассказала все, что с ней случилось в лесу этим вечером. В конце рассказа Марианна горячо поблагодарила сторожа за свое спасение. В ее словах, в ее голосе была такая признательность, такое восхищение его ловкостью и благородством, что лесничий смутился и, покраснев, прервал:

— Вряд ли вы сможете сегодня вернуться в дом Джильберта. Это очень далеко отсюда, а замок моего дяди находится совсем рядом, в двух шагах. У нас вы будете в безопасности, мисс. А чтобы Джильберт и Маргарита не беспокоились о вас, я сам схожу к ним и расскажу им обо всем, что с вами случилось.

— Спасибо, тысячу раз спасибо, мессир. Я падаю с ног от усталости и поэтому с благодарностью принимаю ваше предложение.

— Что вы, мисс. Я только выполняю свою обязанность.

Марианна еле шла, с трудом передвигая ноги. Лесничий это заметил и предложил ей свою руку, но девушка, погруженная в невеселые думы, не услышала его и продолжала идти сама.

— Вы мне не доверяете, мисс? — грустно спросил молодой человек, опуская руку.— Вы боитесь опереться на руку, которая...

— Что вы, мессир. Я вам полностью доверяю,— ответила Марианна, опираясь на предложенную руку.— Ведь вы же не способны обмануть женщину. Правда?

— Вы правы, мисс. Я не способен на такое преступление... Да, Маленький Джон никогда не обидит женщину. Смело опирайтесь на руку Маленького Джона, можете повиснуть на ней, мисс. Ничего, я не устану от этого. Ведь не устает же ветка дерева, когда на ней сидит голубка.

— Маленький Джон, Маленький Джон,— удивленно прошептала девушка, глядя на великана-спутника,— Маленький Джон!

— Да, Маленький Джон. Так меня прозвали, потому что во мне шесть футов и шесть дюймов роста, и плечи у меня соответственно широкие, ударом кулака я убиваю быка, без остановки пробегаю сорок английских миль. И нет мне равных ни среди танцоров, ни среди борцов, ни среди охотников. Мои двоюродные братья, сыновья сэра Гая Гэмвелла, все ниже меня ростом. Вот почему, мисс, тот, кто имеет честь предложить вам свою руку прозван друзьями и врагами Маленьким Джоном. И разбойник, который осмелился на вас напасть, прекрасно меня знает. Он остерегся наживать неприятности, когда покровительствующая вам Пресвятая Дева призвала меня на вашу защиту. Позвольте мне еще сказать вам, мисс, что я такой же добрый, как и сильный. Я племянник сэра Гая Гэмвелла, а зовут меня Джоном Нейлором, и не далее как месяц назад мне исполнилось двадцать четыре года. Я коренной житель лесов, обожаю охотиться с луком на диких животных и птиц и служу егерем.

Смеясь и болтая, Марианна и ее спутник шли по дороге, ведущей к замку Гэмвелл. Они вышли на опушку леса, и великолепная картина открылась перед ними.

Девушка, позабыв об усталости и пережитых страхах, смотрела и не могла насмотреться на расстилавшуюся перед нею живописную долину, окаймленную со всех сторон густыми темно-зелеными лесами. Здесь и там, по всей долине, на опушке лесов, на холмах, в ложбинах,

были разбросаны, отдельно и группами, маленькие очаровательные белые домики. Освещенные призрачным светом луны, они и сами казались призраками. Ветер разносил по всему краю звон колоколов маленькой церкви, стоявшей посредине деревни.

— Посмотрите, мисс, вон туда, — обратился Маленький Джон к Марианне. — Видите, справа от деревни и церкви стоит большой дом? Яркий свет вырывается из его полузакрытых окон. Это замок Гэмвелл, жилище моего дяди. Во всем графстве вы не найдете более удобного жилья, а также во всей Англии не найдете уголка великолепнее этого.

Марианна улыбнулась. Ее растрогала страстная влюбленность племянника сэра Гая Гэмвелла в свой родной край.

— Поспешим, мисс, — продолжал Маленький Джон. — Скоро выпадет роса, и я не хочу, чтобы вы, только что перестав дрожать от ужаса, начали бы дрожать от холода.

Вскоре лесничий и его спутница оказались в окружении своры сторожевых собак, заливавшихся радостным лаем. Лесничий весело отругал псов, а наиболее шумных из них наградил легкими ударами палки. Потом они прошли мимо почтительно приветствовавших их удивленных слуг и вступили в большой зал замка. Вся семья сидела за столом. Слуги подавали ужин.

— Дорогой дядюшка! — громко сказал молодой человек, подводя за руку Марианну к похожему на трон креслу, в котором восседал почтенный Гай Гэмвелл. — Прошу вас, окажите гостеприимство этой прекрасной благородной барышне. Всеблагое Провидение и я, его недостойное орудие, вырвали ее из рук подлого разбойника.

Убегая по лесной дороге от преследователя, Марианна потеряла покрывало, и Маленький Джон заботливо укутал ее в свой плед, чтобы она не простудилась. И теперь, засмутившись под взглядами незнакомых людей, а может быть, и застыдившись, что ей пришлось накинуть на себя эту часть мужской одежды, Марианна быстро сняла плед, и все Гэмвеллы увидели, как она прекрасна.

Семеро двоюродных братьев Маленького Джона, разинув рты, восхищенно смотрели на девушку, а обе дочери сэра Гая с грациозной непосредственностью бросились ей навстречу.

— Молодец! — сказал хозяин замка. — Какой же ты молодец, Маленький Джон! Потом ты нам расскажешь, как тебе удалось, встретив эту девушку ночью в глухом лесу,

не испугать ее, а наоборот, внушить доверие к себе, и она решилась последовать за незнакомым человеком. Мы рады, благородная и прекрасная барышня, что вы оказали нам честь, согласившись отдохнуть под крышей нашего дома. Садитесь сюда, между моей женой и мной. Хороший ужин и бокал вина быстро восстановят ваши силы, и вы забудете усталость и пережитые страдания. После ужина мои дочери уложат вас почивать.

Как только Марианна удалилась в отведенную ей комнату, Маленький Джон подробно рассказал своим родным все, что с ним приключилось в этот вечер, а в конце повествования заявил, что он должен непременно увидеть Джильберта Хида.

— И я с вами, дорогой Джон! — воскликнул Уильям, один из семи братьев Гэмвелл.— Раз эта барышня добрая знакомая нашего славного Джильберта и моего друга Робина...

— Не сегодня, Уилл,— прервал его старый баронет.— Уже очень поздно, и Робин давно спит. Завтра сходишь к ним, мой мальчик.

— Но, батюшка,— возразил ему Уильям,— Джильберт, несомненно, очень обеспокоен судьбой барышни, и бьюсь об заклад, что Робин сейчас ищет ее в лесу.

— Ты прав, сынок. Действуй так, как тебе велит совесть.

Маленький Джон и Уилл встали из-за стола и отправились к Джильберту Хиду.

Г Л А В А IX

Мы оставили Робина в часовне. Спрятавшись за колонной, он размышлял о том, по стечению каких счастливых обстоятельств Аллан снова оказался на свободе.

«Несомненно, здесь не обошлось без Мод, милой Мод,— думал Робин.— Ей так нравится водить за нос барона и его войско. Если она так же легко откроет перед нами и остальные двери замка, я расцелую ее».

— Еще один поцелуй, дорогая Кристabelle,— умолял Аллан, поднося к губам ручки девушки.— Как я счастлив после двух лет разлуки забыть возле вас все мои страдания!

— Вы страдали, дорогой Аллан? — недоверчиво спросила Кристabelle.

— Как вы можете сомневаться в этом? Один Бог знает, сколько мне пришлось выстрадать. С того дня, как ваш

отец выгнал меня из своего замка, жизнь стала для меня адом. Я покинул Ноттингем, шел и оглядывался до тех пор, пока не скрылся из виду белый шарф, которым вы мне махали на прощание с башни замка. Я не верил, что мы с вами когда-нибудь встретимся в этом мире, потому что чувствовал, что скоро умру от горя. Но Бог сжалился надо мной. Дни и ночи я плакал, как ребенок, потерявший мать, плакал и благодаря этому выжил.

— Аллан, беру небо в свидетели, что, если бы я могла дать вам счастье, вы были бы счастливы.

— Так будем же хоть один день счастливы! — с восторгом воскликнул Аллан. — Бог услышит ваше желание и исполнит его.

— Были ли вы мне верны все эти годы? — с кокетливой наивностью спросила Кристабель, прервав молодого человека. — И сохраните ли вы навсегда верность нашей любви?

— Я всегда был, есть и буду верен только вам. В мыслях, словах и делах.

— Благодарю вас, Аллан! Только вера в вашу любовь поддерживает меня в моем одиночестве. Я должна повиноваться воле батюшки, но он никогда меня не заставит любить кого-либо, кроме вас. Он может снова разлучить нас, но я всю жизнь буду любить только моего дорогого Аллана.

Первый раз в жизни Робин слушал, как говорят влюбленные, и его сердце понимало нежный язык любви. Он замирал от счастья и, вздыхая, думал: «Ах, если бы прекрасная Марианна сказала бы мне что-нибудь подобное!»

— Дорогая Кристабель, — спросил Аллан, — как вы нашли камеру, в которую меня бросили по приказу вашего отца? Кто распахнул ее дверь передо мной? Кто принес мне эту монашескую сутану? Из-за темноты я не рассмотрел лица моего спасителя. Только услышал его тихий голос: «Идите в часовню!»

— Из всех окружающих меня в замке людей я доверяю только своей горничной. Это очень добрая, преданная и находчивая девушка. Ее зовут Мод. Своим освобождением вы обязаны только ей.

— Я так и знал, — прошептал Робин.

— Когда батюшка разлучил нас и приказал бросить вас в подземелье, Мод, тронутая моим горем, сказала: «Утештесь, миледи. Вы вскоре встретитесь с мессиром Алланом». И она сдержала свое слово, моя маленькая добрая Мод.

Час назад она обрадовала меня известием, что вы свободны и будете ждать меня здесь. Тюремщик, охранявший вашу камеру, оказался очень чувствительным к чарам Мод. Она принесла ему вина, спела веселые песенки, и бедняга, опьяненный ее нежными взглядами, а еще больше — вином, заснул, как сурок. И плутовка вытащила из связки ключ от вашей камеры. Провидению было угодно, чтобы сегодня вечером в замок пришел исповедник Мод. Это он одолжил вам свою сутану. Я не была раньше знакома с этим достойным служителем Бога, но обязательно познакомлюсь с ним и поблагодарю за отеческую поддержку, оказанную им Мод.

«Да, ничего не скажешь, поддержка действительно отеческая», — подумал Робин, стоя за колонной.

— Этого монаха зовут брат Тук? — спросил Аллан.

— Да, мой друг. Вы его знаете?

— Немного, — улыбаясь, ответил Аллан.

— Я уверена, что это очень добрый старик, — сказала Кристabelle. — Но почему вы смеетесь, Аллан? Разве святой отец не заслужил наше искреннее уважение?

— Разумеется, заслужил, дорогая Кристabelle.

— Так что же вас рассмешило, хотела бы я знать.

— Пустяк, дорогая. Этот добрый старик-монах не такой уж старый, как вы думаете.

— Мне странно, что мое заблуждение могло вас так развеселить. Какое имеет значение, старый он или молодой? Я люблю этого монаха, и Мод, кажется, тоже очень любит его.

— Ну, в этом нет никакого сомнения. Но я был бы очень огорчен, если бы вы его любили так, как любит Мод.

— Что вы хотите этим сказать? — рассердилась Кристabelle.

— Простите меня, дорогая. Это шутка, и вы поймете меня, когда будете благодарить этого монаха за его благодеяние.

— Хорошо. Но вы ничего еще мне не рассказали о Марианне, вашей сестре и моей дорогой подруге. Уж ее-то вы позволите мне любить?

— Марианна ожидает вас в доме честного шервудского лесничего. Она оставила Хантингдон, чтобы жить вместе с нами. Ведь я так надеялся, что ваш отец согласится выдать вас замуж за меня. Но он не удовольствовался тем, что грубо отказал мне в вашей руке. Он лишил меня свободы и, несомненно, лишил бы и жизни. Вы должны бежать со мной. Это единственная надежда на счастье.

— Ах, нет, Аллан, нет. Я никогда не покину батюшку!

— Он разгневадается на вас, как разгневался на меня. Кристабель, как мы могли бы быть счастливы вместе! Мы жили бы в городе, в лесу — где хотите. Ах, Кристабель, я не могу оставить тебя в этом аду! Бежим, бежим!

Обезумевшая от горя Кристабель горько рыдала, закрыв лицо руками. На все уговоры Аллана бежать вместе с ним из замка она отвечала только одним словом: «Нет!»

Молодой рыцарь и Кристабель, прижавшись друг к другу, жаловались на свою несчастную судьбу и строили призрачные планы на будущее, а Робин, перед которым впервые в жизни разыгрывалась драма настоящей любви, чувствовал себя перенесенным в чудесный, неведомый доселе мир.

Дверь тихо открылась, и в часовню с зажженным факелом в руке вошла Мод. За нею следовал брат Тук.

— Ах, дорогая хозяйка! — рыдая, кричала Мод. — Все пропало! Нас сейчас убьют! В замке резня! А-а-а!

— Что вы говорите, Мод? — испуганно воскликнула Кристабель.

— Я говорю, что мы погибли. Барон убивает всех подряд. Он не пощадит ни вас, ни меня. А-а-а! Я молодая! Я не хочу умирать! Это ужасно! Нет, нет, тысячу раз нет, миледи! Я не хочу умирать!

Она дрожала всем телом, она рыдала, она была в отчаянии, эта милая Мод.

— Что значат эти рыдания и глупая болтовня? — строго спросил Аллан. — Вы с ума сошли? Может быть, вы, брат Тук, расскажете, что происходит в замке?

— Невозможно, мессир рыцарь, — ответил монах. В его голосе сквозила насмешка. — Все, что я знаю, сводится к следующему: я сидел... нет, я стоял на коленях...

— Сидел, — прервала его Мод.

— Нет, стоял на коленях, — возразил ей монах.

— Сидел, — повторила Мод.

— Стоял на коленях, говорю вам! Итак, я стоял на коленях и молился.

— Вы пили эль, — снова пренебрежительно прервала его Мод. — И выпили очень много.

— Кротость и вежливость красят женщину, моя прелестная Мод. Но сегодня, мне кажется, вы об этом забыли.

— Хватит нравоучений, хватит споров, — повелительно сказал Аллан. — Объясните как можно короче причину вашего внезапного вторжения сюда. Какая опасность нам грозит?

— Спросите у преподобного отца, — сказала Мод, задорно тряхнув своей хорошенькой головкой. — Раз вы меня прервали, не захотели меня слушать и обратились за объяснениями к нему, вот пусть он и отвечает на ваши вопросы, мессир рыцарь.

— Вы жестоко играете на моих нервах, Мод! — прикрикнула на девушку Кристabelle. — Умоляю вас, приказываю вам, скажите, чего мы должны опасаться?

Молоденькая горничная оробела, ее личико залилось румянцем. Приблизившись к своей госпоже, она сказала:

— Вот что произошло, миледи. Я вам уже рассказывала, как опоила вином надсмотрщика Эгберта. Его бедная голова не выдержала, и он крепко уснул. И тут надо было такому случиться, что пришел милорд, окликает его, а он спит и ничего не слышит. Милорд хотел о чем-то срочно поговорить с вашим... с мессиром Алланом. Бедный Эгберт еще не протрезвел и, забыв, что он должен почтительно отвечать на вопросы его светлости, подбоченился и дерзко спросил, кто это осмелился его будить, его, славного и честного малого. Господин барон был так удивлен наглым вопросом, что несколько минут молча разглядывал Эгберта. Эгберт же окончательно обнаглел. Он подошел к монсеньору и, опершись локтем на его плечо, весело прокричал ему прямо в лицо: «Ну-ка, скажи ты, старая палестинская развалина, как твое драгоценное здоровье? Надеюсь, подагра отпустит тебя, и ты будешь спокойно спать ночью...» Вы же знаете, миледи, что его светлость был не в лучшем настроении, и поэтому можете себе представить, какая ярость охватила его от непристойных слов и поступков Эгберта. Ах, если бы вы, миледи, могли видеть господина барона в тот ужасный момент, вы бы тоже задрожали от страха и у вас бы возникло опасение, что все это кончится кровью. Монсеньор просто взбесился, он ревел, как раненый лев, бегал по залу, топал ногами. Потом он сорвал с пояса Эгберта связку ключей от камер и стал искать ключ от камеры вашего... от камеры мессира рыцаря. Но этого ключа в связке не было. «Что ты с ним сделал?» — закричал монсеньор громовым голосом. Эгберт сразу протрезвел и так перепутался, что побледнел, как мертвец. У господина барона уже не было сил кричать, судорога свела все его тело, его ярость искала выхода. Он вызвал солдат и в их сопровождении пошел в камеру, а перед этим заявил, что если пленник сбежал, то Эгберта повесят... Мессир, — продолжала Мод, повернувшись к Аллану, — бегите, бегите из

замка, пока мой отец не получил приказа запереть ворота и поднять мост.

— Бегите, бегите, дорогой Аллан! — кричала Кристабель.— Если батюшка застанет нас вместе, он разлучит нас навсегда!

— А вы, Кристабель, а вы? — в отчаянии спрашивал Аллан.

— Я останусь и попытаюсь успокоить батюшку.

— Ну, и я тогда останусь.

— Нет, нет, прошу вас, ради Бога, бегите! Спасайтесь, если вы меня любите... Мы потом свидимся.

— Да, мы свидимся. Вы в этом клянетесь, Кристабель?

— Клянусь.

— Ну, хорошо. Я повинуюсь вам, Кристабель.

— Прощайте.

— Вы пойдете со мной, мессир рыцарь, и этот почтенный монах тоже.

— А вы уверены, Мод, что ваш батюшка выпустит нас из замка? — спросил брат Тук.

— Да, если только ему еще ничего не известно о событиях этого вечера. Идемте же, нельзя мешкать.

— Но в замок-то мы вошли втроем,— сказал монах.

— Правда,— поддержал его Аллан.— Что же случилось с Робинотом?

— Я здесь! — откликнулся Робин, выходя из своего укрытия.

Кристабель вскрикнула от страха, а Мод одарила его такой нежной улыбкой, что монах нахмурился.

— Вот ловкий мальчик! — смеясь, сказала Мод и погладила пальчиками руку Робина.— Он убежал из камеры, которую охраняли два стража!

— Так вас тоже бросили в подземелье? — вскричал Аллан.

— Я поведаю вам свои приключения, когда мы будем далеко отсюда,— ответил юный лесничий.— А сейчас бежим как можно скорее. Да идемте же, мессир. Мне кажется, вы должны дорожить жизнью... и больше, чем я,— грустно добавил юноша.— Ваша гибель повергла бы в горе Марианну и многих других, а моя... Но хватит об этом. Скорей воспользуемся помощью Мод. Бежим. Стены ноттингемского замка душат меня. Бежим!

При этих словах Мод быстро взглянула на Робина.

Внезапно в проходе, ведущем в часовню, послышался шум шагов.

— Господи! Сжался над нами! — воскликнула Мод.— Это сам барон. Бегите же, ради Бога!

Аллан быстро снял монашескую сутану, отдал ее брату Туку и со словами горестного прощания бросился к Кристабель.

— Сюда! Скорее, мессир рыцарь! — повелительно позвала его Мод, открывая одну из выходных дверей часовни.

Аллан запечатлел на губках Кристабель жаркий поцелуй и только после этого откликнулся на призыв Мод.

— Пусть защитит вас святой Бенедикт, моя нежная подруга! — произнес монах и наклонился, чтобы поцеловать Мод.

— Нахал! — воскликнула девушка.— Да идите же вы! Идите!

Робин, считавший себя галантным кавалером, склонился перед Кристабель в глубоком поклоне, почтительно поцеловал ее руку и сказал:

— Пусть Пресвятая Дева будет вашей опорой, утешительницей и защитницей.

— Благодарю вас,— ответила Кристабель, удивленная благородными манерами простого лесничего.

— Миледи,— обратилась Мод к Кристабель,— мы уходим, а вы помолитесь за нас и делайте вид, что вам совершенно не известна причина гнева барона.

Не успела дверь закрыться за беглецами, как в часовню ворвался барон во главе вооруженной стражи. Мы узнаем чуть позже, что эта банда натворила в Божьем храме, а пока последуем за нашими друзьями, которые, направляемые своим прелестным ангелом-хранителем Мод, бежали по узкой и длинной галерее замка. Мод несла в руке зажженный факел и освещала им дорогу. За ней следовал Робин, почти рядом с ним бежал брат Тук, а Аллан был в арьергарде.

Мод бежала все быстрее и быстрее. Это она делала не только для того, чтобы беглецы успели покинуть замок до получения охранниками приказа никого не выпускать, но и для того, чтобы увеличить расстояние между собою и Робиню. Напрасно Робин пытался прикоснуться на бегу к платью Мод. Свободной рукой девушка отталкивала его руку.

— Вы рассердились на меня? — страдальческим голосом спросил юноша.

— Да,— ответила Мод.

— Что же я сделал такого, что не понравилось вам?

— Вы ничего не сделали.

— Может быть, я сказал какую-нибудь глупость?

— Ах, не спрашивайте меня, мессир. Это не может и не должно вас интересовать.

— Вы огорчаете меня.

— Ничего, утешитесь. Скоро вы будете далеко от этого ноттингемского замка, и его стены больше не будут душить вас.

«Ах, вот оно что», — подумал Робин, а вслух сказал:

— Мне опротивел барон, стены его замка и запоры его темниц. Но Бог свидетель, разве я сказал что-нибудь подобное о вашем очаровательном личике, вашей прелестной улыбке или о ваших милых словах, моя дорогая Мод?

— Правда? — спросила Мод, поворачивая к нему голову.

— Ну конечно, правда, дорогая Мод.

— Тогда давайте помиримся...

И мир был заключен и скреплен нежным поцелуем.

Эта проделка ненадолго задержала беглецов, и брат Тук, чьи чуткие уши уловили звук поцелуя, проворчал:

— Эй, вы там, идите быстрее. Куда нам теперь поворачивать?

— Направо, — ответила Мод.

Они пробежали еще двадцать шагов и оказались наконец у поста охраны замковых ворот.

Девушка окликнула своего отца.

— Как? — вскричал старый Линдсей, который, к счастью, ничего не знал о приключениях наших друзей в замке. — Как? Вы уже уходите? В ночь? Брат Тук, а я-то рассчитывал, что мы с вами чокнемся несколько раз на сон грядущий. Неужели вам так срочно нужно уходить?

— Очень срочно, сын мой, — ответил Тук.

— Ну, что же, прощайте, веселый Джиль и вы, славные мессiry.

Подъемный мост опустился. Первым покинул замок Аллан. За ним последовал монах, поссорившийся с Мод, которая на этот раз не приняла от него благословения — так они называли поцелуй. Но не успел брат Тук отвернуться, как девушка прикоснулась своими пылающими губами к руке Робина.

— Мы скоро увидимся? Правда? — тихо спросила Мод.

— Надеюсь, что скоро, — ответил Робин. — В покоях барона остались мои лук и стрелы. Заберите их оттуда, милая девочка, и отдайте человеку, которого я пришлю за ними.

— Приходите за ними сам, Робин.

— Хорошо, приду, дорогая Мод. А пока прощайте.

— Прощайте, Робин, прощайте...

Бедная девушка горько рыдала, голос ее пресекся, и никто не мог разобрать, сказала ли она: «Прощайте, Аллан! Прощайте, Тук!»

Беглецы быстро спустились с холма, на котором стоял замок, не останавливаясь, пересекли город и замедлили шаг только под спасительной сенью Шервудского леса.

Г Л А В А X

Около десяти часов вечера Джильберт оставил отца Элдреда в комнате, где лежал покойный Ритсон, и спустился вниз к Маргарите, которая хлопотала по хозяйству. Он спросил у жены, где сейчас гостя и не волнуется ли мисс Марианна из-за долгого отсутствия брата.

— Мисс Марианна? — вскричала Маргарита. Убитая горем, она совсем забыла о девушке.— Мисс Марианна? В своей комнате. Где же ей еще быть?

Джильберт пошел туда. В комнате никого не было.

— Десять часов, Мэгги, десять часов вечера, а девушка как сквозь землю провалилась.

— Я ее недавно видела. Она прогуливалась с Лансом по тропинке, что напротив дома.

— Быть может, она потеряла наш дом из виду и заблудилась. Ах, Мэгги, мне не дает покоя мысль, что с девушкой могло случиться несчастье. Уже одиннадцатый час. В это время выходят на охоту волки и разбойники.

Джильберт схватил лук, стрелы, хорошо отточенный кинжал и бросился в лес на поиски Марианны. Он знал лес как свои пять пальцев, все заросли кустарников, овраги, чащобы, полянки, и решил тщательно обыскать лесные закоулки, так хорошо знакомые ему, но такие опасные для женщины. «Я должен найти эту девушку,— думал Джильберт.— Клянусь святым Петром! Я должен ее найти».

Ведомый инстинктом или, скорее, чутьем, которое вырабатывается со временем у хороших лесничих, Джильберт шел точно по следу Марианны. Вот и дерево, под которым она сидела. Вдруг до него донесся глухой стон со стороны соседней тропинки, закрытой густой листвой, сквозь которую не проникал лунный свет. Он прислушался. Стон повторился. На этот раз он сопровождался слабыми жалобными

повизгиваниями. Несомненно, это страдало животное. В полной темноте, на ощупь, Джилльберт направился к тому месту, откуда ему слышались эти звуки. Стоны и повизгивания становились все громче и отчетливее, и наконец нога лесничего наткнулась на тело, распростертое на земле. Он нагнулся, протянул руку, и его пальцы коснулись влажной шерсти животного. От прикосновения теплой руки человека животное ожило, шевельнулось, и его жалобные стоны сменились слабым лаем. Оно как будто благодарило человека за то, что он его нашел.

— Ланс, Ланс, мой бедный Ланс! — позвал Джилльберт.

Ланс попробовал приподняться, но, обессиленный, снова упал на землю.

«Страшное несчастье случилось с бедной девушкой, — подумал Джилльберт, — и Ланс, бросившись ей на помощь, чуть не погиб».

— Ла-ла, — шептал лесничий, нежно лаская верного пса. — Ла-ла, бедный мой, где у тебя болит? Живот? Нет. Спина? Нет. Лапы? Тоже нет. Ах, вот, голова! Негодяй хотел расколоть тебе череп... Все будет хорошо. Ты выживешь, мой Ланс! Большая потеря крови, но еще много у тебя ее и осталось... Сердце бьется, да, я чувствую, как оно бьется и останавливаться не собирается.

Как и многие сельские жители, Джилльберт знал целебные свойства растений. На соседней полянке, освещенной лунным светом, он нашел нужные травы, растер их при помощи двух камней, приложил к ране Ланса и закрепил компресс повязкой, оторвав для этого длинный лоскут от своего камзола из козьей шкуры.

— Теперь я должен тебя оставить, мой бедный пес, но не беспокойся, я скоро вернусь за тобой. А пока отдохни вот здесь, на подстилке из сухих листьев. Вот, я тебя еще прикрою листьями, чтобы ты не замерз.

Так разговаривая с верным животным, словно с больным, страдающим человеком, старый лесничий взял его на руки и перенес в густые заросли, приласкал напоследок и пошел искать Марианну.

— Клянусь святым Петром! — шептал Джилльберт, зорко осматривая заросли и поляны. — Клянусь святым Петром! Если этот чертов сын, попортивший шкуру Ланса, попадетсЯ с Божьей помощью мне в руки, он у меня попляшет так, как никогда в своей поганой жизни не плясал. Я его еще подбодрю кинжалом. Ах, негодяй, ах, разбойник!

Джильберт шел по той же тропинке, по которой незадолго перед ним пробежала Марианна после того, как раненный злодеем Ланс упал и не поднялся. Вот и поляна, где Маленький Джон спас девушку от разбойника. Джильберт внимательно осмотрел эту поляну и вдруг увидел тень. Косые лучи луны так удлиннили ее, что лесничий вначале подумал, что это тень от высокого дерева, и не обратил на нее внимания. Но в следующее мгновение эта тень показалась ему странной. Он посмотрел на нее внимательно и понял, что такую тень могло отбрасывать только живое существо. Человек.

Джильберт поднял глаза и в нескольких шагах от себя увидел мужчину. Тот стоял, прислонившись к дереву, и тер руками голову. Джильберт подумал, что этот мужчина, возможно, разбойник, а может быть, даже и убийца мисс Марианны. Не колеблясь, он положил свою сильную руку на плечо незнакомца.

— Ты кто такой? — громовым голосом спросил лесничий.

Это было так неожиданно, что человек испугался, зашатался и, не удержавшись от слабости на ногах, упал на землю.

— Ты кто такой? — повторил свой вопрос Джильберт. Он нагнулся, грубо поднял незнакомца и поставил его на ноги.

— Не все ли вам равно? — пробормотал незнакомец. Тут он увидел, что, кроме Джильберта, никого больше нет. — Что ты...

— Нет, не все равно. Я лесничий и назначен на эту должность шервудскими властями. Ты похож на разбойника, как полная луна этого месяца похожа на полную луну прошлого месяца, и я подозреваю тебя в том, что ты охотился на необычную дичь. И все же обещаю отпустить тебя с миром, если ты честно и откровенно ответишь на мои вопросы. Но если откажешься, то — клянусь святым Дунстаном! — я задержу тебя и сдам шерифу.

— Ну, что же, задавай свои вопросы, а я посмотрю, отвечать на них или нет.

— Встретил ли ты этим вечером в лесу молодую даму в белом платье?

Губы разбойника скривились в страшной улыбке.

— Я все понял. Ты ее встретил. Но что это? Рана на голове? Тебя искусала собака. Вот сейчас я это проверю.

И Джильберт быстро сорвал окровавленную повязку с раны разбойника. С ужасом увидел он, что от головы

раненого отделился лоскут кожи и упал на плечо. Обезумев от боли, разбойник выдал себя:

— Откуда ты можешь знать, что меня искусила собака? Мы были одни.

— А девушка? Где она? Что с ней? Говори, негодяй, говори, а не то я тебя сейчас убью!

Держа руку на рукоятке кинжала, Джильберт ждал ответа.

В это время разбойник быстро поднял дубину и что было силы опустил ее на голову лесничего. Удар оглушил старика, но он устоял на ногах, быстро пришел в себя и выхватил кинжал из ножен. На разбойника обрушился яростный град ударов плоской стороной клинка кинжала. Джильберт бил его по спине, по плечам, по рукам, пока тот замертво не упал на землю.

— Не знаю, почему я не убил тебя, негодяй! — кричал лесничий. — Оставайся здесь и сдохни, как дикий зверь, если не хочешь сказать, что случилось с молодой дамой.

И Джильберт в отчаянии ушел.

— Я еще не сдох, подлый палач! — прошептал разбойник и, увидев, что Джильберт удалился, приподнялся на локте. — Я еще не сдох и докажу тебе это. Ты хотел узнать, что случилось с девкой? Так я тебе и рассказал, что один из Гэмвеллов увел ее в замок! Я не дурак. А ты еще побегай по лесу, поволнуйся. Ох, как у меня все болит! Он мне раздробил кости, вывихнул суставы. Но я еще жив. Да, да, Джильберт Хид, я еще жив!

И он пополз в заросли, и в самом деле как дикий зверь, чтобы укрыться там и отдохнуть.

Старик, охваченный волнением, искал и искал в лесу Марианну. Он уже потерял всякую надежду найти ее живой, как вдруг услышал мужской голос, распеваящий веселую балладу, одну из тех, которые он когда-то сложил для своего брата Робина.

Невидимый певец шел навстречу Джильберту и пел, пел... Джильберт с наслаждением слушал, его поэтическое самолюбие было польщено, и это на время заглушило терзавшую его тревогу. Потом он недовольно проворчал:

— Этого краснорожего дурака Уилла, прозванного Пунцовый, давно пора повесить на ветке дуба. Боже, как он фальшивит! Эй! Мэтр Гэмвелл! Эй, Уильям Гэмвелл! Хватит вам калечить мою балладу! Какого черта вы бродите в лесу в глухую ночь?

— Тише! — ответил юноша. — Кто это осмелился прервать пение Уильяма Гэмвелла, не дождавшись, когда

Уильям Гэмвелл допоеет песню и скажет ему: «Здравствуй!»?

— Услышав один раз, только один раз, голос Уилла Пунцового, его уже никогда не забудешь. И не нужны ни свет солнца, ни свет луны, ни даже свет звезд, чтобы знать, что где-то поблизости бродит Уилл.

— Хорошо сказано! — весело воскликнул кто-то другой, видимо спутник Уилла.

— Иди-иди сюда, ты, остряк, — продолжал Уилл вызывающим тоном. — Вот я тебя сейчас научу вежливости.

Уилл уже поднял над головой свою дубину, но вмешался Маленький Джон:

— Ты что, с ума сошел, братец? Неужели ты не узнал старого Джильберта, к которому мы идем?

— И в самом деле — Джильберт!

— Ну, конечно, Джильберт!

— Тогда другое дело, — произнес молодой человек и бросился навстречу лесничему. — А у нас хорошие новости, старик, очень хорошие новости! — кричал он. — Молодая дама жива и здорова. Она в нашем замке, и Унифред с Барбарой заботливо за ней ухаживают. Маленький Джон встретил ее в лесу как раз в тот момент, когда негодяй хотел обидеть ее. Вы один, Джильберт? А где Робин, мой дорогой Робин Гуд?

— Тише, тише, Уилл! Поберегите ваши легкие и наши уши! Сегодня утром Робин ушел в Ноттингем, и, когда я уходил, его еще не было дома.

— Да, нехорошо, что Робин ушел в Ноттингем без меня. Мы с ним условились провести как-нибудь в Ноттингеме семь-восемь дней. Ну и повеселимся мы там!

— Что с вами, Джильберт? — спросил Маленький Джон. — Вы бледны. Не заболели ли вы?

— Нет, я не болен, но у меня горе. Сегодня умер мой зять, и я узнал, что... это не важно... Слава Богу! Мисс Марианна спасена. Это ее я искал в лесу. Как я волновался за нее, особенно после того, как нашел полумертвого Ланса, моего лучшего пса.

— Полумертвого Ланса? Бедный пес...

— Да, Ланса. Таких животных больше нет. Порода уагсла.

— Кто это сделал? Кто посмел совершить такое преступление? Скажите, где он, этот злодей? Я ему все ребра переломлю! Где он? Где он? — взволнованно спрашивал рыжеволосый молодой человек.

— Успокойтесь, сын мой. Я отомстил за Ланса.

— Это само собой. Я тоже хочу отомстить за бедного пса. Скажите, где этот презренный трус, осмелившийся поднять руку на собаку? Я его помечу своей дубинкой! Это, конечно, разбойник?

— Да. Я его избил до полусмерти кинжалом и бросил сдыхать там.

— Если это тот самый человек, который посмел напасть на мисс Марианну, я должен отвести его в Ноттингем и сдать шерифу, — сказал Маленький Джон. — Покажите мне, где вы его оставили, Джильберт.

— Где-то здесь, где-то здесь, ребята!

Старый лесничий быстро нашел место, где упал избитый им разбойник, но того уже там не было.

— Какая досада! — воскликнул Уилл. — Посмотрите, мы находимся как раз на том месте, где обычно собираемся, выходя из замка на охоту, на перекрестке, между дубом и буком.

— Между дубом и буком! — повторил Джильберт, задрожав всем телом.

— Да, между дубом и буком. Но что с вами, старина? — встревожился Уилл. — Как вы дрожите!

— Это... Ах! Ничего, ничего, — говорил Джильберт, сдерживая волнение. — Так, ничего... воспоминание.

— Ба! Уж не боитесь ли вы привидений, вы, такой храбрец? — спросил Маленький Джон, которому была неизвестна причина волнения, охватившего Джильберта. — А я думал, что вы, старейшина лесничих Шервудского леса, выше всех этих глупостей. Надо, однако, сказать, что это место не пользуется хорошей славой. Рассказывают, что здесь каждую ночь появляется неприкаянная душа молодой девушки, убитой разбойниками, и бродит до утра под этими большими деревьями. Я сам ее никогда не видел, хотя часто здесь бываю не только днем, но и глухой ночью, но многие люди из Мансфельда, Ноттингема, нашего замка и соседних деревень утверждают под присягой, что встречали привидение на этом перекрестке.

Джильберт слушал Маленького Джона и уже не мог сдержать волнение. Его лицо покрылось холодным потом, зубы стучали, глаза блуждали. Вытянув руку к буку, он показывал пальцем своим товарищам на что-то, видимое только ему одному.

Внезапно ветер усилился, его яростные порывы развеяли сухие листья, лежавшие под этими деревьями, а внутри вихря отчетливо виднелась человеческая фигура.

— Аннета, Аннета, сестра! — закричал Джильберт. Он упал на колени и протянул к привидению руки. — Аннета, что ты желаешь? Скажи...

Уилл и Маленький Джон, люди испытанного мужества, затрепетали и осенили себя крестным знаменем. Это не было галлюцинацией Джильберта, они собственными глазами видели огромный белый призрак, стоявший между деревьями. Казалось, что призрак хочет приблизиться к людям, но порывы ветра стали еще яростнее, и он начал медленно удаляться, пока не исчез в темноте перекрестка.

— Это она! Она! Вышла из могилы! — вскричал Джильберт и потерял сознание.

От ужаса его товарищи словно приросли к земле и не могли вымолвить ни слова. Призрак исчез, но им казалось, что ветер доносит какой-то неясный странный шум, стоны, стенания.

Понемногу они пришли в себя и бросились на помощь лежавшему без сознания Джильберту. Напрасно они хлопали его по щекам, напрасно старались влить ему в рот несколько капель виски, напрасно шептали ему в ухо все слова утешения, которые знали: старик лежал неподвижно, без чувств, и, если бы не едва слышное биение сердца, можно было подумать, что он умер.

— Что будем делать, брат? — спросил Уилл.

— Его нужно отнести домой, и как можно скорее, — ответил Маленький Джон.

— Можно было бы положить к тебе на спину, ты сильный, но это неудобный способ, мы причиним ему лишние страдания. Я мог бы взять его за ноги, а ты — за плечи, но это еще хуже.

— Вот, возьми топорик, Уилл, и приготовь все, что нужно для носилок, а я побуду с ним, постараюсь привести его в чувство. Иди.

Теперь Уильяму было не до веселых баллад Джильберта, он был искренне удручен тяжелым обмороком старого шервудского поэта. В поисках подходящего дерева он подошел к темному перекрестку, возле которого растворился призрак. Его страх совсем прошел, и он чувствовал себя в безопасности, как если бы прогуливался в полночь по тропинкам сада в усадьбе гэмвеллского замка.

Внезапно Уильям споткнулся о какой-то большой предмет, лежавший на дороге, и упал. Он энергично обругал злополучное препятствие, оказавшееся на его пути, но вдруг почувствовал, что это не обрубок дерева, не камень, как он вначале подумал, а живое человеческое тело. Оно двигалось и богохульствовало.

— Эй, ты! — воскликнул храбрый Уилл, хватая за горло незнакомца, на которого упал. — Брат, брат, ко мне! Я держу его!

— Подруби его под корень! — ответил Маленький Джон. — Я не могу оставить Джильберта!

— Так я же не дерево держу, а разбойника, убийцу Ланса. Ко мне, брат!

— Да отпусти меня! Я задыхаюсь! — хрипел разбойник. — Ах, так вы двое против меня одного, — добавил он, увидев подбегавшего Маленького Джона. — Я не окажу вам сопротивления... Умираю... Воздуха, сжальтесь, воздуха!

Уильям поднялся.

— Черт возьми! Он в одежде из белой козьей шкуры. Вот мы и нашли привидение! — кричал Маленький Джон. — Так это ты лежал там, между двух деревьев, на куче листьев?

— Я.

— Это ты преследовал молодую девушку? — спросил Маленький Джон.

— Это ты убил лучшего из псов? — добавил Уилл.

— Нет, нет, Господи. Сжальтесь, помогите мне, я умираю!

— Ты чуть не убил человека, который принял тебя за привидение... некоей Аннеты, — сказал Уилл.

— Аннеты? Аннеты? Ах, я вспоминаю... Была такая Аннета. Это Ритсон ее убил, а я, переодевшись священником, тайно обвенчал их.

— Он бредит! — решили братья. Они ничего не поняли из того, что сказал разбойник.

— Сжальтесь, господа! Унесите меня отсюда! Земля такая твердая.

— Ты сначала расскажи, кто тебя так обработал?

— Волки на меня напали, — ответил негодяй, который, несмотря на предсмертные страдания, не потерял разума. — Волки, господа. Они искусали мою голову, руки и ноги. Я заблудился в лесу, два дня ничего не ел, ослабел и не мог защищаться. Сжальтесь, сжальтесь надо мной, господа.

— Это разбойник,— сказал Маленький Джон на ухо Уиллу,— это он преследовал мисс Марианну и разбил голову Лансу. Это его избил Джильберт. Мне кажется, что он долго не протянет и никуда отсюда до утра не денется. Если он не умрет, я отведу его к шерифу.

И, не обращая больше внимания на стоны и жалобы разбойника, братья вернулись к Джильберту.

Лесничий понемногу пришел в сознание и сказал, что он вполне без посторонней помощи может дойти домой. Братья помогли ему подняться и повели его, поддерживая с обеих сторон.

В нескольких шагах от дома Джильберт остановился, прислушался к какому-то заунывному звуку, доносившемуся из леса, вздрогнул и сказал:

— Это Ланс. Его предсмертный стон.

— Мужайтесь, дорогой Джильберт! Вы уже дома. Вот и ваша жена Маргарита стоит с фонарем на пороге. Мужайтесь!

Снова послышался собачий вой. Джильберт едва не потерял сознание. Маргарита бросилась к нему, поддержала и ввела в дом.

Час спустя Джильберт немного успокоился и тихо сказал своим молодым друзьям:

— Дети мои, попозже я, может быть, соберусь с силами и поведаю вам историю неприкаянной души, блуждающей ночами в лесу.

— Неприкаянная душа! — громко рассмеялся Уилл.— Знаем мы ее, эту душу...

— Помолчи, брат! — строго сказал Маленький Джон.

— Нет, вы не знаете ее,— возразил Джильберт,— вы еще слишком молоды.

— Я хотел сказать, что мы встретили разбойника, которого вы так хорошо обработали кинжалом.

— Вы его встретили?

— Да, полумертвого.

— Господи, прости его!

— Черт, забери его! — добавил Уилл.

— Помолчи, брат.

— Окажите мне еще одну большую услугу, ребята,— попросил Джильберт.

— Мы вас слушаем.

— В нашем доме лежит покойник. Помогите мне предать его земле.

— Мы сделаем все, что нужно, дорогой Джильберт,— сказал Уильям.— У нас сильные руки, и мы не боимся ни мертвых, ни живых, ни призраков.

— Да помолчи же, брат.

— Ладно, помолчу,— недовольно проворчал Уильям. В отличие от Маленького Джона он не понимал, что всякое упоминание о призраках и привидениях пробуждало мучительное чувство в душе старого лесничего.

Впереди, читая зауспокойные молитвы, шел отец Эдред, за ним Маленький Джон и Линкольн несли на носилках тело покойного, а сзади следовали Джильберт и Маргарита. Джильберт с трудом сдерживал рыдания, Маргарита тихо плакала, спрятав лицо под капюшоном. Заключал траурную процессию Уилл Пунцовый. Они направлялись к двум деревьям, у подножия которых возлюбленный и убийца Аннеты просил похоронить его, как о величайшей милости.

Джильберт и Маргарита стали на колени, а Линкольн и Маленький Джон принялись рыть могилу. Она еще и наполовину не была готова, как Уилл, стоявший на страже с луком в одной руке и с кинжалом в другой, подошел к Маленькому Джону и тихо сказал ему на ухо:

— Будет неплохо, если вы расширите эту яму. Мы в ней зароем еще кое-кого.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Тот, кто утверждал, что его искусили волки, а мы его оставили в очень тяжелом состоянии в нескольких шагах отсюда, умер. Можете ударить его ногой, он не застонет, не пошевелится.

Не успели закопать трупы разбойников, как в лесу снова, в третий раз, послышался вой собаки.

— Ланс, мой бедный Ланс! Теперь твоя очередь! — воскликнул лесничий.— Сейчас я тебе помогу.

Г Л А В А X I

Как мы уже слышали от Мод, разъяренный барон в сопровождении шестерых вооруженных воинов отправился в камеру Аллана Клэра. Но пленника там не было!

— А-а! — засмеялся барон. Его ужасный, леденящий душу смех можно было бы назвать тигриным, если бы тигры умели смеяться.— А-а! Так вот как выполняются мои приказы! Очень хорошо! Для чего же мне после этого нужны

стражники и подземелье? Клянусь святой Гризельдой! Отныне я буду без их помощи, сам исполнять свои приговоры по крупным и мелким делам, а узники будут содержаться в птичнике моей дочери под надзором птичниц. Где надзиратель Эгберт Ланнэр?

— Здесь, монсеньор,— ответил солдат.— Я держу его, чтобы он не убежал.

— Держи, а если он убежит, вместо него я повешу тебя... Подойди-ка сюда, Эгберт. Ты видишь дверь этой камеры? Она заперта. Ты видишь это окошко? Оно узкое. Может быть, ты объяснишь мне, каким образом исчез узник, который не был ни настолько тонок, чтобы пролезть в это отверстие, ни летуч подобно воздуху, чтобы испариться через замочную скважину? Каким образом, спрашиваю я тебя, смог он исчезнуть из камеры?

Полумертвый от страха Эгберт хранил молчание.

— Объясни мне, какая была тебе выгода выпускать на свободу преступника? Я спрашиваю тебя без гнева, поэтому отвечай мне без боязни. Я добрый и справедливый и, быть может, помилую тебя, если ты, конечно, загладишь свою ошибку.

Хитрость барона не удалась. Эгберт был слишком опытен и отлично знал нрав своего господина, чтобы поверить в его искренность. Полумертвый от страха, он продолжал хранить молчание.

— Ах вы, глупые рабы! — закричал Фитц Олвайн.— Бьюсь об заклад, что никто из вас не догадался известить пост охраны ворот замка. Пусть кто-нибудь из вас как можно быстрее передаст мой приказ Хьюберту Линдсею поднять мост и запереть все ворота.

Солдат побежал выполнять распоряжение барона. Но он заблудился в неосвещенных коридорах подземелья, упал с лестницы головой вниз и разбился насмерть. Никто этого не заметил. Беглецы смогли благополучно выйти из замка только благодаря этому несчастному случаю.

— Милорд,— сказал один из воинов,— когда мы шли сюда, я видел отблески факела в конце галереи, ведущей в часовню.

— И только сейчас догадался сказать мне об этом! — закричал барон.— Эти негодяи поклялись поджарить меня на медленном огне! Но они сдохнут раньше меня. Да,— добавил он, задыхаясь от гнева,— да, вы сдохнете раньше меня. Вы умрете самой страшной смертью, если не будет

пойман нечестивец, место которого в этой камере сейчас займет Эгберт.

И, вырвав из рук солдата факел, Фитц Олвайн побежал в часовню. Кристабель стояла перед гробницей своей матери и, казалось, была погружена в благочестивые размышления.

— Обыщите все углы и закоулки, найдите мне его живым или мертвым! — приказал барон.

Солдаты повиновались.

— А вы, дочь моя, что здесь делаете?

— Молюсь, батюшка.

— И, разумеется, вы молитесь за презренного негодяя, по которому плачет веревка?

— Я молюсь за вас перед гробницей моей матери. Разве вы не видите?

— Где ваш сообщник?

— Какой сообщник?

— Этот предатель Аллан?

— Не знаю.

— Вы меня обманываете. Он здесь.

— Я вас никогда не обманывала, батюшка.

Барон внимательно посмотрел на дочь.

— Мы не нашли ни одного, ни другого, — сказал один из солдат.

— Ни одного, ни другого? — переспросил Фитц Олвайн. Он начал подозревать, что и Робин тоже сбежал.

— Ну да, монсеньор, ни одного, ни другого. Разве не двое узников бежали из подземелья?

Так, значит, и Робин выскользнул из его рук, этот дерзкий Робин, смеявшийся ему в лицо, от которого он надеялся получить интересовавшие его сведения об Аллане? Барон был вне себя от ярости. Он положил руку на плечо неосторожного солдата и спросил его:

— Ни одного, ни другого? Объясни мне, что это значит, — и он так сильно сжал рукой плечо солдата, что тот задрожал от страха и не знал, что отвечать. — Ты мне скажи сначала, кто ты такой?

— Меня зовут Гаспар Штайнкорф, с позволения вашей светлости. Я стоял на посту на замковой стене, и это...

— Негодяй! Ты стоял на страже у двери камеры, в которую я приказал бросить шервудского волчонка. Не говори мне, что ты его выпустил, а то я тебя сейчас заколю кинжалом.

Мы не будем больше описывать неисчислимы оттенки гнева барона, скажем только, что гнев стал его нормальным

состоянием, необходимостью, он скорее перестал бы дышать, чем укротил бы свой гнев.

— Так ты говоришь, что он бежал в то время, когда ты стоял на посту на восточной замковой стене? — продолжил допрос барон после минутного молчания. — Ну, отвечай!

— Милорд, вы пообещали заколоть меня кинжалом, если я скажу то, что вы от меня требуете, — ответил бедняга.

— И, разумеется, выполню свою угрозу.

— В таком случае я ничего не скажу вам.

Барон занес кинжал над несчастным солдатом, но леди Кристабель удержала его руку.

— Заклинаю вас, батюшка, не проливайте кровь над этой гробницей! — воскликнула она.

Ее мольба была услышана. Барон грубо оттолкнул Гаспара, вложил кинжал в ножны и строго сказал дочери:

— Идите в свои покои, миледи. А вы скачите по мансфельдской дороге, выследите и поймайте беглецов. Я хочу, чтобы они снова заняли свои камеры в подземелье моего замка, чего бы это ни стоило. Слышите? Они мне нужны.

Воины повиновались. Не успела Кристабель подойти к двери, как в часовню вернулась Мод. Она подбежала к своей госпоже и, приложив палец к губам, тихо сказала ей:

— Они спасены! Спасены!

Молодая леди поблагодарила Бога за такую милость и последовала за Мод к выходу из часовни.

— Остановитесь! — закричал барон. Он заподозрил, что камеристка передала своей госпоже важное известие, и был недалек от истины. — Девушка Линдсей, я желаю поговорить с вами. Подойдите ко мне, не бойтесь. Я не съем вас.

— Кто вас знает? — сказала испуганная Мод. — Вы гневаетесь, вы в ярости, монсеньор. Я боюсь вас.

— Девушка Линдсей, ваши хитрость и коварство всем известны. И сколько я ни хмурил бы брови, вы не испугаетесь. Но трепещите! Я могу принять к вам более серьезные меры! Так кто же спасся? Я слышал это слово, не отпирайтесь, моя прекрасная бесстыдница!

— Я сказала только, что кто-то спасся, и все, монсеньор, — стараясь быть искренней, ответила Мод.

— Ах, так вы только сказали, что кто-то спасся, очаровательная лицедейка! А может быть, вы сказали, что они спаслись, не один, а несколько?

Камеристка отрицательно покачала головой.

— Лгунья вы, лгунья. Я же поймал вас на месте преступления.

Мод, изобразив на своем лице крайнюю глупость, уставилась на барона. Она как будто не понимала слов: «Я вас поймал на месте преступления».

— Не строй из себя дурачку,— продолжал барон.— Я прекрасно понимаю, что побег моих узников из темницы был подготовлен не без твоего участия, но ты рано празднуешь победу. Они не могли уйти далеко от замка, и мои люди скоро их поймают. Менее чем через час они будут здесь. Я прикажу привязать их одного к другому, спина к спине, и сбросить с замковой стены в ров. Посмотрю я тогда, сможешь ли ты мне помешать...

— Чтобы привязать их одного к другому, спина к спине, надо их поймать и привести сюда,— возразила Мод с наивно-глупым выражением на лице, а из ее глаз выглядывали хитрые чертики.

— Прежде чем искупать нечестивцев во рву, я прикажу хорошо исповедать их, и, если выяснится, что вы были с ними заодно, я серьезно займусь вами, барышня Линдсей.

— Будь по-вашему, монсеньор.

— Вот именно, по-моему, а не по-вашему... вы увидите...

— Клянусь святым Валентином! Монсеньор, было бы очень хорошо с вашей стороны рассказать мне заранее, что меня ждет, чтобы я могла к этому подготовиться,— сказала она и сделала реверанс.

— Дерзкая!

— Миледи,— спокойно обратилась камеристка к своей госпоже, которая стояла неподвижно, словно статуя Скорби.— Миледи, не желает ли ваша светлость вернуться в свои покои? Становится холодно. Хотя ваша светлость и не страдает подагрой, но...

Барон, выведенный из себя насмешками и хладнокровием камеристки, прервал ее и потребовал у нее ответа, что она хотела сказать словами: «Спасены! Спасены!»

Голос барона звучал спокойно, решительно, и Мод поняла, что настало время дать определенный ответ, и, сделав вид, что она сдается на милость победителя, девушка воскликнула:

— Вы настаиваете, монсеньор, я обязана вам повиноваться! Я вам все расскажу. Да, действительно, я произнесла слова «он спасен!», и произнесла их очень тихо. Я не хотела, чтобы ваши воины видели мое волнение. Но от вас, милорд, ничего нельзя скрыть. Сказав миледи: «Он спа-

сен!» — я имела в виду несчастного Эгберта, которого вы хотели повесить, монсеньор, но не повесили. Слава Богу! — прибавила Мод, заливаясь слезами.

— Вот тебе на! — вскричал барон. — Мод, вы меня что, за идиота принимаете? Вы злоупотребляете моим терпением! Ну, хорошо! Эгберта повесят и вас вместе с ним, раз вы его так любите.

— Спасибо большое, монсеньор! — расхохотавшись, сказала камеристка. Она сделала реверанс, повернулась и, выскочив из часовни, побежала догонять Кристabelle.

Лорд Фитц Олвайн последовал за ней, кляня на чем свет стоит женскую хитрость. Веселая дерзость девушки окончательно вывела его из себя, и он не знал, каким образом и на кого обрушить свой гнев. Он не пожалел бы половины своего богатства только за то, чтобы сию же минуту заполучить Аллана и Робина. А пока в ожидании солдат, посланных в погоню за беглецами, барон решил излить накопившуюся в нем злость в обществе леди Кристabelle. Мод предчувствовала, что монсеньор последует за ней, и поэтому, убегая, прихватила с собой единственный факел, освещавший часовню. Старик остался в кромешной темноте и разразился новыми проклятиями по адресу камеристки и всей вселенной.

«Барон разбушевался», — подумала Мод, удалившись от монсеньора на почтительное расстояние. Но шаловливая девушка не была злой. Очень скоро она почувствовала угрызения совести, ей стало жалко больного старика, бродившего по темным галереям. Она остановилась и услышала отчаянные крики.

— На помощь! На помощь! — зывал глухой, сдавленный голос.

— Это, кажется, голос барона, — воскликнула Мод и бегом вернулась обратно. — Где же вы, монсеньор?

— Здесь, негодница, здесь! — ответил Фитц Олвайн. Кажется, его голос исходил из-под земли.

— Господи! Как вы туда попали? — спросила Мод, остановившись на верхней площадке лестницы. При свете факела она увидела барона, распростертого на ступеньках. Спускаясь, он споткнулся о лежавшее поперек дороги человеческое тело, упал и не смог подняться. Он не убит, только благодаря кирасе, которую всегда носил под камзолом.

Как ливень утихомиривает бурю, так и падение укротило гнев барона.

— Мод, — сказал он, поднимаясь с помощью девушки. — Мод, Бог накажет тебя за то, что ты потеряла ко мне всякое уважение и бросила в темноте.

— Простите меня, монсеньор. Миледи ушла, и я побежала вслед за ней. Я ведь не знала, что рядом с вами не осталось ни одного солдата с факелом. Слава Богу! Вы живы и здоровы. Провидение спасло нашего доброго господина... Обопритесь на мою руку, монсеньор.

— Мод, — произнес барон. Он нуждался в помощи камеристки и поэтому опасался дать волю своему ужасному гневу. — Мод, напомнишь мне, чтобы я отдал приказ разбудить пьяницу, развалившегося на лестнице, пятьюдесятью ударами плетью. Я чуть не убился из-за него.

— Не беспокойтесь, монсеньор, напомню.

Они не знали, что тело, о которое споткнулся барон, было трупом несчастного солдата, так и не передавшего приказ монсеньора запереть все ворота замка. Колеблющееся пламя факела слабо освещало лестницу, а барон еще не оправился от испуга, охватившего его драгоценную особу, и поэтому не заметил, что ступени лестницы залиты не вином, а кровью.

— Куда проводить вас, монсеньор? — спросила Мод.

— В покои моей дочери.

«Ах! Бедная миледи! — подумала камеристка. — Сейчас он усядется в удобное кресло, и снова начнутся ее мучения».

Леди Кристабель сидела перед маленьким столиком, освещенным светом бронзовой лампы, и внимательно рассматривала какой-то предмет, который держала в руке. Услышав шум шагов барона, входившего в ее покои, она мгновенно его спрятала.

— Что за пустячок вы так быстро спрятали от меня? — спросил барон, усаживаясь в мягкое кресло.

— Начинается! — прошептала Мод.

— Что вы сказали, Мод?

— Я сказала, что у вас очень больной вид. Вы, видно, очень страдаете.

Подозрительный барон бросил на девушку сверкнувший гневом взгляд.

— Так отвечайте, дочь моя, что за пустячок вы только что спрятали от меня?

— Это не пустячок, батюшка.

— Это не может быть ни чем иным, как пустячком.

— В таком случае, батюшка, мы с вами по-разному смотрим на вещи, — сказала Кристабель, пытаясь улыбнуться.

— Благовоспитанная дочь придерживается тех же мнений и взглядов на вещи, что и ее отец. Так что же это за вещь, дочь моя?

— Клянусь вам, что это не стоит вашего внимания.

— Дочь моя, — проговорил барон удивительно спокойным, но строгим голосом. — Дочь моя, если вещь, которую вы только что от меня спрятали, не связана ни с каким вашим греховным поступком и не вызывает у вас никаких не достойных честной девушки воспоминаний, то почему же вы не хотите показать ее своему отцу? Если же это талисман или нечто такое, что вы не должны хранить у себя, я безусловно должен видеть эту вещь. У меня есть не только отцовские права, но и обязанности по отношению к вам. Я должен отвести вас от пропасти, если вы подошли к самому ее краю, вытащить вас из этой пропасти, если вы уже туда упали. Еще раз спрашиваю у вас, дочь моя, что вы от меня только что спрятали в корсаж вашего платья?

— Это портрет, милорд, — ответила девушка, дрожа всем телом и покраснев от волнения.

— Чей портрет?

Кристалль опустила глаза, голос изменил ей.

— Не испытывайте мое терпение... Мне слишком много пришлось пережить сегодня, слишком много. Так чей же это портрет?

— Я не могу ответить вам, батюшка.

Слезы душили Кристалль. Сбравшись с силами, она сказала твердым голосом:

— Да, батюшка, вы имеете право задавать мне подобные вопросы, но я беру на себя смелость не отвечать на них. Это не бесчестит ни вас, ни меня. Моя совесть чиста перед вами.

— Вот как! Ваша совесть чиста, потому что она согласуется с вашими чувствами. Интересно, дочь моя.

— Поверьте мне, батюшка, я никогда не обещу ваше имя, но я хорошо помню, как была несчастна моя святая матушка.

— Вы хотите сказать, что я старый негодяй. Это уже давно всем известно, но я не хочу, чтобы мне это говорили в лицо.

— Но, батюшка, я этого не говорила.

— Вы так подумали. Можете оставить свою драгоценную реликвию у себя. Она меня мало интересует. Это портрет нечестивца, которого вы любите, несмотря на мой запрет. Мне противно смотреть на его богомерзкую рожу. А теперь

слушайте меня внимательно, леди Кристабель. Вы никогда не выйдете замуж за Аллана Клэра. Я скорее убью вас обеих собственной рукой, чем соглашусь на ваш брак. Я выдам вас замуж за Тристрама Голдсборо. Он, правда, не молод, всего лишь на несколько лет моложе меня, да и я еще не стар. Он некрасив. Это тоже правда. Но разве в красоте счастье? Я тоже не был красивым, и тем не менее миледи Фитц Олвайн не променяла меня на самого блестящего кавалера при дворе короля Генриха Второго. Поверьте мне, некрасивая внешность Тристрама Голдсборо — лучшая гарантия его супружеской верности. Он очень богат и пользуется большим влиянием при дворе. Одним словом, это человек, который мне... вам подходит во всех отношениях. Завтра я извещу его, что вы принимаете предложение выйти за него замуж. Через четыре дня он прибудет в наш замок, чтобы благодарить вас за оказанную ему честь... а в конце недели вы станете его законной супругой, знатной придворной дамой.

— Я никогда не выйду замуж за этого человека! — воскликнула девушка.— Никогда! Никогда!

Барон так и покатился со смеху.

— У вас никто и не спрашивает согласия, миледи. А повиноваться я вас заставляю.

Мертвенно-бледное лицо леди Кристабель залилось краской, она судорожно сжала руки.

— Вникните в мои слова, дочь моя, и постарайтесь принять правильное решение, если, конечно, вы сочтете это необходимым. И хорошо запомните: я хочу, я требую от вас безусловного повиновения.

— Господи! Господи! Сжальтесь надо мной! — горестно молила Кристабель.

Барон пожал плечами и вышел из покоев своей дочери.

В течение целого часа он ходил взад и вперед по своему кабинету, обдумывая создавшееся положение.

Угрозы Аллана Клэра испугали его, и он чувствовал, что леди Кристабель не изменит своего решения.

«Не следует так жестко ставить вопрос о браке, — думал он.— Я ведь люблю ее. Она моя дочь, моя кровь. Я не прошу себе, если она будет смотреть на меня как на тирана. Она должна быть счастлива, но только в браке с Тристрамом, моим старым другом и товарищем по оружию. Надо ей в чем-то уступить, тогда и она мне уступит».

Подойдя к двери, ведущей в покои Кристабель, барон остановился и прислушался. Из-за двери доносились душевраздирающие рыдания.

«Бедная малютка»,— подумал барон, тихо открывая дверь.

Девушка сидела перед столом и писала. Барон никак не мог понять, зачем его дочь научилась читать и писать. В те времена грамоту знали только служители церкви. Аристократы же считали ниже своего достоинства обучаться этим наукам.

«И здесь не обошлось без дурака Аллана Клэра,— подумал Фитц Олвайн.— Это он обучил ее марасть бумагу».

И он бесшумно приблизился к столу.

— Кому это вы, барышня, пишете? — зловеще спросил старик.

Кристабель испуганно вскрикнула и хотела спрятать письмо туда же, куда она раньше спрятала драгоценный портрет. Но барон оказался проворнее и выхватил бумагу из ее рук. Растерявшаяся от страха девушка совсем забыла, что ее благородный отец никогда в жизни не раскрыл книгу, не держал в руках перо, и поэтому ее письмо было для него грамотой за семью печатями. Она не успела выбежать из комнаты. Барон, схватив ее за руку, удержал подле себя. Кристабель потеряла сознание. Горящими от гнева глазами старик старался расшифровать знаки, начертанные рукой его дочери, но тщетно. Он опустил глаза и увидел бледное лицо своего несчастного ребенка, безжизненно лежавшее на его груди. Взяв дочь на руки, барон понес ее в опочивальню.

— Ах, женщины, женщины! — повторял он.

Уложив девушку на постель, Фитц Олвайн открыл дверь и громко позвал:

— Мод! Мод!

Горничная прибежала.

— Разденьте вашу госпожу,— сказал барон и, ругаясь, вышел из покоев Кристабель.

— Мы с вами одни, миледи,— говорила Мод, приводя в чувство свою хозяйку.— Ничего не бойтесь!

Кристабель открыла глаза и испуганно осмотрелась. Не увидев возле своей постели никого, кроме верной Мод, она обхватила обеими руками шею любимой камеристки и воскликнула:

— Ах, Мод! Я погибла!

— Дорогая леди, доверьтесь мне.

— Батюшка перехватил письмо, которое я написала Аллану.

— Но ведь ваш благородный батюшка не умеет читать, миледи.

— Зато его исповедник хорошо знает грамоту.

— Этого нельзя допустить. Миледи, дайте мне поскорее другой исписанный лист бумаги, похожий на тот, на котором было написано ваше письмо.

— Вот, возьми.

— Успокойтесь, миледи. Осушите ваши прекрасные глазки, а то они потускнеют от слез.

Отчаянная Мод вихрем ворвалась в покои барона как раз в тот момент, когда преподобный исповедник взял в руки письмо Кристабель к Аллану.

— Монсеньор, — быстро заговорила она, — миледи прислала меня просить вашу светлость отдать ей бумагу, которую вы взяли с ее стола.

Неслышно, по-кошачьи, приблизившись к исповеднику, Мод ловко выхватила из его рук письмо.

— Клянусь святым Дунстаном, моя дочь сошла с ума! Как она посмела прислать вас ко мне с таким поручением?

— Посмела, монсеньор. И, как видите, я его уже выполнила, — сказала Мод, помахав письмом перед носом барона.

— Ах ты, негодяйка! — взревел барон и бросился вслед за девушкой. Легче лани бежала она, но на пороге позволила поймать себя.

— Сейчас же отдай бумагу, а не то я тебя задушу.

Мод сделала вид, что очень испугалась, и опустила голову. Барон, воспользовавшись ее хорошо разыгранным замешательством, выхватил из кармана передника лист бумаги, почти неотличимо похожий на тот, который только что был в руках исповедника.

— Вот я тебя отхлещу по щекам, дура проклятая! — кричал барон, замахиваясь одной рукой на Мод, а другой передавая бумагу монаху.

— За что? Я ведь только выполняла приказ миледи.

— Как только твоя хозяйка выносит тебя, дерзкая тварь?

— Приношу вам свои нижайшие извинения, монсеньор, — сказала Мод, сделав насмешливый реверанс.

Довольная, что так ловко провела барона, девушка весело вернулась в покои своей госпожи.

— Ну, а теперь, отец мой, мы можем спокойно прочитать, что написала моя недостойная дочь этому еретнику Аллану Клэру.

Монах начал читать гнусавым голосом:

Когда пройдет время зимы и расцветут фиалки,
Когда подснежники возвестят приход весны,

Когда твое сердце услышит нежные слова.
Когда ты улыбнешься от радости,
Вспомнишь ли ты обо мне, моя любовь?

— Будь я проклят! Что за чушь вы мне читаете, отец мой? — вскричал барон.

— То, что написано на этой бумаге, слово в слово, сын мой. Продолжать?

— Разумеется, отец мой. Мне кажется, что моя дочь была слишком возбуждена и не могла придумать ничего лучшего, как сочинить какую-то глупую песенку.

Когда весна покроет всю землю душистыми розами, — продолжал монах.

Когда солнце взойдет на небо и улыбнется нам,
Когда под окнами расцветет жасмин,
Вспомнишь ли ты с любовью о том, кто так любит тебя?

— Черт побери! — заорал барон. — И это называется поэзия! Много ли там еще осталось, отец мой?

— Несколько строк — и конец.

— Посмотрите на другой стороне. Может быть, там что-нибудь другое написано?

Когда осень...

— Хватит! Хватит! — зарычал Фитц Олвайн. — Этот рифмоплет производит смотр всем временам года. Скучно. Но монах продолжал:

Когда сухие листья устилают газон,
Когда небо покрыто облаками,
Когда падает снег,
Вспоминаешь ли ты о том, кто тебя любит, любовь моя?

— Моя любовь, моя любовь! — передразнил барон монаха. — Здесь что-то не так. Когда я вошел, Кристабель писала что-то другое, а не эту песенку. Меня провели и ловко провели. Но клянусь святым Петром! Я этого больше не стерплю. А теперь, отец мой, оставьте меня одного. Спокойной ночи.

— Мир вам, сын мой! — благословил исповедник барона и удалился.

Пока барон пережевывает свои бесконечные планы местности, посмотрим, что делают Кристабель и озорница Мод.

Девушка написала Аллану, что она согласна покинуть дом своего отца и что последним ударом, подтолкнувшим ее к этому жестокому решению, было желание барона выдать ее насильно замуж за Тристрама Голдсборо.

— Я передам письмо мессииру Аллану,— сказала Мод и побежала будить своего молочного брата, мальчика шестнадцати-семнадцати лет.

— Хэлберт,— попросила она,— окажи мне, вернее, леди Кристабель, услугу.

— С удовольствием,— ответил мальчик.

— Предупреждаю тебя, это связано с риском.

— Я люблю рисковать, Мод.

— Ты очень надежный парень.— Она обняла брата одной рукой и пристально посмотрела на него своими прекрасными черными глазами.

— Ты можешь довериться мне, как Господу Богу,— с самонадеянной наивностью успокоил ее мальчик.— Как Господу Богу, дорогая Мод.

— Я всегда знала, что смело могу рассчитывать на тебя, милый братец.

— Что я должен сделать?

— Встать с постели, одеться и вскочить на коня.

— Это проще простого.

— Возьми лучшего скакуна из господской конюшни.

— А это еще проще. Моя кобыда, названная в вашу честь, Мод,— самая быстрая лошадь в графстве.

— Я это знаю, братец. Поторапливайся. Как только ты будешь готов, выходи во двор, что расположен перед подъемным мостом. Я буду тебя там ждать.

Спустя десять минут Хэлберт стоял, держа под уздцы свою кобылу, перед Мод и внимательно слушал ее наставления.

— Ты проедешь город,— говорила она,— и в лесу, в нескольких милях от Мансфельдвудхауза, найдешь дом лесничего по имени Джильберт Хид. Попросишь его передать письмо мессииру Аллану Клэру. А вот этот лук и стрелы отдашь сыну лесничего, Робину Гуду. Вот и все. Ты хорошо меня понял?

— Отлично, прелестная Мод,— ответил мальчик.— Больше никаких не будет поручений?

— Нет. Ах, я совсем забыла... Скажешь Робину Гуду, сыну лесничего, что его уведомят, когда он сможет прийти в замок, не подвергая себя смертельной опасности. Здесь есть один человек, который ждет его не дожидаясь. Ты меня понял, Хэл?

— Разумеется, да. Я все понял.

— Постарайся избежать встречи с солдатами барона.

— Почему я не должен с ними встречаться, Мод?

— Когда вернешься, расскажу. Если же, паче чаяния, случай столкнет тебя с ними на дороге, придумай какой-нибудь благовидный предлог, оправдывающий твою ночную прогулку. И упаси тебя Бог выдать им настоящую причину поездки. Ну, в путь, отважное сердечко!

Хэлберт уже вставил ногу в стремя, но Мод остановила его и сказала:

— Быть может, ты встретишь по дороге трех мужчин, и один из них будет монах...

— Брат Тук. Да?

— С ним будут мессир Аллан Клэр и Робин Гуд. Аллану Клэру отдашь письмо, а Робину — лук и стрелы и, не медля ни минуты, возвращайся в замок. Ну, в путь. Да не забудь сказать моему отцу, если он у тебя спросит о причине столь спешного выезда из замка, что леди Кристabelle заболела и послала тебя в город за врачом. Прощай, Хэл, прощай. Я скажу Майской Королеве, что из всех кристендонских ребят ты самый любезный и отважный.

— Правда, Мод? Ты скажешь это Королеве? — спросил Хэлберт, садясь в седло.

— Ну, конечно. И еще попрошу ее расцеловать тебя за услугу, которую ты мне оказываешь.

— Ура! Ура! — закричал мальчик, прищпоривая животное. — Да здравствует Мод! Да здравствует Королева!

Подъемный мост опустился, и Хэл галопом помчался вслед за нашими друзьями. А Мод легче ласточки влетела в покои леди Кристabelle и возвестила ей, что посланец покинул замок.

ГЛАВА XII

Стояла тихая ясная ночь. Луна ярко озаряла лес, по которому быстро шли трое беглецов. Дорога вилась среди залитых призрачным светом полей и погруженных во мрак ложбин и чащоб.

Робин беспечно распевал любовные баллады, и лесное эхо вторило ему. Печальный Аллан Клэр тяжело переживал крушение надежд на счастье с леди Кристabelle. Монах был погружен в невеселые думы о непостоянстве резвушка Мод, охладившей к нему, брату Туку, и кокетливо заигрывавшей с молодым лесничим.

— Клянусь святой Мизерер! — бормотал монах. — Мне всегда казалось, что я красивый мужчина, ладно скроен и

крепко шит. Я это слышал от многих-многих женщин. Так почему же Мод переменилась ко мне? Ах, клянусь душой! Если маленькая кокетка разлюбила меня ради этого бледного, хилого мальчишки, то это только доказывает, что у нее очень плохой вкус, а я не собираюсь тратить силы на борьбу с таким ничтожным соперником. Пусть она его любит в свое удовольствие, мне на это наплевать.

И бедный монах вздохнул.

— Этого не может быть! — вдруг осенило его. — Мод никак не могла полюбить этакого уroda, писклявым голосом распевającego глупые баллады. Она, видно, захотела испытать мою верность, возбудить во мне ревность. Ах, женщины, женщины! В одном их волоске больше хитрости, чем у нас, мужчин, во всех волосах бороды. Разумеется, она любит меня.

И его лицо осветила горделивая улыбка.

Читатели, возможно, будут возмущены, обнаружив такие грешные мысли в голове божьего человека, разыгрывающего из себя неотразимого покорителя женских сердец. Но таковы были нравы тех времен. Мы же можем уверить наших читателей, что у нас и в мыслях не было возводить клевету на монастырские нравы.

— Эй, веселый Джиль! Как вас называет красотка Мод, — воскликнул Робин. — О чем вы задумались? Почему у вас такой похоронный вид?

— Любимчики... судьбы имеют все основания быть веселыми и довольными, мэтр Робин, а несчастные жертвы ее капризов имеют право на печаль.

— Если вы называете благодеяниями судьбы нежные взгляды, веселые улыбки, милые речи и сладкие поцелуи красивой девушки, — ответил Робин, — то я действительно очень богат. Но почему вы, брат Тук, так жалуетесь на капризную богиню? Разве вы не отреклись от мирских благ и не дали обет бедности?

— Не притворяйся, мой мальчик, что ты ничего не понимаешь.

— Но я действительно ничего не понимаю. Уж не Мод ли причина вашей грусти? Разве это возможно? Вы ее духовный отец, ее исповедник — только и всего.

— Показывай нам дорогу к твоему дому, — проворчал монах, — и перестань болтать глупости, как легкомысленный скворец.

— Не сердитесь на меня, дорогой брат Тук, — печально сказал Робин. — Я не хотел вас обидеть. Если вы злитесь

на меня из-за Мод, то, клянусь честью, я здесь ни при чем. Я не люблю ее. Незадолго до того, как я ее увидел, моим сердцем навсегда завладела другая девушка.

Монах с чувством пожал руку молодого лесничего, радостно улыбнулся и произнес:

— Ты меня несколько не обидел, дорогой Робин. Я не знаю, что на меня нашло. А Мод не имеет никакого влияния на мое сердце. Милая очаровательная Мод! Женись на ней, если она тебя любит, и будьте счастливы... Но ты уверен, что твоим сердцем завладела другая девушка?

— Уверен... Еще как уверен! Завладела, и безвозвратно! Монах снова улыбнулся.

— Это не самая короткая дорога к дому моего отца, — после непродолжительного молчания сказал Робин. — Зачем нам встречаться с солдатами, которых барон послал в погоню за нами, как только обнаружил, что мы бежали из замка?

— Ты мудр и хитер, как лис, мессир Робин, — похвалил монах мальчика. — Я прекрасно знаю старого палестинского фанфарона и бьюсь об заклад, что менее чем через час он будет здесь с шайкой своих глупых солдат.

Не успели наши усталые друзья выйти на перекресток дорог, как при свете луны увидели всадника, во весь опор спускавшегося с крутого холма.

— Спрячьтесь за этими деревьями, друзья, — сказал Робин, — а я сейчас узнаю, друг это или враг.

И, вооружившись дубиной Тука, он стал на дороге так, чтобы всадник его заметил. Но тот не обратил на мальчика никакого внимания и проскакал мимо.

Робин разглядел, что всадник был юноша одного с ним возраста, и закричал ему вслед:

— Остановитесь! Остановитесь!

— Остановитесь! — поддержал его монах.

Всадник тотчас же повернул обратно и, увидев монаха, воскликнул:

— Если глаза не обманывают меня, это брат Тук. Здравствуйте, брат Тук!

— Молодец! Узнал, — сказал монах. — А тебя как зовут?

— Как? Неужели ваше преподобие не узнали Хэлберта, молочного брата Мод, дочери стражника, охраняющего ворота ноттингемского замка?

— Ах, это вы, мэтр Хэл? Вот теперь я вас узнал. Так что же заставило вас в глухую полночь мчаться галопом в лес?

— Охотно отвечу вам и попрошу вас помочь мне выполнить поручение Мод. Я должен передать мессире Аллану Клэру записку от леди Кристабель Фитц Олвайн.

— И вернуть мне лук и стрелы,— вмешался в разговор Робин.

— Давай записку. Где она? — нетерпеливо спросил Аллан.

— Ха-ха-ха! — весело рассмеялся мальчик.— Мод так точно описала мне вас, господи, что у меня нет необходимости спрашивать, как вас зовут. Она сказала: «Сэр Аллан — самый высокий ростом, а сэр Робин — самый молодой. Сэр Аллан очень красивый, но сэр Робин еще краше». Мод не ошиблась. Я это вижу, хотя и плохо разбираюсь в мужской красоте.

— Давай письмо, болтунишка, письмо давай! — вскричал Аллан.

Хэлберт удивленно посмотрел на молодого человека и спокойно сказал:

— Вот, возьмите, сэр Робин, свой лук. А вот и стрелы. Моя сестра просила...

— Черт тебя побери, мальчишка,— прервал его Аллан,— отдашь ты мне письмо или мне придется забрать его силой?

— Как вам будет угодно, мессир,— мирно ответил Хэлберт.

— Прости меня, мальчик, я не знаю, что на меня нашло,— сбавил тон Аллан.— Но если бы ты знал, что значит для меня это письмо...

— Знаю, мессир. Мод велела отдать его вам в собственные руки, а в случае, если бы я не встретил вас по дороге, я должен был поручить это сделать лесничему Джильберту Хиду.

И Хэлберт стал искать письмо. Он шарил во всех карманах, выворачивал их, а потом, вдоволь насладившись нетерпением адресата, шалопаи жалобно воскликнул:

— Ах, я потерял ваше письмо! Видит Бог, потерял!

Аллан, вне себя от ярости и отчаяния, бросился на Хэла и сбросил его с седла на землю. Только по счастливой случайности мальчик отделался легким испугом.

— Поищи в поясе,— посоветовал Робин.

— Я и забыл про пояс,— лукаво засмеялся Хэл и бросил на рыцаря взгляд, полный упрёка за незаслуженную жестокость.— Нашел! Нашел! — закричал он.— Вот записка леди Кристабель!

И рука с письмом, зажатым в кончиках пальцев, взмыла вверх. Обезумевший от нетерпения мессир Аллан выхватил у шалуна драгоценное послание.

— А мне есть письмо? Его-то ты не потерял? — спросил Робин.

— Оно у меня на языке.

— Ну так освобождай от него свой язык. Я слушаю.

— Вот оно, слово в слово: «Дорогой Хэл,— это Мод говорит,— передай мессиру Робину Гуду, что его уведомят, когда он сможет прийти в замок, не подвергая себя смертельной опасности. Здесь есть один человек, который ждет его не дожидаясь». Все.

— А мне что она просила передать? — спросил монах.

— Ничего, преподобный отец.

— Ни слова?

— Ни единого.

— Спасибо.

И брат Тук со злостью посмотрел на Робина.

Аллан не терял времени даром. Завладев письмом, он сломал печать и начал читать при свете луны:

«Дорогой Аллан!

Когда ты так нежно и красноречиво просил меня покинуть отчий дом, я была глуха к твоим мольбам и отказалась последовать за тобой. Я тогда считала себя нужной отцу, мне казалось, что он не сможет жить без меня.

Но я жестоко ошиблась.

Я была потрясена, когда он объявил мне, что в конце этой недели я стану женой человека, которого никогда в жизни не видела.

Я плакала, умоляла его сжалиться надо мной. Напрасно. Сэр Тристрам Голдсборо прибудет в наш замок через четыре дня.

Ну, хорошо! Если мой отец хочет расстаться со мной, если я ему в тягость, я сама покину его.

Дорогой Аллан, я уже отдала тебе свое сердце, а теперь отдаю и руку.

Мод подготовит мой побег из замка. Она тебе скажет, что ты должен делать.

Твоя на всю жизнь

Кристалль.

P.S. Ты встретишься с Мод при посредстве мальчика, который передаст тебе эту записку».

Прочитав эту записку, Аллан решительно сказал:

— Робин, я должен немедленно вернуться в Ноттингем.

— Это необходимо?

— Кристабель меня ждет.

— Тогда другое дело.

— Барон Фитц Олвайн вознамерился выдать ее замуж за одного из своих приятелей, старого негодяя. Ей ненавиден этот брак, и поэтому она хочет бежать из замка. Я должен помочь ей в этом. Могу ли я рассчитывать на вас?

— Разумеется, мессир.

— Приходите завтра утром в город. У ворот вас встретит Мод или кто-нибудь другой по ее поручению, быть может, этот мальчик.

— Мне кажется, мессир, что вам прежде всего следует свидеться с вашей сестрой и успокоить ее. Она ведь места себе не находит от беспокойства за вас. А на рассвете мы отправимся в город в сопровождении нескольких храбрых и преданных ребят. Но что это? Я слышу конский топот,— и Робин приложил ухо к земле.— Конный отряд скачет со стороны замка... Барон послал своих солдат в погоню за нами. Мессир и вы, брат Тук, спрячьтесь в этих зарослях. А ты, Хэл, докажи нам, что Мод действительно приходится тебе сестрой.

— И что я достоин любви Грас Мэй, Майской Королевы.

— Да, мой мальчик. А теперь садись в седло, забудь, что ты повстречался с нами, и постарайся внушить солдатам, что барон приказал им немедленно вернуться в замок. Ты меня понял?

— Отлично понял, и пусть Грас Мэй никогда больше не подарит мне ласковый взгляд, если я плохо выполню ваш приказ.

И Хэлберт пришпорил своего коня, но вскоре был вынужден остановиться: дорогу ему преградил отряд вооруженных всадников.

— Кто идет? — спросил командир отряда.

— Хэлберт, оруженосец из ноттингемского замка.

— Что вы делаете в лесу в поздний час, когда все честные, свободные от исполнения служебных обязанностей люди должны мирно спать?

— Я искал вас. Господин барон велел мне передать вам приказ немедленно возвращаться в замок. Вот уже час, как он с нетерпением ожидает вас.

— Он был в плохом настроении, когда отдавал вам этот приказ?

— Разумеется... Господин барон выразил свое неудовольствие по поводу того, что вы слишком мешкаете с выполнением порученного вам дела.

— Мы тщательно обыскали всю местность между замком и деревней Мансфельдвудхауз, но беглецов так и не нашли. Зато на обратном пути нам повезло. Мы схватили одного парня из их шайки.

— Вот как? Кого же именно?

— Некогого Робина Гуда. Вот он сидит, привязанный к лошади.

Спрятавшись за стволом дерева, в нескольких шагах от солдат барона, Робин попытался рассмотреть человека, который назвался его именем, но тщетно.

— Позвольте мне посмотреть на вашего пленника,— попросил Хэлберт, подходя к группе солдат.— Я знаю, как выглядит Робин Гуд.

— Покажите нам пленника,— скомандовал командир отряда.

И истинный Робин увидел молодого человека, одетого так же, как и он, в куртку и штаны из зеленого сукна. Его ноги были связаны под животом лошади. Луна осветила лицо пленника, и Робин узнал в нем младшего сына сэра Гэмвелла, веселого Уильяма по прозвищу Уилл Пунцовый.

— Но это вовсе не Робин Гуд! — рассмеялся Хэлберт.

— А кто же тогда этот человек? — разочарованно спросил командир отряда.

— Как ты смеешь утверждать, что я не Робин Гуд? Мой молодой друг, твои глаза обманывают тебя,— сказал Уилл Пунцовый.— Я — самый настоящий Робин Гуд. Слышите вы все?

— Пусть будет по-твоему. Значит, в Шервудском лесу живут два лучника, носящих имя Робин Гуд. Где вы его встретили, сержант?

— В нескольких шагах от дома лесничего Джильберта Хида.

— Он был один?

— Один.

— С ним должны были быть еще два человека. Робин бежал из замка в компании с двумя другими узниками. У них не было ни лошадей, ни оружия. Они ушли из замка пешком. Поэтому как они могли за короткое время покрыть такое большое расстояние?

— А теперь, молодой оруженосец, извольте объяснить мне, откуда вам известно, что беглецов было трое? —

спросил сержант.— И снова я повторяю тебе свой вопрос: кто тебе позволил бродить в столь позднее время в глухом лесу? Когда ты познакомился с Робинот Гудом?

— Сержант, не кажется ли вам, что роль исповедника — не ваша роль?

— Хватит зубоскалить, паршивец. Отвечай категорически на мои вопросы.

— Я и не думал зубоскалить, сержант. И чтобы доказать вам это, отвечу кате... тьфу!.. ах, да... категорически на ваши вопросы. Начну с последнего. Можно, сержант?

— Ближе к делу! — потеряв всякое терпение, закричал сержант.— А не то я прикажу заковать тебя в кандалы.

— Ладно, сержант. Я знаю в лицо Робина Гуда, потому что видел его вчера, когда он входил в замок.

— Рассказывай дальше.

— В лесу я оказался по приказу нашего господина барона Фитц Олвайна. Я вас нашел и передал вам его распоряжение. Кроме того, я выполнял поручение обожаемой дочери барона леди Кристabelle. Вы удовлетворены моими ответами, сержант?

— Дальше!

— Когда я выезжал из замка, Хьюберт Линдсей, стражник, охраняющий ворота, и отец моей молочной сестры, хорошенькой Мод, сказал мне, что из замкового подземелья бежали трое узников. Удовлетворены ли вы моим ответом на ваш третий вопрос, сержант?

Сержант, обозленный насмешливыми ответами и хладнокровием Хэлберта, не знал, что ответить.

— А какой приказ ты получил от леди Кристabelle? — спросил он.

— Ха-ха-ха! — громко засмеялся мальчик.— Господин сержант желает проникнуть в тайны миледи... Ха-ха-ха! Забавно! Не стесняйтесь, сержант. Прикажите мне, и я во весь опор вернусь в замок, передам ваше желание миледи, и, разумеется, она меня пошлет обратно к вам с разрешением обсуждать ее распоряжения. Ну и путаник же ты, brave сержант! Ну и влип же ты со своим Робинот Гудом! Вот барон Фитц Олвайн покажет тебе, когда увидит этот экземпляр!

— Замолчи, болтун! — в ярости закричал сержант.— Будь у меня время, я бы задушил тебя! В путь, ребята!

— В путь! — закричали солдаты и вместе с ними Уилл Пунцовый.— В Ноттингем!

И тут Робин бросился к сержанту.

— Стойте! — твердым голосом сказал он.— Этот человек — самозванец. Я — истинный Робин Гуд!

Перед тем как выйти из своего укрытия, отважный юноша шепнул на ухо Аллану Клэру:

— Мессир, если вам дороги жизнь и Кристабель, замрите и ни во что не вмешивайтесь.

И Аллан предоставил Робину свободу действий, пожившись на его ловкость.

— Как же ты подвел меня, Робин! — необдуманно произнес Уилл Пунцовый.

Услышав эти слова, сержант схватил Робина за ворот камзола и спросил Хэла:

— Так кто же из них истинный Робин?

Хитрый Хэлберт уклонился от категорического, как говорил сержант, ответа и сказал:

— С каких это пор вы стали считать меня таким умным и проницательным, что спрашиваете у меня совета? Что я вам, охотничья собака, чтобы приносить вам дичь, от которой вы будете жиреть? Рысь, чтобы видеть то, чего не видите вы? Колдун, чтобы знать то, чего не знаете вы? Разве вы у меня когда-нибудь спрашивали: «Хэл, что это?» или «Хэл, кто это?»

— Не строй из себя дурачка и отвечай на мой вопрос: кто из этих двух негодяев настоящий Робин Гуд? Будешь хитрить — прикажу заковать тебя в кандалы!

— Этот господин сам может ответить на ваш вопрос. Вот и спросите его.

— Я вам уже сказал, что меня зовут Робин Гуд. Я — Робин Гуд, а не он! — воскликнул сын Джильберта.— Парень, которого вы схватили и привязали к лошади,— один из моих лучших друзей. Он присвоил мое имя.

— Значит, роли поменялись,— рассудил сержант.— Сейчас ты займешь место этого рыжего пса.

Уилла развязали, он бросился к Робину. Друзья побратски обнялись, и Уилл шепнул Робину:

— Рассчитывай на меня,— и скрылся.

Солдаты привязали Робина к лошади и поскакали в замок.

А теперь мы расскажем, при каких обстоятельствах был арестован Уилл Пунцовый. Вместе с Маленьким Джоном он вышел из дома Джильберта Хида. Маленький Джон направился в замок Гэмвелл, а Уилл Пунцовый пошел по ноттингемской дороге, надеясь встретить Робина. Очень скоро он услышал топот конских копыт и подумал, что это

возвращаются Робин и его спутники. Радуюсь скорой встрече с другом, Уилл затынул во всю мощь своих легких безбожно фальшивя, любимую балладу Джильберта:

Пойдем со мной, мой любимый, мой дорогой Робин Гуд.

Этот припев ввел в заблуждение солдат барона. Обработанные, что тот, кого они искали, сам идет им навстречу, они окружили Уилла и связали его. А Уилл понял, что над его другом нависла опасность, и, чтобы отвести от него беду, не стал разубеждать солдат.

Как только всадники скрылись за поворотом, Аллан и монах вышли из укрытия.

— Что вам сказал Робин? — спросил Аллан подбежавшего Уилла.

— «За этими деревьями стоят мои друзья, рыцарь и монах. Скажи им, что завтра, на рассвете, я буду ждать их на поляне Робина Гуда. Они знают, где она находится. Ты тоже приходи туда со своими братьями. Ваши сильные руки и отважные сердца оградят от преследователей несчастных женщин». Вот что он мне сказал. Мессир рыцарь, я могу проводить вас в замок Гэмвелл. Это гораздо ближе отсюда, чем дом Джильберта Хида.

— Но мне нужно как можно скорее свидеться с сестрой. Я оставил ее на попечении Джильберта.

— Прошу прощения, мессир. Эта молодая дама гостит сейчас в замке Гэмвелл.

— В замке Гэмвелл? Почему?

— Повторяю вам, мессир, мисс Марианна гостит в замке моего отца. По дороге я расскажу вам, как она там оказалась.

— Если я не ослышался, Робин сказал вам, что завтра мы будем сопровождать беглянок из замка и, возможно, защищать их от преследователей? — спросил монах.

— Да, отец мой.

— Счастливый плут, — проворчал монах. — Он получит Мод. Ах, женщины, женщины! В одном их волоске больше хитрости, чем у мужчин во всех волосах бороды.

Г Л А В А XIII

Барон небрежно слушал доклад управляющего, когда в его кабинет вошел Робин, конвоируемый солдатами; впереди шествовал Лэмбик.

Фитц Олвайн повелительным жестом прервал управляющего и быстро подошел к сержанту. Его глаза метали громы и молнии.

Сержант поднял глаза на своего господина и замер от ужаса, увидев его перекошенный от ярости рот. Слова застряли у него в горле, а старик Фитц Олвайн не был намерен терпеливо ждать, когда сержант придет в себя и соизволит обратиться к нему с рапортом. И, чтобы подбодрить замешкавшегося Лэмбика, барон дал ему здоровую затрещину.

— Я ждал...— запинаясь, пробормотал несчастный Лэмбик.

— Я тоже ждал. И почему это, скажи на милость, я должен ждать тебя? Неужели ты, дурак, не видишь, что я уже битый час стою перед тобою в тщетной надежде услышать хоть одно путное слово. Докладывай, но знай, что мне уже все рассказали о твоих подвигах. Я оказываю тебе милость, соглашаясь выслушивать повествование о них во второй раз, от тебя самого.

— Так это Хэлберт успел доложить вам, монсеньор?

— Да как ты смеешь задавать мне вопросы? Вот еще новости, черт побери! Этот господин меня допрашивает! Ха-ха-ха!

Дрожа всем телом и заикаясь, Лэмбик рассказал барону, как был задержан истинный Робин Гуд.

— Вы, господин сержант, упустили одно маленькое обстоятельство. Почему вы освободили негодяя, который назвался Робинот Гудом? Мне было бы очень интересно побеседовать с ним. А может быть, вы сговорились с ним?

— Вы ошибаетесь, милорд.

— Я никогда не ошибаюсь. Запомните это, мой милый. Да, вы задержали какого-то парня, приняв его за Робина Гуда, и отпустили его с миром, как только объявился шервудский волчонок.

— Все было так, как вы говорите, милорд,— ответил Лэмбик, который из предосторожности выпустил этот эпизод из своего рассказа.

— Разумеется. Как же вы, ротный командир Лэмбик, благоразумны, проникательны и хитры! — воскликнул барон. Потом он спросил: — Ты не помнишь, как выглядели негодяи, которых ты несколько часов назад запер в подземных камерах?

— Я не видел этих узников, ни одного, ни другого, милорд.

— Вот как? У тебя что, пластырь был на глазах? Подойди-ка сюда, Робин! — вскричал громовым голосом барон, усаживаясь в кресло.

Солдаты подтолкнули Робина к барону.

— Ну вот мы и опять свиделись, щенок! Я повторяю то, что говорил тебе раньше: или ты откровенно ответишь на мои вопросы, или я прикажу своим людям убить тебя. Понял?

— Задавайте вопросы,— холодно ответил Робин.

— Молодец! Так будет лучше, чем играть в молчанку.

— Задавайте вопросы, милорд.

Смягчившийся было взгляд барона вновь запылал гневом. Робин улыбнулся.

— Как тебе удалось спастись, волчонок?

— Я вышел из камеры.

— Это я и сам без труда догадался. Кто помог тебе бежать из замка?

— Никто.

— Подумай и вспомни.

— Никто.

— Лжешь! Ты не мог пробраться через замочную скважину. Кто-то открыл тебе дверь камеры. Кто?

— Дверь камеры мне никто не открывал, и я действительно не настолько худ, чтобы проникнуть через замочную скважину. Но мне никто не помешал выйти через окно камеры. Я оказался во дворе, увидел открытую дверь, вошел в замок, пробежал по лестницам, галереям, внутренним дворам и оказался перед подъемным мостом. Он был опущен. Вот и все, милорд.

— А твой приятель, он-то как спасся?

— Понятия не имею.

— И все-таки ты мне это расскажешь.

— Это невозможно. Мы бежали из вашего замка каждый сам по себе и встретились только в лесу.

— А где был тот негодяй, когда сержант Лэмбик задержал тебя?

— Не знаю. Мы расстались с ним задолго до этого. Я возвращался домой один.

— Не его ли задержали мои солдаты вместо тебя?

— Нет.

— Но где же он? Что с ним случилось?

— О ком вы говорите, милорд?

— Ты, плут, прекрасно знаешь, что мне нужен Аллан Клэр, твой друг и сообщник.

— До позавчерашнего дня я его в жизни не видел.

— Ну и времена настали! Современные мужики осмеляются лгать своим господам в лицо. С тех пор, как дети стали учиться читать колдовские книги и марасть бумагу, люди утратили веру в Бога и уважение к властям. Моя собственная дочь впала в грех. Она переписывается с этим подлым Алланом Клэром. Ну, хорошо! Я поверю, что ты действительно не знаешь, где скрывается мой враг, и даже отпущу тебя на свободу, но ты должен мне помочь найти его.

— Милорд, я не ясновидящий и не умею разгадывать подобные загадки.

— Ничего, научишься. Это неплохое ремесло. Эй, Лэмбик, посади этого бульдога на цепь, и если он снова убежит, то только Господь Бог спасет тебя от виселицы.

— От меня не убежит,— ответил сержант, криво усмехнувшись.

— Ладно, иди, да помни о веревке.

Сержант повел Робина по проходам, лестницам, галереям, и наконец они остановились перед маленькой дверью. Взяв из рук слуги зажженный факел, Лэмбик отпер дверь и втолкнул Робина в тесную камеру, в которой не было ничего, кроме жалкой охапки соломы.

Молодой лесничий окинул взглядом камеру. Мерзкий закуток, без окон. Выйти из нее можно было только через окованную железом, прочную дверь. Отсюда не убежишь. Нечего и думать. И вдруг огонь факела высветил в темноте коридора лицо честного Хэлберта, стоявшего позади солдат. Это видение вернуло Робину надежду и силы. Он уже не сомневался, что преданные друзья скоро вызволят его из этой грязной ямы.

— Вот ваша спальня, мессир,— обратился к нему Лэмбик.— Располагайтесь в ней, как у себя дома, и не печальтесь. Все мы когда-нибудь умрем. Сегодня, завтра или чуть позже. Какое это имеет значение? И не все ли равно, от чего мы умрем? Смерть есть смерть.

— Вы правы, сержант,— спокойно ответил Робин.— Вам, конечно, безразлично, как умереть. Вы умрете так же, как жили: подобно мерзкому грязному псу.

Слуга, у которого сержант Лэмбик взял зажженный факел, уже ушел. Хэлберта тоже не было видно. Едва державшиеся на ногах от усталости солдаты стояли, прислонившись к стене, и равнодушно наблюдали за происходящим. Разговор сержанта с узником их совершенно не интересовал.

Хитрый на выдумку и быстрый в исполнении задуманного, шервудский волчонок воспользовался усталостью и невниманием солдат. Словно дикий кот, он прыгнул на Лэмбика, правая рука которого была занята факелом, толкнул эту руку так, что пламя обожгло лицо сержанта и погасло. Когда солдаты опомнились, Робина и след простыл.

Ни крошечная темнота, ни страшная боль от ожогов не помешали Лэмбику организовать настоящую охоту за беглецом. А тот бежал быстрее зайца, петлял хитрее лиса. Напрасно легавые барона искали его по всем углам и закоулкам огромного замка. Робин ускользнул от них.

Он медленно шел по темной галерее замка, вытянув вперед руку и осторожно обходя препятствия. Вдруг он натолкнулся на какого-то человека. Вскрикнув от испуга, незнакомец дрожащим голосом спросил:

— Кто вы?

«Кажется, это голос Хэлберта»,— подумал Робин и вслух ответил:

— Это я, дорогой Хэл.

— Кто вы?

— Я, Робин Гуд. Я улизнул от них. Они гонятся за мной. Спрячь меня поскорее.

— Дайте мне вашу руку и следуйте за мной,— сказал славный мальчик.— И ни звука.

Держа Робина за руку, Хэлберт повел его по темным лестницам и переходам. В конце одного из коридоров забрезжил свет, пробивавшийся сквозь щели маленькой двери. Хэлберт тихо постучал в эту дверь.

— Кто там? — спросил нежный девичий голос.

— Ваш брат Хэл.

Дверь тотчас же распахнулась.

— Вы уже вернулись с новостями, дорогой брат? — спросила Мод.

— У меня есть для вас кое-что получше всяких новостей, дорогая Мод. Вот, смотрите.

— Господи! Это же он! — воскликнула девушка, радостно обнимая Робина. Юноша был удивлен и смущен таким приемом — он не разделял сердечных чувств Мод. Он хотел рассказать ей, почему он снова вернулся в замок, как ему удалось вырваться из лап сержанта, но девушка не давала ему выговорить ни слова. Она обезумела от счастья видеть его живым и невредимым. Плакала, смеялась, целовала его и сквозь слезы ворковала:

— Спасен! Спасен! Спасен!

— Какая же вы странная девушка, Мод! — говорил обескураженный молодой оруженосец. — Я думал, что мессир Робин развеселит вас, а вы проливаете слезы, как святая Магдалина над гробом Иисуса Христа.

— Хэл прав, — поддержал мальчика Робин. — Ваши хорошенькие глазки поблекнут от слез, милая Мод. Развеселитесь, звонкоголосая птичка!

— Это невозможно, — ответила девушка и тяжело вздохнула.

— Никогда не поверю этому, — возразил Робин. Он наклонился и нежно поцеловал ее в черные волосы, обрамлявшие прелестный лобик. От этих простых слов: «Никогда не поверю этому» — на Мод повеяло холодом. «Он не любит меня», — подумала она, побледнела и горько зарыдала.

— Мод, милая, не плачьте, я же здесь, рядом с вами! — повторял Робин. — Что же вас так расстроило?

— Не спрашивайте у меня об этом сегодня: Потом, быть может, расскажу. Леди Кристabelle и я поможем вам выйти из замка. Ах, как обрадуется миледи, когда узнает, что вы вернулись. Значит, мессир Аллан получил ее письмо. Какой же ответ вы принесли от него?

— Мессир Аллан не имел времени ни для того, чтобы написать ответное письмо миледи, ни для того, чтобы составить план ее бегства из отцовского замка. Но я знаю его намерения и хочу с Божьей помощью и при вашем содействии, прелестная Мод, вывести леди Кристabelle из замка. Жених с нетерпением ждет ее.

— Ах, как обрадуется миледи! Я побегу к ней, а вы ждите меня здесь. Я скоро вернусь. Пойдем со мной, Хэл.

Оставшись в одиночестве, Робин присел на край кровати Мод и размышлял. Мы уже говорили, что в речах и поступках этого подростка уже чувствовался твердый мужской характер. В его раннем духовном развитии не последнюю роль сыграло заботливое воспитание Джильберта. Джильберт научил его мыслить и действовать самостоятельно, принимать правильные решения, ориентироваться в трудных ситуациях. Но он ничего не рассказывал мальчику о любви, которая неожиданно обрушивается на молодых людей и наперекор всему соединяет, на горе или на счастье, их сердца. Робина очень удивило поведение Мод, поцеловавшей его руку, когда они выходили из часовни. Потом он понял, что против своей воли завладел сердцем девушки. Это очень огорчило молодого лесничего: он не мог ответить

на нежные чувства Мод — его собственное сердце было навеки отдано другой. Прелестная, изящная, преданная Мод...

Неразделенная любовь Мод легла тяжким бременем на неокрепшую душу Робина. Он чувствовал себя перед ней без вины виноватым, искренне хотел ответить ей любовью на любовь, искал и не находил в своем сердце хоть маленький уголок для несчастной девушки. И тут перед ним явилось прекрасное видение.

— Марианна! — прошептал он. — Марианна!

У Мод не осталось никакой надежды завоевать сердце Робина.

Но вскоре душой юноши овладели сомнение и грусть. Марианна, как и Кристабель, была дочерью знатного вельможи, и вряд ли она позволит себе полюбить безвестного лесничего. Быть может, она уже отдала свое сердце какому-нибудь прекрасному знатному рыцарю. Она дарила юному лесничему нежные взгляды, но кто знает, были ли эти нежные взгляды отражением нежных чувств или выражали простую признательность за спасенную жизнь.

Робин задавал себе эти вопросы и сам отвечал на них. Ответы оказались неутешительными, и его мысли обратились к Мод.

Мод, такая же прелестная, как Марианна и Кристабель, не была дворянкой, и рыцари не вздыхали по ней. Она бескорыстно подарила свое сердце простому, незнатному лесничему, и ее хорошенькие глазки светились нежностью, а не такими прозаическими чувствами, как признательность. Ей не за что было быть признательной Робину, она сама рисковала жизнью ради спасения юного лесничего.

Внезапно в коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги. «Это, конечно, не Мод», — подумал Робин. Шаги приближались, и, прежде чем незнакомец ударил в дверь кулаком, Робин потушил свет.

— Эй, Мод! — закричал незнакомец. — Почему вы потушили свет?

Робин, спрятавшись между стеной и кроватью, хранил молчание.

— Мод, открывай!

Никто ему не ответил. Потеряв терпение, незнакомец открыл дверь и вошел в комнату.

Если бы не темнота, Робин увидел бы высокого, пропорционально сложенного мужчину.

— Мод, Мод, почему ты молчишь? Где ты спряталась? Я же видел свет, пробивавшийся сквозь щели двери.

Человек ходил по комнате, натыкался на мебель, ругался. Робин скользнул под кровать.

— Проклятая мебель! — вскричал незнакомец, ударившись лбом о шкаф. — Сяду-ка я лучше на пол.

Наступила тишина. Робин затаил дыхание.

— Куда же она могла деться? — продолжал незнакомец, шаря рукой по кровати. — Она не ложилась. Клянусь душой! Гаспар Штайнкорф сказал мне правду... а я ему за это съездил кулаком по морде. Вот он что сказал: «Мэтр Хьюберт Линдсей! Твоя дочь обнимается с кем попало, и проделывает она это так же легко, как я выпиваю кружку эля». Мерзавец! Да как он осмелился сказать такое мне, отцу, о моем бедном ребенке! Но где же Мод? В столь поздний час она не может быть у миледи. Господи, я не знаю, что думать. Где она, моя малышка Мод, где? Клянусь Пресвятой Богородицей! Если Мод согрешила... Ах! Да я, оказывается, еще худший негодяй, чем Гаспар Штайнкорф. Я сошел с ума! Как у меня язык повернулся оскорблять моего ребенка, мою дорогую Мод! Она моя кровь, моя жизнь, мое сердце! Дурак я старый! Как же я забыл, что Хэлберт поскакал за врачом. Миледи заболела, и Мод ухаживает за ней. Как хорошо, что я вспомнил это!

Робин лежал неподвижно под кроватью. В ночном госте он узнал Хьюберта Линдсея, начальника охраны замковых ворот и отца Мод.

Послышались легкие быстрые шаги, шелест платья. Свет лампы озарил комнату. Честный Хьюберт замолчал и встал с пола.

Увидев отца в такой поздний час в своей комнате, Мод не смогла сдержать крик.

— Что вы здесь делаете, батюшка? — тревожно спросила она.

— Мне нужно поговорить с тобой, Мод.

— Завтра поговорим, батюшка. Уже поздно. У меня глаза слипаются от усталости.

— Всего лишь несколько слов.

— Ни одного, батюшка. Я вас сейчас поцелую — и спокойной ночи.

— Я задам тебе только один вопрос, ты мне на него ответишь — и спи.

— Я ничего не слышу, ничего не соображаю. Спокойной ночи, спокойной ночи, батюшка, — сказала Мод. —

Идите спать.— И девушка подставила старику лоб для поцелуя.

— Спокойная ночь наступит только после того, как ты ответишь на мои вопросы, доченька,— сурово проговорил Хьюберт.— Я хочу знать, откуда ты пришла и почему до сих пор не ложились спать.

— Я была в спальне миледи. Она очень страдает.

— Другой вопрос: как смеете вы расточать свои поцелуи каким-то узникам? Почему вы обнимаетесь, как с родным братом, с человеком, которого видите впервые в жизни? Разве так честные девицы поступают?

— Я обнималась и целовалась с незнакомым человеком? Я? Я? Да кто вам сказал такую гадость?

— Гаспар Штайнкорф.

— Лжет он, этот Гаспар Штайнкорф, лжет! А почему он вам не рассказал, батюшка, как он сам меня разгневал и обидел своими гнусными приставаниями?

— Он осмелился?..— вскричал Хьюберт, покраснев от гнева.

— Осмелился,— подтвердила девушка. И, заливаясь слезами, она добавила: — Мне удалось ускользнуть от него, но он пообещал жестоко отомстить.

Хьюберт прижал рыдающую дочь к своей груди и, помолчав, спокойно сказал:

— Всемилостивейший Бог вправе простить Гаспара Штайнкорфа, но только после того, как этот негодяй с моей помощью предстанет перед судом Всевышнего.— В спокойном голосе старика звучал беспощадный гнев.— А я не успокоюсь до тех пор, пока не накажу его. Дитя мое, поцелуй своего старого отца. Я люблю тебя, верю тебе и молю небо даровать тебе счастье.

И Хьюберт Линдсей повернулся и пошел на свой пост.

— Робин,— позвала Мод.— Где вы?

— Здесь,— отозвался Робин, выползая из своего укрытия.

— Слава Богу, пронесло. Если бы батюшка увидел вас в моей комнате, я бы погибла.

— Что вы, дорогая Мод,— возразил простодушно юноша,— я бы засвидетельствовал вашу невиновность. Но скажите, кто такой этот Гаспар Штайнкорф? Я его видел?

— Да. Это тот самый тюремщик, который впустил меня в вашу камеру.

— ...и застал нас за веселой беседой?

— Да,— подтвердила Мод и покраснела.

— Вы будете отомщены. Я запомнил его лицо и когда встречу негодяя...

— Забудьте о нем. Он не стоит вашей мести. Леди Кристабель желает видеть вас. Но перед тем, как мы пойдем к ней, я хочу поведать вам о своем горе. Робин, я очень несчастна...

Мод замолчала, рыдания душили ее.

— Опять вы плачете! — нежно сказал Робин. — Ах, успокойтесь. Чем я могу вам помочь? Я все сделаю, только бы вы были счастливы. Скажите, отчего вы несчастны, доверьтесь мне. Брат должен защищать свою сестренку, а разве я не брат вам?

— Я плачу оттого, милый Робин, что вынуждена жить в этом ужасном замке. Леди Кристабель и я — единственные женщины здесь, если не считать кухарок и птичниц. Я воспитывалась с миледи, и, несмотря на то, что она — дочь лорда, а я — дочь простого солдата, мы любим друг друга, как родные сестры. Она поверяет мне свои радости и горести, но, несмотря на ее доброту ко мне, я знаю, я чувствую, что в ее глазах я только служанка, и поэтому я не осмеливаюсь поделиться с ней своим горем и попросить у нее совета или утешения. Мой батюшка очень любит меня. Он добрый, честный, смелый, но служба поглощает все его время, и он может защищать меня только издалека, а я нуждаюсь в защите на каждом шагу. Солдаты барона пристают ко мне с гнусными предложениями, оскорбляют меня. Они думают, что мой легкий, веселый характер, мой смех и мои песни дают им на это право. У меня уже нет сил выносить такое мерзкое существование. Лучше умереть! Вот, Робин, что хотела я вам сказать. Если леди Кристабель покинет замок, и я уйду вместе с ней. Не оставляйте меня здесь, милый Робин.

Юный лесничий удивленно вскрикнул.

— Не отталкивайте меня, возьмите с собой, умоляю вас! — страстно заклинала Мод. — Я умру, я покончу с собой, как только вы выйдете из замка.

— Милая Мод, вы забываете, что я несовершеннолетний и не имею права привести вас в дом своего отца. Батюшка может оскорбить вас.

— Несовершеннолетний! — возмутилась Мод. — А кто вчера вечером за стаканом вина клялся мне в любви?

— Если вы тайно покинете замок, ваш старый отец умрет от горя. Неужели вам его не жалко? Он безумно любит вас, он поклялся жестоко наказать клеветника. Я сам это слышал.

— Он простит меня, когда узнает, что я последовала за госпожой.

— Ваша госпожа может бежать к мессиру Аллану Клэру. Она его невеста.

— Вы правы, Робин. Я никому не нужна.

— Но мне кажется, что брат Тук мог бы...

— Ах, не смейте говорить мне о нем! — с негодованием воскликнула Мод. — Да, я смеялась, пела, болтала глупости с этим монахом, но я невинная девушка. Слышите вы, я невинная девушка! Господи Боже мой! Все меня в чем-то упрекают, укоряют, все считают меня пропащей девкой, грешницей! Ах! Я с ума сойду от этого!

И, закрыв лицо руками, Мод упала на колени и рыдалась.

Робин был глубоко взволнован.

— Поднимитесь, милая Мод, — нежно сказал он. — Хорошо. Ты покинешь замок вместе с барышней. Я введу тебя в дом моего батюшки. Ты ему станешь дочерью, а мне — сестрой.

— Какой же ты добрый и благородный, Робин! Да благословит тебя Бог! — ворковала девушка, положив головку на плечо Робина. — Я буду твоей служанкой, твоей рабой.

— Ты будешь моей сестренкой. Ну, Мод, улыбнись же! Мод улыбнулась.

— А теперь проводи меня к леди Кристабель. Время не ждет.

Мод нежно смотрела на Робина и не двигалась с места.

— Мод, милая, чего же ты ждешь?

— Ничего. Пошли! — И она поцеловала покрасневшего Робина в обе щеки.

Леди Кристабель с нетерпением ожидала посланца мессира Аллана.

— Могу ли я рассчитывать на вас, мессир? — спросила она.

— Да, мадам.

— Бог вознаградит вас за все, что вы для нас сделали. Я готова.

— И я тоже, милая барышня! — воскликнула Мод. — В путь! Мы не можем терять ни минуты.

— Мы? — удивленно переспросила Кристабель.

— Да, мы, миледи, мы, мы! — со счастливым смехом повторяла камеристка. — Как вы могли подумать, барышня, что Мод сможет жить вдаль от вас?

— Как? Ты согласна сопровождать меня?

— Конечно, согласна. А если вы не возьмете меня с собой, я умру с горя.

— И я с вами! — воскликнул Хэлберт, державшийся до сих пор в стороне.— Миледи взяла меня к себе на службу. Мессир Робин, вот ваши лук и стрелы. Я поднял их с земли, как только солдаты, увозившие вас, скрылись за поворотом.

— Спасибо, Хэл! — проговорил Робин.— Теперь мы с тобой друзья.

— На жизнь и на смерть, мессир,— с наивной гордостью добавил мальчик.

— В путь! — сказала Мод.— Ты, Хэл, пойдешь впереди и будешь показывать нам дорогу, а вы, барышня, держитесь за меня. Ни слова, ни звука. Шепот, малейший шум погубят нас.

Ноттингемский замок сообщался с внешним миром подземными ходами. Они начинались в часовне и выходили в Шервудский лес. Нашим беглецам повезло — Хэл прекрасно ориентировался в подземных переходах и лабиринтах. Они приблизились ко входу в часовню и едва не натолкнулись на часового, которого распорядился поставить здесь барон Фитц Олвайн. Но, к счастью, сраженный усталостью, часовой присел на скамейку и мирно заснул.

Друзья беспрепятственно проникли в святое место, солдат не проснулся. Не успели они войти в подземелье, как шедший впереди Хэл наткнулся на склеп и с грохотом упал. Этот шум разбудил часового, он вскочил и, испугавшись, что разъяренный барон застал его здесь спящим на посту, закричал:

— Кто идет?

Эхо повторило громовое «кто идет?», и, постепенно затихая, звуки этого возгласа долго еще резонировали под сводами часовни. Они заглушили шум, поднятый испуганными беглецами. Хэл спрятался за гробницей, Робин и Кристabelle — под лестницей, ведущей на кафедру проповедника. Одна только Мод не успела скрыться. Свет факела осветил ее лицо, и часовой воскликнул:

— Черт возьми, да это же Мод! Маленькая грешница Мод! Знаешь ли, красotka, что поднятый тобой шум разбудил Гаспара Штайнкорфа, который грезил во сне о твоих прелестях? Клянусь Господом! Я уже было подумал, что это старый иерусалимский кабан, ваш любезный господин, обходит посты часовых. Но — слава Богу! — он храпит, как тысяча чертей в аду, а мы устроим здесь рай.

Солдат вставил факел в канделябр аналоя и с распротертыми объятиями направился к Мод.

Мод холодно отстранила его.

— Я пришла сюда помолиться за леди Кристабель. Она очень страдает, — сказала девушка. — Оставьте меня в покое, Гаспар Штайнкорф.

«Ах, так вот он какой, этот клеветник», — подумал Робин, вкладывая стрелу в лук.

— Забудь о молитвах, красотка, — произнес солдат и протянул руки к девушке, пытаясь ее обнять. — Не будь такой злоюкой и подари Гаспару один, два, три — много поцелуев.

— Назад, негодяй! Не смей прикасаться ко мне! — закричала Мод, увертываясь от объятий солдата. — Ты оболгал меня перед батюшкой, хотел, чтобы он проклял меня. Я всегда презирала тебя. Мне не нужны твои ухаживания. Ты не стыдишься приставать к бедной девушке даже в святой часовне. Отстань от меня, чудовище! Отстань!

— Будь ты трижды проклята! — зарычал Гаспар, багровея от ярости и хватая Мод за руку. — Трижды проклята! Я тебе сейчас покажу, как оскорблять меня!

Мод энергично сопротивлялась. Она не сомневалась, что Хэл и Робин в нужную минуту придут к ней на помощь, но в то же время опасалась, что шум потасовки привлечет внимание солдат, стоявших на соседнем посту. Поэтому она сдерживала крики.

— Я сама тебе... покажу, — еле слышно прошептала девушка. Слова замерли у нее в горле. Стрела, пущенная никогда не знавшей промаха рукой, пронзила голову негодяя. Он замертво упал на пол часовни. Мод покачнулась. Подбежавший Хэл поддержал ее.

— Благодарю тебя, Робин, — прошептала она и потеряла сознание.

Колеблющееся пламя факела освещало два неподвижных тела. Солдат был мертв, на него никто не обращал внимания. Над Мод склонились преданные друзья. Их встревоженные взгляды ловили каждый ее вздох, каждое движение — малейший признак возвращения к жизни. Робин набрал в пригоршню холодной воды из кропильницы и смочил виски девушки. Хэл согрел ее руки в своих ладонях, Кристабель горячо молилась за нее Пресвятой Деве. Все трое с нетерпением ожидали, когда Мод придет в чувство, откроет свои хорошенькие глазки. Они скорее отказались бы от побега из замка, чем оставили бы ее в таком беспомощном состо-

янии. Через несколько минут Мод глубоко вздохнула и открыла глаза. Эти несколько минут показались ее друзьям вечностью. Ее взгляд, полный любви и преданности, был устремлен на Робина, на бледных устах заиграла улыбка, щеки порозовели. Робин и Хэл помогли ей подняться. Через секунду она уже забыла об обмороке и сказала:

— Идем!

Целый час они шли по подземным ходам.

— Ну вот моя миссия проводника и закончилась,— произнес Хэл.— Пригнитесь, здесь низкая притолока. Когда будете выходить, не подарапайтесь о колючки шиповника, маскирующего эту дверь. Повернете налево и пойдете по тропинке вдоль плетня. А теперь, прощай, факел, и да здравствует луна! Мы свободны!

— Дальше поведу вас я,— сказал Робин.— Лес — мой родной дом. Здесь мне знаком каждый кустик, каждое дерево. Не бойтесь ничего, барышни. На рассвете мы встретимся с месье Алланом.

Друзья быстро шли по тропинке, которая вилась среди лесных полян и чащоб. Девушки очень скоро устали, но старались не отставать от Робина и Хэла. Чтобы избежать встречи с воинами барона, беглецы сошли с тропинки и пробирались, подобно оленям, напрямик, через заросли кустарников, рискуя порвать одежду и расцарапать до крови ноги. Внезапно Робин остановился и задумался.

— Что с вами? — робко спросила его Мод.

— На рассвете мы расстанемся, дорогая сестренка,— ответил Робин.— Хэлберт отведет вас в дом моего батюшки, и вы ему расскажете, почему я до сих пор не вернулся из Ноттингема. Осторожно предупредите его, что я должен без промедления проводить леди к месье Аллану Клэру.

Как только начало рассветать, беглецы расстались. Мод, глотая слезы и с трудом сдерживая рыдания, пошла с Хэлбертом по тропинке, которая вела к дому Джильберта.

А леди Кристабель и ее рыцарь — отныне мы по праву можем называть Робина рыцарем — направились по дороге, ведущей из Ноттингема в Мансфельдвудхауз. Взобравшись на придорожный гребень, Робин внимательно оглядел окрестности до самого горизонта.

Вначале он не заметил ничего подозрительного — насколько охватывал глаз, дорога была пустынна. Но не успел он спуститься со своего наблюдательного пункта и поблагодарить судьбу, как вдруг увидел скакавшего во весь опор всадника.

— Миледи, спрячьтесь поскорее вон в том овраге и, ради Бога, не шевелитесь. Что бы вы ни увидели, что бы вы ни услышали — молчите. Если вы себя выдадите, мы погибли.

— Нам угрожает опасность, мессир? — спросила Кристабель у Робина, затаившегося за стволом дерева и приготовившегося пустить стрелу.

— Миледи, прячьтесь, прячьтесь поскорее. К нам приближается какой-то всадник, и я не знаю, друг он нам или враг. Но даже если он враг, это всего лишь человек, и метко пущенная стрела обезвредит его.

Из боязни еще больше испугать леди Кристабель Робин умолчал, что этот всадник был одет в цвета барона Фитц Олвайна. Девушка с ужасом смотрела на Робина, на его лук, и ее глаза безмолвно умоляли: «Не надо крови! Не надо никого убивать! Наша свобода слишком дорого нам обходится!» Между тем всадник быстро приближался.

— Ради Бога, миледи, прячьтесь, — прошептал, почти не разжимая губ, Робин. — Прячьтесь.

Кристабель повиновалась. Спрятавшись в овраге, она горячо молилась Богородице. А всадник все приближался и приближался. Спрятавшийся за деревом Робин ждал, когда солдат поравняется с ним. Вот всадник промелькнул мимо него, и тут стрела, пущенная верной рукой, вонзилась по самое оперение в живот лошади. Всадник и животное рухнули в придорожную пыль.

— Бежим, миледи! — закричал Робин. — Бежим скорее!

Кристабель, ни жива, ни мертва, дрожала всем телом и, не помня себя от ужаса, бормотала:

— Он его убил! Убил! Убил!

— Бежим, миледи, — повторял Робин. — Бежим! Время не ждет.

— Он его убил, — бормотала обезумевшая Кристабель.

— Да нет же, миледи. Он жив и невредим.

— Но ведь я же слышала его душераздирающий крик. Это был его предсмертный крик!

— Он закричал от неожиданности.

— Правда?

— Этого всадника послали в погоню за нами, и мы бы погибли, если бы я не уложил его лошадь. Пеший нам не опасен. Бежим, миледи. Вы поймайте меня, когда успокоитесь и перестанете дрожать.

Кристабель последовала за Робинем, стараясь не отставать от него.

— Так вы говорите, что всадник не был даже ранен? — спросила она, когда они углубились в лес.

— Он не был даже оцарапан, миледи, но его лошадь погибла, несчастное животное. Когда этот солдат был всадником, он имел перед нами огромное преимущество: мы не успели бы пересечь дорогу, как он привел бы из ноттингемского замка подкрепление. А теперь наши возможности сравнялись. Да что я говорю? Он намного слабее нас. Он пеший — мы тоже. Это правда. Но мы моложе его и резвее. Ему нас не догнать. Мужайтесь, миледи. Мы будем далеко отсюда, когда этот мессир всадник поднимется и пустится за нами в погоню в своих тяжелых сапогах, а они у него не семимильные. Улыбнитесь, миледи. Мессир Аллан Клэр ждет вас. Скоро, очень скоро вы встретитесь с ним.

Г Л А В А XIV

Лоб, веки — все лицо сержанта Лэмбика было обожжено пламенем факела. Не видя ничего перед собой, он очертя голову бросился в погоню за Робинном и... побежал в противоположную сторону.

В те времена ноттингемский замок имел хорошо разветвленную сеть подземных ходов, расходящихся в разные стороны от холма, на котором возвышались замковые башни и зубчатые стены. Лишь очень немногие из приближенных хозяина этой феодальной цитадели были посвящены в тайны подземного лабиринта. Сержанта Лэмбик не был из их числа. Он долго бродил со своими людьми по подземелью, полагаясь на случай, но случай сыграл с ним плохую шутку, такую плохую, что он заблудился и растерял своих людей, даже не заметив этого.

Почти ослепший, как мы уже говорили, Лэмбик оказался в конце концов у главной лестницы замка. Ему почудилось, что он слышит шаги своих людей, направляющихся в покои барона.

«Прекрасно, — подумал он, — они поймали этого паршивца и ведут его к барону. Надо поспешить, чтобы войти в покои его светлости одновременно с ними, а то эти скоты еще чего доброго припишут себе заслугу поимки щенка».

Рассуждая таким образом, наш храбрый сержанта подошел к двери, ведущей в покои барона, но, наученный горьким опытом общения с хозяином, он не решился сразу же

предстать пред его очами. В последний момент он струсил и отказался от своего первого намерения.

«Будет лучше,— подумал он,— если я сначала послушаю, как его светлость примет моих болванов». Он прильнул ухом к замочной скважине и вот что услышал:

— Итак, сэр Тристрам Голдсборо не сможет в ближайшее время откликнуться на мое приглашение и прибыть в Ноттингем.

— Да, монсеньор. Его срочно призывают ко двору. Так написано в этом письме.

— Вот это некстати!

— Он пишет, что будет ждать вас в Лондоне.

— Назначил ли он день нашей встречи?

— Нет, монсеньор. Он только просит вас не мешкать с отъездом.

— Хорошо! Сегодня утром я отправлюсь в путь. Прикажете подготовить лошадей. Меня будет сопровождать небольшой отряд. Я думаю, что шестерых солдат будет достаточно.

— Будет исполнено, монсеньор.

Лэмбик был крайне обескуражен тем, что его солдаты, оказывается, до сих пор не поймали Робина и не привели его к барону. Он подумал, что, возможно, они отвели узника в подземелье и водворили в камеру. Но камера оказалась пустой, ее дверь была широко распахнута, на полу тлел факел.

«Ну все, я погиб,— подумал незадачливый сержант.— Что делать?»

Он вернулся к двери в покои барона в надежде встретить там своих солдат, поймавших наконец проклятого лесничего. Бедный Лэмбик! Он явственно чувствовал, как веревка сдавливает его горло. Однако в нем еще теплилась надежда, она никогда не покидала его. Надежда разгорелась с новой силой, когда он снова прильнул ухом к замочной скважине и ничего не услышал. В покоях его светлости царили тишина и спокойствие. Сержант рассуждал так: «Барон уснул, значит, его гнев прошел. Он не гневается. Следовательно, ему еще неизвестно, что лесничий выскользнул, подобно угрю, из моих рук. Он не знает, что этот проклятый лесничий бежал, и поэтому меня не за что еще хватать, наказывать и вешать. Я могу спокойно предстать перед его светлостью и доложить ему, что в точности выполнил его приказ. Я выиграю время и разберусь, куда делся этот сатана Робин. Он будет найден и снова брошен в камеру, если только он

уже там не находится. Дай Бог, чтобы моим болванам-солдатам повезло, и они выполнили бы свей долг. Я могу предстать без боязни... да, без боязни перед моим ужасным и всемогущим господином. Ну, что ж, войдем. Но он спит, спит! Как я не подумал об этом! Я не настолько сошел с ума, чтобы будить монсеньора. Разъяренный тигр рядом с ним — котенок. Ну а если барон не спит? — продолжал рассуждать несчастный Лэмбик, дрожа всем телом.— В таком случае можно войти в его покои. Тишина только доказывает, что он ничего не знает о моей неудаче. Почему бы не воспользоваться его улучшившимся настроением? Попробую тихонько постучать в дверь, ну а если мой стук будет плохо принят, то убегу».

Лэмбик поскребся ногтем в дверь — никакого ответа. За дверью царил мертвая тишина.

«Спит,— снова стал размышлять Лэмбик.— Ах, ну и дурак же я! Как я не догадался, что он мог выйти. Возможно, он пошел к миледи. Если бы он спал, я бы услышал его храп».

Подстрекаемый дьявольским любопытством, сержант тихо повернул ключ, вставленный в замочную скважину. Дверь бесшумно открылась. Вытянув шею, Лэмбик просунул голову в покои барона и внимательно осмотрел их.

— Попадите!

Этот крик ужаса замер на устах Лэмбика, он почувствовал, как смертельный холод мгновенно сковал все его тело. Он неподвижно стоял в дверном проеме, а барон, безмолвный от удивления и ошеломленный такой наглостью, испепелял его яростным взглядом. И на этот раз бедному Лэмбику не повезло. Злой дух вселился в него в тот момент, когда старый грешник, стоя на коленях перед своим исповедником, испрашивал у него отпущение грехов перед отъездом в Лондон.

— Ах ты, негодяй! Голодранец! Святотатец! Шпион! Посланец сатаны! Предатель, продавшийся дьяволу! Ты что здесь делаешь? — закричал барон, обретя наконец дар речи.— Кто в этом замке хозяин и кто слуга? Может быть, ты здесь хозяин? А я — твой слуга? Да? Веревку тебе на горло, воронья съть! Тебя повесят до того, как я сяду на коня и покину замок.

— Успокойтесь, сын мой,— вмешался старый монах-исповедник,— ради милосердного Бога.

— Среди Божьих слуг нет таких бездельников и жуликов,— возразил ему обезумевший от ярости барон.— Сюда,

негодяй! — добавил он, бегая по комнате, как гиена в клетке. — Становись на колени и исповедуйся в своих грехах перед смертью.

Лэмбик неподвижно стоял на пороге и напряженно думал, как бы выиграть время, выждать, пока барон успокоится. Он не терял надежду оправдаться перед своим господином. И барон, сам того не подозревая, предоставил ему эту возможность.

— Что тебе здесь было нужно? — спросил вдруг старик. — Говори!

— Милорд, я несколько раз стучал в дверь, — смиренно ответил сержант. — Я думал, что здесь никого нет, и решил...

— Да, и ты решил, воспользовавшись моим отсутствием, обворовать меня.

— О, милорд!

— Да, обворовать меня!

— Я — солдат, милорд, — с гордостью возразил Лэмбик.

Это чудовищное обвинение в воровстве вернуло несчастному его природное мужество. Его больше ничто не страшило — ни подземелье, ни порка, ни виселица.

— Ты глянь только, какое благородное негодование! — насмешливо произнес барон.

— Да, милорд, я солдат. Солдат на службе вашей светлости. Среди солдат вашей светлости никогда не было воров.

— Моя светлость может и хочет, когда мне это заблагорассудится, называть своих солдат ворами. Моей светлости нет никакого дела до ваших добродетелей. У моей светлости, наконец, достаточно здравого смысла, чтобы не поверить вам, мессир Лэмбик, что визит, который вы соизволили нанести мне в тот момент, когда я, по вашим расчетам, отсутствовал, имел целью убедить меня в вашей честности и порядочности. Короче, вор или честный человек, зачем вы сюда пришли? И раз ты уже здесь, расскажи, как там поживает шервудский волчонок?

Лэмбик снова задрожал всем телом.

«Значит, его светлость еще ничего не знает о бегстве Робина», — подумал сержант. Он страшился нового безумного приступа ярости, который, несомненно, охватит старика, как только он будет вынужден объяснить ему причину появления таких страшных ожогов на своем лице. И он стоял, безмолвный и неподвижный, перед своим ужасным господином. Его руки безвольно висели, как плети, вытаращенные глаза бессмысленно смотрели на барона, разинутый рот безмолвствовал.

— Ты откуда это явился? — вскричал вдруг старик. Только сейчас он заметил, как было обезображено огнем лицо сержанта.— Глядя на тебя, можно подумать, что ты сбежал из ада, и сам дьявол потрудился над твоей мордой.

— Мое лицо обожжено факелом, милорд.

— Факелом?

— Прошу прощения, милорд. Но ваша светлость не знает, что этот факел...

— Что ты там мне болтаешь? Короче. О каком факеле идет речь?

— О факеле Робина.

— Опять Робин! — загремел барон громовым голосом, хватаясь за свой меч.

«Ну, вот я и готов для переселения в лучший мир»,— подумал Лэмбик. Повинуясь инстинкту самосохранения, он отступил к двери и приготовился задать стрекача при первых же проявлениях агрессивных намерений со стороны барона.

— Опять Робин! Где он, этот Робин? — кричал старик, размахивая мечом.— Приведите его сюда, и я вас обоих насажу на этот меч, как на вертел.

Лэмбик наполовину выставил свое тело из комнаты и ухватился рукой за дверь так, чтобы закрыться ею, как щитом, если его светлость соизволит запустить в него меч.

— Сын мой,— произнес старый монах.— Филистимляне были на краю разгрома, но они помолились Богу, и дело закончилось миром.

Фитц Олвайн швырнул меч на стол и бросился к Лэмбику.

— Я тебя еще раз спрашиваю! — кричал он, схватив сержанта за ворот камзола и затаскивая его в комнату.— Я хочу знать, что ты собирался делать в моих покоях? Какая связь между Робинном, факелом и твоей гнусной мордой? Отвечай быстро и честно, а не то никакие призывы к милосердию не заставят меня вложить в ножны занесенный над тобой меч.

— Милорд,— быстро заговорил сержант. Он придумал увертку, с помощью которой надеялся уклониться от прямого ответа.— Я пришел к вашей светлости узнать, что мне делать с Робинном.

— Черт возьми! Пусть он сидит в камере.

— Соболаговолите сказать мне, милорд, где находится эта камера. Я поставлю возле нее часового.

— Как это ты не знаешь, где она находится? Ведь не кто иной, как ты, сам час назад посадил его в эту проклятую камеру!

— Но его там нет, милорд. Я приказал солдатам отвести его к вам и поэтому подумал, что после допроса вы распорядились запереть его в другой камере. Это он, милорд, обезобразил мое лицо.

— Ну, это уже слишком! — прорычал Фитц Олвайн и схватил трость с золотым набалдашником.

Удары градом посыпались на сержанта. Барон забыл о своей подагре и в каждый удар вкладывал всю свою силу и злость. Доведенный до отчаяния, Лэмбик забыл, что особа его светлости неприкосновенна. Он вырвал трость из рук барона, взял его за запястья со всем почтением и осторожностью, какие только были возможны при данных обстоятельствах, оттолкнул его от себя, силой усадил в большое кресло и со всех ног бросился вон из комнаты.

Старый Фитц Олвайн мгновенно пришел в себя и хотел было уже погнаться за дерзким вассалом, как в покои вошли двое солдат, бесславно завершившие операцию по поимке Робина.

— Остановите его! Задержите! — закричал им барон.

Они повиновались и преградили дорогу сержанту, который не успел выскочить из прихожей.

— Назад! — приказал своим солдатам сержант, отталкивая их. — Назад!

Но Фитц Олвайн опередил его. Подбежав к двери, он запер ее на засов, и Лэмбик оказался в ловушке. В мрачном оцепенении ожидал он своей участи.

И тут произошло нечто странное, причудливое, необъяснимое, но часто встречающееся в природе и в человеческом характере. Бунт сержанта укротил яростный гнев барона, подобно тому, как дождик часто утихомиривает ураган.

— Прости у меня прощения, — спокойно сказал еще не отдышавшийся Фитц Олвайн, усаживаясь — теперь по своей воле — в кресло. — Ну, мэтр Лэмбик, ты будешь просить у меня прощения или нет?

Благодаршие и снисходительные барона можно было объяснить разве только тем, что у него уже не было сил поддерживать свою ярость на обычном уровне, и она угасла, подобно огню, в который не подбрасывают больше топливо. Но это не могло долго продолжаться. Перепуганный насмерть Лэмбик колебался, его воля была парализована, а барон в это время полностью овладел собой, и его гнев разгорелся с новой силой. Взрыв был ужасен.

— Ах, так ты отказываешься просить у меня прощения! Ну, хорошо! — угрожающе проговорил барон. — Не хочешь

просить прощения, так хоть покайся в своих грехах. Разве можно умирать нераскаянным грешником?

— Милорд, я вам все расскажу, и эти люди засвидетельствуют, что говорю правду.

— Они такие же негодяи, как и ты!

— Моя вина не так велика, как вы думаете, милорд. Не успел я закрыть дверь камеры, как этот Робин...

Мы не будем пересказывать исповедь сержанта, наши читатели не узнают из нее ничего нового. Барон рычал, топал ногами, корчился в кресле, подобно черту, которого кропят святой водой. Его приговор был короток и ясен:

— Если Робину удалось улизнуть из замка, то уж вы от меня никуда не денетесь. Ему свобода, а вам смерть.

Внезапно раздался громкий удар в дверь комнаты.

— Войдите! — крикнул барон.

В покои вошел солдат.

— Пусть высокочтимый лорд простит меня, — сказал он, — за то, что я осмелился предстать перед его высокочтимой особой без позволения его высокочтимой светлости. Страшное, чрезвычайное событие произошло в замке, такое страшное, что я, повинувшись своему долгу, поспешил сообщить о нем высокочтимому господину.

— Говори, но знай, что я не намерен слушать бесконечные истории.

— Высокочтимый лорд будет доволен. Мой рассказ имеет конец. Ужасный конец. Я буду краток. Я знаю, что каждый добрый солдат должен уметь стрелять без промаха из лука и говорить только самую суть. И как добрый солдат, я...

— Говори суть, дурак! Суть! — вскричал барон.

Солдат церемонно поклонился и продолжал:

— И как всякий добрый солдат, я никогда этого не забываю...

— Замолчи, болтун, если тебе не о чем рассказывать, кроме как о своих добродетелях, или говори, что у вас там произошло.

Солдат снова поклонился и невозмутимо продолжал:

— Мой долг меня обязывает...

— Опять! — прорычал Фитц Олвайн.

— Мой долг обязывает меня доложить вам, что часовой, которого вы поставили у часовни...

«Наконец-то», — подумал барон.

— Пять или шесть минут назад я подошел к часовне, с позволения вашей высокочтимой светлости. Часового у двери не оказалось. Но он должен был быть там, ведь я

пришел сменить его. «Он где-то здесь,— подумал я.— Надо поискать его». Я искал, звал его, но никого не нашел, и никто не откликнулся. «А может быть, он заснул или напился до потери сознания? — подумал я.— И такое бывает. Пойду-ка я к начальнику и доложу ему обо всем. Пусть он разыщет дезертира и примерно накажет его». И я побежал к нашему командиру, крича: «Сержант, измена!» Из караульного помещения никто не вышел. Я вошел туда. Никого. «О!» — подумал я...

— К черту твои думы! Говори: что случилось? — вскричал барон, потеряв всякое терпение.

Солдат снова поклонился и продолжал:

— «О! — подумал я.— Весь гарнизон ноттингемского замка забыл о своем солдатском долге. Дисциплина распалась, и последствия этого...»

— Тысяча чертей! Хватит разглагольствовать, идиот! Болтливый пес!

— Болтливый пес! — прошептал солдат. Этот эпитет заинтересовал его.— Болтливый пес! Хотя я и завзятый охотник, но никогда не слыхивал о такой породе собак. Ладно, продолжим. Последствия этого пагубны. Людей, которые должны были быть в караульне, я нашел в гарнизонной столовой. Все вместе мы пошли в часовню и тщательно обыскали святое место. На посту перед дверью часового и на этот раз не оказалось. Мы нашли его внутри помещения, но, Боже, в каком виде! Поверженного, как на поле боя. Он лежал на полу безжизненный, в луже крови, его череп был пронзен стрелой...

— Великий Боже! — воскликнул барон.— У кого рука поднялась совершить такое преступление?

— Не знаю. Я не видел, но...

— Так кто же погиб?

— Гаспар Штайнкорф... деревенщина.

— Ты не видел убийцу?

— Я уже докладывал вашей высокочтимой светлости, что я не присутствовал при совершении этого преступления. Но я прихватил смертоносную стрелу. Я подумал, что она поможет вашей светлости найти убийцу. Вот она.

Барон внимательно осмотрел стрелу.

— Таких стрел в моем арсенале нет,— сказал он.

— При всем моем почтении к вашей светлости,— продолжал солдат,— я должен вам сказать, что эта стрела действительно не из вашего арсенала. Она попала в ваш

замок извне. Я видел стрелы, похожие на эту, в колчане, который нес этим вечером один из оруженосцев.

— Его имя?

— Хэлберт. А еще в руках у этого парня был лук. Эти стрелы и лук принадлежат одному из узников вашей светлости. Его зовут Робин.

— Найдите Хэлберта и приведите его ко мне. Быстро! — приказал барон.

— Час назад, — продолжал солдат, — я видел Хэла. Вместе с барышней Мод он входил в покои леди Кристabelle.

— Зажгите факел и следуйте за мной! — вскричал барон.

Позабыв о подагре, он бежал так быстро, что сержант Лэмбик и его солдаты едва поспевали за ним. Вот и покои леди Кристabelle. Барон громко постучал в дверь. Никто ему не ответил. Тогда он открыл дверь и вошел в покои. Там было темно и тихо. Напрасно его светлость искал свою дочь во всех комнатах покоев. Ее не было. Везде царила гнетущая тишина.

— Бежала! Она бежала! — душераздирающим голосом закричал барон. — Кристabelle! Кристabelle! — зывал он.

Но Кристabelle так и не откликнулась.

— Бежала! Бежала! — повторял барон, ломая в отчаянии руки. Не помня себя от горя, обессиленный, он упал в кресло леди Кристabelle, то самое, в котором сидела она, когда писала известное нам письмо Аллану Клэру. — Бежала к нему! Моя доченька, моя Кристabelle!

Потом его мысли приняли другой оборот. К нему вернулось самообладание. В нем теплилась надежда, что еще не все потеряно, что леди Кристabelle вернется в замок.

— Тревога! — закричал он громовым голосом. — Тревога! Разделитесь на две группы. Одна группа займется поисками беглецов в замке. Переройте все сверху донизу, вдоль и поперек. Ищите везде... везде. Остальные на коней — и в Шервудский лес! Прочешите все заросли, чащобы, осмотрите все поляны и овраги, установите наблюдение на дорогах. Идите...

Солдаты направились к выходу.

— Передайте Хьюберту Линдсею, начальнику ворот замка, что я желаю его видеть, — приказал им барон. — Это Мод, его проклятая дочь, организовала побег. Вот пусть он и расплачивается за нее. Сержант, двадцать из остающихся в замке всадников должны оседлать своих лошадей и быть готовыми выступить по моему первому приказу. Идите, ну, идите же, дураки!

Солдаты не мешкая выскочили из покоев и побежали выполнять приказы его светлости. Впереди всех улепетывал сержант, довольный, что отделался за свои преступления легким испугом. Только оказавшись на почтительном расстоянии от своего чрезмерно вспыльчивого хозяина, он смог перевести дух.

В душе барона боролись два чувства: гнев и отчаяние. Он искренне любил свою дочь и невыносимо страдал при мысли, что, может быть, он никогда ее больше не увидит, не поцелует, не будет тиранить. И перед этим страданием бледнело чувство стыда, охватившее его, когда он узнал, что его любимая дочь бежала к его злейшему врагу.

Вошел старый Хьюберт Линдсей, и, к несчастью для себя, как раз в тот момент, когда страдание, терзавшее сердце его господина, уступило место гневу.

— Я уничтожу всех до одного этих негодных солдат! Они забыли свой солдатский долг! — рычал барон. — Даже духу их на земле не останется, потому что этот дух мог бы сказать: «Я помогал Кристабель обманывать ее отца!» Да, да! Клянусь всеми святыми апостолами, клянусь моими предками, что не пощажу ни одного из этих предателей. Ах, вот и вы, господин Хьюберт Линдсей, командир охранников ноттингемского замка! Вот и вы!

— Прибыл по приказанию вашей светлости! — спокойно отрапортовал старый Хьюберт.

Барон ничего ему не ответил. Подобно дикому зверю, он подскочил к охраннику, схватил его за горло, выволок на середину комнаты и грубо спросил:

— Где моя дочь, негодяй? Отвечай, где она, а не то я тебя сейчас придушу!

— Ваша дочь, милорд? Но откуда же я могу это знать? — ответил Хьюберт, скорее удивленный, чем напуганный гневом его светлости.

— Лжешь!

Хьюберт освободился от железного обруча, сжимавшего его горло, и холодно сказал:

— Милорд, соблаговолите объяснить мне, чем вызван ваш странный вопрос, и я попытаюсь ответить на него. Но знайте, что хотя я и бедный человек, но честен и предан вам. Ни разу в жизни я не совершил поступка, за который мне пришлось бы краснеть. Если вы меня убьете сейчас, и я умру без отпущения грехов, я не буду страдать от этого. Мне не в чем упрекнуть себя. Задавайте вопросы, господин

барон, и я отвечу на них, но не из страха перед вами, а из уважения...

— Кто выходил из замка за последние два часа?

— Не знаю, милорд. Два часа назад я сдал пост Майклу Уолдену, своему заместителю.

— Это правда?

— Такая же правда, как и то, что вы — мой хозяин и господин.

— Кто же выходил из замка перед тем, как Майкл сменил тебя на посту?

— Хэлберт, оруженосец. Он сказал мне: «Миледи заболела и приказала мне привезти врача».

— А! Вот он, заговор! — вскричал барон. — Он обманул тебя. Кристabelle не была больна. Хэлу нужно было выйти из замка для того, чтобы подготовить ее побег.

— Как? Миледи покинула вас, монсеньор?

— Да, неблагодарная покинула своего старого отца, и твоя дочь бежала вместе с ней.

— Мод? Нет, монсеньор, это невозможно. Я пойду поищу ее. Она в своей комнате.

Вбежал сержант Лэмбик. Уверенный, что гроза миновала, он спешил продемонстрировать барону свое усердие.

— Милорд, — с ходу закричал он. — Ваше приказание выполнено! Всадники готовы и ждут ваших распоряжений. Я напрасно обыскал весь замок. Хэлберта нет нигде. Он вернулся в замок вслед за мной и Робинот. Стражник Майкл Уолден под присягой заявил, что за последние два часа он никого из замка не выпускал. Ворота надежно заперты, мост поднят.

— Какое это теперь имеет значение? — проговорил барон. — Гаспара убили не зря. Он кому-то мешал. Лэмбик! — недолго подумав, обратился Фитц Олвайн к сержанту.

— Слушаю, милорд.

— Ты был этой ночью в доме лесничего по имени Джильберт Хид?

— Да, милорд.

— Хорошо! Там живет этот дьяволенок Робин Гуд и там, несомненно, моя неблагодарная дочь встретится с... Не будем больше об этом говорить... Лэмбик, бери своих людей, и скачите туда. Арестуешь беглецов и сожжешь это осиное гнездо.

— Слушаю, милорд.

И Лэмбик вышел из комнаты.

Через несколько минут вернулся Хьюберт Линдсей. По-нутив голову, мрачный и молчаливый, стоял он перед бароном.

— Мой старый слуга,— обратился к нему Фитц Ол-вайн,— я не хочу, чтобы горе и гнев заставили меня забыть, что в течение долгих лет мы живем бок о бок. Ты всегда был мне верен. Я обязан тебе жизнью. Мой старый соратник, брат по оружию, забудь обиды, которые я тебе наносил, мою грубость и, если ты любишь свою дочь так же горячо, как я люблю леди Кристабель, помоги мне еще раз. Вернем наших заблудших овец в родные ясли... Я уверен, что Мод покинула замок вместе с Кристабель.

— Увы, монсеньор, я не нашел ее,— рыдая, сказал старик. Его искреннее горе свидетельствовало, что он никоим образом не способствовал побегу девушек. Но подозрительный барон не поверил ему. Он был уверен, что подчиненный не может не обманывать своего начальника, простолудия — дворянина, священник — епископа и так далее. И его светлость расставил новую западню Хьюберту.

— Не выходит ли один из подземных ходов замка в Шервудский лес? — спросил он.

Барон прекрасно знал о существовании этого выхода, но он не знал его точное местоположение. Он подумал, что Хьюберт и его дочь были лучше осведомлены об этом, чем он сам.

«Если барышня Мод,— подумал он,— провела мою дочь по этому подземному ходу, я щедро расплачусь с ней за эту услугу».

Честный и бесхитростный Хьюберт считал своим долгом помочь барону в поисках юной леди. Кроме того, он был так же, как и барон, кровно заинтересован в том, чтобы вернуть беглянок домой.

— Да, милорд,— поспешил ответить он,— один из подземных ходов действительно выходит в лес. Я его отлично знаю.

— А Мод смогла бы выйти из замка этим ходом?

— Нет, милорд.

— Кому, кроме тебя, известен этот секрет?

— Трои м солдатам, милорд: Майклу Уолдену, Гаспару Штайнкорфу и Хэлберту.

— И здесь Хэлберт! — вскричал барон, охваченный новым приступом ярости.— Хэлберт! Это он провел их по подземному ходу. Эй! Факелы! В подземелье!

Хьюберт был вознагражден за свою честность. Барон проникся к нему доверием и обращался с ним, как с равным.

— Мужайся, Хьюберт,— говорил старик.— Мужайся, Бог возвратит нам наших девочек!

Горе обоих стариков было неутешно. Разделенные происхождением и образом жизни, они объединились, чтобы преодолеть свалившееся на них несчастье. Горе сделало их равными.

Барон и Хьюберт, сопровождаемые шестью солдатами, пересекли часовню и вошли в подземелье. Не успели они сделать нескольких шагов, как услышали голоса где-то вдалеке.

— Ах! — воскликнул Фитц Олвайн.— Это они! Вперед, Хьюберт, вперед!

Голоса звучали явственнее.

— Монсеньор,— сказал Хьюберт,— эти люди идут не по тому ходу, который заканчивается в Шервудском лесу.

— Какое это имеет значение? Вперед, Хьюберт! Мы сейчас встретимся с ними!

Они подошли к разветвлению ходов и направились туда, откуда слышались голоса.

— Они зовут на помощь! Мы здесь, девочки!

— Они заблудились,— произнес Хьюберт.

— Тем лучше,— возразил барон. Его отцовская нежность уступила место жажде мести.— Тем лучше!

Хьюберт, который шел впереди маленького отряда, остановился и прислушался.

— Милорд,— сказал он,— клянусь вам, это кричат не наши беглянки. Мы удалились от правильной дороги и напрасно теряем время.

— Иди со мной! — закричал барон. Его глаза метали молнии, угасшее было подозрение, что Хьюберт был в сговоре с беглецами и помогал им, разгорелось с новой силой.— Иди со мной, а вы подождите нас здесь!

— К вашим услугам, милорд,— ответил Хьюберт.

С каждой секундой голоса становились все громче и отчетливей.

— Клянусь душой,— прошептал Хьюберт,— его светлость сходит с ума. Где это видано, чтобы беглецы поднимали такой шум? Эти люди орут во все горло, и, право же, они идут нам навстречу.

Не успел он произнести эти слова, как из-за поворота появились двое солдат.

— Откуда вы идете, негодяи? — спросил у них удивленный барон.

— Мы преследовали Робина Гуда, бежавшего из темницы, — ответили солдаты. Они падали с ног от усталости, в их глазах застыл ужас. — Мы заблудились, милорд, и уже не чаяли выбраться отсюда, но Всеблагое Провидение послало вашу светлость нам навстречу, и вот мы спасены.

Разочарование Фитц Олвайна было так велико, что он не знал, каких чертей поминать в своих проклятьях. Когда один из солдат начал рассказывать ему, как Робину удалось от них бежать, барон закричал на него:

— Хватит, хватит, дурак! Потом расскажешь. А теперь скажите мне, не слышали ли вы во время вашего хождения по подземелью, где вы были обречены умереть голодной смертью, если бы не встретили нас, какой-нибудь подозрительный шум, голоса...

— Мы ничего не слышали, милорд.

— Бежим, Хьюберт, бежим. Нам нужно наверстать упущенное время.

Время, потерянное бароном на встречу с заблудившимися солдатами, спасло беглецов. Когда четверть часа спустя маленький отряд вышел из подземелья в лес, у барона рассеялись все сомнения в том, что леди Кристабель и ее свита покинули замок именно этим путем. Выходная дверь, которая по уставу должна быть заперта, была распахнута настежь.

— Я не ошибся! — воскликнул барон. — Солдаты, приказываю вам прочесать лес во всех направлениях. Сто золотых монет тому, кто приведет в замок леди Кристабель и бесчестных людей, которые ее похитили.

И барон, сопровождаемый только Хьюбертом, вернулся в замок и прошел в свои покои. Но не об отдыхе он думал, хотя его тело и душа были измотаны до предела. Через несколько минут его светлость вышел во двор замка, облаченный в кольчугу и опоясанный мечом, в руке он держал копьё с флажком, на котором был вышит герб его дома. Вскочив на коня, он поскакал во главе небольшого отряда по мансфельдской дороге.

Г Л А В А XV

А в это время наши друзья пробирались сквозь заросли старого Шервудского леса.

Робин и Кристабель спешили к тому месту, где их

должен был ожидать сэра Аллан Клер, и поэтому избегли встречи с сержантом Лэмбиком, который скакал в противоположном направлении, к дому приемного отца Робина.

Помолодевший от возбуждения и гнева барон в сопровождении двадцати копыеносцев рыскал по лесу, разыскивая свою дочь. Оставим его на зеленых лесных тропинках и присоединимся к мессире Аллану Клеру, Маленькому Джону, брату Туку, Уиллу Пунцовому и его шестерым братьям, которые приближаются к долине Робина Гуда, и к Мод, направляющейся вместе с Хэлом к дому старого лесничего.

Никто бы не узнал в этой грустной девушке проворную, неутомимую, отважную и веселую Мод. Она с тоской вспоминала прощание с Робинем, его напутствие. Расставаясь с ней, молодой лесничий объяснил ей, как найти правильную дорогу к его дому в лабиринте пересекающихся тропинок. Девушка чувствовала себя покинутой, одинокой на всем белом свете и вздыхала, вздыхала...

— Далеко ли отсюда до дома Джильберта? — спросила она Хэла.

— Не больше шести миль, — весело ответил мальчик.

— Целых шесть миль!

— Мужайся, Мод, мужайся! — приободрил ее Хэлберт. — Помни, все, что мы делаем, мы делаем для леди Кристabelle. Посмотри-ка вон туда... Не видишь ли ты там всадника? Всадник, а с ним монах и еще какие-то люди... Да это же мессир Аллан и брат Тук! Привет, мессире! Какая удачная встреча!

Сэр Аллан узнал Мод и спросил у нее:

— А леди Кристabelle и Робин, где они?

— Они вас ждут на поляне, — ответила девушка.

— Помилуй нас Бог! — воскликнул Аллан, выслушав рассказ Мод о приключениях Робина в замке и о его побеге. — Славный Робин! Я ему всем обязан — и своим счастьем, и жизнью!

— Мы идем предупредить родителей Робина, что он еще не скоро вернется домой, — вмешался в разговор Хэл.

— Может быть, вы теперь пойдете сами, братец Хэл? — спросила Мод. Она обрадовалась скорой встрече с Робинем. — Госпожа нуждается в моих услугах.

Простодушный Аллан не разгадал хитрости Мод, и она присоединилась к его отряду.

Настроение брата Тука сразу же изменилось. Его мрачность и замкнутость как рукой сняло. Он заулыбался, ожи-

вился, стал сама любезность, но все было напрасно — погруженная в свои переживания, Мод не обращала на бедного монаха никакого внимания. Он для нее как бы перестал существовать.

Безразличие и отчужденность Мод повергли его в уныние. Он быстро сник и, понунив голову, печально плелся в хвосте отряда. Иногда ему казалось, что еще не все потеряно. Тогда он поднимал голову и с надеждой смотрел на печальную Мод.

Но не он один вздыхал по хорошенькой Мод. В нескольких шагах от несчастного, потерянного Тука шел другой добрый молодец, жадно ловивший взгляды красавицы. Он прихорашивался, чистил обшлагом рукава куртку и штаны, поправлял перо цапли, украшавшее его шапку, расчесывал и приглаживал собственной пятерней свои густые непокорные волосы — одним словом, делал все, что обычно делает каждый начинающий влюбленный, чтобы привлечь к себе внимание понравившейся ему девушки.

Этим добрым молодцем был не кто иной, как наш друг Уилл Пунцовый.

Мод казалась ему идеалом красоты. Ее образ уже давно царил в его сердце. Она была девушкой его мечты, и поэтому не мудрено, что он влюбился в нее по уши с первого взгляда. Белый, слегка выпуклый лоб, черные глазки, осененные тонкими каштановыми бровями и сверкающие искрами веселья и лукавства, розовые бархатные щечки, носик, как будто вылепленный античным мастером, полуоткрытый ротик, созданный для вздохов и поцелуев, губки, в уголках которых таилась улыбка, то нежная, то лукавая, то печальная, совершенной формы подбородок с прелестной ямочкой, плавные линии шеи и плеч, стройная, изящная фигурка, мягкие движения, маленькие ножки, ступавшие по лесной тропинке как по ковру из цветов, — вот какая была Мод, красавица дочь старого Хьюберта Линдсея.

Уильям был не настолько робок, чтобы довольствоваться безмолвным обожанием на почтительном расстоянии. У него возникло неодолимое желание смотреть на красавицу вблизи, слышать звук ее голоса. Он быстро подошел к ней и безмолвно пошел рядом.

— Вы знакомы с Робинем, барышня? — спросил он через несколько минут.

Сам того не зная, Уилл затронул самую чувствительную струнку души Мод и этим завоевал ее внимание.

— Да, сударь, — любезно ответила девушка.

— А он вам нравится?

Мод не ответила. Ее лицо залилось ярким румянцем. Только Уилл, неопытный влюбленный, мог так напрямую, без обиняков, вопрошать женское сердце. Словно слепой, шел он, не испытывая никакого страха, по краю бездны.

— Я так люблю Робина,— продолжал он,— что обижусь на вас, если вы скажете, что он вам не нравится.

— Как вы можете говорить такое, мессир? Он мне очень нравится. Замечательный парень. Вы с ним давно знакомы?

— Друзья детства. Я скорее дам свою правую руку на отсечение, чем соглашусь потерять его дружбу. Во всем графстве нет равного ему по меткости стрелка из лука. А характер у него такой же верный и прямой, как его стрелы. Он мягок и нежен, смел и отважен и очень-очень скромнен. С ним я без страха прошел бы через всю вселенную.

— Ах, с каким пылом выражаете вы свою любовь к нему, мессир! Но, может быть, вы преувеличиваете его достоинства?

— Я говорю правду, барышня, и только чистую правду. Это так же верно, как то, что меня зовут Уильям Гэмвелл и я честный малый.

— Мод,— обратился к девушке Аллан,— как вы думаете, барон уже обнаружил исчезновение леди Кристабель?

— Да, мессир рыцарь. Сегодня утром его светлость должен был выехать вместе с леди в Лондон.

— Тихо! Тихо! — прошептал Маленький Джон, который шел впереди отряда.— Прячьтесь в самых густых зарослях. Нам навстречу скачут всадники. Если они нас обнаружат, мы набросимся на них. Нашим кличем будет «Робин». Ну, прячьтесь, да побыстрее,— добавил он и, подавая пример своим друзьям, притаился за толстым стволом дерева.

Тотчас же появился всадник. Его лошадь неслась с фантастической скоростью, не разбирая дороги, перепрыгивая через рвы, поваленные деревья и изгороди. Четверо конных солдат едва поспевали за ним. Передовой всадник скакал, приподнявшись на стременах. Шлем он потерял. Длинные, растрепанные, раздуваемые ветром волосы придавали всему облику причудливый вид. Он был похож на самого сатану, выскочившего из преисподней. Он проскакал очнь близко от зарослей, где спрятались Аллан и его маленький отряд, и все увидели стрелу в крупе его лошади.

Всадник и его свита скоро исчезли в темной глубине леса.

— Да спасет нас небо! — воскликнула Мод.— Это барон!

— Это барон! — как эхо повторяли за ней Аллан и Хэлберт.

— Если я не ошибаюсь, — добавил Уилл, — стрела, всажженная, подобно рулю, в круп его лошади, была извлечена из колчана Робина. А как ты думаешь, Маленький Джон?

— Согласен с тобою, Уилл, и из этого заключаю, что Робин и молодая дама в опасности. Робин слишком осторожен, чтобы зря разбрасывать в таких обстоятельствах стрелы. Ускорим шаг.

Расскажем читателям, как благородный барон Фитц Олвайн, отличный наездник, попал в такое смешное и неприятное положение.

Перед тем как углубиться в лес, барон послал на разведку своего лучшего гонца, приказав ему внимательно осмотреть дорогу, ведущую из Ноттингема в Мансфельвудхауз, вернуться в условленное место и доложить ему обстановку. Мы знаем, что случилось с этим гонцом: Робин его спешил. Случаю было угодно распорядиться так, что Робин и Кристабель приблизились к условленному месту с одной стороны, а барон со своим отрядом подскочил к нему в то же самое время с другой стороны. Беглецам удалось незаметно спрятаться, но барон от нечего делать в ожидании своего гонца приказал солдатам.

— Прочешите окрестности, двое — здесь, двое — там.

«Мы пропали, — подумал Робин. — Что делать? Как спастись? Если мы выйдем на дорогу, солдаты поймут нас в два счета. Если же мы попытаемся скрыться в лесной чаще, поднятый нами шум привлечет внимание барона, и он прикажет своим людям искать нас. Что же нам делать?»

И Робин выбрал в своем колчане стрелу с самым острым железным наконечником, зарядил ею лук и прицелился. Кристабель хотя и была подавлена страхом, но, увидев эти приготовления, почувствовала, что жалость к отцу пересиливает в ней желание соединиться с Алланом. Безмолвно, взглядом умоляла она пощадить ее отца.

Робин улыбнулся и утвердительно кивнул ей головой.

Это значило: «Я пощажу его. Вспомните, как я только что спешил всадника».

Солдаты усердно прочесывали лес, но далеко не углублялись: собственная шкура была им дороже обещанных ста золотых экю. Но тем не менее положение Робина и Кристабель становилось опасным. Баронские ищейки, обходя поляну по кругу, должны были неминуемо столкнуться с ними.

А старый Фитц Олвайн стоял, подобно часовому, на возвышенности и сочинял ужасную проповедь, которую он надеялся прочитать своей дочери, как только она вернется в родительский дом. Он придумывал всевозможные изощренные наказания для Робина, Мод и Хэла и высчитывал с точностью до дюйма высоту виселицы, на которой собирался повесить Аллана. Этот благородный вельможа загода наслаждался предсмертными муками того, кто осмелился похитить его дочь. «Весь медовый месяц стервятники будут клевать его гниющий труп», — думал он и улыбался своему воображаемому внуку, сыну Кристabelle и Тристрама Голдсборо.

Сладостные мечты его светлости были грубо прерваны. Его лошадь внезапно стала на дыбы, выгнула спину, кинулась в сторону, брыкнулась и попыталась сбросить всадника. Но тот крепко держался в седле и делал отчаянные попытки укротить взбесившееся животное. Все напрасно! Всадник и лошадь не понимали друг друга. Стрела держалась в теле несчастной лошади так же крепко, как всадник в седле. И началась безумная, фантастическая скачка через лес, так изумившая Аллана Клэра и его спутников. Солдаты бросились на помощь своему господину, а меткий лучник и его спутница благополучно пересекли поляну.

А что же случилось с бароном? По правде говоря, мы не осмелились бы рассказать, чем закончилась бешеная скачка с препятствиями, если бы это фантастическое событие не было описано в хрониках того времени. Слушайте.

Солдаты очень скоро потеряли из виду его светлость, и он, быть может, так и скакал бы через всю Англию до самого океана, если бы его лошадь не споткнулась о ствол поваленного дерева, лежавший у подножья старого дуба.

Чтобы избежать падения, которое могло бы быть смертельным, барон выпустил поводья и схватился обеими руками за ветку дуба. Он сжал бока лошади коленями, надеясь спасти животное. Но это ему не удалось. Он вынужден был оставить седло и повис, держась руками за ветку дуба, а лошадь поднялась и налегке поскакала дальше.

Барон был плохим гимнастом, и поэтому, прежде чем разжать руки и прыгнуть, он измерил глазами расстояние до земли и вдруг заметил как раз под своими ногами две светящиеся точки, похожие на пылающие угольки. Эти светящиеся точки принадлежали какой-то темной массе, которая двигалась, кружилась под несчастным лордом.

«Волк!» — догадался барон и закричал от ужаса. Он попытался взобраться на ветку и сесть на нее верхом, но это у него не получилось. От страха на его лице выступил ледяной пот, он почувствовал, как по коже сапог и металлу шпор скользят зубы животного. Волк подпрыгивал, вытягивал шею, пытаясь достать свою жертву, — он чуял добычу. Барон с трудом подтягивался на руках, цеплялся подбородком за ветку.

Силы человека и животного были явно неравные. Нить, удерживавшая на весу это долгожданное волчье лакомство, оборвалась — силы старого лорда иссякли. Он препоручил Богу Кристabelle и свою душу, закрыл глаза, разжал руки... и упал.

Но случилось чудо! Подобно камню, упал барон на голову волка и тяжестью своего тела перебил шейные позвонки животного. Если бы четверо солдат подоспели в эту минуту на место печального происшествия, они увидели бы своего хозяина, лежащего без сознания рядом с мертвым волком, но не они привели в чувство благородного владельца Ноттингема, а совсем другие люди.

У подножья старого дуба, омывавшего свои ветви в ручье, который пересекал долину Робина Гуда, сидела леди Кристabelle. В нескольких шагах от нее стоял Робин, опираясь на свой лук. Они с нетерпением ожидали сэра Аллана Клэра и его спутников.

Они говорили о Марианне, и нежные похвалы кроткому и очаровательному характеру сестры Аллана, расточаемые леди Кристabelle, выслушивались Робинсом со жгучим вниманием влюбленного.

Юноша жаждал задать Кристabelle один мучивший его вопрос, только один: спросить у нее, не отдала ли Марианна свое сердце какому-нибудь красавцу придворному кавалеру. Но не осмеливался.

«Если она уже полюбила другого, — переживал он, — я пропал. Разве я могу бороться с таким соперником, я, бедный, незнатный лесничий?»

— Миледи, — наконец решил он, покраснев, как маков цвет. Его голос дрожал от волнения. — Миледи, мне искренне жаль мисс Марианну. Она, наверное, покинула нежного друга, без ума влюбленного в нее, и пустилась с братом в это утомительное и опасное путешествие.

— К несчастью или к счастью, — ответила Кристabelle, — но единственный нежный друг Марианны — это ее брат.

— Просто не верится, миледи. Такая пленительная красавица, как мисс Марианна, должна иметь то, что имеете вы,— преданного влюбленного, такого, как мессир Аллан.

— Может быть, это вам и покажется странным, мессир,— сказала девушка, краснея,— но Марианне не введома никакая любовь, кроме беззаветной любви к брату.

Эти слова, произнесенные твердым тоном, успокоили и удовлетворили Робина, и он переменял тему разговора.

Восходящее солнце позолотило вершины деревьев, а Аллан все не появлялся. Робин старался не выдать свое беспокойство, чтобы не встревожить леди Кристабель, но он никак не мог понять, почему задерживаются рыцарь и его спутники. Мрачные предположения волновали его душу.

Внезапно вдалеке послышался чей-то звучный голос. Робин и Кристабель вздрогнули.

— Это они! Наконец-то! — воскликнула девушка.

— Увы, нет! — ответил Робин.— Уилл и Маленький Джон, мои друзья, сопровождающие мессира Аллана, прекрасно знают место, где мы ожидаем их. Они очень осторожны и, чтобы не загубить наше дело, не станут перекликаться на весь лес с эхо.

Голос приближался, и всадник, одетый в цвета барона Фитц Олвайна, быстро пересек поляну.

— Спрячемся, миледи. Мы находимся слишком близко от замка. Я воткну стрелу в землю, у подножья этого дуба. Увидев ее, наши друзья поймут, что мы спрятались недалеко отсюда, и найдут нас.

— Делайте, мессир, как вы считаете нужным. Я целиком полагаюсь на ваш опыт и вашу преданность.

В поисках удобного места, где они могли бы надежно укрыться, Робин и Кристабель прошли несколько полей и вдруг увидели бездыханное человеческое тело, распростертое под огромным деревом.

— Господи, помилуй! — вскричала Кристабель.— Это мой отец! Мой бедный отец! Он умер!

Робин содрогнулся. Он посчитал себя виновником смерти барона. Рана лошади повлекла за собой гибель всадника.

— Пресвятая Дева,— прошептал Робин,— смилуйся! Сделай так, чтобы это был только обморок!

Охваченная отчаянием, Кристабель раскаивалась в своем поступке. Робин стал на колени перед стариком и внимательно осмотрел его. Он обнаружил только небольшую ранку на лбу, из которой вытекло несколько капель крови.

— Неужели он боролся с волком? Ах, смотрите, миледи, он задушил волка! — воскликнул обрадованный Робин. — Он не умер, это только обморок. Миледи, миледи, поверьте мне, господин барон цел и невредим, он отделался царапиной. Миледи, вставайте. Горе! Горе! Она тоже в обмороке! Ах, Господи! Что делать? Не могу же я ее здесь оставить... старый лев приходит в себя, вот он шевельнул рукой... вот он заговорил... Что же мне делать с ними? Миледи, вы меня слышите? Не слышит. Ах, почему в моих руках нет той силы, какую я чувствую в своем сердце? Я бы унес ее отсюда, как мать своего ребенка.

Тем временем барон приходил в себя, и первая его мысль была не о дочери, а о волке, единственном и последнем живом существе, которое он видел перед тем, как свет померк в его глазах. Он протянул руку к зверю. Ему показалось, что тот грызет его ногу или бедро, хотя он и не чувствовал никакой боли от укусов. Наткнувшись рукой на платье своей дочери, барон поклялся дорого продать свою жизнь.

— Подлая тварь! — сказал он волку, распростертому на земле в нескольких шагах от него. — Тварь, жаждущая моего тела и моей крови. Но в моих старых руках еще достаточно силы, и ты это почувствуешь на своей шкуре... Ах! Он высунул язык, я задушил его... А-а-а! Я задушил много волков! А-а! Идите сюда, вы, все шервудские волки! Ну, идите же, идите! А-а-а! Вот один, другой, еще один! Я пропал! Господи, сжался надо мной! Отче наш, иже еси...

«Да он с ума сошел! Совсем сумасшедший!» — подумал Робин. Он не знал, что делать. Выполнять долг, который он добровольно взвалил на себя, или подумать о собственной безопасности? Бежать? Но разве можно бросить на произвол судьбы девушку, которую он поклялся доставить мессире Аллану? Остаться здесь? Но вопли безумца привлекут внимание разбойников или солдат.

К счастью, барон пришел в себя и успокоился. Не открывая глаз, он понял, что зубы дикого зверя не коснулись его тела. Он хотел встать, но Робин, стоя на коленях у его головы, изо всех сил навалился на его плечи и удерживал его тело распростертым на земле.

— Клянусь святым Бенедиктом! — прошептал лорд. — Я чувствую на своих плечах страшный груз. Сто тысяч фунтов, не меньше... Как же я устал! Господи и ты, мой пресвятой патрон! Клянусь вам построить часовню на во-

сточной стене замка. Спасите мне жизнь и помогите вернуться в замок!

Прочитав эту молитву, он попробовал снова подняться. Но тщетно! Робин крепко держал его. А Кристабель все не приходила в сознание. Фитц Олвайн продолжал молиться, бия себя в грудь. Потом он принялся испускать душераздирающие крики. Это было уж совсем некстати. Отчаяние, страх за Кристабель и за себя охватили Робина, и он, не придумав ничего лучшего, грубо сказал:

— Замолчите!

Услышав звук человеческого голоса, барон открыл глаза, и как же он удивился, увидев склонившееся над ним лицо Робина, а рядом с ним лежащую на земле без сознания свою дочь!

Им снова овладело безумие. И он торжествующе воскликнул:

— Наконец-то ты у меня в руках, бульдожонок!

Ему казалось, что хозяин положения — он, а за его спиной стоят верные солдаты.

— Замолчите! — повторил повелительно Робин. — Замолчите! Ваши крики и угрозы неуместны. Это вы у меня в руках!

— А ты и вправду показываешь зубы, щенок! — проговорил Фитц Олвайн. Он без труда высвободился из объятий подростка и встал, выпрямившись во весь рост.

А Кристабель так и не приходила в сознание. Безжизненная и бледная, словно труп, лежала она между двумя мужчинами. Робин отскочил назад, остановился и вложил стрелу в лук.

— Стойте, милорд! Еще один шаг — и вы будете убиты! — сказал юноша, беря барона на прицел.

— А-а-а! — закричал Фитц Олвайн, смертельно побледнев. Он медленно отступил назад и спрятался за стволом дерева. — Неужели вы настолько трусливы, что позволите себе убить беззащитного человека?

Робин улыбнулся.

— Милорд, — сказал он, целясь барону в голову. — Скройтесь хорошо за деревом и не смейте носа оттуда высунуть ни вправо, ни влево, иначе смерть. Вы меня поняли?

Эта угроза, однако, не совсем усмирила его светлость. Спрятавшись за деревом, он не смог побороть свой гнев и, высунув правую руку, погрозил Робину пальцем. В воздухе пропела стрела и унесла с собой указательный палец барона.

— Убийца! Негодяй! Вампир! — прорычал раненый Фитц Олвайн.

— Тихо, барон! Следующая стрела пронзит вашу голову, слышите?

Фитц Олвайн стоял, прижавшись к дереву, и изрыгал страшные проклятья, но остерегался выказать свое присутствие. Ему казалось, что Робин стоит в нескольких шагах от него с луком в руке, готовый пустить в него стрелу.

Но Робин не обращал уже никакого внимания на него. Он повесил лук на плечо, осторожно взвалил леди Кристабель себе на спину и скрылся в лесной чаще.

Но не успел он углубиться в лес, как послышался конский топот, и показались четверо всадников. Подъехав к дереву, за которым прятался барон, они остановились.

— Ко мне, бездельники! — вскричал тот. Он узнал в этих всадниках своих солдат, отставших от него во время бешеной скачки.— Ко мне! Хватайте разбойника! Он похитил мою дочь и хочет меня убить.

Солдаты осмотрели всю поляну, но не увидели ни разбойника, ни похищенной им женщины.

— Там! Там! Он бежит! Смотрите! — продолжал барон, прячась между лошадьми.— Держите его!

Робину не под силу было быстро бежать с такой тяжелой ношей на спине, и теперь только несколько сот шагов отделяли его от врагов.

Всадники наконец увидели его и бросились за ним в погоню. Робин понял, что ему не убежать. Он повернулся лицом к преследователям, стал на одно колено, положил леди Кристабель на землю и снова взял барона на прицел.

— Стойте! Клянусь небом, если вы приблизитесь ко мне хоть на один шаг, я убью вашего господина!

Услышав эту угрозу, барон снова спрятался за деревом и оттуда закричал:

— Хватайте его! Убейте его! Он меня ранил! Чего вы боитесь? Трусы вы и негодяи!

Но солдаты, видя, что лучник не шутит, не трогались с места. Один из них, самый смелый, посмеялся над своими робевшими товарищами.

— Хорошо поет петушок,— сказал он,— ну да мы его сейчас усмирим! Открутим голову — и вся недолга!

Солдат спешил к Робину.

Одна стрела была вложена в лук, другую Робин держал в зубах. Приглушенным, но повелительным голосом он сказал:

— Я вас просил не приближаться ко мне, теперь приказываю вам это... Горе вам, если вы станете на моем пути!

Солдат засмеялся и сделал еще один шаг вперед.

— Считаю до трех. Раз, два, три. Стой!

Но солдат со смехом продолжал приближаться.

— Умри же!

И солдат упал, пронзенный стрелой.

Только на бароне была кольчуга, а его солдаты были одеты в охотничьи куртки.

— Хватайте его, трусливые псы! — вопил не переставая барон. — Неужели вы боитесь оцарапаться о его стрелы?

— Хороша царапина! — прошептал один из оставшихся солдат. Никто из них не проявлял желания последовать за своим товарищем на тот свет.

— Подмога! — закричал другой солдат, приподнявшись на стременах. — Подмога! Черт возьми, да это же Лэмбик!

В конце дороги показались скакавшие во весь опор Лэмбик и его отряд. Сержант так торопился доложить его светлости о своих успехах, что впопыхах не заметил Робина.

— Мы не нашли беглецов, монсьеор! — весело закричал он. — Но в отместку сожгли дом.

— Прекрасно, — отозвался Фитц Олвайн. — Но посмотрите-ка на этого медвежонка. Мои трусы боятся обуздать его.

— Ну, вот и встретились! — воскликнул Лэмбик, узнав дьяволенка, который факелом попалил его лицо. — Так вот ты где, дикий жеребенок! Вот я тебя сейчас обуздаю! Знаешь ли ты, что я побывал в твоей конюшне? Я рассчитывал встретиться там с тобой и, признаться, был очень раздосадован, что не нашел тебя в гнезде. Ты бы полюбовался на костер и потанцевал в пламени со своей мамашей. Но утешься! Тебя там не было, и поэтому я не захотел подвергать бедную старушку ненужным страданиям. Перед тем как поджечь дом, я убил ее...

Это были его последние слова. Страшно закричав, Лэмбик выпустил из рук поводья и упал с лошади — стрела пронзила его горло.

Невыразимый ужас охватил свидетелей этой мести. Они не могли пошевелиться.

Несмотря на поразившее его смертельное горе, Робин, взвалив Кристabelle на плечи, поспешил скрыться в чаще.

— Скажите, бегите за ним! — кричал барон в приступе ярости. — Хватайте его, бездельники! Всех перевешаю, если упустите!

Солдаты бросились в погоню за Робинот. Расстояние между ними неуклонно сокращалось. Робин с трудом шел вперед, тяжелая ноша пригибала его к земле, он чувствовал тщетность своих усилий. И в довершение всего, девушка начала приходить в чувство, она судорожно двигалась и испускала пронзительные крики. Это замедляло шаг Робина. Он хотел спрятаться в зарослях, но подумал, что бесполезно: крики Кристабель быстро привлекут внимание преследователей.

«Ну, что же! Если мне придется умереть, я дорого продам свою жизнь».

Он искал глазами удобное место, чтобы положить там Кристабель. А после он даст последний бой солдатам барона.

Самым лучшим укрытием для невесты Аллана ему показались заросли кустарника, окруженные молодой порослью деревьев. Он положил Кристабель у подножия вяза, росшего посреди зарослей. Склонившись над ней, он заклинал ее не шевелиться и сдерживать крики... Перед его глазами стояла страшная картина: родной дом, охваченный пламенем, и умирающие страшной смертью Джилберт и Маргарита.

Г Л А В А XVI

Погоня неотвратимо приближалась. Солдаты шли осторожно, останавливаясь на каждом шагу и прячась за кустами. Барон запретил им пользоваться луками: стрела могла нечаянно попасть в его дочь и ранить ее.

Этот приказ не нравился солдатам. Они понимали, что Робин не позволит им приблизиться на длину полета копья и, прежде чем он будет схвачен, а Кристабель освобождена, многие из них погибнут.

«Если они догадаются окружить меня,— подумал Робин,— ничто меня уже не спасет».

Через просвет в листве он видел Фитц Олвайна, и в его сердце зародилась жажда мести.

— Робин,— прошептала девушка,— я чувствую, что вынесу любое горе. Скажите, что случилось с моим отцом. С ним не случилось никакого несчастья?

— Никакого несчастья, миледи,— вздрогнув, ответил Робин,— но...— И пальцем прикоснулся к тетиве лука.

— Но что?..— вскричала Кристабель, насмерть перепуганная мрачным жестом.

— Несчастье случилось со мной. Со мной! Ах, миледи, если бы вы знали...

— Где мой отец, мессир?

— В нескольких шагах от нас,— холодно ответил Робин,— и его светлости известно, где мы прячемся. Но его солдаты не осмеливаются напасть на нас, они боятся моих стрел... Слушайте меня внимательно, миледи,— продолжал Робин после непродолжительного размышления,— мы неизбежно попадем в их руки, если останемся здесь. У нас есть только один выход из этого положения — бегство. Мы должны скрыться незаметно. Мы должны быть решительными и хладнокровными, а еще полагаться на Божью помощь. Только тогда нам повезет. Слушайте, слушайте внимательно. Если вы будете так дрожать, то не сможете понять меня. Вот что нам нужно сделать: закутайтесь в плащ — его темный цвет позволит вам остаться незаметной — и бегите, пригнувшись к земле, а если будет надо, ползите.

— У меня нет больше сил, мужество оставило меня,— плакала Кристabelle.— Я не сделаю и двадцати шагов, как они убьют меня. Спасайтесь, мессир, и забудьте обо мне. Вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы я смогла встретиться с моим возлюбленным, но Богу это не было угодно. Да свершится Его святая воля. Я благословлю вас Его святым именем! Прощайте, мессир... бегите. Скажите моему дорогому Аллану, что отцу недолго осталось мучить меня. Мое сердце разбито, жизнь потеряла для меня всякий смысл. Я скоро умру. Прощайте.

— Нет, миледи,— ответил ей отважный юноша,— нет, я не брошу вас на произвол судьбы. Я обещал мессире Аллану привести вас к нему и выполню это обещание, если не погибну. Мужайтесь, миледи. Быть может, Аллан уже где-то здесь, близко. Они наверняка уже увидели мою стрелу и теперь ищут нас. Бог нас не оставил.

— Аллан! Аллан! Где вы? — в отчаянии воскликнула леди Кристabelle.

Стоя на коленях, Кристabelle простирала руки к небу, моля его о помощи и защите. И, словно в ответ на эту мольбу, откуда-то издали послышался волчий вой. Робин покраснел от радости и, приложив руки ко рту, повторил этот призыв.

— Они спешат нам на помощь,— сообщил он Кристabelle.— Они идут, миледи. Этот вой — наш условный сигнал. Я ответил на него, и наши друзья спасут нас. Вот

видите, Бог милостив. Я им сейчас передам, чтобы они поторопились.

И он издал крик цапли, преследуемой хищником.

— Это значит, миледи, что мы в опасности.

Совсем близко послышался такой же крик испуганной цапли.

— Это Уилл, мой друг Уилл! — воскликнул Робин. — Мужайтесь, миледи! Спрячьтесь в зарослях, там вы будете в безопасности. Не дай Бог, если в вас попадет шальная стрела.

Сердце девушки разрывалось на части, но, поддерживаемая надеждой на скорую встречу с Алланом, она повиновалась и спряталась в густых зарослях.

А Робин громко закричал и одним прыжком оказался за другим деревом. Отвлекая внимание на себя, он спасал Кристabelle.

И стрела не замедлила вонзиться в кору дерева, за которым он спрятался. Робин засмеялся и ответил стрелой на стрелу. Один солдат упал мертвым.

— Вперед, вы, дураки и трусы, вперед! — вопил Фитц Олвайн. — Не то он вас всех перебьет по одному.

Прячась за деревьями, барон посылал своих солдат под стрелы Робина. Внезапно обрушившийся на солдат град стрел возвестил приход Маленького Джона, семи братьев Гэмвелл, Аллана Клэра и монаха Тука.

При виде этого отважного подкрепления солдаты ноттингемского барона бросали оружие и сдались на милость победителя. Только один барон не пожелал капитулировать. Покраснев, он обратился в позорное бегство.

А Робин бросился на поиски Кристabelle, которая, забыв от страха его советы и, может быть, по воле рока, бежала, не останавливаясь.

Робин легко нашел ее следы, но тщетно он звал ее, ему отзывалось только эхо. Он ругал себя за непредусмотрительность, как вдруг до него донеслись крики отчаяния. Он побежал в том направлении, откуда слышались эти крики, и увидел, как солдат барона схватил Кристabelle за талию, поднял ее и посадил впереди себя на лошадь. Ему вдогонку полетели смертоносные стрелы. Одна из них попала в лошадь. Животное встало на дыбы и упало, а солдат и Кристabelle рухнули в придорожную пыль.

Солдат оставил Кристabelle и, вынув меч из ножен, огляделся вокруг в поисках того, кто убил лошадь. Но так и не увидел своего врага: пронзенный стрелой, он замертво

упал рядом с Кристабель. Робин подхватил Кристабель на руки и отнес ее в сторону, чтобы она не испачкалась в крови, которая лилась ручьем из головы убитого.

Когда Кристабель открыла глаза, первое, что она увидела, было склонившееся над ней благородное лицо Робина. Она покраснела и, протянув ему руку, сказала:

— Благодарю вас.

В этих простых словах слышалась такая искренняя признательность, такое глубокое волнение, что Робин вспыхнул от смущения и поцеловал протянутую ему руку.

— Почему вы так далеко убежали, миледи, и как получилось, что вы попали в руки этого негодяя? Остальные ведь побросали оружие и просят пощады у мессира Аллана.

— Аллан!.. Этот солдат узнал меня и с криком: «Сто золотых экию! Ура! Сто золотых экию!» схватил и посадил перед собой на лошадь. Но вы сказали, что Аллан...

— Я сказал, что мессир Аллан Клэр ждет вас.

Забыв об усталости, девушка как на крыльях полетела навстречу своему жениху, увидела рыцаря в окружении незнакомых людей и оробела.

Робин взял Кристабель за руку и подвел ее к своим друзьям. Все расступились перед ними. От счастья Аллан потерял дар речи, он обнял леди Кристабель, прижал к своей груди и покрыл ее лоб нежными поцелуями. А Кристабель, трепещущая, не помнящая себя от радости, не верила своему счастью. Аллан держал в руках ее полубезжизненное тело. Жили только ее сияющие глаза, дрожащие губы и готовое вырваться из груди сердце.

Жизнь возвращалась к ним со слезами. То были слезы счастья, слезы облегчения. Безмолвно переговаривались они взглядами, слова были бессильны передать, как они любят друг друга.

Свидетели удивительного слияния двух любящих душ были потрясены. Эта неземная любовь возбудила в сердце Мод чувство, похожее на зависть. Она подошла к Робину, взяла его руки в свои и хотела улыбнуться ему, но вместо этого из ее глаз закапали крупные слезы и, подобно каплям дождя по листьям, потекли по бархатным щечкам.

— Как там моя матушка? Что с Джилбертом? — спросил юноша у Мод, взволнованно сжимая ее руки в своих ладонях.

Мод, дрожа, поведала Робину, что к Джилберту и Маргарите пошел Хэлберт.

— Маленький Джон, — произнес Робин, — сегодня утром ты был у моего отца. Не случилось ли с ним несчастья?

— Никакого, дружище. Но он вел себя довольно странно. Я потом все тебе расскажу. К тому времени, когда я покинул ваш дом, а это было в два часа пополудни, он успокоился и чувствовал себя хорошо.

— Что тебя так обеспокоило, Робин? — спросил подошедший Уилл. Его как магнитом тянуло к Мод.

— Мое беспокойство порождено очень серьезными причинами. Сержант барона Фитц Олвайна сказал мне, что сегодня утром он сжег дом моего отца и бросил в пламя мою матушку.

— И что ты ему ответил? — взволнованно спросил Маленький Джон.

— Я ничего ему не ответил, я убил его... Правду ли он сказал или солгал? Я пойду домой. Я хочу видеть батюшку и матушку, — сказал Робин со слезами на глазах. — Сестренка Мод, идем домой.

— Мисс Мод — твоя сестра? — вскричал Уилл. — Вот уже восемь дней, как я не слышал ничего более приятного.

— Восемь дней назад у меня еще не было сестры, милый Уилл... а сегодня я имел счастье обрести сестренку, — возразил Робин, пытаясь улыбнуться.

— Как бы я хотел, чтобы мой сестры были во всем похожи на вас, барышня, — любезно сказал Уилл.

Робин с любопытством посмотрел на Мод.

Девушка заливалась горючими слезами.

— А где твой брат Хэлберт? — спросил ее Робин.

— Я же вам уже сказала, Робин, что Хэл пошел к вашим родителям.

— Клянусь душой, мне кажется, что я его вижу! — воскликнул монах Тук. — Смотрите...

И правда, это был Хэл. Он приближался во весь опор на лучшей лошади баронских конюшен.

— Смотрите, друзья! — с гордостью воскликнул парень. — Смотрите! Хотя я и откололся от вас, но и мне пришлось подрасться. И вот мой трофей — во всем графстве нет лучшей лошади. Ах! Так вы и вправду поверили мне, что я сражался? Ничего такого не было. Эта лошадь паслась на лесной поляне. Всадника поблизости не было, и я взял ее.

Робин улыбнулся, узнав лошадь барона, в которую он несколько часов назад всадил стрелу.

В те времена крупные феодальные владетели жили как самовластные государи, воевали между собой, грабили, разбойничали на больших дорогах, убивали, несправедно решали

дела в феодальных судах. Графство шло на графство, замок на замок, деревня на деревню. Выиграв или проиграв кампанию, победители и побежденные уползали в свои норы зализывать раны, но при первой же возможности боевые действия разгорались с новой силой.

Ноттингемский барон, побежденный и избитый, и не думал складывать оружие. Его помилованные солдаты возвращались в замок своего господина. В ночной кампании была задействована незначительная часть ноттингемского гарнизона, а союзниками Аллана Клэра и Робина были только хозяева замка Гэмвелл. Этим сил было явно недостаточно для продолжительной борьбы с таким могущественным противником, как барон Фитц Олвайн. Чтобы выиграть, они должны были компенсировать свою малочисленность хитростью, осторожностью, неутомимостью, а еще смелостью и отвагой.

Пока барон в компании двух или трех солдат с позором возвращался в свой замок, наши друзья держали совет. Присутствие Кристabelle и Мод помешало им броситься в погоню за побежденным на этот раз врагом.

Было решено, что мессир Аллан и Кристabelle в сопровождении семи братьев Гэмвелл и Маленького Джона немедленно отправятся в лесной замок сэра Гая Гэмвелла, а Робин, Мод, Тук и Хэлберт поспешат к дому Джильберта. Они договорились, что вечером обменяются посланиями и при необходимости объединятся для отражения нападения.

Уильям, влюбившийся в Мод по уши с первого взгляда, употребил все свое красноречие, чтобы убедить девушку, что она непременно должна сопровождать свою госпожу. Но Мод уже всерьез вошла в свою новую роль сестры Робина и ни за что не хотела оставлять своего названного брата. Тогда хитроумный влюбленный взял себе в союзники Кристabelle, и Мод была вынуждена подчиниться.

— Робин, — произнес Аллан Клэр, — Робин, рискуя своей жизнью, вы спасли меня и леди Кристabelle. Вы стали мне больше, чем друг. Вы теперь мой любимый брат. А у братьев все общее. Я отдаю вам свое сердце, а если нужно, отдам и свою кровь. Мое состояние, все, что мне принадлежит, — ваше. Моя благодарность умрет только со мной. Прощайте.

— Прощайте, мессир.

Они обнялись, и Робин почтительно поднес к своим губам белые пальчики прекрасной невесты рыцаря.

— Прощайте все! — сказал Робин, посылая последний привет братьям Гэмвелл.

— Прощай! — ответили они, махая шапками.

— Прощайте,— прошептал нежный голосок.— Прощайте!

— До свидания, милая Мод, до свидания! Не забывай своего брата!

Аллан и Кристабель сели верхом на коня барона и первыми двинулись в путь.

— Пусть защитит их Пресвятая Дева,— печально проговорила Мод.

— Главное, что лошадь идет прекрасно,— откликнулся Хэлберт.

— Какой же ты еще ребенок! — прошептала девушка и глубоко вздохнула.

Благородное животное, несшее на себе леди Кристабель и Аллана, бежало крупной рысью, но очень мягко, каждое его движение было исполнено осторожности и легкости. Оно как будто гордилось своей драгоценной ношей. Уздечка свободно лежала на грациозно изогнутой шее коня, но он так аккуратно ступал, избегал кочек и других неровностей дороги, словно боялся тряской прервать разговор влюбленных.

Время от времени рыцарь поворачивал назад голову, и его слова сливались со словами Кристабель, которая, чтобы крепче держаться в седле, обвила обеими руками стан всадника.

Что они могли сказать друг другу после такой ужасной ночи? Только то, что им подсказывал восторг любви и грядущего счастья. Одних счастье делает красноречивыми, другие, наоборот, переживают его безмолвно.

Кристабель укоряла себя за свою жестокость, как она считала, по отношению к отцу. Она боялась, что весь мир будет порицать ее и отвергнет за то, что она осмелилась бежать из отцовского дома с тем, кого любила больше всего на свете. Она опасалась, что и сам Аллан будет презирать ее за это. Какое же она получила удовольствие и удовлетворение, когда рыцарь развеял в прах ее угрызения совести и страхи!

— Что с нами станется, если мой батюшка разлучит нас, дорогой Аллан?

— Это не так просто, обожаемая Кристабель. Скоро вы станете моей женой не только перед лицом Бога, что уже случилось сегодня, но и в глазах людей. У меня тоже будут солдаты,— с гордостью добавил молодой рыцарь,— и насколько не хуже тех, которые служат вашему батюшке.

Забудем все горести и заботы, дорогая Кристабель, будем наслаждаться нашим счастьем, и да смилуется над нами Бог.

— Господи, сделай так, чтобы батюшка простил нас.

— Если вы, моя любимая, опасаетесь жить вблизи от Ноттингема, мы уедем далеко отсюда, на южные острова. Там безоблачное небо, ярко сияет солнце, много цветов и фруктов. Скажите только слово, и я найду для вас земной рай.

— Вы правы, дорогой Аллан, мы будем счастливее где-нибудь там, далеко-далеко от холодной Англии.

— И вы без сожаления покинете Англию?

— Без сожаления! Чтобы быть с вами, я покинула бы небо,— с нежностью сказала Кристабель.

— Прекрасно! Как только обвенчаемся, мы отправимся жить на континент. И Марианна с нами.

— Тихо! — воскликнула девушка.— Прислушайтесь, Аллан. Нас преследуют.

Рыцарь остановил коня. Кристабель не ошиблась. Топот конских копыт приближался. Все ближе и ближе, все слышнее и слышнее.

— Нас преследует рок! Зачем мы опередили Гэмвеллов? — прошептал Аллан. Он дал шпоры коню, чтобы свернуть в сторону и спрятаться в лесных зарослях. Но в этот момент из дупла соседнего дерева вылетела сова. Она на лету коснулась крылом ноздрей коня, который, послушный сигналу всадника, сворачивал в заросли. Испуганное животное обезумело и, вместо того чтобы повиноваться Аллану, понеслось во весь опор по дороге.

— Мужайтесь, Кристабель! — кричал рыцарь, тщетно пытаясь укротить коня.— Мужайтесь! Крепче держитесь! Один поцелуй, Кристабель, и да спасет нас Бог!

Отряд всадников, одетых в цвета барона Фитц Олвайна, выстроившись в линию, перегородил дорогу. Повернуть обратно было невозможно. Только прорвав на всем скаку строй солдат, можно было надеяться на спасение.

Аллан пришпорил коня и, разогнав его, подобно молнии разрушил преграду.

— Кругом! — скомандовал командир отряда. Он не ожидал такого дерзкого маневра.— Цельтесь в коня! — вопил он.— И горе тому, кто ранит миледи.

Стрелы градом падали вокруг Аллана, но благородное животное не замедлило свой бег, а Аллан не потерял мужества.

— Ад и пламя! — закричал командир. — Они ускользнут от нас! Стреляйте в ноги лошади! В ноги!

Через несколько минут всадники окружили беглецов, которые вместе с убитым коном упали на придорожную траву.

— Сдавайтесь, рыцарь! — насмешливо поклонившись, предложил командир отряда Аллану.

— Никогда! — ответил рыцарь. Он вскочил на ноги и выхватил из ножен меч. — Никогда! Вы убили леди Фитц Олвайн, — добавил он, показывая на лежавшую у его ног Кристабель. — Я отомщу за нее и умру.

Недолго длился этот неравный бой. Израненный Аллан упал, а солдаты поскакали в Ноттингем, увозя с собой безутешную леди Кристабель.

Уильям почувствовал угрызения совести и присоединился к Робину. Он не мог оставить товарища в беде, но рассчитывал быстро вернуться в лесной замок, где его радостно встретит, как он думал, прелестная мисс Линдсей.

Но Маленький Джон остановил его.

— Будет лучше, — сказал он, — если ты сам введешь в наш замок мессира Аллана и леди Кристабель. А я пойду с Робинем.

Уильям согласился с ним. Он считал невозможным отказать от выполнения обязанностей, которые налагала на него дружба.

Тогда-то и опередили Аллан с Кристабель братьев Гэмвелл. Робин же, чтобы скоротать себе дорогу, некоторое время шел вместе со всеми.

Оживленно разговаривая, молодые люди подошли к перекрестку лесных дорог, где Робин должен был расстаться с друзьями. Невдалеке, на зеленой поляне, его поджидал брат Тук, погруженный в нерадостные раздумья о жестокой Мод. Несчастный Тук!

Не успели друзья распрощаться, как вдруг зоркие глаза одного из братьев Гэмвелл заметили распростертое на траве безжизненное тело какого-то человека.

— Солдат барона! — сказал один.

— Убитый Робинем! — добавил другой.

— Да поможет нам небо! Какое ужасное несчастье! — вскричал Робин. Он сразу узнал в этом человеке Аллана Клэра. — Ах, друзья мои, смотрите... трава утоптана конскими копытами. Здесь сражались... Господи! Господи! Он, может быть, умер... а леди Кристабель, что с ней случилось?

Все окружили бесчувственное тело рыцаря.

— Успокойтесь, он не умер! — воскликнул Тук, осматривая лежащего.

— Слава Богу! — перекрестились все.

— Кровь вытекает из этой раны на голове.. сердце бьется. Аллан, мессир рыцарь, вы среди друзей, очнитесь.

— Надо искать леди Кристабель,— сказал Робин.

Сладостные звуки этого дорогого имени, произнесенного Робинем, совершили чудо — к Аллану возвратилась почти угасшая жизнь.

— Кристабель,— прошептал он.

— Не беспокойтесь за нее, мессир,— ответил ему монах, собиравший на поляне целбные растения, необходимые для лечения раны.

— Вы сможете исцелить его? — спросил Робин монаха.

— Разумеется. Сейчас я наложу повязку, и мы перенесем его на носилках в замок Гэмвелл.

— Ну, прощайте, мессир Аллан,— произнес Робин, склонившись над раненым.— До скорой встречи.

Аллан ответил ему слабым вздохом.

В то время как сильные руки братьев Гэмвелл бережно несли в замок несчастного Аллана Клэра, Робин, охваченный все возрастающей тревогой за судьбу самых дорогих ему людей, бежал, не разбирая дороги, напрямик, к дому своего приемного отца. Несчастья Аллана разрывали ему сердце, он проклинал расстояние и пространство, он молил Бога дать ему крылья, чтобы быстрее ласточки покрыть это расстояние и сжать в своих объятиях Маргариту и Джильберта, убедиться, что они живы-здоровы и с ними не случилось никакой беды.

— Какие же у тебя быстрые ноги! Ну, прямо, как у оленя! — сказал Маленький Джон, едва поспевая за ним.

— Когда предчувствуешь горе, ноги обретают крылья,— ответил ему Робин.

Но вот чаща поредела, и они вышли на ольховую лощину, которая вела к дому Джильберта. Ужасные слова Лэмбика оказались правдой. Густое облако черного дыма еще клубилось над вершинами деревьев, воздух был отравлен запахом гари.

Крик отчаяния вырвался из груди Робина. В нескольких шагах от закопченных развалин, там, где еще вчера светился окнами домик счастливой семьи, стоял на коленях Джильберт и судорожно сжимал в своих объятиях бездыханное тело Маргариты.

— Батюшка! Батюшка! — закричал Робин.

Неразборчивое глухое восклицание сорвалось с губ Джильберта. Он поднялся, сделал несколько шагов и, рыдая, упал на руки потрясенного Робина.

Но природная жизненная энергия старого крестьянина помогла ему на время преодолеть горе. Подавив рыдания и осушив слезы, Джильберт твердым голосом сказал:

— Робин, ты законный наследник графа Хантингдонского. Не дрожи так... Это правда. Ты скоро станешь могущественным. Пока я дышу, моя жизнь принадлежит тебе. Ты можешь рассчитывать на мою поддержку и преданность. А теперь посмотри, посмотри сюда... Мертвая, убитая негодяем... Это та, которая искренне и нежно любила тебя как родного сына.

— Ах, Господи! Как она меня любила, — прошептал Робин, падая на колени возле тела Маргариты.

— Вот что осталось от твоей матери — холодный труп. Вот что осталось от твоего родного дома — руины. Граф Хантингдонский, ты отомстишь за свою мать?

— Отомщу! — Он гордо выпрямился и добавил: — Граф Хантингдонский раздавит барона Ноттингемского, и богатое жилище благородного лорда будет уничтожено пламенем, как был уничтожен скромный домик неизвестного лесничего!

— И я клянусь, — сказал Маленький Джон, — что буду до конца преследовать Фитц Олвайна и его подлых сторонников. Они не будут знать ни сна, ни отдыха.

На следующий день Линкольн и Маленький Джон перенесли останки Маргариты в лесной замок. Она была похоронена на деревенском кладбище Гэмвеллов.

Памятные события этой страшной ночи сблизили героев нашего повествования. Их общей святой целью стала месть барону Фитц Олвайну.

Г Л А В А XVII

Через несколько дней после похорон несчастной Маргариты Аллан Клэр рассказывал своим друзьям, при каком неожиданном стечении обстоятельств он был снова разлучен с леди Кристabelle.

Хэлберт, посланный в замок печальным влюбленным, надежды которого на счастье снова рушились, принес весть, что Фитц Олвайн увез свою дочь в Лондон, а из Лондона

они, возможно, отправятся в Нормандию, куда барона, по слухам, призывают неотложные дела.

Это было так неожиданно, так ошеломляюще, что молодой рыцарь впал в отчаяние. Глубокое и сильное, это отчаяние сломило Аллана. Чтобы его успокоить, Марианна, Робин и сыновья сэра Гая исчерпали все нежные слова и уверения, которые они знали. И тогда Робин дал ему совет. Он сказал:

— Аллан должен последовать за Фитц Олвайном в Лондон, а оттуда в Нормандию.

Этот совет вселил проблеск надежды в разбитое сердце Аллана. Все члены семьи Гэмвелл поддержали Робина.

Распрощаемся с Алланом, пустившимся в опасное путешествие на поиски леди Кристабель, и останемся с Робинсом Гудом, а вернее — с молодым графом Хантингдонским.

Прежде чем подать в суд иск о восстановлении в правах наследования его приемного сына, Джильберт счел нужным обстоятельно посоветоваться с сэром Гаем Гэмвеллом. Он полностью пересказал ему историю, поведенную умирающим Ритсоном. Сэр Гай сообщил старому Джильберту, что матерью Робина была дочь его брата Гая Ковентри. Следовательно, Робин приходился ему внучатым племянником, а не внуком, как понял Джильберт со слов Ритсона. К несчастью, сэр Гай Ковентри давно умер, а его сын, единственный отпрыск младшей линии семьи Гэмвелл, отправился воевать в Святую Землю.

— Но,— сказал баронет,— отсутствие этих родственников не должно служить препятствием тому, что вы задумали делать, славный Джильберт. Мое сердце, мой меч, мое состояние, мои дети принадлежат Робину. Я всем своим старым сердцем желаю быть ему полезным, желаю помочь восстановиться в правах, которые даровал ему Господь.

Иск Робина о восстановлении его в правах владельца графства Хантингдонского был подан в суд. Состоялось судебное рассмотрение этого иска. Ответчик, аббат Рэмсей, служитель богатой и могущественной Церкви, энергично отвергал иск и обвинил Джильберта во лжи. В качестве свидетеля судьи призвали шерифа, которому господин де Бозан передал деньги для выплаты Джильберту на содержание Робина. Но этот человек был душой и телом предан бессовестному аббату, присвоившему титул и состояние графов Хантингдонских. Он поклялся, что

никогда раньше не видел Джильберта и никаких денег ему не выплачивал.

Единственным человеком, свидетельствовавшим в пользу Робина, его единственным покровителем был Джильберт — слабая опора, чтобы выиграть процесс у такого высокопоставленного противника, каким был аббат Рэмсей. Сэр Гай Гэмвелл засвидетельствовал под присягой, что дочь его брата действительно исчезла из Хантингдона за год до рождения Робина. Но этим и ограничились факты, которые мог привести старый баронет в своих свидетельских показаниях. Робину удалось заинтересовать судей, преодолеть их сомнения относительно законности своих прав, но на его пути стояли непреодолимые материальные препятствия.

Значительное расстояние, разделяющее Хантингдон и Ноттингем, отсутствие военной поддержки помешали Робину водвориться в хантингдонском замке силой оружия. В те времена подобный способ решения споров был вполне допустим. Поэтому Робин был вынужден терпеливо сносить наглые выходки своего врага и искать мирные, законные пути, чтобы добиться успеха и отвоевать, не вступая в открытый бой с захватчиком, свое наследное графство. Наиболее разумный путь предложил сэр Гай. По его совету Робин обратился непосредственно к правосудию короля Генриха Второго.

Прошло шесть лет. Шесть лет, заполненных тоскливым ожиданием. Процесс то возобновлялся, то прекращался, в зависимости от расположения или нерасположения судей и адвокатов вести тяжбу. Для обитателей замка Гэмвелл эти тревожные шесть лет пролетели как один день.

Робин и Джильберт жили в гостеприимном замке сэра Гая. Несмотря на любовь и нежные заботы сына, от Джильберта, жизнерадостного Джильберта осталась только тень. Маргарита унесла с собой в могилу его душу и веселье.

Марианна тоже гостила в лесном замке. Свою двадцатую весну девушка встречала в расцвете красоты и очарования. Она была окружена почтительной любовью мужчин и самоотверженными, нежными заботами женщин. Для полного счастья Марианне не хватало только присутствия ее горячо любимого брата. Аллан жил во Франции. Обрел ли он, наконец, свое счастье, собирается ли в ближайшее время вернуться в Англию — ничего этого он не писал в своих редких письмах.

Никто в замке так не восхищался физическим и нравственным совершенством Марианны, как Робин, никто не боготворил ее так, как он. Но это обожание не проявлялось

ни взглядом, ни словом, ни жестом. Своей замкнутостью, своим стремлением к одиночеству девушка внушила Робину уважение к себе, он почитал ее, как, может быть, только мать. Самые нежные признания в любви так и остались в его сердце, неуверенность в будущем не позволяла Робину предложить любимой девушке свое сердце и руку.

Да и снизошла бы благородная сестра Аллана Клэра до никому не известного Робина Гуда?

Самый внимательный наблюдатель не смог бы разгадать думы Марианны, понять ее душевные переживания. Какое место занимал Робин в ее сердце? Замечала ли она страстную любовь, которой окружил ее этот молчаливый юноша?

Нежный голос Марианны для всех звучал одинаково. В отсутствие Робина ее чело не покрывалось бледностью, печаль не заволакивала глаза, а его неожиданное возвращение не повергало ее в душевное смятение. При встрече с ним ее щеки не покрывались румянцем радости. Ни разу у них не было ни доверительной беседы, ни случайной встречи. Меланхоличная, но не грустная Марианна, казалось, жила только воспоминаниями о брате, надеждой узнать наконец, что Аллан может открыто объявить всем о своей любви.

Обитатели замка Гэмвелл образовали вокруг Марианны нечто вроде двора. Она не была ни гордой, ни высокомерной, и это привлекало к ней сердца. Сестра Аллана Клэра царила в лесном замке не только по праву своей божественной красоты, но и по праву непререкаемого душевного превосходства над окружающими, всеми признанного и почитаемого.

Мод Линдсей тоже жила в лесном замке. Ее отец умер от горя пять лет назад, и ей не к кому было возвращаться в ноттингемский замок. Она опасалась показываться на глаза барону и поэтому не могла последовать за своей госпожой во Францию.

Молочный брат Мод, маленький милый Хэл, сумел оправдаться перед бароном и служил в его замке охранником. Много раз у него возникало желание отказаться от службы, и каждый раз он со вздохом подавлял это желание. Крепче самой прочной цепи приковывала его Грас Мэй к замку старого лорда. Стоило ему посмотреть в ее хорошенькие глазки, и он тотчас же забывал о своем стремлении разорвать цепь. Со смешанным чувством радости и грусти тянул влюбленный Хэл свою лямку и, чтобы утешиться, время от времени навещал своих друзей в их лесном замке. Веселые сыновья сэра Гая давно уже заметили, что, переступая порог их дома, парень неизменно произносил такие слова:

— Сестрица Мод, Грас Мэй попросила меня поцеловать вас за нее.

Мод подставляла ему свои губки. Весь день проходил в играх, веселых проделках, болтовне. Покидая замок, Хэл говорил тем же тоном, что и по приходе:

— Сестрица Мод, разрешите снять с ваших губок поцелуй для Грас Мэй.

Мод подставляла ему губки для прощального поцелуя, и веселый Хэл отправлялся в Ноттингем.

Как же он любил свою прелестную невесту, этот честный и добрый парень!

А наш друг Джиль Шерборн, он же веселый монах Тук, понял наконец, что навсегда потерял хорошенькую Мод. Ее безразличие прикрывалось холодной вежливостью. Сделав такое открытие, Тук горько жаловался на женское непостоянство вообще и на непостоянство Мод в частности. Наконец жалобы, стенания, сожаления и слезы приглушили любовные страдания Тука, и он поклялся, что никогда больше не впустит ни одну женщину в свое сердце, что никогда не будет ничего любить, кроме хорошей еды и выпивки, отчаянной драки на дубинках, добавив, что предпочитает наносить удары, а не получать их. Эту свою клятву Тук подкрепил обильным завтраком с невероятным количеством эля, к которому опечаленный монах присоединил полдюжины стаканов старого вина. Победоносно расправившись с сытной трапезой, Тук вышел из залы для гостей и, даже не взглянув на Мод, которая печально стояла у окна, даже не попрощавшись с гостеприимными хозяевами, величественно удалился из замка Гэмвелл.

Мод любила, ее сердце было отдано Робину. Но когда бедная девушка познакомилась с Марианной и, живя рядом с ней, смогла оценить ее редкие душевные качества, она поняла Робина и простила ему безразличие. И не только простила, но и безропотно покорилась судьбе, без всякой задней мысли, без надежды на будущее приняла на себя роль сестры Робина. С тонкой проницательностью влюбленной женщины она проникла в сердечную тайну Марианны. Эта тайна, не ведомая даже тому, кого она в первую очередь касалась, недолго оставалась за семью печатями для Мод. За внешним безразличием Марианны, в ее спокойных глазах Мод прочитала то, что сделало бы юношу счастливейшим из людей, будь он таким же проницательным, как его названная сестра: «Я люблю Робина».

Мод пыталась заглушить свою мечту под гнетом реальных фактов, изгнать из своего сердца нежно лелеемый дорогой образ, который был ее счастьем и звался Робинот Гудом. Она смеялась сквозь слезы и казалась всем веселой и беззаботной. Эта внутренняя борьба сердца и рассудка иссушала Мод, ее очаровательное личико блекло. Некогда свежая и прелестная дочь старого Линдсея неузнаваемо изменилась, страдание стерло румянец с ее щек, притушило блеск глаз. Все считали, что Мод слишком убивается из-за смерти любимого отца.

Среди тех, кто развлекал Мод, старался отвлечь ее от тяжелых переживаний, был веселый, жизнерадостный, предупредительный парень с легким характером. Никто не заботился о бедной девушке так, как этот парень. Весь день он сновал из дома в сад, из сада в поля, с поля в лес и всегда возвращался с каким-нибудь трогательным подарком для Мод. Лучшей наградой ему было видеть на лице девушки довольную улыбку. Этим преданным другом Мод был не кто иной, как наш старый добрый знакомый Уилл Пунцовый.

Каждую неделю с завидным постоянством Уильям объяснялся Мод в любви. И с такой же регулярностью и постоянством Мод отвергала его любовь.

Но это не обескураживало Уилла, он не терял ни мужества, ни терпения. С понедельника до субботы он безмолвно вздыхал по Мод, но в воскресенье он уже не мог сдержать свою любовь, и она, подобно всепожирающему пламени, прорывалась наружу. Спокойные отказы Мод, словно ушат холодной воды, тушили это пламя, Уилл умолкал, успокаивался, но только до следующего воскресенья. В этот день отдыха он мог без помех изливать свои сердечные чувства.

Душевная деликатность не была свойственна молодому Гэмвеллу, и поэтому он никак не мог понять, почему Робин до сих пор не объяснился Марианне в любви. Уилл не одобрял подобное поведение своего друга и следовать его примеру не собирался. Он никогда не упускал случая сообщить Мод, как крепко и нежно она любима им, Уильямом Гэмвеллом.

Как магнитом притягивала Мод к себе Уильяма, ни одну женщину во всем мире не смог бы он полюбить так, как любил Мод. Мод была светом его очей, его радостью, счастьем, мечтой, надеждой. Уилл назвал ее именем свою любимую охотничью собаку и свое лучшее оружие. Его лук

звался Мод, копые — беленькой Мод, а стрелы — тоненькими Мод. Уильям вздумал приобрести лошадь жениха Грас Мэй и только потому, что эта лошадь носила имя его богини. Но Хэл ни за какие деньги не хотел продавать свою любимицу. Тогда несчастный влюбленный побежал в Мансфельд, купил там великолепную кобылу и дал ей имя своей несравненной Мод. Очень скоро имя мисс Линдсей стало известно далеко за пределами замка Гэмвелл. Это имя было постоянно на устах Уильяма, он произносил его не менее двадцати раз в час и всегда с выражением почтительной нежности. Но это было еще не все. Когда среди любимых им животных и окружающих предметов не осталось ни одного, не названного именем девушки его мечты, Уильям принялся крестить этим именем все нравившиеся ему вещи.

Наивный парень так идеализировал Мод, что уже не воспринимал ее как земную женщину. Она была в его глазах ангелом, богиней, высшим, сверхъестественным существом, каких больше не было не только на земле, но и на небе. Одним словом, Уилл сотворил себе из мисс Линдсей кумира.

Прошло время, и искренняя, но причудливая любовь необузданного сына старого баронета заронила искру ответного чувства в сердце мисс Линдсей.

Женщины редко остаются равнодушными к любящим их мужчинам, особенно если видят, что любовь бескорытна и исходит из преданного сердца. Уилл был неизменно предупредителен, любезен, приветлив, мил, а лучшей наградой ему была радостная, счастливая улыбка Мод. Девушка была благодарна ему за эту беззаветную нежность, пусть шумную, но проникнутую страстью и уважением. Любовь Уильяма не была облагорожена изяществом — обязательным проявлением этого нежного чувства, как считают чувствительные души, но это было только потому, что изящество и деликатность не совместимы с необузданностью характера.

Мод был известен горячий, пылкий нрав Уилла. Но она по достоинству оценила силу и великодушие его сердечной доброты. Из признательности, а может быть, из ответного великодушия Мод искала случая вознаградить Уилла за его заботу и преданность. Она не кокетничала с ним и не вселяла в него ложную надежду, но окружила его истинно материнской заботой, дружеским вниманием, предупредительностью и нежностью. Но Уилл, к сожалению, неправильно это истолковал. Он приходил в восторг от одного

сердечного слова, ласкового взгляда было достаточно, чтобы он возомнил, что Мод наконец полюбила его.

Заверив Мод в своей вечной любви, предложив ей свое сердце, свое имя и свое состояние, Уилл неизменно завершал страстные излияния наивным вопросом:

— Мод, скоро ли вы меня полюбите? Полюбите ли вы меня когда-нибудь?

Мод избегала отвечать на этот вопрос, она не хотела ни обнадеживать Уилла, ни позволять ему усомниться, что их отношения, возможно, изменятся.

Как мы уже говорили, Мод не кокетничала с Уиллом и меньше всего думала о том, как покрепче привязать к своей юбке влюбленного в нее парня. Она прекрасно изучила горячий, безрассудный характер Уилла и понимала, к каким опасным последствиям мог бы привести бесповоротный отказ. Любовное поражение нанесло бы Уиллу тяжелую душевную рану, но потом он успокоился бы, и все началось бы сначала. Бедный парень был твердо уверен, что рано или поздно Мод обязательно ответит ему любовью на любовь. Не менее трехсот раз он спрашивал у девушки, скоро ли она его полюбит, не менее шестисот раз говорил, что обожает ее, и самое меньшее триста раз получал нежный отказ.

Мягкое сердце Мод не могло долго выдержать такую упорную осаду. Уильям знал это и надеялся, что в одно прекрасное утро в ответ на его тысяча первое признание в любви мисс Линдсей протянет ему свою белую ручку и скажет наконец долгожданное: «Уильям, я люблю вас».

Мы забыли проследить за взглядами Мод, с нежной признательностью смотревшей на своего обожателя. У нашего друга были физические и нравственные недостатки, которые совсем не украшают героя современного романа, но эти недостатки никак не могли воспрепятствовать его счастью в любви. Он был высокого роста, прекрасно сложен, свежий румянец не сходил с его овального лица, обрамленного ярко-рыжими волосами, которые вились от природы и изящно падали на шею и плечи. Этому ярко-красному румянцу и красно-рыжим волосам Уилл был обязан прозвищем Пунцовый.

Его темно-синие миндалевидные глаза светились нежностью и лукавством. Чистая, открытая, любящая душа отражалась в этих прекрасных глазах.

Принятая как близкая родственница в семье Гэмвелл, обожаемая Уиллом, любимая всеми обитателями замка, Мод наконец привязалась сердцем к Уиллу, но она так

долго отвечала отказом на его признания в любви, что теперь, когда сама полюбила его, не находила в себе сил сказать ему «да».

Вот как жили наши друзья в 1183 году, через шесть лет после гибели несчастной Маргариты.

В один из июньских вечеров Джильберт Хид заканчивал приготовления к ночной вылазке. Ему стало известно, что через Шервудский лес должен будет пройти отряд воинов, сопровождающих барона Фитц Олвайна в его ноттингемский замок. Лучший случай для нападения на барона не скоро еще представится, считал Джильберт, который и не думал отказываться от мести ноттингемскому владельцу. Он намеревался одеть своих людей в цвета Фитц Олвайна, под видом солдат проникнуть в замок и устроить там кровавую резню. Смерть за смерть, пожар за пожар.

Джильберт все выпросил у болтливого, беззаботного Хэла, а тот не обратил никакого внимания на грозовые тучи, пробежавшие по сумрачному лицу сурового старика, когда он выслушивал его простодушные ответы.

Робин и Маленький Джон заверили Джильберта, что примут участие в наказании барона, и, верные своей клятве, предоставили себя в его распоряжение. По поручению Джильберта Маленький Джон вооружил небольшой отряд отчаянных удалцов, готовых идти за Джильбертом в огонь и воду. Среди них были и все семеро сыновей сэра Гая.

Джильберт горел желанием собственными руками расправиться с бароном Фитц Олвайном. Горе ожесточило его, свирепый барон должен быть принесен в жертву несчастной Маргарите и так искупить свою вину, считал он.

Но у Робина на этот счет было другое мнение. Он задумал спасти барона от все испепеляющей ярости старика, не нарушив при этом клятву мести, которую он дал над телом своей приемной матери.

Его любовь как щитом заслонила грудь Фитц Олвайна от меча Джильберта.

— Господи,— молился Робин,— смилуйся над этим человеком, помоги мне отвести занесенную над ним карающую руку моего отца. Помоги мне тронуть сердце Фитц Олвайна и узнать от него о судьбе Аллана Клэра. Этим ты исцелишь сердечную рану той, которую я люблю больше жизни.

За несколько минут до выступления отряда из замка Робин пошел в покой Марианны, чтобы проститься с ней. Бесшумно приоткрыв дверь, Робин увидел Марианну. По-

добно многим людям, живущим долгое время в уединении, населенном призрачными мечтами, девушка разговаривала сама с собой.

— Пресвятая Матерь Спасителя,— шептала она прерывающимся от волнения голосом,— помоги мне, защити меня, дай мне силы вынести это однообразное существование! Аллан, брат мой, мой единственный защитник, почему ты меня покинул? Твое счастье было моей единственной радостью. Ты и Кристабель — вы вся моя жизнь! Шесть лет назад ты оставил меня и отправился искать свое счастье. Словно забытый цветок в брошенном доме, выросла я вдали от тебя. Люди, которым ты поручил заботиться обо мне, очень добрые, даже слишком добрые. Их доброта подавляет меня, я чувствую себя одинокой, покинутой. Я несчастна, Аллан. В довершение всех моих невзгод страсть овладела моим сердцем. Оно уже больше не принадлежит мне.

Закончив свою горестную исповедь, Марианна закрыла лицо руками и горько заплакала.

«Мое сердце уже больше не принадлежит мне»,— повторил Робин слова Марианны и залился густым румянцем, устыдившись, что стал свидетелем девичьих слез.

— Марианна,— проговорил он, бросаясь к ней,— позвольте мне поговорить с вами.

Застигнутая врасплох, Марианна вскрикнула от неожиданности, но тут же взяла себя в руки.

— Охотно,— ответила она.

— Марианна,— сказал Робин дрожащим голосом, опустив глаза,— я невольно совершил непростительный проступок. Будьте снисходительны и выслушайте без гнева мое признание. В течение нескольких минут стоял я на пороге вашей комнаты и слышал ваши исполненные глубокой грусти слова.

Марианна покраснела.

— Поймите меня, я не подслушивал,— поспешил прибавить Робин, робко подходя к девушке.

Губки очаровательной барышни приоткрылись в нежной улыбке.

— Марианна,— продолжал Робин, ободренный этой божественной улыбкой,— позвольте мне утешить вас. У вас нет ни родственников, ни родителей. Ваш брат вынужден был покинуть Англию. Вы чувствуете себя одинокой и покинутой. Но разве наши судьбы не сходны? Я ведь тоже сирота. Как и вы, я могу жаловаться на злой рок, преследующий меня. Как и вы, я могу оплакивать, но не отсутствующих, а тех,

кто уже давно не живет на земле. Но я не жалуясь и не плачу, а надеюсь на Бога и на самого себя. Мужайтесь, Марианна. Мужайтесь и надейтесь на лучшее будущее. Аллан вернется, а вместе с ним благородная и прекрасная Кристабель. Я уверен, что они скоро, очень скоро вернуться. А пока окажите мне честь, позвольте мне заботиться о вас, как брату о сестре. Не отказывайте мне, Марианна. Поверьте мне, я сделаю все, чтобы вы были счастливы.

— Как вы добры, Робин,— взволнованно проговорила девушка.

— Доверьтесь мне, дорогая барышня. Я хорошо все обдумал, прежде чем предложить вам свое сердце, свою жизнь и свои заботы.— И, словно бросаясь головой в прорубь, он выпалил: — Я сейчас скажу вам всю правду: я полюбил вас в тот же день, когда впервые увидел.

С губ Марианны сорвалось восклицание. Радость и удивление слышались в нем.

— Я открылся перед вами в том, что столько лет хранил в своем сердце, вовсе не для того, чтобы добиться от вас взаимности. Я надеюсь только, что вы поймете, как вы мне дороги и как я вам предан. Ваше горе разбило мне сердце. Я не спрашиваю у вас имени того, кому вы подарили свою любовь. Если вы сочтете меня достойным заменить вашего отсутствующего брата, вы поведаете мне когда-нибудь об этом человеке. Поверьте мне, Марианна, я заранее одобряю ваш выбор, хотя и завидую вашему избраннику. Вы меня знаете вот уже шесть лет и, наверное, давно составили обо мне мнение по моим делам и поступкам. Верно? Разве я не заслужил чести быть вашим защитником и покровителем? Не плачьте, Марианна. Дайте мне свою ручку и скажите, что когда-нибудь я стану вашим доверенным другом.

Марианна протянула дрожащие от волнения руки к склонившемуся над ней юноше.

— Ах, Робин,— сказала девушка,— никакими словами не могу я выразить свое счастье. Я вас знаю много лет и с каждым днем ценю все больше и больше. Вы окружили меня поистине братской заботой. Бескорыстно, не ожидая даже простой благодарности. Вы меня глубоко тронули, дорогой друг, вашим великодушным самопожертвованием. Вы нашли в себе мужество уступить дорогу к моему сердцу незнакомцу, которого, как вы думаете, я страстно люблю. Хорошо! Я никому не уступлю в благородстве души, даже вам, Робин, и достойно вознагражу вашу честность и великодушие.

Яркий румянец залил ее щеки. Несколько минут они стояли молча.

— Мне было бы неприятно, если бы вы составили себе неправильное мнение о моей женской чести,— взволнованно продолжала девушка.— Не думайте, что я могла бы полюбить вас только за ваше хорошее ко мне отношение. Я не стыжусь своего признания, оно свидетельство моей честности.

Мы не будем повторять пылкие, страстные слова, которые, подобно бурному потоку, вырывались из любящих сердец, где за шесть лет безмолвной взаимной любви скопились бесценные сокровища нежности.

Взяв друг друга за руки, со слезами на глазах и с улыбкой на устах, они клялись в любви до гроба. Только смерть могла их теперь разлучить

Г Л А В А XVIII

— Мод! Мод! Мисс Мод! — звучал громкий веселый голос за спиной девушки, печально прогуливавшейся в одиночестве по аллее парка в поместье Гэмвелл.— Мод! Прелестная Мод! — повторял голос.— Где вы?

— Я здесь, Уильям, я здесь! — откликнулась мисс Линдсей и быстро пошла навстречу Уиллу.

— Как я счастлив встретить вас, Мод! — весело воскликнул Уилл Пунцовый.

— И я очень довольна, что мы встретились, ведь наши встречи доставляют вам такое удовольствие,— приветливо ответила девушка.

— Ну, конечно, это для меня огромное удовольствие, мисс Мод. Чудный вечер! А как вы думаете?

— Так же, как и вы, Уильям. Но ведь вы же не только это хотели мне сказать?

— Прошу прощения, Мод. Я действительно хотел сказать вам кое-что другое,— смеясь, ответил Уильям,— но восхитительное спокойствие этого вечера навело меня на мысль, что было бы неплохо прогуляться по лесу.

— Вы хотите сделать приготовления к завтрашней охоте?

— Нет, Мод, нет. Мы пойдем в лес не с мирными намерениями. Мы пойдем... Ах! Я забыл, что об этом никому нельзя болтать. Однако я скоро сделаю такое... Я говорю глупости, не слушайте меня, Мод. Я желаю вам спокойной ночи, полной счастливых сновидений, и прощаюсь с вами.

— До свидания, Уилл. Но что кроется в ваших намеках? Вы идете на опасное дело?

— Как сказать. Крепкий лук и добрая дубина, зажатая в сильной, ловкой руке, одолеют любого врага. Но тсс... Все это пустые слова, и за ними ничего не кроется. Ровным счетом ничего.

— Вы обманываете меня, Уильям. Почему вы делаете тайну из вашей ночной вылазки?

— Этого требует осторожность, моя дорогая Мод. Одно неосторожное слово может все расстроить. Солдаты... Ах, да я с ума сошел... сошел с ума от любви к вам, милая Мод. Но ведь вы же меня не выдадите? Тогда слушайте. Маленький Джон, Робин и я уходим сейчас в лес. И перед тем как уйти, я прощаюсь с вами, Мод, очень нежно прощаюсь. Кто знает, свидимся ли мы снова на этом свете... Я опять говорю глупости, Мод, сущие глупости. Я пришел попрощаться с вами. Разве я когда-нибудь уходил из замка, не пожав вам ручки? Вот и все. Это правда, Мод, истинная правда. Уверяю вас.

— Да, Уилл, это правда.

— А почему я вам всегда говорю «прощайте» или «до свидания», а, Мод?

— Не знаю, Уилл.

— Ну вот видите, Мод, ничего вы не знаете! Вы, наверное, не знаете, что я люблю вас крепче, чем родного отца, крепче, чем братьев, сестер и всех друзей. Я могу покинуть замок, не попрощавшись ни с кем, за исключением матушки, и пропадать долго, очень долго, недели, а может быть, и месяцы, но разве я могу уйти из замка, хотя бы на несколько часов, не пожав ваши маленькие беленькие ручки и не услышав от вас на прощание: «Счастливого пути, Уилл. Скорее возвращайтесь». А вы не любите меня, Мод,— печально добавил бедный парень. Печаль эта была мимолетной, и уже через секунду он весело продолжал: — Но я надеюсь, что когда-нибудь вы все-таки полюбите меня, милая Мод. Я терпеливый и надеюсь, что это случится рано или поздно. Не торопитесь с ответом и не мучьте себя, не заставляйте свое сердечко любить, если оно этого пока не хочет. Любовь сама туда постучится, и вы подумаете: «Ну вот, я и полюбила Уилла, немного полюбила Уилла, чуть-чуть полюбила Уилла». С каждым днем, с каждой неделей, с каждым месяцем вы будете любить меня все крепче и крепче, и в один прекрасный день вы полюбите меня так же горячо, как я вас люблю сейчас. Любовь захлестнет вас,

и вы ничего не сможете с ней поделать. Я вас так люблю, что никакими молитвами не вымолить у неба, чтобы оно вселило в ваше нежное сердечко такую же горячую любовь, какая бушует в моей груди. Вы полюбите меня, когда захотите и как захотите. И однажды вы скажете мне: «Уилл, я люблю вас!» — а я вам отвечу... А-ах! Понятия не имею, что я вам отвечу, Мод. Но я подпрыгну от радости, расцелую матушку и вас — совсем сойду с ума от счастья. Мод, милая Мод, попытайтесь полюбить меня. Начните с того, что вы немного выделите меня среди других парней, потом вы меня чуть-чуть полюбите, а потом вы мне скажете: «Уилл, я люблю вас!»

— Неужели вы меня так горячо и сильно любите, Уилл?

— Что я должен сделать, чтобы доказать вам это? — серьезно спросил парень. — Что? Скажите мне... Знайте же, я люблю вас всем сердцем, всей душой, я все отдам, только бы вы полюбили меня. Я хочу, чтобы вы это знали.

— Ваши слова и ваши дела, милый Уильям, — лучшее доказательство вашего чувства. Всякие другие доказательства излишни. Мы должны серьезно объясниться. Но не о ваших чувствах, нет, я вижу, как сильно вы меня любите. Я поведаю вам о том чувстве, которое заполонило мое сердце. Вы любите меня, Уилл, любите искренне и беззаветно, но не забывайте, что я ничего не сделала, чтобы привлечь ваше внимание, я не очаровывала вас.

— Это правда, Мод, истинная правда. Ваша скромность не уступает вашей красоте и прелести. Я люблю вас, потому что люблю, вот и все.

— Уилл, — продолжала девушка, в ее взгляде светилась тревога. — А не думали ли вы, Уилл, что я могла подарить другому свое сердце задолго до того, как встретила с вами?

Эта ужасная мысль действительно никогда не приходила Уильяму в голову, не нарушала его душевный покой, не возмущала спокойную уверенность его терпеливой любви. Пораженный в самое сердце, он побледнел и едва не лишился чувств.

— Но вы никому не отдали свое сердце? Ведь правда? — прошептал он. В его голосе звучали мольба и надежда.

— Успокойтесь, милый Уильям, — нежно сказала Мод, — успокойтесь и выслушайте меня. Я верю в вашу любовь, как верю в Бога, и как бы я хотела, всем сердцем хотела бы, мой добрый верный Уильям, ответить вам любовью на любовь.

— Ах, не говорите, что я никогда не дождусь от вас взаимности! — вскричал Уилл. — Не говорите мне этого, не говорите! Мое сердце разрывается от горя, моя кровь кипит, я не могу слышать, я не воспринимаю то, что вы мне говорите.

— И все-таки вы должны выслушать меня, Уилл. Как милости я прошу у вас несколько минут внимания. Мне ведомы страдания неразделенной любви, я все это испытала и могу сказать вам, друг мой, что нет на земле горя, которое сравнилось бы с муками несчастной любви. Как я хотела бы исцелить ваши сердечные раны, Уилл. Прошу вас, выслушайте меня без горечи и гнева. Перед тем, как я встретила с вами, перед тем, как покинула ноттингемский замок, я отдала свое сердце одному человеку. А он не любит меня, никогда не любил и никогда не полюбит.

— Мод, — дрожащим голосом произнес Уильям, — если вы желаете, чтобы этот человек полюбил вас, он влюбится в вас без памяти, Мод, — повторял парень. Его глаза были полны слез. — Клянусь обедней! Я сделаю так, что он станет вашим рабом, я буду бить его каждый день, пока он не полюбит вас.

— Никого вы не побьете, Уилл, — ответила Мод и невольно улыбнулась, представив себе парня за этим странным занятием. — Разве можно заставить полюбить, да еще таким диким способом? Человек, которого я любила, никак не заслуживает подобного обращения. Поймите же, Уилл, я не жду от него ответного чувства и даже не надеюсь, что он меня когда-нибудь полюбит. А еще хочу я вам сказать, что только бесчувственная, бездушная, бессердечная женщина может быть безразлична к проявлениям вашей любви и к вашим сердечным страданиям. Уилл, мой милый Уилл, я глубоко тронута вашим великодушием, и в благодарность за ваши заботы и за вашу нежность я отдаю вам свою руку. Со временем я надеюсь присоединить к ней и свое сердце.

— А теперь выслушайте меня, Мод, — взволнованно сказал Уилл. — Мне стыдно, что я надеялся заслужить вашу любовь, стыдно, что я не понял, почему вы безразличны ко мне. Я силой вырвал из вашего сердца это признание. Простите меня. По доброте души, Мод, вы хотите принять имя бедного Уильяма, по доброте души вы, ради меня, отказываетесь от своего счастья. Да знаете ли вы, Мод, что это приведет к гибели ваших надежд? Я никогда не приму такой жертвы от вас. Я не достоин ее и теперь краснею при мысли,

как долго я надоедал вам своими признаниями. Простите меня за мою бесцеремонность и навязчивость. Простите меня за то, что я вас любил и люблю. Клянусь, что никогда больше вы не услышите от меня признаний в любви.

— Уильям, Уильям, где же вы? — послышался чей-то сильный, звонкий голос.

— Это меня зовут. Прощайте, Мод. Пусть Дева Мария позаботится о вас, пусть Ее святое покровительство отведет от вас все несчастья. Будьте счастливы, Мод. Но если мы больше никогда не свидимся на этом свете, если я не вернусь, поминайте иногда о бедном Уилле. А я люблю и всегда буду любить вас, милая Мод.

И, обняв Мод за талию, парень прижал ее к своему сердцу, крепко поцеловал и убежал, не оборачиваясь. Напрасно Мод пыталась удержать его.

«Ах, как жаль, что я не успела высказать ему свои чувства. Он меня неправильно понял,— подумала Мод, опечаленная внезапным исчезновением Уильяма.— Завтра я ему скажу, что мое сердце исцелилось от любовного недуга. Как он обрадуется, милый Уильям».

Увы! Это завтра наступило только через много дней томительного ожидания.

Около двадцати рослых, крепких молодцов, вооруженных копьями, мечами и луками, стояли невдалеке от сыновей сэра Гая Гэмвелла, Маленького Джона и Джильберта Хида.

— Я очень удивлен, что Робин заставляет себя ждать,— говорил старик окружавшим его парням.— Такое никогда не водилось за моим сыном.

— Терпение, мэтр Джильберт,— ответил Маленький Джон, выпрямляясь во весь свой гигантский рост и с беспокойством оглядываясь по сторонам.— Не один только Робин не откликнулся на наш призыв. Мой брат Уилл тоже в нетях. Бьюсь об заклад, что они задерживаются по какой-то серьезной причине.

— Вот и они! — послышались голоса.

Уилл и Робин спешили присоединиться к друзьям.

— Неужели ты забыл время сбора, сын мой? — сурово спросил Джильберт, протягивая руку вновь прибывшим.

— Нет, батюшка. Прошу прощения за опоздание.

— Ну, пошли! — скомандовал Джильберт.— Маленький Джон,— обратился он к великану,— ваши друзья хорошо знают цель нашей вылазки?

— Да, Джилльберт, и они поклялись верно служить нам и мужественно сражаться по вашему приказу.

— Я могу смело рассчитывать на их поддержку? Они не подведут?

— Не подведут.

— Отлично. Еще одно слово, Джон. Чтобы добраться до ноттингемского замка кратчайшим путем, наши враги должны проехать через Мансфельд и по королевской дороге пересечь Шервудский лес. Мы устроим засаду на перекрестке дорог. Вы меня поняли, Маленький Джон?

— Прекрасно! — ответил тот. — Ребята! — обратился он к своим друзьям. — Хватит ли у вас мужества вонзить свой саксонские клыки в норманнских волков? Хватит ли у вас мужества сражаться до победы или умереть?

Единодушное «да» было ему ответом.

— Вперед, ребята! За мной!

— Ура! Даешь войну! — вместе со всеми кричали Уилл и Робин.

«Ура! Ура! Ура!» — повторяло эхо в сумрачном лесу.

— Что с тобой случилось, друг? — спросил Робин Уилла, беря его за руку. — Твое всегда веселое и жизнерадостное лицо омрачено грустью. Неужели воинственные крики этих славных ребят не находят отклика в твоей душе, милый Уилл? А может быть, тебя пугают опасности, поджидающие нас на этой прогулке?

— Станный вопрос задал ты мне, Робин, — ответил Уилл. Он повернулся к другу и грустно посмотрел на него. — Спроси лучше у борзой, нравится ли ей преследовать оленя, или у сокола, нравится ли ему гоняться в поднебесье за ничтожным воробьем, но никогда не смей больше меня спрашивать, страшат ли меня опасности.

— Я задал этот вопрос, чтобы хоть немного отвлечь тебя от мрачных мыслей, Уилл, — сказал Робин. — Твои глаза погасли, в лице — ни кровинки. У тебя горе, Уилл, настоящее горе. Открой мне твое сердце. Разве я не друг тебе?

— Нет у меня никакого горя, Робин. Я такой же, каким был вчера и каким буду завтра. А сражаться я буду, как всегда, в первых рядах.

— Я несколько не сомневаюсь в твоём мужестве, милый Уилл, но что-то нарушило твой душевный покой, и это меня очень удручает. Доверься мне, быть может, я чем-нибудь помогу. Разделенное с другом горе легче переносится. Если ты с кем-то поссорился, смело зови меня на подмогу.

— Причина моей грусти не настолько важна и не настолько серьезна, чтобы делать из нее тайну, милый Робин. Если бы я раньше дал себе труд подумать, я не был бы ни удивлен, ни удручен тем, что со мной случилось... Прости меня, но какое-то чувство не позволяет мне высказаться. Что это? Гордость или робость? Не знаю. Ты мой лучший друг, мое второе «я». Твои вопросы будоражат мне душу, мой ложный стыд ничтожен перед нашей дружбой, я...

— Нет, нет, милый Уилл,— прервал друга Робин,— храни свою тайну. Странное стыдливо. Прости меня за дружескую назойливость.

— Это я должен просить прощения за свой эгоизм,— проговорил Уильям, смеясь сквозь слезы.— Я страдаю, я действительно страдаю и хочу, чтобы ты хоть немного облегчил мои страдания. Позволь же мне поверить мое первое страдание тебе, лучшему другу, товарищу моих детских игр. Узы нашей дружбы прочнее уз крови. Я люблю тебя, как самый нежный брат. И пусть меня повесят, Роб, если это не так.

— Ты говоришь золотые слова, Уилл. Наша дружба побратала нас. Где они, счастливые дни нашего детства? Они никогда не вернуться.

— Ты будешь еще счастлив, Робин. По-другому, но будешь. Счастье придет к тебе под другим именем, в других одеждах, но это все равно будет счастье. А я уже ни на что не надеюсь, ничего не желаю, мое сердце разбито. Ты знаешь, Робин, как горячо я любил Мод Линдсей. Нет слов, чтобы выразить неодолимую страсть, охватившую меня. Само ее имя было для меня священно. Ну вот. А теперь я узнал, я узнал...

Тяжелое предчувствие пронзило сердце Робина.

— Ну а теперь? Что теперь? — спросил он. В его голосе звучала тревога.

— Когда вы искали меня в парке,— продолжал Уилл,— я был с Мод. Я повторил все, что говорил ей почти каждый день вот уже много лет. Я сказал, что мечтаю ввести ее в нашу семью, дать своей матушке еще одну дочь, а сестрам еще одну сестру. Я умолял Мод позволить мне надеяться, что она когда-нибудь полюбит меня. А она ответила, что еще до того, как она нашла приют в замке Гэмвелл, ее сердце было отдано другому. Все мои надежды разбиты, Робин, свет мне не мил. Теперь ты видишь, как я несчастен?

— Поведала ли Мод имя того, кого она любит? — спросил Робин. Сердце его сжалось.

— Нет, — ответил Уилл. — Она только сказала мне, что ее любовь безответна. Ты понимаешь это, Робин? На земле живет человек, страстно любимый Мод, а он к ней равнодушен. Мод ищет его взгляда, а он смотреть на нее не хочет! Да как земля его носит! Я предложил Мод свою помощь. Пообещал так отделать его, что он на коленях молил бы ее о любви. Она запретила мне даже думать об этом. Она его любит, любит! А в конце своей печальной исповеди Мод согласилась отдать мне свою руку. Я отказался. Рассудок, честь заставили замолчать мою любовь. Попрощайся, Робин, с веселым, беззаботным Уиллом. Он умер.

— Мужайся, Уильям, — нежно проговорил Робин. — Твое сердце ранено. Позволь мне исцелить его. Я знаю Мод лучше, чем ты. Поверь моему слову, она полюбит тебя, а может быть, уже и сейчас любит. Ты неправильно понял ее исповедь. У нее очень тонкая, нежная душа, она честная девушка, Уильям. Она, видимо, поведала о своих прошлых горестях. Ты не оценил ее драгоценного дара и необдуманно отказался от него. Поверь мне, Уильям, Мод — очаровательная девушка, она достойна любви.

— Я уверен в этом! — воскликнул парень.

— Тебе не следовало бы преувеличивать глубину переживаний мисс Линдсей, друг мой. Не мучь себя химерическими предположениями. Мод уже любит тебя, поверь мне, и будет любить все крепче и крепче.

— Ты так думаешь, Робин, мой милый Робин? — вскричал Уилл, хватаясь за предположение Робина, как за соломинку.

— Да, я так думаю. Только, пожалуйста, не прерывай меня. Я повторяю и буду повторять каждый раз, когда ты будешь падать духом: Мод любит тебя. Она согласилась отдать свою руку... Это не было самопожертвованием. Это был порыв ее горячего сердца.

— Я верю, Робин, я тебе верю! — воскликнул Уилл. — И завтра обязательно спрошу у Мод, хочет ли она увеличить собой число дочерей моей матушки.

— Ты отличный парень, Уильям. Воспрянь духом, и ускорим шаг, а то мы на целую четверть мили отстали от наших друзей. Это не делает нам чести.

— Ты прав. Кажется, я слышу сердитый голос нашего главнокомандующего.

Маленькое войско подошло наконец к месту, где Джильберт наметил устроить засаду. Он расставил всех по местам, дал каждому краткие инструкции и приказал хранить молчание. Потом и сам спрятался за стволом высокого дерева в нескольких шагах от Маленького Джона и стал внимательно прислушиваться к лесным шорохам и звукам.

Ночную тишину нарушали крики ночных хищников, пение соловья, шелест листвы, волнуемой июньским ветерком. Но вот где-то вдалеке послышался едва уловимый шум. Только острый слух лесных жителей мог различить его в порывах ветра, птичьих криках, шорохе листьев.

— Это одинокий всадник, — прошептал Робин. — Мне кажется, я слышу короткий быстрый шаг местного мула.

— Ты прав, — откликнулся Маленький Джон. — Это или друг, или безобидный путник. Но будем осторожны.

— Внимание!

— Внимание! — пронеслось по цепи.

А тот, кто стал невольной причиной волнения маленького войска, весело ехал по дороге, горланил балладу, сочиненную в собственную честь, и ни о чем не беспокоился.

— Будь ты проклята! — внезапно воскликнул певец, адресуясь к своей лошади. — Ну что за животное! Никакого вкуса у тебя нет! Не можешь помолчать, понаслаждаться моим божественным пением! Вместо того чтобы навести свои длинные уши и почтительно слушать меня, ты вертишь головой и осмеливаешься подпевать своим противным, фальшивым голосом. Но ты особа женского пола и поэтому от природы вздорное и упрямое существо. Если я хочу, чтобы ты шла по одной стороне дороги, тебя обязательно тянет на другую сторону. Ты постоянно делаешь то, чего не следует делать, и не делаешь то, что делать следует. Ты знаешь, бесстыдница, что я тебя люблю, и, уверенная в этом, хочешь сменить хозяина. Ты капризная, непостоянная и кокетливая, как она и все женщины на свете.

— Ты почему так нападаешь на женщин, друг мой? — спросил Маленький Джон. Бесшумно выйдя из укрытия, он взял лошадь под уздцы.

Незнакомец, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Прежде чем ответить, я хотел бы узнать имя того, кто осмелился остановить мирного, безобидного путника, имя разбойника, который бесстыдно называет меня своим другом. Я тебе не ровня! — гордо добавил незнакомец.

— К вашему сведению, вы были остановлены не разбойником, а человеком, которого трудно запугать. Это

вы мне не ровня,— спокойно возразил племянник сэра Гая.

— Знайте, сэр лесной пес, ваши грубые манеры с головой выдают вас. Знайте, что вы допрашиваете человека, который не привык отчитываться перед нахалами. Отпусти сейчас же уздцы моей лошади, а не то я тебя отколочу!

— Вы — болтун, сэр, а в драке вы позади всех,— насмешливо проговорил парень.— А если вы будете и дальше угрожать мне, я познакомлю вас с одним молодым лесничим. Он вас отколочит вашей собственной дубиной и заставит просить пощады.

— Отколочит меня моей собственной дубиной и заставит просить пощады?! — вне себя от ярости вскричал незнакомец.— Да разве это возможно? Давай его сюда, твоего приятеля.— И он спрыгнул с лошади.— Ну, так где же он, этот профессиональный драчун? — продолжал кричать незнакомец, бросая на Маленького Джона яростные взгляды.— Где он? Я ему голову проломлю, а потом и за тебя примусь, дубина ты стоеросовая!

— Робин, иди сюда поскорее. Поторапливайся! Задай этому нахальному болтуну хороший урок.

Приглядевшись к незнакомцу, Робин схватил за руку Маленького Джона и тихо сказал ему:

— Неужели ты его не узнал? Это же веселый монах — брат Тук!

— Да ты что?

— Да, это он. Помолчи только. Я уже давно хочу обменяться с нашим славным Джилом парой ударов дубиной. Вряд ли он меня узнает в ночной полутьме. Воспользуемся этим и разыграем его.

Изящная, женственная фигура Робина ввела Тука в заблуждение. На его губах заиграла насмешливая улыбка.

— Мальчик,— сказал он, смеясь,— уверен ли ты, что твоя голова выдержит град ударов, которые ты заслужил за свое нахальство?

— Выдержит, сэр незнакомец,— ответил Робин на йоркширском диалекте. Чтобы остаться неузнанным, он изменил голос.— Если, конечно, у вас хватит ловкости достать до нее вашей дубиной. Я сомневаюсь, что ваша ловкость соответствует вашему бахвальству.

— Вот сейчас мы посмотрим, чего ты стоишь. Хватит слов, переходим к делу. Берегись!

Надеясь запугать молодого противника, Тук вертел дубиной, делая вид, что хочет нанести свой первый удар по

ногам Робина. Но Робин был опытным бойцом, он разгадал действительные намерения монаха и в последний момент отразил удар, направленный ему в голову. Ободренный удачным началом, он обрушил град сильных, быстрых, точных ударов на плечи, спину, голову заносчивого Тука. Монах был оглушен, разбит, но пощады просить не соби-рался.

— Перемирие! — закричал он. Отдышавшись, сказал: — Вы отлично владеете дубиной, мой дорогой друг. Мои удары отскакивают от вас, не причиняя вреда.

— Как же они могут отскакивать, мессир, — весело возразил Робин, — если ваша дубина ни разу не коснулась меня?

— Это ваша гордыня говорит. Моя дубина коснулась вас, и не один раз.

— Неужели вы забыли, брат Тук, что моя гордость запрещает мне лгать? — спросил Робин.

— Кто вы? — вскричал монах.

— Посмотрите на меня! Узнаете?

— Клянусь святым Бенедиктом, моим благословенным покровителем и защитником! Да это же Робин, король лучников!

— Он самый, веселый Тук.

— Веселый Тук! Был я когда-то веселым Туком! До того, как хорошенькая малышка Мод изменила мне и полюбила вас.

Не успел Тук проговорить эти слова, как чьи-то пальцы, словно железные тиски, сжали руку Робина и гневный голос глухо прошептал:

— Этот монах говорит правду?

Робин повернул голову и увидел бледное, растерянное лицо Уилла. Его глаза налились кровью, губы дрожали.

— Тихо, Уильям, — мягко сказал Робин, — тихо, помолчи. Сейчас ты все поймешь. Дорогой мой Тук, — обратился он к монаху, — мисс Мод, которую вы легкомысленно называете своей возлюбленной, не изменяла вам. Эта честная, достойная девушка отвергла любовь, на которую она не могла ответить. Она покинула замок вместе со своей госпожой, леди Кристабель Фитц Олвайн. Это был ее долг, а не грех.

— Я никогда не давал монастырских обетов, Робин, — возразил монах, — и поэтому был вправе жениться на мисс Ливдсей. Капризница отвергла мою любовь, и виной этому ваше красивое лицо или ее женское непостоянство.

— Ни слова больше, монах Тук! — воскликнул Робин. — Как вам не стыдно клеветать на женщину? Мисс Мод —

сирота, она несчастна, никто не смеет отказывать ей в уважении.

— Хьюберт Линдсей умер? — грустно спросил Тук.—
Господи, упокой его душу!

— Да, Тук, он умер. Много событий произошло с тех пор, как вы покинули нас. Я потом вам все расскажу. А сейчас мы нуждаемся в вашей помощи.

— В чем дело? — спросил Джиль.

— Постараюсь объяснить вам в нескольких словах. Вы видели развалины нашего дома, сожженного солдатами барона Фитц Олвайна. Страшной смертью погибла тогда моя матушка. Джильберт поклялся отомстить за нее, и вот мы здесь поджидаем барона. Нам стало известно, что он возвратился из-за моря и сейчас со свитой направляется по этой дороге в Ноттингем. Мы проникнем в замок и устроим там погром. Если вы хотите поработать всласть дубиной, лучшего случая не сыскать. Присоединяйтесь к нам, Тук.

— Да разве можно отказаться от такого удовольствия? Я с вами, хотя и не надеюсь на победу. Наши силы ничтожны...

— Вы ошибаетесь, Тук. Мы не одни. Двадцать крепких молодцов во главе с батюшкой сидят в засаде в десяти шагах отсюда.

— Вот это другое дело! Мы победим! — в восторге кричал монах, вертя дубиной над головой.

— По какой дороге вы ехали, перед тем как углубиться в лес, преподобный отец? — почтительно спросил Маленький Джон.

— По той, что ведет из Мансфельда в Ноттингем, дружок, — ответил монах.— И как это я сразу не узнал вас? Ни за что не прощу своим глазам! Господи, ну и рад же я снова встретиться с вами и пожать вашу честную руку, Маленький Джон!

Племянник сэра Гая сердечно ответил на приветствие веселого монаха.

— Не встретили ли вы по пути конный военный отряд? — спросил он.

— В мансфельдской харчевне пирует дружина крестоносцев, вернувшихся из Святой Земли. Прекрасно обученные и дисциплинированные солдаты, но они разбиты усталостью и лишениями. Не они ли, по вашим сведениям, составляют свиту барона Фитц Олвайна?

— Да. Этих крестоносцев ожидают в ноттингемском замке. Барон взял их к себе на службу. С ними-то нам и

придется иметь дело. А пока, брат Тук, спрячьтесь в зарослях или за стволом дерева.

— А куда я дену свою упрямую кобылу? Она вредная, как и всякая жен... Но какая бы она ни была, я люблю ее.

— Я ее сейчас отведу в надежное укрытие. Доверьтесь мне и прячьтесь, прячьтесь скорее.

Маленький Джон надежно привязал лошадь к дереву, рощему вблизи от дороги, и вернулся к друзьям.

Взволнованный словами Тука, Уилл не пожелал откладывать до более удобного момента объяснение с Робинем. Здесь же, в засаде, он едва ли не силой заставил друга подробно рассказать все, что произошло между ним и Мод в ноттингемском замке. С сильно бьющимся сердцем слушал Уилл правдивый и искренний рассказ Робина, а когда тот замолчал, спросил его:

— И это все?

— Все.

— Благодарю тебя.

Они крепко обнялись, преданные друзья, и их сердца бились, как одно большое сердце.

— Я твой брат, помни это,— сказал Робин.

— Я обязательно женюсь на ней! — воскликнул Уильям и весело добавил: — А сейчас приготовимся к молодецкой потехе!

Бедный Уильям!

Ждать им пришлось долго. Только около трех часов утра в глубине леса послышалось конское ржание. И тотчас же откликнулась серебристым ржанием кобыла Тука.

— До чего же кокетлива моя барышня! — произнес монах и спросил у Маленького Джона: — Она крепко привязана?

— Думаю, что крепко,— ответил тот.

— Тсс! — сказал Робин.— Я слышу конский топот.

Через несколько минут к перекрестку подъехал конный отряд. Всадники и не думали таиться, они весело болтали, смеялись, пели и вовсе не были такими усталыми, как показалось Туку. В этот момент лошадка монаха выскочила из зарослей и стрелой полетела мимо своего хозяина навстречу солдатам.

Монах хотел броситься вслед за ней.

— Да вы с ума сошли! — прошептал Маленький Джон, хватая его за руку.— Еще шаг — и я вас убью!

— Но я хочу поймать свою лошадь,— бормотал Тук.— Отпустите меня, я...

— Молчите. Вы можете нас выдать. Если даже ваша лошадь и погибнет, мой дядя подарит вам другую, лучше этой.

— Мою милую Мэри благословил сам аббат нашего монастыря. Отпустите меня! Как вы смаете держать меня силой? Я хочу спасти свою лошадь, хочу, хочу!

— Ну, иди, спасай ее! — воскликнул Маленький Джон, отталкивая от себя монаха. — Иди, безмозглая ты голова!

Тук покраснел, его глаза метали молнии, и дрожащим от гнева голосом он сказал:

— Слушай ты, живая колокольня, бродячая башня, как только закончится эта драка, я тебя отколочу так, что живого места на тебе не останется!

— Это я тебя отколочу! — возразил ему Маленький Джон.

Тук выскочил на дорогу и побежал навстречу солдатам. Он видел, как его кобыла вздыбливалась, гарцевала, поднимая вокруг себя облака пыли, и не давалась в руки тем, кто хотел укротить ее.

Один солдат коснулся лошади своим копьём, и это стоило ему жизни. С жалобным криком упал он замертво на землю.

— Мэри, Мэри! Тихо, девочка! — кричал Тук. — Ко мне, милая, ко мне!

Услышав голос хозяина, лошадь наострила уши и, весело заржав, поскакала в ту сторону, где стоял Тук.

— Да как ты смеешь, негодяй, убивать моих людей? — гневно закричал командир отряда.

— А почему вы не уважаете служителей церкви? — спросил Тук и обрушил чудовищный удар дубиной на голову его лошади.

Животное попятилось назад, командир покачнулся в седле и выпустил из рук поводья.

— Ты что, не видишь, что я одет в рясу? — продолжал кричать Тук, стараясь придать своему голосу внушительность.

— Нет! — покраснел от ярости командир. — Нет! Я вижу не твою рясу, а твою наглость. И в наказание я тебе сейчас проломлю череп. Плевать я хотел на твою рясу!

Острее копыя вонзилось в тело Тука. Не помня себя от страшной боли, добрый брат закричал во все горло:

— Ко мне, ребята! Ко мне, ребята! Ко мне!

И бросился на командира.

Призывы Тука несколько не испугали командира. Его отряд состоял из сорока отлично вооруженных солдат, и за их спинами он чувствовал себя в безопасности.

— Назад, разбойник! — громовым голосом закричал командир.— Назад! — Он копьём оттолкнул Тука и стал теснить его своей лошадейю.

Бенедиктинец отскочил в сторону и изо всех сил треснул командира по голове. С копьями наперевес и с обнаженными мечами бросились солдаты на отважного монаха.

— На помощь, ребята! На помощь! — заревел Тук и, прижавшись спиной к дереву, как лев, стал отбиваться от наседавших на него солдат.

— Ура! За Гуда! — закричали лесные молодцы.— Ура!

И маленькое войско, как один человек, бросилось по команде Джильберта на выручку монаху.

При виде этой железной лавины, нисколько не сомневаясь во враждебных намерениях лесных молодцов, солдаты с боевым кличем перегородили дорогу и приготовились к обороне.

Тука стрел взломала оборону противника. Шестеро солдат, смертельно раненные, лежали на поле боя.

Джильберт, оценив обстановку и превосходящие силы противника, приказал своим молодцам отойти на обочину дороги, под спасительный покров темноты и защиту деревьев.

Благодаря этому ловкому маневру положение солдат намного ухудшилось. Они были видны как на ладони и все находились в пределах досягаемости смертоносных стрел.

— Спешиться! — приказал солдат, который по собственной инициативе занял место убитого командира.

Крестonosцы повиновались, и дружина Джильберта смело бросилась на них в атаку. Началась кровавая рукопашная сеча, в которой силу могла одолеть только сила.

— Гуд! Гуд! — кричали лесные молодцы.— Мечь! Мечь!

— Никакой пощады саксонским псам! Бей саксонских псов! — ревели солдаты.

— Так берегитесь клыков саксонских собак! — воскликнул Уилл и пронзил стрелой грудь детины, который первым выкрикнул этот клич.

Маленький Джон, Робин и Джильберт сражались плечом к плечу. Все семь братьев Гэмвелл совершали чудеса ловкости и храбрости, а богатырь монах мощными ударами дубиной валил на землю одного солдата за другим.

Проворный, как олень, Уильям поспевал везде, отбрасывая, как мяч, одного солдата, проламывал голову другому оберегал от опасности друзей, особенно Робина, которого он два раза спас от верной гибели.

Но, несмотря на слаженность действий и личную храбрость каждого бойца дружины Джильберта, победа клонилась на сторону солдат барона. Закаленные в боях и дисциплинированные, они в два раза превосходили числом лесных молодцов. С каждой минутой они все больше и больше захватывали в свои руки инициативу боя. Маленький Джон первым понял, в какое отчаянное положение попали он и его товарищи. Только отступление могло спасти их от бессмысленной гибели. И он бросился на поиски Джильберта, чтобы убедить старика отдать приказ о прекращении сражения.

Безрассудно смелый Уильям привлек к себе внимание четырех солдат барона. Они приняли его за вождя лесных молодцов и, окружив со всех сторон нежного друга Мод, набросились на него. Уильям отчаянно сопротивлялся, но силы были неравные, и солдатам удалось повалить его на землю. Это увидел Робин и поспешил на помощь другу. Ударом копья в грудь убил он одного из солдат, помог подняться Уиллу и повел его туда, где Маленький Джон собирал товарищей, чтобы с почтением вывести их с поля битвы. Опасность, нависшая над Уиллом, казалась, была отвлечена. И вдруг...

— Батюшка! Батюшка! — отчаянно закричал Робин. — Они убили моего отца! — и кинулся на помощь Джильберту.

Солдаты снова набросились на Уильяма, схватили его и потащили. Отчаянно отбиваясь от врагов, Уилл увидел Робина, стоявшего на коленях перед распростертым на земле Джильбертом. Голова старика была раскроена ударом топора.

Убийцу постигла скорая месть: он пал от руки Робина. Гибель старика повергла в горе его соратников, и никто из них не заметил исчезновения Уилла.

Утихшее было сражение закипело с новой силой. Робин и Тук убивали всех, кто оказывался в пределах досягаемости их дубин и стрел, а Маленький Джон поднял с земли тело Джильберта и понес его в замок.

Четверть часа спустя Робин скомандовал:

— В лес, ребята!

Подобно стае вспугнутых птиц, рассеялись по лесу товарищи Робина, а солдаты с криком:

— Победа! Победа! Гони псов! Бей псов! — устремились за ними в погоню.

— Бойтесь псов! Они кусаются! — кричал в ответ Робин и осыпал солдат смертоносными стрелами.

Погоня становилась опасной, и солдаты благоразумно от нее отказались.

Шестерых товарищей недосчитались лесные молодцы. Джильберт Хид погиб, а Уилл Пунцовый оказался среди пропавших без вести.

— Я не покину Уильяма,— сказал Робин товарищам.— Идите в замок, друзья, а я пойду искать Уилла. Что случилось с ним? Ранен? Убит? В плену?

— И я пойду с тобой, Робин,— поддержал друга Маленький Джон.

Они поспешно вернулись на перекресток лесных дорог, где только что кипела кровавая сеча, а остальные продолжили путь в замок Гэмвелл.

К удивлению Робина и Маленького Джона, не было видно никаких следов сражения. Все тела погибших, и лесных молодцов, и солдат, исчезли. Только отпечатки конских копыт на дороге свидетельствовали, что недавно здесь прошел конный отряд. Крестonosцы подобрали и унесли с собой даже обломки копий и стрел. Какое-то живое существо бродило по перекрестку, тревожно оглядываясь по сторонам. Оно, видимо, искало хозяина. Это была лошадка монаха.

Она увидела парней и весело потрусилась в их сторону, но, узнав в Маленьком Джоне того, кто привязал ее к дереву, остановилась, тревожно заржала, вздыбилась и исчезла в зарослях.

— Красотка Мэри слишком злоупотребляет своей свободой,— проговорил Маленький Джон.— Бьюсь об заклад, что еще до восхода солнца она станет собственностью какого-нибудь бродяги.

— Давай поймем ее,— предложил Робин.— Верхом на ней я быстро догоню солдат.

— А они быстро отправят тебя на тот свет,— охладил его порыв благоразумный племянник сэра Гая.— То, что ты задумал, бессмысленно. Вернемся в замок. Утро вечера мудренее. Завтра посоветуемся и что-нибудь придумаем.

— Хорошо, вернемся в замок,— согласился с ним Робин.— Батюшки нет...

Через день после этого печального события брат Тук отслужил заупокойную мессу над телом Джильберта. Преклонив колена у отцовского одра, Робин горячо молился за упокой души самого дорогого ему на земле человека.

— Прощайте навсегда, дорогой батюшка,— говорил он.— Много лет назад вы приняли в свой дом чужого ребенка,

всеми покинутого сироту. Вы подарили этому ребенку свое незапятнанное имя, вы нежно любили его, заменили ему родителей. Прощайте, прощайте, прощайте... Смерть разлучила нас на земле, но наши души будут всегда вместе. Дорогой батюшка! Вы вечно будете жить в моем сердце, любимый, почитаемый, боготворимый. Ни время, ни горести, ни возможное счастье не сотрут ваш образ в моей душе. Вы мне часто говорили, дорогой батюшка, что души праведников сохраняют и защищают тех, кого они любили. Батюшка, молю вас, охраняйте с небес вашего сына, а я клянусь, что буду всегда достойным имени, которое вы мне дали. Я кладу свою руку на вашу и, призывая в свидетели Господа Бога, клянусь, что никогда в жизни не совершу поступка, который бы вы не одобрили.

Он еще долго молился, потом встал и позвал друзей. Вся семья Гэмвелл сопровождала к месту последнего упокоения тело старого лесничего.

Позади всех шел Линкольн, бледный, убитый горем. К нему жался хромой пес. Это был Ланс, любимый пес Джильберта, верный до могилы своему хозяину.

Тело Джильберта, завернутое в саван, опустили в могилу, рядом с ним положили его оружие. И тут старый верный Ланс подполз к краю могилы, прыгнул вниз и прижался к телу почившего хозяина.

Робин хотел вытащить его из могилы.

— Оставьте, не трогайте пса, сэр Робин, — произнес Линкольн. — Пусть слуга лежит рядом с хозяином. Посмотрите, он испустил дух.

Старик сказал правду. Ланс умер.

Могилу засыпали землей. Робин остался один. Все искренне сочувствовали ему и понимали, что никакие соблазновения не утешат его в безмерном горе.

Догорел пурпурный закат, засверкали на небе первые звезды, призрачные лунные лучи осветили одинокую фигуру Робина. Две тени приблизились к нему.

Легкое прикосновение нежных ручек вывело его из тяжелого оцепенения. Он поднял голову и увидел рядом с собой плачущих Марианну и Мод.

— Пусть вас утешат надежда, воспоминание и моя любовь, — взволнованно прошептала Марианна. — Бог посылает нам страдания, но Он же дает вам силы, чтобы их вынести.

— Я покрою могилу цветами, которые он так любил, — произнесла Мод. — И мы будем вместе вспоминать того, кто навеки покинул нас.

— Благодарю вас, Марианна. Благодарю вас, Мод, — ответил Робин.

Голос у него пресекся, он не мог найти слова, чтобы выразить девушкам свою признательность. Поднявшись с колен, Робин поцеловал руку Мод, почтительно поклонился Марианне и быстро удалился.

Г Л А В А XIX

На следующий день с первыми лучами солнца Робин и Маленький Джон вошли в Ноттингем и сразу же направились в городскую харчевню. Несмотря на ранний час, большой зал харчевни был битком набит вооруженными людьми, одетыми в цвета барона Фитц Олвайна.

Друзья заказали завтрак и стали прислушиваться к разговорам солдат.

— Мы так до сих пор и не знаем, кто совершил нападение на крестоносцев, — говорил один из людей барона. — Его светлость предполагает, что это были разбойники или же вассалы кого-то из его врагов. К счастью, дела задержали монсеньора, и он прибыл в замок только через несколько часов после крестоносцев.

— А ты не знаешь, Джеффри, долго ли пробудут крестоносцы в замке? — спросил у говорившего хозяин харчевни.

— Завтра они отправятся в Лондон. Им приказано доставить туда пленников.

Робин и Маленький Джон многозначительно переглянулись.

Хозяин и Джеффри обменялись еще несколькими незначительными фразами. Солдаты пили и играли в кости.

— Уильям содержится в замке, — еле слышно прошептал Робин. — Мы должны или проникнуть в замок, или снова устроить засаду. Силой или хитростью мы освободим его.

— Я готов на все. Только бы спасти наших ребят, — ответил Маленький Джон.

Друзья поднялись, и Робин расплатился с хозяином. Когда они, направляясь к выходу, проходили мимо солдат, Джеффри зацепил Маленького Джона:

— Друг мой, клянусь святым Павлом, потолочные балки целуются с твоей макушкой, а если твоя мать легко обнимает и целует тебя в щеку, не становясь для этого на табуретку, она может смело рассчитывать на место в рядах крестоносцев.

— Чем тебе помешал мой высокий рост, мессир солдат? — добродушно спросил Маленький Джон.

— Абсолютно ничем, дорогая громадина. Я хочу только выразить тебе свое удивление. До сих пор я считался самым статным и самым сильным мужчиной во всем Ноттингемском графстве.

— Ну, что же, значит, ты ошибался. Бывает, — лобезно парировал Маленький Джон.

— Спорю на бочонок эля, — продолжал Джеффри, обращаясь к своим товарищам, — что эта громадина, несмотря на кажущуюся несокрушимую силу, побойтся тронуть меня дубиной.

— Идет! — закричал один из присутствующих.

— Отлично!

— Меня очень удивляет, — вмешался Маленький Джон, — что никто не поинтересовался, а приму ли я ваш вызов.

— Почему бы тебе не задержаться на четверть часа и не доставить удовольствие тому, кто, не будучи знаком с тобой, поставил на тебя? — спросил солдат, принявший пари Джеффри.

— Перед тем как принять твоё дружеское предложение, — сказал Маленький Джон своему противнику, — я должен сказать вот что. Я никогда не гордился своей силой и своими неизменными победами. Если ты хочешь драться со мной, то знай, что ты обречен на поражение. Может быть, сам того не желая, я покалечу тебя. И самолюбие твоё пострадает.

Солдат расхохотался.

— Никогда не встречал таких бахвалов, как ты, мессир незнакомец, — насмешливо сказал он. — Если ты откажешься драться со мной, я обзову тебя ещё и трусом.

— Придется проучить тебя, уж очень ты этого хочешь, мэтр Джеффри. Но прежде позволь сказать несколько слов моему товарищу.

— Ты что, бежать хочешь от нас? — с издевкой спросил Джеффри. — Не выйдет.

Солдаты рассмеялись.

Задетый за живое наглым предположением, Маленький Джон бросился на солдата.

— Если бы я был норманном, — гневно воскликнул он, — я бы так и поступил. Но я сакс. Если я сразу не принял твоё глупое предложение, то только по доброте души. Но ты не понимаешь по-хорошему и ещё насмехаешься надо

мной. А раз так, долой сострадание! Зови хозяина, расплачивайся за эль и заказывай себе бинты и компрессы. Они тебе пригодятся для приведения в божеский вид выроста, который болтается у тебя между плечами и который ты почему-то называешь головой... Дорогой Робин, — тихо сказал Маленький Джон, подойдя к Робину, который стоял в нескольких шагах от харчевни, — иди к Грас Мэй, там ты, без сомнения, найдешь Хэла. Если кто-нибудь из солдат узнает тебя, это может очень повредить Уиллу. Мне же ничего не остается, как проучить этого дурака. Обо мне не беспокойся, а тебе незачем вмешиваться в потасовку.

Робин с неохотой повиновался своему благоразумному другу. С несравненно большим удовольствием он посмотрел бы схватку и полюбовался бы на очередную голову, разбитую Маленьким Джоном.

Как только Робин скрылся в толпе, Джон вернулся в харчевню. Народу там прибавилось. Слух о поединке на дубинах между силачом-солдатом Джеффри и незнакомцем, который не уступал ему в силе и не лез за словом в карман, облетел городок и привлек всех ценителей этого искусства.

Маленький Джон безразличным, спокойным взглядом окинул толпу и приблизился к своему противнику.

— Начнем, мессир норманн? — спросил он.

— Начнем, — ответил Джеффри.

— Прежде чем начать поединок, — продолжал Маленький Джон, — я хочу выразить свою признательность вашему приятелю, который поставил на меня и — кто знает? — может проиграть. Чтобы приободрить его, я сам поставлю пять шиллингов за то, что не только заставлю тебя растянуться на земле во всю длину, но и тресну несколько раз своей дубиной по твоей голове. Тот, кто выиграет пять шиллингов, поставит выпивку всей честной компании.

— Согласен! — весело ответил Джеффри. — И даже удваиваю заклад. Ты получишь деньги, если тебе удастся ранить меня.

— Ура! — закричали ротозей, всегда готовые выпить за чужой счет.

Оба противника в сопровождении шумной толпы вышли из харчевни и пошли на лужайку, поросшую густой зеленой травой. Там они стали в позицию друг против друга, а зрители образовали широкий круг. Наступила тишина.

Маленький Джон положил на землю все свое оружие, кроме дубины, и надел перчатки. Джеффри же снял с себя доспехи и затянул пояс камзола.

Несколько секунд противники внимательно изучали друг друга. Лицо Маленького Джона было спокойно, он улыбался. Нахмуренное лицо Джеффри выдавало его обеспокоенность, которую он тщетно старался подавить.

— Я жду,— сказал Джон и отсалютовал солдату дубиной.

— К вашим услугам,— ответил Джеффри и тоже отсалютовал дубиной.

Они пожали друг другу руки и обнялись.

Схватка началась. Мы не будем описывать ее нашим читателям, скажем только, что она длилась недолго. Несмотря на отчаянное сопротивление, Джеффри потерял равновесие, и Маленький Джон сильным ловким движением перебросил его через свою голову. Солдат пролетел шагов двадцать и растянулся на земле.

Пристыженный, он поднялся на ноги под веселые крики зрителей, которые от восторга кидали вверх шапки.

— Ура! Да здравствует лесной удалец!

— Я честно выиграл первую схватку, месьир солдат,— произнес Маленький Джон,— и готов начать вторую.

Красный от гнева, Джеффри утвердительно кивнул головой. Зрители снова измерили их дубины, и схватка началась, ожесточенная, беспощадная.

И на этот раз Джеффри проиграл.

Толпа славила победителя, эль лился рекой, все пляли за здоровье Маленького Джона.

— Помиримся, храбрый солдат! — промолвил Джон, протягивая руку побежденному сопернику.

Джеффри не ответил на этот дружеский жест и с горечью сказал:

— Я не нуждаюсь ни в вашей помощи, ни в вашей дружбе, месьир. И советую вам не заноситься. Я не из тех людей, которые спокойно проглатывают позор поражения, и, если бы служба не призывала меня сейчас в замок, я бы с вами поквитался.

— Охотно верю, мой славный друг,— сказал Джон. Храбрость и самообладание солдата внушали ему уважение.— Забудь об этом. На этот раз я оказался сильнее тебя. Не велика беда. Поверь мне, ты скоро восстановишь свою репутацию силача и лучшего бойца на дубинах. А я с удовольствием признаю и объявляю во всеулышание, что ты не только очень сильный и опасный боец, но и отличный атлет. У тебя крепкое сердце и стальные мышцы. Прими мою руку. Я протягиваю ее тебе без задних мыслей. Это рука честного малого.

В словах Маленького Джона звучало непоколебимое добродушие. Недоверчивый солдат, казалось, был растроган.

— Вот тебе моя рука,— прознес он.— Пожмем друг другу руки и будем друзьями. А теперь окажи мне честь и назови свое имя, имя победителя.

— Я не могу сейчас исполнить твою просьбу, мэтр Джеффри. Потерпи немного.

— Ладно, подожду, если ты этого хочешь, незнакомец. Но перед тем как ты покинешь нашу веселую компанию, я скажу тебе, что ты ошибся, назвав меня норманном. Я сакс.

— Господи! — весело воскликнул Маленький Джон.— Как я рад, что и ты принадлежишь к благороднейшему народу английской земли. За это я тебя еще больше уважаю. Мы скоро встретимся, и ты увидишь, что я не всегда такой скрытный. А теперь прощай, я должен спешить.

— Как, ты нас покидаешь, благородный лесной удалец? Я этого не допущу, буду сопровождать тебя повсюду, куда ты пойдешь.

— Прошу вас, мессир солдат, оставьте меня сегодня в покое. Мне нужно срочно встретиться с моим товарищем. Я и так потерял много драгоценного времени.

Слух о том, что Маленький Джон покидает честную компанию, мгновенно облетел харчевню.

— Дорогой незнакомец! — закричали разом двадцать голосов.— Мы будем твоей свитой. Мы хотим везде проповедывать твою великодушность и твою смелость.

Такое проявление внезапной популярности мало улыбалось Маленькому Джону, и он спросил у Джеффри:

— Не окажешь ли ты мне услугу?

— С удовольствием.

— Помоги мне отделаться от этих навязчивых пьяниц, не обидев их. У меня здесь дела, к которым я не хотел бы привлекать ничьего любопытного внимания.

— Охотно помогу,— ответил Джеффри. Он ненадолго задумался и сказал: — Есть один отличный способ.

— Какой?

— Ты пойдешь со мной в ноттингемский замок. Как только мы ступим на подъемный мост, они отстанут от нас. А из замка я тебя выведу потайным путем.

— Как! — вскричал Маленький Джон.— Неужели нет другого способа избавиться от этих дураков?

— Может быть, и есть, но я его не знаю. Глупое тщеславие горожан безмерно. Ты думаешь, они хотят по-

всюду сопровождать тебя из любви к тебе? Ничего подобного. Им надо, чтобы все видели их в твоём обществе, а потом они будут без конца рассказывать соседям, родственникам и приятелям: «Я целых два часа провел в обществе отважного парня, который побил самого Джеффри Сильного. Мы теперь друзья. Я шел рядом с ним. Неужели вы этого не видели?» — и так далее и тому подобное.

Маленькому Джону ничего не оставалось, как последовать совету Джеффри.

— Принимаю твоё предложение, — сказал он. — Смаываемся отсюда, да поскорее. Время не ждёт.

— Потерпи минутку. Друзья! — закричал Джеффри. — Я должен вернуться в замок. Этот честный малый пойдёт со мной. Прошу, оставьте нас в покое. А если кто-нибудь из вас увяжется за нами даже на расстоянии двадцати шагов, я сочту это личным оскорблением и — клянусь святым Павлом! — вздую его так, что он всю жизнь будет меня помнить.

— Но, — рискнул кто-то подать голос, — мой дом находится как раз на вашем пути, и жена не велела мне долго задерживаться здесь.

— Ничего! Подождешь десять минут, а потом иди, куда хочешь. Ну, прощайте, друзья.

И Джеффри с Маленьким Джоном под громовое «ура!» покинули харчевню.

Вот так Маленькому Джону удалось проникнуть в укрепленный замок барона Фитц Олвайна.

А Робин, распрощавшись с Маленьким Джоном, направился к дому Грас Мэй. Он знал хорошенькую невесту Хэла только по восторженным рассказам безумно влюбленного в нее жениха, и жгучее любопытство вело его теперь к жилищу красавицы.

Он долго стучал в ворота — никто не отзывался. Тогда, потеряв всякое терпение, он начал вполголоса напевать припев известной нам песенки, сложенной Джильбертом.

Не успел он пропеть несколько строк, как сонную тишину дома нарушил шум быстрых шагов, калитка открылась, и Робин увидел молоденькую девушку. Уверенная, что ранний гость не кто иной, как Хэл, девушка весело воскликнула:

— Я так и знала, что это вы, милый Хэл! Я сказала матушке... Ах! Простите, мессир, — проговорила Грас Мэй (это была она), — простите... — От смущения Грас покрас-

нела до корней волос: по ошибке она бросилась в объятия Робину.

— Это я, милая барышня, должен извиниться перед вами за то, что я не тот, кого вы ожидали,— ответил Робин.

Грас Мэй быстро овладела собой.

— Могу ли я узнать, мессир, что вас привело в наш дом? — спросила она.

— Милая барышня,— ответил Робин,— я друг Хэлберта Линдсея. Мне срочно нужно его видеть, но я не могу показываться в замке и поэтому пришел к вам. Я буду вам очень обязан, если вы позволите мне подождать его в вашем доме.

— Друзья Хэла — желанные гости в доме моей матушки. Входите, пожалуйста.

Робин вежливо поклонился Грас Мэй и вошел вместе с ней в просторную комнату.

— Вы завтракали, мессир? — спросила девушка.

— Да, барышня, благодарю вас.

— Тогда позвольте мне предложить вам стакан эля. У нас чудный эль.

— С удовольствием выпью за счастье моего друга Хэла,— изящно поклонившись девушке, сказал Робин.

Глазки хорошенькой Грас заискрились весельем.

— Какие у вас тонкие манеры, мессир! — воскликнула она.

— Я искренний поклонник красоты, мисс. Вот и все.

Девушка покраснела.

— Вы издалека приехали? — спросила она для того, чтобы поддержать разговор.

— Да, барышня. Я живу в маленькой деревушке недалеко от Мансфельда.

— Вы из деревни Гэмвелл?

— Да. А вы разве слышали об этой деревне? — удивился Робин.

— Да, мессир, и много раз,— ответила девушка, улыбаясь.— Я прекрасно знаю эти места, хотя никогда там не бывала.

— Каким же это образом?

— Ах, все очень просто. Молочная сестра Хэлберта, мисс Мод Линдсей, живет в замке сэра Гая. Хэлберт часто навещает ее и всегда рассказывает мне обо всем, что происходит в замке. Я знаю и люблю всю семью сэра Гая и их гостей. А среди гостей есть один человек, о котором

Хэлберт может рассказывать мне бесконечно. Это его лучший друг.

— Кто же это? — смеясь, спросил Робин.

— Да вы сами, мессир. Хэл так точно описал мне вас, что ошибиться просто невозможно. Вас зовут Робин Гуд, не правда ли? Хэл говорил, что Робин Гуд высокого роста, прекрасно сложен, что у него большие черные глаза, великолепные волосы, облик и манеры благородного господина.

Робин улыбнулся. Грас Мэй смутилась и опустила глаза.

— У Хэла доброе сердце, милая барышня. Он подарил мне свою дружбу и находит у меня такие качества, которыми я вовсе не обладаю. А вот к вам он почему-то строг и несправедлив. Я сразу же заметил, как только увидел вас, что все, что он мне о вас рассказывал, мало соответствует действительности.

— Но я уверена, что он ничего не рассказывал вам обо мне такого, что могло бы обидеть меня,— возразила Грас Мэй.

— Нет, конечно. Он говорил мне, что вы одна из самых очаровательных девушек в Ноттингемском графстве.

— И вы ему поверили?

— Я бы совершил непростительную ошибку, если бы поверил ему.

— Ах! — весело воскликнула девушка.— Как бы я хотела услышать от вас, что вы на самом деле думаете обо мне.

— Сейчас услышите. Я уже говорил, что Хэл несправедлив к вам и что я совершил бы непростительную ошибку, если бы поверил его словам, что вы одна из самых очаровательных девушек в Ноттингемском графстве.

— Это преувеличение, внушенное ему любящим сердцем. Простите ему это, мессир.

— Это не преувеличение, милая барышня, а ослепление. Вы не одна из самых красивых девушек в графстве, а прекраснейшая среди красивых.

Грас рассмеялась.

— Позвольте мне, мессир,— промолвила она,— принять ваши слова как милую любезность. Если бы я вам искренне поверила, вы бы меня приняли за дурочку. Мод Линдсей — совершенная красавица, а еще в замке Гэмвелл живет молодая дама, рядом с которой меркнет красота Мод. Вы сама любезность, мессир, и поэтому не говорите то, что думаете.

— Я никогда не боюсь откровенно говорить то, что думаю,— ответил Робин.— И я говорю истинную правду, уверяя вас, что в своем роде вы совершенная красавица и что вы краше всех ноттингемских девушек. А молодая дама, на которую вы намекаете, действительно очень хороша. Но я вижу, что мое искреннее восхищение вашей красотой вы воспринимаете как лесть, и мне, чего доброго, придется держать ответ перед моим другом Хэлом за то, что я говорил любезности его невесте.

— Вы правы, мессир. Поговорим по-дружески.

— Хорошо. Ответьте откровенно на один мой вопрос. Почему вы, не рассмотрев, кто стоит перед вами, бросились в мои объятия?

— Вы задали мне трудный вопрос, сэр Робин,— произнесла Грас,— но я отвечу вам на него. Вы напевали любимую песенку Хэла, и поэтому я приняла вас за него. Хэл — мой друг детства, мы росли вместе. С самого нежного возраста между нами сложились непринужденные отношения. Прошу вас, извините меня, если мой поцелуй был неприятен вам.

— Вам не за что извиняться, милая мисс Грас. Я несколько не удивлюсь, если в один прекрасный день услышу от Хэла, что он самый счастливый парень на земле. Я завидую ему.

— Сэр Робин! — весело сказала девушка.— Я вас снова ловлю на неискренности. Вы никогда не променяете счастье Хэла на то счастье, к которому вы стремитесь.

— Милая Грас,— спокойно ответил Робин,— попробуйте найти среди ваших знакомых девушку или парня, которым бы удалось погасить искру нежного чувства, зароненного ими в чье-то честное сердце. И если бы мне вдруг в голову пришла шальная мысль вытеснить Хэлберта из вашего сердца, у меня бы ничего не вышло, как бы я ни старался.

Эта веселая легкомысленная беседа продолжалась около часа.

— Мне кажется, Хэл заставляет себя слишком долго ждать,— заметил Робин.— Влюбленные нетерпеливы и обычно приходят на свидание задолго до назначенного времени.

Наконец послышался стук в ворота, и голос Хэла пропел песенку о Робине Гуде. Грас бросила на Робина красноречивый взгляд: «Ну вот видите? Разве моя ошибка не простительна?» — читалось в нем — и побежала открывать дверь.

Она ласково попеняла Хэлу за опоздание и обняла его.
— Как? Робин? — вскричал Хэл. — Не случилось ли чего плохого с моей сестренкой Мод? Как ее здоровье?

— Мод приболела.

— Обязательно навещу ее. Я знал или, вернее, догадывался, что вы в Ноттингеме, Робин. Какое-то чувство подсказывало мне искать вас здесь. А сегодня утром меня послали в город с поручением. Огромная толпа валила к харчевне. «Джеффри Сильный вызвал на поединок какого-то лесного удальца!» — кричали все. Ну, и я, разумеется, поспешил туда. Разве я мог отказаться от такого редкого удовольствия?

— А я в это время ждала вас, — сказала Грас, надув хорошенькие розовые губки.

— Но я не думал, что задержусь там надолго. Я прибежал как раз в тот момент, когда Маленький Джон перебросил Джеффри через голову. Ах, это непостижимо! Джеффри Сильный, Джеффри Гигант, как мы зовем его в замке, растянулся во весь рост на земле. Какая ловкость, Грас! Никогда не видел ничего подобного! Я хотел расспросить о вас у Джона, но к нему невозможно было подступить. Я пришел звать вас в замок.

— В замок? — переспросил Робин. — Вы сообщили барону, что я в Ноттингеме?

— Нет, конечно. Барон недавно вернулся из-за моря. Неужели я такой дурак, что могу донести ему на вас? Он же затравит вас, как дикого зверя.

— Милый Хэл, я действительно испугался и теперь вижу, как это глупо с моей стороны. Вы надежный парень, Хэл. Я пришел в Ноттингем, чтобы встретиться с вами и расспросить о пленниках, содержащихся в подземельях замка. Вы, конечно, слышали о нападении на крестоносцев в Шервудском лесу?

— Да, это мне известно. Барон мечет громы и молнии.

— Тем хуже для него. Но вернемся к пленникам. Среди них есть один парень, которого я должен спасти любой ценой. Это Уилл Пунцовый.

— Уильям! — вскричал Хэл. — Каким образом он затесался в шайку бродяг, напавших на крестоносцев?

— Милый Хэл, — промолвил Робин, — это были не бродяги, а славные ребята. Вылазка была плохо подготовлена. Мы хотели покарать барона Фитц Олвайна, но были разбиты крестоносцами.

— Так, значит, это были вы? — воскликнул опечаленный Хэл.

Робин утвердительно кивнул.

— Теперь я все понимаю. Это о вашем искусстве ходят легенды среди крестоносцев. Они рассказывают о волшебном стрелке из лука. Каждая его стрела несла на своем кончике смерть. Ах, мой бедный Робин! Как же случилось, что вы были разбиты? Какое несчастье!

— Большое несчастье, Хэл,— грустно сказал Робин.— Убит мой батюшка.

— Господи! Джилберт погиб! — со слезами на глазах проговорил Хэл.

Охваченные общим безысходным горем, Хэл и Робин молча смотрели друг на друга. Исчезла улыбка с личика Грас. Душевная мука друзей опечалила ее.

— А Уилл попал в руки солдат барона? Как мы можем облегчить его судьбу? — спросил Хэлберт.

— Да, Уилл попал в руки солдат барона,— как эхо отозвался Робин.— Я пришел в Ноттингем, чтобы встретиться с вами. Ведь вы не откажете в помощи? Мне нужно проникнуть в замок. Я не уйду из Ноттингема, пока не освобожу Уилла.

— Смело рассчитывайте на меня,— сказал Хэл.— Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы вызволить Уилла из беды. Я проведу вас в замок. Это для меня ничего не стоит. Но когда вы попадете туда, следите за каждым своим словом и за каждым своим шагом. Будьте осторожны, наберитесь терпения. Барон вернулся, и замок превратился в настоящий ад для всех нас. Он кричит, ругается, ходит повсюду. Это невыносимо.

— Леди Кристabelle тоже вернулась?

— Нет. С ним вернулся только его исповедник. Его войско пополнилось солдатами-иностранцами.

— Что вам известно о судьбе Аллана Клэра?

— Ничего. Никто в замке ничего не знает о нем. А леди Кристabelle осталась во Франции. Говорят, что она живет в монастыре. Так что и месьир Аллан скрывается где-то поблизости от этого монастыря.

— Возможно, что вы недалеко от истины,— сказал Робин.— Бедный Аллан! Дай Бог, чтобы счастье увенчало его верную любовь.

— Провидение всегда покровительствует влюбленным,— встала свое словечко Грас.

— Будем надеяться на Провидение! — воскликнул Хэлберт и с нежностью посмотрел на свою невесту.

— Да поможет Оно нам,— произнес Робин. Он вспомнил о Марианне, и его сердце затрепетало от счастья.

— Робин,— сказал Хэл,— если мы хотим спасти Уилла, нам надо поторапливаться, а не то будет поздно. Сегодня ночью пленников отправят под усиленным конвоем в Лондон. Там они предстанут перед королевским судом.

— Идемте. Я обещал Маленькому Джону, что буду ожидать его возле замкового подъемного моста.

— Грас, милая, милая Грас,— жалобно проговорил Хэл,— прошу вас, не обижайтесь, что я вынужден так скоро вас покинуть. Мы идем спасать друга.

— Что вы, Хэл! Разве я могу упрекать вас за это? Будьте мужественны, и да благословит вас Бог! Идите, спасайте вашего друга и не думайте обо мне. А я буду молиться за вас.

— Вы — самая лучшая из женщин, любимая моя! — проговорил Хэл, целуя зарумянившиеся щеки своей невесты.

Робин низко поклонился девушке, и друзья побежали к замку.

— А вот и Маленький Джон,— сказал Робин.— Посмотрите, как заискивает перед ним Джеффри! Что бы это значило?

— Похоже, что они стали друзьями,— ответил Хэл.— И Джеффри ведет Джона в замок. Там они выпьют и весело проведут время. Джеффри — прекрасный парень, но уж очень неосторожный. Он недавно поступил на службу к барону, но уже много раз попойки с его участием заканчивались скандалами.

— Маленький Джон и сам не будет много пить, и приятеля удержит в рамках приличия. Так что на этот раз скандала не будет,— успокоил Робин Хэла.

— Он заметил нас и подает какой-то сигнал.

— Просит подождать его здесь,— расшифровал сигнал Джона Робин.— Он идет в замок. Я сейчас сообщу ему, что мы следуем за ними и встретимся в одном из внутренних дворов.

— Прекрасно. В буфетной я представляю вас как одного из моих друзей. Мы потолкаемся среди солдат, прислушаемся к их разговорам и узнаем, в каких камерах заключены пленники и кому поручено охранять их. Похитим ключи, освободим Уилла, и по подземному ходу вы вернетесь в Шервудский лес.

— А они нас пусть поищут! — весело добавил Робин.

По приказу Хэла стражник опустил подъемный мост, и друзья вошли в замок.

И Маленький Джон под покровительством Джеффри тоже беспрепятственно проник в замок и теперь составлял в уме план освобождения двоюродного брата. Нечаянная дружба норманнского солдата пришлась ему как нельзя кстати.

Он легко перевел разговор на стычку в Шервудском лесу. Джеффри охотно и, казалось, с особым удовольствием удовлетворил любопытство своего нового друга и даже поведал ему, что по приказу барона командует отрядом стражников, надзирающих за тремя пленниками.

— Один из них — парень редкой красоты. Очень причудливая личность.

— А! — безразличным тоном произнес Маленький Джон.

— В самом деле. Никогда в жизни я не видел таких рыжих волос, как у него. Красавец с чудными глазами. Они горят от злости и гнева, как адские угли. Монсеньор допрашивал этого бедного малого в его камере, но так ничего от него и не добился. Он поклялся, что на следующий день прикажет повесить беднягу. Я сам это слышал.

«Бедный Уилл!» — подумал Маленький Джон, а вслух спросил:

— Он не ранен?

— Он чувствует себя так же хорошо, как вы и я, — ответил Джеффри. — У него плохое настроение, вот и все.

— Камеры для узников расположены на крепостной стене? — продолжал расспрашивать Маленький Джон. — Это большая редкость.

— Вы ошибаетесь, сэр незнакомец. Во многих английских замках темницы устроены именно так.

— Где их размещают? По углам?

— Да, чаще всего — по углам. Темница, в которой содержится тот парень, находится на западной стене. Она довольно удобная, заключенные в ней узники не жалуются ни на холод, ни на сырость. Она видна отсюда. Как раз возле бойницы. Ну, рассмотрел?

— Да.

— Над дверью прорублено небольшое окно, через него в камеру проникает свет. Видишь?

— Вижу. Рыжий парень сидит в этой камере?

— Да. На свою беду попал он туда.

— Бедняга! Как мне его жалко!

— И мне жалко его, сэр незнакомец, — отозвался Джеффри.

— Как подумаю, — продолжал Маленький Джон с безразличным видом, — что он сидит там, в четырех стенах,

за крепкой, окованной железом дверью, молодой, сильный, здоровый парень, который-то, в сущности, ничего не сделал плохого! Его камеру охраняют часовые?

— Нет, он там совершенно один. С помощью верных друзей он уже давно был бы на свободе. Дверь заперта снаружи на задвижку. Отодвинь ее, и дверь откроется. Единственная сложность заключается в том, что к его камере невозможно подойти по западной стороне крепостной стены.

— Почему?

— Потому что там на каждом шагу повстречаешься с солдатами. А вот по восточной стороне почти никто не ходит. Это самый надежный путь.

— Там есть охрана?

— Никакой. Эта часть замка совершенно безлюдна. Говорят, там бродят только привидения и распугивают всех, кто вздумает туда сунуться.

— Но право же,— произнес Маленький Джон.— Я бы на месте пленника не рискнул спастись таким ненадежным способом... Ну хорошо, его выпустят из темницы, а как он выберется из крепости?

— Разумеется, чужак, не знакомый с секретными ходами и переходами, не сделает и десяти шагов, как будет снова задержан. Ну а если бы бежать пришлось, например, мне, я бы направился к восточной крепостной стене. Там есть необитаемая комната, ее окна выходят на ров. Рядом с одним из окон, на расстоянии протянутой руки, находится подпорная арка. Ею можно воспользоваться как ступенькой. Через ров перекинут деревянный брус. По нему пересекают ров солдаты барона, когда возвращаются в замок после отбоя. А дальше — дай Бог ноги.

— Как жаль, что у рыжего бедняги нет умного, преданного друга, знакомого с этими хитростями!

— Очень жаль.

— Очень жаль,— как эхо повторил Джон.

— Друг,— сказал Джеффри,— позвольте мне оставить вас на несколько минут одного. Служба есть служба. Хотите осмотреть замок — пожалуйста. Если вас остановят часовые, скажите им пароль: «Честность и верность». Они поймут, что вы свой человек, и пропустят вас.

— Благодарю вас, месье Джеффри,— с сердечной признательностью сказал Маленький Джон.

— Скоро ты еще не так будешь меня благодарить, саксонский пес! — пробормотал Джеффри, выходя из комнаты.— Подумать только, этот мужлан обращается со мной,

как с ровней. А я норманн, чистокровный норманн. Он дорого заплатит за свою победу! Поражение Джеффри Сильного не останется неотмщенным. Ах! Все видели, как я согнулся перед этим негодяем. Да никогда раньше дубина противника не касалась моей головы! Ну, ничего! Ты раскаешься за свою неосторожность, будь спокоен! Ха-ха-ха! — рассмеялся Джеффри. — Ты в ловушке, непобедимый лесной удалец! Я сразу раскусил тебя. Ты участвовал в нападении на крестоносцев, а теперь пришел выручать своих приятелей... Как же он легко заглотнул наживку! Даю голову на отсечение, что он сейчас бежит по восточной крепостной стене.

И Джеффри стал обдумывать, как ему извлечь двойную выгоду из своей подлости: получить награду от барона за бдительность и расквитаться за поражение и позор.

«Этот Джеффри, может быть, и порядочный человек, — размышлял, оставшись один, племянник сэра Гая, — и намерения у него, может быть, добрые, но я не верю ни в его честность, ни в его доброжелательность. Вряд ли он способен на великодушие, а тем более на бескорыстную помощь одолевшему его противнику. Следовательно, он меня обманывает. Он расставил мне ловушку, и я попался в нее. Надо и самому выбираться, и вызволять из беды Уилла».

Маленький Джон вышел из комнаты и, положившись на удачу, направился к галерее, которая, по его расчетам, должна была вывести его к восточной крепостной стене.

Он прошел по галереям и коридорам и наконец очутился перед какой-то дверью. Маленький Джон открыл эту дверь и увидел старика. Склонившись над окованным железом сундуком, старик укладывал туда мешочки с золотыми монетами и был так поглощен своим занятием, что не заметил нежелательное присутствие лесного удальца.

Но вот он поднял голову и увидел перед собой гигантскую фигуру непрошеного гостя. Ужас искажил его лицо, он выронил мешочки, и золото со звоном рассыпалось по полу.

— Кто вы такой? — дрожащим голосом спросил старик. — Я же отдал приказ никого не впускать в мои покои. Что вам от меня нужно?

— Я друг Джеффри, — ответил Маленький Джон. — Он оставил меня одного, и я заблудился.

— Ах, так вы друг Джеффри Сильного, нашего славного Джеффри? — переспросил старик, и странная улыбка за-

змеилась на его губах.— Послушайте меня, красавчик — я действительно ни разу в жизни не встречал молодца красивее вас,— поступайте ко мне на службу. Я — барон Фитц Олвайн.

— Как? Вы — барон Фитц Олвайн? — не поверил своим ушам Маленький Джон.

— Да. Вы всю жизнь будете благословлять этот день, если примете мое предложение.

— Какое предложение? — спросил Маленький Джон.

— Поступить ко мне на службу.

— Прежде чем ответить, я хотел бы задать вам несколько вопросов,— спокойно сказал Маленький Джон.

Он подошел к двери и запер ее изнутри на два поворота ключа.

— Что вы делаете, приятель? — закричал барон. Его охватил животный страх.

— Запираю дверь, чтобы чьи-нибудь нескромные уши не услышали наш разговор,— ответил Джон.

Ярость сверкнула в маленьких серых глазах барона.

— Вы это видели? — Джон показал его светлости широкий ремень из оленьей кожи.

Ярость душила старика, он не мог выговорить ни слова и только качал утвердительно головой.

— А теперь слушайте меня внимательно,— продолжал Маленький Джон.— Я задам вам несколько вопросов, и, если вы под каким-нибудь предлогом откажетесь отвечать на них, я вас повешу без всякой жалости на карнизе вон того высокого шкафа. И никто не прибежит на ваши крики по той простой причине, что я не позволю вам кричать. Я хорошо вооружен, у меня железная воля, а мужество не уступает воле. Если придется драться, я выдержу натиск двадцати ваших солдат. Итак, вы должны понять, что не задержитесь на этом свете, если откажетесь повиноваться.

«Подлый негодяй,— подумал барон,— я тебя самого отправлю на тот свет, как только вырвусь из твоих лап». И сладким голосом спросил:

— Чего вы желаете, мессир?

— Я хочу, чтобы вы освободили...

В этот момент в коридоре послышались быстрые шаги, и раздался громкий удар в дверь. Маленький Джон приставил остро заточенный нож к горлу тщедушного старика.

— Если вы хоть раз вскрикнете, если произнесете хоть одно слово, которое может выдать меня, считайте себя

покойником, — тихо сказал он. — Спросите у этого человека его имя и зачем он пришел.

Перепуганный насмерть барон безропотно повиновался:

— Кто стучит?

— Монсеньор, это я.

— Кто ты, дурак? — подсказал барону Маленький Джон.

— Джеффри.

— Что вам нужно от меня, Джеффри?

— Монсеньор, у меня для вас прекрасная новость.

— Какая новость?

— Я заманил в замок жоака негодяев, напавших в Шервудском лесу на вассалов вашей светлости.

— Вот как! — насмешливо проговорил Маленький Джон.

— Вот как! — почти прошептал барон.

— Да, милорд. Если ваша светлость соизволит приказать, я задержу этого разбойника силой или хитростью.

— Я сейчас очень занят и не могу принять вас. Приходите через полчаса.

Барон с трудом произнес эти слова, подсказанные ему Маленьким Джоном.

— Через полчаса будет поздно, — ответил Джеффри. Настроение у него испортилось.

— Повинуйся, бездельник, и убирайся отсюда. Я же тебе сказал, что не могу тебя сейчас принять.

Разъяренный барон с превеликой радостью отдал бы все мешочки с золотом, хранившиеся в сундуке, за возможность позвать Джеффри на помощь. Но Джеффри не знал этого и, повинувшись приказу, быстро ушел, а барон остался один на один со своим великаном врагом.

Как только тяжелые шаги солдата затихли в конце коридора, Маленький Джон вложил нож в ножны.

— А теперь, сэр барон, я скажу вам, зачем я сюда пришел. Несколько дней назад в Шервудском лесу произошла стычка между солдатами, возвращавшимися из Палестины, и славными саксонскими ребятами. Несколько саксонцев были взяты в плен. Так вот я хочу, чтобы вы освободили этих саксов. Никто не должен сопровождать их, никто не должен знать, куда они пойдут. Я не потерплю шпионов.

— Я с радостью исполнил бы ваше желанье, прекрасный лесной удалец, но...

— Но вы не хотите. Послушайте, монсеньор, у меня нет времени на такое утомительное занятие, как удовольствие выслушивать вашу ложь. Если хотите жить, освободите наших ребят.

— С вами не поспоришь, молодой человек. Хорошо, я повинуюсь вам. Вот вам моя печать. Вы покажете ее любому часовому, охраняющему крепостную стену, и скажете ему, что я помиловал негодяев... простите, пленников. Часовой проводит вас к начальнику стражи, и тотчас же будет отдан приказ открыть двери залы, где содержатся отважные ребята.

— Похоже, что все так и должно быть, как вы мне рассказываете, сэр барон, — сказал Маленький Джон, — но тем не менее я не склонен вам доверять. Печать, часовой, хождения туда-сюда — все так запутано, что я сомневаюсь в благополучной развязке. Поэтому вы пойдете со мной, хотите вы этого или не хотите, и сами прикажете вашим людям освободить из-под стражи моих ребят. Затем вы выпустите нас из замка.

— Так вы не доверяете моему слову? — оскорбился барон.

— Ни на копейку. Имейте в виду, что если я по вашей милости попаду в ловушку, то, прежде чем погибнуть, я всажу нож в ваше сердце по самую рукоятку. Вы и пикнуть не успеете.

Маленький Джон произнес эту угрозу таким твердым тоном, его лицо выражало такую решимость, что у барона ни на секунду не возникло сомнения, что при необходимости парень без колебаний перейдет от слов к делу.

Барон оказался в смертельно опасном положении. И все по собственной оплошности. Обычно вход в его покои охранялся отрядом солдат. Но в тот день его светлость пожелал остаться в одиночестве, чтобы без лишних свидетелей пополнить золотом свои сундуки (о банках тогда и не слышали). Он отослал телохранителей и приказал им ни в коем случае без особого приказа не входить в его покои. Поэтому помощи ему ждать было неоткуда, и он не осмеливался возражать Маленькому Джону. Страх парализовал его. Лорд Фитц Олвайн дорожил жизнью и не горел желанием встретиться в обозримом будущем со своими предками. Но эта печальная встреча каждую минуту могла стать реальностью, ибо шансы барона на успех в поединке с Маленьким Джоном были ничтожны. Помиловать молодых саксов он мог только на словах, а фактически это было уже не в его власти. Ранним утром пленники под конвоем солдат были отправлены в Лондон.

Король Генрих Второй терпел поражения в Нормандии, его армия таяла, и, хотя в самом королевстве царил мир,

его величество призывал на военную службу в неограниченном количестве молодых мужчин высокого роста и крепкого здоровья.

Вельможи наперебой стремились угодить королю и посылали отряды своих вассалов для пополнения его поредевшего воинства. Лорд Фитц Олвайн вернулся в Ноттингем только для того, чтобы завербовать в своих владениях солдат, достойных занять почетное место в королевских войсках. Он был поражен геркулесовской силой и статью Маленького Джона и решил любой ценой забрить ему лоб.

Вынужденный повиноваться новому приказу Маленького Джона, барон скрыл от него, что пленники давно уже покинули замок. Под предлогом освобождения молодых саксов из-под стражи Фитц Олвайн вознамерился заманить Джона в самую людную часть замка и там, улучив удобный момент, задержать его.

— Я к вашим услугам, мой молодой друг,— сказал барон, вставая с кресла.

— Вы очень правильно сделали, что согласились отложить на более позднее время встречу с сатаной, который ждет вас не дождется,— похвалил его Джон.— Но прежде чем мы выйдем из ваших покоев, я задам вам несколько вопросов.

— Слушаю вас,— простонал барон.

— Где ваша дочь?

— Моя дочь? — вскричал Фитц Олвайн, пораженный таким неожиданным вопросом.— Моя дочь?

— Да, ваша дочь, леди Кристабель.

— Странные вопросы задаете вы, сэр лесной удалец.

— Отвечайте.

— Леди Кристабель осталась в Нормандии.

— В каком районе Нормандии?

— В Руане.

— Это правда?

— Чистейшая правда. Она живет в руанском монастыре.

— Что случилось с Алланом Клэрмом?

Лицо барона покрылось пурпурными пятнами, его губы дрожали, он с трудом сдерживал крик ярости и с невыразимой ненавистью смотрел на своего мучителя. Джон нагнулся над тщедушным стариком и медленно повторил свой вопрос:

— Так что же случилось с Алланом Клэрмом?

— Не знаю.

— Лжете! — загремел Маленький Джон.— Лжете. Шесть лет назад он покинул Англию и последовал за леди

Кристабель во Францию. Я уверен, что вы прекрасно знаете, что случилось с несчастным рыцарем. Где он?

— Не знаю.

— Неужели за эти шесть лет вы не виделись с ним?

— Виделся я с ним, подлая ты тварь!

— Будьте добры, монсеньор, не ругайтесь. Где же вы с ним виделись?

— Первая наша встреча произошла там, куда вход этому бесстыдному бродяге был строго-настрога запрещен,— с горечью произнес лорд Фитц Олвайн.— Я застал его в покоях моей дочери. Он стоял перед ней на коленях. В тот же вечер я поместил дочь в монастырь. На следующий день этот рыцарь имел наглость явиться ко мне с требованием немедленно обвенчать его с леди Кристабель. Я приказал моим людям выбросить его из дома. С тех пор я его больше не видел, но до меня дошли слухи, что он поступил на службу к французскому королю.

— По своей воле?

— Да. Он должен выполнить условия нашего договора.

— Какого договора? Что должен выполнить Аллан по этому договору? Что вы от него потребовали?

— Он обязался вернуть свое состояние и свои имения, конфискованные по приказу короля за поддержку Томаса Бекета. Я пообещал ему руку моей дочери при условии, что он не будет искать с ней встреч в течение семи лет. Если же он не сдержит свое слово и не вернет свое состояние, я буду волен выдать леди Кристабель замуж за кого мне заблагорассудится.

— Когда был заключен этот договор?

— Три года назад.

— Хорошо. А теперь займемся моими друзьями. Ведите меня к ним.

В груди барона бурлил настоящий вулкан, но на его мертвенно-бледном бесстрастном лице не отражалось ни одной мрачной мысли, которые занимали сейчас его ум. Перед тем как выйти из покоев, он запер на два поворота ключа все свои сундуки и добродушно сказал Маленькому Джону:

— Следуйте за мною, отважный сакс.

Но Маленький Джон не был намерен слепо следовать за бароном, он сразу заметил, что лорд Фитц Олвайн уводит его в сторону, противоположную той, где, по словам Джефффри, находились темницы.

— Милорд,— сказал он, кладя свою тяжелую руку на плечо старика,— мы удаляемся от нашей цели, а не приближаемся к ней.

— А вы откуда это знаете? — спросил барон.

— Мне сказали, что пленники заключены в темницах крепостной стены.

— Кто вам это сказал?

— Джеффри.

— Негодяй.

— К вашему сведению, он рассказал мне не только, где томятся мои друзья, но и как незаметно вывести их из замка.

— Вот как! — взревел барон.— Можете не беспокоиться, я сам расплачусь с ним за услугу, которую он вам оказал. Но он сыграл на вашей доверчивости и обманул вас. Пленники находятся в другой части замка.

— Может быть, вы и правы, но я хочу сам убедиться в этом. Идемте туда.

Внезапно под галереей, по которой шли Маленький Джон и его светлость, послышался шум тяжелых шагов. Там, видно, проходил отряд солдат. Короткая лестница разделяла лорда Фитц Олвайна и его возможных спасителей. Джон на минуту отвлекся, чтобы посмотреть, куда ведет галерея, а барон не преминул этим воспользоваться и с невероятной для его возраста скоростью помчался к двери, которая выходила на лестницу. Он прыгал через две ступеньки, но не успел спуститься с лестницы, как снова почувствовал на своем плече железную руку. Старик пронзительно вскрикнул и помчался еще быстрее, но Маленький Джон не отставал от него. Барон несясь быстрее, чем заяц от волка, кричал, звал на помощь. Но мрачные своды галереи заглушали его крики. Четверть часа продолжалась эта безумная гонка. Наконец барон достиг двери, с силой распахнул ее и чуть не опрокинул какого-то человека, который шел ему навстречу.

— Спасите! Спасите! Убивают! — кричал старик.— Хватайте его! Убейте его!

Силы оставили барона, и он растянулся во весь свой рост на полу.

— Назад! — зарычал Маленький Джон, отталкивая незнакомца, который пытался поднять Фитц Олвайна.— Назад, говорю я вам!

— Неужели гнев так ослепил тебя, Маленький Джон, что ты не узнаешь своих друзей? — послышался знакомый голос.

· Этого Маленький Джон не ожидал.

— Как? Это ты, Робин? — вскрикнув от удивления, спросил он.— Слава Богу! Этот предатель должен быть благодарен тебе по гроб жизни. Клянусь, если бы мы сейчас не встретились, он был бы уже в аду.

— Кто этот человек?

— Барон Фитц Олвайн,— прошептал Хэлберт на ухо Робину, прячась за его спиной.

— Барон Фитц Олвайн! — вскричал Робин.— Вот это встреча! Позвольте, ваша светлость, задать вам несколько вопросов о судьбах дорогих мне людей.

— Не трудись, Робин,— прервал его Маленький Джон.— Его светлость уже и рассказал мне о судьбе Аллана Клэра, и согласился помиловать наших друзей. Он вел меня в ту часть замка, где находятся их темницы, но, воспользовавшись моей оплошностью, попытался сбежать.

Барон был подавлен неудачей.

— Он обманул тебя, милый Джон. Наши ребята идут сейчас под конвоем в Лондон. Мы опоздали.

— Это невозможно! — растерянно произнес Маленький Джон.

— Это чистая правда! — сказал Робин.— Мы с Хэлом только что узнали.

Барон поднял голову и бросил на Хэлберта испепеляющий взгляд. Он понял, что его обман раскрыт, и клял про себя на чем свет стоит бедного парня.

Это встревожило Хэла.

— Робин,— сказал он.— Его светлость так страшно на меня сейчас посмотрел, что я почувствовал, как подо мной разверзлась бездна. Ничто меня теперь не спасет, даже ваша дружба.

— Ты прав,— прошептал лорд Фитц Олвайн.— Твое предательство дорого тебе обойдется.

— Хорошо, милый Хэл,— сказал Робин.— Вам действительно опасно оставаться здесь. Уходите с нами в лес.

— Подождите,— вмешался Маленький Джон.— Прежде чем покинуть замок, я облагодетельствую наше графство, избавив его от владычества проклятого норманна. Я его сейчас отправлю на жительство к самому сатане.

Робин и Хэл закрыли все двери. Барон понял, что пропал.

— Добрый лесной молодец,— занял он,— честный лучник, милый маленький Хэл, не будьте такими безжалостными! Я не виновен в том, что случилось с вашими друзьями, совершенно не виновен. Они напали на моих солдат,

солдаты были вынуждены защищаться. На войне как на войне. Но ведь я не приказал их повесить. А разве они не исполнили такое наказание... я хочу сказать: разве им не того следовало ожидать за свое преступление? Я пощадил их и отправил в Лондон. Я не знал, что вы сегодня проникнете в мой замок и будете просить помиловать их. Если бы вы меня предупредили об этом, ваши друзья были бы уже на свободе. Не гневайтесь. Будьте беспристрастными судьями, а не палачами. Я клянусь вам, что выручу ваших ребят. Клянусь, что прощу Хэлу его недос... легкомысленное поведение и не лишу его места.

Он сулил золотые горы и прислушивался, не спешит ли кто-нибудь к нему на помощь. Помощь не приходила.

— Барон Фитц Олвайн,— сказал Маленький Джон,— по законам наших лесов вы должны умереть.

— Нет! Нет! — рыдал его светлость.

— Прошу вас, выслушайте меня, сэръ барон. Шесть лет назад вы приказали сжечь дом родителей Робина. Его мать была убита кем-то из ваших солдат, и мы все поклялись над телом несчастной женщины наказать вас.

— Сжальтесь! — стонал барон.

— Маленький Джон,— сказал Робин,— помилуй этого человека ради ангела, которому он приходится отцом. Милорд,— прибавил Робин, поворачиваясь к барону,— обещайте руку вашей дочери Аллану Клэру, и вы будете помилованы.

— Обещаю, сэръ.

— Сдержите ли вы свое слово? — спросил Маленький Джон.

— Сдержу.

— Даруй ему жизнь, Джон. Его клятва запечатлена на небесных скрижалях. Если он ее нарушит, его душа будет проклята во веки веков.

— Она и так уже давно проклята, друг мой,— промолвил Джон.— Разве можно помиловать его?

— Разве ты не видишь, что он полумертв от страха?

— Вижу. Но не успеем мы сделать и ста шагов, как он пустит по нашим следам всю свою свору. Этого нельзя допустить.

— Запрем его в комнате,— предложил Хэл.

Лорд Фитц Олвайн пронзил парня взглядом, исполненным ненависти.

— Хорошо,— согласился Робин.

— А если он станет кричать? Поднимет шум? Подумали вы об этом?

... — Привяжем его к креслу ремнем из оленьей кожи и заткнем ему рот рукояткой собственного кинжала.

Маленький Джон крепко привязал барона к спинке кресла, и трое друзей поспешили покинуть замок. К счастью, солдат, охранявший ворота, был приятелем Хэла. Ворота открылись, подъемный мост опустился, и ужасный замок остался позади.

А в это время потерявший всякое терпение Джеффри направлялся в покои барона. Тихо постучал в дверь — никакого ответа. Тогда он забарабанил изо всех сил. И на этот раз никто не отозвался. Джеффри громко позвал барона, но ему ответило только эхо от его собственного голоса. Нажав на дверь мощным плечом, он выломал ее.

В покоях не было ни души.

Перепуганный Джеффри бегал по залам, коридорам, галереям. Барон как в воду канул.

— Монсеньор! Монсеньор! Где вы? — громовым голосом кричал солдат.

Наконец после долгих поисков ему посчастливилось предстать перед своим хозяином.

— Милорд! Монсеньор! Как же это получилось? — причитал Джеффри, развязывая барона.

А тот, бледный от гнева, приказал прерывающимся от злости голосом:

— Прикажите поднять мост! Никого из замка не выпускать! Переройте весь замок, разыщите эту громадину, свяжите его и приведите ко мне. Да прикажите повесить Хэла! Ну, иди же, дурак! Пошел вон!

Барон, разбитый усталостью, с трудом потащился в свои покои, а Джеффри, не помня себя от радости, что Маленький Джон теперь не уйдет от него, побежал выполнять приказ барона.

Час спустя поиски Маленького Джона и Робина в замке шли полным ходом, солдаты сбились с ног, а те, кого искали, уже приближались к лесному замку Гэмвелл. С ними был и Хэл, удрученный разлукой с хорошенькой Грас Мэй.

Г Л А В А XX

Едва барон Фитц Олвайн оправился от испуга и усталости, как приказал своим людям во что бы то ни стало найти Маленького Джона и Робина. Он поклялся, что сторицей отомстит за нанесенное ему неслыханное оскорбление.

Барон узнал от Джеффри о побеге Хэлберта, и это было последней каплей, переполнившей чашу гнева.

— Подлая тварь! — сказал его светлость Джеффри. — Ты будешь повешен, если по своей глупости не найдешь разбойника, величавшего себя твоим другом. И не надейся на пощаду.

Как побитый пес, стремящийся вернуть доверие хозяина, бросился Джеффри на поиски лесного удальца. Он наводил справки в городе и окрестностях, опросил хозяев всех местных харчевен и постоялых дворов и, наконец, вышел на след племянника главного лесничего Шервудского леса, сэра Гая Гэмвелла, который по всем приметам походил на великана, одержавшего над ним победу в поединке на дубинах. А еще Джеффри узнал, что молодой лучник по имени Робин Гуд, чья меткость вошла в поговорку, тоже жил в лесном замке Гэмвелл.

Все это Джеффри сообщил своему хозяину. Лорд Фитц Олвайн благодушно выслушал пространный доклад солдата, ни разу не прервав его. Многое стало ему понятно. Барон вспомнил, что и Мод, или Иезавель, как он называл камеристку своей дочери, нашла убежище в лесном замке.

«Так вот где осиное гнездо, логово разбойников, которыми руководят Робин Гуд и Маленький Джон», — подумал Фитц Олвайн и нарядил настоящее следствие.

Вскрылись новые обстоятельства, подтвердившие правдивость и точность доклада Джеффри. Результаты следствия легли в основу жалобы, которую барон Фитц Олвайн подал в королевский суд.

Момент был выбран как нельзя удачно. Король Генрих Второй был поглощен в это время укреплением порядка в своем государстве и объявил священной и неприкосновенной частную собственность. Он внимательно выслушивал доклады по фактам воровства и грабежей и строго карал преступников.

По королевскому приказу виновные, схваченные на месте преступления, немедленно заключались под стражу. Им предоставлялась возможность искупить свои грехи службой в армии или участием в крестовом походе.

Лорд Фитц Олвайн добился аудиенции у короля и изложил ему, с большими преувеличениями, свои претензии к Робину Гуду. Это имя привлекло внимание короля. Он потребовал дополнительные сведения об ответчике и узнал, что это тот самый Робин Гуд, который в течение многих лет добивался в королевском суде возвращения ему титула

и состояния графов Хантингдонских как прямому потомку Уолтеофа, получившего графство Хантингдонское в качестве лая от короля Вильгельма Первого. Как известно, прошение Робина Гуда было оставлено без удовлетворения, а его наследственные владения закреплены за аббатом Рэмсеем.

Страшно разгневался король, когда суд представил ему неоспоримые доказательства участия в нападении на солдат претендента на титул графа Хантингдонского и сыновей сэра Гая. Он приговорил Робина Гуда к изгнанию из королевства, а семью Гэмвелл, верных друзей и защитников Робина, к конфискации имущества и изгнанию из их бывших владений.

Один из друзей сэра Гая, имевший доступ к документам королевского суда, предупредил старика о постигшем его несчастье. Эта ужасная новость до основания потрясла мирное жилище Гэмвеллов и не оставила равнодушными верных вассалов сэра Гая. Они собрались у замка и криками выражали свое сочувствие. Многие из них готовы были защищать замок от королевских войск до последней капли крови. У сэра Гая было прекрасное имение в графстве Йоркшир, и Робин посоветовал старику покинуть Гэмвелл и удалиться с семьей в это безопасное убежище.

— Мне недолго осталось жить, — ответил баронет, утирая дрожащей рукой слезы с покрасневших век. — Я, как старый дуб наших лесов, глубоко врос корнями в родную землю. Мои дети уже сегодня покинут этот несчастный замок. А у меня нет ни сил, ни мужества бросить на произвол судьбы дом моих предков. Я здесь родился, здесь я и умру. Прошу вас, Робин, не говорите мне больше об отъезде. Это разрывает мое сердце. Пепелище моих предков станет моей могилой. Как и они, я буду защищать до последнего дыхания дом, в котором увидел Божий свет. Проводите мою жену и моих дочерей в наше йоркширское имение. А сыновья не покинут своего старого отца. Мы вместе будем защищать колыбель нашего рода.

Ни мольбы Робина и Маленького Джона, ни слезы женщин не поколебали решимости старого баронета. Обстоятельства требовали незамедлительных действий, и поэтому все не мешкая занялись подготовкой отъезда женщин.

С наступлением ночи леди Гэмвелл, ее дочери, Марианна, Мод и дворовые служанки должны были покинуть замок и отправиться в дальний путь под охраной верных вассалов.

Как только приготовления к печальному отъезду были закончены, вся семья собралась в большом зале. Марианны среди них не было, и Робин побежал искать ее.

— Робин! — вдруг услышал он нежный, прерываемый рыданиями голос.

Он повернул голову и увидел плачущую мисс Мод.

— Милый Робин,— промолвила девушка,— прежде чем покинуть замок, я хотела бы поговорить с вами. Кто знает, может быть, мы с вами никогда больше не увидимся.

— Успокойтесь, милая Мод, умоляю вас. Выбросьте из головы печальные мысли. Очень скоро мы снова соберемся все вместе.

— Как я хотела бы, чтобы это оказалось правдой. Но я знаю, какая опасность нависла над вами. Вряд ли вам удастся долго продержаться. Но близится час расставания... Спасибо вам, Робин, за все хорошее, что вы для меня сделали...

— Разве уместны между нами признательность и благодарность, милая Мод? Помните наш договор о дружбе? Я обязался любить вас крепче всех братьев, а вы обещали мне нежность сестры. Все эти годы вы были для меня нежнейшей подругой и лучшей из сестер. А я вас любил с каждым днем все сильнее и крепче.

— Так вы в самом деле любите меня, Робин?

— Да, Мод, я люблю вас по-братски и хочу, чтобы вы знали, что ваше счастье для меня дороже всего на свете.

— Вы всегда говорил мне об этом, милый Робин. А я хочу сказать вам...

Она умолкла, слезы душили ее.

— Что с вами, Мод? Ну, говорите же, девочка, мой пугливый олененок.

Девушка продолжала плакать, закрыв лицо руками.

— Мод, Мод, успокойтесь! Что вы хотели мне сказать? Говорите же. И не убивайтесь так.

Мод отвела руки от лица, подняла головку, попыталась улыбнуться.

— Я очень страдаю,— произнесла она.— Я думаю об одном человеке, который был так добр ко мне, заботлив, так любил меня, что...

— Вы думаете об Уильяме, Мод,— перебил девушку Робин.

Мод покраснела.

— Ну, вот и хорошо! — воскликнул Робин.— Милая малышка Мод, вы любите этого славного парня. Да благо-

словит вас Бог! Я бы все на свете отдал, только бы увидеть Уилла у ваших ног. Как он будет счастлив, когда наконец услышит от вас: «Я люблю вас, Уилл!»

Чем больше отнекивалась Мод, тем больше убеждался Робин, что его друг горячо любим девушкой своих грез. Наконец Мод и сама призналась в этом. Потом она с беспокойством спросила, где Уилл, почему он так долго отсутствует.

Робин ответил, что важные дела потребовали присутствия Уилла в Лондоне, но через несколько дней он вернется.

Эта ложь успокоила Мод. Робин поцеловал ее заплаканные щечки, и девушка спустилась в зал.

А Робин побежал в покои Марианны.

— Милая Марианна,— сказал он, взяв руки девушки в свои,— мы расстаемся, и, может быть, надолго. Позвольте же мне рассказать вам с глазу на глаз все, что у меня на сердце.

— Я вас слушаю, дорогой Робин.

— Вы знаете, Марианна,— продолжал отважный лучник дрожащим голосом,— как горячо я вас люблю...

— Вы доказывали это каждый день своими делами, друг мой,— сказала девушка.

— Вы верите мне, не правда ли, Марианна? Верите в мою нежную, беззаветную любовь к вам?

— Да, да. Но почему вы спрашиваете у меня, верю ли я честному человеку, с отважным, искренним сердцем, моему преданному другу?

В ответ Робин грустно улыбнулся.

— Вы меня пугаете, Робин. Говорите же, умоляю вас. Вы серьезны, печальны, задаете мне странные вопросы. Не хотите ли вы сообщить еще об одном постигшем меня несчастье? Господи, сколько мне пришлось пережить за эти годы...

— Успокойтесь, Марианна,— нежно ответил Робин.— Слава Богу, у меня нет для вас плохих вестей. Я хочу поговорить с вами о вас же. Не сердитесь на меня, если вам покажется, что я слишком настойчив. Что бы люди ни говорили, но любовь эгоистична, и моей любви к вам предстоит серьезное испытание. Мы сейчас расстанемся, Марианна, и, может быть, навсегда.

— Нет, Робин, нет. Будем надеяться на лучшее. Бог милостив, он сохранит вас для меня.

— Ах, Марианна! Все погубло, мое сердце разбито. Посмотрите, что случилось с этой дружной, гостеприимной

семьей. Когда я остался без крова, они протянули мне руку помощи, и вот за это их приговорили к изгнанию, конфисковали имущество... Гонят из родного дома! Мы будем защищать замок до конца, пока от него не останется камня на камне. Разве я могу покинуть своих друзей? Провидение всегда поддерживало меня. Как и вы, я надеюсь, что и на этот раз оно не оставит нас. Королевский суд приговорил меня к изгнанию, меня могут повесить на первом же дереве или отправить на виселицу, за мою голову предателям обещают большие деньги. Робин Гуд, граф Хантингдонский, теперь ничто. Но в моих несчастьях меня поддерживает ваша вера, Марианна. Обещали ли вы любить меня до конца жизни, стать моей женой?

— Да, Робин, да.

— Забудьте об этой клятве, Марианна, как забуду о ней я. Марианна, моя обожаемая Марианна, я возвращаю вам свободу, освобождаю от всех обязательств по отношению ко мне.

— Ах, Робин! — воскликнула Марианна. В ее голосе звучал упрек.

— Я был бы недостоин вашей любви, Марианна, если бы в моем теперешнем положении позволил вам надеяться, что смогу назвать вас своей женой. Вы свободны, Марианна. Прошу вас только, вспоминайте иногда с любовью и дружеским участием о несчастном изгнаннике.

— Вы очень плохого обо мне мнения, Робин, — обиженно промолвила Марианна. — Да как вы могли подумать, что та, которую вы любите, может оказаться недостойной вашей любви? Как вы могли подумать, что моя любовь позволит мне оставить вас в несчастье?

И Марианна залилась слезами.

— Марианна! Марианна! — испуганно воскликнул Робин. — Смилуйтесь, послушайте меня спокойно. Я вас так крепко люблю, что не могу позволить вам губить свою жизнь, соединив ее с моей горестной судьбой. Неужели вы думаете, что я равнодушен к бесчестию, запятнавшему мое имя, и что мысль о расставании с вами навеки не наполнила мою душу горьким отчаянием? Но если бы я не любил вас, Марианна, я ударом кинжала оборвал бы свою жизнь. Только ваша любовь привязывает меня к миру. Вы привыкли жить в роскоши, Марианна, а если выйдете замуж за Робина Гуда, будете страдать от нищеты. Лучше потерять вас навеки, чем стать причиной ваших страданий.

— Я ваша жена перед Богом, Робин, и поэтому ваша жизнь станет моей жизнью. Прошу только об одном: сообщайте мне о себе как можно чаще, а если вы найдете возможность свидеться со мною, я буду счастливейшей из женщин. А когда вернется мой брат, мы подадим апелляцию в королевский суд, и жестокий приговор, осуждающий вас на изгнание, будет отменен.

Робин грустно улыбнулся.

— Милая Марианна, — промолвил он, — не стройте воздушных замков. Я не жду ничего хорошего от короля. Я пойду по жизни своей дорогой, никуда с нее не сворачивая. Если до вас дойдут злоречивые слухи обо мне, пропускайте их мимо ушей. Клянусь Пресвятой Девой, я никогда не совершу поступка, который вы не одобрили бы. Ваши дружба и уважение для меня дороже всего на свете.

— Но кто посмеет злословить о вас, Робин? Неужели ваши поступки могут дать повод для клеветы?

— У меня честные намерения, Марианна. Но если жизнь покажет, что это было не так, я первым признаю свои ошибки.

— Я знаю, какой вы честный и смелый человек, Робин, и поэтому буду без устали молить Бога, чтобы он благословлял все ваши дела и отводил от вас беду.

— Благодарю вас, моя Марианна, моя любовь, моя жизнь. А теперь прощайте, — сказал Робин, смахнув с ресниц набежавшие слезы.

Марианна почувствовала, что силы оставляют ее. Она спрятала залитое слезами лицо на груди Робина и горько разрыдалась. Так они и стояли в объятиях друг друга, молчаливые, потерянные. Чей-то голос позвал Марианну, влюбленные с трудом разжали объятие и спустились в зал.

Наступила минута расставания. Леди Гэмвелл и ее дочери, убитые горем, едва держались в седлах. Вместе с ними покидали замок дворовые служанки с детьми и несколько стариков. Слезы, душераздирающие сцены прощания. Наконец ворота замка закрылись за беглецами, и они пустились в горестный путь под надежной охраной верных вассалов сэра Гая.

Прошла неделя. Защитники замка и жители деревни Гэмвелл с часу на час ожидали нападения королевских солдат. Они готовились к обороне, укрепляли крепостные стены и подступы к деревне. Вокруг замка были расставлены часовые, под руководством Робина возводились две линии баррикад в рост человека. Эти укрепления должны были

не только надолго задержать продвижение солдат, но и надежно защищать обороняющихся от смертоносных стрел противника.

Сэр Гай прекрасно понимал, что его замок не выдержит долгой осады, но этот благородный, отважный сакс не хотел сдаваться без боя.

Робин был душой маленькой армии защитников лесного замка. Он наблюдал за оборонительными работами, ободрял крестьян, изготавливал оружие — был один во многих лицах. Деревня Гэмвелл, некогда тихая и спокойная, была теперь похожа на растревоженный улей. Страх, охвативший вначале мирных крестьян, уступил место воодушевлению. Они рвались в открытый бой с ненавистными норманнами.

Но вот все оборонительные работы были закончены, и тишина снова окутала деревню. Казалось, вернулся мир, потревоженный боевыми кликами. Но это было затишье перед бурей. Все настороженно всматривались в глубину леса, откуда мог появиться противник, вслушивались в малейшие шорохи.

Враг заставил ждать себя десять дней. На одиннадцатый день в замок прибежал один из наблюдателей, расставленных в лесу, и доложил о приближении вооруженных всадников.

Новость передавалась из уст в уста. Ударили в набат, и крестьяне быстро заняли места на баррикадах. Затаившись за бойницами, с натянутыми луками в руках, они внимательно следили за приближающимся противником.

Укрепления были прекрасно замаскированы, мертвая тишина царила кругом. Это ввело в заблуждение командира королевского отряда. Он радостно потирал руки, предвкушая легкую победу над захваченными врасплох обитателями замка Гэмвелл. Зная по опыту характер саксов, отважных и смелых людей, он перед выступлением в поход составил подробный план действий на случай, если бы возникла необходимость подавить сопротивление вассалов сэра Гая. Но атмосфера спокойствия и тишины внушила ему уверенность в успехе внезапного нападения.

В королевском отряде было около пятидесяти солдат. Пятьдесят солдат против ста крестьян. Численное преимущество оказалось на стороне защитников замка, и, кроме того, они занимали прекрасно подготовленные боевые позиции.

На подступах к деревне солдаты перевели коней в галоп и, словно птицы, взлетели на вершину холма. Сейчас они ястребами набросятся на ненавистных саксов.

Но не тут-то было. Они сами оказались отличной мишенью для стрел, дротиков и камней, направляемых невидимым противником. Удивление солдат было так велико, что они растерялись и не успели подготовиться к бою прежде, чем их накрыл второй залп стрел.

Трое или четверо солдат, смертельно раненные, рухнули на землю. Только теперь норманны заметили баррикады и яростно бросились на приступ, но были отброшены саксами, которые из своих укрытий метко разили их одного за другим. Норманнам ничего не оставалось, как храбро сражаться. С большими потерями они овладели первой баррикадой, но на подступах ко второй их атака захлебнулась. Они не имели представления ни о численности осажденных, ни об их потерях. Саксы, отличные лучники, редко промахивались, и их метко пущенные стрелы пробивали бреши в рядах атакующих.

Бой с невидимками истощил наступательный пыл солдат, и они начали роптать. Надо было во что бы то ни стало выманить саксов из укрытий на открытое пространство. Оценив боевую обстановку, командир дал сигнал к ложному отступлению. Военная хитрость как будто удалась. Солдаты в порядке отошли на значительное расстояние от баррикад, и тут боевой клич возвестил появление на поле саксов.

Командир оглянулся и увидел вассалов сэра Гая. С криками и гиканьем они в беспорядке преследовали его отступающий отряд.

— Не оборачивайтесь, ребята,— приказал командир.— Как только они догонят нас, поворачивайтесь и обрушивайтесь на них. Тут и будет им конец! Внимание! Внимание!

Надежда на скорый сокрушительный разгром саксов ободрила солдат. Они продолжали делать вид, что отступают.

Внезапно, к удивлению командира, саксы прекратили преследование, остановились у внешней баррикады и с этой позиции послали солдатам вдогонку тучу стрел. Внешняя баррикада оказалась таким образом отбита без боя.

Обескураженный и ожесточенный неудачей командир приказал своим солдатам вернуться на прежние позиции. Он пустил коня в бешеный галоп и поскакал впереди отряда. Прекрасная мишень для не знающих промаха саксонских лучников. Несколько стрел впелись ему в грудь, он зашатался в седле и без крика, без стога рухнул под ноги своего коня. Конь перескочил через труп хозяина и, смертельно раненный, упал.

Гибель командира окончательно подорвала боевой дух королевских солдат, и они больше не предпринимали попыток взять штурмом баррикады саксов. Один из солдат поднял тело командира и положил его поперек своего седла. Бросив раненых товарищей на произвол судьбы, норманны позорно бежали с поля битвы, а вдогонку им неслись насмешки и победные крики саксов.

Вассалы сэра Гая и не думали преследовать бежавших врагов. Они подбирали раненых, оказывали им помощь, хоронили погибших. Только убитыми норманны потеряли девятнадцать человек, в их числе был командир отряда.

Опьяненные победой, крестьяне радовались, что могут вернуться к мирной жизни, и хотели было уже послать гонца за своими женами, но Маленький Джон растолковал им, что король, раздраженный разгромом первого отряда солдат, пришлет другой, более многочисленный и сильный, под командой более опытного командира, а поэтому, не теряя времени, следует приготовиться к отражению нового нападения.

Верные вассалы сэра Гая признали правоту своего молодого предводителя, и работа закипела. Укрепляли баррикады, чинили оружие. Заботами Маленького Джона кладовые замка были заполнены провизией. Вассалы сэра Гая могли выдержать долгую осаду, голод не грозил им. К ним присоединились еще около тридцати крестьян, друзей владельцев Гэмвелла. Вооруженные до зубов, бдительные и настороженные, саксы ожидали нового нападения врага.

На этот раз опасные гости появились через две недели. Стояло жаркое лето, и крестьяне рассудили, что нападения следует ожидать на рассвете.

И вот однажды вечером двое жителей Мансфельда сообщили своим гэмвеллским друзьям, что в Ноттингем только что прибыли триста солдат. Они намерены там передохнуть, а на заре двинуться на Гэмвелл.

На следующее утро, с первыми лучами солнца, крестьяне с благоговением прослушали мессу, которую отслужил монах Тук, а затем страстно молившийся вместе со всеми Маленький Джон обратился к ним со следующими словами:

— Друзья мои, я хочу поговорить с вами перед тем, как мы займем места на баррикадах. Вы меня знаете. Я ловко орудую дубиной, метко попадаю в цель из лука, но язык у меня подвешен плохо. Так что вы уж простите меня за нескладную речь, но выслушайте ее внимательно. Враг приближается, будьте начеку, не выходите без приказа из

укрытий. Если мы будем вынуждены сразиться с врагом врукопашную, наносите удары расчетливо и хладнокровно. Если, не дай Бог, потеряете самообладание, вы неизбежно забудете приемы боя и погибнете. Запомните хорошо, друзья мои: то, что должно быть сделано хорошо, не должно делаться наспех. Отважно сражайтесь за каждую пядь земли, пусть вас не ослепляет гнев, не пропускайте ни одного удара. За свои ошибки в бою вы расплатитесь жизнью. Пусть наша родная земля горит под ногами норманнских псов. Повторяю вам еще раз: сохраняйте спокойствие, будьте бдительны, отважны и стойки в бою. Пусть вечно стоит наш Гэмвелл на английской земле.

— Ура! — закричали вассалы, потрясая оружием и вглядываясь вдаль, туда, откуда они ожидали появления вражеского войска.

— Друзья мои! — воззвал Робин к крестьянам. — Всегда помните, что вы сражаетесь за родные очаги, за крышу над головами ваших жен, растящих ваших детей. Помните, что норманны угнетают наш народ, они идут по нашим головам, если они протягивают руку, то только для того, чтобы сжечь, убить или разрушить! Это земля ваших предков. Они здесь жили, здесь их могилы. Храбро сражайтесь до последней капли крови, до последнего дыхания!

— Да, да, мы будем храбро сражаться! — в один голос ответили ему крестьяне.

Через три часа после восхода солнца звук рога возвестил о приближении неприятельского войска. Наблюдатели вернулись из леса в Гэмвелл, и все защитники замка скрылись за баррикадами. Ни шороха, ни звука. Все как будто вымерло.

Вражеские отряды медленно приближались к Гэмвеллу. По протяженности колонны можно было судить, что на этот раз саксам действительно придется иметь дело с тремя сотнями норманнских солдат.

Всадники остановились у подножия холма, за которым открывался Гэмвелл. После короткого совещания командиров отрядов войско разделилось на четыре части. Первый отряд галопом поднялся на холм, второй спешился и последовал за всадниками, третий обогнул холм с левой стороны, а четвертый направился вправо.

Саксы предвидели этот маневр, и поэтому он не удался. У подножия деревьев, росших полумесяцем на вершине холма, были построены оборонительные укрепления. Густые заросли молодых деревьев и кустарников, заполнивших про-

странство между большими деревьями, не вызвали у солдат никакого подозрения. «Отличное укрытие», — подумали они и устремились на вершину холма, спеша занять там боевые позиции.

Но не успели они приблизиться к спасительным зарослям, как оттуда стайей птиц вылетели разящие стрелы. Падали на землю раненые, вздыбливались кони, воздух наполнился криками, стонами, ржанием. Обгоняя друг друга, уцелевшие солдаты спустились с холма.

Такая же судьба постигла и солдат, обогнувших холм с обеих сторон по его подножью. Неудачное начало вынудило командиров изменить план атаки. Солдаты спешили и, прикрываясь щитами, направились по трем тропинкам, указанным им командующим, а четвертый отряд, оставленный в резерве, должен был вступить в бой только после успешного штурма баррикад, за которыми укрылись саксы.

Норманны быстро достигли первой баррикады высотой семь футов, оцетинившейся многочисленными бойницами. Не вступая в перестрелку с невидимым противником, они решили взять эту твердыню приступом.

Крестьяне и не пытались сопротивляться, всякое сопротивление было здесь бесполезно. Они отошли и укрылись за второй баррикадой. Норманны, воодушевленные первым успехом, в беспорядке преследовали отступавших вассалов сэра Гая и с яростью атаковали новую твердыню. Противники схватились врукопашную, и началась кровавая сеча. Но внезапно по сигналу рога саксы оставили и эту баррикаду и укрылись за третьей твердыней.

Это отступление показало норманнам, что они теряют напрасно драгоценное время, несут невозполнимые потери, но ни на пядь не приближаются к победе.

Командующий был вынужден снова изменить план атаки. Для этой цели он собрал командиров отрядов, но прежде, чем выслушать их мнение, внимательно изучил местность.

Замок и деревня Гэмвелл находились в самом центре обширной долины, над которой господствовал холм, непроходимый для коней и опасный для пеших солдат.

Командующий спросил солдат, есть ли среди них уроженец этих краев. Ему нужен был хороший проводник.

Вопрос командующего передавался из уст в уста. Наконец из толпы солдат выступил парень и заявил, что хорошо знает здешние места, а в деревне Гэмвелл живет его родственник.

— Так ты, значит, сакс, бездельник? — спросил командующий, нахмутив брови.

— Нет, сэра. Я — норманн.

— Твой родственник примкнул к мятежникам?

— Да, сэра, потому что он — сакс.

— Каким же образом ты породнился с саксом?

— Он женат на моей сестре.

— Ты хорошо знаешь деревню?

— Да, сэра.

— Сможешь ли ты провести своих товарищей в Гэмвелл по какой-нибудь потайной тропинке?

— Да. От этого холма начинается тропинка, которая приведет нас прямо в замок Гэмвелл.

— Замок Гэмвелл? — переспросил командующий. — А где он находится?

— Вон там, слева от вас. Высокое здание, окруженное деревьями. Это владение сэра Гая.

— Старого мятежника? Ну и удружил же мне король Генрих! Не мог придумать ничего полегче, как послать меня в глушь выживать саксонского пса из его конуры. Могу ли я доверять тебе, бездельник?

— Да, сэра. Последуйте моим советам и увидите, как я вам предан. Я уже оказал вам одну услугу — привел вас сюда кратчайшей дорогой.

— Что же, ты прав. Но почему же ты мне раньше ничего не сказал об этой тропинке?

— Потому что по поведению солдат саксы могли бы догадаться, что вам известен потайной ход, и устроить там засаду. Горсточка смельчаков выстоит против тысячи солдат и не пропустит их.

— Ты говоришь, что тропинка начинается от подножия холма? — переспросил командующий.

— Да, сэра. Там, где холм подходит к опушке леса.

Командующий приказал одному из отрядов солдат приготовиться следовать за проводником, а остальным ложной атакой отвлечь внимание саксов.

Но и новый маневр командующего норманнским войском был обречен на неудачу.

Зять проводника действительно был в рядах защитников деревни и замка Гэмвелл. Он опознал своего родственника в толпе солдат и, указав на него Маленькому Джону, сказал, что видел, как этот человек о чем-то долго беседовал с командующим норманнами.

Маленький Джон сразу догадался, о чем могли долго беседовать командующий и молодой солдат. Он вызвал тридцать вассалов и послал их под командованием одного

из своих двоюродных братьев в засаду на потайную тропинку.

— Дружище,— спросил он потом у Робина,— смог бы ты попасть из твоего лука в мишень, поставленную на вершине того холма?

— Думаю, что да,— скромно ответил Робин.

— Ты несомненно попадешь в нее,— сказал Маленький Джон.— А теперь посмотри во-он туда. Видишь человека, стоящего рядом с солдатом, у которого на шлеме пышный султан? Этот человек коварный негодяй. Я уверен, что он выдал норманнам расположение потайных тропинок, ведущих к замку. Но без него норманны не найдут эти тропинки. Постарайся убить негодяя.

— С удовольствием.

Робин натянул тетиву своего лука, и через две секунды предатель, громко вскрикнув, замертво рухнул на землю.

Тогда командующий норманнами быстро собрал своих солдат и повел их на штурм баррикад.

Саксы сражались с отчаянной храбростью, но численное преимущество было на стороне норманнов. Баррикады были взяты штурмом, а их защитники в порядке отступили.

Норманны захватили подступы к замку и проникли в деревню. Паника охватила крестьян, они обратились в бегство.

— Стойте, саксы, стойте! — остановил их громовой голос.— Если в ваших сердцах осталась хоть капля чести и отваги, следуйте за вашим предводителем! Вперед! Вперед!

Это кричал Маленький Джон. Его голос ободрил павших духом крестьян, и они, пристыженные, повернулись лицом к противнику.

А Маленький Джон, словно лев, бросился к солдату богатырского роста, который с нечеловеческой силой разил саксов, наводя на них ужас. Но вот гигант увидел Маленького Джона, пробивавшегося к нему сквозь стену солдат. Он вооружился боевым топором и кинулся навстречу противнику.

— Какая счастливая встреча, сэр лесной молодец! — крикнул солдат, который был не кем иным, как Джеффри.— Наконец-то я оплачу тебе за все, что выстрадал по твоей милости.

Маленький Джон пренебрежительно улыбнулся. Разъяренный Джеффри широко размахнул топором, но Джон с быстротой молнии отразил удар, сильным рывком вырвал топор из рук солдата и отбросил его далеко от себя.

— Подлая ты тварь,— сказал Маленький Джон.— Ты заслуживаешь смерти, но я и на этот раз сжалюсь над тобой. Защищайся!

Ужасный поединок длился долго, очень долго. Победа склонялась то на одну сторону, то на другую, но наконец она улыбнулась Маленькому Джону и направила его меч на голову Джеффри. Этот удар оказался последним. Джеффри без стога рухнул на землю.

Бойцы обоих враждебных лагерей, безмолвно наблюдавшие за поединком богатырей, оцепенели от ужаса, их взгляды были прикованы к страшной ране, стоившей Джеффри жизни.

Даже не взглянув на поверженного врага, Маленький Джон, подобно богу войны, устремился на норманнов, сея на своем пути смерть. А когда оглянулся, то увидел, как его друзья яростно отбиваются от наседавших на них норманнов. Но силы были явно неравными.

Тогда Маленький Джон протрубил в рог и отдал приказ к отступлению, а сам бросился в гущу кровопролитной битвы, прокладывая своим мечом дорогу отступавшим саксам. Ужас охватил королевских солдат, а саксы воспряли духом и в боевом порядке отошли к замку.

С топорами в руках бросились норманны на штурм замка, но массивные дубовые ворота выдержали их натиск. Долго искали они плохо защищенный вход, но и здесь их ждало разочарование. На каждом шагу подстерегала их гибель от стрел и огромных камней, сыпавшихся на них из бойниц и окон.

Норманнский главнокомандующий отозвал своих солдат от стен замка и разделил их на два отряда. Первому отряду было приказано окружить замок и никого не выпускать из него, а второй отряд вернулся в деревню. Деревня оказалась пустой. Покидая свои дома, саксы унесли с собой имущество и угнали скот. Солдаты перерыли все дома, но не нашли ни крошки хлеба, ни куска мяса.

Выступая в поход, норманны были уверены в своей скорой победе и поэтому не взяли с собой никаких съестных припасов. Израненные, изнуренные кровопролитными схватками с саксами, голодные, солдаты возроптали. Командующий послал в лес двенадцать солдат, хороших охотников, с приказом подстрелить несколько оленей. Охота удалась на славу. Голодные насытились, и ропот прекратился. После короткого отдыха командующий приказал солдатам готовиться к ночному штурму.

Вечером зловещее зарево осветило замок. Это горела подоженная со всех сторон норманнами деревня.

— Посмотри, Маленький Джон, — произнес Робин, показывая другу на пожар, бушевавший в деревне. — Проклятые норманны безжалостно жгут хижины наших крестьян.

— Они сожгут и наш замок, — грустно ответил Маленький Джон. — Мы должны подготовиться и к этому горю. Старый дом окружен высокими деревьями. Он вспыхнет, как стог сена.

— Как ты можешь говорить об этом спокойно! — воскликнул Робин. — Неужели нельзя предотвратить это несчастье?

— Мы сделаем все, что в наших силах, и, быть может, не допустим поджога замка. Но не обманывайся, Робин. Они сильнее нас.

— Джон, они подожгли еще одну хижину! Вся деревня в огне!

— Вся деревня в огне... — как эхо отозвался Джон. — Они разрушают наш любимый Гэмвелл, а когда закончат свою адскую работу там, внизу, поднимутся сюда и попытаются поджечь замок.

Крестьяне с криками отчаяния смотрели, как горят их дома. Они хотели выйти из замка и утолить жажду мести, переполнившую их сердца, но Маленький Джон, предупрежденный одним из своих братьев, бросился в самую гущу вассалов и взволнованно сказал:

— Ребята! Я разделяю вашу ярость и ваше горе, но, ради Бога, потерпите. Если мы выстоим до восхода солнца, победа будет за нами. Потерпите еще немного. Самое большее через четверть часа эти негодяи будут здесь.

— Вот они! Идут! — закричал Робин.

Все посмотрели вниз. Норманны с громкими криками приближались к замку. В руках они держали обнаженные мечи и горящие факелы.

— По местам, ребята! По местам! — скомандовал племянник сэра Гая. — Метко цельтесь, не промахивайтесь. А ты, Робин, останься со мною.

Норманны окружили замок и, держась на почтительном расстоянии от бойниц и окон, забросали ворота горящими факелами. Саксы заливали огонь потоками воды. Факелы гасли, не успев поджечь замок.

Поджог на этот раз не удался. Наступила тишина. Но вот опять под стенами послышался шум, и рев потряс замок. Робин и Маленький Джон бросились к окну.

Двенадцать солдат, предводительствуемые командующим, с радостными криками тащили какое-то орудие, которым они, по всей вероятности, собирались протаранить ворота. Установив таран напротив ворот, они приготовили его к бою. Командующий стоял рядом с ними и распоряжался работами.

— Сними стрелой этого проклятого норманна! — приказал Маленький Джон Робину.

— Будет сделано. Но чтобы наверняка убить его, надо попасть в лицо. Иначе ничего не выйдет — его тело защищено прочной кольчугой.

— Внимание! — скомандовал Джон. — Приготовься! Стреляй, Робин, да стреляй же! Он повернулся в нашу сторону, его лицо освещено факелом. Убей его, и мы спасены!

Робин прицелился и выстрелил. Стрела пропела в воздухе и впиалась командующему между глаз. Он упал навзничь. Солдаты, как перепуганное стадо баранов, сгрудились у остывающего тела своего командира. Никто не знал, что делать.

— А теперь, саксы, — закричал Маленький Джон, — осыпьте поджигателей стрелами!

Туца стрел накрыла норманнов. Они гибли один за другим. Оставшиеся в живых дрогнули и побежали. Путь им преградил один из их товарищей, по своей инициативе принявший на себя командование. Он предложил им испытать последнее средство овладения замком. По его приказу норманны подпилили сосны, окружавшие замок зеленым кольцом, и подожгли их вершины. Маленький Джон с горечью наблюдал за успешными действиями солдат. Ярость душила его.

— Они нашли средство выкурить нас отсюда, — сказал он Робину. — Деревья упадут на кровлю, подожгут ее, и через несколько мгновений пламя охватит весь замок. Робин, убей солдат с факелами, и вы, друзья, не жалейте стрел. Смерть норманнским волкам! Смерть волкам!

Объятые пламенем сосны с ужасным грохотом упали на кровлю, и тотчас же огонь перекинулся на купол замка.

Маленький Джон собрал всех своих бойцов в большом зале и разделил их на три отряда. Командирами первого отряда он назначил себя и Робина, во главе второго поставил монаха Тука, а командование третьим отрядом поручил старому Линкольну. Отряды должны были выйти из горящего замка по трем различным потайным ходам.

С отсутствующим, безразличным видом следил сэр Гай за этими приготовлениями, а когда его племянник подошел к нему, он воскликнул:

— Я не пойду с вами. Умру под развалинами моего родного дома.

Напрасно братья Гэмвелл, Маленький Джон и Робин умоляли старика покинуть замок, напрасно показывали ему на пламя, отбрасывавшее кровавые отблески на стены и потолок зала, напрасно заклинали его именем горячо любимых дочерей и жены спасти свою жизнь — старый сакс оставался глух к их мольбам, бесчувствен к их слезам.

— Берегись! — вдруг закричал Робин. — Кровля обрушивается! Берегись!

Маленький Джон схватил своего дядю в охапку и, не обращая внимания на крики и причитания старика, вынес его из зала.

Не успели саксы покинуть замок, как с жутким грохотом обрушились кровля и перекрытия. Пламя полыхнуло из окон и бойниц старого феодального гнезда.

Не мешкая ни минуты, Маленький Джон отправил сэра Гая в его йоркширское поместье под охраной верных вассалов, а сам, потрясая своим победным мечом, бросился на врагов.

— Победа! Победа! — громовым голосом кричал он. — Сдавайтесь! Просите пощады!

Появление с другой стороны замка Тука, одетого в монашескую рясу, повергло норманнов в панический ужас, никто из них не осмелился поднять руку на служителя Святой Церкви. Не разбирая дороги, бежали они, преследуемые саксами, в лес, туда, где утром оставили своих коней, быстро вскочили в седла и умчались во весь опор. Из трехсот норманнов остались в живых не более семидесяти. Опьяненные победой, крестьяне с радостными криками окружили Маленького Джона. Он приказал им похоронить убитых, оказать помощь раненым, а потом обратился к ним с такими словами:

— Саксы! Сегодня вы доказали, что достойны носить это благородное имя. Но увь! Несмотря на вашу храбрость, норманны сделали свое черное дело. Они сожгли ваши хижины, сделали вас нищими. Нам нельзя больше здесь оставаться. Скоро сюда нагрянет свежее войско. У нас есть только один почетный выход из, казалось бы, безвыходного положения: уйти в лес. Там мы найдем убежище. Кто из вас, ребята, не спал на мягком лесном мху под душистой листвой старых деревьев?

— В лес! В лес! — закричали несколько голосов.

— В лес! — сказал Маленький Джон. — Там мы будем жить все вместе, будем работать друг для друга, но для нашего общего блага и безопасности мы должны выбрать атамана.

— Атамана? Вы будете нашим атаманом, Маленький Джон.

— Да здравствует Маленький Джон! — в один голос закричали вассалы.

— Друзья мои, — поклонился им Маленький Джон, — благодарю вас за оказанную честь, но я ее не достоин. Я вам сейчас представлю другого, более достойного атамана.

— Кого? Кого?

— Вот он, — произнес Джон, кладя руку на плечо Робина. — Его зовут Робин Гуд, ребята. Он чистокровный сакс, храбрый малый, скромный и мудрый. Робин Гуд — природный граф Хантингдонский, прямой потомок Уолтеофа, возлюбленного сына английской земли. Норманны лишили его состояния и оспаривают его благородные титулы. Король Генрих приговорил Робина Гуда к изгнанию. А теперь, ребята, ответьте, хотите ли вы атаманом племянника сэра Гая Гэмвелла, благородного Робина Гуда?

— Хотим! — ответили крестьяне, польщенные тем, что их главарем будет сам граф Хантингдонский.

Сердце Робина затрепетало от радости, его заветные желания и надежды начинали осуществляться. Он чувствовал себя достойным ответственной миссии, которую возложил на него Маленький Джон, его самый надежный и лучший друг.

Он выступил вперед, снял шапку, оглядел всех сверкающим взглядом и взволнованно сказал:

— Друзья мои, я счастлив принять от вас звание атамана и благодарю от всего сердца за эту честь. Уверяю вас, что своими делами заслужу ваше уважение и вашу любовь. Я еще очень молод, но много выстрадал, много пережил, много передумал. Это закалило мой дух. Вы найдете во мне друга и брата, а когда потребуется — старшего товарища. Еще в раннем детстве лес, наше будущее жилище, стал мне родным домом. Он надежно защитит нас, и наша жизнь потечет весело и беззаботно. Но упаси вас Бог выдать тайну нашего убежища кому-нибудь чужому. Наш лес — наш дом, нам его и охранять. Будем же осторожны и бдительны. А теперь приготовимся к выступлению. Еще раз благодарю вас, братья саксы, за оказанную мне честь. Кля-

нусь вам, что буду делить с вами и горе, и радость — все, что выпадет на нашу долю.

Приготовление к выступлению не заняли много времени: у несчастных изгнанников не осталось никакого имущества.

Три часа спустя Робин Гуд, Маленький Джон, братья Гэмвелл и их вассалы входили в просторное, сухое подземелье, находившееся в самом центре Шервудского леса. В потолке были проделаны отверстия, сквозь которые в подземелье проникали свет и воздух.

— Я всегда считал, что хорошо знаю лес,— сказал Маленький Джон Робину,— но никогда не видел этого подземелья. Удивительно! Какой же у тебя глаз-алмаз! Откуда могло взяться в Шервудском лесу такое роскошное жилище?

— Вероятно, его построили саксонские изгнанники при короле Вильгельме Первом,— ответил Робин.

Через несколько дней два человека из дружины Робина Гуда, вернувшиеся в Шервудский лес из Мансфельда, куда их посылали с поручением, поведали, что тысячное войско норманнов не оставило камня на камне от дома, который славился в графстве гостеприимством и назывался «веселый замок Гэмвелл».

Г Л А В А ХХІ

Прошло еще несколько лет.

Дружина Робина Гуда, со всеми удобствами устроившаяся в зеленом Шервудском лесу, жила там в полной безопасности, хотя о ее существовании было хорошо известно властям. Вначале они жили тем, что добывали на охоте, но со временем им стало этого не хватать, и Робин Гуд придумал оригинальный способ пополнения казны своей дружины.

Он выставил засады на дорогах, пересекающих Шервудский лес в разных направлениях, и обложил налогом всех, конных и пеших, за пользование этими дорогами. С богатых брали побольше, с бедных — поменьше, а иногда и вовсе ничего не брали. Эти поборы не имели ничего общего с грабежом, они проводились элегантно и без насилия.

Вот каким образом ребята Робина Гуда разговаривали с путниками.

— Сэр незнакомец,— говорили они, сняв шапки и вежливо кланяясь,— наш атаман Робин Гуд приглашает вашу светлость откусать с ним чем Бог послал.

Приглашение с благодарностью принималось, никто не смел отказаться от него.

Путника вежливо препровождали к Робину Гуду, усаживали за стол. Он сладко ел, еще лучше пил, а в конце трапезы ему подавали счет. Нет нужды говорить, что сумма этого счета была пропорциональна достатку гостя. Если он имел при себе достаточно денег, то платил сполна и покидал гостеприимных хозяев. Если же денег при нем было недостаточно, чтобы расплатиться за удовольствие отобедать с Робинсом Гудом, он давал адрес своей семьи и оставался заложником до тех пор, пока семья не выплачивала выкуп. Все это время он жил в лагере как дорогой гость, не испытывая ни в чем нужды. Удовольствие разделить трапезу с Робинсом Гудом особенно дорого стоило норманнам, но они никогда на это не жаловались и расставались с гостеприимным хозяином, как лучшие друзья.

Два или три раза власти посылали в Шервудский лес карательные войска, но они неизменно терпели позорное поражение, и за Робинсом Гудом укрепилась слава непобедимого атамана. Бедные крестьяне и горожане, как саксы, так и норманны, находили в его лагере сердечное гостеприимство и дружескую помощь. А когда брат Тук, которому не сиделось долго на одном месте, покидал Шервудский лес и уходил в дальнее странствие, молодцы Робина Гуда останавливали на дороге монаха, и если тот по доброй воле соглашался служить им обедни, щедро награждали его.

Наш старый друг Тук чувствовал себя в этой компании как рыба в воде, и ему никогда не приходила в голову мысль оставить навсегда своих лесных друзей. Невдалеке от подземелья он устроил себе уединенную хижину и жил в ней в свое удовольствие. Ел лесную дичину, пил вино, когда не удавалось достать вина, довольствовался крепким элем, а когда непостоянная фортуна обносила его вином и элем, пил чистую родниковую воду. Это были его самые черные дни. Время нисколько не улучшило характер славного монаха, он так и остался хвастуном, краснобаем, бахвалом и задирой. Тук был постоянным участником походов дружины по лесам, и какое же это было удовольствие видеть веселых, неунывающих друзей, слышать их жизнерадостные шутки и смех. Они были так счастливы, так довольны своей жизнью, что людская молва называла их не иначе, как «веселые ребята из зеленого леса».

За это время никто ничего не слышал ни об Аллане Клэре, ни о леди Кристабель. Было только известно, что

барон Фитц Олвайн последовал за двором Генриха Второго в Нормандию.

Хэлберт женился на своей дорогой Грас Мэй и жил с молодой женой и трехлетней очаровательной дочерью в Ноттингеме.

А Мод, очаровательная Мод, как называл ее милый Уильям, жила в семье Гэмвелл, которая тайно удалилась в свое йоркширское поместье.

Старый баронет позабыл в кругу своей семьи все горести и беды. Он поздоровел, и его цветущий вид обещал ему долгую жизнь. Сыновья его жили вместе с Робинот Гудом в Шервудском лесу.

А теперь расскажем о Робине. Наш герой сильно изменился, он повзрослел, стал выше ростом, его мышцы приобрели силу и крепость. Весь его облик дышал благородной мужественностью, и в двадцать пять лет он выглядел тридцатилетним. Огромные черные глаза сверкали отвагой, шелковистые волосы локонами падали на чистый загорелый лоб и на плечи, красивой формы рот и черные как смоля усы придавали его лицу серьезное выражение, но внешняя серьезность прекрасно сочеталась с жизнерадостным характером. Он нравился многим женщинам, но его сердце по-прежнему принадлежало Марианне. Влюбленные часто встречались в замке сэра Гая, и их горячая взаимная любовь уже ни для кого не была секретом. Свадьбу свою они отложили до возвращения Аллана из Франции.

Одним из самых частых гостей в Барнсдейле — так называлось йоркширское имение сэра Гая — был молодой человек, влюбившийся в Марианну с первого взгляда. Его имение граничило с имением сэра Гая. Он принадлежал к ордену Тамплиеров и несколько месяцев назад вернулся из Иерусалима, где воевал за Гроб Господень.

Сэр Хьюберт де Буасси был рыцарем и дал обет безбрачия.

Однажды утром, возвращаясь с верховой прогулки по окрестностям своего имения, сэр Хьюберт увидел Марианну в окне замка Барнсдейл и был поражен ее красотой. Он пожелал во что бы то ни стало свидеться с ней, но для этого надо было прежде всего завоевать дружбу и доверие сэра Гая. Трудная задача. Старый сакс ненавидел норманнов, был крайне сдержан и холоден, хотя и принял уверения в дружбе, которые ему расточал сеньор де Буасси. Первая неудача не обескуражила рыцаря, он приготовился к долгой осаде и запасся терпением. Через несколько дней после

беседы с сэром Гаем Хьюберт нанес визит дамам дома Гэмвелл. Он их очаровал любезностью, хорошим воспитанием, а особенно чудесными рассказами о далеких сказочных землях. Сам сэр Гай изменил свое мнение о рыцаре, и недоверие, подозрительность уступили место искреннему уважению. Между ними установились дружеские отношения. Сэр Хьюберт был галантен с девушками, предупредителен и внимателен к ним, но ненавязчив. Вся семья Гэмвелл и их домочадцы относились к нему, как к доброму соседу, и всегда были ему рады, и Марианна не была исключением, но какое-то предчувствие подсказывало ей, что не следует допускать встречи, даже мимолетней, случайной, Робина с сэром Хьюбертом.

Хьюберт де Буасси был из тех молодых мужчин, которые, не обладая привлекательной внешностью и высокими моральными качествами, умеют нравиться женщинам. Он пользовался в обществе уважением и успехом. «Ах, какое у него доброе сердце!» — думали люди, обманутые его внешним добродушием и мягкими, вкрадчивыми манерами. Женщины были без ума от него. Он был так избалован всеобщим вниманием, что ему и в голову не приходило, что женщина, какой бы красавицей она ни была, может пренебречь его чарами.

Устав ордена, к которому принадлежал Хьюберт, запрещал своим членам иметь семью и требовал от них вести целомудренную жизнь. Но в те времена общественное мнение не слишком строго относилось к поведению рыцарей-монахов, и Хьюберт, несметно богатый, привыкший к роскоши и мирским удовольствиям, свободно располагал своим сердцем, своим состоянием и своим досугом.

С первого же взгляда на божественную Марианну в сердце рыцаря зародилась неистовая страсть, и эта страсть, тщательно скрываемая от всех и даже от Марианны, превратила жизнь сэра Хьюберта в муку мученическую. Но девушка держалась с ним холодно и высокомерно, он был для нее представителем норманнской расы, причинившей много горя ее семье, и страсть рыцаря переродилась в ненависть.

У сэра Хьюберта было достаточно проницательности и опыта, чтобы понять, что все члены семьи Гэмвелл, за исключением доброго сэра Гая, резко изменили свое отношение к нему и теперь с трудом выносят его присутствие. Он чувствовал себя неловко в обществе тех, кого называл своими друзьями и против кого замыслил жестокую месть.

Великодушный и добрый сэра Гай не всегда умел скрыть свою ненависть к норманнам и нередко награждал их не лестными эпитетами. В груди рыцаря клочкотала ярость возбуждаемая этими смертельными для его чести оскорблениями, но он сдерживал ее и даже иногда со снисходительной улыбкой поддакивал хозяину. Иногда же он горячо опровергал неприязненное мнение сэра Гая о норманнах. Этим он надеялся пробудить в их душах сочувствие и симпатию к себе.

Сэр Хьюберт был несомненно умным человеком, он быстро составлял правильные суждения, особенно тогда, когда этого требовали его интересы. И поэтому он сразу же раскусил сэра Гая. Простой, бесхитростный, искренний, добрый старик, неспособный заподозрить в двуличии даже своего врага,— вот было его мнение о старом баронете.

Уинифред и Барбара, дочери сэра Гая, были вежливы и любезны с норманном, но этого нельзя было сказать о Марианне. Девушка инстинктивно не доверяла показному добродушию рыцаря.

Сэру Хьюберту удалось проведать о скорой свадьбе Марианны, но как он ни бился, так и не смог узнать имени ее жениха. Слуги рыцаря настойчиво выпрашивали вассалов сэра Гая, но те отвечали им уклончиво, недомолвками, и Хьюберт, несмотря на свои хитрости, и здесь потерпел неудачу. Он выведал только, что его счастливый соперник был молодой, очень красивый сакс благородного происхождения. А еще он узнал, что невеста встречалась с женихом под покровом непроницаемой тайны. Это заинтриговало рыцаря, и он устроил настоящую охоту на жениха Марианны, как на дикого зверя, но соперник с помощью обитателей замка ловко обходил все расставленные на его погибель ловушки. И этот маневр сэра Хьюберта не удался.

Другой на его месте давно бы отступил, оставил бы в покое девушку, сердце которой было отдано другому, но не таков был сеньор де Буасси. В его душе полыхало горячее пламя мести и ненависти, а не беззаветной любви. Он терпеливо ждал удобного момента, выслеживал девушку, искал встречи с ней наедине. И тогда, бросившись перед ней на колени, он уверил бы ее в своих нежных чувствах. Но тайная любовь Марианны стояла на его пути, и рыцарь поклялся растоптать это опасное препятствие.

Время шло. Сэр Хьюберт ничем внешне не проявлял ни своей страстной любви, переходившей в ненависть, к

Марианне, ни своей яростной вражды к приютившей ее семье старого баронета.

Однажды дамы Гэмвелл были приглашены на праздник в отдаленную деревню. Сэр Хьюберт вызвался сопровождать их, и это предложение было с благодарностью принято.

Унифред, Мод и Барбара с радостью отправились на праздник, предвкушая там повеселиться и вволю потанцевать, а Марианна в этот день ожидала Робина и поэтому, сославшись на сильную головную боль, осталась в замке. Все слуги, кроме одного охранника и двух горничных, уехали вместе с господами.

Марианна поднялась в свою комнату, надела лучшее платье, красиво причесалась и села у окна, из которого были видны все дороги, ведущие в замок. Изредка ей чудилось, что где-то вдалеке поет рог Робина. Тогда ее прекрасная головка наклонялась, мечтательные глаза искрились радостью ожидания, губы шептали имя любимого — вся она трепетала от счастья. Но звук рога больше не повторялся, тень, мелькнувшая на посыпанной песком дорожке, исчезала в кустах, и снова Марианна до боли в глазах всматривалась вдаль, и снова трепетало ее сердце. Затянувшееся ожидание угнетало девушку, недобрые предчувствия теснили ее грудь, надежда на скорое свидание гасла. Марианна заплакала.

Так она и сидела в кресле у окна, подперев голову руками, вслушиваясь в малейшие шорохи. Слезы ручьем лились из ее глаз. Внезапный легкий шум вывел ее из задумчивости.

Она подняла голову — перед ней стоял Хьюберт.

Девушка от неожиданности вскрикнула, вскочила с кресла, хотела выбежать из комнаты.

— В чем дело, мисс? Уж не приняли ли вы меня за сына сатаны? Боже правый! Никогда не думал, что мое появление в комнате женщины может так испугать ее.

— Простите меня, мессир,— пробормотала Марианна дрожащим голосом.— Я не слышала, как вы вошли. Я была одна.. и...

— Что за странная страсть к одиночеству, прелестная Марианна? Друг застал вас в уединении, а вы смотрите на него с недовольным выражением на лице. Можно подумать, что я имел несчастье прервать вашу любовную болтовню с женихом.

Страх прошел, Марианна успокоилась и, гордо подняв голову, направилась к двери. Рыцарь де Буасси остановил ее.

— Милая барышня, — произнес он, — я хотел бы побеседовать с вами. Будьте любезны, уделите мне несколько минут. Я в самом деле думал, что вы обрадуетесь мне.

— Ваше появление в моей комнате, мессир, — высокомерно ответила девушка, — так же неприлично, как и неожиданно.

— Вот как! — вскричал Хьюберт. — Я очень огорчен этим, крошка. Но вы, барышня, должны понять, что следует терпеливо переносить то, чему нельзя помешать.

— Вы — дворянин, сэр Хьюберт, и должны знать светские обычаи. Прошу вас, выйдите из моей комнаты. Ваше общество мне неприятно.

— Я действительно дворянин, моя прелесть, — смеясь, сказал рыцарь. — И так люблю хорошее общество, что для того, чтобы заставить меня покинуть его, нужны гораздо более веские основания, чем просто ваше желание.

— Вы не уважаете законы рыцарства, мессир. Позвольте же мне оставить вас одного в комнате, в которую вы вошли незванным-непрошеным.

— Милая барышня, — нагло возразил Хьюберт, — мне заблагорассудилось забыть на сегодня обо всяких правилах вежливости. У меня нет ни малейшего желания ни уходить отсюда, ни, тем более, выпускать вас. Я имел честь сказать вам, что хочу побеседовать с вами, а так как случаи остаться с вами наедине так же редки, как и ваша божественная красота, я не уйду до тех пор, пока не выскажу вам все, что считаю нужным. Извольте же выслушать меня. Я люблю вас.

— Замолчите, мессир, — прервала его Марианна. — Я не желаю вас больше слушать.

— Я люблю вас, — повторил Хьюберт.

— Ах! — в отчаянии воскликнула Марианна. — Если бы рядом со мной был баронет, вы не осмелились бы так оскорблять меня.

— Разумеется, — дерзко ответил рыцарь. — Вы умны, и поэтому я не стану терять время на банальные ухаживания. То, что годится для оболыщения глупенькой кокетки, не годится для вас. Вы покорили меня вашей божественной красотой, и вот я у ваших ног. Вы видите, я иду прямо к цели. Подарите мне хоть маленькую частицу вашей любви.

— Никогда! — твердо ответила Марианна.

— Девушка, оставшаяся наедине с женщиной, потерявшим голову от ее красоты, должна хорошо подумать, прежде чем произнести это слово.

— Господи! Господи! — воскликнула Марианна, ломая в отчаянии руки.

— Хотите выйти за меня замуж? Соглашайтесь, и вы станете одной из самых знатных дам Йоркшира.

— Да как вы можете так бесстыдно нарушать обеты, данные Богу? Ваша рука не свободна, она не принадлежит больше вам. Вступая в орден Тамплиеров, вы поклялись блюсти обет безбрачия.

— Бог меня простит и разрешит данные Ему обеты. Выходите за меня замуж, и вы будете счастливы, Марианна, клянусь вам в этом бессмертием своей души. Я люблю вас всем сердцем, всей душой. Я стану вашим рабом. Ни один рыцарь не служил своей даме так верно, как я буду служить вам. Отвечайте же, Марианна! Позволите ли вы мне надеяться на счастье быть любимым вами?

— Никогда! Никогда! Никогда!

— Опять это слово, Марианна! — произнес он сладким голосом. — Не отвергайте опрометчиво мое предложение, хорошо подумайте, прежде чем отвечать. Я очень богат, у меня обширные владения в Нормандии, много вассалов. Они станут вашими слугами и будут не просто верно служить вам, а почитать, боготворить вас. Я украшу ваши волосы роскошными жемчугами, осыплю вас дорогими подарками. Марианна, Марианна, клянусь вам, вы будете счастливы со мной!

— Не клянитесь, мессир. Как я могу верить вашим клятвам, если вы нарушаете клятвы, данные Богу?

— Я буду вам верен, Марианна.

— Даже если бы я и поверила вашим словам, — примирительно сказала девушка, — все равно я не смогла бы ответить вам любовью на любовь. Мое сердце отдано другому.

— Я слышал, что вы помолвлены с другим, но никак не могу поверить этому. Сама мысль об этом мне противна. Неужели это правда?

— Это правда, мессир, — ответила Марианна и покраснела.

— Хорошо! Пусть будет так! Я буду уважать тайны вашего сердца, если вы позволите мне надеяться, что когда-нибудь назовете меня своим другом. Я буду вам самым нежным, самым преданным другом, Марианна!

— Мне не нужны друзья, мессир. Я не могу позволить вам питать ко мне чувства, которые я не смею разделить. Тот, кого я люблю, обладает неоценимыми сокровищами: благородным сердцем, рыцарской душой, верностью. Нас разлучит только смерть.

— Марианна, я в отчаянии, я теряю разум. Я сжал свои чувства в кулак, стараюсь держаться с вами в рамках приличия, но если вы и дальше будете так высокомерно отвергать мою дружбу, мой гнев прорвется, и я не отвечаю за себя. Марианна, выслушайте меня. Как ваш жених может говорить, что страстно любит вас, и подолгу жить вдали от вас? Марианна, будьте моей! Посмотрите, что за жалкое существование влачите вы в этом замке! Вы одиноки в чужой семье. Сэр Гай вам не отец. Унифред и Барбара не сестры. Мне известно, что среди ваших предков были норманны, и поэтому я рассматриваю вашу неприязнь ко мне только как дань признательности приютившей вас семье саксов. Выходите за меня замуж, прекрасная Марианна, и ваша жизнь станет сплошным праздником.

Презрительная улыбка искривила губы Марианны.

— Мессир,— произнесла она,— извольте оставить меня в покое. Ваши домогательства не заслуживают даже вежливого отказа. Я уже сказала вам, что помолвлена с благородным саксом.

— Итак, вы отвергаете меня, гордячка? — взволнованно спросил Хьюберт.— Вы отказываетесь принять мое имя и мое сердце?

— Да, мессир.

— Вы сомневаетесь в искренности моих клятв?

— Нет, сэр рыцарь. Я благодарю вас за добрые чувства ко мне, но в последний раз прошу вас удалиться отсюда. Ваше присутствие в моих покоях неприятно мне.

Вместо ответа рыцарь взял кресло и поставил его рядом с креслом, в котором сидела Марианна.

Девушка встала и, стоя посреди комнаты, ждала, когда Хьюберт наконец поймет, что его присутствие в ее покоях крайне нежелательно. Но он не пожелал этого понять.

— Сядьте рядом со мной,— сказал он после непродолжительного молчания.— Я не причиню вам зла. У меня и в мыслях нет разлучать вас с тайственным незнакомцем, которого вы так нежно любите. Я только хочу добиться от вас обещания, что когда-нибудь вы измените свое отношение ко мне. Это даст мне силы переносить ваше презрение. Марианна,— произнес он, вставая и направляясь к девушке.

Марианна повернулась и пошла к двери.— Дверь заперта, мисс Марианна. Ваши прекрасные слабые ручки не сломают замо́к, и не пытайтесь сделать это. Я все предусмотрел, моя крошка. В замке нет ни души, и если вы вздумаете кричать, звать на помощь, сюда прискачут мои люди, которых я оставил в нескольких шагах от Барнсдейла. Они приведут с собой быстроногих оседланных коней, и, ~~хотите~~ вы того или не хотите, мы увезем вас далеко отсюда.

— Мессир,— рыдая, промолвила Марианна,— сжальтесь надо мной. Вы требуете от меня невозможного. Разве можно насиловать сердце? Выпустите меня. Вы же видите — я не кричу, не зову на помощь. Я вас уважаю и не верю, что вы способны на низость. Вы честный человек и не позволите себе обидеть беззащитную девушку. Сэр Гай любит вас, сэр Гай уважает вас. Неужели вы осмелитесь смертельно оскорбить его? Вся семья Гэмвелл будет в отчаянии. А я... я умру. Я не перенесу такого оскорбления, сэр рыцарь.

И Марианна горько разрыдалась.

— Я поклялся, что вы станете моей женой.

— Это была неразумная клятва, мессир, и, если ваше сердце когда-нибудь билось любовью к женщине, вы поймете, каким страшным горем было бы для нее, любимой и любящей, навсегда отказаться от счастья. У вас, наверное, есть сестра, мессир. Подумайте о ней. А мой брат не переживет моего бесчестия.

— Я женюсь на вас, Марианна, и буду до конца своих дней любить и уважать вас. Я покину этот замок только вместе с вами.

— Нет, мессир, нет! Никогда!

Хьюберт медленно приблизился к Марианне и, протянув руку, нежно привлек ее к себе. Девушка вырвалась из объятий негодя и громко закричала:

— На помощь! Помогите!

Ее крики не произвели на Хьюберта никакого впечатления. Он улыбнулся и снова заключил ее в свои объятия. Резким движением Марианна оттолкнула рыцаря от себя, выхватила кинжал, висевший на его поясе, и бросилась к открытому окну. Не помня себя от ужаса, несчастная девушка вскочила на подоконник и остановилась на самом краю, над бездной. И в этот момент весело пропел рог. Марианна вздрогнула, прислушалась. Снова над дремлющей долиной пропел рог, его звук, вначале слабый, слышался все ближе и явственней и наконец весело и победно раздался под самыми стенами замка. Хьюберт застыл, зачарованный

небесной мелодией рога, никогда прежде не слышал он ничего подобного, но как только звук рога оборвался, он бросился к девушке, протянул к ней руки, намереваясь обхватить ее за талию и снять с подоконника.

— На помощь! Робин, на помощь! — прерывающимся от волнения голосом кричала Марианна.— На помощь! Поспеши, Робин, мой милый Робин! Само небо послало мне тебя на помощь!

Услышав это ненавистное имя, Хьюберт вскипел от бессильной злости и попытался зажать девушке рот. Марианна отчаянно отбивалась от него.

В коридоре кто-то громко произнес имя Марианны, слышался шум борьбы, под сильным напором дверь разлетелась на куски, и на пороге появился Робин.

Ни слова, ни звука не вырвалось из его груди. Он схватил рыцаря за горло и бросил его к ногам Марианны.

— Безумец! — проговорил Робин, становясь коленом на грудь Хьюберта.— Да как ты смел коснуться этой женщины?

Заливаясь горькими слезами, Марианна бросилась в объятия своего жениха.

— Пусть благословит вас небо, милый Робин! — прошептала она.— Вы спасли мою честь, а она мне дороже жизни.

— Дорогая моя Марианна,— ответил Робин.— Как самую большую милость прошу я у Бога возможность прийти вам на помощь в минуту опасности. Слава Святому Провидению! Я поспел вовремя. Успокойтесь, моя дорогая, и расскажите, что здесь произошло. А вы, бессовестный негодяй,— продолжал он, повернувшись к рыцарю,— убирайтесь отсюда. Я боготворю эту благородную девушку и не позволю себе ударить вас в ее присутствии. Уходите.

Неописуемая злость клокотала в груди нечестивого обольстителя, он обезумел от ярости. Глаза его метали молнии бессильной ненависти, он что-то пробормотал и, обезоруженный, осмеянный, пристыженный, вышел из покоев Марианны, качаясь, спустился по лестнице и покинул замок. Робин нежно прижал девушку к своей груди, а она, плача и смеясь, рассказывала своему спасителю, как она рада его видеть.

— Марианна, милая, любимая Марианна,— растроганно говорил Робин,— ничего не бойтесь. Я здесь, с вами. Поднимите голову и улыбнитесь мне.

От волнения губы Марианны тряслись, ресницы ее прекрасных глаз светились слезами.

— Кто он такой, этот рыцарь? — спросил Робин после продолжительного молчания, садясь в кресло рядом с Марианной, которая никак не могла успокоиться от пережитого ужаса.

— Норманнский вельможа. Его владения граничат с Барнсдейлом, — глотая слезы, ответила девушка.

— Норманн! — вскричал Робин. — Как могло случиться, что мой дядюшка принимает в своем доме подлого норманна?

— Милый Робин, — сказала Марианна, — сэр Гай, вы же его знаете, очень осторожный и мудрый старик. Как же вы можете осуждать его? Он сильнее, чем вы, ненавидит норманнов. Осторожность вынудила его принимать в своем замке норманнского рыцаря... Сэр Хьюберт держался так почтительно, скромно, что все поверили в его честность и добрые намерения.

— А вы, Марианна?

— У него лживые глаза, — ответила девушка, — и поэтому я не доверяла ему. Он очень хитрый и ловкий, и это помогло ему завоевать дружбу сэра Гая и дам Гэмвелл.

— А как ему удалось проникнуть в ваши покои?

— Не знаю. Я плакала, потому что... — произнесла девушка, покраснев и опуская глаза.

— Почему же? — нежно спросил Робин.

— Я беспокоилась о вас.

— Дорогая, любимая!

— Какой-то странный шорох привлек мое внимание. Я вздрогнула, подняла голову и увидела перед собой сэра Хьюберта. Я была удивлена, ведь он вместе с семьей сэра Гая отправился на сельский праздник. Оказалось, что под благовидным предлогом он оставил их на полпути. Вернувшись в замок, он отослал дворовых женщин и расставил в коридоре своих людей.

— Я это знаю, — прервал ее Робин. — Двое из них пытались преградить мне дорогу, и мне пришлось убить их.

— Ах, Робин, как же вовремя вы подоспели! Если бы вы замешкались хоть на минуту, я бы погибла. В отчаянии я хотела выброситься из окна, но услышала пение вашего рога и остановилась. Это и спасло меня.

— Где находится замок этого негодяя?

— В нескольких сотнях шагов отсюда, — ответила девушка, подводя его к окну. — Видите вон там мрачное здание, окруженное парком? Это замок сеньора де Буасси.

— Благодарю вас, моя Марианна. Не будем больше говорить о нем. Мне невыносима одна только мысль, что вас коснулись грязные руки подлого норманна. А у меня для вас прекрасные новости, Марианна. Сейчас я вам их расскажу, и вашу грусть как рукой снимет.

— Увы, Робин,— печально сказала Марианна,— я так долго была несчастна, что мне трудно поверить в добрые перемены.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Забудьте о своих несчастьях, все прошло. Постарайтесь угадать, с какой радостью я к вам приехал.

— Робин, дорогой мой! — вскричала девушка.— Неужели вас помиловали и вам теперь больше нечего опасаться, вы свободны?! Какое счастье! Какое неожиданное счастье!

— Нет, Марианна, нет! В моей жизни, к сожалению, ничего не изменилось к лучшему. Но не будем говорить обо мне.

— Как жаль! Я надеялась... Но, может быть, мой брат, мой дорогой Аллан подал весть о себе? Где он? Когда я его увижу, Робин?

— Скоро, очень скоро,— ответил Робин.— Я узнал это от одного человека, вступившего в мою дружину. Он был с нами, когда мы напали на крестоносцев в Шервудском лесу... Как это было давно! Его тогда взяли в плен, и он был вынужден поступить на службу к барону Фитц Олвайну. Барон вернулся из Франции в свой ноттингемский замок и привез с собой леди Кристабель. Ну, и наш сакс, не мешкая, дезертировал и присоединился к нам. Аллан Клэр, поведал он мне, отличился на службе у короля Франции, и в награду коннетабль дает ему отпуск на несколько месяцев.

— Вот это действительно нежданная радость, дорогой Робин! — воскликнула Марианна.— Вы — мой добрый ангел. Аллан всегда любил вас, а теперь, когда узнает, что вы были все эти долгие годы моим защитником, моей опорой, что без вашей нежной дружбы я умерла бы с горя, он полюбит вас еще крепче.

— Я служил вам, как умел, дорогая Марианна. Был вам нежным, преданным братом.

— Братом? Вы мне дороже брата,— нежно возразила Марианна.

— Любимая моя,— прошептал Робин, прижимая девушку к своему сердцу,— расскажите Аллану, как я страстно люблю вас. Мое сердце, моя жизнь принадлежат вам.

На рассвете следующего дня Робин вскочил на коня и, никого не предупредив о своем отъезде, поскакал во весь опор в Шервудский лес. По его приказу пятьдесят человек под командованием Маленького Джона поспешили в Барнсейл и спрятались в окрестностях деревни. Вечером они устроили засаду в роще, окружавшей замок Хьюберта де Буасси, и Робин рассказал им о недостойном поведении норманнского рыцаря.

— Мне стало известно,— прибавил он,— что Хьюберт де Буасси задумал дьявольскую месть. Он собрал своих вассалов, что-то около сорока человек, и намеревается этой ночью напасть на замок нашего родича и дорогого друга сэра Гая Гэмвелла, перебить всех мужчин, похитить женщин, а деревню и замок сжечь. Но, на свою беду, он не принял в расчет нас, ребята. Мы защитим подступы к Барнсейлу, победа будет за нами.

В сумерках небольшой отряд вассалов де Буасси выскользнул из ворот замка и направился к Барнсейлу. Но не успел он пересечь границу, разделявшую владения норманна и сэра Гая, как раздался военный клич. Вассалы сэра Хьюберта оцепенели от ужаса. Рыцарь бросился в самую гущу отряда, тщетно пытаясь ободрить и успокоить людей. И в этот момент с громкими криками и гиканьем на них обрушились дружинники Робина Гуда.

Завязалась кровавая битва. Робин Гуд сражался в единоборстве с рыцарем де Буасси.

Сэр Хьюберт отважно защищался, но Робину, силы которого были удесятерены гневом, удалось одолеть его. Пронзенный мечом, рыцарь замертво рухнул на землю.

Его вассалы запросили пощады, и Робин помиловал их. Замок де Буасси был разгромлен и сожжен дотла.

ИЗГНАНИК РОБИН ГУД

ГЛАВА I

Однажды душистым летним утром Робин Гуд прогуливался в одиночестве по узким тропинкам Шервудского леса. В сердце у него была радость, а на устах веселые песни.

Внезапно из глубины леса послышался чей-то сильный, звонкий голос. Безбожно фальшивя, он вторил Робину.

— Клянусь Пресвятой Девой! — в недоумении прошептал Робин, внимательно прислушиваясь к пению незнакомца. — Что за притча? Откуда он может знать эту песню? Я сам сложил ее в детстве и что-то не припомню, чтобы пел ее кому-нибудь.

И он спрятался за ствол старого дерева. Вскоре в конце тропинки показался незнакомец. Поравнявшись с дубом, за которым стоял Робин, он огляделся вокруг.

— А-а-а! — произнес он, заметив стадо великолепных оленей, мирно пасущихся на зеленой поляне. — Вот и старые знакомцы. Сейчас проверим, такой ли у меня верный глаз и такая ли сильная рука, какие были раньше. Попробую-ка подстрелить во-он того мощного красавца, лениво трусящего позади стада.

Он вынул из колчана стрелу, вложил ее в лук и прицелился. Стрела пропела в воздухе, и красавец олень за смертью рухнул на землю.

— Прекрасный выстрел! — весело воскликнул Робин, выходя из своего укрытия.

Застигнутый врасплох незнакомец резко обернулся.

— Вы так думаете, мессир? — спросил он, смерив Робина взглядом с ног до головы.

— Да, вы очень меткий лучник.

— Это так и есть, — высокомерно проговорил незнакомец.

— Без сомнения. Ни за что не поверишь, что вы никогда раньше не охотились на оленей.

— С чего вы взяли, что я никогда не охотился на оленей? — удивился незнакомец.

— Я вижу, как вы держите лук. Могу поспорить с вами на полкоролевства, сэ, что вам привычнее сражаться с врагами на поле брани, чем охотиться на лесных оленей.

— Прекрасный ответ,— смеясь, сказал незнакомец.— Удивляюсь вашей проницательности, сэ. С первого взгляда отличить солдата от охотника! Позвольте узнать ваше имя.

— Мое имя не имеет для вас никакого значения, сэ. Могу только сказать, что я главный сторож этого леса и поэтому не намерен спокойно смотреть, как всякий, кому заблагорассудится поупражняться в стрельбе из лука, убивает беззащитных оленей.

— Плевать я хотел на твои намерения, красавчик,— беззаботно ответил незнакомец.— Посмей только запретить мне стрелять, в кого я хочу. Я буду убивать оленей, оленят, и ты мне ничего не сделаешь.

— Ошибаетесь, но не будем ссориться,— миролюбиво сказал Робин.— Я предводитель дружины умных, отважных воинов, прекрасно владеющих мечом и луком. Вы славный парень и отличный лучник. Если у вас честное сердце, спокойный, свободолюбивый характер, мои ребята охотно примут вас в свою компанию. Вот тогда вам будет позволено охотиться в Шервудском лесу, сколько вашей душе угодно. А не хотите, убирайтесь из леса на все четыре стороны.

— Вы слишком много на себя берете, мессир сторож. А теперь разворачивайтесь и улепетывайте отсюда, да поскорее, а не то я вас мигом научу взвешивать каждое свое слово. Каким образом? Отлуплю вот этой дубиной так, что живого места на тебе не останется!

— Ты меня отлупишь? — высокомерно переспросил Робин.

— Да, я тебя.

— Малыш,— произнес Робин,— не гневи меня, тебе же будет от этого плохо. Если ты не послушаешься меня и сию же минуту не уберешься из леса, будешь жестоко наказан. Вначале тебя избьют, а потом повесят на самом высоком дереве.

Незнакомец так и покатился со смеху.

— Изобьешь, а потом повесишь? — проговорил он.— Интересно, как это у тебя получится. Ну, принимайся за дело, я жду.

— Стану я марать об тебя руки, дружок. Эту богоугодную работу выполняют мои дружинники. Я их сейчас позову, вот с ними ты и объяснишься.

Робин поднес рог к губам, но не успел он протрубить в него, как незнакомец вложил стрелу в лук и закричал: — Бросай рог, или я тебя убью!

Робин выронил из рук рог и, скинув с плеча лук, бросился к незнакомцу.

— Безумец! — воскликнул он. — Да знаешь ли ты, с кем столкнула тебя судьба? Не успеешь ты прицелиться, как моя стрела пронзит тебя насквозь. Будь благоразумен. Мы не знаем друг друга, и у нас нет никакой причины враждовать. Лук — смертоносное оружие. Вложи стрелу в колчан, и, если хочешь, померимся силами на дубинах. Я принимаю твой вызов.

— Померимся силами на дубинах! — согласился незнакомец. — Уговор: тот из нас, кто изловчится первым ударить противника по голове, будет признан победителем.

— Идет, — ответил Робин. — Если я выиграю в этом поединке, ты вступишь в мою дружину.

— Согласен.

— Отлично. Начнем, и пусть Бог дарует победу сильнейшему.

— Аминь! — произнес незнакомец, и состязание в ловкости началось. Удары градом сыпались на незнакомца, а ему ни разу не удалось даже коснуться Робина дубиной. Оглушенный, задыхающийся, парень бросил свое оружие на землю.

— Хватит! Я изнемогаю от усталости, — взмолился он.

— Признаешь ты себя побежденным? — спросил его Робин.

— Нет, но я признаю, что ты искуснее меня владеешь дубиной. Ты опытнее меня, и в этом твоя сила. Надо уравнивать наши возможности. Умеешь ли ты сражаться на мечах?

— Да, — ответил Робин.

— Вынем из ножен мечи и продолжим наш поединок?

— Продолжим.

Они схватились за мечи и ринулись друг на друга. Оба отличные фехтовальщики, они яростно сражались. Четверть часа длилось единоборство, но никто из них не был даже ранен.

— Хватит! — закричал Робин.

— Устал? — с торжествующей улыбкой спросил его незнакомец.

— Устал, — чистосердечно признался Робин. — Единоборство на мечах — малоприятное и утомительное занятие.

То ли дело дубина! Она возбуждает воображение и интерес. Истинно английское оружие. Но, по правде говоря, — прибавил Робин, внимательно разглядывая лицо незнакомца, — усталость не единственная причина, по которой я попросил перемирия. Я увидел твое лицо, и смутные воспоминания детства и юности овладели мной, взгляд твоих больших синих глаз перевернул мне душу, ты заговорил, и твой голос напомнил мне голос лучшего друга. Мое сердце чувствует, что ты мне не чужой. Скажи свое имя. Если ты тот, кого я люблю и чьего возвращения ожидаю с нетерпением любящего брата, заключим друг друга в объятия и возблагодарим судьбу за то, что она привела нас свидеться. Но даже если ты и чужой нам, мы с радостью примем тебя в свою компанию.

— Я потрясен вашей добротой, сэр, — снова перешел на «вы» незнакомец, — но, к сожалению, не могу ответить на ваш честный вопрос. Я вынужден скрываться и храню свое имя в тайне. Если я ее раскрою, это может стоить мне жизни.

— Вам нечего меня опасаться, — продолжал Робин. — Такой же отверженный, как и вы, я буду хранить вашу тайну в сердце, как свою собственную. А легкомысленных людей, выбалтывающих кому попало чужие секреты, я сам презираю. Короче, вы можете смело на меня положиться! — Видя, что незнакомец колеблется, Робин прибавил: — Мы подружимся, вот увидите.

— Ладно, будь что будет, — ответил незнакомец. — Меня зовут Уильям Гэмвелл.

Робин вскрикнул от изумления:

— Уилл! Уилл! Милый Уилл Пунцовый!

— Я самый!

— А я — Робин Гуд.

— Робин! — радостно воскликнул Уильям, бросаясь в объятия друга. — Ах! Счастье-то какое!

Они крепко обнялись. Потом, разжав руки, долго смотрели друг на друга повлажневшими от волнения глазами.

— И я тебе угрожал! — произнес Уилл.

— А я тебя не узнал!

— Я тебя чуть не убил!

— А я тебя поколотил! — закончил Робин, покатываясь со смеху.

— Забудем об этом. Как поживает... Мод?..

— Прекрасно.

— Она...

— Такая же прелесть, как и прежде. Она любит тебя, Уилл, правда, любит. Только ты один живешь в ее сердце. Как она плакала, когда с тобой случилось это несчастье! Ты настрадался, бедный мой Уильям, но милая Мод залечит твои душевные раны. Вы будете счастливы вместе, если ты ее еще любишь.

— Люблю ли я ее? Да как ты можешь у меня это спрашивать, Робин? Люблю больше всего на свете и благодарю Бога за то, что Он поддержал ее в эти трудные годы и она не забыла меня. А я только о ней и думал, только благодаря ей я и выжил. Она одна царила в моем сердце. Она вдохновляла меня на поле битвы, утешала в мрачной тюремной камере. Мод, дорогой Робин, была моей мечтой, моей грезой, моей надеждой, моей жизнью. Она помогла вынести жестокие лишения, выпавшие на мою долю. Я был уверен, что снова увижу милую Мод, женюсь на ней и счастливо проживу с ней до самой смерти.

— Твои надежды скоро исполнятся, Уилл,— произнес растротанный Робин.

— Я уверен в этом. А чтобы ты понял, друг мой Робин, как я люблю мою лапушку, расскажу тебе сон, который видел на привале в Нормандии. Это было месяц назад, но я его как сейчас вижу. Снилось мне, что я сижу в темнице. Руки связаны, тело опутано цепью. И тут мне явилась Мод, бледная как смерть, вся покрытая кровью. Она с мольбой тянет ко мне руки, ее бескровные губы шепчут какие-то жалобные слова. Я не разбираю слов, но понимаю, что она ужасно страдает и зовет меня на помощь. Плача от своего бессилия, я катаюсь по полу, грызу цепи, пытаюсь порвать их. Одним словом, делаю нечеловеческие усилия, чтобы приблизиться к Мод. И вдруг чувствую, как мои оковы слабеют и падают. Я вскакиваю на ноги, бегу к Мод, прижимаю к сердцу мою плачущую голубку, покрываю поцелуями ее бледные щечки. И о чудо! Губки Мод розовеют, она открывает свои большие черные глазки и нежно смотрит на меня. Я потрясен до глубины души, мое сердце бешено бьется, из груди вырывается глухой стон. Я безумно страдаю и в то же время взлетаю на седьмое небо от счастья. Все. Я пробуждаюсь с твердым решением немедленно вернуться в Англию. Мое сердце стремится к Мод, Мод несчастна, страдает, Мод нуждается в моей защите. Командующий армией начинал свою службу в отряде моего отца, и поэтому я считал себя в полном праве ожидать от него покровительства. Но он грубо отказал мне в отпуске. Однако

эта неудача не обескуражила меня. Я поставил себе целью свидеться с Мод и не собирался отступаться от нее. Я умолял этого человека уважить мою ничтожную просьбу. Я вижу, что ты жалеешь меня, Робин, — прибавил Уилл, краснея. — Ладно. Все равно все расскажу до конца. Я валялся у него в ногах, плакал, а он рассмеялся и пнул меня ногой. И тогда, Робин, я вскочил на ноги, выхватил меч из ножен и без колебаний убил этого негодяя. Меня объявили вне закона, преследуют, но я надеюсь, что ищейки потеряли мой след. Вот поэтому-то, милый Робин, я так упорно отказывался назвать тебе свое имя. Будь благословенна судьба, пославшая тебя мне навстречу! А теперь поговорим о Мод. Она все еще живет в нашем лесном замке?

— В лесном замке, милый Уилл? — переспросил Робин. — Разве ты ничего не знаешь о том, что с нами произошло?

— Ничего. Да рассказывай же, Робин, не мучь меня!

— Успокойся. Что было, то прошло. Время зажило раны, нанесенные твоей семье. Замок и деревня Гэмвелл разрушены.

— Разрушены! — вскричал Уилл. — Пресвятая Дева! А что...

— Все живы-здоровы, перебрались в Барнсдейл. Так что не волнуйся о них, милый Уилл. Попозже я тебе подробно расскажу об этом печальном событии. Норманны разрушили Гэмвелл, но жестоко поплатились за свое преступление. Мы уничтожили около двух третей королевских солдат, посланных против нас его величеством Генрихом.

— Его величеством Генрихом! — проговорил Уильям. Подумав, он неуверенно спросил: — Ты мне давеча сказал, что охраняешь эти леса. Значит, ты поступил на королевскую службу?

— Ты неправильно меня понял, белокурый братец, — ответил Робин. — Я действительно главный охранник Шервудского леса. Но назначил меня на эту должность не король, а мои веселые ребята. Жалованье мне платят норманны, то есть богачи, а я делюсь им с бедняками. Я полновластный владетель Шервудского леса, и никто не осмеливается оспаривать мои права и привилегии.

— Ничего не понимаю, Робин, — честно признался Уилл.

— Сейчас поймешь, — произнес Робин и три раза протрубил в рог. Вскоре из зарослей на поляну вышла сотня крепких молодцов, настоящих франтов в зеленых камзолах,

ладно сидящих на их стройных, статных фигурах. За плечами у них висели луки и колчаны со стрелами, а в руках они держали короткие мечи. Безмолвно окружили они своего атамана. Ошеломленный Уильям смотрел на Робина и его молодцов широко открытыми от изумления глазами. Удивление сменилось на его лице простодушным восхищением. Вдоволь насладившись эффектом, произведенным на Уильяма лесными молодцами, сбежавшимися на зов его рога, Робин положил руку на плечо друга и сказал:

— Ребята, этот человек одолел меня в единоборстве на мечах, и я вынужден был просить у него пощады.

— Вот этот? — переспросили лесные братья, с любопытством разглядывая Уилла.

— Этот. И я горжусь его победой, как своей собственной. У него твердая рука и отважное сердце.

Маленький Джон, казалось, не разделял восторгов Робина. Он вышел на середину круга и мрачно обратился к Уиллу с такими словами:

— А ты, видать, богатырь. Наш славный Робин Гуд ни у кого еще не просил пощады. Ну, ничего. Ты недолго попользуешься славой победителя атамана веселых лесных ребят. Уж я позабочусь об этом. Давай сразимся на дубинах! Если ты заставишь закричать меня «хватит!», я первый объявлю тебя лучшим бойцом на дубинах в Англии.

— Дорогой мой Джон, — вмешался в разговор Робин, — ставлю колчан со стрелами против тисового лука, что этот славный парень и на этот раз окажется победителем.

— Согласен, атаман, — ответил Джон.

Страшное волнение сжало сердце Уилла, когда он узнал в загорелом молодом великане, вызвавшем его на поединок, своего любимого двоюродного брата. Он хотел броситься ему на шею, но вовремя сдержался, заметив заговорщицкие подмигивания Робина. Придав своему лицу свирепое выражение, он сдвинул шапку на брови, важно отсалютовал дубиной противнику и приготовился к отражению атаки.

— Как, Маленький Джон! — воскликнул Уилл, отбив первое нападение великана. — Неужели ты и в самом деле хочешь побить Уилла Пунцового, милого Уильяма, как ты меня всегда называл?

— Господи! — растерялся от неожиданности Маленький Джон. Дубина выпала из его рук. — Этот голос! Взгляд!

Он сделал несколько шагов и, покачнувшись, оперся на плечо Робина.

— Ну, конечно, это я, братец Джон! — закричал Уилл. Он сорвал со своей головы шапку и бросил ее на землю.— Узнал? — Длинные рыжие волосы рассыпались по его плечам.

Маленький Джон не мог выговорить ни слова. С трудом подавил он волнение и, бросившись к брату, сжал его в своих объятиях.

— Со счастливым возвращением в веселую Англию, Уилл, мой милый Уилл! — произнес он с трогательной нежностью.— Со счастливым возвращением в жилище твоих предков. Вместе с тобой туда вернутся счастье и радость. Завтра в Барнсдейле будет праздник, завтра батюшка и матушка обнимут наконец того, с кем они уже не чаяли свидеться на этом свете. Да будет благословен час твоего возвращения, мой горячо любимый Уилл! Если бы ты знал, как я счастлив... как я счастлив... Не подумай, что я плачу,— продолжал он, утирая слезы.— Нет, нет, я не плачу. Я рад, очень рад...

Его голос пресекался. Судорожно прижав к своей груди Уилла, Маленький Джон разрыдался.

Успокоившись, Маленький Джон поведал брату о страшном горе, вынудившем семью спешно покинуть замок Гэмвелл. А потом Робин и Джон показали Уиллу убежища, в которых скрывалась их дружина. Уилл потребовал, чтобы его немедленно приняли в дружину, и его требование было удовлетворено под радостные крики лесных братьев. Робин назначил его своим лейтенантом, сравнив в звании с Маленьким Джоном.

На рассвете следующего дня Робин, Уилл и Маленький Джон поспешили в Барнсдейл, где в это время вся семья Гэмвелл, их гости и вассалы готовились праздновать день рождения сэра Гая. И никто не подозревал, какая нечаянная великая радость их ожидала. Уилл, милый Уилл возвращался!

В дороге друзья веселились напропалую, как школьники, отпущенные на каникулы. Робин своим чудным голосом без умолку пел баллады, а Уилл, хмельной от радости, подпевал ему, по своему обыкновению безбожно фальшивя. Маленький Джон поддразнивал брата, а тот хохотал, как безумный. Случайный путник несомненно принял бы их за веселых непротрезвившихся гостей, возвращающихся со свадьбы. Радость жизни переполняла их сердца и кружила им головы лучше всякого вина.

Невдалеке от Мансфельда трое всадников, одетых в зеленые куртки лесничих, преградили им дорогу. Веселая

песня оборвалась на полуслове, беззаботный смех смолк. Робин и его братья придержали коней и внимательно оглядели тех, кто осмелился стать на их пути.

— Кто вы такие и что здесь делаете? — властно спросил их Робин.

— Именно эти вопросы я сам собирался задать вам, — ответил один из противников, крепкий, широкоплечий малый, вооруженный дубиной и кривой сарацинской саблей. Он производил впечатление опытного бойца, опасного в нападении и в защите.

— Вот как? — сказал Робин. — Я рад, что избавил вас от неприятностей: если бы вы осмелились произнести эти вопросы вслух, я бы вам дал такой ответ, что вы до конца дней своих зализывали бы раны и сожалели бы о своей наглости.

— Как гордо чирикает этот птенчик! — насмешливо проговорил крепыш.

— Это ерунда по сравнению с тем, как я действовал бы, если бы ты по неосторожности задал мне свои дерзкие вопросы, — невозмутимо возразил Робин. — Здесь я задаю вопросы. Спрашиваю в последний раз: кто вы такие и что здесь делаете? Глядя на ваши высокомерные рожи, можно подумать, что Шервудский лес — ваша вотчина.

— У тебя хорошо подвешен язык, птенчик. Так, значит, если бы я задал тебе вопросы, которые услышал от тебя, то имел бы честь получить от тебя взбучку? Ну и шутник же ты! Я тебя сейчас научу вежливости: отвечу на твои вопросы, а потом примерно накажу за наглость.

— Валай! — весело ответил Робин. — Скажи мне свое имя, а потом можешь избить меня, если тебе это удастся.

— Я — сторож этой части леса, а эти люди — мои помощники. По поручению короля Генриха мы охраняем лес от Мансфельда до перекрестка дорог, что находится в семи милях отсюда, от разбойников, подобных тебе. Ясно?

— Не совсем. Если ты и твои приятели — охранники Шервудского леса, то позволь спросить тебя: кто же я и мои товарищи? До сего времени я считал себя главным сторожем Шервудского леса. Правда, я не пользуюсь милостями короля Генриха, но и не нуждаюсь в них. Я владетель Шервудского леса, и моя власть основана на праве сильного.

— Это ты — владетель и главный сторож Шервудского леса?! Ну ты даешь! Разбойник и негодяй — вот кто ты.

— Приятель, — живо возразил Робин, — не присваивай себе чужих прав. Я знаю человека, которому король Генрих поручил охранять Шервудский лес. Этот человек ведет себя скромно и признал мое верховенство над собой.

— Может быть, ты назовешь имя этого человека, — смеясь, спросил крепыш.

— Разумеется. Его зовут Джон Кокл. Это толстый мельник из Мансфельда.

— Ну а я его сын. Меня зовут Мач.

— Это ты Мач? Не верю.

— Он говорит правду, — вмешался в разговор Маленький Джон. — Я его знаю. Это один из самых ловких бойцов на дубинах в нашей округе.

— И тебе не соврали, приятель. Ты меня знаешь, и я тебя тоже прекрасно знаю. Ты самый знаменитый богатырь в наших местах, мессир Джон.

— А я Робин Гуд, сторож Мач.

— Я и не сомневался в этом, парень. Очень приятная встреча. Отличная награда обещана тому, кто арестует тебя. Я очень честолюбив по природе, да и денежки придется мне как нельзя кстати. Ты не ускользнешь от меня.

— Это уж как сказать, поставщик ее величества виселицы, — презрительно проговорил Робин. — Снимай камзол и бери в руки меч. Сразимся.

— Стойте! — закричал Маленький Джон. — Мач славится как боец на дубинах, а не на мечах. Будем биться трое против троих. Я беру на себя Мача, а вы, Робин и Уилл, сразитесь с остальными двумя.

— Согласен, — ответил Мач. — Никто не скажет, что Мач, сын мансфельдского мельника, спасовал перед Гудом и его веселыми ребятами.

— Хорошо сказано! — воскликнул Робин. — Ну, Маленький Джон, колошмать предводителя, если тебе так хочется, а я сражусь вот с этим силачом. Хочешь помериться со мной силами? — спросил Робин у крепкого парня, которого случай дал ему в противники.

— Очень хочу, — ответил тот.

— Начнем! И пусть Пресвятая Богородица дарует победу тем, кто ее заслуживает.

— Аминь! — проговорил Маленький Джон. — Пресвятая Дева никогда не оставляет слабых в беде.

— Она дарует свои милости самым достойным, — сказал Мач.

— Самым достойным, — повторил Робин и перекрестился.

— Начали,— скомандовал Маленький Джон, когда противники закончили приготовления к поединкам.

— Начали,— сказали все.

Вот как это памятное сражение описано в старинной балладе:

Это случилось в одно прекрасное летнее утро.
Сильные и отважные, они взялись за дело
И сражались с восьми утра до полудня,
Они сражались без передышки, и никто из них не устал.
Никто из них не был даже ранен,
И победа досталась Робину, Уиллу и Маленькому Джону

— Маленький Джон,— произнес Мач, тяжело дыша,— я много слышал о твоей ловкости и отваге. Давно мечтал сразиться с тобой в единоборстве, и вот мое желание исполнилось. Я признаю себя побежденным. Это поражение исцелит меня от заносчивости и гордыни. Я считал себя непревзойденным бойцом на дубинах, а теперь понял, каким был глупцом.

— Ты действительно отличный боец на дубинах, дружище Мач,— ободрил его Маленький Джон и крепко пожал ему руку.

— Благодарю тебя за похвалу, славный лесной удалец, но мне кажется, что в ней больше вежливости, чем искренности. Ты, быть может, думаешь, что мое самолюбие уязвлено этим неожиданным поражением? Ничего подобного. Я несколько не оскорблен тем, что был побит в честном бою противником, никогда не знавшем неудач.

— Славно сказано, отважный сын мельника! — весело воскликнул Робин.— Ты обладаешь самыми завидными сокровищами: добрым сердцем и саксонской душой. Только честный человек может весело и беззлобно выдержать такое тяжелое испытание. Дай мне свою руку, Мач, и забудь дерзости, которыми я осыпал тебя в начале нашей встречи. Я же не знал тебя, и поэтому мои оскорбления были только ответом на твою брань. Хочешь, выпьем по стакану вина в честь нашей встречи и будущей дружбы?

— Вот тебе моя рука, Робин Гуд. Я даю тебе ее от чистого сердца. О тебе говорят много хорошего, тебя боготворят даже те, кто должен был бы ненавидеть. Даже норманны. Они произносят твое имя с искренним уважением, и никогда не слышал я, чтобы кто-нибудь порицал твои дела. Тебя лишили состояния и осудили на изгнание, но это не озлобило твою душу. Ты помогашь беднякам и своей добротой завоевал сердца всех честных людей.

— Спасибо на добром слове, дружище Мач. Я никогда этого не забуду. А теперь я хочу, чтобы ты проводил меня в Мансфельд. Прошу, доставь мне это удовольствие.

— Я в твоём полном распоряжении, Робин,— ответил Мач.

— И я тоже,— сказал человек, с которым Робин сражался в единоборстве.

— И я,— присоединился к товарищам бывший противник Уилла.

И веселая компания направилась в Мансфельд.

— Дорогой Мач, могу ли я рассчитывать на благоразумие твоих друзей?

— Почему ты задаешь мне этот вопрос?

— От их молчания зависит моя безопасность. Никто не должен знать, что я в Мансфельде. Одно неосторожное слово, и харчевня, куда мы зайдем, чтобы стаканом вина скрепить нашу дружбу, будет немедленно окружена солдатами, и мне не останется ничего иного, как отбиваться от них или бежать. Ни то, ни другое не входит сегодня в мои намерения. Меня ждут в Йоркшире, и я не хочу заставлять долго себя ждать.

— Я ручаюсь головой за моих товарищей. И во мне ты можешь не сомневаться, Робин. Но не кажется ли тебе, что ты преувеличиваешь опасность? Любопытство жителей Мансфельда — вот единственное, чего тебе следует опасаться. Они ни за что не упустят случая поглазеть на знаменитого Робина Гуда, героя баллад, которые распевают все мансфельдские девушки, и не успеешь ты войти в наш славный городок, как они толпой повалят за тобой.

— Знаменитый... герой... Я несчастный изгнанник, месье Мач,— с горечью возразил Робин.— И не бойся называть меня так. Не меня бесчестит этот позор, а того, кто вынес жестокий и несправедливый приговор.

— Не беспокойся, дружище. Как бы тебе ни досаждали враги, помни всегда, что мы любим и уважаем тебя.

Робин крепко пожал руку славному парню.

Они вошли в харчевню, стоявшую на окраине городка, и не успели сесть за стол, как хозяин подал им полдюжины бутылок доброго вина, и дружеская пирушка началась. Бутылки быстро опустошались, языки друзей развязались, а их сердца доверчиво раскрылись. Оживленная, доверительная беседа с яркими описаниями веселого независимого существования под сенью вековых деревьев Шервудского леса произвела такое потрясающее впечатление на Мача и

его товарищей, что они недолго думая попросили Робина принять их в дружину лесных братьев и поклялись беспрекословно следовать за ним в огонь и воду. Робин с явным удовольствием согласился. Для честных, отважных и умелых ребят всегда находилось место в рядах шервудской дружины. Всем троим так загорелось начать поскорее новую жизнь, что после долгих уговоров Маленький Джон согласился отвести их в лес.

Незадолго до того как друзья собрались покинуть харчевню, в зал вошли двое мужчин. Один из них мельком оглядел Робина, Маленького Джона и остановил свое внимание на Уилле Пунцовом. Парень почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, поднял голову и хотел было потребовать у незнакомца объяснений, но тот быстро отвел глаза, залпом выпил свой стакан вина и поспешно вышел с приятелем из харчевни.

Это происшествие не вызвало у Уилла, поглощенного радостными мыслями о скорой встрече с милой Мод, никакого беспокойства. Он и не подумал рассказать о нем Робину и Джону и очень скоро забыл о странных незнакомцах.

По дороге в Барнсдейл Робин сочинил эффектный сценарий появления Уилла в замке и изложил его брату. Но нетерпеливый парень не оценил творение Робина и наотрез отказался от предписанной ему роли, согласно которой он мог предстать перед своим семейством только после того, как оно будет подготовлено Робинотом к этой неожиданной радостной встрече.

— Да пойми же меня, милый Робин,— говорил он,— я так сильно волнуюсь, что не могу и секунды спокойно и безмолвно ожидать момента своего появления в родительском доме. За эти годы я изменился, тяжелые испытания наложили отпечаток на мое лицо. Даже родная матушка не сразу узнает меня. Представь меня лучше другом Уилла, и я, хотя бы неузнанный, буду разговаривать с родителями, увижу наконец их дорогие лица. И тогда уже можешь раскрыть нашу тайну, когда тебе заблагорассудится.

Робин уступил желанию Уилла, и они вместе вошли в замок Барнсдейл.

Вся семья собралась в зале. Робин был принят с распростертыми объятиями, а «другу Уилла» баронет сердечно предложил погостить в замке.

Уинифред и Барбара сели рядом с Робинотом и засыпали его вопросами — по заведенному обычаю, каждый раз, приезжая в замок, он привозил девушкам ворох новостей.

Отсутствие Мод и Марианны входило в расчеты Робина. Удовлетворив любопытство сестер, Робин встал с кресла и обратился к сэру Гаю с такими словами:

— Дядюшка, а у меня и для вас есть отличные новости. Господи, как вы обрадуетесь им!

— Ваш приезд — самая большая радость, какую только может пожелать мое старое сердце,— ответил старик.

— Робин — вестник небес! — шаловливо воскликнула хорошенькая Барбара.

— В следующий раз, Барби, я приеду вестником любви,— весело сказал Робин,— и привезу вам жениха.

— С удовольствием приму от вас такой чудный подарок, Робин,— рассмеялась девушка, весело встряхнув белокурыми локонами.

— И очень хорошо сделаете, сестренка. Уверю вас, он будет вполне достоин такой очаровательной и любезной барышни, как вы. Я не буду вам описывать его, скажу только, что вы влюбитесь в него с первого взгляда и скажете Уинифред: «Сестрица, вот тот, кого так долго ждало сердце Барбары Гэмвелл».

— Вы уверены в этом, Робин?

— Разумеется, моя очаровательная насмешница.

— Ах, Робин, вы слишком самоуверенны. Вы же знаете, как трудно мне угодить. Молодой человек, который хочет мне понравиться, должен быть не только красавцем, но и галантным кавалером.

— Галантным кавалером?

— Да, во всем походить на вас, братец.

— Вы мне льстите!

— Я говорю то, что думаю. Очень жаль, что мои слова показались вам лестью. А я желаю, чтобы мой муж был, как и вы, прекрасен лицом, остроумен, любезен и добр сердцем.

— Так, значит, я вам нравлюсь, Барбара?

— Вы в моем вкусе, Робин.

— Я очень счастлив и в то же время очень огорчен этим, сестренка. Если вы питаете тайную надежду воцариться в моем сердце, я должен разочаровать вас. Оно уже занято двумя молодыми особами.

— Это мне давно известно, Робин.

— Вот как?

— И я даже могу назвать их имена.

— Ах, прошу вас, милая Барбара, не выдавайте тайну моего сердца.

— Я уважаю вашу скромность, Робин, и поэтому умолкаю. Но знайте, дорогой Робин, что, если вы сообразовываете оказать мне такую милость, я согласна стать вашей третьей и даже четвертой невестой. По моим расчетам, самое меньшее три барышни были бы счастливы носить ваше знаменитое имя.

— Маленькая насмешница! — рассмеялся Робин. — Вы не упускаете случая подшутить надо мной. Но я на вас не в обиде и через несколько дней представлю вам галантного и красивого кавалера.

— Помните, Робин, он должен быть молод, умен, красив и любезен. Иначе я его выгоню.

— Ручаюсь, вы будете очарованы им.

— Прекрасно. А теперь выкладывайте новости, которые, по вашим словам, осчастливят батюшку.

— Мисс Барбара, дядюшка, тетюшка, милая Уинифред, несколько дней назад я получил достоверные сведения об одном дорогом нашим сердцам человеке.

— Неужели Уилл?.. — схватила за сердце Барбара.

— Вы угадали, сестренка.

— Счастье-то какое!

— Этот парень недавно видел Уильяма и разговаривал с ним.

— Что с моим сыном? Он цел и невредим? — дрожащим голосом спросил сэр Гай.

— Счастлив ли он? — промолвила леди Гэмвелл.

— Где он? — прибавила Уинифред.

— Что удерживает его вдалеке от нас? — произнесла Барбара и глазами, полными слез, посмотрела на спутника Робина.

Волнение сжимало горло бедного Уильяма, сердце его бешено колотилось, он не мог вымолвить ни слова. Наступило молчание. Барбара не отрываясь смотрела на молодого человека. Вдруг она радостно вскрикнула, бросилась к нему на шею и, заливаясь слезами, воскликнула:

— Это Уилл! Уилл! Я узнала его! Мой милый Уилл, как я рада, что ты вернулся к нам!

И, прижимаясь к плечу брата, девушка заплакала навзрыд.

Леди Гэмвелл, ее сыновья и дочери окружили Уилла, а сэр Гай, на справившись с волнением, упал в кресло и зарыдал, как ребенок.

Братья Уилла опьянели от радости и счастья. Они оттеснили женщин, подхватили Уилла на руки и едва не задушили его в своих мощных объятиях.

Воспользовавшись радостным оживлением, охватившим семью Гэмвелл, Робин вышел из зала и направился в покои Мод. Слабое здоровье мисс Линдсей требовало заботливого к ней отношения, и поэтому Робин считал невозможным сообщить ей без подготовки радостную весть. По дороге он встретил Марианну.

— Что происходит в замке, милый Робин? — спросила девушка, нежно поздоровавшись с женихом. — Мне кажется, я слышу радостные восклицания, веселую возню.

— И вы не ошиблись, дорогая Марианна. Они празднуют возвращение долгожданного...

— Чье возвращение? — спросила Марианна дрожащим голосом. — Моего брата?

— Увы, нет, милая Марианна, — ответил Робин, беря руки девушки в свои. — На этот раз Бог вернул нам не Аллана Клэра, а Уилла. Вы помните Уилла Пунцового, нашего милого Уилла?

— Конечно, помню. Господи, как же я рада, что он вернулся домой живым и невредимым! Где он?

— Когда я выходил из зала, братья душили его в своих железных объятиях. Пойду поищу Мод.

— Она в своей комнате. Хотите, я пошлю за ней?

— Нет, не надо. Я сам поднимусь наверх, в ее комнату, нужно подготовить девочку к встрече с Уильямом. Ну и заботу же я взвалил на себя, — смеясь, прибавил Робин. — Я несравненно лучше знаю самые отдаленные и дремучие уголки Шервудского леса, чем тайники женского сердца.

— Не скромничайте, мессир Робин, — весело возразила Марианна. — Вы отлично умеете завоевывать женские сердца.

— Я вижу, Марианна, что мои сестры, Мод и вы стоворились сделать меня гордецом. Вы осыпаете меня комплиментами и любезностями. Помилосердствуйте.

— И не надейтесь на это, сэр Робин, — промолвила Марианна, погрозив ему пальчиком. — Вы ухаживаете за Барбарой и за Уинифред, бедные девочки влюблены в вас по уши. Мне было очень приятно узнать это, и в отместку я испытываю чары своих глаз на прекрасном Уилле Пунцовом.

— Не возражаю, милая Марианна, но должен вас предупредить, что вам придется иметь дело с опасной соперницей. Мод будет защищать свое счастье, а бедный Уилл еще больше покраснеет, оказавшись причиной раздора двух очаровательных женщин.

— Если Уильям умеет краснеть так же, как и вы, Робин, я несколько не боюсь, что это затруднительное положение свергнет его в волнение.

— С чего это вы взяли, мисс Марианна, что я не умею краснеть? — смеясь, спросил Робин.

— Вы разучились краснеть. За все время нашего знакомства я помню только один случай, когда яркая краска стыда окрасила ваши щеки.

— И когда же случилось это знаменательное событие?

— В день нашей первой встречи в Шервудском лесу.

— Хотите, Марианна, я расскажу вам, почему я тогда покраснел?

— Боюсь ответить утвердительно, Робин. В ваших глазах скачут чертики, а на губах змеится злая улыбка.

— Вы боитесь услышать мой ответ, мисс Марианна, и в то же время с нетерпением ждете его.

— Ничего подобного.

— А я-то думал, что вам будет приятно узнать, почему я тогда покраснел в первый... и в последний раз.

— Ах, если бы вы знали, как мне приятно слушать рассказы даже о самых незначительных событиях в вашей жизни! — улыбаясь, сказала Марианна.

— В тот день, когда я имел счастье ввести вас в дом моего батюшки, безумное желание увидеть ваше лицо не давало мне покоя. Но оно было скрыто в складках капюшона, были видны только ваши божественные глаза. Я смиренно шел рядом с вами и думал: «Если у этой девушки лицо так же прекрасно, как и глаза, я обязательно приударю за ней».

— Ах, Робин, неужели уже в шестнадцать лет вы мечтали о женской любви?

— Да. И в тот момент, когда я мысленно поклялся посвятить вам всю свою жизнь, вы сняли капюшон, скрывавший ваше милое лицо от моих глаз, и я увидел, как оно прекрасно. Я не мог оторвать от него глаз и вдруг почувствовал, что краснею. Какой-то внутренний голос нашептывал мне: «Эта девушка станет твоей женой». Вот и вся история о том, как я покраснел в первый и последний раз в моей жизни. И с того дня, — взволнованно продолжал Робин, — эта надежда, подаренная мне небом как обещание счастливого будущего, поддерживала и утешала меня в горькие минуты моей жизни. Я надеюсь и верю.

Веселые крики, взрывы смеха снова донеслись до комнаты, где, обнявшись, тихо беседовали влюбленные.

— Ну, Робин, поспешите обрадовать Мод,— промолвила Марианна, подставляя ему лоб для поцелуя,— а я пойду поздравлю Уилла с благополучным возвращением и скажу ему, что вы подготавливаете его милую невесту к встрече с ним.

— Я слышала радостные возгласы, возвестившие о вашем приезде,— сказала Мод, увидев входящего в ее комнату Робина.— Я почувствовала, что своим унылым видом нарушу общее веселье, и поэтому не спустилась в зал.

— Ну, это вы напрасно, Мод.

— Из всех обитателей замка только я одна не получаю радостных известий.

— И до вас скоро дойдет очередь, милая Мод.

— Я уже ни на что не надеюсь, Робин. Страшная, смертельная безысходность овладела мной. Если бы вы знали, как горячо я люблю вас, как счастлива вас видеть! Но я не смею выразить вам свои чувства, дорогой Робин, и поэтому стараюсь как можно реже встречаться с вами.

— Вы избегаете меня? — удивился Робин.

— Да, Робин. Когда я слышу, как вы рассказываете сэру Гаю о его сыновьях, передаете любовные послания Маленького Джона Уинифред, любезничаете с Барбарой, я всегда с тоской думаю: «А я здесь лишняя. Только на несчастную Мод Робин не обращает внимания...»

— Как же вы ошибаетесь, Мод!

— Ах! Вы часто привозите мне богатые подарки, как бы возмещая этим отсутствие известий из внешнего мира. Что вы только не делали, чтобы утешить меня! Но мое горе безутешно.

— Вы маленькая злючка, мисс Мод,— шутливо проговорил Робин.— Как же вы, барышня, смеете жаловаться, что я не привожу вам никаких известий из внешнего мира? А новости из Ноттингема? Кто, рискуя собственной головой, навещает вашего брата Хэлберта? Кто, рискуя своим сердцем, отважно вызывает на себя испепеляющий огонь двух прекрасных глаз? Чтобы сделать вам приятное, я подвергаю себя опасности, встречаясь наедине с восхитительной Грас. Она очаровывает меня своими обольстительными улыбками, прикасается ко мне своей божественной ручкой, целует меня при встрече и расставании. Так для кого же, спрашиваю я вас, подвергаю я свое сердце жестоким испытаниям? Ради вас, Мод.

Мод звонко расхохоталась.

— Вы хотите представить меня неблагодарной,— промолвила она.— Мне действительно приятно узнать, как поживают Хэлберт и его жена, но не о них болит мое сердце.

— Прекрасно, милая барышня. Раз так, я вам не скажу, что на прошлой неделе виделся с Хэлбертом и он поручил мне расцеловать вас в обе щечки. И уж тем более вы не услышите от меня, что Грас любит вас, а ее маленькая дочь Мод, ангел доброты, передала привет своей крестной мамочке.

— Огромное спасибо вам, милый Робин, за вашу очаровательную манеру ничего мне не говорить. Я очень довольна, что осталась в неведении о том, что происходит в Ноттингеме. А кстати, знает ли Марианна о внимании, которое вам оказывает прелестная жена Хэлберта?

— Какая же вы коварная, мисс Мод! Хорошо! Чтобы доказать вам, что моя совесть чиста, как свежий снег, я признаюсь, что часто с восхищением рассказываю Марианне о чарах прекрасной Грас. Но умалчиваю, что неравнодушен к ее прелестным, восхитительным глазам.

— Так, значит, вы обманываете Марианну? Я не потерплю этого! Сию же минуту пойду и расскажу ей о вашем преступлении.

— Вот вам моя рука, мы пойдем к Марианне вместе, и вы донесете ей на меня. Но прежде мне необходимо поговорить с вами.

— О чем, милый Робин?

— О том, что вам будет приятно услышать.

— До вас дошли слухи о... о...— Девушка покраснела, глаза ее с мольбой смотрели на Робина, лицо выражало одновременно сомнение, надежду, радость.

— О ком, Мод?

— Ах! Какой же вы насмешник! — грустно произнесла бедная девушка.

— Нет, милая сестренка. Я действительно хочу вам сказать нечто весьма приятное.

— Говорите же.

— Что бы вы сказали, если бы я предложил вам мужа?

— Мужа? Что за странный вопрос!

— А если бы этим мужем был...

— Уилл! Уилл! Смилуйте, Робин, не играйте моим сердцем. Послушайте, как бешено оно бьется. Вот-вот вырвется из груди. Говорите же, говорите... Мой милый Уилл жив и здоров?

— Он в добром здравии и ждет не дождется, когда сможет обвенчаться с вами.

— Вы его видели? Да? Где он? Когда он вернется к нам?

— Видел. Он выехал вслед за мной. Оглянуться успеете, как свидитесь с ним.

— Слава Тебе, Пресвятая Мария Матерь Божия! — воскликнула Мод, молитвенно сложив руки и подняв к небу глаза, полные слез.— Я скоро увижу Уилла! Счастье-то какое! Но...— продолжала Мод. Она стремительно повернулась к двери, на пороге стоял молодой мужчина.— Это он! Это он!

С радостным криком бросилась девушка в объятия Уильяма и потеряла сознание.

— Бедная девочка! — прошептал Уилл дрожащим голосом.— Слишком сильное потрясение, слишком неожиданное, и вот она лишилась чувств. Робин, поддержи ее, у меня ноги от волнения подкашиваются.

Робин бережно взял девушку на руки и усадил ее в кресло. А Уилл, взволнованный, потерянный, закрыл лицо руками и разрыдался. Но вот Мод пришла в себя и протянула руки к Уиллу. Он опустил перед ней на колени, обвил руками ее талию и нежно прошептал:

— Мод! Мод!

— Уильям! Дорогой мой Уильям!

— Ну, счастливо оставаться, а я пошел к Марианне,— смеясь, сказал Робин.— Не забывайте тех, кто вас любит.

Мод протянула Уильяму руку, он схватил ее и покрыл жаркими поцелуями.

— Вот я и вернулся к вам, милая Мод,— промолвил Уилл.— Вы рады меня видеть?

— Как вы можете задавать мне такой вопрос, Уильям? Рада, очень рада! Я самая счастливая девушка на свете!

— И вы не хотите, чтобы я покинул вас?

— Разве я когда-нибудь выражала подобное желание?

— Нет. Но от вас одной зависит, будет ли эта встреча иметь счастливые последствия или останется незначительным эпизодом в нашей жизни, о котором мы оба скоро забудем.

— Что вы хотите этим сказать?

— Помните ли вы наш последний разговор перед разлукой?

— Конечно, помню, милый Уильям!

— В тот день вы разбили мое сердце, прекрасная Мод. Я был в отчаянии. Робин заметил это, очень встревожился,

попытался успокоить меня, и я, тронутый его дружеской работой, все рассказал ему. И тогда я узнал, что он был невольной причиной моих сердечных страданий.

— Не будем больше говорить о моих девичьих глупостях,— прервала его Мод.— Прошлое принадлежит Богу.

Она обвила руками шею Уильяма и спрятала свое пылающее лицо на его груди.

— Да, милая Мод, прошлое принадлежит одному только Богу, а настоящее нам. Правда?

— Да. Нам и Богу. Мне кажется,— прибавила Мод,— что вы должны составить себе ясное представление о моих отношениях с Робинотом. Это успокоит вас.

— Все, что я хотел знать, я знаю, милая Мод. Робинот рассказал.

Лицо девушки зарумянилось от смущения.

— Если бы вы тогда не исчезли так внезапно,— продолжала Мод,— вы бы узнали, как я была тронута вашим нежным сердечным чувством и вашим постоянством. Уже тогда в моем сердце зародилась любовь к вам. За эти долгие годы разлуки я привыкла смотреть на Робинота глазами любящей и преданной сестры, и сегодня я спрашиваю себя: неужели было время, когда мое сердце не любило вас?

— Так, значит, это правда, что вы уже чуть-чуть любите меня, Мод? — спросил Уильям, глядя на девушку влажными от слез глазами.

— Не чуть-чуть, а крепко-крепко!

— Ах, Мод, Мод! Как же я счастлив! Вот видите, я не вря надеялся и терпеливо ждал... Мы поженимся? Правда?

— Ах, милый Уильям!

— Скажите «да», а еще лучше скажите: «Я хочу выйти замуж за доброго Уильяма».

— Я хочу выйти замуж за доброго Уильяма,— послушно повторила девушка.

— Дайте мне вашу ручку, милая Мод.

— Вот вам моя рука.

И Уильям нежно поцеловал маленькую ручку своей невесты.

— Когда же мы справим нашу свадьбу? — спросил он.

— Не знаю... Через несколько дней.

— А может быть, завтра?

— Завтра ничего не выйдет.

— Не выйдет? Почему?

— Потому что наша свадьба будет неожиданностью для всех.

— Счастье никогда не торопится, милая Мод. Если бы мы могли обвенчаться сию минуту, я был бы счастливейшим из смертных. Но до завтра я уж, так и быть, подожду. Итак, решено! Завтра вы станете моей женой!

— Да, завтра! — воскликнула девушка.

— Вы знаете, почему я настаиваю на завтрашнем дне? Во-первых, завтра мы будем праздновать день рождения батюшки, ему исполняется семьдесят шесть лет. А во-вторых, матушка хочет пышно отпраздновать мое возвращение. Праздник только выиграет от того, что в этот день исполнится наконец наше заветное желание.

— А примет ли меня ваша семья? Я боюсь, что ваш батюшка скажет...

— Мой батюшка,— прервал ее Уилл,— мой батюшка скажет, что вы ангел, что он вас любит, как свою родную дочь. Ах, Мод, если бы вы знали, как он добр! Он будет только радоваться, глядя на наше счастье.

— Как хорошо вы умеете убеждать, милый Уилл!

— Так, значит, вы согласны, Мод?

— Мне ничего другого не остается, дорогой Уилл.

— Ах, Мод, ведь вы же по своей доброй воле выходите за меня замуж.

— На вас, Уильям, не угодишь. Я же вижу, что вы хотите услышать от меня такие слова: «Я всем сердцем согласна...»

— Обвенчаться с вами завтра,— прибавил Уилл.

— Обвенчаться с вами завтра,— смеясь, повторила Мод.

— Отлично. Я доволен вашим ответом. А теперь пойдём к моим родителям и попросим у них благословение.

Взявшись за руки, они спустились в зал, где уже собралась вся семья Гэмвелл.

Леди Гэмвелл и ее муж благословили жениха и невесту, Уинифред и Барбара от души поздравили их и с этого момента, обращаясь к Мод, называли ее сестрой. Дамы немедленно занялись приготовлениями к свадьбе, все радовалось счастью Уилла.

Наконец после ночи, показавшейся бесконечной жениху и невесте, наступило утро следующего дня. Во дворе замка громоздились огромные бочки с элем, украшенные гирляндами из цветов и листьев. Готовилось невиданное торжество. Замок был украшен цветами, приглашенные музыканты настраивали свои инструменты. Начали собираться гости.

Приближалось время венчания мисс Линдсей с Уильямом Гэмвеллом. Мод, одетая в изящное подвенечное платье,

сшитое для нее Барбарой и Уинифред, украшенная цветами и драгоценностями, ожидала в зале жениха. Уильям не приходил. Сэр Гай послал за ним слугу. Слуга обыскал парк и замок, громко звал Уилла, но отзывалось ему только эхо его собственного голоса.

Робин и сыновья сэра Гая вскочили на коней и помчались на поиски пропавшего жениха. Они прочесали окрестные поля и леса, опросили повстречавшихся им по дороге путников, но не обнаружили никаких следов Уилла.

Гости, разбившись на группы, тоже приняли участие в поисках, но и их усилия не увенчались успехом.

В полночь вся семья собралась вокруг Мод, лежавшей в глубоком обмороке.

Уильям исчез.

Г Л А В А II

Мы уже говорили, что барон Фитц Олвайн привез в ноттингемский замок красавицу дочь, леди Кристабель.

За несколько дней до исчезновения несчастного Уильяма барон сидел в своих покоях и беседовал с маленьким старичком, одетым в роскошное платье с золотым шитьем.

Этот старый щеголь выглядел намного старше барона, но вел себя так, словно на него не давил груз его преклонных лет.

Морщинистые и гримасничающие, подобно старым обезьянам, приятели разговаривали вполголоса о чем-то важном. Хитростью и лестью пытались они обойти один другого.

— Вы слишком суровы со мной, барон, — говорил старый урод, качая головой.

— Нисколько, клянусь душой! — возразил лорд Фитц Олвайн. — И вы совершенно напрасно подозреваете меня в скрытности и нечестности. Я хочу обеспечить счастье моей дочери — только и всего.

— Вы прекрасный отец, Фитц Олвайн, и счастье леди Кристабель — ваша единственная забота на земле. Какое вы дадите мне приданое за вашей прелестной малюткой?

— Я же вам уже сказал: пять тысяч золотых монет в день свадьбы и еще столько же чуть попозже.

— Это надо уточнить, барон, это надо уточнить, — проворчал старик.

— Лет через пять.

— Это слишком долгий срок, да и приданое-то мизерное.

— Сэр Тристрам,— холодно проговорил барон,— не испытывайте мое терпение, оно не безгранично. И не забывайте, что моя дочь молода и прекрасна, а вы немощный старик.

— Ладно, ладно, не сердитесь, Фитц Олвайн. Я не скряга. Мне не нужны ваши десять тысяч золотых монет, я сам могу дать вам миллион, да что там миллион — два миллиона золотом.

— Вы очень богаты, сэр,— прервал приятеля барон.— По сравнению с вами я бедняк, но тем не менее хочу, чтобы моя дочь стала одной из самых знатных дам в Европе. Я желаю, чтобы леди Кристабель ни в чем не уступала королеве. Это моя заветная мечта, а вы вот отказываетесь доверить мне средства для ее осуществления.

— Дорогой мой Фитц Олвайн, неужели ваша дочь будет менее счастлива, если я удержу в своих руках половину моего состояния? Леди Кристабель будет получать проценты с одного или двух миллионов, но капитал останется у меня. Не беспокойтесь и не мучьте себя. Положение вашей дочери ни в чем не будет уступать королевскому.

— Все очень хорошо, но это только слова, мой дорогой сэр Тристрам. И послушайте, что я вам еще скажу: если между супругами большая разница в возрасте, у их очага поселяется раздор. Вдруг случится так, что вы не сможете больше переносить капризы и причуды молодой жены, отошлете ее ко мне, и деньги пропадут. А вот если вы передадите мне половину своего состояния, я буду спокоен за счастье моей дочери, а вы можете ссориться с ней, сколько вашей душе угодно.

— Помилуйте, что вы говорите? Какие ссоры? Вы шутите, дорогой мой барон. Никогда в жизни я ни с кем не ссорился. Я нежно люблю прелестную голубку и клянусь, что ничем не вызову ее неудовольствия. Двенадцать лет я жду того дня, когда ваша дочь подарит мне свою руку, так как же я посмею пренебрегать ее капризами? Она будет богата, и все ее капризы будут немедленно исполняться.

— Позвольте вам сказать, сэр Тристрам, что, если вы откажетесь выполнить мое требование, я возьму свое слово обратно, и тогда забудьте о моей дочери.

— Вы слишком решительны, барон, слишком решительны,— проворчал старик.— Давайте попробуем договориться...

— Я вам уже высказал свое решение,— прервал его барон,— и менять его не намерен.

— Не упорствуйте, Фитц Олвайн. А что, если я подарю вам пятьдесят тысяч золотых монет?

— Вы смеетесь надо мной?

— Смеяться над вами? Неужели вы такого плохого мнения обо мне, Фитц Олвайн? Двести тысяч золотых монет.

— Сэр Тристрам, мне известно, что вы баснословно богаты, и поэтому я воспринимаю ваше предложение как насмешку. Что я буду делать с вашими двумястами тысячами золотых монет?

— А разве я сказал двести тысяч, барон? Я хотел сказать пятьсот тысяч. Пятьсот тысяч, слышите, пятьсот тысяч. Разве вам этого мало?

— Но я давеча слышал от вас, что вы могли бы дать мне два миллиона и что вы пренебрегаете десятью тысячами золотых монет, которые я давал вам в приданое за моей дочерью. Вы даете мне миллион золотом и хоть завтра венчайтесь с леди Кристabelle, мой добрый Тристрам.

— Миллион! Вы хотите, Фитц Олвайн, чтобы я из рук в руки отдал вам миллион? Неужели вы не понимаете, что это нелепость? Я еще не сошел с ума, чтобы за здорово живешь отдать вам половину своего состояния.

— Вы оскорбляете меня! — воскликнул раздраженно барон.

— Нисколько!

— Неужели вы думаете, что у меня могут быть какие-то другие интересы, кроме забот о счастье моей единственной дочери?

— Свою дочь вы очень любите. Это всем известно. Но...

— Но что? — грубо прервал его барон.— Соглашайтесь, или леди Кристabelle никогда не станет вашей женой.

— Я должен хорошо обдумать...

В этот момент кто-то громко постучал в дверь покоев барона.

— Войдите,— откликнулся барон.

Дверь открылась, и вошел слуга.

— Милорд,— сказал он,— от короля прибыл гонец с важным сообщением. Он ожидает разрешения войти к вашей светлости.

— Проводите его ко мне,— ответил барон.— Вот вам мое последнее слово, сэр Тристрам: если вы не примете мое требование до прихода королевского гонца, который будет здесь через две минуты, забудьте о леди Кристabelle.

— Ах, послушайте меня, Фитц Олвайн, послушайте меня!

— Не буду я вас слушать. Моя дочь стоит миллиона. Неужели вам деньги дороже любимой женщины? Ведь вы же любите ее?

— Очень люблю,— проговорил мерзкий старик.

— Значит, вы будете очень несчастны, если потеряете ее навсегда. А у меня есть в запасе один молодой вельможа, знатный, богатый, очень богатый, красавец лицом. Он ждет не дождется моего позволения сложить свое состояние к ногам моей дочери. Даю вам еще одну минуту на размышление. Будете колебаться, пеняйте на себя. Завтра, слышите — завтра, та, которую вы любите — моя дочь, прекрасная, очаровательная леди Кристабель,— выйдет замуж за вашего счастливого соперника.

— Вы безжалостны, Фитц Олвайн.

— Я слышу шаги королевского гонца. Отвечайте: да или нет?

— Но... Фитц Олвайн...

— Да или нет?

— Да, да,— запинаясь, проговорил старик.

— Сэр Тристрам, друг мой дорогой, моя дочь — сокровище красоты и изящества. Будьте счастливы с ней.

— Да, она действительно прекрасна,— проговорил влюбленный старик.

— И она стоит миллиона золотых монет,— усмехаясь, сказал барон.

Так барон Фитц Олвайн продал свою дочь, прекрасную леди Кристабель, сэру Тристраму Голдсборо за один миллион золотых монет.

Королевский гонец сообщил барону, что в Ноттингемшире затерялись следы солдата, убившего командующего норманнской армией. Король приказывает барону Фитц Олвайну разыскать этого солдата, схватить его и повесить.

Отпустив королевского гонца, лорд Фитц Олвайн пожал дрожащие руки жениха своей дочери и извинился перед ним за то, что вынужден покинуть его в столь счастливый момент. Приказ короля должен быть выполнен без промедления.

Через три дня беглый солдат был выслежен, схвачен и заключен в башню ноттингемского замка.

Робин Гуд не жалея сил искал Уильяма, который, к несчастью, и был тем беглым солдатом, томившимся в темнице замка барона Фитц Олвайна.

Графство Йоркшир было прочесано вдоль и поперек, но тщетно. Убитый горем Робин вернулся в Шервудский лес, питая слабую надежду, что его ребята, которые держали под неусыпным наблюдением дороги между Мансфельдом и Ноттингемом, возможно, обнаружили следы Уильяма.

Невдалеке от Мансфельда он повстречал скакавшего во весь опор Мача, сына мельника. Тот несказанно обрадовался своему атаману.

— Сам Бог послал вас мне навстречу, — вскричал Мач, останавливая своего коня. — А я мчался в Барнсдейл. У меня есть важные сведения о парне, который был с вами в день нашего знакомства.

— Ты видел его? А мы вот уже три дня как ищем его.

— Видел.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Где?

— В Мансфельде. Я возвращался к своим родителям из леса и невдалеке от батюшкиного дома заметил отряд всадников. Среди них был человек со связанными руками. В нем я узнал вашего друга. Солдаты пили эль и не обращали на пленника никакого внимания. Я незаметно дал знаками ему понять, что не мешкая ни минуты поскачу в Барнсдейл и сообщу вам о приключившемся с ним несчастье. Он воспрянул духом и поблагодарил меня выразительным взглядом. Мне удалось выведать у солдат, что по приказу барона Фитц Олвайна пленник будет доставлен в ноттингемский замок.

— Если бы ты знал, какую важную услугу оказал мне, дружище Мач, — поблагодарил Робин. — Я узнал наконец то, что мне было нужно. И если нам теперь не удастся разрушить козни его светлости, значит, фортуна окончательно отвернулась от нас. Поворачивай обратно, Мач! Мы поскачем в наш лагерь и подготовим вылазку в Ноттингем. Уилл будет спасен!

— А где Маленький Джон? — спросил Мач.

— Ищет Уилла. Мы скоро встретимся с ним. Как же мне повезло, мой славный Мач, что я узнал от тебя о похищении нашего друга.

— Рад служить вам, атаман, — весело ответил Мач.

Робин улыбнулся и во весь опор поскакал к месту встречи с Маленьким Джоном. Мач последовал за ним. Опечаленный Джон уже давно ожидал их там. Робин приказал ему кликнуть всех лесных ребят и привести отряд к

опушке леса, той, которая совсем близко подходила к ноттингемскому замку. Спрятавшись в тени деревьев, готовые в любой момент вступить в бой, они должны были по условному сигналу Робина мчаться на подмогу. Затем Робин и Мач вскочили в седла и аллюром три креста поскакали по лесной дороге к Ноттингему.

— Дружище,— обратился Робин к Мачу, когда они выехали на опушку леса,— если меня увидят в Ноттингеме, слух об этом мгновенно распространится по всему городу, и люди барона поймут, зачем я туда пожаловал. Это только повредит нашему делу. Пусть враги Уильяма остаются в неведении относительно наших намерений. Ты один проникнешь в город. Там ты найдешь маленький домик недалеко от замка и спросишь хозяина по имени Хэлберт Линдсей. Этот честный малый — мой друг. Если его не будет дома, спроси у хозяйки, милой Грас Мэй, где ее муж, найди Хэлберта и приведи его ко мне. Ясно?

— Отлично вас понял.

— Иди, а я подожду здесь и понаблюдаю за дорогой и замком.

Оставшись один, Робин спрятал свою лошадь в лесных зарослях, лег в тени огромного дуба и принялся составлять план спасения несчастного Уилла. Анализируя различные варианты, один хитроумнее другого, он внимательно наблюдал за ноттингемской дорогой. Вскоре он увидел молодого, роскошно одетого всадника, направлявшегося из Ноттингема в Шервудский лес.

«Кто он такой, этот норманнский щеголь, вознамерившийся подышать благоуханным лесным воздухом? — подумал Робин.— Настоящий баловень судьбы с виду. Если бы только у него в карманах оказалось достаточно денег, чтобы оплатить новые луки и стрелы взамен тех, которые будут завтра сломаны в честь Уилла. Ах, какой у него шикарный костюм, какой надменный вид! Удачная встреча! Ну, скорей, скорей, дворянчик! Сейчас мы с тобой познакомимся».

Робин вскочил на ноги и, выйдя из укрытия, преградил всаднику путь. А тот, ловко остановив коня, приветствовал Робина, словно старого знакомого.

— Добро пожаловать, прекрасный рыцарь, в наши леса! — произнес Робин, снимая шапку.— Вы блистаете красотой и роскошным одеянием, подобно посланцу самого солнца. Ваша улыбка озаряет поля и луга, и, если вы пробудете еще несколько мгновений на опушке нашего

старого леса, погруженные во мрак цветы несомненно примут вас за луч жаркого света.

Незнакомец весело расхохотался.

— Вы из дружины Робина Гуда? — спросил он.

— Вы судите по внешнему виду, мессир, — ответил Робин, — и, увидев на мне зеленую куртку, приняли меня за дружинника Робина Гуда. Вы ошиблись, не все обитатели наших лесов принадлежат к числу друзей этого атамана-изгнанника.

— Возможно, что вы правы, — проговорил всадник. В его голосе слышалось явное нетерпение. — Я думал, что вы — друг веселых ребят, но, к сожалению, ошибся.

Этот ответ незнакомца озадачил Робина.

— Мессир, — сказал он, — вы покорили меня своей искренностью и сердечностью, и если бы не яростная ненависть, которую я в течение многих лет питаю к норманнам...

— Но я вовсе не норманн, сэр, — прервал его всадник, — и, по вашему примеру, могу сказать, что вы поверхностно судите по внешнему виду. Вас вводят в заблуждение моя одежда и мое произношение. Я — сакс, правда с небольшой примесью норманнской крови.

— Значит, мы с вами братья по крови, мессир, и я счастлив засвидетельствовать вам свою искреннюю симпатию. Вы не ошиблись, признав во мне дружинника Робина Гуда. Как вам, без сомнения, известно, мы учтивы, но вовсе не бескорыстны при встречах с норманнами.

— Да, я много слышал о ваших своеобразных обычаях, — смеясь, сказал всадник. — Я отправился в Шервудский лес с единственной целью получить удовольствие от знакомства с Робинотом Гудом.

— А что бы вы сказали, мессир, если бы узнали, что разговариваете с самим Робинотом Гудом?

— Я бы протянул ему руку, — промолвил всадник, сопровождая свои слова жестом дружелюбия, — и спросил бы у него: «Дружище Робин, вы не забыли брата Марианны?»

— Аллан Клэр! Аллан Клэр! — не помня себя от радости вскричал Робин.

— Да, я Аллан Клэр, а ваше выразительное лицо, милый Робин, так запечатлелось в моем сердце, что я вас узнал с первого взгляда.

— Как же я счастлив снова свидеться с вами, милый Аллан! — продолжал Робин, пожимая обеими руками руку

друга.— Марианна ждет не дождется вашего возвращения в Англию.

— Моя бедная, дорогая сестренка! — с невыразимой нежностью произнес Аллан.— Она в добром здравии? Счастлива ли она?

— Она жива-здорова, дорогой Аллан, и горюет только из-за затянувшейся на много лет разлуки с вами.

— Ну вот, я вернулся и никогда больше не покину ее. Ее счастье отныне будет безоблачно. А вы знаете, Робин, что я поступил на службу к французскому королю?

— Да, мне это говорил один человек из свиты барона, и сам барон в порыве откровенности и дрожа от страха.

— А теперь расскажите мне о Марианне. Она очень изменилась?

— Очень.

— Бедная моя сестренка!

— Она чудо как хороша и изящна,— смеясь, успокоил Робин рыцаря.— И с каждой весной становится краше.

— Она замужем? — спросил Аллан.

— Нет.

— Любит ли она кого-нибудь? Пообещала ли кому-нибудь свою руку?

— На эти вопросы Марианна вам сама ответит,— слегка покраснев, ответил Робин.— Какая сегодня жара! — прибавил он, проведя по вспотевшему лбу рукой.— Отойдем в тень. Я ожидаю здесь одного из своих ребят, но его отсутствие слишком затянулось. Кстати, Аллан, помните ли вы одного из сыновей сэра Гая, Уильяма? Его прозвали Пунцовый из-за красно-рыжей шевелюры.

— Красивый парень с огромными голубыми глазами?

— Да. Несколько лет назад барон Фитц Олвайн отправил его в Лондон. Там его зачислили в полк, который входит в состав норманнской армии. В один прекрасный день Уильям почувствовал неодолимое желание свидеться со своей семьей. Он обратился к командующему с просьбой об отпуске. Тот грубо отказал. Тогда доведенный до отчаяния Уилл убил командующего и дезертировал из армии. Ему удалось добраться до Англии, счастливый случай свел меня с ним, и я привел его в Барнсдейл, где живет его семья. На следующий день после его возвращения в замке было назначено празднование дня рождения сэра Гая и свадьба Уилла.

— Уилл собрался жениться? На ком?

— На одной очаровательной девушке. Да вы ее знаете. Это мисс Мод Линдсей.

— Не помню эту девушку.

— Как же вы могли забыть подругу и преданную служанку леди Кристабель?

— Вспомнил! Вспомнил! — вскричал Аллан Клэр.— Резвушка Мод, дочь охранника ворот ноттингемского замка. Да?

— Мод и Уильям давно и нежно любили друг друга.

— Мод любила Уилла Пунцового? Что вы мне рассказываете, Робин? Это вам, мой друг, отдала свое сердце эта девушка.

— Нет, нет, вы ошибаетесь.

— Может быть. Теперь я вспоминаю, что эта девушка, может быть, и не любила вас, но вы питали к ней нежные чувства.

— И тогда и теперь я отношусь к ней как нежный и преданный брат.

— Рассказывайте! — лукаво протянул рыцарь.

— Клянусь честью, я говорю вам правду,— возразил Робин.— А теперь закончу рассказ о несчастьях Уильяма. За час до венчания он бесследно исчез, и только совсем недавно я узнал, что его похитили солдаты барона. Я собрал своих ребят и с их помощью надеюсь освободить Уильяма.

— Где он находится?

— Вне всякого сомнения, в ноттингемском замке. Скоро я получу точные сведения.

— Не принимайте опрометчивое решение, Робин, подождите до завтра. Я увижусь с бароном и, по-хорошему или угрозам, заставлю его освободить вашего брата.

— Старый негодяй обманет вас, и я всю жизнь буду сожалеть, что упустил возможность спасти жизнь своего друга и брата.

— У вас есть основания опасаться, что он обманет меня?

— Как вы можете задавать мне вопрос, на который лучше меня знаете жестокий ответ? Лорд Фитц Олвайн бессердечный, безжалостный и бездушный человек. Это вы тоже знаете лучше меня. Если бы он осмелился повесить Уилла собственными руками, будьте уверены, он это давно бы уже сделал. Я должен как можно скорее вырвать брата из лап барона. Иначе я потеряю его навсегда.

— Может быть, вы и правы, милый Робин, выжидать и осторожничать в этом случае было бы неразумно и опасно. Я сегодня пойду в замок и постараюсь быть вам там полезным. Если я ничего не добьюсь от самого барона, обращусь к солдатам. Надеюсь, что они не останутся равно-

душными к щедрому вознаграждению. Рассчитывайте на меня. Если же мне не удастся спасти Уилла, я сообщу вам об этом, и тогда действуйте без промедления.

— Договорились. Смотрите, мой человек возвращается из Ноттингема, а с ним Хэлберт, молочный брат Мод. Сейчас мы узнаем о судьбе Уилла... С какими вестями вы пришли? — спросил Робин у друзей.

— Я не много могу рассказать вам, Робин, — ответил Хэлберт. — Видел, как солдаты привезли в замок пленника, и от Мача узнал, что это наш Уилл Пунцовый. Если вы хотите спасти его, действуйте без промедления. В замок пригласили странствующего монаха, он должен исповедать и причастить пленника.

— Пресвятая Матерь Божия, — дрожащим голосом воскликнул Робин, — смилуйся над нами! Уилл, мой бедный Уилл в смертельной опасности! Мы должны спасти его, мы должны любой ценой спасти его! Вы больше ничего не знаете, Хэлберт?

— Об Уилле ничего, но я узнал, что на конец этой недели назначена свадьба леди Кристабель.

— Свадьба леди Кристабель! — повторил Аллан.

— Да, мессир, — ответил Хэлберт, удивленно посмотрев на рыцаря. — Она выходит замуж за самого богатого дворянина во всей Англии.

— Это невозможно! Невозможно! — воскликнул Аллан Клэр.

— Это чистейшая правда, — возразил ему Хэлберт. — В замке вовсю идут приготовления к празднованию этого счастливого события.

— Этого счастливого события! — повторил рыцарь. В голосе его звучала горечь. — Кто этот негодяй, осмелившийся претендовать на руку леди Кристабель?

— Вы, видно, недавно в наших краях, мессир, раз ничего не знаете о необыкновенной удаче его светлости Фитц Олвайна. Милорду барону повезло, он выдает свою дочь замуж за денежный мешок по имени сэр Тристрам Голдсборо.

— Неужели леди Кристабель станет женой мерзкого старика? — удивленно вскричал рыцарь. — Он полутруп, уродливое чудовище, гнусный скряга, кошей! Мне была обещана в жены дочь барона Фитц Олвайна, и я никому не уступлю своих прав на ее сердце!

— Вы жених леди Кристабель?

— Этого рыцаря зовут Аллан Клэр, — сказал Робин.

— Брат леди Марианны? Так это по вас сохнет от любви леди Кристабель?

— Да,— улыбнулся Аллан.

— Вот это удача! — кричал Хэлберт и вне себя от радости подбросил в воздух шапку.— Добро пожаловать в Англию, мессир. Ваша прекрасная невеста чахла в ожидании вас, а теперь она расцветет, как маков цвет. Эта гнусная свадьба должна состояться в конце недели, и, если вы хотите сами жениться на леди Кристабель, не теряйте даром время.

— Я не медля ни минуты иду к барону,— сказал Аллан.— Пусть он не надеется легко избавиться от меня. Сегодняшний день принадлежит мне.

— Рассчитывайте на меня, сэр рыцарь,— произнес Робин,— силой или хитростью я помогу вашему горю. Мы похитим леди Кристабель. В замок мы пойдем вчетвером, вы войдете туда один, а я с Хэлбертом и Мачем подожду вас у ворот.

Не успели они подойти к твердыне, как послышался скрежет цепей, подъемный мост опустился, и из замка вышел старик в одежде странствующего монаха.

— Этот монах по приказу барона исповедовал Уильяма,— сказал Хэлберт.— Расспросите его, Робин. Может быть, он поведаст вам, что ждет нашего друга.

— У меня самого мелькнула такая мысль, дорогой Хэлберт. Само Святое Провидение послало нам на помощь этого божьего человека. Да поможет вам Пресвятая Богородица, святой отец,— промолвил Робин, почтительно склонившись перед старцем.

— Спасибо тебе на добром слове, сын мой,— ответил странник.

— Вы издалека идете, святой отец?

— Из Святой Земли. Я совершил это трудное паломничество во искупление грехов моей молодости, и вот наконец, изнуренный усталостью, возвратился я в свою отчизну, чтобы умереть под родным небом.

— Господь даровал вам долгую жизнь, отец мой.

— Вы правы. Мне скоро исполнится девяносто лет, и моя жизнь кажется мне долгим сном.

— Я молю Всеблагую Пресвятую Деву, чтобы Она внесла умиротворение в вашу кроткую душу в час ее расставания с телом.

— А я, дитя мое, молю небо осыпать тебя милостями. Ты набожен и добр, прояви же милосердие и подумай о тех, кто страдает, о тех, кто готовится умереть.

— Объяснитесь, отец мой, я плохо понимаю вас,— дрожащим голосом проговорил Робин.

— Увы! Увы! — продолжал старик.— Одна душа готовится вознестись на небо, в свою вечную обитель. Тело, которое она еще оживляет, не прожило на земле и тридцати лет. Человек твоего возраста скоро, очень скоро умрет страшной смертью. Молись о нем, сын мой.

— Это его вы исповедовали, святой отец?

— Да. Через несколько часов нить его жизни будет грубо оборвана.

— Где томится этот несчастный?

— В мрачной темнице замка.

— Он там один?

— Да, сын мой, один.

— И этот несчастный скоро умрет?

— Завтра, на рассвете.

— Вы уверены, святой отец, что узника казнят на рассвете завтрашнего дня, а не раньше?

— Уверен. Увы! Как он молод! Твои слова причиняют мне боль. Неужели ты желаешь смерти своему ближнему?

— Нет, святой отец, тысячу раз нет! Я бы с радостью отдал свою жизнь, чтобы спасти его. Я знаю этого парня. Знаю его и люблю. Его повесят? Где состоится казнь?

— Я слышал от тюремщика, что парня будет вешать ноттингемский палач. А состоится казнь на городской площади. Уже отданы все распоряжения.

— Помилуй нас Бог! — прошептал Робин.— Достопочтенный отец,— прибавил он, беря старика за руку,— сделайте доброе дело.

— Что же вы хотите от меня, сын мой?

— Прошу, умоляю вас, святой отец, вернитесь в замок и упросите барона позволить вам проводить приговоренного до подножия виселицы.

— Мне уже оказали эту милость. Завтра утром меня проводят в его камеру.

— Благослови вас Бог, святой отец. Завтра утром я буду ждать вас возле этих деревьев. Перед тем как войти в замок, соблаговолите, святой старец, выслушать меня и передайте мое последнее прощание тому, кто вскоре после этого предстанет перед Господом.

— Я выполню твою просьбу, сын мой.

— Благодарю вас, святой отец. До завтра.

Робин почтительно склонился перед старцем, и тот удалился, скрестив руки на груди и шепча молитвы.

— До завтра,— повторил Робин.— А теперь посмотрим, милорд, удастся ли вам повесить Уилла.

— Необходимо расположить ваших людей как можно ближе к месту казни,— сказал Хэл, слышавший весь разговор Робина с исповедником.

— Я уже подумал об этом,— ответил Робин.— Мои ребята давно овладели искусством становиться невидимками даже на открытом месте. Поверьте мне, солдаты барона будут в упор смотреть на них и не увидят, но в нужный момент по моему сигналу они сделают свое дело.

— Вы так уверены в своем успехе, дорогой Робин,— вмешался в разговор Аллан,— что я молю Бога даровать мне хоть маленькую частицу вашей веры. Вы же знаете, на какое трудное дело я сейчас иду.

— Рыцарь,— ответил ему Робин,— как только мы вырвем Уильяма из лап барона, проводим его в Барнсдейл и передадим из рук в руки его маленькой женошке, я сразу же займусь подготовкой к вашей с леди Кристabelle свадьбе. В нашем распоряжении несколько дней.

— Я сейчас пойду в замок,— сказал Аллан,— и так или иначе узнаю, какую новую подлость задумал барон. Если же окажется, что он действительно нарушил свое обязательство выдать леди Кристabelle за меня замуж, обязательство, скрепленное честным словом перед лицом Бога, я сочту себя вправе использовать любые средства для достижения своей цели. Хочет он этого или не хочет, леди Кристabelle станет моей женой.

— Вы правы, мой друг. Идите к барону. Он вас не ждет, и поэтому, весьма вероятно, ваше появление выбьет его из колеи, нарушит планы. Разговаривайте с ним смело, ничего не бойтесь, дайте ему понять, что не остановитесь перед применением вооруженной силы, чтобы добиться руки леди Кристabelle. Мои люди будут готовы прийти к вам на помощь в любой момент. Если же вы захотите срочно свидеться со мной, ваш гонец найдет в любое время дня или ночи на опушке леса, в известном вам месте, одного из моих славных ребят. А теперь скажите: не боитесь ли вы, что вас могут не выпустить из замка?

— Вряд ли барон Фитц Олвайн осмелится силой задержать меня в своем замке,— ответил Аллан.— Это даром не пройдет. Если он действительно замыслил выдать свою дочь за мерзкого сэра Тристрама, мне скорее следует опасаться, что он откажется принять меня, а за пределами

замка сделает вид, что никогда не был знаком со мной. До свидания, Робин. Вечером мы, возможно, встретимся.

— Я буду ждать вас.

Аллан Клэр пошел в замок, а Робин, Хэлберт и Мач направились в Ноттингем.

Рыцаря без задержки провели в покои лорда Фитц Олвайна. Призрак, вставший из могилы, меньше испугал бы барона, чем неожиданно-негаданно возникший перед ним жених его дочери.

Его светлость бросил на лакея, который ввел сэра Аллана, такой испепеляющий взгляд, что тот опрометью выскочил из комнаты.

— Я не ожидал вас, сэр,— сказал барон. В его глазах полыхала ярость.

— Возможно, милорд, но я уже здесь.

— Вижу. К счастью для меня, вы не сдержали свое слово. Срок нашего договора истек вчера.

— Ваша светлость ошибается. Я явился точно в назначенный вами день.

— Трудно верить вам на слово.

— Вы оскорбляете меня. Мы добровольно приняли на себя определенные обязательства, и я в полном праве требовать от вас выполнения вашего обещания.

— А вы выполнили касающиеся вас условия договора?

— Выполнил. Их было три: я должен был восстановить свои права на имения, конфискованные у моего батюшки, и не позднее чем через семь лет прийти к вам просить руки леди Кристabelle, имея при себе сто тысяч золотых монет.

— И они у вас есть, эти сто тысяч золотых монет? — спросил барон. Его глаза загорелись завистью.

— Да, милорд. Король Генрих вернул мне мои владения, и я получил проценты за пользование имуществом, я богат и требую, чтобы завтра же вы обвенчали меня с леди Кристabelle.

— Вот завтра и поговорим! — воскликнул барон.— Завтра! Но если вы завтра не явитесь,— прибавил он, помрачнев,— наш договор будет расторгнут?

— Да. А теперь выслушайте меня внимательно, лорд Фитц Олвайн. Не вздумайте привести в исполнение замысливаемый вами сейчас дьявольский план. Я точно придерживаюсь условий нашего договора, и ничто на свете не сможет заставить меня отказать от той, которую я люблю. Здесь я в своем полном праве. Не вздумайте также исполь-

звать против меня силу или хитрость. Моя месть будет жестокой и беспощадной. Мне известны некоторые ваши секреты, и я не раздумывая сообщу их королю Генриху. Я долго жил при французском дворе, там меня посвятили в одну тайну, которая...

— Какую тайну? — с беспокойством спросил барон.

— Я не буду сейчас вдаваться в подробности этого дела, скажу только, что я узнал и записал имена подлых англичан, которые составили предательский заговор с целью установить в Англии чужеземное господство.— Лицо лорда Фитц Олвайна покрылось мертвенной бледностью.— Если вы сдержите данное мне обещание, милорд, я постараюсь забыть о вашем предательстве.

— Сэр, вы оскорбляете старика,— сказал барон, пытаюсь изобразить на своем лице негодование.

— Я сказал правду и только правду. Итак, помните, милорд, если вы мне откажете в руке вашей дочери, будете хитрить, изворачиваться, я немедленно выложу английскому королю доказательства вашей государственной измены.

— Ваше счастье, Аллан Клэр,— произнес барон слащавым голосом,— что небо даровало мне терпеливый, спокойный нрав. Если бы я был по природе вспыльчивым и раздражительным, вы жестоко поплатились бы за свою дерзость. Я приказал бы бросить вас в замковый ров.

— Это было бы безумием, милорд. Вас все равно настигла бы королевская месть.

— Вашу пылкость и дерзость можно извинить только молодостью, сэр. И поэтому я прощаю вас. Вы наговорили мне дерзостей, не потрудившись узнать, действительно ли я хочу отказать вам в руке моей дочери.

— Мне стало известно, что вы пообещали мерзкому старику, сэру Тристраму Голдсборо, выдать за него замуж леди Кристабель.

— Это ложь! Ложь! Какой дурак, спрашиваю я вас, рассказал вам эту глупость?

— Какое это имеет значение? Весь Ноттингем говорит, что в вашем замке идут приготовления к богатой свадьбе.

— Я бессилен пресечь глупую клевету, сэр.

— Значит, вы не обещали сэру Тристраму руку леди Кристабель? Люди лгут?

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос. Сегодня я еще волен думать и действовать так, как мне заблагорассудится. А завтра — ваш день. Приходите завтра, и мы решим дело к вашему удовольствию. Прощайте, сэр,— ска-

зал старик, вставая с кресла.— Желая вам всего хорошего, а сейчас прошу оставить меня в покое.

— До свидания, барон Фитц Олвайн. Помните, дворянин должен держать свое слово.

— Хорошо, очень хорошо,— проворчал старик и повернулся спиной к своему гостю.

С тяжелым сердцем вышел Аллан из покоев барона. Взглядом, полным ненависти и угрозы, проводил его хозяин до самого порога и отошел к амбразуре окна, не соизволив ответить на прощальные слова рыцаря. В его голове созрел вероломный план, и не успела закрыться за Алланом дверь, как старик позвонил в колокольчик, стоявший на его столе.

— Позвать ко мне Черного Петра,— приказал он вошедшему слуге.

— Слушаюсь, милорд.

Через несколько минут перед бароном Фитц Олвайном стоял солдат по прозвищу Черный Петр.

— Петр,— обратился к нему барон,— в твоём отряде служат отважные, скромные ребята, готовые без лишних слов, без раздумий выполнять любые мои приказы.

— Да, милорд.

— Эти славные ребята имеют обычай забывать о проделанной ими работе, не так ли?

— Так точно, милорд.

— Прекрасно. Только что из моих покоев вышел рыцарь в роскошном красном одеянии. Возьми двух солдат из своего отряда, последуй за ним и сделай так, чтобы он никому больше не смог докучать. Ты меня понял?

— Отлично, милорд,— ответил Петр и с жуткой улыбкой на губах прикоснулся к огромному кинжалу, висевшему у него на поясе.

— За эту услугу ты будешь щедро вознагражден, мой славный Петр. Ничего не бойтесь, но действуйте тайно и осторожно. Если этот мотылек пойдет в лес, подождите, когда он скроется за деревьями. Отправив его лучший мир, закопайте труп под старым дубом, засыпьте это место прошлогодней листвой и сучьями так, чтобы следов никаких не осталось.

— Все будет в точности исполнено, милорд. Когда я вернусь, ваш рыцарь будет уже крепко спать вечным сном.

— Я буду с нетерпением ожидать тебя. Смотри не сбейся со следа этого красавчика.

В сопровождении двух солдат Черный Петр вышел из ворот замка и скоро увидел рыцаря, который с задумчивым

видом медленно шел по дороге в Шервудский лес. Вот он скрылся в тени деревьев, и убийцы, задрожав от мрачной радости, ускорили шаг, готовясь в удобный момент напасть на свою жертву.

Аллан Клэр искал глазами проводника, о котором говорил ему Робин, но никого не увидел. Шум быстрых шагов вывел его из задумчивости. Он повернул голову и увидел троих мужчин с мрачными лицами. С мечами в руках они быстро приближались к нему. Аллан прислонился спиной к толстому стволу дерева, выхватил меч из ножен и твердым голосом спросил:

— Что вам от меня нужно, негодяи?

— Твою жизнь, нарядный мотылек! — закричал Петр и бросился на рыцаря.

— Назад, бездельник! — воскликнул Аллан и ударил нападавшего по лицу. — Назад, вы все! — прибавил он и с быстротой молнии обезоружил второго противника.

С удвоенной яростью Черный Петр бросился на рыцаря, но все усилия оказались тщетными, ему не удалось даже ранить Аллана. Зато Аллан обезоружил его и проломил череп третьему противнику.

Обезоруженный и обезумевший от ярости, Черный Петр вырвал из земли молодое деревце и снова бросился на Аллана. Он с такой силой ударил его по голове, что тот не удержался на ногах, выронил меч и рухнул на землю.

— Готов! — весело закричал Петр, помогая своим солдатам подняться на ноги. — Чешите в замок, оставьте меня одного. Убирайтесь отсюда, да побыстрее, надоели мне ваши стоны и нытье. Без вас управлюсь, оставьте только лопату. Вот сейчас прикончу парня, закопаю его и тоже вернусь в замок.

— Возьми лопату, — сказал один солдат. — Петр, — прибавил несчастный, — я ранен, не могу идти.

— Убирайся отсюда, говорят тебе, или я тебя сейчас тоже прикончу, — грубо ответил ему Петр.

Изнаненные солдаты из последних сил потащились в замок, а Петр принялся за работу. Он уже почти вырыл яму, как вдруг на его плечо со всего размаха опустилась дубина. Петр взвыл от боли и вытянулся во весь рост на краю вырытой могилы.

Очнувшись, негодяй открыл глаза и увидел того, кто воздал ему должное. Это был крепкий мужчина с красным лицом, одетый в монашескую рясу.

— Ах ты черномазый негодяй! Бездельник! — закричал монах громовым голосом. — Убил дворянина ударом по голове и теперь заметаешь следы своего чудовищного преступления! Отвечай, разбойник: кто ты такой?

— За меня ответит мой меч! — сказал Петр, вскакивая на ноги. — Вот я тебя сейчас отправлю в лучший мир, там можешь задавать свои глупые вопросы хоть самому сатане.

— Не надейся, что я умру раньше тебя, несчастная тварь. И можешь не отвечать на мой вопрос. Я вижу на твоей морде адскую печать. Пусть твой меч заткнется, а если он вздумает шевельнуть языком, я его быстро и навсегда успокою и тебя вместе с ним. Убирайся отсюда!

— Уберусь, но прежде поупражняюсь на тебе в фехтовании, — произнес Петр и изо всех сил ударил монаха мечом.

Быстрый и сильный удар пришелся монаху по левой руке, три пальца были разрублены до кости.

Монах испустил яростный крик, набросился на солдата, подмял его под себя и обрушил на него град ударов дубиной. Убийца уронил меч, в глазах у него помутилось, тело потеряло способность ориентироваться в пространстве. Когда монах устал и прекратил избивание, Петр был мертв.

— Негодяй! — прошептал монах. — Проклятый негодяй! Неужели он думал, что пальцы бедного Тука были созданы для того, чтобы их отрубил норманнский пес? Хороший урок я ему дал, но, к сожалению, он не сможет им воспользоваться — сдох. Ну что же, тем хуже для него. Его грех, а не мой! Но за что он убил этого красавчика? Ах, Господи! — воскликнул добрый монах, коснувшись рукой тела рыцаря. — Он еще дышит, сердце бьется, тело теплое. Его еще можно вернуть к жизни. Возьму-ка я его и отнесу в наш лагерь. Он не тяжелый, этот бедный парень! А ты, подлый убийца, — прибавил Тук, пнув ногой тело Петра, — валяйся здесь. Пусть вечно голодные волки пообедают тобой.

Монах взвалил на плечи Аллана и скорым шагом направился в лагерь веселых лесных братьев.

А теперь кратко расскажем, как был похищен Уилл Пунцовый. В мансфельдской харчевне Уилла заметил шпион, которому было приказано во что бы то ни стало разыскать дезертира. Парень сидел в компании Робина, Маленького Джона, Мача, и поэтому осторожный шпион не осмелился арестовать его. Он послал в ноттингемский замок за подкреплением и во главе отряда опытных солдат поспешил в Барнсдейл.

На следующий день фатальная прихоть вывела Уилла из замка, и он сразу же попал в руки солдат. Он был похищен, не успев оказать ни малейшего сопротивления.

Страшное отчаяние овладело вначале Уильямом, но встреча с Мачем вернула ему надежду. Он сообразил, что весть о его беде теперь наверняка дойдет до Робина, и брат сделает все возможное и невозможное, чтобы вырвать его из лап барона или, в случае неудачи, жестоко отомстить за его смерть. Его утешала также мысль, что в случае гибели он будет оплакан нежной Мод. Как она радовалась его неожиданному возвращению и как, должно быть, безутешно оплакивает их украденное счастье.

Запертый в мрачной темнице, Уилл с тревогой и страхом ожидал часа, назначенного для приведения в исполнение сурового приговора. Надежда сменялась отчаянием. Несчастный узник с тревогой прислушивался к малейшим звукам, доносившимся извне, каждый раз ему казалось, что он слышит пение рога Робина Гуда.

Уильям горячо молился, он исповедался доброму паломнику, получил от него отпущение грехов и, поручив свою душу Богу, а сердце тому, от кого он ожидал спасение, приготовился следовать за солдатами барона, которые должны были прийти за ним на рассвете.

Солдаты окружили Уильяма и повели его по дороге в Ноттингем. На городской площади собралась огромная толпа жителей, с раннего утра ожидавших прибытия печальной процессии.

Огляделся несчастный парень вокруг, но не увидел ни одного знакомого лица. Его надежда на спасение стала таять, сердце грестно забилося, на глазах показались слезы, но внутренний голос ему нашептывал: «Робин здесь. Робин выручит тебя».

Солдаты подвели пленника к виселице, которая была выстроена за ночь по приказу барона. Лицо Уильяма покрылось смертельной бледностью, никогда не предполагал он, что умрет такой бесславной смертью.

— Я желаю говорить с лордом Фитц Олвайном,— сказал он.

Наделенный полномочиями шерифа, барон присутствовал при казни.

— Что вы хотите мне сказать? — спросил он.

— Милорд, могу ли я надеяться на ваше милосердие?

— Нет,— холодно ответил старик.

— В таком случае,— спокойно продолжал Уильям,— будьте великодушны, окажите мне милость.

— Какую милость?

— Милорд, я происхожу из благородной саксонской семьи, никто из моих предков не запятнал себя бесчестными поступками и не вызвал презрения соотечественников. Я дворянин и солдат и поэтому хочу умереть так, как подобает солдату.

— Вас повесят,— грубо ответил барон.

— Милорд, я проливал свою кровь на полях сражений и не заслужил позорную смерть.

— Ха-ха-ха,— засмеялся старик.— А каким же образом вы желаете искупить свое преступление?

— Дайте мне в руки меч и прикажите вашим солдатам забросать меня копьями. Я желаю умереть как честный человек.

— За кого вы меня принимаете? Я не буду рисковать жизнями моих людей только для того, чтобы удовлетворить ваше последнее желание. Хватит! Вас сейчас повесят!

— Милорд, умоляю вас, сжальтесь надо мной. Я не прошу, чтобы мне дали меч, я не буду защищаться. Пусть ваши солдаты разрубят меня на куски.

— Негодяй! — вскричал барон.— Ты убил норманна и осмеливаешься просить милости у норманна! Да ты с ума сошел! Назад! Ты умрешь на виселице, а вскоре вслед за тобой туда последует разбойник, разоряющий со своей шайкой Шервудский лес.

— Если бы тот, о ком вы говорите с таким презрением, мог бы слышать ваши слова, я бы посмеялся над вашей глупостью, трусливая вы тварь! Попомните мои слова, барон Фитц Олвайн: если я умру, за меня отомстит Робин Гуд. Бойтесь Робина Гуда: не пройдет недели, как он будет в ноттингемском замке, и воздастся вам справедливая кара.

— Пусть он приходит сюда со всей своей шайкой, всем хватит виселиц. Палач, исполняйте свой долг.

Палач положил руку на плечо Уильяма. Несчастный парень снова огляделся вокруг, но увидел только растроганную, притихшую толпу и поручил свою душу Богу.

— Стойте! — дрожащим голосом произнес старый паломник.— Остановитесь! Я должен дать последнее благословение несчастному грешнику.

— Вы уже сделали все, что требовалось,— закричал барон. Злость клокотала в его груди.— Незачем больше откладывать исполнение казни.

— Нечестивец! — воскликнул паломник. — Неужели вы хотите лишить приговоренного последнего напутствия?

— Поторапливайтесь, — с нетерпением произнес лорд Фитц Олвайн. — Я устал от всех этих проволочек.

— Солдаты, отойдите подальше, — сказал старик. — Только служитель Бога может слышать последние молитвы смертника.

По знаку барона солдаты исполнили требование исполнителя. Уильям и монах остались одни у подножия виселицы. Палач почтительно выслушивал наставления барона.

— Не двигайся, Уилл, — произнес паломник, склонившись перед Уиллом. — Я — Робин Гуд. Сейчас разрежу веревку, которой связаны твои руки, и мы бросимся в гущу солдат. От неожиданности они потеряют голову.

— Будь благословен. Ах, милый Робин, как хорошо! — шептал Уилл, задыхаясь от счастья.

— Нагнись, Уилл. Сделай вид, что ты мне что-то говоришь. Так! Веревки перерезаны. Под моей сутаной висит меч, хватай его. Держишь?

— Держу, — прошептал Уилл.

— Отлично! А теперь прислонись спиной к моей спине. Пусть лорд Фитц Олвайн увидит, что ты пришел в этот мир не для того, чтобы окончить свои дни на виселице.

Быстрым движением Робин сбросил с себя одеяние паломника, и перед изумленными взорами предстал знаменитый атаман лесных братьев.

— Милорд, — закричал Робин, — Уильям Гэмвелл — мой дружинник. Вы его похитили, я вернул ему свободу. Вместо него вы получите труп негодяя, которому вы приказали убить рыцаря Аллана Клэра.

— Пятьсот золотых монет тому, кто схватит этого разбойника! — прорычал барон. — Пятьсот золотых монет отважному солдату, которому удастся положить руку на его плечо.

Сверкающим гневом взглядом оглядел Робин притихшую толпу.

— Никому не советую рисковать жизнью, — произнес он. — Мои ребята здесь.

И он протрубил в рог. В тот же момент из леса вылетел большой отряд лесных молодцов, вооруженных мечами и луками.

— К оружию! — завопил барон. — К оружию! Верные норманны, приказываю вам уничтожить разбойников, всех до единого!

Туча стрел накрыла войско барона. Охваченный страхом барон вскочил на коня и, громко крича, поскакал в замок. Перепуганные жители Ноттингема бросились вслед за своим сеньором, а солдаты, брошенные на произвол судьбы его светлостью, спасались, кто как мог.

— Лес и Робин Гуд! — кричали веселые ребята и с громким смехом гнали перед собой неприятеля.

Жители, лесные молодцы и солдаты вперемешку промчались через город, одни перепуганные до смерти, другие с громким смехом и гиканьем, а третьи дрожа от ярости. Первым влетел в замок сам барон, за ним последовали остальные. Загнав барона и его солдат в замок, лесные ребята осыпали их на прощание убийственными насмешками и умчались в свой лес.

Не успели Робин Гуд и его дружинники скрыться из виду, как ноттингемцы, которые никак не пострадали в этой свалке, начали дружно славить молодого атамана за его отвагу и верность друзьям, попавшим в беду.

И девушки присоединили свои нежные голоса к этому хвалебному хору, а одна из них заявила, что лесные ребята показались ей такими честными и галантными, что она теперь не побоится пересечь Шервудский лес из конца в конец.

Г Л А В А III

Убедившись, что Робин Гуд не собирается осаждать замок, лорд Фитц Олвайн удалился в свои покои. Он дрожал от страха, а в его голове теснились неосуществимые планы мести.

Трус по природе, барон не мог понять удивительную дерзость Робина Гуда, который среди бела дня, вооруженный одним мечом — да и тот был вынут из ножен только для того, чтобы разрезать веревки, связывавшие руки пленника, — с поразительным присутствием духа усмирил многочисленный отряд. Он проклинал трусость своих солдат, совершенно забыв, что сам постыдно улепетывал без оглядки впереди всех.

— Какой ужас! — восклицал он. — Чего они испугались? В какое смешное положение меня поставили! Что подумают ноттингемцы? Они, безоружные, имели полное право спастись бегством. Но чего испугались вооруженные до зубов солдаты? Этот неслыханный позор навсегда похоронил мою репутацию отважного военачальника.

В конце концов он полностью возложил ответственность за позорное поражение на солдат. Его светлость вообразил даже, что он вовсе не подавал своему войску пример дерзтирства, а наоборот, отважно прикрывал отступление, и что только благодаря ему все остались целыми и невредимыми. Эта мысль настолько материализовалась в его воспаленном воображении и распалила праведный гнев, что он выскочил из покоев и поспешил во двор замка, где солдаты, разбившись на группы, с жаром обсуждали поражение и во всем обвиняли своего благородного предводителя. Подобно тяжелому снаряду, ворвался барон в гущу войска, приказал солдатам построиться и произнес перед ними длинную обвинительную речь. В ней он привел рожденные в своем воображении примеры охватившей их безрассудной паники и заверил воинство, что никогда история человечества не знала подобной трусости. Барон говорил с таким пылом и негодованием, изобразил себя таким храбрым, непобедимым военачальником, что солдаты, приученные к беспрекословному повиновению сюзерену, и впрямь поверили, что они и есть единственные виновники поражения. Напускная ярость барона показалась им благородным негодованием, они опустили головы и во всеуслышание называли себя трусами, испугавшимися собственной тени. Когда барон закончил пышную речь, один из солдат предложил немедленно погнаться за разбойниками и уничтожить этих нарушителей спокойствия в их собственном лесном логове. Солдаты радостными криками приветствовали предложение товарища и стали умолять отважного красноречивого возглавить славный поход. Но это вовсе не входило в расчеты барона, он с чувством поблагодарил подчиненных за такое красноречивое признание его заслуг, но сказал, что карательная экспедиция была бы сейчас несвоевременна.

— Друзья мои, — прибавил барон, — осторожность обязывает нас дожидаться благоприятного момента. Вот тогда мы нападём на Робина Гуда и за все с ним расквитаемся. Я взываю к вашему благоразумию: никаких непродуманных действий. Осторожность сегодня, мужество в час битвы — вот все, что от вас требуется.

Барон был уже не рад, что вдохнул в солдат настойчивое стремление сразиться с дружиной Робина, и поэтому, пока они упивались будущими победами, поспешил укрыться в своих покоях. Восстановив в глазах подчиненных репутацию отважного и опытного военачальника, его светлость забыл о Робине и занялся претендентами на руку леди Кристabelle.

Он возлагал большие надежды на ловкость Черного Петра и был уверен, что навсегда избавился от Аллана Клэра. Правда, он помнил обещания Робина подбросить под ворота замка труп кровавого убийцы, но это мало его волновало. Черный Петр сделал свое дело и мог уйти хоть на тот свет. После гибели Аллана Клэра ничто не препятствовало браку леди Кристabelle с сэром Тристрамом, но жених уже стоял одной ногой в могиле, и недолго было ждать, когда новобрачная сменит свой свадебный наряд на вдовье платье. Молодая, божественно прекрасная и баснословно богатая, леди Кристabelle могла бы тогда сделать партию, достойную ее красоты и несметного состояния. Глаза барона загорелись ненасытным честолюбием. Возмечтал старик, что выдаст замуж свою овдовевшую дочь только за королевского сына. В те времена бесконечные междоусобицы раздирали королевство английское, казна опустела, и ничто не могло сравниться в могуществе с деньгами. Поэтому возвышение леди Кристabelle до ранга принцессы было вполне реально. Упоенный честолюбивыми мечтами, лорд Фитц Олвайн видел себя близким родственником английского короля, выбирал невест для своих внуков и правнуков среди прекраснейших и богатейших европейских принцесс. Но тут он снова вспомнил слова Робина, и воздушные замки его мечтаний рассыпались в прах. Что случилось с Алланом Клэром? А может быть, он избег уготованной ему участи?

— Я должен непременно убедиться, что Аллан убит, — вскричал барон. Предположение, что рыцарь мог остаться в живых после столкновения с Черным Петром, лишило покоя его светлость. Он позвонил в колокольчик, который постоянно находился у него под рукой. Вошел слуга.

— Черный Петр в замке?

— Нет, милорд. Вчера он вышел с двумя солдатами из замковых ворот и не вернулся. Солдаты возвратились без него. Один из них тяжело ранен, другой при смерти.

— Пришлите ко мне того, кто еще держится на ногах.

— Будет исполнено, милорд.

Вскоре в покои вошел израненный солдат, голова его была забинтована, а левую руку он держал на перевязи.

— Где Черный Петр? — спросил у него барон, не удостоив несчастного даже жалостливым взглядом.

— Не знаю, милорд. Он остался в лесу рыть могилу, чтобы закопать тело убитого нами молодого сеньора.

Лицо барона на мгновение залилось краской. Он хотел что-то сказать, но голос у него пресекался. Он отвернулся и, махнув рукой, отпустил убийцу.

— Мертв! — прошептал барон. С его плеч словно гора свалилась. — Мертв! — повторил он. Побледнев как мертвец, он пробормотал слабым голосом: — Мертв! Мертв!

Оставим Фитц Олвайна наедине с его тревогами и угрызениями совести и пойдем поищем жениха, которого барон предназначил в мужа своей дочери.

Сэр Тристрам не покидал замок, хозяин оставил погостить его до конца недели. Барон желал, чтобы венчание состоялось в часовне замка, но сэр Тристрам почему-то вообразил, что в замке на него может быть совершено покушение, и настаивал на свадьбе в Линтонском аббатстве, которое находилось в одной миле от Ноттингема.

— Неужели вы, дорогой друг, настолько глупы, что не понимаете ни моих добрых намерений, ни собственных интересов, — говорил ему лорд Фитц Олвайн. — Нет необходимости повторять вам, что моя дочь будет счастлива выйти за вас замуж и с радостью пойдет с вами к алтарю. У меня предчувствие, что в Линтонском аббатстве нашим взаимным интересам будет нанесен непоправимый урон. В Шервудском лесу обитает шайка дерзких разбойников, их атаман способен на все.

— Нас будут сопровождать мои солдаты, — не сдавался сэр Тристрам. — Это люди испытанной верности и отваги.

— Поступайте как хотите, — махнул рукой барон. — Но если случится несчастье, пеняйте на себя.

— Не беспокойтесь. Я выбираю место, где состоится мое бракосочетание с вашей дочерью, и беру на себя ответственность за возможные недоразумения.

— Кстати, — сказал барон, — прошу вас, не забудьте вручить мне миллион золотых монет накануне свадьбы.

— Сундук с казной стоит в моих покоях, — ответил сэр Тристрам, горестно вздохнув. — В день свадьбы его перенесут в вашу сокровищницу.

— Накануне, — настаивал барон. — Накануне.

— Хорошо. Пусть будет накануне.

И старики расстались. Один из них пошел к своей невесте, а другой предался мечтаниям о будущем величии.

Замок Барнсдейл был погружен в печаль. Днем сэр Гай и его семья делали вид, что покорились судьбе, а по ночам горько оплакивали несчастного Уилла.

На следующий день после чудесного спасения Уильяма семья Гэмвелл собралась в зале. И вдруг их скорбная беседа прервалась веселым пением охотничьего рога, раздавшимся у самых ворот замка.

— Это Робин! — воскликнула Марианна, бросившись к окну.

— Вестник счастья! — произнесла Барбара. — Мужайтесь, милая Мод, Уильям вернется к нам!

— Дай Бог, чтоб это оказалось правдой, сестрица! — плача, проговорила Мод.

— Правда! Истинная правда! — закричала Барбара. — Уилл, Робин, а с ними еще какой-то молодой человек. Наверное, их друг.

Мод бросилась к окну. Марианна узнала в этом молодом человеке своего долгожданного брата и от неожиданного счастья потеряла сознание.

— Уилл! Уилл! Милый Уилл! — повторяла не помня себя от радости Мод.

А Марианна нежно обвила руками шею брата, по ее щекам текли слезы, она не могла произнести ни единого слова.

И на этот раз Бог смилостивился над семьей Гэмвелл и вернул ей того, с кем уже не чаяли свидеться на белом свете.

Смех стер с лиц печаль, слышались счастливые восклицания, поцелуи, вздохи. Сэр Гай благословил своего вновь обретенного сына и его спасителя, а леди Гэмвелл прижала к сердцу очаровательную Мод.

— Ну, вот видите, я была права: Робин привез нам хорошие вести! — сказала Барбара, обнимая Уилла.

— Ты, как всегда, права, милая Барбара! — поддержала подругу Марианна и нежно прижалась к груди брата.

— Ах, с каким удовольствием я обняла бы и Робина! — продолжала резвушка Барбара.

— Твоя манера выражения признательности может послужить плохим примером, милая Барби, — смеясь, сказала Марианна. — Если мы все ему последуем, Робин задохнется от счастья в наших объятиях.

— Кто не мечтает о такой нежной смерти! А вы как думаете, леди Марианна? — шепнул Робин на ушко своей невесте.

Девушка покраснела, а Аллан Клэр улыбнулся.

— Сэр, — обратился Уилл к рыцарю, — вы видите, какой любовью пользуется Робин у моих сестер, и эта любовь,

поверьте мне, заслуженная. Вы знаете, сколько горя пришлось пережить нашей семье. Не ведаю, что бы мы делали без Робина. Он спас от смерти батюшку и матушку, неустанно заботился о Барбаре и Уинифред, утешал Мод, мою будущую женушку. Он очень скромный, Робин, никогда сам об этом никому не расскажет. И, рассказывая вам о леди Марианне, вашей любимой сестре, он не прибавил: «Я заботился о счастье той, которая была отделена от вас морями. Я был ей верным другом, преданным братом. Я...»

— Ах, Уильям, помилосердствуй,— прервал его Робин.— Хотя леди Марианна и говорит, что я не умею краснеть, я чувствую, как горячая краска заливает мое лицо.

— Милый Робин,— произнес рыцарь, с волнением пожимая руки своему верному другу.— Если бы вы знали, как я счастлив наконец засвидетельствовать вам свою признательность. Уиллу не было необходимости рассказывать мне, с каким благородством опекали вы мою дорогую сестру. Ваша честь, ваша верность слову были мне надежной гарантией.

— Ах, братец,— сказала Марианна,— если бы вы знали, какой он добрый и великодушный! Никакими хвалебными словами не выразить, как мы ему обязаны. Вы полюбите его, братец, как... как...

— Как ты его любишь, не правда ли? — закончил, нежно улыбаясь, Аллан.

— Да, как я его люблю,— продолжала Марианна. Ее лицо осветилось огнем несказанной гордости, нежный, певучий голос дрожал от волнения.— И я не боюсь признаться в нежных чувствах к этому великодушному человеку, который разделил со мной печаль моего сердца. Робин любит меня, дорогой Аллан, он любит меня так же горячо, сильно и постоянно, как и я его. Я пообещала свою руку Робину Гуду, и мы ждали твоего возвращения, чтобы в твоём присутствии молить Бога освятить наш союз.

— Я краснею от своего эгоизма, Марианна,— признался Аллан,— и стыд заставляет меня оценить вдвойне благородное поведение Робина. Твой защитник и покровитель был далеко от тебя, он забыл тебя, но ты, сестренка, осталась верной ему и ожидала его возвращения, чтобы с полным правом отдать своему счастью. Простите меня, Марианна и Робин, за мою невольную жестокость к вам. Кристабель вымолит у ваших нежных сердец прощение мне. Благодарю вас, милый Робин, благодарю. Никакими словами не смогу я выразить вам мою искреннюю призна-

тельность. Вы любите Марианну, и Марианна любит вас. Я счастлив отдать вам ее руку.

И рыцарь взял руку своей сестры и вложил ее, улыбаясь, в ладони Робина. Сердце Робина затрепетало от радости, он прижал Марианну к своей груди и страстно поцеловал ее.

Уильям, казалось, оцепенел от радости, царившей в замке Барнсдейл, и, чтобы хоть немного умерить охватившее его сильное волнение, порывисто обнял Мод за талию и множество раз поцеловал ее в шею.

— Мы обвенчаемся в один и тот же день, правда, Робин?— весело кричал он.— А точнее, завтра. Ах, нет, не завтра! Не следует переносить на завтра то, что можно сделать сегодня. Это приносит несчастье. Давайте обвенчаемся сегодня, а? Как по-твоему, Мод?

Девушка залилась веселым смехом.

— Вы слишком торопитесь, Уильям! — воскликнул рыцарь.

— Слишком тороплюсь? Легко вам так говорить, Аллан. А вот если бы вас силой вырвали из рук любимой девушки в тот самый момент, когда вы собирались дать ей свое имя, посмотрел бы я, что бы вы тогда сказали. Я прав, Мод?

— Да, Уильям, ты прав. Но не следует венчаться сегодня.

— Но почему? Почему, я вас спрашиваю? — допытывался нетерпеливый жених.

— Потому, что через несколько часов я должен покинуть Барнсдейл, дружище Уилл,— ответил рыцарь.— Неужели вы не хотите, чтобы я присутствовал на вашей свадьбе и на свадьбе моей сестры? Я надеюсь, что и мне повезет, и я женюсь на леди Кристabelle. И вот тогда в один день мы справим не две, а целых три свадьбы. Потерпите еще немного, Уильям. Через неделю все будет устроено, к нашему взаимному удовольствию.

— Ждать целую неделю! — воскликнул Уилл.— Невозможно!

— Уильям, послушай,— уговаривал его Робин,— эта неделя скоро пройдет. Наберись терпения.

— Ладно, будь по-вашему,— уныло произнес парень.— Все вы против меня, что я могу с вами поделаться? Даже Мод не поддерживает меня. Я умоляю. Мод, пойдем прогуляемся по парку и поговорим о наших семейных делах. Это займет не меньше двух часов — глядишь, и бесконечная неделя укоротится на целых два часа.

И, взяв девушку за руку, Уилл со смехом потащил ее в зеленые дебри парка.

Прошло несколько дней. Леди Кристabelle полулежала в кресле в своей комнате. На ней было роскошное платье из белого атласа, ниспадающее мягкими складками, фата из английских кружев, прикрепленная к красиво причесанным волосам, полностью закрывала ее голову. Безупречно прекрасное лицо Кристabelle было бледно и неподвижно, бескровные губы плотно сжаты, безжизненные огромные глаза были устремлены на дверь.

Время от времени по ее щекам скатывались крупные, сверкавшие алмазами слезы. Эти слезы были единственным свидетельством, что в теле бедной девушки теплилась жизнь.

Прошло два жутких часа. Кристabelle сидела неподвижно в той же позе. Ее душа, погруженная в чудные воспоминания безвозвратного прошлого, с тоской видела, как приближается ужасный момент заклания несчастной жертвы на алтаре.

— Он забыл меня, — внезапно вскричала девушка, ломая руки. — Он забыл ту, которая обещала любить до самой смерти, ту, которая любит его больше своей жизни. Он нарушил свои клятвы, он полюбил другую и женился на ней. Господи, сжался надо мной! Силы покидают меня, ибо сердце мое разбито. Как я страдаю! Из-за него я выслушивала горькие слова попреков, и тот, кого я обязана любить и почитать, смотрел на меня с ненавистью. Из-за него я без жалоб сносила жестокое обращение, печальное существование взаперти. Я так надеялась на него, а он меня обманул! — Судорожные рыдания сотрясали ее тело, из глаз ручьями текли слезы.

Легкий стук в дверь заставил леди Кристabelle вздрогнуть.

— Войдите! — произнесла она слабым голосом.

Дверь отворилась, и перед безутешной девушкой предстал старый, морщинистый сэр Тристрам.

— Милая леди, — произнес старик с мерзкой ухмылкой, которая представлялась ему обворожительной улыбкой. — Позвольте предложить вам руку, свита ожидает нас. Смеем заверить, мы будем самой счастливой супружеской четой во всей Англии.

— Милорд, — пробормотала Кристabelle, — я не в состоянии спуститься вниз.

— Что вы говорите, моя любовь! Вы не можете спуститься вниз? Ничего не понимаю. Вы одеты, внизу нас

ожидают гости и свита. Пожалуйте мне вашу прелестную ручку.

— Сэр Тристрам,— произнесла леди Кристабель дрожащими губами, глаза ее полыхали огнем.— Умоляю вас, заклинаю вас, если в вашей душе осталась хоть одна искра жалости, пощадите бедную девушку, отмените эту ужасную церемонию.

— Ужасную церемонию?! — удивленно повторил сэр Тристрам.— Что это значит, миледи? Я не понимаю вас.

— Пощадите меня, милорд,— заливаясь слезами, ответила Кристабель,— и я буду благословлять вас, молиться за вас Богу.

— Мне кажется, вы очень взволнованы, моя голубка,— слащаво сказал старик.— Успокойтесь, моя любовь. Сегодня или завтра, когда вам будет угодно, вы поведаете мне свои горести. Сейчас мы должны поторопиться, а после свадьбы у нас будет достаточно времени, и я буду вас слушать с утра до вечера.

— Смилуйтесь надо мной, милорд, выслушайте сейчас. Я не хочу, чтобы вы питали тщетную надежду. Я не люблю вас, милорд, мое сердце принадлежит молодому вельможе, другу детства. Я отдаю вам свою руку, но думаю только о нем. Я люблю его, милорд, я люблю его и стремлюсь к нему всей душой.

— Вы забудете этого молодого человека, миледи. Поверьте мне, как только вы станете моей женой, вы и думать о нем забудете.

— Никогда я его не забуду. Мое сердце всегда будет хранить сладостные воспоминания о нем.

— В вашем возрасте все говорят о любви до гроба, мое сердечко, но время идет, и самые дорогие образы бледнеют, а потом исчезают из сердца и памяти. Поговорим об этом позже. Я помогу вам перекинуть из прошлого в настоящее мост надежды на счастливое будущее.

— Вы безжалостны, милорд.

— Я люблю вас, Кристабель.

— Господи, сжался надо мной! — простонала бедная девушка.

— Разумеется, Бог сжалится над вами,— сказал старик, беря руку Кристабель.— Он пошлет вам забвение и смирит ваше сердце.— Сэр Тристрам с почтением, нежностью и состраданием поцеловал холодную руку, которую держал в своих руках.— Вы будете счастливы,— прибавил он.

Кристабель грустно улыбнулась. «Я умру»,— подумала она.

В Линтонском аббатстве шли приготовления к свадьбе леди Кристабель со старым сэром Тристрамом. В это утро церковь аббатства была великолепно убрана, чудесные цветы распространяли свое нежное благоухание. Епископ Херфордский, который должен был совершить таинство браковенчания, ожидал свадебный кортеж на пороге храма, окруженный монахами в белых одеяниях. Незадолго до прибытия сэра Тристрама и леди Кристабель перед епископом предстал человек с маленькой арфой в руках.

— Монсеньор,— произнес он, почтительно кланяясь,— мне стало известно, что вы будете служить торжественную обедню в честь новобрачных.

— Да, мой друг,— ответил епископ.— А почему ты у меня об этом спрашиваешь?

— Монсеньор, я лучший арфист во всей Англии, и обычно на все большие праздники меня приглашают усладить слух гостей игрой на арфе. Я слышал, что сегодня здесь состоится свадьба богатейшего вельможи сэра Тристрама с единственной дочерью барона Фитц Олвайна. Вот я и пришел предложить свои услуги его светлости.

— Если твои слова не пустая похвальба и ты в самом деле хороший арфист, мы охотно послушаем твою игру. Добро пожаловать.

— Благодарю вас, монсеньор.

— Я обожаю музыку,— продолжал епископ.— Будь любезен, сыграй мне что-нибудь до прибытия свадебного кортежа.

— Монсеньор,— возразил арфист, величественно запахиваясь в свое длинное одеяние,— если бы я был бродячим струнодером, каких вы привыкли слушать, я охотно бы выполнил ваше желание, но я играю только в определенное время и в подходящем месте.

— Да ты дерзок! — вспыхнул от негодования епископ.— Играй сейчас же, я приказываю тебе.

— Я не прикаснусь к струнам до приезда жениха с невестой и их свиты,— с невозмутимым хладнокровием ответил арфист,— но в торжественный момент вы услышите божественную музыку, монсеньор. Вы будете мной довольны.

— Сейчас мы это увидим,— сказал епископ,— вот и жених с невестой.

Музыкант отступил на несколько шагов, а епископ поспешил навстречу свадебному кортежу.

Перед тем как войти в церковь, леди Кристabelle вернулась к барону Фитц Олвайну.

— Батюшка,— сказала она слабым голосом,— этой свадьбой вы приговариваете меня к смерти...— Гневным взглядом барон заставил замолчать свою дочь.— Милорд,— обратилась она к сэру Тристраму, дотронувшись до его морщинистой руки,— жальтесь надо мной. Вы еще можете вернуть меня к жизни...

— Мы поговорим об этом позже,— ответил сэр Тристрам. Он подал знак епископу начинать обряд и силой заставил невесту войти в церковь.

Барон взял дочь за руку, но не успел подвести ее к алтарю, как раздался сильный звучный голос:

— Остановитесь!

Лорд Фитц Олвайн испустил крик, сэр Тристрам, теряя сознание, прислонился к главному portalу церкви. Незнакомец взял руку леди Кристabelle в свои.

— Подлый негодяй! — воскликнул епископ, узнав в этом человеке музыканта.— Кто позволил тебе касаться руки благородной барышни?

— Провидение, пославшее меня защитить ее,— гордо ответил незнакомец.

— Кто ты такой? — закричал барон.— Как ты смеешь прерывать святой обряд?

— Лицемер! — ответил ему музыкант.— Это заключение безбожного брачного союза молодой девушки со стариком вы называете святым обрядом? Миледи,— сказал он, почтительно склонившись перед полумертвой от горестных переживаний Кристabelle,— в этом Божьем храме вы сочетаетесь браком с честным человеком. Вы его знаете. Мужайтесь. Божья благодать сохранит вашу невинность.

Одной рукой музыкант развязал пояс, стягивавший его одеяние, а другой поднес к губам охотничий рог.

— Робин Гуд! — вскричал барон.

— Робин Гуд, друг Аллана Клэра! — прошептала леди Кристabelle.

— Да, я — Робин Гуд, а это мои веселые ребята,— подтвердил музыкант, показав взглядом на своих дружинников, которые бесшумно окружили свиту барона.

И тут... леди Кристabelle не поверила своим глазам — к ней приблизился изящно одетый молодой рыцарь и упал к ее ногам.

— Аллан Клэр! Мой дорогой Аллан Клэр! — воскликнула девушка и протянула к нему руки.— Да благословит вас Бог! Вы не забыли меня!

— Монсеньор,— обратился Робин к епископу, почти-тельно приблизившись к нему,— вы только что собирались соединить браком, вопреки всем Божьим и человеческим законам, два существа, которым небо не предназначало жить под одной крышей. Посмотрите на эту девушку, а теперь на старика, которого выбрал ей в супруги ее нена-сытный, алчный отец. В раннем детстве леди Кристabelle была обещана в жены рыцарю Аллану Клэру. Он молод, богат и знатен. Они любят друг друга, и мы нижайше просим вас сочетать их браком.

— Я категорически против этого брака! — закричал барон, пытаясь вырваться из железных объятий Маленького Джона, которому было поручено утихомирить старика.

— Успокойся, бесчеловечный обманщик! — сказал Ро-бин.— Как смеешь ты в Божьем храме нарушать данное тобой обещание?

— Не давал я никакого обещания! — прорычал барон.

— Монсеньор, согласны ли вы обвенчать этих молодых людей? — спросил Робин Гуд.

— При условии, что лорд Фитц Олвайн даст свое со-гласие,— ответил епископ Херфордский.

— Никогда не дам своего согласия на этот брак! — закричал барон.

— Монсеньор,— продолжал Робин, не обращая никакого внимания на вопли старика,— я жду вашего слова.

— Я не могу удовлетворить ваше желание,— ответил епископ.— Этот брак не был оглашен, а закон требует...

— Все будет сделано по закону,— сказал Робин.— Дру-жище Маленький Джон, передай надзор за его светлостью кому-нибудь из ребят и сделай оглашение.

Маленький Джон три раза объявил о предстоящем вен-чании Аллана Клэра с леди Кристabelle Фитц Олвайн. Но епископ и на этот раз отказался благословить брачный союз влюбленных.

— Это ваше решение окончательное, монсеньор? — спросил Робин.

— Да,— ответил епископ.

— Я предвидел это и пригласил сопровождать меня святого человека, который имеет право совершать священ-ные обряды. Отец мой,— обратился Робин к старику, сто-явшему среди дружинников,— соблаговолите войти в цер-ковь, жених с невестой последуют за вами.

— Иду, сын мой,— ответил старик. Это был тот самый паломник, который помог освободить Уылла.— Я буду мо-литься о страждущих и просить у Бога прощения злым.

Гости и дружинники Робина вошли в храм, и обряд венчания начался. Епископ удалился. Сэр Тристрам жалобно стонал, а лорд Фитц Олвайн изрыгал угрозы и богохульства.

— Кто отдаст эту девицу ее жениху? — спросил старик, простирая дрожащие руки над коленопреклоненной Кристабель.

— Извольте отвечать, милорд, — сказал Робин.

— Батюшка, смилуйтесь! — молила девушка своего жестокого отца.

— Нет, нет, тысячу раз нет! — кричал разъяренный барон.

— Отец этой благородной девицы отказывается выполнять данное им обещание, — произнес Робин. — Поэтому я буду ее посаженным отцом. Я, Робин Гуд, отдаю в жены рыцарю Аллану Клэру девицу Кристабель Фитц Олвайн.

Не успел святой отец обвенчать Аллана Клэра и Кристабель, как на пороге церкви появились сэр Гай Гэмвелл и его семья. Робин бросился навстречу Марианне, взял ее за руку и повел к алтарю. Следом шли Уильям и Мод.

— Наконец-то и на моей улице праздник, дружище Роб, — прошептал Уильям, наклоняясь к Робину, который стоял на коленях перед алтарем рядом с Марианной. — Посмотри на мою Мод. Как она хороша!

— Тихо, Уилл! Молись, сейчас нашим молитвам внимает Бог.

— Я от всей души буду молиться Господу Богу, — весело ответил парень.

Паломник обвенчал и благословил Робина с Марианной и Уилла с Мод и, подняв дрожащие руки к небу, молил Бога ниспослать милость новобрачным.

— Мод, милая Мод, наконец-то ты стала моей женой, моей дорогой женушкой, — говорил Уилл, когда все вышли из церкви. — Никак не могу поверить в это, слишком долго жестокая судьба противилась нашему счастью. Я обезумел от радости. Ты моя! Ты хорошо молилась, Мод, моя дорогая женушка? Испросила ли ты у доброй Пресвятой Девы, чтобы она до конца наших дней продлила благоухающую радость, которую она даровала нам сегодня?

А Мод улыбалась и плакала, ее сердце было переполнено любовью и признательностью к Уиллу, подарившему ей счастье.

Ликующими криками встретили лесные братья появление своего атамана с молодой женой на паперти после завершения обряда венчания.

— Проклятые бродяги! — ругался лорд Фитц Олвайн, следуя за богатырем Маленьким Джоном, который вежливо пригласил его покинуть церковь.

Через несколько минут церковь опустела. Лорд Фитц Олвайн и сэра Тристрам, лишившиеся своих коней, медленно брели по пыльной дороге в замок, поддерживая друг друга.

— Фитц Олвайн, — спотыкаясь на каждом шагу, говорил старик, — вы должны вернуть мне миллион золотых монет, которые вчера от меня получили.

— Ни за что, сэра Тристрам! Разве я виноват, что ваша свадьба с моей дочерью не состоялась? Если бы вы послушали моего совета, все было бы в порядке. Настаивая на венчании в ноттингемской церкви, я заботился о вашем спокойствии и счастье, но вы предпочли торжество скромному обряду, яркий день сумеркам — и вот вам плачевный результат. Расфранченный дылда увел мою дочь. Мне нужна компенсация, и вот поэтому я удержу у себя ваш миллион.

Вместе с господами возвращались в Ноттингем и их слуги. Они следовали за лордами на почтительном расстоянии, посмеиваясь над незадачливым женихом.

А веселые ребята повели новобрачных и гостей в свой дом, Шервудский лес, который словно помолодел от воцарившихся в нем радости и счастья. Деревья, освеженные утренней росой, словно руки, протягивали свои зеленые ветви навстречу гостям. Столетние дубы, приземистые вязы и стройные тополя были украшены длинными гирляндами из цветов и листьев. На полянах паслись олени с венками на головах, обвитые лентами оленията резвились на дороге, лось в ожерелье из цветов стрелой пронесся в зеленых зарослях. В центре большого перекрестка дорог стояли столы, ломившиеся от обильных яств. На соседней поляне был устроен танцевальный зал.

Прелестные ноттингемские девушки украсили своим присутствием свадьбу Робина Гуда и его друзей. Все гости были искренне рады счастью новобрачных.

Мод и Уильям, взявшись за руки, прогуливались по тропинке недалеко от танцевального зала, их сердца были переполнены радостью. Внезапно перед ними предстал монах Тук.

— Ах, это ты, славный Тук, веселый Джиль, мой толстый брат, — смеясь, приветствовал его Уилл. — Не хочешь ли прогуляться вместе с нами? Мы очень рады тебя видеть, дорогой друг. Полюбуйся на сокровище моей души, мою дорогую женушку, мою драгоценную подругу. Посмотри на

этого ангела, Джиль, и скажи, существует ли на свете женщина прелестнее и очаровательнее моей Мод? Но что с тобой, дружище Тук? — встревожился Уилл, увидев по лицу монаха, что тому не до веселья. — Ты грустишь? Поделись с нами своими горестями, мы попытаемся тебя утешить. Мод, милочка, поговори с ним ласково. Пойдем с нами, дорогой Джиль. Мы вначале выслушаем твою исповедь, а потом я расскажу тебе о моей милой жене. Моё сердце переполнено счастьем, оно прольет целительный бальзам на твоё старое сердце, и ты помолодеешь.

— Не в чём мне тебе исповедоваться, Уилл, — ответил монах, голос у него пресекся, лицо побелело. — Я счастлив, что исполнились твои сокровенные желания.

— Это не мешает мне, дружище Тук, с грустью смотреть на твоё печальное лицо. Так что же с тобой, а?

— Ничего, — ответил монах, — ничего, если не считать одну мысль, которая не даёт мне покоя, — безумный огонь, полыхающий в моём мозгу, червь, грызущий моё сердце. Не знаю, Уилл, должен ли я говорить тебе это. Много лет назад я питал надежду, что маленькая колдунья, которая так нежно прижимается к тебе, станет моим солнечным лучиком, моей радостью, моим самым дорогим сокровищем.

— Ах, Тук, неужели ты так горячо любил Мод?

— Да, Уильям.

— Если память мне не изменяет, ты был знаком с нею до того, как она встретила с Робинотом?

— Да.

— И ты её любил?

— Увы! — вздохнул монах.

— А разве могло быть иначе? — вскричал Уилл, нежно целуя руки своей жены. — Робин влюбился в неё с первого взгляда, я не избег этой участи, и теперь оказывается, что и ты был к ней неравнодушен. Но досталась ты, Мод, мне.

Наступило тягостное молчание, монах опустил голову, а Мод покраснела и улыбнулась мужу.

— Я очень надеюсь, Тук, — произнес весело Уильям, — что моё счастье не ляжет бременем на твоё сердце. Я очень счастлив сегодня, но если бы ты знал, какой дорогой ценой завоевал я право назвать Мод своей женой. Ты не знал отчаяния отвергнутой любви, ты не был изгнанником, ты не жил вдали от своей любимой, ты не терял силы и здоровья.

Перечислив свои горести и страдания, Уилл перевёл глаза на красное лицо монаха и покотился со смеху.

Монах весил самое меньшее двести десять фунтов, его широкое цветущее лицо было похоже на полную луну или на блин.

Мод быстро поняла причину веселья Уильяма и тоже рассмеялась. Последним расхохотался Тук.

— Я в полном здравии,— сказал он с очаровательной непосредственностью.— Но это не мешает... короче, я все понимаю, я все понимаю. Клянусь милостями Богородицы, мои добрые друзья,— продолжал он, беря руки молодых людей в свои,— я вам от всей души желаю счастья. Но я должен сказать вам, нежная Мод, что ваши глаза газели очень долго кружили мне голову. Но теперь все, как ножом отрезало. Я все понял и утешился.

— Утешился? — разом воскликнули Уильям и Мод.

— Да,— улыбаясь, ответил Тук.

— С черноглазой барышней? — кокетливо спросила Мод.— И эта барышня сумела по достоинству оценить вас, милый Джиль?

Монах рассмеялся.

— Моя утешительница,— ответил он,— дама с блестящими глазами и нежными губами. Вы спрашиваете, Мод, оценила ли она мои достоинства? На этот вопрос трудно ответить. Моя утешительница — очень ветреная особа, не мне одному она дарит свои поцелуи.

— И ты ее любишь? — спросил Уилл. В его голосе звучали упрек и жалость.

— Люблю,— произнес монах,— хотя она, как я вам уже сказал, дарит свои милости очень и очень многим.

— Как же ты, Тук, честный малый с отважным сердцем, запутался в сетях такой пошлой особы? Да я скорее умру, чем позволю...

— Тихе, тихе! — перебил его монах Тук.— Не бросайся словами, Уилл.

— Не бросаться словами?

— Не следует плохо говорить об особе, которую ты сам часто обнимал и целовал.

— Ты целовал эту женщину! — с упреком воскликнула Мод.

— Да ничего не было подобного, Мод! Мод! Это ложь!

— Это не ложь,— спокойно возразил монах.— Ты ее обнимал и целовал. И не один раз, а много-много.

— Ах, Уилл! Уилл!

— Не слушай его, Мод. Он пустобрех. Так я, Тук, значит, обнимал и целовал ту, кого ты любишь?

— Да. И я могу доказать это.

— Ты слышишь, Уилл, что он говорит? — со слезами на глазах спросила Мод.

— Слышу, но ничего не понимаю, — ответил Уилл. — Джиль, нашей старой дружбой заклиная тебя, сведи меня с этой девушкой, и посмотрим, хватит ли у нее нахальства подтвердить клевету.

— Проще простого, Уилл. И держу пари, что ты не только будешь вынужден сознаться, что любишь ее, но и снова обнимешь и поцелуешь ее.

— Я не хочу, чтобы он встречался с этой дрянной женщиной, — промолвила Мод, беря Уилла за руку. — Не хочу, и все.

— И все-таки он будет с ней разговаривать и целоваться, — настаивал монах.

— Это невозможно, — возразил ему Уилл.

— Совершенно невозможно, — подтвердила Мод.

— Покажи мне свою возлюбленную, мессир Джиль, где ты ее прячешь?

— А тебе-то какое до этого дело, Уилл? — спросила Мод. — Зачем она тебе нужна? И к тому же... и к тому же, мне кажется, тебе не следует знакомить свою жену с этой особой.

— Ты, как всегда, права, моя женушка, — ответил Уилл, целуя Мод. — Она не достойна твоего внимания. Друг мой Тук, ты меня очень обяжешь, если прекратишь свои глупые шутки. У меня нет ни малейшего желания лицезреть твою возлюбленную, даже из любопытства. Не будем больше о ней говорить. Видишь, как Мод расстроилась?

— Это почему же? Я должен сдержать свое слово и снова свести тебя с ней.

— Хватит! Хватит! — разозлилась Мод. — Я не желаю, чтобы Уилл встречался с ней. И слушать больше не желаю о ней.

— Хотите вы того или не хотите, но я вам ее покажу. Вот она. — И с этими словами Тук вынул из обширного кармана своей сутаны серебряную флягу и показал ее Уиллу: — Вот видишь мою красотку, мое утешение? Посмей еще раз сказать, что ты не общался с ней!

Уилл и Мод весело расхохотались.

— Грешен, брат Тук, — воскликнул Уилл, выхватывая флягу из рук монаха. — Прошу у моей дорогой женушки позволения дружески поцеловать свою старую приятельницу в губки.

— Целуйся. Выпей, милый Уилл, за наше счастье и за благополучие веселого монаха.

Уилл отпил из фляги несколько глотков и вернул ее Туку, а тот, в восторге от своей шутки, опустошил ее до дна.

И трое друзей долго еще прогуливались по лесным тропинкам, пока Робин не пригласил их присоединиться к гостям.

Робин представил Мача Барбаре, сказав, что этот красавец и есть тот самый жених, которого он ей давеча обещал, но своенравная барышня, тряхнув белокурыми локонами, ответила, что ей еще рано выходить замуж.

Маленький Джон, забыв о своей всегдашней серьезности, был очень весел и любезен. Он не отходил от своей двоюродной сестры Уинифред, танцевал только с ней, о чем-то секретничал. Молодые люди были так поглощены друг другом, что ничего вокруг себя не замечали.

Нежное личико Кристabelle сияло счастьем, но молодая женщина была так взволнована тяжелым расставанием с отцом, так обессилена пережитыми страданиями, что не могла принимать участия в развлечениях. Она сидела рядом с Алланом Клэром на земляной скамейке, застланной дорогими тканями и украшенной цветами, и своей царственной красотой походила на молодую королеву.

Марианна и Робин прогуливались по лужайке, заменявшей танцующим бальный зал.

— Я буду жить здесь, в лесу, вместе с тобой, — говорила Марианна, нежно опираясь на руку мужа, — и буду делить с тобой тяготы до тех пор, пока ты не будешь помилован.

— Тебе было бы лучше остаться в Барнсдейле.

— Нет, Робин, и не уговаривай меня. Мое сердце соединилось с твоим сердцем. Как же мне жить без сердца?

— С гордостью принимаю твою преданность, моя любовь, — взволнованно сказал Робин, — и сделаю все от меня зависящее, чтобы твоя жизнь была удобной и счастливой.

Поистине, день свадьбы Робина Гуда был днем счастья и радости для всех, кто был приглашен на пир.

Г Л А В А IV

Марианна сдержала свое слово: несмотря на нежные возражения Робина, переселилась в Шервудский лес и свила свое семейное гнездо под его вековыми деревьями. И Аллану

Клэру, имевшему богатое поместье в мансфельдской долине, тоже не удалось уговорить ее жить в его замке. Марианна твердо решила делить радости и горести со своим мужем.

Сразу же после свадьбы рыцарь предложил королю Генриху Второму купить у него поместье в Хантингдоншире за две трети его стоимости при условии, что брак с леди Кристабель будет утвержден королевским указом. Генрих Второй, не упускавший случая увеличить коронные владения, охотно согласился на это предложение и специальным актом утвердил брак Аллана Клэра с Кристабель Фитц Олвайн. Рыцарь действовал с такой быстротой и ловкостью, а король так торопился заключить выгодную сделку, что, когда епископ Херфордский и барон Фитц Олвайн прибыли с жалобой ко двору, было уже поздно что-либо изменить.

В отместку епископ и норманнский вельможа клеветой возбудили гнев короля против Робина Гуда. Генрих Второй приказал епископу изловить дерзкого атамана и не мешкая повесить его.

А Робин жил счастливо и беззаботно со своей молодой женой под зелеными сводами Шервудского леса, не ведая, какие подлости измышляют против него двое старых норманнов.

Уилл Пунцовый был на седьмом небе от радости, получив наконец в жены прелестную Мод, и считал себя самым счастливым мужчиной на свете. Наделенный пылким воображением, Уилл свято верил, что сам Господь Бог даровал ему высшее счастье — женщину по имени Мод, и он украсил ее всеми ангельскими добродетелями. Мод знала, каким безмерным обожанием окружил ее муж, и стремилась быть достойной его. По примеру Робина Гуда и Марианны Уилл и его жена обосновались в Шервудском лесу и жили в полном согласии.

Робин Гуд любил и почитал женщин, вначале просто потому, что они ему нравились, его влекло к ним, а затем он перенес на всех женщин благоговение и обожание, которые питал к прекраснейшей и достойнейшей даме, носившей теперь его имя. И лесные братья восприняли от своего атамана уважительное и бережное отношение к женщинам. Девушки из окрестных сел и городов могли безбоязненно пересекать лес в любом направлении. Если случай сталкивал лесного брата с девушкой на глухой тропинке, он любезно приглашал ее разделить трапезу с ним и его товарищами, а затем провожал ее до лесной опушки. Ни одна девушка не могла пожаловаться на недостойное пове-

дение дружинников Робина Гуда. Они быстро приобрели в народе славу добропорядочных и любезных кавалеров, и множество хорошеньких легконогих девушек появилось на тропинках Шервудского леса.

Барышни, украсившие своим присутствием свадебный пир Робина Гуда, были восхищены красотой новобрачных и их верностью в любви. Кружась в танце, белокурые дочери Евы бросали нежные взгляды на своих кавалеров. Им было странно, что когда-то они боялись лесных братьев и избегали встреч с ними, а теперь многие из них охотно согласились бы разделить полную тревог судьбу отважных ребят.

Прошло немного времени, и брат Тук оказался до предела загружен работой: с утра до вечера освящал он брачные союзы юных ноттингемок и дружинников Робина Гуда. Выбившись из сил, добрый монах пожелал узнать, долго ли продлится эта брачная эпидемия. Оказалось, что до тех пор, пока все веселые ребята не переженятся.

Маленькая лесная община жила весело и мирно, как одна большая семья. Описанное нами древнее подземелье было разделено на комнаты и покои, которые летом служили только спальнями, а зеленые, покрытые цветами лужайки стали гостинными и столовыми. Зимой жили в подземном убежище. Почти все общинники были саксами, большинство из них жестоко пострадало от своеволия норманнских захватчиков.

Робин Гуд и его дружинники облагали поборами в основном богатых норманнских помещиков и князей церкви. Первых за то, что они силой отняли у саксов наследие их предков, а вторых — за то, что они за счет народа увеличивали свои и без того немалые богатства. Эти поборы, весьма значительные, взимались мирным путем, без пролития крови. Приказы молодого атамана выполнялись безоговорочно, непослушание каралось смертью. Строгая дисциплина спаяла дружину Робина Гуда, повысила ее боеспособность, лесные братья пользовались репутацией отважных воинов и честных малых. Власти множество раз посылали против Робина Гуда карательные отряды, но они неизменно терпели поражение и возвращались с позором. Робина Гуда и его веселых ребят выжить из Шервудского леса так и не удалось, и на них махнули рукой. Бессилие королевских властей вынудило норманнских помещиков жить в мире и согласии с опасными соседями и безропотно платить им дань.

Марианна и не предполагала раньше, что жизнь в лесу может быть такой удобной и приятной. Молодая женщина смеясь говорила, что сама природа создала ее любимой царицей этого племени веселых, отважных людей. Искреннее уважение и почитание, которыми был окружен Робин, льстили самолюбию Марианны, и она с гордостью шла по жизни, опираясь на сильную руку своего отважного мужа.

В прекрасном Шервудском лесу Марианна находила себе массу развлечений, ей некогда было скучать. Прогулки с мужем в живописные, полные сказочного очарования уголки леса, веселые народные игры, охота с соколами. Робин собрал для нее редкую, драгоценную коллекцию соколов и научил ее охотиться на лесную дичь. Но самой любимой забавой Марианны была стрельба из лука. Робин терпеливо обучал молодую жену всем таинствам этой науки, Марианна оказалась примерной ученицей и очень скоро стала отличной лучницей. Любо было смотреть на эту молодую женщину, прекрасную, как сама богиня охоты Артемида, когда она, одетая в камзол из зеленого линкольнского сукна, изящно изогнув стан, натягивала тетиву лука и посылая в цель стрелу. Ее неподражаемой меткостью и ловкостью восхищались не только лесные братья: жители Мансфелда и Ноттингема толпами сбегались полюбоваться на меткую лучницу.

Прошел год. Это был год радости, счастья и непрерывных праздников. Аллан дю Валь (рыцарь принял это имя по названию своего самого обширного владения) стал счастливым отцом: небо благословило его дочерью. Марианна и Мод подарили своим мужьям сыновей. Эти радостные события были отмечены пирами и празднествами.

Однажды утром Робин, Уилл Пунцовый и Маленький Джон собрались под деревом, известным в округе под названием Дерево Встреч. У этого дуба в минуту опасности собиралась вся дружина.

— Я слышу конский топот! — воскликнул Робин. — Это на опушке, он приближается к нам. Маленький Джон, пойдй посмотри, что за гость к нам жалует. Ты меня понял?

— Разумеется. И если я найду, что всадник достоин разделить с тобой трапезу, я приглашу его к нам.

— Это будет вдвойне желанный гость, — рассмеялся Робин, — потому что я чувствую, что проголодался.

Маленький Джон и Уилл быстро скользнули в чашу и направились к дороге, по которой ехал всадник. Вскоре они его увидели.

— Клянусь обедней! У бедняги слишком грустная физиономия,— улыбнулся Уильям.— Боюсь, что кошелек не слишком его отягощает.

— Да, действительно, у всадника очень несчастный и удрученный вид,— согласился с ним Маленький Джон.— Но, кто знает, может быть, все это хорошо продуманный обман, и не рассчитывает ли он, прибеднившись, пересечь Шервудский лес, не уплатив нам проездную дань. Сейчас мы ему дадим понять, что если он намерен утаить свои сокровища, то этот номер не пройдет. Не на тех напал.

Хотя всадник и был одет по-рыцарски, его вид вызывал сострадание. Он производил впечатление человека, подавленного горем и неудачами. Капюшон его платья был откинут на спину, голова в глубоком горестном раздумье склонилась на грудь. Внезапное появление богатыря Маленького Джона вывело всадника из задумчивости.

— Добрый день, сэр,— закричал Джон, схватив коня за поводья.— Добро пожаловать в наш зеленый лес. Вас с нетерпением ждут.

— Меня ждут? — удивился всадник, грустно взглянув на сияющее улыбкой лицо Джона.

— Да, господин,— вмешался в разговор Уилл Пунцовый.— Наш хозяин послал нас нижайше звать вас откушать с ним.

— Никто меня не ждет,— грустно возразил всадник.— Вы меня приняли за кого-то другого.

— Прошу прощения, мессир, но наш хозяин ожидает именно вас. Ему стало известно, что сегодня вы проедете через Шервудский лес.

— Это невозможно, невозможно,— повторил незнакомец.

— И тем не менее мы говорим правду,— настаивал Уилл.

— Как зовут вашего любезного хозяина?

— Робин Гуд,— ответил Маленький Джон, пряча улыбку.

— Робин Гуд? Знаменитый атаман? — удивленно спросил всадник.

— Он самый, мессир.

— Я уже давно слышал о нем,— сказал путник.— Его благородство внушает уважение. Очень, очень рад случаю встретиться с Робинотом Гудом и с радостью принимаю его любезное приглашение, хотя никак не могу понять, откуда ему стало известно, что сегодня я буду проезжать через его владения.

— Это он сам с удовольствием объяснит,— ответил Маленький Джон.

— Ну, что же, будь по-вашему. Я последую за вами. Показывайте мне дорогу.

Впереди шел Маленький Джон, ведя под уздцы лошадь рыцаря, а Уилл замыкал шествие. Они направлялись к перекрестку дорог, где их с нетерпением ожидал Робин.

Маленький Джон ни на мгновение не сомневался, что бедная одежда и печальный вид рыцаря были только маской, которая могла бы сослужить службу в случае нежелательной встречи с лесными жителями. Уилл же думал — и он, возможно, был ближе к истине,— что рыцарь действительно беден и вряд ли сможет заплатить за роскошный обед.

Вскоре всадник и его провожатые встретились с Робинем. Робин вежливо приветствовал гостя и, пораженный его бедственным видом, стал внимательно изучать его. От него не ускользнули изящные, изысканные манеры рыцаря, и он в конце концов пришел к тому же заключению, что и Маленький Джон: рыцарь просто прикидывался бедняком, чтобы сберечь свой кошелек от лихих людей.

Тем не менее молодой атаман очень любезно принял печального гостя, предложил ему сесть и приказал одному из своих людей позаботиться о лошади.

Роскошный обед был накрыт прямо на зеленой траве лужайки. Вот как об этом пелось в старинной балладе:

В изобилии подали хлеб,
вино и жареное мясо,
не хватало только
птичьего молока.

Как видим, Робин дорожил своей репутацией гостеприимного хозяина и даже бедно одетому рыцарю предложил роскошное угощение. Если горести имеют способность возбуждать аппетит, мы можем с уверенностью сказать, что гость был удручен сверх меры. Он с жадностью поглощал яства, словно не ел с позавчерашнего дня, и обильно запивал их старым бургундским.

Потом Робин и его гость растянулись в тени, отбрасываемой огромными деревьями, и между ними начался откровенный разговор. Мнения рыцаря о людях и о вещах находили отклик в душе Робина, и, несмотря на то, что гость, судя по его внешнему виду, был не богат, молодой атаман был уверен в обратном.

Из всех человеческих пороков Робин больше всего ненавидел притворство и хитрость. Они были противны его

честной, открытой натуре. И поэтому, несмотря на уважение, которое ему внушал рыцарь, он решил заставить его щедро расплатиться за обед. Очень скоро рыцарь дал ему повод высказать это желание.

— Я глубоко презираю человеческую неблагодарность,— говорил он.— Никто за всю мою жизнь не мог уличить меня в этом грехе. Позвольте же мне, мессир Робин, сердечно поблагодарить вас за дружеский прием и вкусное угощение. Если когда-нибудь счастливый случай приведет вас в окрестности аббатства Святой Марии, помните, что в замке рыцаря де ля Плена вам всегда окажут самую радушную встречу.

— Мессир рыцарь,— ответил Робин,— я не имею обыкновения навещать своих гостей. Бедняки, нуждающиеся в милосердии, всегда желанные гости за моим столом, но состоятельные люди обычно оплачивают мое гостеприимство. Я бы глубоко оскорбил их, если бы позволил им бесплатно насыщаться моей дичью и пить мое вино. Поэтому я говорю без обиняков: «Зеленый лес — моя харчевня, я здесь хозяин, а мои веселые ребята — ваши слуги. Будьте любезны, оплатите услуги, которые мы вам оказали».

Рыцарь расхохотался.

— У вас забавный взгляд на вещи,— сказал он,— и в соответствии с ним вы придумали оригинальный способ взимания проездного налога. Несколько дней назад мне расхваливали ваше умение освобождать путников от чрезмерной тяжести их кошельков, но я никогда не думал, что это может сопровождаться таким простым разъяснением.

— Вы очень понятливы, мессир рыцарь,— произнес Робин и поднес к губам охотничий рог. На зов прибежали Маленький Джон и Уилл Пунцовый.— А теперь, будьте любезны, заплатите за мое гостеприимство. Не заставляйте ждать казначеев.

— Согласен, что лес — ваша харчевня. Могу ли я надеяться, что предъявленный мне счет правильно составлен? — спокойно спросил рыцарь.

— Разумеется, мессир.

— Вы одинаково оцениваете рыцаря, барона, герцога и пэра Англии?

— Одинаково,— заверил его Робин.— И это справедливо. Почему бедный крестьянин вроде меня должен задаром угощать рыцаря, имеющего свой герб, графа, герцога или принца? Это было бы противно всем человеческим правилам.

— Вы правы, мой дорогой хозяин. Но я должен вас огорчить. В моем кошельке только десять пистолей, и это все мое состояние.

— Позвольте мне вам не поверить, рыцарь,— ответил Робин.

— Дорогой хозяин, пусть ваши друзья обыщут меня, и вы убедитесь в жестокой правоте моих слов.

Маленький Джон поспешил выполнить желание гостя.

— Рыцарь говорит правду,— разочарованно произнес он.— У него только десять пистолей и ни гроша больше.

— Это все мое состояние на сегодняшний день,— повторил рыцарь.

— Вы что, проели свое наследство? — смеясь, спросил Робин.— Или же это наследство было мизерным?

— Вы ошибаетесь. Я получил весьма значительное наследство и не расточил его.

— Как же прикажете вас понимать?

— Внешность обманчива. Я расскажу вам свою горестную историю, и вы меня поймете.

— Охотно выслушаю вас, мессир рыцарь, и помогу вам по мере своих сил. Можете смело на меня рассчитывать.

— Мне давно известно, благородный мессир, что все страждущие и угнетенные находят у вас доброжелательную поддержку и помощь.

— Мессир, не тратьте время на пустые восхваления, переходите к делу. Какое же горе приключилось с вами?

— Меня зовут сэр Ричард,— начал свой рассказ рыцарь.— Я прямой потомок короля Этельреда.

— Так, значит, вы сакс? — прервал его Робин.

— Да. И благородство моего происхождения стало причиной моих несчастий.

— Позвольте мне по-братски пожать вам руку, сэр Ричард,— произнес Робин.— Все саксы, богатые и бедные,— желанные гости в Шервудском лесу.

Рыцарь сердечно ответил на братское рукопожатие хозяина и продолжал:

— Итак, я зовусь сэр Ричард де ля Плэн. Мой замок находится в двух милях от аббатства Святой Марии. Я женился совсем молодым на женщине, которую любил с раннего детства. Небо благословило наш союз: через год после свадьбы у нас родился сын. Ни один отец, ни одна мать не любили свое дитя так горячо, как мы любим нашего милого Хэрберта, и я с гордостью могу сказать, что он оказался достойным нашей любви. Как я уже вам говорил,

мы соседствуем с аббатством Святой Марии и живем с монахами в мире и дружбе. Однажды один мой приятель-послушник отвел меня в сторону и попросил уделить ему несколько минут. Вот что он рассказал мне: «Сэр Ричард, скоро, очень скоро я принесу свои обеты Господу и отрекусь от мира. Моя жена умерла, и наша маленькая дочь останется сиротой без состояния и без поддержки. Я навсегда посвящаю себя Господу и надеюсь, что он даст мне силы нести со смирением бремя жизни. Именем Святого Провидения прошу вас, окажите милость моей маленькой дочери. Она остается одна на всем белом свете». — «Брат мой, — ответил я несчастному, — благодарю вас за доверие. Я не обману его. Ваша девочка не останется сиротой, мы с женой примем ее в нашу семью и воспитаем как собственную дочь».

Взволнованный до слез, послушник горячо поблагодарил меня и по моей просьбе послал за своей дочерью. Первая встреча с девочкой произвела на меня неизгладимое впечатление. Высокая, стройная, очень изящная, с длинными белокурыми волосами, мягкими волнами падавшими на ее узенькие плечи. На вид ей было не больше двенадцати лет. Войдя в зал, где мы ее ожидали, она изящно поклонилась и пристально посмотрела на меня огромными синими глазами, в которых застыла глубокая печаль. Это очаровательное дитя сразу покорило мое сердце. Я взял ее ручки в свои руки и запечатлел на ее лбу отеческий поцелуй.

«Вот видите, сэр Ричард, — сказал мне послушник, — какая прелестная девочка! Она заслуживает вашего покровительства. Никогда в жизни не видел я такое очаровательное дитя. Лилия очень похожа на свою покойную мать, — продолжал он. — Глядя на нее, я скорблю об утраченном земном счастье, и моя душа отвращается от небесной благодати. Воспитайте мою девочку, сэр Ричард, и Бог вознаградит вас за это благодеяние. У Лилии прекрасный характер. Она добрая, ласковая, благочестивая девочка». — «Я удочерю ее и буду ей любящим отцом», — взволнованно заверил я его. Бедняжка с удивлением слушала нас и, переведя на меня встревоженный взгляд своих огромных синих глаз, спросила: «Батюшка, вы хотите...» — «Я хочу тебе добра, доченька, — ответил послушник. — Мы должны расстаться».

Я не буду описывать вам, дорогой хозяин, горестную сцену расставания несчастного отца с безутешным ребенком. Они оба горько плакали. По знаку несчастного отца я взял рыдающую Лилию на руки и вынес ее из монастыря.

Первые дни своего пребывания в нашем замке Лилия очень грустила и много плакала. Потом время и нежные заботы моего сына Хэрберта залечили ее душевные раны. Дети росли и воспитывались вместе. Когда Лилии исполнилось шестнадцать лет, а Хэрберту двадцать, они нежно полюбили друг друга.

«Наши дети еще не познали горя,— сказал я тогда жене.— Пусть же оно не коснется их своим черным крылом. Хэрберт обожает Лилию, Лилия страстно любит нашего дорогого сына. Какое имеет для нас значение, что Лилия незнатного происхождения? Когда-то ее отец был бедным саксонским землепашцем, сейчас он стал божьим человеком. Мы воспитали Лилию благородной барышней. Она любит нашего Хэрберта и будет ему верной женой».

Моя жена с радостью согласилась женить Хэрберта на Лилии, и в тот же день мы отпраздновали помолвку наших детей.

Незадолго до свадьбы в наших краях объявился норманнский рыцарь, владелец небольшого поместья в Ланкашире. Он приехал навестить настоятеля аббатства Святой Марии, своего родственника. Ему очень понравилось мое поместье и мой замок, и у него возникло желание завладеть ими, но он ничем не выдавал своих притязаний. Ему стало известно, что я опекаю молодую красивую девушку на выданье. Он сразу сообразил, что я, возможно, дам за Лилией хорошее приданое. Под благовидным предлогом норманн проник в мой замок, и ему быстро удалось завоевать дружбу моей жены и детей. Я вам уже говорил, Робин, что Лилия была чудо как хороша собой, и норманн влюбился в нее с первого взгляда. Он зачастил в мой замок и через некоторое время признался мне, что любит невесту Хэрберта. Не отвергая предложение норманна, я рассказал ему об обязательствах, взятых на себя девушкой, но прибавил, что Лилия может свободно располагать своей рукой.

Тогда он объяснился Лилии в любви и предложил ей стать его женой, однако получил вежливый, но твердый отказ.

Норманн покинул наш замок, поклявшись отомстить нам за нашу, как он выразился, дерзость и заносчивость.

Вначале мы только посмеялись над его угрозами, но потом нам стало не до смеха.

Через два дня после отъезда норманна ко мне прибежал старший сын одного из моих вассалов и сообщил, что в четырех милях от замка он встретил рыцаря с похищенной

им Лилией. Эта весть повергла нас в отчаяние, я не хотел верить парню, но он неопровержимо доказал, что с нами действительно случилось страшное несчастье.

«Сэр Ричард,— рассказывал он,— я сидел под деревом и вдруг увидел рыцаря, который вез плачущую женщину. За ним следовал конюший. Они остановились в нескольких шагах от меня. Порвалась упряжь лошади рыцаря. Со страшными угрозами рыцарь приказал мне оказать ему помощь. Я приблизился к нему, мисс Лилия в отчаянии ломала руки. «Подтяни уздечку»,— грубо приказал мне рыцарь. Я повиновался, но незаметно разрезал ремень седла. Затем, сделав вид, что проверяю, в хорошем ли состоянии подковы, я засунул в копыто камень и убежал».

Мой сын Хэрберт, не дослушав до конца рассказ парня, побежал в конюшню, быстро оседлал коня и во весь опор помчался в погоню за похитителем.

Хитрость молодого крестьянина удалась на славу. Когда мой сын настиг норманна, тот был уже не в состоянии продолжать свой путь. С мечом в руках Хэрберт бросился на негодея. Его дело было правое, Бог даровал ему победу.

Как только властям стало известно о гибели норманна, они послали шайку солдат на поиски моего сына. Я приказал Хэрберту скрыться и обратился к королю с челобитной. В ней я описал его величеству недостойное поведение норманна, сообщил, что мой сын защищал свою честь и убил врага только потому, что тот угрожал его собственной жизни. Король предложил мне выплатить огромный выкуп за Хэрберта, только на этом условии он соглашался его помиловать. Я был счастлив, что добился от короля милости, и тотчас же принялся собирать деньги для выкупа. Исчерпав собственные средства, я обратился за помощью к вассалам. Четыреста экю я занял у настоятеля аббатства Святой Марии под залог своего поместья. Если я не верну ему эти четыреста золотых экю в последний день двенадцатого месяца этого года, все мое состояние перейдет в собственность аббата. Вот в каком тяжелом положении я оказался, мессир,— закончил свой рассказ рыцарь.— День выплаты долга приближается, а в моем кошельке только десять пистолей.

— Неужели настоятель монастыря Святой Марии не даст вам отсрочку? — спросил Робин.

— К сожалению, я уверен, что он не отсрочит уплату долга ни на день, ни на час. Если я не верну ему долг до последнего экю, то лишусь своего поместья. Господи! Как я несчастен! Моя горячо любимая жена и мои дети останутся

без крова и куска хлеба. Я не в силах смотреть, как страдают самые близкие мне существа. Я обратился за помощью к тем, кто в дни моего процветания называл себя моими друзьями. И получил ледяной отказ. У меня больше нет друзей, мессир Робин, друзья предали меня.

И рыцарь, закрыв лицо дрожащими руками, горько рыдался.

— Вы рассказали мне очень грустную историю, сэр Ричард,— сказал Робин.— Но не отчаивайтесь, Бог милостив, он не оставит вас в беде.

— Увы! — вздохнул рыцарь.— Если бы я смог добиться отсрочки платежа, я непременно выплатил бы долг настоятелю. Но, к несчастью, я ничем не могу гарантировать это, у меня нет поручителей, кроме Пресвятой Девы.

— Я принимаю ее поручительство,— произнес Робин,— и дам вам займы четыреста золотых экю.

— Вы, Робин Гуд, даете мне займы четыреста экю! — радостно вскричал рыцарь.— Ах, награди вас Бог за вашу добродетель! Клянусь своей душой, что я верну вам эти деньги.

— Я верю вам, сэр рыцарь. Маленький Джон, возьми из сокровищницы Шервудского леса четыреста экю и вручи их рыцарю. А ты, Уилл, поищи в моем гардеробе, может быть, там найдется костюм для нашего гостя.

— Ваша доброта безмерна, Робин Гуд! — не помня себя от радости воскликнул рыцарь.

— Вы преувеличиваете,— смеясь, прервал его Робин.— Мы заключаем договор, берем на себя определенные обязательства, вот и все. Более того, вы оказываете мне честь, я вижу в вас посланца Пресвятой Девы. Уилл, отмерь еще несколько локтей хорошего сукна да надень новую сбрую на серую лошадь, которую епископ Херфордский поручил моим заботам! — Подумав, он сказал: — Уилл, друг мой, прибавь к нашим скромным дарам все, что ты сочтешь нужным для рыцаря.

Маленький Джон и Уилл поспешили выполнить распоряжение атамана.

— Брат,— сказал Джон,— ты отсчитай деньги, у тебя это лучше получается, а я отмерю ткань. Мерой мне послужит лук.

— Отличная мера! — смеясь, отозвался Уилл.

В одну руку Маленький Джон взял свой лук, а другой стал разматывать рулон ткани. Он только делал вид, что точно отмеривает своей импровизированной мерой.

Уильям расхохотался.

— Действуй, брат Джон. Когда закончится рулон, у тебя будет отмерено три локтя. Отлично работаешь!

— Помолчи, болтун! Разве ты не знаешь, что на нашем месте Робин действовал бы еще щедрее?

— В таком случае я к отсчитанной сумме добавлю еще несколько экю.

— Несколько горстей, брат. Не бойся, норманны вернут нам все это с лихвой.

Щедрость Джона и Уилла понравилась Робину, и он весело подмигнул им.

— Мессир рыцарь,— произнес Уилл, отдавая золото гостю,— здесь ровно четыреста экю. Можете не считать.

— Вы слишком щедры, мой молодой друг. Я не считая вижу, что вы мне дали намного больше.

— Вы ошибаетесь, сэр. Мой казначей вручил вам ровно четыреста экю и ни одного гроша больше, положите деньги в ваш кошель, и хватит о них говорить.

— Мы еще не оговорили срок выплаты долга,— сказал рыцарь.

— Ровно через год, в этот же день, если вас устраивает такое условие.

— Согласен.

— Встретимся под этим деревом.

— Договорились, мессир Робин Гуд. Ровно через год, день в день, я верну вам долг,— растроганно произнес рыцарь, сердечно пожимая руки молодому атаману.— Видит Бог, жизнью рад бы я заплатить вам за добро, которое вы для меня сделали. Вы спасли мою жену и моих детей. Мое сердце переполнено такой благодарностью, что перед ней меркнут все похвальные слова, слышанные мной о вас.

— Мессир,— сказал Робин,— вы — сакс, и это дает вам право на мою дружбу и защиту. Люди называют меня разбойником и вором. Пусть их... Я выколачиваю деньги из богатых, но никогда не взял ни одного гроша у бедняка. Я ненавижу насилие и избегаю кровопролития, люблю свою родину и враждую с поработившими ее чужеземцами-норманнами. Не надо благодарить меня, я сделал только то, что велела мне совесть: отдал вам деньги и вещи, в которых вы нуждались. Это справедливо.

— Вы очень скромны, мой благородный и великодушный благодетель. Я вам не родственник и не друг, а вы отвели от меня страшную беду, сделали то, что отказались сделать люди, называвшие себя моими друзьями. Пусть наградит

вас Бог за вашу доброту, Робин. Всегда и везде я буду с гордостью называть вас своим благодетелем. Всей душой молю небо оказать мне величайшую милость — позволить отплатить вам добром за добро. Прощайте, Робин Гуд, мой истинный друг. Через год я вернусь сюда и верну вам с благодарностью долг.

— До свидания, рыцарь,— проговорил Робин, дружески пожимая руку гостю.— Если когда-нибудь я окажусь в трудном положении и мне потребуется ваша помощь, я без раздумья обращусь к вам.

— Да услышит вас Бог! Помните, я предан вам душой и телом.

Сэр Ричард с искренней благодарностью пожал руки Уиллу и Маленькому Джону и вскочил на серую в яблоках лошадь епископа Херфордского. Робин и его друзья долго смотрели вслед рыцарю. Когда тот скрылся за поворотом, Робин тихо произнес:

— Мы не напрасно прожили сегодняшний день.

ГЛАВА V

Марианна и Мод уже целый месяц гостили в замке Барнсдейл. Совсем недавно произвели они на свет сыновей и еще недостаточно окрепли.

Робин очень скоро соскучился по своей дорогой жене и в одно прекрасное утро с частью дружинников стал лагерем в Барнсдейлском лесу. Когда подземное жилище было построено вблизи замка, Уилл заявил, что это подzemелье несравненно лучше шервудского. Пусть оно не такое удобное, зато находится рядом с дорогам Барнсдейлом. Уилла горячо поддержали еще двое наших знакомых, и по той же самой причине. Это были Маленький Джон и сын мельника Мач Кокл. Вскоре Робин заметил, что Джон и Мач повадились отлучаться из лагеря по всякому поводу, а чаще всего без повода. Эти частые отлучки заинтриговали Робина, и он стороной узнал, что сестрица Уинифред недавно попросила Маленького Джона показать ей живописные и примечательные уголки Барнсдейлского леса. «Ну, вот и настала очередь Маленького Джона и Мача»,— подумал Робин. Мисс Барбара тоже не осталась равнодушной к красотам Барнсдейлского леса и выразила желание сопровождать сестру в ее дальних прогулках. Однако Маленький Джон проявил здесь похвальную осторожность и без оби-

няков заявил барышне, что не может взять на себя ответственность за ее безопасность во время этих странствий. И Мач не замедлил предложить мисс Барбаре свои услуги провожатого и защитника. Мисс Барбара согласилась. И обе влюбленные пары бродили по тенистым таинственным лесам и залитым солнцем полям, болтали о всяких пустяках, хохотали до упаду и не обращали ни малейшего внимания ни на кряжистые столетние дубы, ни на изящные буки, ни на другие красоты Барнсдейлского леса. А потом парочкам стало неинтересно вместе, и, выйдя из замка, они сразу же расставались: Маленький Джон с Уинифред шли в одну сторону, а Мач с Барбарой — в другую. Встречались они только вечером, при первых звездах, у ворот замка.

Однажды вечером, когда спала жара и подул свежий ветерок, Марианна и Мод под руку с Робинем и Уиллом вышли из замка и направились в лес. За ними следовали Уинифред и Барбара, а замыкали шествие неразлучные друзья — Маленький Джон и Мач. Вечер был чудесный. Все кругом цвело, благоухало и пело.

— Ах, как приятно подышать свежим воздухом! — произнесла Марианна, подставляя бледное лицо легкому ветерку. — В комнатах я задыхаюсь. Я могу жить только в лесу, там мой настоящий дом.

— Как же вы любите лес! — воскликнула мисс Барбара.

— Там столько солнца, света, благоухания, прохлады, цветов и листвы! — восторженно сказала Марианна.

— Вчера мне Мач сказал, что Шервудский лес прекраснее Барнсдейлского, — продолжала Барбара, — а я с ним не согласна. Здесь так много живописных полей.

— Так, значит, вы находите Барнсдейлский лес живописным, милая Барбара? — пряча улыбку, спросил Робин.

— Он очарователен, — живо откликнулась девушка. — Где вы еще найдете такие прелестные места?

— А какая часть леса особенно привлекает ваши взоры, сестренка?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, Робин, но попробую. Есть маленькая лощина, такая чудесная — глаз невозможно от нее отвести.

— Где же она находится?

— Далеко отсюда. Но разве можно найти где-нибудь на земле столь же чудный уголок? Там царят мир и безмолвие, свежесть и благоухание разлиты кругом. Представьте себе, братец, долину, окруженную холмами. Разные деревья покрывают эти холмы. Меняется освещение, и ли-

ства выглядит по-иному. Восхитительно! Только что она отливала изумрудом, но вот солнце чуть сдвинулось на запад, и она засверкала всеми цветами радуги. А покрывает долину трава, словно огромный зеленый ковер, ровный, ни складки, ни морщинки, расцвеченный ирисами, маргаритками, лилиями, лазоревыми, пурпурными цветами. У подножия деревьев журчит ручеек. Ах, что может быть прекраснее этого райского уголка Барнсдейлского леса! Вы вдыхаете чистый воздух, и ваше сердце замирает от счастья. Никогда в жизни не видела ничего обольстительнее!

— Так где же находится эта райская долина, Барбара? — наивно спросила Уинифред.

— Как! Вы уже не прогуливаетесь вместе? — рассмеялся Робин.

— Почему же не прогуливаемся? — возразила Уинифред.— Прогуливаемся иногда... нет... я хотела сказать... очень часто. Но часто мы теряем друг друга из виду. Маленький Джон плохо знает окрестности. Мы ищем, ищем Барбару с Мачем, но нам никогда не удается найти их, и мы встречаемся только у ворот замка. Но, уверяю вас, все это происходит совершенно случайно.

— Охотно вам верю — совершенно случайно. Никто в этом и не сомневается, — насмешливо проговорил Робин.— Но почему вы покраснели, Барбара? А вы, Уинифред, почему опустили глазки? Посмотрите на Джона и Мача, они нисколько не смущены. Так что, может быть, это вы, сами того не замечая, сбиваетесь с дороги и их вводите в заблуждение?

— Ничего подобного, — вмешался в разговор Мач.— Мисс Барбара очень любит тихие, уединенные уголки, вроде маленькой лощины, которую она только что описала. Вот я и вожу ее туда.

— Попробуем поверить, — продолжал Робин, — что Барбара очень наблюдательна и так хорошо запомнила красоты очаровательной лощины. Но, милая Барбара, неужели только переливающимися на солнце листьями, изумрудной травой, журчащим ручейком и чудными цветами привлекает вас к себе любимый вами райский уголок Барнсдейлского леса?

Барбара залилась румянцем.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, братец.

— Вот как! Надеюсь, что Мач поймет меня лучше, чем вы. Ну, Мач, выкладывай: не забыла ли Барбара упомянуть об одном случае, происшедшем с вами в этом зеленом раю?

— На что вы намекаете, Робин? — лукаво улыбаясь, спросил Мач.

— Мой скромный друг,— продолжал Робин,— неужели вы не знаете, для чего молодые влюбленные стремятся уединиться в очаровательных уголках и потом всю жизнь хранят о них в сердце воспоминания?

Мач покраснел.

— Ну, хорошо! Тогда я вам расскажу. Несколько дней назад двое моих близких друзей посетили ваш зеленый рай. Подошли к прелестному ручейку, журчащему между цветущими берегами. Вначале они любовались природой, слушали пение порхавших над ними птичек, а потом несколько минут безмолвно смотрели друг на друга. Кругом не было ни души. Парень осмелел и взял в свои ручищи маленькие беленькие ручки своей дрожащей подружки, девушка опустила глазки, покраснела, и, надо сказать, этот румянец ее очень красил. А потом голосом, который показался девушке нежнее пения птичек, мелодичнее журчания ручейка, парень сказал: «Никого во всем мире не люблю я крепче и горячее, чем вас. Я скорее соглашусь расстаться с жизнью, чем потерять вашу любовь. Выходите за меня замуж, и вы сделаете меня счастливейшим из смертных». Не можете ли вы мне сказать, Барбара,— улыбаясь, спросил Робин,— как приняла девушка нежные, пылкие слова своего возлюбленного?

— Не отвечай на его нескромный вопрос, Барби! — воскликнула Марианна.

— Может, вы ответите за Барбару, Мач? — настаивал Робин.

— Странные вопросы задаете вы нам, Робин,— проговорил Мач. Он склонялся к мысли, что Робин был незримым свидетелем его свидания с Барбарой.— Не понимаю, зачем вам это нужно?

— Дорогой Мач! — вмешался в разговор Уилл.— Мне кажется, что устами Робина глаголет истина. Глядя на твое смущенное лицо и на пламенеющие румянцем щеки моей сестрицы, я сразу понял, что вы и есть те самые влюбленные из зеленого райского уголка. Ах, Господи! Меня прозвали Уиллом Пунцовым из-за красно-рыжих волос, а тебя, Барбара, скоро будут называть Барбара Пунцовая. Гляньте, как рдеет румянцем ее личико!

— Мессир Уильям,— сердито сказала Барбара,— твое счастье, что ты далеко от меня, а то я с удовольствием вырвала бы клок твоих рыжих волос.

— Права не имеешь! — возразил Уильям. — Без тебя есть кому распоряжаться моей головой и тем, что на ней растет. Правда, Мод?

— Да, Уилл. Но только я никогда не вырывала у тебя волосы.

— Все впереди, милая женушка.

— Никогда я себе этого не позволю, — смеясь, сказала Мод.

— Так что же ответила девушка своему возлюбленному, Мач?

— Самы спросите у нее, Робин.

— Обязательно спрошу. А ты, Маленький Джон, что скажешь? Знаком ли ты с тем парнем, который обожает уединяться с очаровательной девушкой?

— Нет, Робин. Но если тебя очень интересуют имена этих влюбленных, я постараюсь их узнать, — простодушно ответил Маленький Джон.

— Ты знаешь, Джон, мне в голову пришла мысль, — расхохотался Уилл. — Влюбленные, о которых нам рассказал Робин, тебе отлично известны. Бьюсь о любой заклад, что парень — мой двоюродный брат, а девушка — очаровательная особа, которая идет с ним под руку.

— Ошибочная мысль пришла тебе в голову, Уилл, — возразил Джон. — Не обо мне была речь.

— Действительно, не о тебе, — улыбаясь, подхватил Уилл. — Ты, братец, ведь никогда не был влюблен.

— Прошу прощения, Уилл, — спокойно возразил богатырь. — Я по уши влюблен в одну прелестную, очаровательную девушку.

— Ха-ха-ха! Маленький Джон влюбился! Вот это новость!

— А почему же Маленький Джон не может влюбиться? — добродушно спросил богатырь. — Что здесь особенного? Разве он не человек?

— Все правильно, дружище. Мне нравится видеть вокруг себя счастливых людей, а счастье — это любовь. А не познакомишь ли ты нас с девушкой своей мечты?

— Девушка моей мечты! — воскликнул Джон. — Да неужели тебе невдомек, что это твоя собственная сестра Уинифред, братец Уилл? Я ее люблю с детства так же крепко, как ты любишь Мод, а Мач любит Барбару.

Откровение Джона было встречено взрывом веселого смеха, все бросились поздравлять Уинифред, а девушка с нежным упреком посмотрела на своего друга.

— Вот видишь, Мач,— сказал Робин,— одним выстрелом я убил двух зайцев. Рассказывая о свидании влюбленных, которое будто бы произошло в Барнсдейлском лесу, я метил только в тебя и в Барбару.

— Ты следил за нами? — спросил Мач.

— Нет, конечно. Я все это выдумал или, вернее, вспомнил случай из собственной, богатой приключениями жизни. Дело было год назад. Марианна заманила меня...

— Я тебя заманила! — с хорошо разыгранным негодованием воскликнула Марианна.— Это вы, мессир Робин, заманили меня. Ах, если бы я до свадьбы могла предвидеть, что вы так будете со мной обращаться...

— Что бы вы сделали, Марианна? — прервала ее Барбара.

— Я бы ускорила свадьбу, дорогая Барбара,— проговорила Марианна и улыбнулась Робину.

— Прекрасный ответ! Надеюсь, вы нам теперь доверитесь, шалунья Барби. Ну, смелее, мы же все свои люди. Скажите нам, что вы любите Мача, а Мач признается, что любит вас.

— Конечно, признаюсь! — взволнованно воскликнул Мач.— И объявляю во всеуслышание: я всей душой люблю Барбару Гэмвелл. Имеющие уши да слышат: Барбара — свет моих очей, ее нежный, мелодичный, как пение птичек, голос — улада моих ушей. Общество моей милой Барбары мне приятней всех праздничных развлечений, ее нежный взгляд, легкая улыбка, ласковое пожатие ее маленькой ручки мне всех сокровищ дороже. Я ей предан душой и телом. Я скорее пойду к ноттингемскому шерифу и попрошу его повесить меня на самой высокой виселице, чем позволю себе обидеть милую Барбару. Да, друзья мои, я люблю это прелестное дитя и призываю Божью благодать на ее белокурую головку. Если она захочет принять мое имя и мою любовь, я сделаю ее счастливейшей из женщин.

— Ура! — закричал Уилл и подбросил шапку в воздух.— Прекрасно сказано. Сестренка, вытри свои прелестные глазки и позволь этому славному парню поцеловать тебя в румяные, пунцовые щечки. Не бойся, я разрешаю. Если бы я был не сильным парнем, а слабой девицей и услышал бы такие нежные признания в любви, я бы не раздумывая вложил свое сердце в надежные руки возлюбленного. Разве ты не так поступила в свое время, Мод?

— Ах, Уилл! Скромность...

— Мы же свои люди, к чему нам ложная скромность? Я уверен, Мод, что ты со мной согласна. Если бы я был на месте Мача, а ты на месте Барбары, ты бы уже давно меня обнимала и горячо целовала.

— Я полностью согласен с Уильямом,— лукаво улыбаясь, сказал Робин.— Пусть Барбара докажет нам, что и она нежно любит Мача.

Подбадриваемая веселыми друзьями, девушка подошла к Мачу и робко произнесла:

— Я искренне верю, что Мач нежно любит меня, и очень признательна ему за это. И я хочу сказать, что... что...

— Что ты его любишь так же горячо и нежно, как и он тебя,— весело закончил Уилл.— Что-то, сестренка, сегодня слова плохо идут из твоих губок. Мне потребовалось гораздо меньше времени, чтобы уверить Мод в моей горячей любви к ней. Правда, Мод?

— Правда, Уилл,— рассмеялась Мод.

— Мач,— серьезно сказал Уилл,— я отдаю тебе в жены прелестную Барбару. У нее благородное, верное сердце, ты будешь счастлив с ней. Барби, сестренка, Мач честный человек, настоящий сакс, он будет верен тебе до гроба.

— До гроба! — вскричал Мач.

— Поцелуй свою невесту, дружище Мач,— произнес Уилл.

Парень не заставил себя упрашивать и, преодолев притворное сопротивление мисс Гэмвелл, покрыл ее раскрасневшиеся от смущения щеки жаркими поцелуями.

Старый баронет благословил своих дочерей на брак и назначил день свадьбы.

На следующее утро Робин, Маленький Джон и Уилл Пунцовый с сотней веселых ребят стояли в тени высоких деревьев старого Барнсдейлского леса, когда к ним подбежал усталый гонец из Шервуда.

— Атаман,— обратился он к Робину,— я принес вам добрую весть.

— Отлично, Джорж,— сказал Робин.— Докладывай.

— Его преосвященство епископ Херфордский в сопровождении двадцати слуг сегодня проедет через Барнсдейлский лес.

— Вот это действительно добрая весть. А не известно ли тебе, в котором часу монсеньор почтит нас своим присутствием?

— Не позднее двух часов дня, атаман.

— Отлично. А откуда тебе это известно стало?

— Один из наших людей был в Шеффилде и случайно узнал, что епископ Херфордский намеревается посетить аббатство Святой Марии.

— Ты славный парень, Джорж. Благодарю тебя за то, что ты вовремя принес мне эту важную весть. Ребята,— обратился Робин к лесным молодцам,— сегодня мы хорошо посмеемся. Уилл Пунцовый, возьми двадцать ребят и перекрой дорогу, которая ведет в замок твоего отца. Маленький Джон, возьми столько же ребят и прегради тропинку в северной части леса. А ты, Мач, с остальными ребятами устройшь засаду на дороге в западной части. Я оседлаю столбовую дорогу. Мышь теперь у нас не проскочит, не то что монсеньор со своей свитой. Мы его примем и угостим по-королевски, но ему придется хорошо за это заплатить. Ну, а ты, Джорж, пристрели лучшего оленя и приготовь из него обед, достойный его преосвященства.

Маленький Джон, Уилл и Мач отправились со своими отрядами выполнять приказ атамана, а Робин велел оставшимся с ним дружинникам переодеться в пастушеские лохмотья и сам надел скромную блузу. Принесенного Джоржем оленя насадили на вертел, разложили под ним костер из сушняка, и скоро по лесу поплыл аромат жареной дичи.

Около двух часов дня в конце дороги показался епископ Херфордский со своей свитой.

— Наша добыча приближается,— смеясь, сказал Робин дружинникам, переодетым в пастушеские лохмотья.— Полейте жиром жаркое, сейчас мы его подадим нашим гостям.

Епископ и его свита ехали быстро и скоро поравнялись с пастухами.

Вид огромного вертела, медленно вращавшегося с насаженным на нем оленем, привел епископа в бешенство.

— Что это такое? Негодяи, бездельники, что это значит? — кричал он.

Робин поднял глаза на его преосвященство, тупо посмотрел на него и ничего не ответил.

— Вы меня слышите, бездельники? — надрывался епископ.— Я вас спрашиваю, в честь какого праздника вы устроили себе такой пир?

— Что? — продолжал валять дурака Робин.

— Олени, пасущиеся в этом лесу, принадлежат королю. Какое же бесстыдство надо иметь, чтобы поднять руку на королевскую собственность! Я вас снова спрашиваю: для кого вы готовите это жаркое?

— Для себя, монсеньор,— ответил Робин, хохоча во все горло.

— Для себя, дурак? Для себя? Что за шутки! Неужели вы хотите, чтобы я поверил, что вся эта прорва мяса предназначена для ваших поганых желудков?

— А почему бы и нет, монсеньор? Мы проголодались, и как только жаркое будет готово, мы его съедем.

— Да кто вы такие?

— Мы бедные пастухи, пасем стада нашего господина. Сегодня нам захотелось отдохнуть от наших трудов и немного повеселиться. Вот мы и убили оленя.

— Вам захотелось повеселиться? А кто же вам позволил убивать королевскую дичь?

— Никто.

— Никто? И ты думаешь, бездельник, что тебе позволят съесть дичь, добытую наглым воровством?

— Разумеется, монсеньор. Но если вы соизволите разделить с нами трапезу, мы будем польщены оказанной честью.

— Да как ты смеешь мне это говорить, подлый пастух? Я с негодованием отвергаю ваше предложение. Неужели вам не известно, что браконьерство наказывается виселицей? Хватит болтать! Мои люди отведут вас сейчас в тюрьму, а потом королевский суд приговорит вас к повешению.

— К повешению! — воскликнул Робин с хорошо разыгранным отчаянием.

— Да, парень, к повешению!

— Но я не хочу умирать! — жалобно заныл Робин.

— Охотно верю тебе, но ничего не поделаешь. По тебе и по твоим приятелям уже давно плачет веревка. Ну, пошли, бездельники. Я не желаю больше тратить попусту на вас время.

— Простите нас, монсеньор. Мы согрешили по своей темноте. Смилуйтесь над бедняками. Неужели мы заслужили жестокую кару?

— Бедняки, которые едят такое прекрасное жаркое, не заслуживают жалости. Ах, негодяи, так вы захотели угодиться королевской дичью? Хорошо, очень хорошо! Я вас отдам под суд и посмотрю, смилостивятся над вами королевские судьи или нет.

— Монсеньор,— умолял Робин.— У нас жены, дети. Смилуйтесь над нами, заклиная вас слабостью и незащищенностью одних, невинностью других. Что станет с ними, бедными, если нас повесят?

— Ваши жены и дети меня совершенно не интересуют,— ответил жестокий епископ.— Хватайте этих бездельников,— приказал он своим слугам,— а если они попытаются бежать, убивайте их без всякой жалости.

— Монсеньор,— сказал Робин,— позвольте мне дать вам добрый совет: возьмите обратно свои слова. Они исполнены насилия и ненависти, а не христианского милосердия. Поверьте, с вашей стороны благоразумнее было бы принять мое предложение и разделить с нами трапезу.

— Замолчи, бездельник! — закричал епископ, не помня себя от злости.— Солдаты, хватайте разбойников!

— Ни с места! — закричал Робин.— Или, клянусь Богородицей, вы горько пожалеете об этом!

— Перебейте подлых рабов,— вопил епископ.— Не берите их в плен!

Солдаты епископа бросились на веселых лесных ребят, потасовка грозила перейти в кровопролитную схватку. Тогда Робин протрубил в рог, и солдаты были мгновенно окружены дружинниками из отрядов Маленького Джона, Уилла и Мача. Силы были явно неравные, и солдаты побросали оружие.

— Монсеньор,— обратился Робин к епископу, который онемел от ужаса, когда понял, в чьи руки он попал.— Вы были безжалостны к нам, поэтому и мы не намерены вас щадить... Как мы накажем того, кто хотел отправить нас на виселицу? — спросил атаман у своих дружинников.

— Он служителю Бога, смягчим строгость наказания,— спокойно ответил Маленький Джон.

— У вас доброе сердце, вы честный малый. Я благословляю вас.

— Не спешите благословлять меня,— бесстрастно сказал Джон.— Вы меня плохо поняли. Вместо того чтобы поджарить вас на медленном огне, мы вам просто отрубим голову.

— Просто отрубите голову? — прошептал епископ.

— Да,— подтвердил Робин,— приготовьтесь к смерти, монсеньор.

— Робин Гуд, сжальтесь надо мной, умоляю вас! — завопил епископ, ломая руки.— Позвольте мне пожить еще несколько часов. Я не хочу умирать без исповеди и покаяния.

— Как быстро у вас жестокость сменилась унижением, монсеньор,— холодно заметил Робин.— Но ваше унижение меня совершенно не трогает. Вы сами вырыли себе яму и

скоро предстанете перед Божьим судом. Маленький Джон, — обратился Робин к своему помощнику, — приготовь все к торжественной церемонии. А вы, монсеньор, следуйте за мной.

Насмерть перепуганный епископ потащился, шатаясь, за Робинном. Подойдя к Дереву Встреч, Робин предложил своему пленнику сесть на поросший травой бугорок и приказал одному из своих дружинников принести воды.

— Соблаговолите, монсеньор, — вежливо сказал он, — омыть руки и лицо.

Крайне удивленный таким предложением, епископ послушно омыл руки и лицо. После этого Робин продолжал:

— Окажите честь моему дому, отобедайте со мной. Натощак я не могу вынести справедливый приговор.

— Охотно выполняю ваше требование, — смиренно ответил его преосвященство.

— Я ничего не требую, монсеньор, я прошу.

— Ваша просьба для меня закон, сэр Робин.

— Прошу вас за стол, монсеньор.

И Робин проводил гостя в пиршественный зал — так он окрестил зеленую, цветущую лужайку, где их ожидал роскошный обед.

Увидев стол, в изобилии уставленный ласкающими глаз блюдами, епископ мгновенно забыл свои страхи. Он постился со вчерашнего дня, и чудные запахи, поднимавшиеся от жаркого, сразу пробудили у него волчий аппетит.

— Ах, как чудесно смотрится ваше угощение, — воскликнул он, садясь за стол.

— А на вкус оно еще лучше, — промолвил Робин, подкладывая гостю лучшие куски.

К середине пиршества епископ совсем забыл о своих жутких переживаниях и весело разговаривал с Робинном, как с лучшим другом.

— Мой любезный друг, — говорил он, — ваше вино превосходно. Оно согрело мое сердце. Только что мне было холодно, зуб на зуб не попадал, я был болен, а теперь чувствую себя молодым.

— Очень рад слышать от вас похвалу моему гостеприимству, монсеньор. Обычно мои гости остаются довольны приемом и угощением. Однако потом их ожидает малоприятное объяснение: я им предъявляю счет за пир. Поедено, попито, господа, пора и расплачиваться. Но многие из них очень любят получать, но не любят отдавать.

— Что верно, то верно,— поддакнул епископ.— Такое часто случается. Налейте мне еще вина, пожалуйста. У меня в горле пересохло. Какая же у вас, дорогой хозяин, райская, беспечная жизнь. Без горя и забот.

— Поэтому-то нас и зовут веселыми лесными ребятами.

— Очень интересно! А теперь, дорогой хозяин, простите, забыл ваше имя, разрешите откланяться. Нам пора в путь.

— Счастливого пути, монсеньор. Но сначала, прошу вас, оплатите счет за пир, а потом я предложу вам выпить на посошок.

— Оплатить счет! — загремел епископ.— Разве это харчевня? Я думал, что нахожусь в Барнсдейлском лесу.

— Это харчевня, монсеньор. Я здесь хозяин, а эти люди — мои слуги.

— Как! Неужели все эти люди — ваши слуги? Да их же здесь не меньше двух сотен!

— Совершенно верно, монсеньор, две сотни, не считая отсутствующих. Вы должны понять, что с такой силой я в состоянии заставить платить кого угодно.

Епископ тяжело вздохнул.

— Хорошо,— сказал он,— давайте мне ваш счет и обращайтесь со мной, как с другом.

— Как с вельможей, дорогой мой гость, как с вельможей,— весело возразил Робин.— Маленький Джон,— позвал он богатыря. Тот быстро прибежал на зов.— Рассчитайся с монсеньором епископом Херфордским.

Епископ посмотрел на Джона и расхохотался.

— Маленький! Это он-то маленький? — задыхался его преосвященство от смеха.— Да его породила самая высокая гора! Давайте ваш счет, любезный казначей.

— Какой счет, монсеньор? Укажите мне только, где вы храните деньги. Я сам возьму сколько надо.

— Наглец! — закричал епископ.— Я запрещаю тебе запускать руки в мой кошель.

— Я просто хотел избавить вас от труда отсчитывать мне деньги, монсеньор.

— Избавить меня от труда отсчитывать вам деньги! Да вы что, за пьяного меня принимаете? Принесите сюда мои вещи, и я расплачусь с вами сполна.

Маленький Джон и не подумал выполнять последнюю просьбу епископа. Он развязал мешок, нашел там кожаный кошель и вытряхнул из него содержимое. Там оказалось триста золотых монет.

— Робин, дорогой! — весело закричал Джон.— Его преосвященство щедро расплатился за наше гостеприимство. Обогатил нас на целых триста золотых монет.

Прикрыв глаза, епископ вслушивался в торжествующие восклицания Джона, а когда Робин сказал ему: «Благодарим вас, монсеньор, за вашу щедрость»,— он совсем закрыл глаза и пробормотал что-то заплетающимся языком. Робин разобрал только несколько слов:

— В аббатство Святой Марии, теперь же...

— Он хочет уехать,— сказал Джон.

По знаку Джона один из веселых ребят подвел украшенную цветами лошадь с венком на голове. Епископу помогли сесть в седло, привязали его к лошади, чтобы он, упаси Бог, не упал в пути и не разбился насмерть, и его преосвященство отправился в аббатство Святой Марии в сопровождении своей свиты, сытой, пьяной и веселой.

Веселые лесные ребята, успевшие подружиться с солдатами епископа, проводили своих новых друзей до ворот аббатства. Но как только ворота раскрылись, они умчались во весь опор. Обалдевшие святые братья с изумлением смотрели на своего епископа, представшего перед ними в самом непотребном виде.

На следующий день протрезвевший епископ чуть не сошел с ума от стыда, ярости и унижения. Долгие часы проводил он в молитвах, прося Бога смилостивиться над ним и отпустить ему грех. При этом он не забывал призывать Божьи кары на голову Робина Гуда, который ввел его в этот грех.

По требованию избитого епископа настоятель аббатства Святой Марии предоставил в распоряжение своего гостя пятьдесят вооруженных до зубов головорезов, и его преосвященство, горя праведным гневом и жадой мести, повел это войско против дружины знаменитого изгнанника.

В этот день Робину вздумалось навестить сэра Ричарда де ля Плэна, чтобы на месте уяснить себе его положение. Он шел по узкой лесной тропинке и на подходе к столбовой дороге внезапно услышал конский топот. Робин ускорил шаг и лицом к лицу столкнулся с епископом Херфордским.

— Робин Гуд! — вскричал епископ, узнав атамана.— Это Робин Гуд! Сдавайся, бездельник!

Разумсется, у Робина не было ни малейшего желания выполнять распоряжение его преосвященства, но всадники в одно мгновение окружили его со всех сторон. Лишенный возможности защищаться или позвать на помощь своих

дружинников, Робин улучил момент и дерзко проскользнул между двумя всадниками, которые сделали вид, что преграждают ему дорогу. Быстрее лани понесся он к маленькому домику, стоявшему приблизительно в четверти мили от места, где находились опешившие от неожиданности солдаты епископа. Придя в себя, они бросились в погоню за атаманом, но на их пути оказался бурелом, и они безнадежно отстали. А Робин быстро вскочил в открытую дверь домика и забаррикадировал дверь и окна, не обращая внимания на причитания хозяйки, сидевшей за прялкой.

— Не бойтесь меня, матушка,— сказал Робин хозяйке после того, как надежно закрыл все окна и дверь.— Я вовсе не грабитель и не вор. Я спасаюсь от солдат и прошу у вас помощи.

— Помощи? А кто ты такой? — с беспокойством спросила старуха.

— Изгнанник, матушка. Зовут меня Робин Гудом. Меня преследуют по пятам солдаты епископа Херфордского, и если они меня схватят, ~ погиб.

— Как! Ты — Робин Гуд? — переспросила старая крестьянка.— Благородный, великодушный Робин Гуд? Как мне благодарить Бога за то, что он внял моим молитвам и позволяет отплатить добром за добро? Посмотри на меня, дитя мое. Неужели ты не узнаешь несчастную женщину, которую два года назад спас от нужды и отчаяния? Дело было так: ты случайно вошел в мой дом, Благое Провидение привело тебя сюда. Я только что потеряла мужа, лежала больная и одинокая, призывая смерть. Ты утешил меня. Ко мне вернулись силы и желание жить. На следующий день пришел какой-то человек и принес одежду и деньги. Я спросила у него имя великодушного благодетеля, и он ответил мне: «Его зовут Робин Гуд». С тех пор, дитя мое, я каждый день поминаю твое имя в своих молитвах. С радостью отдам я свою жизнь и свое имущество, чтобы спасти тебя.

— Благодарю вас, добрая матушка,— ответил Робин, в порыве признательности сжимая в своих ладонях дрожащие руки старой крестьянки.— Помогите мне. Я хочу избежать ненужного кровопролития. У епископа пятьдесят солдат, а я один. Спротивление бесполезно.

— Если они обнаружат тебя здесь, тебе конец,— горестно сказала старая крестьянка.

— Успокойтесь, добрая матушка. Я думаю, что до этого дело не дойдет. Мы придумаем что-нибудь и спасемся.

— Что же ты придумаешь, дитя мое? Говори. И полностью рассчитывай на мою помощь.

— Не поменяться ли нам одеждой?

— Поменяться одеждой! — вскричала старуха. — Боюсь, сынок, твоя хитрость может не удался. Ну кто же примет старую женщину, как бы она ни переодевалась, за молодого мужчину?

— А я так изменю вашу внешность, матушка, что солдатам и в голову не придет, что вы им морочите голову. Они не знают меня в лицо. Вы прикинетесь пьяной, а его преосвященству невтерпеж завладеть моей особой. От радости никто и не подумает разглядывать ваше лицо.

Робин быстро надел серое платье и чепец старой женщины, а потом помог ей перерядиться в щеголя-лучника, тщательно спрятав ее седые волосы под свою модную шляпу, и закрепил на ее поясе оружие.

Не успели они поменяться одеждой, как в дверь домика требовательно застучали. Никто не отозвался. Тогда один из солдат предложил епископу выломать дверь, используя для этой цели задние ноги своей лошади. Епископ благословил солдата на это благоугодное дело. Всадник повернул лошадь хвостом к двери и стал покалывать пикой, заставляя ее пятиться. Лошадь, однако, пятиться не желала. Она заржала от боли, вздыбилась, незадачливый всадник вылетел из седла и, описав в воздухе дугу, во весь рост растянулся на земле. Но перед тем как приземлиться, он изо всех сил ударил шпорами епископа, когда тот устремился к двери, чтобы преградить Робину путь к бегству. Удар пришелся прямо в лицо, старик вне себя от страха и боли размахнулся посохом — символом своей пастырской власти — и прикончил несчастного солдата. В самый разгар схватки дверь домика открылась.

— Сомкните ряды! — повелительно закричал епископ. — Сомкните ряды!

Солдаты в беспорядке окружили домик. Соскакивая с лошади, епископ споткнулся об окровавленное тело убитого им солдата и упал головой вперед в дверной проем. Это происшествие как нельзя лучше вписалось в планы Робина. Задышающийся, оглушенный старик с трудом поднялся и бессмысленно устался на человека, неподвижно стоявшего в самом темном углу комнаты.

— Хватайте этого негодяя! — приказал он солдатам, указывая пальцем на старуху. — Заткните ему рот кляпом

и привяжите к лошади. Если он сбежит, всех поперевешаю без пощады!

Солдаты набросились на старуху, переодетую в костюм Робина, обмотали ей голову большим платком, который попался им под руку, и выволокли из дома.

Робин дрожащим голосом умолял епископа и солдат помиловать пленника, но епископ оттолкнул его и вышел из дома. Он с наслаждением посмотрел на своего врага, которого солдаты привязывали к крупу лошади. Полуослепший от раны, которая обезобразила его лицо, епископ вскочил в седло и приказал солдатам следовать за ним к Дереву Встреч дружинников Робина Гуда. На самой верхней ветке этого дерева хотел он повесить атамана лесных братьев. Этой примерной казнью его преосвященство желал утратить лесных братьев и показать им, что их ждет, если они не покорятся властям.

Как только всадники углубились в лес, Робин вышел из домика старухи и бегом направился к Дереву Встреч. Добежав до большой поляны, он сразу же заметил на другом ее конце Маленького Джона, Уилла Пунцового и Мача.

— Посмотрите-ка, друзья, что за странная фигура приближается к нам,— произнес Джон.— Ни дать ни взять, старая ведьма. Клянусь Богородицей, если бы я точно знал, что у нее дурные намерения, я бы не раздумывая угодил ее стрелой.

— Ничего бы у тебя не вышло,— смеясь, отозвался Уилл.

— Это почему же? Ты что, сомневаешься в моей меткости?

— Вовсе нет. Но если эта старуха действительно злая ведьма, она умеет останавливать стрелы в полете.

— Клянусь честью! — воскликнул Мач, внимательно разглядывая бегущую навстречу им старуху.— Я присоединяюсь к мнению Маленького Джона. Очень уж странная эта дама. Она слишком высокого роста, да и бежит не так, как бегают особы ее пола. Она прямо парит над землей. Мне страшно. Если ты позволишь, Уилл, я с удовольствием испытаю могущество этой колдуньи.

— Забудь думать об этом, Мач,— ответил Уилл.— На несчастной старухе одежда, достойная нашего уважения. С чего вы взяли, что она ведьма? Да и кроме того, вы прекрасно знаете, что я не способен причинить зло женщине и другим не позволю. Не следует придавать большое значение внешнему виду; вы же знаете, как часто под страшной

оболочкой скрывается чудесная душа. Эта старуха очень забавна, но, может быть, она честная добрая христианка. Помните, друзья, что Робин запрещает нам не только обижать, но и просто неуважительно относиться к женщинам.

Маленький Джон сделал вид, что натягивает свой лук и прицеливается в страшную старуху.

— Остановитесь! — услышал он громкий, звучный мужской голос. Все оцепенели от ужаса.— Я — Робин Гуд.— «Старуха» сорвала с головы чепец, закрывавший большую часть лица, и перед друзьями предстал их предводитель.— Неужели я так страшен?

— Эта одежда очень изуродовала тебя,— ответил Уилл.

— Что заставило тебя переодеться в такой жуткий наряд? — спросил Мач.

Робин в нескольких словах рассказал друзьям о неприятном приключении, происшедшем с ним.

— А теперь, ребята,— сказал Робин,— мы должны подумать об обороне. Прежде всего мне необходимо переодеться. Мач, лети стрелой в наш лагерь и принеси подходящий костюм, да не забудь захватить мое оружие. А вы, Уилл и Джон, приведите свои отряды к Дереву Встреч. Торопитесь, друзья. Его преосвященство всерьез намерился возместить убытки, которые он понес по нашей милости.

Маленький Джон, Уилл и Мач побежали исполнять приказы атамана. Час спустя Робин, одетый в щегольской костюм лучника, приближался к Дереву Встреч. Туда же спешили и его дружинники. Маленький Джон вел шестьдесят человек, а Уилл — сорок. Робин велел своим ребятам хорошо спрятаться в зарослях, а сам сел под деревом, на котором его преосвященство собирался повесить атамана веселых лесных ребят.

Послышался конский топот, и на поляне появился епископ со своим войском. Тотчас же раздался призывный звук рога, листва молодых деревьев зашевелилась, и со всех сторон на поляну высыпали вооруженные до зубов дружинники Робина Гуда. По знаку своего атамана, остававшегося невидимым епископу, они построились в боевой порядок. Епископ не на шутку перепугался, по всему его телу пробежала ледяная дрожь. Он с ужасом огляделся вокруг себя и увидел молодого человека в ярко-красном кафтане, отдававшего боевые приказы дружине лесных молодцов.

— Кто этот человек? — спросил епископ у солдата, державшего под уздцы лошадь, на которой сидел связанный пленник.

— Робин Гуд, — дрожащим голосом ответил пленник.

— Робин Гуд?! — вскричал пораженный епископ. — А ты тогда кто такой?

— Я женщина, монсеньор, бедная старая женщина.

— Будь ты проклята, подлая ведьма! — в отчаянии закричал епископ. — Будь ты проклята! Ребята! — произнес он, обращаясь к своему войску. — Ничего не бойтесь! Смело бросайтесь на этот сброд! Мечами пробивайте себе дорогу сквозь их ряды! Вперед, храбрые сердца, вперед!

Храбрые сердца, однако, пришли к общему мнению, что отдать приказ о наступлении на позиции лесных ребят куда как легче, чем исполнить его, и поэтому не сдвинулись с места.

По сигналу Робина лесные ребята вложили стрелы в свои луки и прицелились в солдат. Их прославленная меткость и ловкость были хорошо известны, и солдаты, не желая рисковать своей жизнью, пригнулись к седлам.

— Бросайте оружие! — приказал им Робин. — Отвяжите пленника. — Солдаты повиновались приказам атамана. — Матушка, — сказал он старухе, уводя ее с поляны, — возвращайтесь в свое жилище. Завтра я пришлю вам богатый подарок за вашу помощь. Поторапливайтесь. Сегодня у меня нет времени благодарить вас, но помните, матушка, я ваш неоплатный должник.

Старушка поцеловала руку Робина Гуда и удалилась в сопровождении одного из лесных ребят.

— Господи, смилуйся! — в отчаянии ломал руки епископ.

— Добро пожаловать, монсеньор, в Барнсдейлский лес! — ласково приветствовал Робин своего врага. — Позвольте поблагодарить вас, что не забываете меня. Я вижу, мое гостеприимство так вам понравилось, что вы поспешили снова навестить меня. — Епископ бросил на Робина отчаянный взгляд и тяжело вздохнул. — О чем вы грустите, монсеньор? — продолжал Робин. — Что вас тревожит? Неужели вы не рады свидеться со мной?

— Не могу сказать, что встреча с вами очень обрадовала меня, — признался епископ. — Но в том положении, в котором я оказался, мои чувства не играют никакой роли. Разумеется, вы знаете, с какой целью вторгся я в ваши владения, и имеете полное право жестоко отомстить мне. И тем не менее я считаю нужным сказать вам, что, если вы отпустите меня с миром, я никогда, ни при каких обстоятельствах не причиню вам зла. Отпустите с миром

меня и моих людей, не пятняйте свою душу смертным грехом, ибо убийство пастыря — самый страшный грех. Господь никогда не простит вам этого злодеяния.

— Я убежденный противник убийств и насилия,— ответил Робин.— Лучшее свидетельство этому — мои дела. Я никогда не нападаю первым и поднимаю оружие только тогда, когда опасность нависает над моей жизнью и над жизнями доверившихся мне людей. Если бы я был злопаметен или питал ненависть к вам, вы, монсеньор, уже давно висели бы на этом дереве. Но в моем сердце нет ненависти к вам, и я никогда не мщу за неудавшуюся попытку причинить мне зло. Идите с миром. Я возвращаю вам свободу, но при одном условии.

— Говорите, мессир,— промолвил епископ.

— Вы пообещаете уважать мою независимость, никогда не посягнете на свободу моих людей. Вы поклянетесь никогда и ни при каких обстоятельствах не покушаться на мою жизнь.

— Но ведь я же по доброй воле пообещал никогда не причинять вам зла,— тихо сказал епископ.

— Простое обещание ни к чему не обязывает людей, не отягченных совестью. Мне нужна ваша клятва, монсеньор.

— Клянусь ни прямо, ни косвенно не покушаться на вашу жизнь. Беру святого Павла в поручители моей клятвы.

— Отлично, монсеньор. Вы свободны.

— Благодарю вас от всей души, мессир Робин Гуд. Соболаговолите отдать приказ, чтобы собрали моих людей. Они побратались с вашими дружинниками и разбрелись по всему лесу.

— Повинуюсь, монсеньор. Через несколько минут ваши солдаты будут в седле. Не перекусите ли вы с нами?

— Нет, нет,— поспешил отказаться епископ. Одно упоминание о совместной трапезе с Робинот Гудом повергло его в ужас.

— Но ведь вы же голодны, монсеньор, и один ломтик паштета...

— Ни кусочка, дорогой хозяин, ни крошки.

— Бокал доброго вина?

— Нет, нет, тысячу раз нет!

— Почему же вы не хотите разделить со мной трапезу, монсеньор?

— Я не хочу ни есть, ни пить. Умоляю вас, не задерживайте меня против моей воли.

— Будь по-вашему, монсеньор. Маленький Джон, его преосвященство желает покинуть нас.

— Как будет угодно его преосвященству,— насмешливо откликнулся Джон.— Сейчас я ему подам счет.

— Счет? — удивленно спросил епископ.— Что это значит? Я у вас не ел и не пил.

— Это ничего не значит,— спокойно возразил Джон.— Вы находитесь в харчевне и только поэтому должны платить. Ваши солдаты голодны, они требуют, чтобы их хорошо накормили. Ваши лошади утолили свой голод на наших лугах. Вы не хотите ничего принять от нас, и из-за вашего воздержания мы можем потерпеть убытки. Это нам не улыбается. Мы просим вас выделить от ваших щедрот людям, накормившим ваших солдат и их лошадей.

— Берите все, что хотите, и позвольте мне уехать,— теряя терпение, вскричал епископ.

— Где ваш кошель? — спросил Маленький Джон.

— Вот он,— ответил епископ, показывая на кожаный кошель, притороченный к седлу его лошади.

— Эге! Да он тяжелее, чем был в прошлый раз!

— Да, вы правы,— произнес епископ, безуспешно стараясь сохранить спокойствие.

— Отлично, монсеньор. И сколько же в нем золотых монет?

— Пятьсот.

— Восхитительно! И это все нам? Вы удивительно щедры, монсеньор!

— Вы не оставите мне хотя бы половину? — пробормотал епископ.— Неужели вы осмелитесь отобрать у меня все деньги? Это же грабеж!

— Грабеж! — высокомерно повторил Маленький Джон.— Да что вы говорите! Разве вы действительно не понимаете разницу между грабежом и изъятием у человека того, что ему не принадлежит? Вы обманом присвоили эти деньги, отобрали их у людей, которые в них нуждаются. Я же раздаю их беднякам. Как видите, монсеньор, я не грабитель.

— Мы называем наш способ изъятия денег лесной философией,— смеясь, пояснил Робин.

— Законность этой философии весьма сомнительна,— возразил епископ,— но я беззащитен и поэтому вынужден повиноваться вам. Берите мою казну.

— У меня есть еще одна просьба к вам, монсеньор,— сказал Джон.

— Какая просьба? — с беспокойством спросил епископ.

— Наш духовник уже давно в отсутствии, и все это время мы были лишены духовного руководства. Умоляем вас, монсеньор, отслужите для нас обедню.

— Да как вы смеете обращаться ко мне с такой нечестивой просьбой? — загремел епископ.— Я скорее умру, чем соглашусь выполнить подобное кощунство.

— Ваш долг, монсеньор, заключается в том, чтобы укреплять нашу веру в Бога,— вмешался в разговор Робин.— Маленький Джон говорит правду. Вот уже несколько недель, как мы были лишены счастья общения с Богом. Прошу вас, соблаговолите отслужить обедню.

— Это смертный грех, преступление! Бог неминуемо накажет меня, если я соглашусь совершить это святотатство! — покраснев от гнева, ответил епископ.

— Монсеньор,— сказал Робин,— мы благоговейно чтим католический Символ Веры, и поверьте мне, что даже в вашем кафедральном соборе вы не найдете таких внимательных и благочестивых богомольцев, как лесные братья из Шервудского леса.

— Могу ли я верить вашим словам? — с сомнением спросил его преосвященство.

— Да, монсеньор, и вы в этом убедитесь.

— Хорошо. Я верю вам. Проводите меня в часовню.

— Идемте, монсеньор.

Робин в сопровождении епископа вошел в часовню. Это было огороженное живой цветущей изгородью место, расположенное недалеко от Дерева Встреч. В середине его стоял алтарь, украшенный цветами, все предметы, необходимые для богослужения, были изящно разложены на главном алтаре. Его преосвященство был приятно удивлен и очарован благочестивым рвением лесных братьев. Отрешившись от всего земного и вознесясь душой к Богу, отслужил он обедню этим необыкновенным богомольцам, а они, коленапреклоненные, с обнаженными головами, с сердцами, преисполненными небесной радостью, смиренно внимали ему и истово молились.

После обедни потрясенный епископ засыпал Робина вопросами о жизни лесных братьев под сенью вековых дубов зеленого леса. Робин охотно и обстоятельно удовлетворял любопытство его преосвященства, а в это время дружинники, уже давно побратавшиеся с солдатами, угощали их сытным обедом. Епископ так увлеченно слушал Робина, что не заметил, как тот подвел его к столам, за которыми весело

пировали дружинники и солдаты. Веселье пирующих растопило последний лед предубеждения, которое питал епископ прогив Робина и его лесных братьев.

— Как видите, ваши люди зря времени не теряют,— весело сказал атаман, показывая его преосвященству на солдат, с волчьим аппетитом насыщавшихся жареной олениной.— Они были голодны, монсеньор. Уже два часа дня, и я охотно последую их примеру. Почему бы и вам, ваше преосвященство, не присоединиться к нам?

— Нет, нет, дорогой мой хозяин, спасибо,— отвечал епископ, тщетно пытаясь остаться глухим к жалобам своего желудка.— Я ничего не хочу, совершенно ничего, хотя мне и хочется немного есть.

— Зачем идти наперекор природе? — серьезно сказал Робин.— От этого страдают душа и тело. Садитесь на этот зеленый ковер и съешьте хотя бы немного хлеба.

— Я должен повиноваться вам? — спросил епископ. В его голосе звучала с трудом подавляемая радость.

— Вас ни к чему не принуждают, монсеньор,— лукаво возразил Робин.— Если ваша душа не принимает этот вкуснейший паштет из оленины и заморское вино, не ешьте и не пейте. Лучше воздержаться от еды в течение нескольких часов, чем насиловать свой желудок.

— А я и не собираюсь насиловать свой желудок! — рассмеялся епископ.— Я ужасно проголодался и с удовольствием приму ваше любезное приглашение.

— В таком случае садитесь за стол, ваше преосвященство, и кушайте на здоровье!

Епископ Херфордский с аппетитом пообедал. Робин не ленился подливать в его бокал крепкое французское вино, и к концу трапезы его преосвященство был пьян в стельку. Когда к вечеру он вернулся в аббатство Святой Марии, состояние его души и тела снова повергло в ужас и негодование богобоязненных, смиренных монахов.

Г Л А В А VI

— Хотел бы я знать, что чувствует сегодня его преосвященство епископ Херфордский,— говорил Уилл Пунцовый своему двоюродному брату Маленькому Джону и Мачу по дороге в барнсдейлский замок.

— Хотя его преосвященство на вид и крепкий мужик, но головой он, должно быть, мается,— ответил Мач.

— Это ты верно сказал,— поддержал друга Джон.— Любит выпить монсеньор Уерфордский, но дело свое разумеет.

— Робин хорошо его накачал,— продолжал Мач.— Он всегда так поступает с церковниками, которые попадают в его руки?

— Да, если эти церковники, подобно епископу Херфордскому, пользуясь своей духовной властью, обирают саксов. И он не ждет, когда они соизволят его навестить,— сам часто выходит к ним навстречу.

— Выходит к ним навстречу? — переспросил Мач.— Что это значит, Маленький Джон?

— Послушай, что с ним однажды приключилось, и тебе станет ясно. Наши люди известили его, что двое черноризцев везут большие деньги в свой монастырь и собираются проехать через Шервудский лес. Робин обрадовался этой вести: наша казна была пуста, и денежки были как раз кстати. Он переделся паломником и вышел на дорогу, по которой должны были проехать монахи.

Ему пришлось недолго ждать. Вскоре показались монахи, высокие, крепкие ребята, они как заправские кавалеристы сидели в седлах своих лошадей.

Робин приблизился к ним, почтительно поклонился до самой земли, а когда разгибался, быстро схватил лошадей под уздцы и жалобно прогнусавил: «Благослови вас Бог, святые братья. Если бы вы знали, как я счастлив встрече с вами. Это огромная радость для меня, и я смиренно благодарю небо, что сподобился лицезреть вас». — «Что ты там болтаешь?» — спросил один из монахов. «Отец мой, я выражаю свою радость. Вы — представители Бога на земле. Бог добр, проявите и вы божескую милость. Я несчастный паломник, изголодался в пути. Братья мои, я умираю с голоду, дайте мне что-нибудь поесть». — «Нет у нас никакой еды», — ответил монах. — «Оставь нас в покое, мы спешим».

Но Робин крепко держал лошадей под уздцы, так что монахам было трудно от него отделаться.

«Братья мои,— еще жалобнее заныл он,— сжальтесь надо мной. Если у вас нет хлеба, подайте мне несколько грошей. Я со вчерашнего дня брожу в этом лесу, ничего не ел, не пил. Братья мои, именем Пресвятой Матери Христа закливаю вас, подайте мне милостыню». — «Ну, ты, болтливый дурак, отпусти наших лошадей и дай нам проехать. Мы не желаем тратить время попусту на такого придурка, как ты». — «Да,— подтвердил другой монах,—

мы не желаем тратить время попусту на такого придурка, как ты». — «Смилюйтесь, добрые монахи. Подайте мне несколько грошей. Я умираю с голоду». — «Даже если бы мы и захотели подать тебе милостыню, тупоголовый попрошайка, мы бы не смогли этого сделать. У нас нет ни гроша». — «Но вы вовсе не похожи на бедняков, братья мои. У вас прекрасные лошади, ваши жизнерадостные лица пышут здоровьем». — «Несколько часов назад нас обобрали разбойники». — «И не оставили ни гроша», — прибавил другой монах, который, казалось, выполнял обязанности эха при первом. «Вы оба бесстыдно лжете», — сказал Робин. «Да как ты смеешь обвинять нас во лжи, подлый голодранец?» — закричал монах. «Да, вы бессовестно лжете. В старом Шервудском лесу нет грабителей. Вы лжете, что у вас нет денег. Сейчас посмотрим, кто из нас прав».

Робин отпустил лошадей и потянулся рукой к тяжелому кошельку, свисавшему с седла первого монаха. В испуге тот вонзил шпоры в бока своей лошади и умчался во весь опор. За ним последовал и другой монах. Но, ты знаешь, Робин бегаёт, как олень. Он их быстро догнал и заставил спешиться.

«Добрый побирушка, смилуйся над нами, — прошептал толстый монах. — Сжался. Уверю тебя, у нас нет ни денег, ни еды. Нечего нам тебе дать. Просто неблагоприятно требовать от нас помощи». — «Мы сами в ней нуждаемся, — поддакнул старший монах, перепуганный до смерти. — Мы не можем дать тебе то, чего у нас нет». — «Успокойтесь, отцы мои, — сказал Робин. — Я проверю, правду вы мне говорите или лжете. Мы сейчас все трое станем на колени и будем просить Пресвятую Богородицу послать нам немного денег. Она никогда не оставляла меня в беде, и я уверен, что и на этот раз Она услышит наши молитвы. Я молился Ей, когда вы показались в конце дороги; приняв вас за посланцев неба, я попросил вас дать мне немного еды или денег. Вы отказали мне, но я не отчаялся. Значит, это не вы посланцы Богородицы, подумал я. Но вы, должно быть, благочестивые христиане. Если мы вознесем мольбу о помощи к престолу Господа, Он наверняка услышит нас».

Монахи отказались стать на колени и молиться. Тогда Робин пригрозил, что обыщет их карманы. Они повиновались.

— Как, — прервал рассказчика Уилл Пунцовый, — они все трое стали на колени и молили небо послать им денег?

— Да, — подтвердил Джон — И молились они громко и внятно.

— Ну и забавное же было зрелище! — рассмеялся Уилл.

— Очень забавное. Робину с трудом удалось сохранить серьезность. «Пресвятая Дева, — молили монахи, — пошли нам денег, избавь нас от опасности». Сами понимаете, деньги с неба не посыпались. Голоса монахов звучали все жалобнее и безнадежнее. Робин не сдержался и расхохотался во все горло. Монахи почуяли подвох и хотели было подняться с колен, но Робин пригрозил им дубиной и спросил: «Вы получили деньги?» — «Нет, — ответили они, — нет». — «Продолжайте молиться».

Добрый час мучил Робин монахов молитвами. В отчаянии они ломали руки, плакали от бессильной ярости и унижения, но упорно продолжали утверждать, что они немущие.

«Пресвятая Дева никогда не покидала меня в беде, — утешал их Робин. — Пока я тоже еще ничего не получил от Ее щедрот, но надежды не теряю. Так что не отчаивайтесь, друзья мои, молитесь поусерднее».

Монахи так запричитали, что Робин «пожалел» их: «А теперь, дорогие братья, посмотрим, как вознаградило вас небо». — «Ни гроша!» — сказал толстый монах. «Ни гроша? — переспросил его Робин. — Как же так? Братья, уверены ли вы, что у меня нет денег, хотя я и вывернул карманы?» — «Нет, это для нас не доказательство», — ответил монах. «В таком случае есть только одно средство убедить вас в том, что я говорю правду». — «Какое же?» — полюбопытствовал толстый монах. «Очень простой способ, — ответил ему Робин. — Я должен позволить вам обыскать себя. Но я вижу, что содержимое моих лохмотьев мало интересует вас. Поэтому позвольте мне посмотреть, чем наполнены ваши кошель и карманы». — «Не позволим!» — хором вскричали монахи. «Это почему же? — удивился Робин. — Я хочу только доказать, что небо вняло моим молитвам и послало мне вспоможение, но вложило его в ваши кошель. Как же нам быть?» — «Нет у нас ничего, нет!» — «Почему же вы тогда не позволяете мне убедиться в этом? Если я найду у вас деньги, мы поделим их пополам: половину вам, половину мне. Ну, прошу вас, поройтесь в ваших кошелях, я сгораю от нетерпения узнать, хорошо ли отблагодарило нас небо за наши молитвы».

На этот раз монахи безропотно повиновались. Они добросовестно пошарили по карманам, но ничего там не нашли.

«Я вижу, братья мои, — произнес Робин, — что мне придется самому обыскать вас».

Монахи яростно воспротивились намерению Робина, но тот снова пригрозил им дубиной. Черноризцы поняли, что с ними не шутят, и позволили Робину обыскать себя.

Труды нашего атамана увенчались потрясающим успехом: через несколько минут перед ним искрилось пятьсот золотых экю.

Толстый монах заискивающе спросил у Робина: «Так вы поделитесь с нами этим золотом? Ведь мы же вместе вымолили его у Богородицы». — «Вы утверждаете, что эти деньги появились у вас только после нашей встречи? — в свою очередь спросил Робин у монахов и строго посмотрел на них. Монахи словно воды в рот набрали. — Вы лгали мне, вы отказывали в хлебе голодному, не подали милостыню нищему. Разве так истинные христиане поступают? Но я прощаю вас и частично сдержу данное вам обещание. Вот вам каждому по пятьдесят золотых экю. Идите и, если встретите по дороге нищего, вспомните, что Робин Гуд наказывал вам творить добро».

Не обращая внимания на изумленные лица черноризцев, Робин помахал им на прощание рукой и скрылся в чаще леса.

— Неужели Робин сумел так переодеться и изменить свое обличие, что монахи не узнали его? — спросил Уилл.

— Он, словно по волшебству, может обратиться в кого угодно. Да неужели ты забыл, как он недавно предстал перед нами в облике старой крестьянки? Можно без конца рассказывать о его проделках с переодеваниями. Мач, помнишь, какую восхитительную шутку он сыграл с ноттингемским шерифом?

— Да разве можно это забыть? Весь Ноттингем потешался над шерифом и славил Робина Гуда.

— А я ничего не слышал об этом приключении Робина, — сказал Уилл.

— Как? Ты ничего не слышал о том, как Робин торговал мясом на ноттингемском рынке?

— Ничего. Расскажи, Маленький Джон.

— С удовольствием. Это случилось четыре года назад. В Ноттингемшире пало от болезней много скота, и мясники взвинтили цены на мясо. Только очень зажиточные люди могли себе позволить покупать мясо на рынке. И Робин решил помочь беднякам. Однажды в базарный день он устроил засаду на лесной дороге, по которой торговец скотом обычно прогонял свои стада в Ноттингем. И вот они встретились. Гуртовщик ехал верхом на чистокровной кобыле и

гнал перед собой большое стадо быков. Робин купил у него все стадо, а заодно кобылу и одежду. А чтобы быть уверенным, что торговец не разболтает его тайну, Робин хорошо заплатил ему и приказал нам стеречь его. Атаман понимал, что ноттингемские мясники могут, сговорившись между собой, свести на нет его замысел. Поэтому он решил заручиться поддержкой влиятельного городского старшины, например шерифа.

А надо сказать, что тогдашний шериф был хозяином самой большой ноттингемской харчевни. Там часто собирались торговцы со всей округи. Робин это знал и, пригнав свое стадо на рыночную площадь, выбрал самого лучшего бычка и отвел его на подворье шерифа. Шериф был восхищен таким чудным подарком и оказал Робину радушный прием. Вначале он, правда, отказывался принять бычка, но Робин сказал ему: «Сэр шериф, я не знаком ни с обычаями вашего графства, ни с мясниками, рядом с которыми мне придется торговать на рынке. Кто знает, может быть, я придусь им не ко двору. Вот поэтому я и прошу у вас защиты и покровительства. А во мне можете не сомневаться, я в лепешку разобьюсь, только бы быть полезным такому достойному господину, как ваша милость».

Признательность шерифа весила столько же, сколько полученный им в дар упитанный бычок. И он заверил Робина, что прикажет повесить всякого, кто посмеет косо на него посмотреть. В общем, они расстались друзьями. К началу торговли Робин вернулся на рыночную площадь. Бедняки переходили от одного торговца мясом к другому, но цены не соответствовали содержанию их тощих кошельков. А Робин предлагал им за пенни столько мяса, сколько у других торговцев они могли кушать только за три пенни.

Весть о мяснике, торгующем себе в убыток, быстро облетела Ноттингем, и вся городская беднота хлынула на рынок. Теперь Робин продавал кусок мяса, стоивший у других мясников пять пенни, за один пенни. Вскоре уже весь рынок знал, что новый мясник продает свое мясо по ценам, доступным беднякам. Мясники и не подумали следовать примеру новичка и смотрели на него, как на безумного расточителя богатого наследства. Вскоре они укрепились в своем мнении и даже стали посылать к Робину покупателей с тощими кошельками.

В полдень мясники собрались в кружок и единодушно выразили желание поближе познакомиться со странным

новичком. Один из них подошел к Робину и обратился к нему с такими словами: «Друг, выслушай меня и не обижайся. Из-за тебя мы сегодня торгуем с убытком, но мы понимаем, что у тебя добрые намерения, и не осуждаем тебя. Ты хороший малый. Мои друзья поручили мне пригласить тебя на обед». — «С удовольствием принимаю ваше приглашение», — весело ответил Робин. «Мы обычно собираемся в харчевне шерифа, — продолжал мясник, — и если ты не против...» — «О чем речь! — перебил его Робин. — Для меня большая честь отобедать вместе с вами в доме человека, облеченного доверием горожан». — «В таком случае, мессир, мы очень приятно проведем остаток сегодняшнего дня».

— Ты так подробно все рассказываешь, что можно подумать, будто ты весь день находился рядом с Робинем, — сказал Мач.

— Так оно и было. В Ноттингеме Робин каждую минуту подвергался опасности быть узнанным. Он приказал мне держаться как можно дальше от него, но я пренебрег этим приказом и, стараясь не попадаться ему на глаза, не отходил от него ни на шаг. Но неожиданно для себя я сделал неловкое движение, и он увидел меня. Он схватил меня за руку и гневно упрекнул за непослушание. Я тихо объяснил, почему был вынужден нарушить приказ. Он успокоился и, дружески улыбувшись, сказал: «Смешайся с толпой, милый Джон, и подумай о собственной безопасности. Если с тобой случится несчастье, я буду безутешен». Я повиновался и смешался с толпой, а когда Робин, окруженный веселой компанией мясников, направился к харчевне шерифа, последовал за ними. В харчевню мы вошли все вместе. Я сел в амбразуре окна и заказал хороший обед. Робин был очень весел и оживлен. В конце обеда он угостил всю компанию лучшим вином, какое нашлось в подвалах харчевни. Все громко благодарили щедрого мясника, слуги обносили гостей вином, и мне немного досталось. В разгар веселья на пороге зала появился шериф. Робин пригласил его принять участие в пиршестве, тот согласился и сел за стол. Наш атаман показался ему душой компании, это заинтересовало его, и он стал расспрашивать о нем мясников. «Наш парень! — ответил ему один из мясников. — Хитрец, остроумный, добрый малый».

Шериф заметил меня. Я не был пьян, не принадлежал к той компании, мое спокойное, бесстрастное лицо внушило ему доверие. Он подошел ко мне и, показав на Робина

взглядом, сказал. «Этот парень, по-видимому, распродал свои земли, дом или даже замок и вот нашел забавный способ просадить свои денежки». — «Возможно, вы правы», — с безразличным видом ответил я. «Интересно, все ли состояние он расточил на такие глупости или у него кое-что еще осталось?» — не унимался шериф. «Может быть, что-то и осталось». — «Как вы думаете, не продаст ли он мне по дешевке свой стада?» — «Зачем гадать? Есть простой способ узнать все наверняка». — «Какой?» — простодушно спросил шериф. «Черт побери! Да расспросите его самого». — «Вы правы, сэр».

И шериф подсел к Робину, в пышных словах расхвалил его благотворительность, а потом сказал: «Дружище, осталось ли у вас еще хоть одно стадо бычков на продажу? Я могу найти вам хорошего покупателя. И позвольте мне заметить вам, мессир, что городской рынок не совсем подходящее место для человека вашего положения».

Робин сразу же понял скрытый смысл речей шерифа. Он расхохотался и ответил этому услужливому господину, что у него действительно есть около тысячи голов рогатого скота и он с удовольствием отдаст их за пятьсот золотых экю.

«Я предлагаю вам за них триста экю». — «Не пойдет, — возразил Робин. — На рынке бычок стоит два золотых экю». — «Если вы согласитесь продать мне все стадо оптом, я заплачу вам триста экю, — настаивал шериф. — Поверьте моему слову, лучше иметь триста золотых монет в кошельке, чем тысячу бычков на пастбище. Ну, соглашайтесь. Я вам хорошо даю». — «Мало», — ответил Робин, украдкой подмигнув мне. «Зачем человеку с таким великодушным сердцем, как у вас, милорд, спорить из-за нескольких экю? — пустил в ход лесть шериф. — Ну, по рукам? Где ваши стада? Я хочу их видеть». — «Все мои стада?» — переспросил, смеясь, Робин. «Разумеется, мой молодой друг. И если пастбище, где пасутся ваши великолепные бычки, находится недалеко от Ноттингема, мы не мешкая отправимся туда верхом, я осматрю их, и мы сразу же заключим сделку к обоюдному удовольствию». — «Мои земли расположены в миле от Ноттингема. Там пасутся мои стада, и, если у вас есть желание, вы можете их осмотреть». — «В миле от Ноттингема? — переспросил удивленный шериф. — Обширное поместье? Я прекрасно знаю окрестности, но никогда ничего не слышал ни о вашем поместье, ни о ваших пастбищах». — «Тише! — прошептал Робин, наклонившись к

шерифу.— Я хотел бы сохранить в тайне свое имя и свои титулы. Одно неосторожное слово о местонахождении пастбищ может нанести непоправимый ущерб моим интересам. Вы меня понимаете?» — «Разумеется, мой молодой друг,— ответил шериф и заговорщически подмигнул Робину.— Друзья могут надуть, семья предать. Я понимаю, я все понимаю». — «Вы на удивление проникательны и сообразительны, мессир. Я уверен, что мы с вами отлично поладим. Если вы не против, давайте воспользуемся тем, что эти господа потеряли к нам всякий интерес, и незаметно покинем их компанию. Вы готовы следовать за мной?» — «Сейчас побегу седлать лошадей». — «Отлично».

Шериф вышел из зала. По приказу Робина я собрал ребят и сказал им, что наши владения собирается почтить своим посещением сам ноттингемский шериф. Через несколько минут шериф вышел из конюшни и пригласил Робина зайти в дом, где он жил со своей семьей. Там он представил его своей прелестной молодой жене и, извинившись, вышел в другую комнату. Когда он вернулся с деньгами, то увидел гостя у ног молодой дамы. Это зрелище, разумеется, не понравилось ревнивому мужу, но стремление не упустить свою выгоду взяло верх над его благородными чувствами. Он закусил губу и сказал Робину: «Я готов следовать за вами, сэр». Робин послал даме на прощание воздушный поцелуй и, к негодованию мужа, назначил ей свидание.

Вскоре Робин и шериф выехали из города и галопом помчались в сторону Шервудского леса. Въехав в лес, они направились по пустынным тропинкам к перекрестку, где их уже ожидали наши ребята.

«Вот мои владения», — произнес Робин, показав шерифу на простирившуюся перед ними восхитительную Шервудскую долину. «Что за чушь вы мне говорите! — откликнулся шериф. Он подумал, что Робин разыгрывает его. — Это королевские владения!» — «Были королевскими, а теперь мои!» — «Ваши?» — «Разумеется! И вы сейчас в этом убедитесь». — «Здесь пустынно и мрачно, — сказал шериф. — Лес кишит разбойниками. Не хватало нам еще встретиться с ужасным Робинсом Гудом! Он обчистит нас до нитки». — «Посмотрим! — смеясь, ответил Робин. — Сейчас он вам представится».

Шериф побледнел и испуганно огляделся вокруг.

«Как жаль, что ваши владения расположены в этом жутком месте! Если бы вы предупредили меня об этом, я

ни за что не поехал бы с вами. Пропади пропадом ваши стада!» — «Так, значит, вам не нравятся мои владения, мессир?» — «О каких владениях вы говорите?» — с беспокойством спросил шериф. «Мне кажется, я ясно выражаюсь, — ответил Робин. — Я показываю вам на эти лощины, поляны и говорю: это мои владения. Разве вы не говорите о своей жене: это моя жена?» — «Да, да, — пробормотал шериф. — Назовитесь, прошу вас. Я хочу наконец знать имя хозяина этого богатого поместья». — «Ваше законное желание будет сейчас исполнено, — весело ответил Робин. В этот момент из лесной чащи на тропинку вышло большое стадо оленей. — Ах, мессир, посмотрите направо. Вот одно из моих стад. Здесь не меньше сотни голов. Какие чудные упитанные животные!»

Шерифа бросило в дрожь.

«Глаза бы мои на них не глядели», — проговорил он, тревожно вглядываясь в мрачную глубину леса. «Это почему же? — спросил Робин. — Шервудский лес прекрасен. Но чего вы боитесь? Я же с вами». — «Вот это меня и беспокоит, сэр незнакомец. Ваше общество мне неприятно». — «К счастью для меня, большинство людей не разделяют ваше мнение, сэр шериф, — сказал Робин. — Но если, к моему огорчению, мое общество вам действительно неприятно, то нам следует расстаться».

И, насмешливо поклонившись шерифу, Робин протрубил в свой охотничий рог. Я забыл сказать вам, друзья, что наш отряд следовал за атаманом, не упуская его из виду. Заслышав пение рога, мы выскочили из лесной чащи и окружили Робина и его спутника. Шериф так испугался, что чуть не выпал из седла.

«Мы вас слушаем, благородный господин, — обратился я к Робину. — Извольте отдать приказ, мы немедленно бросимся выполнять его».

— Ты всегда так разговариваешь с Робинем, Маленький Джон? — удивленно спросил Уилл Пунцовый.

— Да, Уилл. Это мой долг, и я с удовольствием исполняю его, — добродушно ответил молодой богатырь. — «Я пригласил всемогущего шерифа ноттингемского посетить наши владения, — сказал Робин. — Его светлость желает осмотреть наших оленей, а потом он отужинает со мной. Маленький Джон, будь любезен, проследи, чтобы с гостем обращались как со знатной особой». — «Ему будут поданы самые лучшие, самые изысканные блюда, — ответил я. — Господин щедро за все заплатит». — «Заплатит?! — вскричал шериф. — Что

все это значит?» — «В свое время вы все узнаете, мессир,— успокоил его Робин.— А сейчас позвольте мне ответить на вопрос, который вы задали, когда мы въезжали в лес». — «Какой вопрос?» — тихо спросил шериф. «Вас очень интересовало мое имя». — «Увы!» — простонал шериф. «Меня зовут Робин Гуд, мессир». — «Я это давно понял», — сказал шериф, показывая взглядом на наше веселое войско.

«Вас заинтересовало, за что вам придется щедро расплачиваться? Охотно объясню. Мы бесплатно кормим бедняков, но заставляем платить за угощение гостей с туго набитой кошелем». — «Ваши условия?» — жалобно спросил шериф. «Никаких условий, наше угощение не имеет твердой стоимости. Мы не считая забираем все деньги наших гостей. Вам, например, придется выложить все триста золотых экю, которые отягощают ваши карманы». — «Господи! Господи!» — прошептал шериф. «Выкладывайте триста экю». — «Триста экю!» — «Да. И после этого можете есть и пить за моим столом все, что вам понравится, в неограниченном количестве».

Изысканный ужин был накрыт прямо на траве. Шериф не был голоден и почти не притронулся к яствам, но пил он как бездонная бочка. С горя, должно быть.

Он безропотно отдал нам триста золотых экю и, как только последняя монета перекочевала в мой кошелек, поспешил покинуть нашу компанию. Робин помог ему сесть в седло, пожелал доброго пути и попросил передать привет очаровательной супруге. Шериф ничего не ответил ему и, пустив лошадь вскачь, быстро скрылся из виду. Вот и вся история о том, как Робин торговал мясом на ноттингемском рынке.

— Интересно, получится ли у меня что-нибудь с переодеванием? — задумчиво произнес Уилл Пунцовый.— А ты, Маленький Джон, не пробовал ли хоть раз изменить свое обличье?

— Пробовал.

— Ну и что же у тебя получилось?

— Отлично получилось,— ответил Джон.

— Расскажи,— попросил Мач.

— Слушайте. Однажды утром Робин собрался в гости к Хэлберту Линдсею и его прелестной женочке. После истории с продажей ноттингемскому шерифу воображаемых бычков мы опасались мести со стороны властей. Поэтому я умолял его не появляться в городе в открытую, не подвергать свою жизнь смертельной опасности. Робин высмеял

мои страхи и сказал, что переоденется норманном. Кто его узнает в этом наряде? В великолепной рыцарской одежде он навестил Хэлберта, а оттуда пошел в харчевню шерифа. Там он растратил кучу денег, поухаживал за хозяйкой, вконец очаровал своим любезным обхождением шерифа, а перед тем, как покинуть харчевню, отвел хозяина в сторону и со смехом сказал ему: «Благодарю вас, дорогой хозяин, за радушный прием, который вы оказали Робину Гуду». Пока остолбеневший от неожиданности шериф хлопал глазами, Робина и след простыл.

— Отлично! — сказал Уильям. — Но ведь ты опять нам рассказываешь о Робине, а я просил тебя поведать о твоём собственном приключении с переодеванием.

— Я переоделся однажды в нищего, — начал Маленький Джон.

— Зачем?

— По приказу Робина. Ему захотелось проверить, смогу ли я так же неподражаемо, как он, изменять свой облик. Выбор он предоставил мне самому. Как раз в это время умер один богатый норманн, его обширное имение прилегало к Ноттингему. Я и решил, переодевшись в нищего, смешаться с толпой бедняков, которые шли в похоронной процессии. На голове у меня была старая шляпа, украшенная раковинами, в руках длинная палка, на плече висели сума для объедков и кошель для денег. Жалкие лохмотья довершали мой наряд. Я был так похож на настоящего нищего, что даже у наших веселых ребят руки сами потянулись к кошелям, чтобы подать мне милостыню.

Приблизительно в миле от нашего лагеря я встретил толпу побирушек, они направлялись к замку покойного. Один из них делал вид, что он слепой, другой старательно хромал, все они были одеты в жуткие лохмотья. Вот это самые настоящие нищие, подумал я, внимательно оглядев их. Присоединюсь к ним и хорошенько расспрошу их обо всем.

«Здорово, ребята! — радостно приветствовал я их. — Очень рад, что повстречал вас, вместе идти веселее. Куда это вы направляетесь?» — «Туда, куда приведет нас эта дорога», — сухо ответил мне один из голодранцев.

Его товарищи осмотрели меня с ног до головы и выразили на своих лицах крайнее удивление.

«Что это за Вавилонская башня к нам привязалась?» — пробормотал один из них, отступая от меня. «Если вы принимаете меня за Вавилонскую башню, то постарайтесь

не раздражать меня», — в моем голосе прозвучала угроза. «Ладно, ладно, успокойтесь», — проворчал старший из них. «Успокоюсь, — миролюбиво сказал я. — А будет ли что поглотить там, в конце дороги? Почему так печально звенят колокола Линтонского аббатства?» — «Умер один богатый норманн». — «И вы идете на его похороны?» — «Мы идем получить свою долю от щедрот, которые выделяют на поминках нищим. Если хочешь, присоединяйся к нам». — «Это я и сам знаю и поэтому не собираюсь благодарить вас за разрешение присоединиться к вашей вшивой братии», — насмешливо ответил я. «Ты, палка от поганой метлы! — вскричал самый крепкий на вид нищий. — Надоел ты нам, дурак, хуже горькой редьки! Убирайся, а на прощание получи от меня вот этот подарок». И дылда вытянул меня по голове своей палкой.

— Я расвирепел, — продолжал свой рассказ Маленький Джон, — набросился на негодяя и хорошо отколотил его. Через несколько минут он был уже не в состоянии защищаться и попросил пощады. «А теперь я примусь за вас, подлые бездомные псы!» — закричал я и погрозил остальным побирушкам своей дубиной. Забавно было видеть, друзья, как слепые раскрыли глаза и со страхом смотрели на меня, а хромые со всех ног побежали в лес. Я утихомирил горланов, кричавших, как тысяча ворон. Как? Опустил несколько раз свою дубину на их широкие плечи. У одного из них прорвалась сума, и из нее посыпались золотые монеты. Хозяин этого сокровища бросился подбирать свои экю, он думал, что я ничего не заметил. Но не тут-то было. «Вы что это прячете от меня? Воры и негодяи — вот кто вы, а не честные нищие! Если сейчас же не отдадите мне до последнего гроша казну, которую вы наворовали у бедняков, я вас в порошок сотру!»

Моя рука устала колотить их, и они хором попросили пощады. Поэтому я смиловивился над ними. Когда мы расстались, мои карманы были полны золотых монет, а негодяи еле стояли на ногах от побоев. Я не испытывал ни малейших угрызений совести — ведь, ограбив воров, я совершил акт возмездия — и, посвистывая, вернулся в наш лагерь. Робин, окруженный дружинниками, упражнялся в стрельбе из лука.

«Как, Маленький Джон, ты уже вернулся? — закричал он, увидев меня. — Неужели у тебя не хватило храбрости довести до конца свою роль нищего голодранца?» — «Все в порядке, Робин. Я не только хорошо сыграл свою роль,

но и получил добрый гонорар. Шестьсот золотых эю». — «Шестьсот золотых эю? — переспросил Робин. — Уж не кардинал ли повстречался на твоём пути?» — «Нет, Робин; это я собрал у почтенных членов общества нищих». — «Объяснись, Джон, — серьезно сказал атаман. — Я ничего не понимаю. Неужели ты осмелился ограбить бедных людей?»

Я подробно рассказал все, что со мной произошло, и прибавил в конце, что люди, нашпигованные золотыми монетами, никак не могут называться нищими. Это профессиональные воры. Робин согласился со мной, и его лицо снова приняло веселое выражение.

— Добрый был день, — смеясь, заметил Мач. — Шестьсот золотых эю за один улов.

— А вечер был еще добрее, — сказал Джон. — Половину своей добычи я раздал шервудским беднякам.

— Какой же ты славный, Джон! — произнес Уилл, пожимая руку брату.

— «Великодушный Робин!» — вот как надо говорить, Уильям. Я только выполнял приказ нашего атамана.

— Ну вот мы и дошли до Барнсдейла, — произнес Мач. — Твои чудесные рассказы, Джон, помогли нам скоротать дорогу.

— Вот я скажу сестре, что ты, развесив уши, слушал Джона и не думал о ней, — смеясь, сказал Уилл.

— Неправда! — возразил ему Мач. — Я ни на минуту не забывал о моей милой Барбаре.

ГЛАВА VII

Уже семь дней гостили Уильям, Мач и Маленький Джон в замке Барнсдейл. Счастливые обитатели замка готовились праздновать свадьбы — Уинифред с Маленьким Джоном и Барбары с Мачем. Под руководством Уилла Пунцового парк и сады были превращены в танцевальные залы. Он везде поспевал, этот милый Уилл Пунцовый, он пекся о благополучии всех и о счастье каждого в отдельности и наполнял дом своей веселой деятельностью. Он работал не покладая рук, а между делом болтал, смеялся, перекидывался шутками с Робинем, поддразнивал Мача. Вдруг ему в голову пришла какая-то мысль, и он расхохотался во все горло.

— Что с тобой, Уильям? — спросил Робин.

— Дружище, — ответил Уилл, — поделюсь сейчас с тобой одной идеей...

— Должно быть, эта идея очень забавная, раз ты хочешь во все горло.

— Угадал. Очень забавная идея. Ты же знаешь моих шестерых братьев? Все они как на подбор: белокурые, нежные, спокойные, смелые и честные.

— Ну и что же ты хочешь с ними сделать, Уильям?

— А вот что: эти славные ребята до сих пор ходят колостыми.

— И что? — улыбаясь, спросил Робин.

— А то, — продолжал Уильям, — что мне в голову пришла одна мысль.

— Какая мысль?

— Всем известно, какое большое влияние я имею на братьев. Сегодня же им всем внушу мысль, что они должны жениться.

Робин расхохотался.

— Соберу их в укромном уголке, — продолжал Уилл, — и скажу им, что пора уже брать пример с Мача и Маленького Джона. Вот и переженем их всех в один день.

— Сомнительно, чтобы тебе удалось это выполнить, милый мой Уилл, — возразил Робин. — Вряд ли спокойные, флегматичные ребята воспламятся от твоих слов. И к тому же у них нет невест.

— Тем лучше. Мы им предложим поухаживать за подругами моих сестер. Это будет презабавное зрелище. Представь себе степенного медведя Грегори ухаживающим за девушкой. Пойдем со мной, Робин, нечего терять зря время. За оставшиеся три дня им нужно найти себе невест. Я их сейчас всех соберу и обращусь к ним с отеческим наставлением.

— Женильба — слишком серьезное дело, Уилл, а тебе все шуточки. Предположим, покоренные твоим красноречием, они согласятся жениться на девушках, которых они мало знают. Очень скоро они поймут свою ошибку и всю жизнь будут несчастны. Возьмешь ли ты на себя ответственность за их искалеченные жизни?

— Успокойся, Робин. Я найду им хороших спутниц жизни, которые будут достойны их любви не только в настоящем, но и в будущем. Я знаю одну прелестную особу, страстно влюбленную в моего брата Хэрберта.

— Этого недостаточно, Уилл. А достойна ли эта молодая особа называть своими сестрами Барбару и Уинифред?

— Вне всякого сомнения достойна. И кроме того, из нее выйдет отличная хозяйка и мать семейства.

— А Хэрберт знаком с этой барышней?

— Разумеется. Но этому простодушному бедняге невдомек, что он может понравиться девушке. Множество раз давал я ему понять, что в доме мисс Энн Мэйдоу он всегда желанный гость. Бесплезное занятие. В свои двадцать восемь лет Хэрберт — сущий младенец. Ну, с этим все ясно, перейдем к другим. Мне известна прелестная барышня, которая по всем статьям подошла бы нашему Эгберту. А не далее как вчера Мод говорила мне, что девушка из соседнего замка находит Гарольда очень красивым парнем. Как видишь, Робин, часть дела уже сделана.

— К несчастью, Уилл, этого недостаточно. Ведь тебе же нужно женить шестерых братьев.

— Не беспокойся. Я сам займусь поисками невест для остальных мальчиков.

— Отлично. Но ведь свадьба совершается по обоюдному согласию. А что, если наши женихи не понравятся барышням?

— Как это не понравятся? Мои братья — молодые, крепкие, красивые ребята. На меня похожи, — самодовольно прибавил Уилл. — Пусть они не так красивы и любезны, как ты, Робин, но все равно в их внешности нет ничего, что могло бы не понравиться благоразумной молодой девушке, желающей выйти замуж. А вот и Хэрберт, — произнес Уилл и показал на парня, переходившего дорожку сада. — Сейчас я его позову. Эй, Хэрберт, подойди ко мне, мой мальчик.

— В чем дело, Уилл? — спросил парень, подходя к брату.

— Мне нужно поговорить с тобой, дружок.

— Слушаю тебя, Уилл.

— То же самое мне нужно сказать и нашим братьям. Пойди поищи их.

— Бегу.

Оставшись в одиночестве, Уилл о чем-то сосредоточенно думал. Братья не заставили себя ждать, со смехом и веселым гамом окружили они Уилла Пунцового.

— Так что же ты нам хотел поведать, Уильям? — спросил старший из них.

— Позвольте мне сначала задать вам один вопрос.

Братья утвердительно закивали.

— Вы нежно любите нашего батюшку? Ведь правда?

— А кто смеет сомневаться в этом? — спросил Грегори.

— Никто. Следовательно, вы считаете, что наш горячо любимый батюшка всегда поступал так, как и подобает честному человеку и настоящему саксу?

— Разумеется! — воскликнул Эгберт. — Но, ради Бога, Уилл, скажи, что все это значит? Неужели какой-то негодяй осмелился оклеветать нашего батюшку? Назови его. Он не уйдет от мести Гэмвеллов. Мы сумеем постоять за честь нашего рода.

— Честь рода Гэмвеллов незапятнана, братья мои. А если кто-нибудь позволил бы себе запятнать ее, ему пришлось бы смывать это пятно собственной кровью. Я хочу поговорить с вами об одном менее серьезном, но очень важном для вас деле. Слушайте и не перебивайте меня, а то я до завтрашнего утра не закончу свою речь. Выражайте согласие или несогласие кивком или покачиванием головы. Внимание, начинаю. Итак, наш батюшка всегда вел себя как подобает честному человеку. И мы все должны следовать его примеру.

— Да, — согласно кивнули все шесть белокурых голов.

— Наша матушка тоже служит нам примером для подражания, — продолжал Уилл. — Она всю жизнь честно выполняла свои обязанности и была добродетельной женщиной.

— Да, да.

— Наши дорогие батюшка и матушка живут в согласии и нежно любят друг друга. Если бы наш батюшка в свое время не женился на нашей матушке, нас бы всех на свете не было. Мы существуем только благодаря им. Я ясно выражаюсь?

— Да, да.

— Итак, братья мои, мы должны быть им признательны за то, что они поженились и родили нас.

— Да, да.

— Почему же вы остаетесь равнодушны к их счастью? Почему же вы так неблагодарны по отношению к Святому Провидению? Почему же вы не желаете засвидетельствовать нашим дорогим родителям ваше почтение и вашу благодарность?

Слушатели Уилла удивленно раскрыли глаза и рты. Они ничего не поняли из его речи.

— Что ты хочешь этим сказать? — подал голос Грегори.

— А то, братья мои, что по примеру нашего батюшки вы должны жениться и этим засвидетельствовать ему свое уважение.

— О Господи! — разочарованно вырвалось у братьев.

— **Женитьба** — это счастье,— продолжал поучать их Уилл.— Маленькое дорогое существо прильнет к вам подобно нежному растению, и вы пойдете по жизни вместе. Оно будет любить вас, заботиться о вас, станет светом ваших очей. Оглянитесь вокруг себя, бездельники, и вы увидите сладкие плоды супружества. Прежде всего — Мод и я. Разве можно не позавидовать нам и не умилиться, глядя, как мы играем с нашим сыночком? Потом Робин и Марианна. А Маленький Джон? Неужели его пример не достоин подражания? Ах, если бы вы знали, сколько счастья дарует небо молодым супругам! Сходите в гости к Хэлберту Линдсею и прелестной Грас Мэй. А если вам и этого будет мало, навестите Аллана Клэра и леди Кристабель в их мансфельдском поместье. Вы ужасные эгоисты, вот кто вы. В вашей власти сделать женщину счастливой, но вы никогда не давали себе труда подумать об этом. Не качайте головами, вы никого не убедите в том, что правильно живете. Я краснею за вас, мне стыдно слышать от людей, что у сыновей старого баронета злые сердца. Вот я и решил положить этому конец и переженить вас всех.

— Еще чего! — возмущенно вскричал Руперт.— Не нужно мне никакой жены. Женитьба, может быть, и хорошее дело, но сейчас этот вопрос меня не волнует.

— Как? Ты не хочешь жениться? — спросил Уилл.— Ничего, женишься. Знаю я одну барышню, которая заставит тебя изменить мнение.— Руперт отрицательно покачал головой.— Да неужели ты не любишь ни одной женщины?

— Люблю,— ответил парень.

— Bravo! — воскликнул Уилл. Это неожиданное признание удивило и озадачило его: всем было известно, что Руперт избегает общества молодых женщин.— Кто же она? Говори, не стесняйся.

— Наша матушка,— простодушно ответил парень.

— «Наша матушка»,— насмешливо повторил Уилл.— Тоже мне новость! Всем давно известно, что ты любишь, уважаешь и боготворишь нашу матушку. Но как же ты не поймешь, что я тебе говорю не о сыновней любви, которую мы все питаем к нашим дорогим родителям, а о сердечном влечении к женщине. Любовь — это чувство, которое... нежность, которая... ну, в общем, это то, от чего сладко замирает сердце. Можно обожать матушку и одновременно боготворить очаровательную барышню.

— Я тоже не желаю жениться,— вмешался в разговор Грегори.

— Да неужели, малыш? Сейчас я тебе докажу, что ты ошибаешься. Подумай и скажи, по какой причине ты отказываешься жениться.

— Не знаю,— растерянно прошептал Грегори.

— Неужели ты хочешь жить только для самого себя? — Грегори хранил молчание.— Неужели у тебя хватит наглости утверждать,— продолжал Уилл с хорошо разыгранным негодованием,— что ты женоненавистник, что тебе противно общество женщин?

— Я этого не говорил, у меня и мыслей таких никогда не было, но...

— Хватит. Больше никаких «но». Хотите вы того или не хотите, но я вас всех переженю в тот же самый день, когда выйдут замуж Уинифред и Барбара.

— Как! — вскричал Эгберт.— Через три дня? Да ты с ума спятил, Уилл! Неужели ты думаешь, что мы за это время найдем себе невест?

— Положитесь на меня, ребята. Вы пойдете к алтарю с такими невестами, какие вам и не снились.

— А я положительно отказываюсь расстаться со своей свободой,— упрямылся Грегори.

— Никогда не думал, что сын моей матери может быть таким эгоистом,— проанес Уильям.

Грегори покраснел до корней волос.

— Ладно, Грегори,— сказал Руверт,— пусть Уилл действует так, как считает нужным. Он же для нашего блага старается. Если девушка, на которой он меня женит, окажется хорошей женой и хозяйкой дома, я буду ему по гроб жизни благодарен. Ты же прекрасно знаешь, брат, что сопротивление бесполезно. Уильям все свои фантазии доводит до конца.

— Уж если Уилл задумал нас женить,— прибавил Стивен,— то пусть он закончит с этим делом как можно скорее.

— Я согласен со Стивеном,— проговорил Гарольд.

— Сдается,— уныло сказала Грегори.— Уилл — сущий дьявол. Рано или поздно я все равно попался бы в его сети.

— Ты меня еще благодарить будешь за то, что я тебя образумил. А мне наградой будет твое семейное счастье.

— Я женюсь, чтобы сделать тебе приятное, Уилл,— продолжал Грегори,— но надеюсь, что ты дашь мне в жены хорошенькую малышку.

— Я представляю вас прелестным молоденьким барышням, и, если они вам не понравятся, можете трубить на

всех перекрестках, что Уилл Пунцовый не может отличить уродину от красавицы.

— Мы полностью полагаемся на твой вкус,— сказал Хэрберт.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Уилл.— А Робин сомневался, что я смогу уговорить ребят жениться. Вот и сладилось дело. Их отвращение к женитьбе было не более как забавной игрой. Так как же зовут твою любимую девушку, Хэрберт?

— Энн Мэйдоу. Мы с ней договорились обвенчаться в тот же день, когда выйдут замуж Уинифред и Барбара.

— Ну и хитрец же ты! — ласково сказал Уилл брату, дав ему легкий подзатыльник.— Я тебя позавчера спрашивал, есть ли у тебя невеста, а ты в ответ промолчал.

— Моя дорогая Энн только сегодня утром дала согласие выйти за меня замуж.

— Отлично. Но ведь я давал понять, что она любит тебя, а ты мне ничего не ответил.

— Мне нечего было тогда тебе ответить. Ты мне сказал: «Мисс Энн — прелестная девушка с чудесным характером. Она будет тебе отличной женой». Это я и без тебя знал. Твои слова были отзвуком моих мыслей. Ты потом прибавил: «Мисс Энн крепко любит тебя». Я был уверен в этом задолго до того, как мы признались друг другу в любви.

— Прекрасный ответ, Хэрберт-скромник. Ты единственный из братьев достоин моего уважения. По их лицам я вижу, что им нечего мне сказать.

— Я тоже принял решение жениться,— сказал Гарольд.— Это Мод внушила мне такое желание.

— Может быть, она тебе и невесту подыскала? — смеясь, спросил Уилл.

— Да, брат. Мод сказала мне, что прелестная женошка сделает меня счастливым, и я поверил ей.

— Ура! — в восторге закричал Уилл.— Мои дорогие братьцы, согласны ли вы вступить в законный брак по доброй воле и с чистым сердцем в тот самый день, когда выйдут замуж Уинифред и Барбара?

— Согласны! — весело закричали Хэрберт и Гарольд.

— Согласны,— прошептали те, у кого не было невест.

— Да здравствует свадьба! — закричал Уилл и подбросил в воздух свою шапку.

— Ура! — поддержали его все шестеро братьев.

— Уилл,— произнес Эгберт,— пора тебе подумать о невестах для нас. Барышни должны хорошо узнать нас прежде, чем дадут согласие выйти замуж за нас.

— Ты прав. Пойдем со мной, у меня есть на примете для тебя очаровательная барышня. А потом я познакомлю Грегори, Руперта и Стивена с девушками, которых я предназначил им в жены.

— Милый Уилл,— сказал Руперт,— я женюсь только на тоненькой блондинке. Терпеть не могу толстух.

— Мне прекрасно известны твои романтические вкусы. Успокойся. Барышня, с которой я тебя познакомлю, тоненькая, как тростинка, и хорошенькая, как ангел. Пошли, ребята. Если вы не знаете, что нужно делать, чтобы понравиться барышням, я вам дам отличные советы. Ну а если дело не пойдет на лад из-за вашей скромности, я сам поухаживаю за ними и сделаю им предложение от вашего имени.

— Как жаль, что ты не можешь жениться на них от нашего имени, дружище Уилл. Все было бы гораздо проще.

Уильям погрозил шутнику кулаком, взял под руку Грегори и вышел из Барнсдейла в сопровождении толпы женихов.

Скоро братья подошли к околице большой деревни. Там Хэрберт отделился от братьев и направился к дому своей невесты, через несколько минут исчез Гарольд, а Уилл с оставшимися четверьмя братьями пошел к жилищу девушки, которую он предназначил в невесты Эгберту.

Мисс Люси сама открыла дверь и пригласила гостей войти в дом. Это была очаровательная молоденькая девушка с розовым личиком и черными лукавыми глазками. Ее подруги часто говорили ей, что у нее добрая улыбка, и поэтому мисс Люси всегда улыбалась.

Уильям представил ей Эгберта и так красноречиво расхвалил его достоинства, что прелестная девица и ее матушка любезно приняли жениха, и Уилл Пунцовый ушел, окрыленный успехом своего предприятия.

Когда Уилл и оставшиеся три жениха вышли из дома мисс Люси, Стивен сказал старшему брату:

— Как я завидую твоему умению остроумно и непридуманно вести беседу! Вот бы и мне этому научиться!

— Проще простого, дружище. Слова сами по себе мало что значат, и нет необходимости употреблять в беседе цветистые выражения. Достаточно от чистого сердца говорить правду.

— А барышня, с которой ты хочешь познакомить меня, хороша собой?

— Расскажи мне, какие девушки в твоём вкусе.

— Ах! — ответил Стивен.— Если бы я встретил девушку, похожую на Мод, я бы не раздумывая женился на ней.

— Так вот значит что! Если бы ты встретил девушку, похожую на Мод, ты не раздумывая женился бы на ней? — с удовлетворением переспросил Уилл.— Ты слишком много хочешь, мой милый! Умерь свои желания. Клянусь святым Павлом! Женщины, подобные Мод, очень редки, и я не ошибусь, если скажу, что во всем свете не сыскать другой такой женщины.

— Ты так думаешь, Уилл?

— Я уверен в этом! — безапелляционно ответил счастливый супруг Мод.

— Вот как! А я и не знал. Прости мне мое невежество, милый Уилл. Ты знаешь мир лучше меня,— простодушно сказал парень.— Но если бы ты нашел мне невесту, чья красота хоть немного походила бы на красоту Мод...

— Я же тебе сказал, что во всем свете нет женщины, которая могла бы сравниться с Мод! — ответил Уилл, слегка раздраженный настойчивостью брата.

— Ну раз так, найди мне невесту по своему вкусу, Уилл,— сдался Стивен.

— Не унывай, братишка. Ты полюбишь Минни Мидорос и счастливо проживешь с ней до конца своих дней.

— Ее зовут Минни Мидорос? Я ее знаю,— улыбаясь, произнес Стивен.— Молоденькая черноглазая барышня с выющимися волосами. Она дразнила меня балбесом и соней. Но я никогда не обижался на нее, она мне нравилась. А однажды она у меня спросила смеясь, правда ли, что я ни разу в жизни не поцеловал девушку.

— Ну и что же ты ей ответил?

— Я ответил, что никого не целовал, кроме своих сестер. Она расхохоталась и спросила: «Неужели вы действительно не целовали ни одной женщины, кроме Барбары и Уинифред?» Я ответил ей, что, кроме сестер, целовал только матушку.

— Ну и балбес же ты! А что ответила тебе Минни?

— Она долго смеялась, а когда успокоилась, спросила: «И вам никогда не хотелось обнять и поцеловать барышню, которая вам нравится?» Я ответил: «Нет».

— Дурачок. Неужели ты так и не понял, что она желала, чтобы ты ее поцеловал? Это был бы самый лучший ответ на ее вопросы.

— Я до этого не додумался.

— Как же вы с ней расстались после такой интересной и содержательной беседы?

— Минни обозвала меня олухом и, смеясь, убежала.

— Я полностью согласен с характеристикой, которую тебе дала твоя будущая супруга. Она тебе нравится?

— Да. А что я ей скажу, когда мы с ней останемся наедине?

— Ты будешь говорить ей любезности.

— Понимаю. Но скажи мне, Уилл, с чего следует начинать любезную фразу? Очень трудно найти первое слово.

— Когда ты останешься наедине с Минни, попроси ее научить тебя целоваться с девушкой и сразу же поцелуй ее. Если тебе это удастся, то дальше все пойдет как по маслу.

— Никогда не отважусь на такую дерзость,— сокрушенно произнес Стивен.

— Не отважишься? — насмешливо переспросил его Уилл.— Клянусь душой! Стивен, поверь мне, если бы я не видел тебя в деле и не знал, какой ты отважный парень, я бы принял тебя за высокую девчонку, переодевшуюся в мужское платье.

Стивен покраснел.

— Но,— сказал он после непродолжительного колебания,— не обидится ли барышня на меня за такую бесцеремонность?

— Если мисс Минни рассердится на тебя, подари ей еще один поцелуй и скажи: «Прелестная барышня, очаровательная Минни, я буду целовать вас до тех пор, пока вы не даруете мне прощение». Помни: ни одна уважающая себя барышня никогда всерьез не оттолкнет от себя парня, который ей нравится. Но если парень ей противен, она будет защищаться так, что навсегда отобьет у него охоту приставать к ней со своими нежностями. Ну а тебе нечего опасаться, что Минни откажется выйти за тебя замуж. Мне доподлинно известно, что она любит тебя.

Стивен приободрился и пообещал Уильяму вести себя с Минни как подобает влюбленному жениху.

Минни оказалась дома.

— Добрый день, прелестная Минни,— произнес Уилл, целуя протянутую ему ручку. Минни покраснела как маков цвет и грациозно приветствовала гостей.— Я привел к вам своего брата Стивена. Он желает сказать вам нечто очень важное для вас обоих.

— Стивен? — вскричала девушка.— Да разве он может сказать что-нибудь важное?

— Я хочу попросить вас,— начал Стивен,— чтобы вы научили меня...

— Тише! Тише! — прервал его старший брат.— Не торопись. Милая Минни, Стивен объяснит вам, по какому важному делу он пришел к вам, а я приглашаю вас на свадьбу моих сестер.

— Все мои подруги только и говорят о пышных приговлениях в замке к этим свадьбам...

— Так мы вас ждем, милая Минни.

— С удовольствием приду, вы же знаете, как я люблю танцевать на балах.

— И своего возлюбленного обязательно прихватите. У вас ведь есть возлюбленный, Минни?

— Что ты говоришь, Уилл? — прервал его Стивен.— Неужели ты забыл наш уговор?

— Ничего я не забыл,— возразил Уилл.— Будь добр, помолчи несколько секунд. Непременно приходите на наш бал со своим ухажером. Мы будем вам рады, прелестная Минни.

— Нет у меня никакого ухажера,— проговорила девушка.

— Позвольте мне быть вашим ухажером, дорогая Минни,— вскричал Стивен, беря в свои руки дрожащую ручку девушки.

— Молодец, Стивен,— похвалил его старший брат.

— Да,— продолжал парень, ободренный этой похвалой.— Да, Минни, позвольте мне поухаживать за вами. В день свадьбы моих сестер я провожу вас в церковь, и мы тоже обвенчаемся.

Брачное предложение, высказанное в такой оригинальной форме, повергло девушку в изумление, она долго не могла вымолвить ни слова.

— Выслушайте меня, милая Минни,— сказал Уилл.— Мой брат давно уже влюблен в вас по уши, и только его природная робость мешала ему выразить вам свои нежные чувства. Клянусь честью, Стивен будет вам хорошим, любящим мужем. Он красивый парень, добрый и преданный друг. Если вы и ваши родители согласны принять наше брачное предложение, мы справим вашу свадьбу одновременно со свадьбой моих сестер.

— По правде говоря, Уилл,— проговорила Минни, смущенно опустив глазки,— я не знаю, что вам ответить. Ваше предложение так неожиданно...

— Отвечайте так: я согласна выйти замуж за Стивена,— подсказал ей парень, ободренный нежными взглядами хорошенькой девушки.— Если бы вы знали, Минни, как

крепко я вас люблю! Подарите мне ваше сердечко, и я стану счастливым.

— Я не смогу сегодня дать вам ответ на ваше предложение,— сказала девушка, изящно поклонившись Стивену и его братьям.

— Я вижу, что мое присутствие стесняет вас, друзья, и поэтому оставляю вас наедине. Если Минни хоть чуточку любит Барбару и Уинифред, она не откажется назвать их своими сестрами.

— Я всей душой люблю милых Барбару и Уинифред,— нежным голосом ответила Минни.

— В таком случае я надеюсь, что вы будете ко мне благосклонны хотя бы из любви к моим сестрам,— умильно проговорил Стивен.

— Посмотрим,— кокетливо ответила ему девушка.

— До скорого свидания, милая Минни,— улыбаясь, сказал Уильям.— Умоляю вас, будьте доброй и снисходительной к моему брату. Он так нежно любит вас, но, к несчастью, робость сковала его красноречие.

— Вы слишком строги к своему брату, Уилл,— нахмурилась Минни.— По-моему, Стивен прекрасно выражает свои чувства.

— Прекрасно,— рассмеялся Уилл.— Я вижу, что не ошибся в вас, любезная Минни. Вы достойная особа. Позвольте мне поцеловать ваши ручки и сказать: «До скорого свидания, сестренка».

— Могу ли я ответить Уильяму: «До свидания, братец»? — спросила девушка у Стивена, повернувшись к нему с ласковой улыбкой.

— Разумеется, можете, душечка,— весело откликнулся Стивен.— Скажите ему: «До скорого свидания, братец», чтобы он скорее ушел.

— Да ты делаешь успехи, парень. Мои уроки пошли тебе на пользу, поздравляю,— от души расхохотался Уилл и, поцеловав Минни, удалился в сопровождении Грегори и Руперта.

— А теперь ты займешься нами. Правда, Уилл? — спросил Грегори.— Я стою от нетерпения познакомиться со своей невестой.

— И я тоже,— поддержал брата Руперт.

— Где она живет? — допытывался Грегори.

— Увижусь ли я сегодня со своей невестой? — полюбопытствовал Руперт.

— Ладно, уж так и быть, удовлетворю ваше любопытство, — ответил им Уилл. — Слушайте: я намерен женить вас на двоюродных сестрах. Их зовут Мэйбл и Эдита Хероуфелд.

— Я знаком с ними, — произнес Грегори.

— И я тоже, — сказал Руперт.

— Они обе хорошенькие девушки, и нет ничего удивительного, что их прелестные личики привлекли ваше внимание. Я живу в Барнсдейле всего полтора года, и за это время во всем графстве не осталось ни одной белокурой или черноволосой девушки, с которой бы я не познакомился. Так что я уже давно присмотрел для вас Мэйбл и Эдиту.

— Никогда в жизни не встречал я такого ловкого парня, как ты, Уилл, — восхищенно проговорил Грегори. — Ты знаком со всеми женщинами и самый первый узнаешь все новости. Мы совсем не похожи на тебя.

— Тем хуже для вас, ребята. Если бы вы хоть немного походили на меня, мне не пришлось бы искать вам жен и учить вас, как надо ухаживать за барышнями.

— Ах! — сказал Грегори решительным тоном. — Мы быстро добьемся успеха у Мэйбл и Эдиты. Руперт без ума от Мэйбл, а я убежден, что Эдита — самая красивая и добрая девушка на свете. Когда мы придем к ним, я сразу же спрошу у мисс Эдиты, согласна ли она выйти замуж за Грегори Гэмвелла.

— Если ты будешь действовать так с места в карьер, можешь нарваться на отказ.

— В таком случае научи меня, как мне следует разговаривать с ней, чтобы добиться успеха. Не умею я хитрить. Мое самое заветное желание — жениться на мисс Эдите. Неужели же нельзя просто спросить у нее: «Мисс Эдита, хотите ли вы взять меня в мужья?»

— Ты поставишь девушку в очень затруднительное положение.

— Что же мне делать? — в голосе Грегори звучало отчаяние.

— Пригласи ее на бал в наш замок, расскажи ей, как счастливы Маленький Джон и Мач, с каким нетерпением ожидают наши сестры день свадьбы, а потом намекни, что ты тоже хочешь жениться и умираешь от любви к одной девушке. Выбери удачный момент и спроси у мисс Эдиты, не собирается ли она выходить замуж и с кем она придет на бал в Барнсдейл.

— А если Эдита ответит мне, что придет на бал со своим возлюбленным?

— А ты скажи ей: «Дорогая мисс, позвольте мне поухаживать за вами, вы мне очень нравитесь».

— Но,— мямлил бедный Грегори,— Эдита может отказаться выйти за меня замуж.

— Тогда ты предложишь свою руку мисс Мэйбл.

— А я? — жалобно спросил Руперт.

— Успокойтесь. Эдита не откажет Грегори, и вы оба женитесь на любимых девушках.

Они пересекли деревенскую площадь и подошли к домику, на пороге которого стояли две хорошенькие девушки.

— Здравствуйте, черненькая Эдита и беленькая Мэйбл,— приветствовал сестер Уилл.— Вы, конечно, слышали, что наши сестры выходят замуж. Вот мы и пришли пригласить вас на свадебный пир.

— Добро пожаловать в наш дом, мессире,— нежным, как щебет птички, голоском произнесла Мэйбл.— Мы вам очень рады. Вы устали, позвольте предложить вам эля.

— Благодарим вас, прелестная Мэйбл,— ответил Уилл.— Любезное приглашение никогда не встречает отказа. Мы с удовольствием выпьем по кружке эля за ваше здоровье и за ваше счастье.

Веселые девушки Эдита и Мэйбл радушно приняли братьев, угостили их элем, остроумно отвечали на любезности Уилла. Грегори набрался храбрости и робко спросил у Эдиты, с кем из своих ухажеров придет она на бал в барнсдейлский замок.

— Я приду не с ухажером, а с полдюжиной веселых парней,— весело ответила кокетка Эдита.

Этот неожиданный ответ озадачил бедного Грегори. Он тяжело вздохнул и, повернувшись к старшему брату, шепотом сказал:

— Вот видишь, наше дело сорвалось. Как мне бороться с полдюжиной ее ухажеров? Да и, по правде сказать, я не вижу в этом смысла. Лучше я останусь холостяком.

— Это потому, что ты не веришь в успех,— поддразнил его старший брат.

— До сегодняшнего дня я не думал о женитьбе, но после того, как ты внушил мне мысль завести семью, мое сердце гложет страх, что ни одна женщина не согласится выйти за меня замуж.

— Ты женишься на Эдите, положишься на меня. Мисс Эдита,— обратился Уильям к девушке,— мы пришли к вам не только для того, чтобы пригласить вас в Барнсдейл на свадебные торжества. Я хочу представить вам не ухажера,

нет — у вас их и так целая дюжина, — честного парня, с хорошим общественным положением, рассудительного, богатого. Он был бы очень счастлив предложить вам свою руку, свое сердце и свое незапятнанное имя.

— Вы всерьез делаете мне брачное предложение, Уилл? — задумчиво спросила Эдита.

— Всерьез, милая барышня. Грегори любит вас. Вот он перед вами. Его взгляд полон нежным чувством к вам, он не красноречив, но его слова искренни и правдивы. Он не умеет лгать. Я думаю, вы поймете друг друга, — сказал Уилл, истолковав в пользу брата ласковую улыбку, которая озарила личико девушки.

Он поискал глазами Руперта. Тот оживленно беседовал с Мэйбл и в помощи старшего брата не нуждался. Его дело явно шло на лад. «Ну вот и отлично, — подумал Уилл. — За этого парня я могу быть спокоен. Он меня не подведет». И, окинув в последний раз удовлетворенным взглядом влюбленные парочки, он незаметно вышел из дома и бегом вернулся в замок. Ему не терпелось рассказать Робину, Марианне и Мод об успехе своего предприятия.

Вечером в Барнсдейле появились женихи. Их сияющие от счастья лица свидетельствовали об одержанной ими полной победе: барышни приняли их предложения руки и сердца.

Родители невест посчитали вначале безумием выдавать своих дочерей замуж с такой поспешностью. Но желание породниться с благородной семьей Гэмвелл развеяло все сомнения. Сэр Гай, подготовленный Робинном, одобрил выбор сыновей и радушно принял шестерых сияющих красотой и молодостью невест. Восемь молодых пар были обвенчаны в один и тот же день, и пир был на весь мир. Всю свою долгую жизнь братья Гэмвелл и их жены были довольны выпавшим на их долю счастьем.

ГЛАВА VIII

Месяц спустя Робин Гуд с женой и дружиной веселых ребят вернулся в старый Щервудский лес и устроил свой лагерь под сенью его вековых деревьев.

К этому времени король Генрих Второй укрепил свою власть и теперь щедро оделял деньгами и поместьями норманнов, служивших в его армиях. Свежеиспеченные поме-

шки растекались по всей Англии, спеша вступить во владение своими землями.

Веселые дружинники Робина останавливали тех из них, которые ехали по шервудским дорогам, и облагали их проездным налогом. Ограбленные норманны жаловались ноттингемским властям, но те оставляли все жалобы без удовлетворения. Многие ноттингемцы были родственниками веселых дружинников Робина Гуда и поэтому всеми правдами и неправдами предотвращали репрессии, планировавшиеся военными и гражданскими властями. Эти достойные граждане боялись, что в случае удачной карательной экспедиции в Шервудский лес и разгрома дружины Робина их сыновья, зятья и племянники будут повешены на городской площади. Ноттингемские власти удвоили награду за поимку Робина Гуда. Этим они намеревались убить двух зайцев: продемонстрировать свое служебное рвение королю и обиженным норманнам и сохранить хорошие отношения с родственниками веселых ребят. Все желающие получали разрешение на арест знаменитого изгнанника. Это были отчаянные искатели приключений, обладавшие недюжинной физической силой. Однако едва они вступали в лес, как их мировоззрение неожиданно и необратимо изменялось: все они по собственной охоте вливались в дружину веселых лесных ребят.

Однажды утром Робин и Уилл Пунцовый прогуливались по лесным тропинкам. Вдруг перед ними появился запыхавшийся от быстрого бега Мач.

— Что с тобой случилось, Мач? — спросил Робин. В его голосе звучало беспокойство. — За тобой гонятся?

— Ничего страшного, Робин, — ответил Мач, вытирая раскрасневшееся, покрытое потом лицо. — Нам ничего не грозит. Просто я сейчас дрался на дубинах с Артуром Мирным. Будь я проклят! Этот парень настоящий Геркулес.

— Зря ты с ним связался, Мач. Артур — очень сильный, а главное — хладнокровный противник.

— Да, его невозможно вывести из себя, — подтвердил Мач. — Он дерется не по правилам и одерживает над всеми победы только благодаря своей необычайной силе.

— И ты был вынужден просить у него пощады?

— А что мне оставалось делать? Он бы меня измолотил до смерти. Сейчас он дерется с Маленьким Джоном. Ну, над ним вряд ли он одержит победу. Как только Артур начинает звереть, Маленький Джон выбивает из его рук дубину и колотит по плечам, пока тот не умерит свой пыл.

— Из-за чего вы схватились с неукротимым Артуром? — спросил Робин.

— Ни из-за чего. Просто нам захотелось провести приятно часок-другой и поразмяться.

— Артур непобедимый боец на дубинах, — задумчиво произнес Робин. — Это я однажды испытал на себе.

— Ты?! — вскричал Уилл.

— Да, брат. И он меня отделал так же, как и Мача. Этот парень великолепно владеет дубиной, она словно приросла к его руке.

— Когда же это случилось? — полюбопытствовал Уилл.

— Мы сражались в лесу, а познакомился я с ним вот при каких обстоятельствах. Я прогуливался в одиночестве по лесной тропинке и внезапно заметил богатыря Артура. Он стоял, опершись на свою дубину, и внимательно смотрел на проходившее в ста шагах от него стадо оленей. У этого богатыря был очень простодушный вид, и мне захотелось позабавиться над ним. Я незаметно подошел к нему сзади и грохнул его кулаком между лопатками. Артур вздрогнул, обернулся и гневно посмотрел на меня.

«Ты кто такой? — спросил я у него. — Почему ты бродишь по лесу? Воруешь оленей? Я хранитель леса и не потерплю здесь присутствия таких, как ты, разбойников. Сделай милость, улепетьвай отсюда, да поскорее. Не зли меня». — «Вот как! — беззаботно произнес он. — Ну что же, выгони меня отсюда, если сможешь, а я по своей воле с места не сдвинусь. А на подмогу себе можешь созвать свою свору, я ничего не имею против этого». — «Я и сам справлюсь с тобой, приятель, и научу тебя уважать мои права и законы, — возразил я. — У меня верные, сильные руки и меткий глаз». — «Малыш, — сказал Артур, презрительно смерив меня взглядом с головы до ног, — не подставляй свои руки под мою дубину. Я их так искалечу, что ты не сможешь больше ни натянуть лук, ни взмахнуть мечом». — «Полегче, приятель, а не то я разозлюсь и отдубасю тебя». — «С таким же успехом, малыш, ты сможешь отстегать дуб прутиком. Плевать я хотел на тебя, ничтожество. Но если ты нарываешься на драку, изволь. Только не плачь потом». — «У тебя нет меча», — сказал я. «А он мне не нужен. С меня вполне хватит дубины». — «В таком случае мне нужно достать дубину такой же длины, что и твоя». — «Хорошо, иди доставай».

Когда я вернулся, Артур встал в боевую позицию. Я первым нанес ему удар по голове. Он зашатался и отступил

на шаг назад, по его щекам потекла кровь. Я опустил свою дубину. Он, видно, подумал, что я уже торжествую победу. Его дубина засвистела над моей головой. Надо признать, что он ею орудовал с необыкновенной силой и ловкостью. Я крепко сжал в обеих руках свою дубину и с трудом отражал его удары. Вот он замахнулся, чтобы нанести мне страшный удар по голове, но мне удалось отскочить. Я поскользнулся и потерял бдительность. Тут он меня достал. Удар пришелся по голове, я упал, словно пронзенный стрелой, но не потерял сознания и сразу же вскочил на ноги. Борьба возобновилась с новой силой. Ужасные удары градом сыпались на меня, я едва успевал отражать их. Так мы бились почти четыре часа, словно вепри, кружа один вокруг другого. По всему лесу разносилось эхо от наших ударов. Наконец я понял, что бесполезно продолжать бой с таким сильным противником, у меня не было никакой надежды ни на победу, ни даже на ничью. Я бросил дубину на землю и сказал: «Хватит, давай помиримся. Мы можем биться до завтрашнего утра с переменным успехом, сотрем друг друга в порошок, но никто из нас не одолеет другого. Ты славный парень, и я разрешаю тебе гулять по лесу и охотиться на оленей». — «Тысяча благодарностей вашей милости! — высокомерно ответил он. — Я с дубиной в руках завоевал себе право охотиться в лесу. Ее, а не тебя я должен благодарить за это». — «Ты прав, приятель, но только отчасти. Ты действительно завоевал это право с дубиной в руках, но без моего разрешения тебе пришлось бы защищать его на каждом шагу. В этом зеленом лесу много отличных бойцов на дубинах, и один из них рано или поздно проломит тебе голову. Поверь мне, жить в городе безопаснее и приятнее, чем в лесу». — «И тем не менее, — ответил Артур, — я хочу жить в лесу».

— Ответ моего отважного противника озадачил меня, — продолжал свой рассказ Робин. — Его высокий рост, богатырское телосложение, простодушное выражение лица навели меня на мысль, что было бы неплохо предложить ему вступить в нашу дружину.

«Почему же тебе не нравится жизнь в городе?» — спросил я его. «Проклятые норманны считают нас, саксов, людьми второго сорта. Они называют нас грязными псами, крепостными, лакеями. Мой хозяин каждое утро осыпал меня самой отборной руганью. Этого ему показалось мало, он захотел избить меня. Под рукой у меня в тот момент оказалась дубина. Я треснул его несколько раз, он потерял

сознание и упал, а я убежал в лес». — «Что ты умеешь делать?» — спросил я его. «Я кожевник, — ответил он, — и живу в течение многих лет в окрестностях Ноттингема». — «Очень хорошо, друг мой. Если тебе твое ремесло безразлично, ты можешь распрощаться с ним и вступить в мою дружину. Меня зовут Робин Гуд. Тебе известно это имя?» — «Разумеется. Так ты и есть Робин Гуд? Ведь ты давеча сказал, что ты лесной сторож». — «Меня зовут Робин Гуд. Честное слово!» — и я протянул руку парню. Он никак не мог прийти в себя от изумления. «Правда?» Он все еще не верил мне. «Клянусь душой и вечным блаженством!» — «Если бы ты знал, как я рад, что встретил тебя! — Его лицо осветилось счастливой улыбкой. — Я ведь для этого и пришел сюда, благородный Робин Гуд. Ты представился лесным сторожем, и я поверил. Только поэтому я не осмелился сказать тебе, зачем пришел в Шервудский лес. Прошу тебя, прими меня в свою дружину. Клянусь всеми святыми, что Артур Мирный, кожевник из Ноттингема, будет самым верным и преданным дружинником». — «Мне нравится твоя искренность, Артур, — сказал я. — Добро пожаловать в дружину лесных братьев. Мы живем по простым законам. Они немногочисленны, но я требую от своих дружинников их безусловного исполнения. Во всем остальном ты можешь поступать, как тебе заблагорассудится. А я обязуюсь относиться к тебе с уважением, хорошо одевать и сытно кормить». — «Я слушаю тебя, и радость переполняет мое сердце. Сам Робин Гуд принял меня в свою дружину. Никак не могу поверить этому. А ведь я не чужой тебе: Маленький Джон — мой близкий родственник. Мать Джона, сестра сэра Гая Гэмвелла, была замужем за моим дядей с материнской стороны. Как мне хочется поскорее встретиться с Маленьким Джоном!» — «Постараюсь помочь тебе в этом», — сказал я Артуру и протрубил в рог. Через несколько минут на поляне появился Маленький Джон.

Увидев наши лица, залитые кровью, он остановился и с удивлением и страхом посмотрел на нас.

«Что с тобой, Робин? — вскричал он. — Кто тебя так изуродовал?» — «Вот он», — спокойно сказал я, показывая на Артура. «Если этот парень действительно победил тебя в бою на дубинах, он должен быть очень хорошим бойцом», — сказал Джон. — Но я отплачу ему с лихвой за твое поражение». — «Он — твой родственник, дружище Джон. Его зовут Артур. Чем драться, лучше пожмите друг другу руки и обнимитесь». — «Артур из Ноттингема по прозвищу Мир-

ный?» — спросил Джон. «Он самый. Мы не виделись с тобой с детства, но я все-таки узнал тебя, брат». — «А я тебя, к сожалению, не узнал, — простодушно сказал Джон. — Ты здорово изменился с тех пор. Но это не имеет никакого значения. Добро пожаловать, брат, в Шервудский лес. Здесь ты найдешь много добрых друзей с отважными сердцами».

Артур и Джон крепко обнялись и расцеловались.

— И с тех пор вы больше не схватывались на дубинах? — спросил Уилл у Робина.

— Не представилось случая. Но он все равно побил бы меня. Это было бы мое третье поражение.

— Как третье? — вскричал Уилл.

— Да, третье. Гаспар-лудильщик задал мне однажды основательную трепку.

— Правда? Когда же это произошло? Наверное, еще до того, как ты его принял в дружину.

— Да, — ответил Робин. — Я ведь сам проверяю людей, которые просят принять их в нашу дружину. Зачем нам нужны трусливые, легкомысленные парни, плохо владеющие оружием? Так вот, однажды утром я встретил Гаспара-лудильщика на ноттингемской дороге. Он шел, здоровущий широкоплечий детина, и весело насвистывал. Его лицо понравилось мне, я подошел к нему и спросил: «Говорят, что какие-то плохие слухи будоражат ноттингемцев. Что это за слухи?» — «Не знаю я, о каких слухах ты меня спрашиваешь. Я только недавно прибыл из Гамбурга и не прислушивался ни к каким сплетням и слухам. У меня есть дела поважнее». — «И все же эти слухи должны были бы заинтересовать тебя, приятель. Я слышал, что десятерых ноттингемцев посадили в тюрьму за пьянство». — «Эта сплетня не стоит ломаного гроша», — ответил он мне. — «Если бы сажали в тюрьму всех пьяниц, тебя бы бросили туда первым. Глядя на тебя, не скажешь, что ты убежденный трезвенник». — «Ты прав, я никогда не был врагом бутылки. Да разве найдется на свете хоть один веселый малый, который не любил бы выпить? Так что же тебя привело в наш лес? Уж, разумеется, не поиск котлов, нуждающихся в починке». — «Мне предложили очень выгодное дело», — сказал Гаспар. — «Я ищу одного разбойника по имени Робин Гуд. Если мне удастся схватить его и доставить к шерифу, я получу за это сто золотых экю. Неплохие денежки!» — «Ну и как же ты рассчитываешь справиться с этим делом?» — спросил я его. Меня поразила его уверенность в своих силах, а больше всего серьезность, с которой он выдал

мне свои намерения. «У меня есть приказ об аресте, подписанный самим королем», — ответил Гаспар. «Составленный по всей форме?» — «Да. Мне приказано арестовать Робина и обещана за это щедрая награда». — «Ты говоришь так, словно выполнить этот приказ — пара пустяков. Люди постыльнее и поумнее тебя пытались уже арестовать Робина, да ничего у них из этого не вышло». — «У них не вышло, а у меня выйдет, — возразил он мне. — Я крепкий парень, у меня стальные мускулы, храбрости и терпения мне не занимать. Так что у меня есть надежда получить королевскую награду». — «Если бы ты случайно встретил Робина, узнал бы его?» — «Я его никогда не видел. Если бы я знал его в лицо, мое дело было бы в шляпе. А ты не знаешь, как он выглядит?» — «Я встречался с ним два раза и, возможно, смогу помочь тебе опознать его». — «Добрый человек, я поделюсь с тобой деньгами, которые получу за его поимку. Покажи мне его, хотя бы издали». — «Я знаю одно место, куда он часто приходит, — сказал я. — Но прежде я хотел бы посмотреть приказ об аресте. Если он неправильно составлен, ты не получишь никакой награды. Зря будешь стараться». — «Премного тебе благодарен, но бумагу не покажу. Я уверен, что она составлена как надо, и этого с меня достаточно. А если ты мне не веришь, тем хуже для тебя. Я покажу этот королевский приказ только самому Робину Гуду, перед тем как со связанными руками и ногами доставлю его шерифу». — «Может быть, ты и прав, приятель, — безразличным тоном сказал я. — Не веришь мне — и не надо. А я вот сейчас иду от нечего делать в Ноттингем и, возможно, встречу там Робина Гуда. Я слышал, что он должен прийти сегодня в город по какому-то важному делу. Если хочешь, пойдем вместе, я покажу тебе этого знаменитого разбойника». — «Ловлю тебя на слове, парень. Но если ты меня обманешь, я отколочу тебя дубиной».

Я презрительно пожал плечами. Он расхохотался.

«Покажи мне его, и ты не пожалеешь, — произнес он. — Ни один человек еще не упрекнул меня в неблагодарности».

И мы пошли в Ноттингем. Там мы зашли в харчевню Пата, и я попросил принести нам несколько кружек пива, того самого, которым славится это заведение. Лудильщик с самого утра ничего не ел и не пил, он буквально умирал от жажды, и пиво быстро исчезло. Потом нам подали вина, потом еще пива, и так продолжалось целый час. Лудильщик с жадностью поглощал вино и пиво, которые появлялись

на нашем столе. А я удовольствовался одним стаканом вина, вы же знаете, я враг всяких излишеств. Через час парень был пьян в стельку. Напившись, он подробно рассказал мне, какие подвиги он собирается совершить, чтобы заслужить благоволение короля. Он собирался не только арестовать меня, но и переловить всю нашу честную компанию и отвести нас в Лондон. Осчастливленный король пожалует ему поместья, титулы и даже выдаст замуж за него свою дочь, английскую принцессу. На этом его фантазия иссякла, он свалился со скамьи, упал под стол и там захрапел.

Я взял его кошель, где, кроме денег, лежал приказ о моем аресте. Потом я заплатил по счету и сказал хозяину: «Как только этот человек проснется, потребуйте с него плату за выпивку. А если он спросит, кто я такой и где он сможет со мной встретиться, скажите ему, что зовут меня Робин Гуд, а живу я в зеленом лесу».

Хозяин, наш старый знакомый, весело расхохотался: «Будьте спокойны, мессир Робин. Я в точности выполню ваш приказ, а если парню захочется снова увидеться с вами, ему придется вернуться в лес». — «Правильно, — сказал я. — У меня предчувствие, что парень не заставит себя ждать». Я дружески попрощался с хозяином и вышел из харчевни.

Гаспар проснулся только на следующее утро. Он сразу же заметил мое отсутствие и пропажу своего кошелья.

«Хозяин! — завопил он. — Меня обворовали, ограбили! Куда делся этот разбойник?» — «О каком разбойнике ты говоришь?» — кладнокровно спросил хозяин. «О человеке, с которым я пил. Он обокрал меня». — «Обокрал? Исчез? — разозлился хозяин. — А кто будет платить по счету за выпивку?» — «Платить по счету за выпивку? — простонал Гаспар. — Но у меня же ничего нет, этот негодяй обобрал меня до копейки. В моем кошелье был приказ, подписанный королем. Он давал мне право арестовать Робина Гуда. Я мог бы сколотить на этом целое состояние. Этот бездельник обещал мне показать жоака разбойников. Ах он злодей! Он воспользовался моей доверчивостью и украл этот драгоценный документ». — «Как! — вскричал хозяин. — Ты рассказал этому парню, какое дело привело тебя в Ноттингем?»

Лудильщик искоса посмотрел на хозяина.

«Я вижу, — произнес он, — что вы не хотите помочь честному малому арестовать Робина Гуда». — «А с какой стати я должен тебе помогать? — возразил хозяин. — Робин

Гуд не причинил мне никакого зла, а его счеты с властями меня совершенно не касаются. Но как могло случиться, — продолжал хозяин, — что ты весело пил с этим парнем и сообщил ему о своей бумажонке вместо того, чтобы задерживать его?»

Лудильщик широко раскрыл глаза и уставился на хозяина.

«Что вы хотите этим сказать?» — спросил он. «А то, что ты упустил прекрасную возможность схватить Робина Гуда». — «Что?» — «Ну и дурак же ты! Ты же вошел вместе с ним в мою харчевню, пил за его здоровье, я и подумал, что ты его дружинник». — «Я пил за здоровье Робина Гуда?» — опешил лудильщик. «Да, да, да!» — «Какой же я неvezучий! — заплакал бедняга, садясь на скамью. — Ну ничего, он мне заплатит за это! Никому еще не удавалось безнаказанно подшутить над Гаспаром-лудильщиком! Ах, злодей! Ах, разбойник! — вопил парень. — Я тебя все равно поймаю!» — «Оплати мне по счету, а потом можешь ловить хоть самого дьявола», — прервал его вопли хозяин.

«А сколько я вам должен?» — гневно спросил лудильщик. «Десять шиллингов», — ответил хозяин. Он не мог без смеха смотреть на разъяренное лицо несчастного пьяницы.

«Но у меня же нет ни пенса, — возразил Гаспар, выворачивая карманы. — Но я уплачу вам этот проклятый долг, а в обеспечение его оставляю вам свои инструменты. Они стоят в три-четыре раза больше суммы, которую вы с меня требуете. А теперь скажите: где я смогу встретиться с Робинот Гудом?» — «Завтра утром он будет охотиться в Шервудском лесу на королевских ланей». — «Вот там я с ним и посчитаюсь», — прорычал лудильщик. В его голосе звучала такая яростная уверенность, что хозяин всерьез перепугался за меня.

— На следующее утро, — продолжал свой рассказ Робин, — я отправился на поиски, но не королевской лани, а лудильщика. Парень не заставил себя долго ждать. Как только его глаза увидели меня, он бросился на меня, потрясая огромной дубиной.

«Да как ты смеешь, грубиян, угрожать мне дубиной в моем собственном доме?!» — вскричал я. «Я не грубиян, — возразил лудильщик, — а несчастный, обиженный человек. Трепещи, злодей, я отомщу сейчас тебе за все свои обиды!»

И он снова бросился на меня. Я отскочил в сторону и вынул меч из ножен. «Стой, — закричал я ему, — так дело не пойдет. Мы должны биться одинаковым оружием»

Гаспар спокойно подождал, пока я вырезал себе дубину из дубовой ветви, а потом снова напал. Он держал свою дубину обеими руками и орудовал ею, как дровосек топором. Я задыхался, мои руки ослабели, я понял, что эта схватка для меня проиграна, и попросил у парня передышку.

«Я тебя повешу на самом высоком дереве», — яростно прорычал он, бросая наземь свою дубину.

Я отскочил назад и протрубил в рог. Если бы я не позвал на подмогу наших ребят, этот парень неминуемо отправил бы меня в лучший мир. На мой зов прибежали Маленький Джон и его отряд.

Обессиленный, я сел под дерево и, не говоря ни слова, показал Гаспару на моих дружинников.

«Что случилось?» — спросил Джон. «Вот этот лудильщик победил меня в честном бою, — ответил я. — Познакомься с ним, он заслуживает нашего уважения. Приятель, — обратился я к парню, — мы охотно примем тебя в нашу дружину. Согласен?»

Лудильщик согласился.

— А я всем дубинам на свете предпочитаю лук и стрелы, — заявил Уильям. — Не все разделяют мое мнение, но, по-моему, лучше погибнуть от стрелы, чем отправляться на тот свет в виде безобразного кровавого месива. Рана от стрелы причиняет меньше страданий, чем синяки и кровоподтеки, полученные в драке на дубинах.

— Брат, — возразил ему Робин, — дубина незаменима в ближнем бою, когда лук бесполезен. Дубиной ты можешь воспользоваться эффективно в любых обстоятельствах, а луком только тогда, когда в твоём колчане есть стрелы. И если ты не хочешь смерти своего противника, проучи его хорошенько дубиной, и дело с концом.

Так, весело болтая, друзья шли по ноттингемской дороге. И вдруг они увидели плачущую девушку. Робин подбежал к ней.

— Кто тебя обидел, крошка? Почему ты плачешь? — взволнованно спросил он.

Девушка разрыдалась еще пуще.

— Я ищу Робина Гуда, — ответила она. — У вас доброе сердце, мессир. Умоляю вас, проводите меня к нему.

— Чем я могу помочь тебе, престелное дитя, — растроганно спрашивал Робин. — Тебя обидели мои ребята? Или, может быть, заболела твоя матушка? Тебе нужна моя помощь? Говори же. Я сделаю все, чтобы осушить твои глазки

— Мессир, с нами стряслась страшная беда. Ноттингемский шериф схватил троих моих братьев. Они служат в вашей дружине.

— Как зовут твоих братьев?

— Адальберт, Эдельберт и Эдрон, по прозвищу Веселые Сердца, — ответила девочка, заливаясь слезами.

Горестное восклицание сорвалось с губ Робина.

— Друзья, — сказал он, — эти ребята — самые смелые, самые отчаянные наши соратники. Как они попали в руки шерифа, малышка? — спросил он у девушки.

— Они отбили у солдат одного парня. Его вели в тюрьму за то, что он защищал свою мать. Мессир, спасите их, умоляю вас. У городских ворот строят виселицу. Моих братьев повесят, если вы не выручите их.

— Вытри глазки, малышка, — ласково сказал Робин. — Твоим братьям нечего бояться. Никто из веселых шервудских ребят не пожалеет своей жизни, чтобы спасти их. Иди домой, успокой батюшку и матушку. Скажи, что Робин Гуд вернет им сыновей.

— Да благословит вас небо за вашу доброту, — прошептала девушка, улыбаясь сквозь слезы. — Все люди говорят, что вы всегда готовы помочь несчастным, защитить бедняков. Но, ради всего святого, мессир, поторопитесь. Мои горячо любимые братья в смертельной опасности.

— Верь мне, дитя, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы спасти твоих братьев. Поскорее возвращайся в Ноттингем и никому не говори, что ты виделась со мной.

Девушка схватила руку Робина и покрыла ее горячими поцелуями.

— Всю свою жизнь я буду молиться за вас, мессир. Будьте счастливы, — прерывающимся от волнения голосом произнесла девушка.

— Храни тебя Господь, дитя мое. Прощай.

Девушка побежала обратно в город и вскоре скрылась в тени деревьев.

— Ура! — закричал Уилл. — Нас ожидает приключение. Что я должен делать, Робин? Приказывай!

— Найди Маленького Джона, скажи ему, что я велел собрать всех наших ребят и стянуть их, разумеется незаметно, на опушку леса, там, где лес близко подходит к городу. А как только услышите зов моего рога, мчитесь во весь опор мне на подмогу с мечами наголо и натянутыми луками.

— А ты что намерен делать? — поинтересовался Уилл.

— Я пойду не мешкая в город, может быть, удастся придумать на месте какую-нибудь хитрость, чтобы задержать хотя бы на несколько часов исполнение приговора. Не забывайте, друзья мои, что действовать нужно очень осторожно. Не дай Бог, шериф узнает, что я предупрежден об угрозе, нависшей над нашими ребятами, и намерен освободить их. Он прикажет тогда повесить ребят на внутренней площади замка. Не следует забывать и о нашей собственной безопасности. Его светлость спит и видит нас висящими на городской виселице. Шериф спешит с приведением в исполнение приговора, он боится, что слухи об этом дойдут до меня и я вырву из его лап добычу. Публичной казнью ребят он намерен запугать нас и жителей Ноттингема. Ну да мы не из пугливых. Помни, мои инструкции должны быть выполнены в точности.

И Робин спешно направился в Ноттингем. Не успел он выйти из леса, как увидел паломника из ордена нищенствующих монахов.

— Что нового в Ноттингеме, святой отец? — спросил его Робин.

— Плохие новости, парень, — ответил паломник, — очень плохие. Весь Ноттингем плачет и стонет. По приказу барона Фитц Олвайна сегодня на городской площади повесят троих дружинников Робина.

Дерзкая мысль пришла Робину в голову. Он решил повторить трюк с переодеванием в монашескую рясу.

— Отец мой, — сказал он, — сам Бог послал вас мне навстречу! Я хочу посмотреть, как будут вешать браконьеров, но боюсь, что меня узнают мои недруги. Поменяемся одеждой?

— Ты шутишь, парень?

— Нет, святой отец. Просто я хочу надеть вашу рясу, а вам подарить свой костюм и сорок шиллингов в придачу.

Старик с любопытством рассматривал странного парня: никогда ему еще не приходилось слышать такое необычное предложение.

— Ты хочешь поменять свою богатую одежду на мою рваную рясу? — наконец спросил он. — Грех смеяться над стариком. Бог тебя накажет за это.

— Отец мой, — продолжал Робин, — вы меня неправильно поняли. Я уважаю ваши седины и молю Богородицу взять вас под высокую защиту. У меня и в мыслях не было обижать вас, ваша ряса мне нужна для одного доброго дела. Вот возьмите в задаток нашей сдел-

ки,— прибавил Робин, протягивая старику двадцать золотых монет.

Паломник недоверчиво посмотрел на золото.

— Молодежи часто приходят в голову всякие фантазии,— произнес он.— Ты хочешь позабавиться, почему бы мне не воспользоваться твоей прихотью.

— Отлично сказано,— рассмеялся Робин.— Так, значит, вы, святой отец, согласны поменяться со мной одеждой? Но какие же жуткие у вас башмаки! Они просят каши и так изорваны, что латки на них уже негде ставить.

Старик весело расхохотался.

— Моя одежда подобна совести норманна,— сказал он,— вся изорвана и сплошь покрыта латками. Зато твой камзол олицетворяет саксонское сердце: он крепок и незапятнан.

— Да вы златоуст, святой отец,— проговорил Робин, со знанием дела перережаясь в лохмотья паломника.— Ваше остроумие и презрение к роскоши делают вам честь. Святейший из святых позавидовал бы христианской простоте вашего одеяния.

— А оружие я тоже могу взять себе? — спросил паломник.

— Нет, святой отец. Оно мне самому пригодится. А теперь позвольте мне дать вам совет. Улепетывайте из этого леса, да поскорее, и унаси вас Бог следить, куда я пойду. На вас моя одежда, в вашем кармане звенит мое золото. Вы богаты и роскошно одеты, ищите же свое счастье где угодно, только не в Ноттингеме.

— Благодарю тебя за разумный совет, он полностью совпадает с моими намерениями. Прими благословение старика, и, если ты задумал совершить доброе дело, пусть оно увенчается успехом.

Робин сердечно попрощался с паломником и поспешил в Ноттингем. Когда он входил в город, из замка выехал отряд вооруженных всадников и направился на окраину, туда, где рабочие строили три виселицы.

Внезапно город облетела неожиданная новость: заболел палач. Некоторые даже говорили, что он при смерти, и поэтому никак не пригоден для отправки приговоренных в лучший мир. По приказу шерифа глашатаи довели до сведения горожан, что требуется сильный мужчина для выполнения, за хорошее вознаграждение, обязанностей палача. Желających не нашлось. Тогда Робин вышел из толпы и приблизился к барону Фитц Олвайну.

— Благородный шериф, — гнусавым голосом сказал он, — как вы меня вознаградите, если я соглашусь заменить вашего палача?

Барон отступил на несколько шагов: ему вовсе не улыбалось подхватить какую-нибудь заразу от этого голодранца.

— Как я тебя вознагражу? — переспросил он, презрительно оглядев Робина с головы до ног. — Тебе дадут приличную одежду, которую ты сам себе выберешь. Этого тебе за глаза хватит. А если постараясь, я прикажу выплатить тебе тринадцать пенсов. Это жалованье профессионального палача.

— А сколько мне заплатят, если я повешу и вас в придачу? — спросил Робин, приближаясь к барону.

— Не смей приближаться ко мне, голодранец! Повтори, что ты сказал, я не расслышал.

— Вы предложили мне новую одежду и тринадцать пенсов за повешение этих бедняг. А я интересуюсь, что вы прибавите к назначенной награде, если я возьмусь повесить вас самого и вместе с вами дюжину ваших норманнских псов?

— Наглец! Что ты себе позволяешь? — вскричал барон, пораженный наглостью паломника. — Да знаешь ли ты, кто я такой? Если ты, хам, скажешь еще хоть одно слово, взлетишь четвертой птичкой на это дерево висельников.

— А кто выполнит ваш приказ, монсеньор? У вас нет палача. И не предвидится. Я единственный откликнулся на ваше приглашение.

— Я понимаю, к чему ты клонишь! — задыхаясь от гнева, вскричал барон. — Ты хочешь, чтобы тебе увеличили награду за то, что ты отправишь в мир иной этих трех мужланов.

Робин пожал плечами.

— Можете сами их вешать, — сказал он, разыгрывая полное безразличие.

— Ладно, ладно, — сбавил тон его светлость. — Я удваиваю награду, только приступай скорее к делу.

— Если бы я действительно хотел смерти этим беднягам, то удовольствовался бы предложенной тобой наградой. Но я не желаю пачкать руки о твою виселицу.

— Что ты сказал, бездельник? — прорычал барон.

— Успокойтесь, ваша светлость. Я сейчас созову своих ребят, и они под моим командованием навсегда избавят вас от этих, как вы их назвали, мужланов.

И Робин протрубил в рог. Потом он обеими руками схватил перепуганного насмерть барона и прошептал ему на ухо:

— Милорд, ваша жизнь зависит от вашего благоразумия. Если вы только пошевелитесь, я всажу этот нож в ваше сердце. Скажите вашим солдатам, чтобы они не вздумали прийти к вам на помощь.— И он занес над головой старика охотничий нож.

— Солдаты, оставайтесь на своих местах! — громовым голосом приказал барон.

Солнце искрилось на остро заточенном лезвии ножа, и эти зловещие отблески усмирили старого вельможу. Он понял, что находится во власти своего врага, понял тщетность сопротивления и жалобно застонал.

— Что ты хочешь от меня, честный паломник? — спросил барон, тщетно пытаясь придать своему голосу несвойственную ему кротость.

— Жизнь троих моих дружинников, которых вы приговорили к повешению, милорд, — ответил Робин.

— Это невозможно, — возразил старик. — Они убивали королевских оленей, а браконьерство наказывается смертью. Весь Ноттингем знает об их преступлении и о вынесенном им приговоре, и, если я по преступной слабости уступлю твоей просьбе, король никогда не простит мне этого.

Но тут толпа всколыхнулась, и в воздухе послышался свист стрел. Это веселые лесные ребята подросли на подмогу своему атаману. Радостный крик вырвался из груди Робина.

— Робин Гуд! — жалобно прошептал барон.

— Да, милорд, я — Робин Гуд.

Горожане радостно приветствовали веселых ребят и вместе с ними освободили пленников. Барон Фитц Олвайн понял, что сможет остаться живым и невредимым, только если безоговорочно покорится обстоятельствам и отдастся под покровительство Робина Гуда.

— Уводите поскорее своих ребят, — умолял он Робина. — Мои солдаты помнят прошлогоднее поражение и могут взбунтоваться. Я против кровопролития.

— Ваша любезность продиктована страхом, — рассмеялся Робин. — Солдаты не осмелятся выступить против моих дружинников.

И Робин насмешливо поклонился его светлости, повернулся к нему спиной и приказал своим дружинникам возвращаться в лес.

Страх и ярость выражало мертвенно-бледное лицо барона. Он собрал свое войско, вскочил в седло и поспешно удалился в замок.

А поттингемцы, которые считали охоту на королевскую дичь заслуживающим уважения занятием, с радостными криками окружили братьев Веселые Сердца и поздравили их с освобождением. Именитые горожане, не стесненные больше присутствием барона, выражали Робину свое искреннее восхищение, а родители братьев со слезами на глазах обнимали колени освободителя их сыновей. Это безыскусное выражение благодарности было приятнее и дороже сердцу Робина, чем цветистые восхваления.

Г Л А В А IX

Прошел год с того дня, когда Робин, оказав щедрую помощь сэру Ричарду де ля Плэну, спас его от верной гибели. И вот уже в течение нескольких недель Робин и его дружинники стояли лагерем в Барнсдейлском лесу. Наступил день, назначенный для уплаты долга, но рыцарь не появлялся.

— Не ждите его, он не придет, — сказал Уилл Пунцовый Робину и Маленькому Джону, которые сидели в тени старого дуба.

— Неблагодарность сэра Ричарда послужит мне уроком, — произнес Робин. — Нельзя верить пустым обещаниям. Но из любви к человеческому роду я не хотел бы обмануться в сэре Ричарде. Мне понравилось его честное лицо, я поверил его речам. Они звучали так искренне, его горе было неподдельно. Если он не сдержит свое слово, я уже никогда не смогу отличить честного человека от мошенника.

— А я верю, что рыцарь придет и вернет нам свой долг, — возразил Маленький Джон. — Солнце еще не зашло, и менее чем через час сэр Ричард будет здесь.

— Да услышит тебя Бог, милый Джон, — задумчиво сказал Робин. — Я хочу убедиться, что слово сакса — золотое слово. Я буду ждать сэра Ричарда до того мгновения, как на небе зажгутся первые звезды, и, если он не придет, мое сердце оденется в траур, словно по лучшему другу. Возьмите оружие, кликните Мача и пройдите по дороге, ведущей в аббатство Святой Марии, навстречу сэру Ричарду. Если вы так и не повстречаете нашего неблагодарного должника, приведите ко мне какого-нибудь богатого норманна или хотя бы голодного, обездолженного бедняка. Я хочу видеть хоть чье-нибудь незнакомое лицо. Идите же и приведите ко мне гостя.

— Что за странная манера утешаться, милый Робин,— смеясь, сказал Уилл.— Но пусть будет по-твоему. Мы постараемся найти тебе хорошее развлечение.

Друзья задумчиво шли по дороге, ведущей в аббатство Святой Марии.

— Грустные мысли одолевают Робина,— после долгого молчания сказал Уилл.

— Откуда ты это взял? — удивленно спросил Мач.

— Он боится, что сэр Ричард де ля Плэм, которого он спас от неминуемой гибели, обманул его,— ответил Маленький Джон.

— Стоит ли так переживать из-за пустяковой ошибки,— произнес Уилл.— Наша казна полна, и какие-то четыреста экую не имеют для нас никакого значения.

— Робин жалеет не о потерянных деньгах,— раздраженно прервал его Джон.— Ты сказал глупость, брат. Робин скорбит, что доверился недостойному человеку, вот в чем дело.

— Я слышу топот конских копыт,— прошептал Уилл.— Спрячемся.

— А я пойду на разведку,— вызвался Мач и побежал навстречу всадникам.

— Если это наш рыцарь, кликни нас,— сказал Джон.

Уильям и Джон спрятались в тени деревьев. Вскоре в конце дороги показался Мач.

— Это не сэр Ричард,— проговорил он, подходя к друзьям,— а два доминиканца в сопровождении дюжины солдат.

— Если доминиканцы едут под такой сильной охраной,— заметил Джон,— значит, они нагружены золотыми монетами, будьте уверены. Они, несомненно, проголодались. Пригласим их на пир к Робину.

— Может быть, позовем на подмогу ребят? — спросил Уильям.

— Незачем. Сердце слуги находится в его пятках, а они у него отлично смазаны. Стоит его хорошо пугануть, и он даст стрелача. Сейчас вы убедитесь в правоте моих слов. Внимание, вот и наши монахи. Их нужно непременно привести к Робину. Он грустит, а это ему будет хорошим развлечением. Приготовьте ваши луки. Как только они приблизятся к нам, выйдем из укрытия и заблокируем дорогу.

Уильям и Мач в точности выполнили указания Джона. Вскоре из-за поворота дороги, прихотливо вившейся между двумя рядами деревьев, показались всадники. Вид лесных

ребят не вызывал сомнения в их враждебных намерениях. Перепуганные солдаты остановили своих коней, а монахи спрятались за их спинами.

— Не двигайтесь с места,— приказал Джон монахам и их телохранителям,— иначе я вас всех перестреляю.

Монахи поблднели и, чувствуя себя во власти лесных ребят, безропотно повиновались приказу.

— Добрый незнакомец,— произнес один из монахов, пытаясь изобразить на своем лице сладкую улыбку,— что тебе нужно от бедных служителей святой церкви?

— Я хочу, чтобы вы пошли с нами. Наш хозяин ожидает вас вот уже целых три часа. Обед остынет.

Доминиканцы переглянулись. В их взглядах сквозило беспокойство.

— Ты говоришь загадками, мой молодой друг. Мы не понимаем тебя.

— Повторяю: мой хозяин просит вас разделить с ним трапезу. Что же здесь непомятного?

— А кто твой хозяин?

— Робин Гуд,— ответил Маленький Джон.

Телохранители монахов похолодели от ужаса. Они затравленно отводили глаза в сторону, словно боялись встретиться взглядами со знаменитым изгнанником, который мог вот-вот появиться из лесной чащи.

— Робин Гуд! — вскричал монах.— Это негодяй, избравший воровство своим ремеслом. По его шее уже давно плачет веревка.

— Лжешь ты! Робин Гуд — не вор! — загремел Маленький Джон.— И я бы никому не советовал повторять это бесстыдное обвинение против моего благородного хозяина. Повторяю, отцы мои: Робин Гуд приглашает вас разделить с ним трапезу. А вы, господа,— обратился он к солдатам,— поворачивайте и убирайтесь отсюда, если вам жизнь дорога. Уилл и Мач, стреляйте без пощады в каждого, кто осмелится послушаться моего приказа.

Увидев поднятые луки и направленные на них стрелы, телохранители доминиканцев пришпорили коней и умчались с поспешностью, которая делала честь их благоразумию.

Монахи хотели было последовать примеру своих телохранителей, но Джон, взяв под уздцы их лошадей, предотвратил позорное бегство. За спинами монахов Джон заметил слугу-подростка, который вел лошадь, нагруженную монастырской казной. Рядом с ним стоял, полумертвый от страха, маленький мальчик в костюме пажа. Славные ребята

оказались крабес взрослых солдат и не покинули монахов на произвол судьбы.

— Эти мальчишки могут, если захотят, последовать за своими хозяевами,— сказал Джон Уиллу Фуинцовому.

Робин почтительно приветствовал монахов, но те не соизволили ответить на его приветствие, хотя уже не сомневались: перед ними стоит сам знаменитый атаман.

— Не обращай, Робин, внимания на этих неуж,— сказал Джон, возмущенный непочтительностью монахов.— Эти люди не обременены воспитанием. Что ж ты тут поделаешь? Они понятия не имеют ни о благодарности, ни о милосердии.

— Не будем говорить об этом,— прервал его Робин.— А кого это вы еще привели? — спросил он, показывая на мальчиков-пажей.

— Остатки некогда грозной армии;— смеясь, ответил Уилл.

— А что же случилось с этой армией?

— Ничего. Солдаты в страхе разбежались сломя голову при виде наших натянутых луков.

Робин расхохотался. Потом, повернувшись к монахам, сказал:

— Братья, вы, должно быть, проголодались после такой долгой прогулки. Не хотите ли разделить со мной трапезу?

Монахи с таким страхом смотрели на лесных ребят, сбежавшихся на зов рога своего атамана, что Робин поспешил успокоить их.

— Не бойтесь ничего, добрые братья,— ласково сказал он.— Никто вас здесь не обидит. Садитесь лучше за стол и кушайте на здоровье.

Монахи повиновались, но по их лицам было видно, что доброжелательность молодого атамана не рассеяла их тревогу.

— Из какого вы аббатства? — спросил Робин доминиканцев.

— Я из аббатства Святой Марии,— ответил старший монах.— Братья возложили на меня обязанности главного поставщика съестных припасов.

— Добро пожаловать в Барндейлский лес, дорогой брат. Я счастлив видеть тебя за своим столом. Выпейте вот этого вина. Смеею надеяться, оно вам понравится. Я очень разборчив и поэтому держу в своих подвалах только высококачественные вина.

Монахи с аппетитом ели, запивая изысканные блюда тонкими винами, и вместе с сытостью к ним возвращались

веселость и хорошее настроение. Брат эконома даже сказал, что восхитительный обед в веселой компании на зеленой лесной лужайке доставил ему ни с чем не сравнимое удовольствие. В конце трапезы Робин сказал, обращаясь к монахам:

— Отцы мои, вам, конечно, показалось странным, что вас пригласил отобедать человек, с которым вы никогда раньше не встречались. Я сейчас раскрою вам в нескольких словах секрет этого приглашения. Ровно год назад я дал взаймы значительную сумму денег одному из друзей вашего отца настоятеля. Поручительницей моего должника была Мать нашего Господа Иисуса Христа, наша всемилостивейшая покровительница. Непокколебимо веря в доброту Пресвятой Богородицы, я ни на минуту не сомневался, что в назначенный срок мне будут возвращены мои деньги, что Божественная Поручительница не допустит, чтобы я потерпел убыток. И вот сегодня я послал троих своих товарищей встретить посланцев Пресвятой Девы. Они встретили вас и привели ко мне. Вы — монахи монастыря, носящего имя Божественной Поручительницы, и я не сомневаюсь, что именно вам Она поручила выполнить деликатную миссию — передать мне деньги, которые она выделила на покрытие долга того несчастного бедняка. Будь благословенна Ее щедрость.

— Мне ничего не известно об этом долге, мессир, — ответил монах, — и поэтому я не привез вам никаких денег.

— Вы ошибаетесь, отец мой. Деньги, ниспосланные мне Божественной Поручительницей, находятся в маленькой кожаной сумке, притороченной к седлу лошади, которую держат под уздцы ваши крошки-пажи.

Монах, словно громом пораженный, неразборчиво пробормотал:

— У меня очень мало денег, мессир. Самое большее двадцать золотых монет.

— Всего двадцать золотых монет? — удивился Робин, строго посмотрев на монаха.

— Да, мессир, — ответил монах. Его лицо густо покраснело.

— Если вы говорите правду, отец мой, — ласково сказал Робин, — я не возьму ни гроша из вашего скромного состояния. Более того, я пожертвую вашему монастырю столько золота, сколько вы попросите у меня. Ну а если вы солгали мне, я конфискую всю вашу казну, до последнего гроша. Маленький Джон, — обратился Робин

к брату,— пересчитай казну наших гостей. Если там не более двадцати золотых монет, верни золото святым братьям. Ну а если там в два-три раза больше, изыми всю казну в нашу пользу.

Маленький Джон поспешил выполнить приказ Робина. Лицо брата эконома мгновенно слиняло, по его щекам потекли слезы бессильной ярости, он судорожно сжал руки, а из его груди вырвалось глухое восклицание.

— А-а! — произнес Робин, внимательно вглядываясь в лицо монаха.— Ваши двадцать золотых монет окружены многочисленной компанией. Ну Джон, действительно ли наш гость беден?

— Беден он или богат — не знаю,— ответил Джон,— но в его сумке я нашел восемьсот золотых монет.

— Верните мне эти деньги,— сказал брат эконома.— Это не моя собственность. Я должен отчитаться за них перед отцом настоятелем.

— Кому вы везли эти восемьсот золотых монет? — спросил Робин.

— Наш аббат приказал вручить их попечителям аббатства Святой Марии.

— Попечители злоупотребляют щедростью вашего отца настоятеля. Нехорошо с их стороны получать такие деньги за несколько милостивых слов. На этот раз они ничего не получают. Скажите им, что Робин Гуд конфисковал золото для раздачи беднякам.

— Я нашел еще одну сумку с деньгами,— послышался голос Джона.— Открыть ее?

— Не нужно,— ответил Робин.— Удовольствуемся восьмьюстами золотыми монетами. Сэр монах, вы свободны и можете продолжать свой путь. Мы с вами обошлись почтительно и, надеюсь, не дали повода для жалоб.

— Нечего сказать, почтительное обращение. Насильно привели в свое логово и ограбили до нитки,— проворчал монах.— Я вынужден вернуться в монастырь. Что же я скажу отцу настоятелю?

— Передадите от меня привет,— смеясь, ответил Робин.— Мы с ним старые приятели, и из дружбы ко мне он постарается забыть об этом происшествии.

Монахи вскочили на своих лошадей и галопом помчались в сторону аббатства Святой Марии. Их сердца были полны злобой и гневом.

— Слава Пресвятой Богородице! — воскликнул Маленький Джон.— Она вернула нам деньги, которые мы одолжили

сэру Ричарду. Даже если он и не сдержит свое рыцарское слово, мы утешимся.

— Ничего ты не понял. Разве можно утешиться, потеряв веру в честное слово сакса? — возразил Робин. — Если бы он пришел к нам нищий, потерявший все свое состояние, я простил бы ему долг. Но как я могу простить ему неблагодарность и бесчестность?

— Хозяин! — услышался вдруг веселый голос наблюдателя. — По королевской дороге едет рыцарь, а с ним сотня вооруженных до зубов солдат.

— Они норманны? — живо спросил Робин.

— Кто знает? Но мало я видел саксов, одетых так же роскошно, как этот рыцарь и его свита, — ответил парень, возвестивший о приближении блестящего войска.

— Поднять дружину по тревоге! — закричал Робин. — Все по своим местам! Без приказа не стрелять!

В один миг вся дружина покинула поляну.

— А ты не пойдешь с нами в засаду? — спросил Джон Робина, неподвижно сидевшего под деревом.

— Нет, — ответил тот. — Мне нужно узнать, с кем нам придется иметь дело.

— В таком случае и я останусь с тобой. Если на тебя внезапно нападут, я поддержу тебя своей дубиной.

— Я тоже хочу быть твоим телохранителем, — сказал Уилл, садясь рядом с Робинем.

Вторжение в лес сильного вооруженного отряда слегка обеспокоило Робина. Большинство дружинников были рассеяны по всему графству, и поэтому атаман решил воздержаться от нападения до того, как выяснятся намерения рыцаря и реальное соотношение сил.

Всадники быстро продвигались по дороге, и когда они приблизились к поляне, где их ожидал Робин, на расстояние полета стрелы, рыцарь пустил своего коня галопом.

— Да это же сэра Ричард! — весело закричал Джон.

— Благодарю тебя, Пресвятая Богородица! — воскликнул Робин, вскочив на ноги. — Сакс сдержал свое слово!

Сэр Ричард спрыгнул с лошади, подбежал к Робину и радостно обнял его.

— Храни тебя Бог, Робин Гуд! — проговорил он. — Пусть Он дарует тебе радость и здоровье до конца твоих дней!

— Добро пожаловать в наш зеленый лес, милый рыцарь! — взволнованно сказал Робин. — Как я счастлив видеть тебя богатым и веселым. Ты выполнил свое обещание, и мое сердце пляшет от радости джигу.

— Я пришел бы к тебе, Робин, даже если бы в моем кошельке не было ни гроша. Я считаю для себя за честь пожать твою руку. С моей души спала огромная тяжесть, я возвращаю долг и никогда в жизни не забуду твое благодеяние. Твоя доброта спасла меня.

— Так, значит, поместье и замок снова стали твоей полной собственностью? — спросил Робин.

— Ну конечно. И пусть Бог благословит и наградит тебя за это.

Тут внимание Робина привлекли воины, роскошно одетые по моде того времени. Грозной силой стояли они за спиной своего хозяина.

— Какая выправка, какие мужественные лица у твоих воинов, — восхищенно сказал Робин. — И, несомненно, прекрасно обучены!

— Да, они верные, преданные, отважные ребята и не раз доказывали это. Все они саксы. Ты очень обяжешь меня, Робин, если прикажешь своим дружинникам позаботиться о них. Они проделали трудный путь и нуждаются в отдыхе.

— За этим дело не станет, — с готовностью ответил Робин. — Ребята, — обратился он к своим дружинникам, которые один за другим выходили из лесной чащи на поляну, — эти люди — наши братья. Они устали и проголодались. Окажите им гостеприимство как саксы саксам.

Дружинники повиновались приказу своего атамана, и очень скоро на зеленой траве лужайки появились жареное мясо и бочонки с элем.

Робин Гуд, сэр Ричард, Маленький Джон и Уилл Пунцовый сели за стол, уставленный изысканными блюдами, и за десертом рыцарь начал свой рассказ о событиях, происшедших с ним после того, как в прошлом году он покинул Барнсдейлский лес.

— Если бы вы знали, мои милые друзья, с каким чувством благодарности покинул я ваш гостеприимный лес. Мое сердце пело от радости. Я спешил домой обрадовать жену и детей, летел, как стрела, выпущенная из лука.

«Мы спасены!» — кричал я, прижимая к груди свою пострадавшую жену. От волнения она расплакалась и едва не упала в обморок.

«Как зовут друга, который так искренне и великодушно пришел к нам на помощь?» — спросил мой сын Хэрберт. «Дети мои, — ответил я, — мы тщетно стучали во все двери, тщетно звали на помощь людей, которые называли себя

нашими друзьями. Но только один человек пожалел нас, хотя и видел меня впервые, а вас и вовсе не знал. Этот наш благодетель — благородный изгнанник, защитник бедняков, мститель за угнетенных. Его имя — Робин Гуд».

Мы все стали на колени, долго и горячо молились, благодарили Бога за наше чудесное спасение.

Хэрберт просил меня позволить ему навестить тебя, но я дал понять, что такая поспешность просто неприлична и может поставить тебя в неловкое положение.

— Милый рыцарь, — прервал Робин гостя, — расскажи лучше, как ты поладил с настоятелем аббатства Святой Марии.

— Терпение, дорогой хозяин, терпение, — улыбаясь, сказал сэр Ричард, — мне отлично известна твоя скромность, и поэтому заканчиваю расточать похвалы твоей доброте и любезности. Скажу только, что милая Лилия присоединилась к желанию мужа припасть с благодарностью к твоим ногам, и мне пришлось употребить свою родительскую власть, чтобы заставить их отказаться от этого безрассудства. Пришлось пообещать им от твоего имени, что они в один прекрасный день будут иметь счастье принять тебя в нашем замке.

— И правильно сделал, сэр Ричард, правильно сделал. Обещаю, что на этих днях попрошу вас оказать мне гостеприимство, — взволнованно произнес Робин.

— Как я счастлив, что скоро смогу обрадовать Лилию и Хэрберта известием о твоём согласии почтить наш замок своим посещением. Вот будет им радости! А теперь слушайте, что произошло между мной и настоятелем. Я отправился в аббатство Святой Марии на следующий же день после моего возвращения. Позднее мне стало известно, что в то самое время, когда я шел в монастырь, аббат и настоятель, уединившись в келье, вели разговор, очень близко касавшийся меня и моих заложенных земель.

«Ровно год назад, — говорил аббат настоятелю, — рыцарь, чьи владения примыкают к землям нашего монастыря, занял у меня четыреста экю. Если сегодня он не вернет мне эти деньги с процентами, его имение перейдет в нашу собственность. Я считаю, что срок платежа истекает в полдень. Полдень настал, и мы с полным правом можем вступить во владение всем его имуществом». — «Брат мой, — с негодованием возразил ему настоятель, — нельзя быть таким жестоким. По обычаям и по закону должник имеет право на двадцать четыре часа отсрочки. Стыдно присваивать

имущество, на которое вы еще не имеете никаких прав. Вы этим разоряете несчастного человека, делаете его нищим, а ваш долг пастыря святейшей церкви заключается в облегчении участи нашей паствы. Мы должны помогать им, а не отягчать их новыми бедами». — «Оставьте ваши советы при себе, — гневно закричал аббат, — а я буду поступать так, как мне заблагорассудится. Ваши лицемерные проповеди меня не интересуют».

В этот момент в келью вошел брат эконоом.

«У вас есть какие-либо сведения о сэре Ричарде де ля Плэне?» — спросил его аббат. «Никаких. Но это уже не имеет значения. С сегодняшнего дня его имущество принадлежит монастырю». — «То же самое говорит и судья нашего графства», — обрадовался поддержке аббат.

Он пригласил судью войти в келью, и тот сказал: «Сэр Ричард не вернет вам сегодня долг, и поэтому вы можете вступать во владение его землями и замком».

Не успел судья вынести свое несправедливое решение, как я постучал в ворота монастыря.

Мне захотелось испытать великодушие и милосердие моего кредитора. С этой целью я оделся чуть ли не в рубище. Сопровождавшие меня слуги были одеты еще беднее.

Ворота аббатства открыл мне привратник. Во времена моего благоденствия я сделал немало добра этому человеку, и он сохранил признательность мне даже в те дни, когда все отвернулись от меня. От него мне и стало известно содержание разговора между аббатом и настоятелем. Я и сам знал, что аббат не помилует меня, и соответствующим образом приготовился к этому.

«Добро пожаловать, — обратился ко мне монах, — ваше прибытие очень обрадует нашего настоятеля. А вот милорд аббат вряд ли будет счастлив видеть вас. Он уже считает себя полным собственником ваших владений. В большом зале собралось много народа, много дворян, несколько лордов. Я очень надеюсь, сэра Ричард, что вы принесли деньги и рассчитаетесь с долгом», — взволнованно прибавил этот добрый человек.

Я уверил его, что так все и будет. В зале монастыря действительно собрался большой совет. Эти господа были неприятно удивлены, увидев меня входящим в зал. Некоторые из них, возможно, даже приняли меня за страшный призрак, явившийся с того света, чтобы вырвать у них столь желанную добычу. Я почтительно приветствовал че-

стную компанию и, придав своему лицу смиренное выражение, обратился к аббату с такими словами: «Как видите, сэр аббат, я сдержал свое обещание и пришел к вам в назначенный срок». — «Вы принесли деньги?» — спросил он. «Увы! У меня нет ни пенни».

Радостная улыбка озарила лицо моего великодушного заимодавца.

«Зачем же ты пришел, если не можешь рассчитаться с долгом?» — «Прошу вас, умоляю, дайте мне отсрочку на несколько дней». — «И думать нечего. Согласно условиям нашего договора ты должен был сегодня расплатиться с нами. Но ты оказался несостоятельным должником, и поэтому все твое имущество переходит в нашу собственность. Так решил судья. Правда, милорд?» — «Истинная правда, — ответил тот и, пренебрежительно посмотрев на меня, прибавил: — Отныне земли ваших предков являются собственностью аббатства».

Мое лицо изобразило страшное отчаяние. Я молил аббата о сострадании, просил его предоставить мне отсрочку хотя бы на три дня, описывал ему в ярких красках горестную судьбу моей жены и моих детей, которые останутся без хлеба и крова. Тщетно. Аббат оказался глух к моим мольбам. Он сказал, что я ему противен, и приказал мне покинуть монастырь. Возмущенный таким недостойным поведением аббата, я отбросил смирение, гордо поднял голову, вышел на середину зала и положил на стол сумку с деньгами.

«Здесь четыреста золотых монет, которые вы одолжили мне год назад. Часы еще не пробили полдень, все условия нашего договора честно выполнены мною, и поэтому не смотря на ваши уловки, мои владения не станут вашей собственностью».

— Если бы ты видел, Робин, — смеясь, продолжал рыцарь, — как перекошилось лицо аббата от изумления, бешенства и ярости. Он поворачивал голову направо и налево, широко открывал глаза, его губы шептали нечто нечленораздельное. Он словно сошел с ума. Насладившись вдоволь этим немым спектаклем, я вышел из зала и пошел в келью привратника. Там я переоделся в богатое платье, мои люди тоже принарядились, и в сопровождении свиты, достойной моего ранга, я вернулся в зал. Все были поражены происшедшей переменой. А я приблизился к креслу судьи и громко сказал: «Я спрашиваю у вас, милорд, в присутствии всех этих уважаемых господ: могу ли я считать своими земли и замок де ля Плезн после того, как честно выполнил

все условия договора и вернул господину аббату долг с процентами?» — «Ваши владения остаются в вашей собственности», — неохотно выдавил судья.

Я поблагодарил его глубоким поклоном за справедливый приговор и с веселым сердцем покинул монастырь.

Моя семья вышла мне навстречу.

«Мы спасены, спасены, — кричал я, обнимая жену и детей. — Усердно молитесь Богу за здоровье Робина Гуда. Если бы не он, нам всем пришлось бы идти по миру с протянутой рукой. А теперь за работу. Мы должны доказать великодушному Робину Гуду, что достойны его благодеяний».

Мы работали не покладая рук, и земля отблагодарила нас высоким урожаем. Я с благодарностью возвращаю тебе деньги, которые ты мне одолжил. Здесь пятьсот золотых экю, дорогой мой Робин. А кроме того, я дарю тебе сотню луков из тисового дерева, стрелы, колчаны, а еще — войско, которое тебе так понравилось. Солдаты отлично вооружены и обучены, каждый из них имеет прекрасного боевого коня. Прими их в свою дружину, они будут верно и храбро служить тебе.

— Не могу я принять от тебя такой дорогой подарок, и не проси. Ты же сам перестанешь меня уважать, — взволнованно сказал Робин. — Я даже деньги не возьму. Сегодня моим гостем был брат эконома из аббатства Святой Марии. Мы получили с него за угощение восемьсот золотых монет. Так что мы с тобой в расчете. Земля в твоих имениях истощена, за ней нужен хороший уход. Тебе необходимо позаботиться о будущем своих детей. Я же очень богат, и разорение мне не грозит. Наше графство кишит норманнами, а они набиты золотом. Не будем больше говорить о благодарности и признательности. Помни, я всегда готов прийти на помощь к тебе и к тем, кого ты любишь.

— Ты так благороден и великодушен, — растроганно произнес рыцарь, — что я не осмеливаюсь больше просить тебя принять эти подарки. Это было бы неделикатно с моей стороны.

— Правильно, сэр рыцарь, не будем больше об этом говорить, — весело откликнулся Робин. — Расскажи только, что задержало тебя в пути.

— Мы проезжали через одну деревню, — начал свой рассказ сэр Ричард. — Там шло состязание по силовой борьбе между йоменами западных графств. Победители должны были получить в награду белого быка, коня, седло и уздечку,

украшенную золотом, перчатки, серебряное кольцо и бочку старого вина. Я остановился, чтобы посмотреть на это увлекательное зрелище. Среди борцов особенно выделялся силой и ловкостью один йомен высокого роста и мощного телосложения. Он был несомненным претендентом на первенство. И действительно, после того, как он положил на лопатки всех своих соперников, ему бесспорно должна была быть присуждена победа. Но тут кто-то опознал в нем твоего дружинника.

— Так это правда был один из моих людей? — спросил Робин.

— Правда. Все называли его Гаспар-лудильщик.

— Так, значит, он выиграл все призы, наш славный Гаспар?

— Да, все призы. Но устроители состязаний не желали отдавать ему эти призы под предлогом, что он твой дружинник. Гаспар яростно защищал свои права. В пылу спора двое или трое его соперников прибавили к твоему имени несколько неблагозвучных эпитетов. Видел бы ты, как отчаянно защищал тебя Гаспар! Он не жалел ни глотки, ни кулаков. Его противники схватились за ножи. Твой Гаспар едва не погиб, но я с помощью своих ребят разогнал подлую банду. Потом я дал ему пять золотых монет на вино, а беглецов заставил познакомиться с содержимым бочки. Разумеется, упрашивать их не пришлось. А я в это время увел Гаспара, иначе он мог бы стать жертвой мести этих буянов.

— Ты спас жизнь одному из моих самых отважных и верных дружинников. Благодарю тебя, славный рыцарь, — промолвил Робин. — Тот, кто с оружием в руках защищает моих ребят, может рассчитывать на мою дружбу.

— Ты настоящий друг, Робин, — сказал рыцарь. — И я смею надеяться, что ты никогда не изменишь своего отношения ко мне.

Последние послеполуденные часы прошли в веселье и оживленных беседах, а вечером сэр Ричард был радушно принят семьей Гэмвелл в барнсдейлском замке. Там Робин представил его десяти женщинам, блиставшим красотой и любезным обхождением. Уилл поспешил обратить внимание рыцаря на свою горячо любимую Мод, а потом отвел его в сторону и спросил, приходилось ли ему когда-нибудь видеть женщину, равную по красоте Мод. Рыцарь рассмеялся и сказал, что он смертельно обидел бы других дам, если бы осмелился выразить вслух свое восхищение очаровательной Мод.

Этот любезный ответ вполне удовлетворил Уильяма, и он, убежденный, что нет на земле мужа счастливее его, подошел к своей жене и расцеловал ее.

Ночью сэр Ричард покинул гостеприимный Барнсдейл. Дружинники Робина проводили его через лес, и вскоре рыцарь и его великолепная свита вернулись в замок де ля Плэн.

Г Л А В А X

Ноттингемскому шерифу — а им был, как мы знаем, лорд Фитц Олвайн — стало известно, что Робин с частью своих дружинников гостит в Йоркшире, и он решил, что настал момент очистить Шервудский лес от веселых лесных братьев с помощью своего храброго войска. Планируя эту карательную экспедицию, лорд Фитц Олвайн предусмотрел расстановку постов на дорогах, чтобы схватить Робина, когда он будет возвращаться в Шервудский лес. Солдаты барона не были храбрецами, поэтому его светлость вызвал из Лондона отряд закаленных в боях воинов.

Веселые лесные ребята имели своих лазутчиков в Ноттингеме, и поэтому военные приготовления их старого приятеля барона очень скоро перестали быть для них тайной. Доброжелатели сообщили им даже дату внезапного нападения на их лагерь.

Этот выигрыш во времени позволил лесным ребятам подготовиться к достойной встрече незваных гостей. И вот этот день настал. Солдаты выступили из города, уверенные в легкой победе над слабым, как они думали, противником и воодушевленные обещанием щедрой награды. Но едва они проникли в лес, как на них обрушился шквал стрел, и они в панике отступили, устилая землю своими трупами. За первым шквалом последовал второй, еще более сокрушительный и смертоносный. Каждая стрела нашла свою жертву, а стрелки оставались невредимыми. Внеся страх и смятение в ряды противника, лесные ребята вышли из засады и с оглушительными криками уничтожили тех солдат, которые пытались сопротивляться их мощному натиску, но не преследуя остальных. В панике и неописуемом беспорядке вернулись уцелевшие в ноттингемский замок.

А лесные ребята вышли из этого сражения целыми и невредимыми. Вечером они весело отпраздновали победу, а потом погрузили на носилки трупы убитых солдат, отнесли

их в Ноттингем и положили у ворот замка лорда Фитц Олвайна.

Всю ночь барон оплакивал поражение, рвал на себе волосы, обвинял солдат в трусости, жаловался Богу на своего небесного патрона, который его покинул, а потом объявил себя непобедимым полководцем, терпящим поражение за поражением из-за козней врагов.

На следующий день лорда Фитц Олвайна навестил его старый друг-норманн. Он прибыл в Ноттингем в сопровождении пятидесяти солдат. Барон пожаловался ему на свои неудачи, оправдывая их тем, что в дружине Робина Гуда служат одни невидимки.

— Мой дорогой барон,— спокойно ответил ему сэр Гай Гисборн (так звали гостя),— да будь этот Робин Гуд сам дьявол с рогами и хвостом, я обломаю ему рога и вырву хвост.

— Друг мой, на словах все мы храбрецы, а вот когда доходит до дела...— и старый вельможа сокрушенно махнул рукой.— «Если бы я захотел, я бы сделал это, я бы сделал то»,— передразнил он гостя.— Я смеюсь над вашим бахвальством. Робин Гуд неуловим.

— Не надо меня подзадоривать,— беспечно ответил норманн.— Я не нуждаюсь в этом и чувствую себя достаточно сильным, чтобы обуздать дикого льва, а ваш Робин Гуд всего лишь человек. Не спорю, он храбр и ловок, но чертовщиной здесь и не пахнет

— Говорите об этом что хотите, сэр Гай,— возразил барон, и в самом деле решивший натравить норманна на Робина Гуда,— но я уверен, что во всей Англии нет человека, ни крестьянина, ни солдата, ни даже вельможи, который смог бы справиться с этим знаменитым атаманом. Он ничего не боится и может выйти один против целой армии.

Сэр Гай Гисборн пренебрежительно усмехнулся.

— Я нисколько не сомневаюсь в отваге этого славного атамана,— сказал он,— но признайтесь, барон, что до сих пор Робин Гуд имел дело только с ничтожествами.

— Как с ничтожествами?! — вскричал барон. Его самолюбие великого полководца было оскорблено.

— Ну да, с ничтожествами, мой старый друг. Ваши солдаты сделаны не из костей и мяса, а из грязи и молока. Где вы набрали таких идиотов? Они как ошпаренные бегут от стрел разбойников, а имя Робина Гуда наводит на них ужас. Ах! Если бы я был на вашем месте!

— И что бы вы сделали? — нетерпеливо спросил барон.

— Я бы приказал его повесить.

— Одного желания для этого мало, — мрачно сказал барон.

— Правильно. Нужна сила. Счастье его, что он до сих пор не встретился со мной.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся барон. — Уж не думаете ли вы, что он сидит и ждет, когда вы придете и пронзите его копьем? Ну и шутник же вы, мой друг. Никогда не видел такого бахвала. Да вы задрожите как осиновый лист, если я вам сейчас скажу: «Вот Робин Гуд!»

Норманн подскочил от негодования.

— Знайте же, — яростно закричал он, — что я не боюсь ни Бога, ни черта, ничего на свете. Не смейте сомневаться в моей храбрости! И если уж мы заговорили о Робине Гуде, прошу вас, наведите меня на его след. Вы считаете его непобедимым только потому, что вам не удалось победить его. А я не успокоюсь, пока не схвачу его, не обрежу ему уши и не повешу за ноги, как поросенка. Так где же мне искать это ваше страшилище?

— В Барнсдейлском лесу.

— Далеко отсюда?

— Два дня пути окольными дорогами, а прямой мы не знаем. Ах, мой дорогой сэръ Гай, я буду безутешен, если с вами случится несчастье по моей вине. Я усилию ваш отряд своими людьми и сам поведу их в бой. Наконец-то Робин нам за все заплатит. Из верных источников мне известно, что в Барнсдейлский лес он ушел с незначительной кучкой своих дружинников. Если мы будем действовать быстро и осторожно, нам, несомненно, удастся окружить лагерь разбойников, пленить их атамана, а остальных прикончат наши солдаты. Уж они потешат свои души и отомстят за поражение в Шервудском лесу.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, милорд, — сказал норманн. — В бою я докажу вам, что Робин Гуд не дьявол и не невидимка. Я буду драться в открытую, не исподтишка, и в костюме йомена сойду с ним в поединке.

Барон был вне себя от радости, что сумел натравить гордого гостя на своего заклятого врага, но не показал виду. Взволнованным, робким голосом он лицемерно попытался отговорить своего друга от опасного предприятия, остерегал его от переодевания и от поединка с противником, славящимся ловкостью и силой.

Самоуверенный торманя прервал неискренние сетования и предостережения барона, и тот с несвойственной его возрасту резвостью победил в каварму, чтобы самолично отдать солдатам приказ подготовиться к выступлению в поход.

Час спустя сотня солдат под водительством сэра Гая Гисборна и лорда Фитц Олвайна мчалась в предвкушении легкой победы и кровавой мести в Барндейлский лес.

Между бароном и его новым союзником было согласовано: Фитц Олвайн возьмет командование над объединенным войском и станет лагерем, а сэр Гай, переодевшись йоменом, войдет в лес с другой стороны, разыщет Робина Гуда, вызовет его на поединок и убьет его. Одержав победу над атаманом, торманя возвестит о ней барону и всему миру фанфарным пением охотничьего рога. Заслышав победный звук рога, барон должен примчаться со всем войском на место сражения и в качестве шерифа засвидетельствовать гибель Робина Гуда. После этого солдаты прочешут все заросли, поляны и подземелья и перебьют разбойников.

А в это время Робин Гуд лежал в тени Дерева Встреч и беспечно спал. В его ногах сидел Маленький Джон и думал о своей прелестной жене, нежной Уинифред. Внезапно его сладостные мечты прервало щебетание дрозда. Птичка нашла приют в листе Дерева Встреч и, хлопая крыльями, так громко заливалась веселой песней, что Робин проснулся и испуганно вскочил.

— Что с тобой? — спросил Джон.

— Ничего, — ответил Робин, приходя в себя. — Я спал, и вдруг, не знаю от чего, мне стало страшно. Мне почудилось, что на меня напали два йомена, я отчаянно защищался, но тщетно. Смерть уже протянула ко мне свои костлявые руки, и тут я услышал, как какая-то птичка пропела мне: «Мужайся, я лечу к тебе на помощь». Я проснулся и не увидел ни йоменов, ни птички. Пустой сон, — прибавил он, смеясь.

— А я не согласен с тобой, атаман, — посуровел Джон. — Твой сон был наполовину правдив. Только что на этой ветке сидел дрозд и пел во все горло. Может быть, своей песней он хотел предупредить тебя об опасности.

— Неужели ты стал суеверным, дружище Джон? — весело спросил Робин. — В нашем возрасте это смешно. Оставим глупости девицам и маленьким детям. Хотя, — задумчиво продолжал он, — наша жизнь, полная тревог и неожиданностей, требует внимания ко всему, что происходит вокруг нас. Кто знает, возможно, дрозд говорил нам:

«Берегитесь! К вам подкрадывается беда». Ну что же, предупрежден — значит вооружен.

И Робин протрубил в рог. Веселые ребята, рассеянные по всему лесу, сбежались на его зов. Робин приказал им оседлать йоркскую дорогу, ибо нападения следовало ожидать только с этой стороны, а сам вместе с Маленьким Джоном пошел в противоположную часть леса. Там в лощине они встретили какого-то йомена в плаще из лошадиной кожи. В те времена такие плащи были в большой моде в йоркширских деревнях, где большинство крестьян занималось разведением лошадей. Он был вооружен мечом и кинжалом. На лице его ясно выражалась жестокость, стремление убивать просто для собственного удовольствия.

— Клянусь душой, — сказал, заметив его, Робин, — редко встретишь такого отъявленного злодея. Он словно окружен черным облаком преступлений. Я сейчас спрошу его и, если он не пожелает отвечать мне как честный человек, посмотрю, какого цвета его кровь.

— Он похож на злобного пса с огромными клыками, мой милый Робин. Остерегись. Я сам подойду к нему и спрошу его.

— Джон, — живо возразил Робин, — пусть это будет мой каприз, но я хочу сам потолковать с парнем. Очень мне хочется погладить его против шерсти. Если я буду прислушиваться к твоим советам, то скоро превращусь в красную девицу или, еще чего доброго, за неимением достойных противников брошусь с кулаками на тебя. Поверь мне, я поколочу его только для того, чтобы потренироваться. А ты иди к ребятам и возвращайся только после того, как я позову вас победным пением рога.

— Твоя воля — закон для меня, Робин, — не скрывая досады, ответил Джон. — Повинуюсь. С большой неохотой, но повинуюсь.

Оставим Робина, твердо намерившегося затеять ссору с незнакомцем, и последуем за Маленьким Джоном. Очень скоро он увидел Уилла Пунцового и двоих веселых ребят, сражавшихся с дюжиной солдат. Джон испустил воинственный крик, и одним прыжком оказался рядом с друзьями. Положение было отчаянное. Внезапно со стороны дороги послышались топот конских копыт, бряцание оружием, и вскоре в лесной полутьме возник отряд солдат. Впереди на богато украшенном коне ехал ноттингемский шериф. На его лице застыло высокомерное выражение, в руках он держал копьё.

Джон бросился навстречу этому отряду, поднял лук, вложил в него стрелу и прицелился в барона. Сделал он это с такой быстротой и резкостью, что натянутый лук сломался, как прутик. Джон с проклятиями отбросил ненужный лук и схватил другой, протянутый ему смертельно раненным дружинником. Барон сразу понял намерения лучника. Он низко пригнулся к луке седла, и предназначенная ему стрела попала в стоявшего позади него солдата. Тот рухнул в придорожную пыль. Гибель товарища ожесточила солдат. Они твердо решили одержать на этот раз победу над дружинниками Робина Гуда и, пришпорив коней, ринулись в бой. Из двух товарищей Уильяма один был мертв, а другой истекал кровью, но продолжал отчаянно сопротивляться. Исход сражения был предreshен. Смертельная опасность нависла над Уиллом. Джон бросился в самую гущу схватки, вырвал брата из рук солдат и приказал ему спастись бегством.

— Никогда! — с негодованием ответил Уилл.

— Беги, Уилл, — умолял Джон, продолжая отбиваться от наседавших врагов. — Найди Робина, созови веселых ребят. Увы! Сегодня зеленая трава окрасится кровью. Песней дрозда небо предупреждало нас о беде.

Со всех сторон на поляну сбегались солдаты. Уильям оценил обстановку и внял мольбам брата. Мощным ударом свалил он с ног солдата, попытавшегося преградить ему дорогу, и быстро скрылся в лесной чаще.

Маленький Джон сражался, как лев, но силы были неравные. Он упал, его связали и прислонили к стволу дерева. Теперь судьба Маленького Джона зависела от барона. Его светлость поспешил на радостные крики своих солдат. При виде пленника на его губах появилась улыбка удовлетворенной ненависти, лицо приняло зловещее выражение.

— Ну, попался наконец, дылда! — не помня себя от радости проговорил барон. — Теперь от меня не уйдешь. За все мне заплатишь, а потом я отпущу тебя... в лучший мир.

— Клянусь небом! — спокойно произнес Джон, кусая от ярости нижнюю губу. — Какими бы мучениями ты мне ни отомстил, ты никогда не сможешь забыть, что однажды твоя жизнь была в моих руках и ты продолжаешь копить небо только благодаря моей доброте. Берегись! С Робинот Гудом ты не справишься так же легко, как справился со мной.

— Робин Гуд! — ухмыляясь, сказал барон.— Очень скоро для твоего приятеля часы жизни пробьют в последний раз. Я приказал отрубить ему голову, а тело оставить здесь на съедение лесным волкам. Солдаты,— обратился он к своим людям,— посадите этого злодея на спину лошади и никуда не отлучайтесь. Через несколько минут должен вернуться сэр Гай. Я очень надеюсь, что он принесет голову побежденного им в бою Робина Гуда.

Солдаты спешили и окружили барона, который с нетерпением ожидал возвращения с победой сэра Гая Гисборна.

Оставим его светлость отдыхать от трудов праведных и посмотрим, что делают Робин и человек в плаще из лошадиной кожи.

— Доброе утро, мессир,— произнес Робин, приближаясь к незнакомцу.— Какой у вас чудесный лук! Такой лук может быть только у меткого стрелка и честного малого.

— Я заблудился,— сказал прохожий, пропустив мимо ушей приветствие Робина,— и не могу найти дорогу в этом лабиринте дорог и тропинок.

— Я отлично знаю лес, мессир,— вежливо ответил Робин,— и, если вы скажете мне, куда направляетесь, я охотно провожу вас туда.

— Мне нужно попасть в центральную часть леса,— сказал незнакомец, внимательно оглядывая случайного собеседника.— Там я надеюсь встретить одного человека, с которым хочу свести счеты.

— Кто же этот человек? — любезно спросил Робин.

— Опасный злодей, человек вне закона, по которому давно плачет веревка.

— А-а-а,— улыбаясь, протянул Робин.— А можно спросить у вас имя этого висельника?

— Конечно. Его зовут Робин Гуд. И я охотно дам десять золотых монет тому, кто поможет мне встретиться с ним.

— Благодарите случай, сэр, что я оказался на вашем пути. Я помогу вам встретиться с Робин Гудом, только позвольте узнать ваше имя.

— Меня зовут сэр Гай Гисборн. Я очень богат, у меня много поместий и вассалов. Вы, конечно, поняли, что я переоделся йоменом, чтобы не быть узнаанным раньше времени и поскорее встретиться с Робин Гудом. Злодей и не подумает опасаться бедно одетого крестьянина, и я беспрепятственно доберусь до него. Найти его — вот основная трудность. Как только я доберусь до него — ему не жить.

Клянусь вам, я убью его так быстро, что вы и глазом не успеете моргнуть. Без всякого милосердия.

— Что же вам плохого сделал Робин Гуд?

— Мне? Ничего! Я даже имя его узнал всего лишь несколько дней назад. И он никогда не слышал о моем существовании. Вы сами в этом убедитесь.

— Так почему же вы посягаете на его жизнь?

— Это доставит мне удовольствие. Вот и все.

— Странные у вас удовольствия, и, позвольте вам заметить, мне очень неприятно знакомство с таким кровожадным человеком, как вы.

— Вы ошибаетесь на мой счет. Я вовсе не злой и не кровожадный. И если бы не этот старый дурак Фитц Олвайн, я бы сейчас спокойно ехал домой. Это он втравил меня в приключение, лицемерно сомневаясь, что я смогу одолеть злодея. Я потерял самообладание и поклялся своей честью убить Робина Гуда. Свое слово я должен сдержать любой ценой. Ну вот я и рассказал вам все о себе, теперь ваша очередь. Как ваше имя?

— Вы хотите знать мое имя? — громко произнес Робин, серьезно посмотрев на переодетого йомена. — Пожалуйста. Я граф Хантингдонский, царь лесов. Я тот человек, которого ты ищешь. Меня зовут Робин Гуд.

Норманн отскочил назад.

— Приготовься к смерти, — закричал он, выхватив меч из ножен. — Сэр Гай Гисборн сдержит свое рыцарское слово. Я поклялся тебя убить, и ты умрешь. Молись, Робин Гуд. Через несколько минут я оповещу пением моего рога, что атаман разбойников мертв. Труп без головы, и больше ничего.

— Право располагать по своему усмотрению телом убитого противника принадлежит победителю. Так что ты рано принялся кромсать шкуру неубитого медведя, — холодно возразил Робин Гуд. — Ты поклялся, что не пощадишь меня, и я в свою очередь клянусь, что, если Пресвятая Дева подарит мне победу, поступлю с тобой так, как ты этого заслуживаешь. Бьемся без пощады до тех пор, пока один из нас не упадет замертво.

И противники скрестили мечи.

Норманн был сильным мускулистым мужчиной высокого роста — настоящий Геркулес. Редко кто мог сравниться с ним в искусстве фехтования. Он с такой яростью напал на Робина, что тот вынужден был отступить и запутался ногами в корнях дуба. Сэр Гай быстро оценил обстановку и понял,

какое преимущество он получил. Он удвоил натиск, и несколько раз мелькал его меч в опасной близости от груди Робина. Положение Робина становилось критическим, корни дерева крепко охватили его ноги, он не мог двинуться ни вперед, ни назад. Мощным рывком ему удалось высвободиться, подобно загнанному оленю, он перепрыгнул через тропинку, но неудачно приземлился и рухнул в пыль.

Сэр Гай был не из тех, кто упускает дарованную случаем возможность погубить противника. С победным криком бросился он на Робина, намереваясь проломить ему голову. Робин ясно увидел нависшую над ним смертельную опасность. Он закрыл глаза и прошептал:

— Пресвятая Божья Матерь, помоги мне! Дорогая Покровительница Всех Скорбящих, неужели ты позволишь норманну убить меня?

Не успел Робин произнести эту мольбу, которую сэр Гай принял за предсмертное покаяние и не осмелился прервать, как почувствовал мощный прилив сил. Он направил на врага острие своего меча и, пока тот пытался отбить его в сторону, быстро вскочил на ноги. Сражение возобновилось с яростной силой. Удача отвернулась от сэра Гая, Робин выбил из его рук меч и пронзил его своим мечом. Без крика, без стога сэр Гай замятво упал на землю. Робин поблагодарил Бога за победу и, убедившись, что сэр Гай испустил дух, внимательно всмотрелся в черты его лица. Внезапно он вспомнил, что норманн пришел в лес не один, где-то недалеко схоронились солдаты в ожидании, когда он оповестит их о победе пением рога.

«Не солдаты ли это барона Фитц Олвайна? — подумал Робин.— А если и его светлость сюда пожаловал, разве можно упустить случай лишний раз позабавиться. Посмотрю, как он примет весть о моей гибели».

Робин раздел труп норманна, облачился в его одежду, а когда накинул на свои плечи плащ из конской кожи, то стал удивительно, неотличимо похож на сэра Гая Гисборна. Потом он отделил голову от тела, и над лесом полилось призывное пение охотничьего рога сэра Гая.

В ответ послышались радостные крики, и Робин побежал на звук, туда, где солдаты рыцаря ожидали своего господина с победой.

— Слушайте, слушайте! — закричал Фитц Олвайн.— Это же рог сэра Гая, правда?

— Правда, милорд, — ответил один из воинов рыцаря.— Так может звучать только рог моего хозяина.

— Так, значит, победа? Победа! — ликовал старый вельможа.— Славный сэра Гай убил Робина!

— Даже сотня сэров Гаев не одолеют Робина Гуда в честном поединке,— проревел Маленький Джон, хотя страшная тревога сжимала его сердце.

— Заткнись, длинноногий дурак! — грубо оборвал его барон.— Если у тебя есть глаза, протри их и посмотри: к нам спешит победитель твоего паршивого атамана, отважный сэра Гай.

Джон приподнялся и увидел йомена в плаще из лошадиной кожи. Робин так хорошо подражал походке сэра Гая, что даже опытный Джон не узнал его. Крик бессильной ярости вырвался из груди Джона.

— Ах, злодей! Ах, негодяй! — в отчаянии закричал он.— Он убил Робина Гуда! Убил самого славного сакса! Мщение! Мщение! Мщение! У Робина Гуда есть друзья! В одном только Ноттингемском графстве их тысячи. Они накажут убийцу!

— Ты бы лучше молился за упокой своей души, пес! — закричал барон.— Твой хозяин сдох, и тебя скоро пришибут. Молись, чтобы твою душу миновали мучения, какие ожидают твое тело. Неужели ты надеешься заслужить пощаду, преследуя своими пустыми угрозами благородного рыцаря, который очистил землю от безбожного негодяя? Подойдите к нам, славный сэра Гай,— величественно обратился лорд Фитц Олвайн к Робину Гуду.— Вы заслужили нашу похвалу и нашу признательность. Вы освободили наше графство от нечисти. Всеобщий страх присвоил этому человеку титул непобедимого. Как же я рад приветствовать победителя непобедимого. Просите у меня награду, достойную вашего подвига. Я окажу вам поддержку при королевском дворе, дарю вам свою дружбу. Просите у меня все, что вы желаете, благородный рыцарь. Я к вашим услугам.

Робин мгновенно оценил обстановку. Яростные взгляды, которые бросал на него Джон, лучше, чем триумф и изъявления благодарности, расточаемые старым вельможей, свидетельствовали, что его преобразование удалось.

— Я не заслуживаю ваших благодарностей,— ответил Робин, подражая голосу убитого рыцаря.— Я убил в честном бою того, кто напал на меня. Вам угодно, дорогой барон, чтобы я просил себе награду за оказанную вам услугу. Так позвольте же мне сразиться с плененным вами злодеем. Мне не по себе от его испепеляющих взглядов. Вот я и

отправлю его на тот свет, чтобы его хозяину не было там скучно.

— Как вам будет угодно! — ответил лорд Фитц Олвайн, потирая от радости руки. У него возникла надежда, что он сможет, не обагрив свои руки кровью, избавиться от Джона. — Его жизнь принадлежит вам. Убейте его.

В голосе Робина Джону послышались знакомые нотки. По ним он и узнал своего брата, и словно гора свалилась с его плеч. Его сердце забилося от радости.

Робин подошел к Джону, за ним последовал барон.

— Милорд, — смеясь, сказал Робин, — сообразовайте оставить меня наедине с этим злодеем. Я уверен, что под страхом позорной смерти он выдаст мне убежище банды. Удалитесь, милорд, и уведите с собой ваших людей. Мне здесь не нужны любопытные. Их я покараю так же жестоко, как покарал человека, голову которого могу подарить вам на память о нашем знакомстве.

И он бросил свой кровавый трофей в руки лорда Фитц Олвайна. Старик дико закричал. Голова сэра Гая выпала из его рук и покатилась по земле. Перепуганных насмерть солдат словно ветром сдуло. А Робин поспешил освободить Маленького Джона от веревок, дал ему в руки лук и стрелы сэра Гая, а затем протрубил в охотничий рог.

Не успел призыв рога разнестись по лесу, как в ответ послышался боевой клич веселых ребят. Затрещали сучья, и на поляну выскочил Уилл Пунцовый, а за ним отряд лесных братьев с мечами в руках.

Это было как гром среди ясного неба. Барону казалось, что все это происходит во сне. Он смотрел и ничего не видел, слушал и ничего не слышал. Его душу и тело парализовал страх. Когда барон пришел в себя, он бросился к тому, кого принимал за норманнского рыцаря. Робин сбросил уже с себя плащ из лошадиной кожи и с мечом в руке держал на почтительном расстоянии тех солдат, которые оказались храбрее своего командующего. Барон долго смотрел на Робина, не в силах произнести ни слова. Потом он резко повернулся, вскочил на коня и умчался во весь опор, бросив солдат на произвол судьбы. А солдаты с похвальной поспешностью последовали примеру своего командующего.

— Чтобы тебя черт унес! — яростно кричал Джон. — И твоя трусость не спасет тебя. Ты нигде не спасешь свою гнилую голову от моих стрел.

— Не стреляй, Джон, — остановил Робин руку брата. — Ты же видишь, что по всем законам природы он не зажи-

вется на земле. Зачем же марасть о него руки? Он и так не живет, а мучается. Даже семья его прокляла, и его грызет бессильная злоба.

— Не могу же я отпустить этого старого разбойника безнаказанным. Позволь мне проучить его. Даю слово, он долго будет помнить нашу встречу в Барнсдейлском лесу.

— Ладно, действуй, но поторопись, а то он уйдет.

Стрела пропела в воздухе, барон подпрыгнул в седле с такой резвостью, что можно было не сомневаться: долго еще он не сможет сесть ни в седло, ни в кресло.

Маленький Джон пожатием руки поблагодарил своего спасителя, Робин поведал братьям об очередном приключении, и они весело провели остаток дня.

Г Л А В А Х I

Робин Гуд окончательно отравил существование лорду Фитц Олвайну, единственным желанием которого стало отмщение атаману за все перенесенные по его вине унижения. Это желание переросло во всепоглощающую страсть. Неудачи так и не образумили барона, и, потерпев очередное поражение, он с проклятиями принимался составлять новые планы уничтожения дружины лесных братьев.

На своем горьком опыте барон убедился, что силой он никогда не победит своего заклятого врага, и поэтому решил пойти на хитрость. Долго и тщательно составлял он план завлечения Робина в сети. А когда все обдумал, пригласил в замок богатейшего ноттингемского купца, изложил ему свой план, выслушал его соображения и приказал держать этот план в глубокой тайне. Купец был слабым, нерешительным человеком, но он не меньше барона ненавидел Робина, которого называл разбойником с большой дороги.

На следующий день купец пригласил в свой дом именитых ноттингемцев и предложил им организовать с разрешения барона состязания в стрельбе из лука и пригласить на них лучших стрелков Ноттингема и Йоркшира.

— Ноттингемское графство и графство Йоркское — соперники, — прибавил купец. — И поэтому я был бы счастлив предложить соседям помериться силами и искусством с нашими лучниками. Я, разумеется, уверен, что наши ребята подтвердят свою славу непревзойденных стрелков из лука. А чтобы выравнять возможности обеих команд, мы проведем эти состязания на границе Ноттингемского и Йоркского

графств. Наградой победителю будет серебряная стрела с золотым оперением

Именитые ноттингемцы с энтузиазмом приняли предложение приспешника барона и пошли в замок просить лорда Фитц Олвайна разрешить им провести состязания стрелков из лука двух соседних графств.

Итак, первый этап плана удался на славу. С трудом скрывая охватившую его радость, барон с безразличным видом дал свое разрешение на проведение состязаний лучников. Он даже согласился, после долгих и настойчивых уговоров, председательствовать на играх.

Именитые ноттингемцы были очарованы доброжелательством своего сеньора. По их мнению, одно только его присутствие придаст особый блеск празднеству. Некоторые из них увидели в этом благоприятный знак неба. Вышли они из замка растроганные и радостные и сразу же поспешили рассказать согражданам, с какой любезностью и благоволением были приняты бароном, при этом они энергично размахивали руками, их глаза были широко раскрыты от удивления. Сразу было видно, что норманнский вельможа не часто баловал ноттингемцев любезностью и вниманием.

И скоро по дорогам поскакали глашатаи, созывая жителей Ноттингемского и Йоркского графств на состязания лучников. Был назначен день, а место для состязаний выбрали между Барнсейлским лесом и Мансфельдом, и были приняты меры, чтобы донести эту весть до сведения дружинников Робина Гуда. Без колебаний согласился Робин защищать честь славного города Ноттингема. Но когда до его слуха дошло, что председательствовать на играх будет его светлость, он понял, что здесь что-то нечисто. Мрачный, злобный характер старого норманна плохо сочетался с избранной им ролью организатора праздника лучников-саксов.

«Значит, он замыслил новую пакость,— подумал Робин.— Надо быть ко всему готовым».

Накануне дня состязаний Робин собрал лесных братьев и объявил им о своем твердом намерении завоевать первый приз.

— Ребята,— сказал он.— Слушайте меня внимательно: на празднике будет присутствовать наш старый знакомый барон Фитц Олвайн. Неспроста он подмазывается к йоменам. Мне кажется, я разобрался, для чего он это делает: хочет навсегда разделаться с нами. Я возьму с собой на состязания сто сорок человек. Шестеро из них примут участие в состязаниях, а остальные смешаются с толпой зрителей и в

случае предательства барона соберутся по зову моего рога и прикроют наше отступление. Держите оружие наготове, схватка может быть жаркой.

Приказы Робина были выполнены с точностью. Ранним утром дружинники небольшими группами вышли из леса и беспрепятственно достигли места, где уже собралась огромная толпа зрителей. В состязаниях должны были принять участие Робин Гуд, Маленький Джон, Уилл Пунцовый, Мач и пятеро рядовых дружинников. Они переоделись в йоменов и держались так, словно никогда в жизни друг друга не видели. Ареной служил огромный луг на опушке Барнсейлского леса, недалеко от королевской дороги. В центре арены стояли мишени, а напротив мишеней был установлен помост. На нем должен был восседать барон, соизволивший принять на себя обязанности судьи состязаний.

Вскоре появился его светлость в сопровождении отряда вооруженных солдат. Пятьдесят полицейских, переодетых йоменами, смешались с толпой, им было приказано хватать всех подозрительных и препровождать их к шерифу.

Лорд Фитц Олвайн был уверен, что Робин, рискованный парень и любитель приключений, обязательно примет участие в состязаниях и, возможно, придет без охраны. Это был последний шанс покончить с ненавистным врагом, возмущавшим его спокойствие.

Звуки труб возвестили о начале соревнований. Первыми выступили три йоркширца. Все их стрелы вонзились в мишени, но ни одна из них не попала во внутренний круг. Йоркширцев сменили ноттингемские йомены. Их результаты были несколько не лучше результатов соседей. Только Уиллу Пунцовому удалось без труда попасть в самый центр внутреннего круга. Восторженными криками выразили зрители свое восхищение ловкостью и искусством Уилла. Его сменил Маленький Джон. Он послал свою стрелу точно в то отверстие, из которого только что была вынута стрела Уилла. Старшина игр не успел вынуть стрелу Джона, Робин своей стрелой расщепил ее. Зрители шумно выражали свой восторг. Крики, возгласы, свист. Богатые ноттингемцы заключали безумные пари.

Наступил черед трех лучших стрелков из Йоркшира. Их стрелы засвистели в воздухе и вонзились в центр яблочка. Северяне разразились ликованием и тоже принялись заключать пари. Даже барон искренне заинтересовался игрой. Его особое внимание привлек Робин Гуд. Но их раз-

деляло значительное расстояние, и старые близорукие глаза барона не разглядели черты лица Робина. Милорд не узнал своего заклятого врага.

Мач и рядовые дружинники, назначенные Робинот для участия в состязаниях, без труда попали в цель. Таких же результатов достигли и выступившие вслед за ними четверо йоркширцев.

Вперед вырвались несколько лучников, они с одинаковой меткостью вонзали свои стрелы в яблочко, и трудно было выбрать лучшего из них. Кому присудить награду? И тогда старшины игр решили выбрать по семь лучших стрелков из каждой команды. Им предложили состязаться в стрельбе не по обычным мишеням, а по тонким палкам. Ноттингемская команда состояла из Робина и его лесных ребят, а йоркширцы предоставили право защищать честь их графства самым ловким и метким йоменам.

Первыми стреляли йомены. Все их стрелы пролетели мимо, только одному йомену удалось сорвать своей стрелой кору с одной стороны палочки. За ними выступил Уилл Пунцовый. Он выстрелил почти не целясь, его стрела расщепила ивовый прут, в который была направлена.

— Да здравствует Ноттингемшир! — вопили, не помня себя от радости, ноттингемские болельщики. От полноты чувств они бросали в воздух шапки, меньше всего думая о том, смогут ли их найти.

В землю воткнули новые палки. Все ребята Робина легко расщепили их. Настал черед самого Робина. Он вынул из колчана три стрелы и с такой быстротой послал их в цель, что зрители не успели проследить, как он это сделал. Палки оказались расщепленными. Зрители были потрясены невиданной ловкостью.

— С тех пор как в Англии согнули первый лук, такого стрелка еще не выдвали, — шептали они друг другу.

Командам предложили другие виды состязаний по стрельбе из лука, и всякий раз победителем оказывался Робин, хотя его соперники были очень искусные и меткие стрелки. Кое-кто в толпе зрителей начал говорить, что сам знаменитый Робин Гуд не смог бы соперничать с этим дьяволом в красной куртке. Так окрестили зрители Робина. Над тайной Робина нависла опасность. Догадка переросла в уверенность. И вот уже никто из зрителей не сомневался, что абсолютный чемпион по стрельбе из лука не кто иной, как сам Робин Гуд.

Обозленные поражением йоркширцы воспользовались этим слухом и потребовали считать результаты состязаний недействительными на том основании, что возможности команд были неравные и на стороне соперников выступил непревзойденный стрелок из лука. Они жаловались, что их обманули, что их чести нанесен ущерб, что их зря ввели в расходы. Им не давали покоя проигранные пари. В воздухе послышались ругань, оскорбления, ссора грозила перейти в драку.

Это не ускользнуло от внимания лесных братьев, рассеянных в толпе. По тайному знаку, но словно невзначай, собрались они в одном месте, готовые отразить нападение разъяренных соперников на своих товарищей.

Пока йоркширцы проклинали на чем свет стоит удачливых соперников, счастливые ноттингемцы подняли своего кумира на руки и с веселыми криками и пением понесли его к помосту, где восседал барон.

— Дорогу победителю! Да здравствует самый меткий на свете лучник! — кричала толпа. — Вот кто заслужил награду!

Робин предстал перед лордом Фитц Олвайном со скромно опущенной головой. Его поза выражала глубокое почтение. Барон жадно вглядывался в черты лица стоявшего перед ним победителя. Общего у этого человека с неуловимым врагом его светлости было очень мало, разве только рост и манера носить одежду. Два противоречивых чувства раздирали душу барона: сомнение и слабая уверенность. Он опасался, что излишняя поспешность может разрушить его план, и надеялся узнать своего врага по голосу. Но Робин обманул надежды барона. Приняв из рук барона серебряную стрелу, Робин с вежливым поклоном засунул ее за пояс.

Прошло несколько секунд. Робин сделал вид, что уходит, но в тот момент, когда отчаявшийся барон хотел его остановить, он поднял голову, посмотрел старому лорду прямо в глаза и, расхохотавшись, сказал:

— Никакими словами невозможно выразить, как я ценю ваш подарок, мой старый дорогой друг. Мое сердце полно признательности к вам. Я возвращаюсь под зеленую сень леса, моего родного дома. Всю свою жизнь я буду бережно хранить это драгоценное свидетельство вашей доброты ко мне. От всей души желаю вам, благородный хозяин Ноттингема, счастливого возвращения в ваш замок.

— Стой! Стой! — зарычал барон. — Солдаты, выполняйте свой долг! Это Робин Гуд! Хватайте его!

— Подлый трус! — воскликнул Робин. — Вы пригласили на игры всех желающих, своей честью поклялись, что их достоинство и жизнь будут вне опасности!

— Я пригласил честных йоменов, а не разбойников! Солдаты, хватайте злодея!

— Всякий, кто посмеет приблизиться ко мне, будет убит! — громовым голосом закричал Робин и направил свой лук на парня, двинувшегося было к нему. Решимость атамана дорого продать свою жизнь отрезвила храбреца, он попятился назад и растворился в толпе.

Робин протрубил в рог, и лесные братья, уже приготовившиеся к кровавой свалке, бросились на его защиту. Они окружили своего атамана плотным кольцом и по его приказу направили натянутые луки на солдат. Чтобы избежать ненужного кровопролития, Робин велел своим ребятам медленно отступать.

Разъяренный барон бросился на лесных дружинников во главе многочисленного войска, к солдатам присоединились йоркширцы, обозленные поражением своей команды и проигранными пари. Но ноттингемцы, признательные Робину за одержанную победу во славу их графства и связанные с ним крепкими узами дружбы, не оставили своего любимца в беде. Они открыли широкий проход и, пока Робин с веселыми ребятами шли по нему, ободряли их. Потом они сомкнули ряды.

К несчастью, сторонников Робина было слишком мало, и они не смогли долго выдержать натиск солдат барона. Ряды ноттингемцев были прорваны, и солдаты с йоркширцами устремились в погоню за беглецами. Время от времени дружинники поворачивались лицом к преследователям и осыпали их стрелами. Солдаты не оставались в долгу и, несмотря на большие потери, следовали по пятам за беглецами. Внезапно Маленький Джон, который бежал рядом с Робинем, остановился и сказал:

— Милый Робин, мой смертный час пробил. Я тяжело ранен, силы мои на исходе, я не могу дальше идти.

— Как?! — вскричал Робин. — Ты ранен?

— Да, — ответил Джон. — Стрела попала мне в колено, и я потерял много крови. Ноги уже не держат меня.

И он упал навзничь.

— Господи! — простонал Робин, опускаясь на колени возле своего брата. — Джон, милый Джон, мужайся! Обопричь на меня и попробуй подняться. Я не устал и, если у тебя нет сил, понесу тебя. Еще несколько минут, и мы

спасены. Я сейчас перевяжу твою рану, и тебе сразу станет легче.

— Нет, Робин, это бесполезно,— слабым голосом за-протестовал Джон.— Нога отнялась, я буду тебе только обузой. Оставь меня здесь, я скоро умру. Беги, спасайся.

— Бросить тебя на произвол судьбы? Да ты с ума сошел! Неужели ты думаешь, что я способен на такую подлость?

— Это не подлость, Робин, а долг. Ты отвечаешь перед Богом за этих ребят, преданных тебе душой и телом. Оставь меня здесь. Робин, если ты меня любишь... если ты меня любил когда-нибудь, ты ведь не позволишь, чтобы я попал живым в руки мерзкого шерифа. Вонзи мне нож в сердце, и я умру, как честный сакс. Слышишь, Робин, убей меня, избавь меня от жестоких страданий. Я не хочу в смертный час видеть своих врагов. Они трусы, эти подлые норманны.

— Не проси у меня невозможного, Джон,— ответил Робин. По его щекам текли слезы.— Ты прекрасно знаешь, что я не оставлю тебя здесь беспомощного. Я спасу тебя даже ценой своей жизни, буду защищать до последней капли крови. А если упаду, то рядом с тобой, и мы войдем в лучший мир вместе, рука об руку, как жили.

— Мы будем сражаться и умрем рядом с тобой, если так угодно небу,— произнес Уилл, обвиняя брата.— Ребята,— обратился он к окружившим их лесным братьям,— наш друг, наш командир смертельно ранен. Неужели мы оставим его на растерзание врагам?

— Нет! Нет! Никогда! — ответили все как один лесные братья.— Мы станем вокруг него и будем защищать его до последнего дыхания.

— А ну, позвольте,— произнес богатырь Мач. Он подошел к Джону и осмотрел его рану.— Ничего опасного, и нечего зря рисковать нашими шкурами. Джон ранен в колено, его надо скорее перенести в безопасное место, иначе он истечет кровью. Я понесу его на себе, пока у меня хватит сил.

— Если ты, не дай Бог, упадешь, я взвалю его на плечи и понесу дальше,— сказал Уилл.— А если со мной случится несчастье, меня заменит кто-нибудь другой. Правда, ребята?

— Да, да,— ответили веселые ребята.

Несмотря на сопротивление Джона, Мач поднял его и с помощью Робина взвалил себе на плечи. Из-за вынужденной остановки беглецов резко сократилось расстояние между ними и преследователями. Веселые ребята снова выпустили в солдат тучу стрел и побежали дальше в надежде

укрыться в лесу прежде, чем к преследователям вернется мужество. Они были уверены, что солдаты не посмеют сунуться в лес. Неожиданно они увидели за вершинами деревьев башни замка.

— Чьи это владения? — спросил Робин. — Кто-нибудь из вас знает, чьи это владения?

— Я знаю, атаман, — ответил парень, недавно принятый в дружину.

— Примет ли нас хозяин замка?

— Сэр Ричард де ля Плэн — настоящий сакс, — сказал парень. — Мы будем желанными гостями в его замке.

— Сэр Ричард де ля Плэн? — вскричал Робин. — Мы спасены! Вперед, ребята, вперед! Слава Пресвятой Деве! — И Робин осенил себя крестным знаменем. — Она никогда не оставляет несчастных в беде. Уилл Пунцовый, беги к воротам и скажи охраннику, что Робин Гуд и его дружинники, преследуемые норманнами, просят убежища в замке.

В мгновение ока пробежал Уилл расстояние, отделявшее его от жилища сэра Ричарда. За ним следовали Робин и его дружинники. Вскоре они увидели, как над крепостной стеной взвился белый флаг. Ворота замка распахнулись, подъемный мост опустился, и навстречу беглецам выехал всадник. Поравнявшись с Робинем, он соскочил с коня и сердечно приветствовал атамана.

— Мессир, — сказал он, пожимая руку Робину Гуду, — меня зовут Хэрберт Гоуэр, я сын сэра Ричарда де ля Плэна. Батюшка поручил мне передать вам, что вы и ваши люди — желанные гости в нашем доме и что он счастлив отплатить вам добром за добро. Я принадлежу вам душой и телом, сэр Робин, — прибавил молодой человек в порыве благодарности. — Располагайте мной как пожелаете.

— Благодарю вас от всего сердца, мой молодой друг, — ответил Робин, обнимая Хэрберта. — И ловлю вас на слове. Я был бы счастлив назвать своим заместителем такого любезного рыцаря, как вы. А теперь к делу. Вот уже два часа нас преследуют солдаты барона Фитц Олвайна, страшная опасность нависла над нами. Наши силы на исходе, ранен норманнской стрелой мой самый дорогой друг. Вот, смотрите, сэр, — продолжал Робин, показывая рыцарю на солдат, появившихся на дороге. — Они настигнут нас, если вы не предоставите нам убежище за крепкими стенами вашего замка.

— Подъемный мост опущен, — произнес Хэрберт. — Поспешим, и через десять минут вы будете в безопасности.

Не успели последние дружинники Робина войти в замок, как к воротам подскочил барон со своей шайкой. Ожесточенный новым поражением и крушением тщательно продуманного плана, его светлость принял дерзкое решение потребовать именем короля выдачи людей, укрывшихся в замке. На стену замка вышел сэр Ричард.

— Сэр Ричард де ля Плэн,— спросил его барон,— знаете ли вы, кому предоставляете убежище в своем замке?

— Разумеется, знаю,— холодно ответил рыцарь.

— Так, значит, предводитель этой шайки, человек вне закона, враг короля — ваш друг? Вы предатель и изменник, сэр Ричард!

— Этот замок и окружающие его земли — моя собственность. Здесь я хозяин и поэтому волен поступать, как мне заблагорассудится, и принимать в своем доме всех, кто мне нравится. Вот вам мой ответ, милорд. Извольте покинуть мои владения, или я прикажу своим солдатам вышвырнуть вас. Если вы пожелаете принять бой, я выставлю против вас сотню воинов и лучников, равных которым нет во всей Англии. Прощайте, милорд.

И рыцарь спустился со стены. Барон прекрасно знал цену своему воинству и поэтому не решился напасть на хорошо укрепленный замок. Он отступил в гневе и ярости.

— Добро пожаловать в дом, которым я владею благодаря твоей доброте, дорогой мой Робин Гуд! — сказал рыцарь, обнимая своего гостя.— Добро пожаловать!

— Благодарю тебя, рыцарь,— ответил Робин,— но, ради всего святого, не будем больше говорить о незначительной услуге, которую я тебе когда-то оказал. Ты уже стократно отплатил за нее, подарив мне свою дружбу, а сегодня спас меня и моих друзей от неминуемой гибели. Мой брат тяжело ранен, и я прошу тебя позаботиться о нем.

— Мы выходим его и поставим на ноги, мой милый Робин.

— Ты знаком с этим славным парнем, рыцарь,— продолжал Робин.— Это Маленький Джон, мой первый помощник и самый верный товарищ.

— Моя жена и Лилия сейчас займутся им,— ответил сэр Ричард.— И будь спокоен, она вылечит его.

— Если вы говорите о Маленьком Джоне или, вернее, о самом высоком Джоне, какой когда-либо сражался с дубиной в руках,— вмешался в разговор Хэрберт,— то он уже в руках лучшего йоркского врача. Этот целитель гостит у нас со вчерашнего дня. Он наложил раненому повязку и пообещал через несколько дней поставить его на ноги.

— Слава Богу! — произнес Робин. — Мой дорогой Джон вне опасности. А теперь, сэра Ричард, — прибавил он, — я в полном распоряжении вашей семьи.

— Моя жена и Лилия с нетерпением ожидают тебя, милый Робин, — промолвил рыцарь. — Они в соседней комнате.

— Батюшка, — смеясь, сказал Хэрберт, — я похвалился моему другу, — и он показал на Уилла Пунцового, — что я самый счастливый муж на свете. Даже при королевском дворе нет женщины прекраснее моей Лилии. И вы знаете, что он мне ответил? — Сэр Ричард и Робин с улыбкой переглянулись. — Он утверждает, — продолжал Хэрберт, — что краше его жены нет не только при королевском дворе, но и во всем мире. Но вот сейчас он увидит Лилию и тогда...

— Ах! Если бы вы увидели Мод, вы бы не говорили так, молодой человек. Правда, Робин?

— Ну, разумеется, Хэрберт нашел бы Мод прекрасной, — попробовал примирить их Робин.

— Лилия чудо как хороша, — не унимался Хэрберт. — Разве может с ней кто-нибудь сравниться?

Уилл Пунцовый слушал Хэрберта и молча хмурил брови. Его мужское самолюбие было задето. Но как только он увидел прекрасную жену Хэрберта, из его груди вырвался возглас искреннего восхищения.

Маленькая прелестная девочка из монастыря Святой Марии расцвела и превратилась в очаровательную красавицу. Высокого роста, стройную и грациозную, как олененок. Божественная улыбка играла на ее розовых губках. Она приблизилась к Робину, подняла на него свои огромные синие глаза и протянула ему ручку.

— Спаситель нашей семьи — самый дорогой гость в замке, — нежным голоском произнесла она.

От восхищения Робин не мог вымолвить ни слова, он поднес белую ручку Лилии к губам и почтительно поцеловал ее. И тогда Хэрберт сказал Уиллу с гордой улыбкой:

— Дружище Уильям, позвольте представить вам мою жену, — и нежно улыбнулся Лилии.

— Она прекрасна, спору нет, — тихо сказал Уилл Пунцовый, — но Мод... — еще тише прибавил он.

Он не закончил, Робин взглядом приказал ему замолчать.

— Дорогой мой Робин, — сказал рыцарь атаману, отведя его в сторону, — во всем мире не существует человека, которого я любил бы так же преданно и крепко, как тебя. Поэтому мой дом — твой дом. Пока стоят стены моего

замка, ты и твои друзья можете жить здесь, как у Христа за пазухой. Пусть все шерифы королевства приходят сюда со своими сворами и требуют вашей выдачи, я только посмеюсь над ними. Я приказал закрыть ворота замка и не впускать никого без моего разрешения. Ты и твои друзья устали, погостите у нас неделю-другую, а потом мы вместе подумаем, что вам делать.

— С удовольствием принимаю твое приглашение, — ответил Робин, — но при одном условии.

— Какое?

— Мои дружинники под командованием Уилла завтра вернутся в Барнсдейлский лес, а потом он приведет сюда свою дорогую Мод, мою жену и жену Маленького Джона.

Две недели в замке де ля Плэн пировали и веселились, а на исходе четырнадцатого дня Робин, Маленький Джон, полностью оправившийся от раны, Уилл Пунцовый вместе с несравненной Мод, Марианной и Уинифред вернулись под зеленые своды Барнсдейлского леса.

Потерпевший и на этот раз позорное поражение, барон отправился в Лондон, был там принят королем Генрихом и горько жаловался его величеству на своего заклятого врага и его покровителя.

— Государь, — говорил барон Фитц Олвайн, — разбитый мной в честном бою Робин Гуд нашел убежище в замке одного рыцаря. Тщетно требовал я выдачи преступника. Рыцарь-изменник грубо отказал мне.

— Как?! — вскричал король Генрих. Он едва сдерживал гнев. — Какой-то ничтожный рыцарь глумится над королевским шерифом?

— Да, государь. Рыцарь Ричард де ля Плэн не пожелал выполнить мое справедливое требование. Он ответил, что в своих владениях он сам себе владыка и даже вашему величеству не позволит вмешиваться в свои дела.

Как видим, его светлость не гнушался самой наглой ложью, чтобы повредить своим врагам в глазах короля.

— Мы сами будем судить этих изменников, — сказал король. — Через две недели мы прибудем с нашим двором в Ноттингем. К этому времени вы должны арестовать дерзкого разбойника Робина Гуда и изменника сэра Ричарда и посадить их в самую темную камеру в своем подземелье. Как только за ними захлопнется дверь темницы, известите коронный суд. Мы им воздадим по заслугам. Действуйте так, как сочтете нужным. Соберите войско, предложите изменникам сдаться добровольно на нашу королевскую милость, а если они откажутся, возьмите замок штурмом.

Барон Фитц Олвайн буквально выполнил приказ короля. Он пополнил свое войско королевскими солдатами и повел его на приступ замка сэра Ричарда. Его снова постигла неудача: Робина и его друзей в замке уже не было. Старому лорду и в голову не приходила мысль штурмовать лагерь Робина Гуда в Шервудском или Барнсейлском лесу. Слишком свежи были воспоминания об участии, постигшей сэра Гая, и о собственном позорном бегстве на виду всего своего воинства. Его светлость до сих пор с трудом садился в седло. Хорошо укрепленный и охраняемый замок сэра Ричарда тоже был ему не по зубам. Поэтому достойный лорд решил снова прибегнуть к хитрости. Он рассредоточил своих солдат в окрестностях имения сэра Ричарда, а двадцати крепким смышленным ребятам приказал устроить засаду невдалеке от замка.

Ждать им пришлось недолго. На следующее утро сэр Ричард, его сын и несколько оруженосцев попались в расставленные сети. Их отчаянное сопротивление было сломлено, они были схвачены, избиты и отвезены в Ноттингем. Только одному оруженосцу удалось спастись. Избитый до полусмерти добрался он до замка и сообщил хозяйке печальную весть.

Обезумевшая от горя леди Гоуэр собралась было ехать в Ноттингем, чтобы разделить там участь своего мужа, но Лилии удалось отговорить несчастную женщину от этого безрассудного шага, который погубил бы ее самое, но не облегчил бы судьбы сэра Ричарда и его сына. Молодая женщина посоветовала свекрови припасть к ногам Робина Гуда и молить его о помощи. Только он один мог трезво оценить обстановку и спасти жизнь сэра Ричарда. Леди Гоуэр вняла совету Лилии, не теряя времени поспешила в Барнсейлский лес в сопровождении двух верных вассалов. Проводником им послужил дружинник Робина, который из-за незалеченной тяжелой раны оставался в замке.

— Благослови вас Бог, Робин! — воскликнула леди Гоуэр, бросаясь в ноги атаману.— Именем Пресвятой Дсвы закликаю, помогите нам!

— Что с вами, миледи? Вы пугаете меня,— вскричал Робин. Появление леди Гоуэр в лесу не на шутку встревожило его.— Говорите же, я к вашим услугам.

— Ах, Робин,— разрыдалась бедная женщина.— Ваш враг, ноттингемский шериф, приказал похитить моего мужа и моего сына. Робин, спасите моего мужа, спасите моего ребенка. Остановите занесенный над ними топор! Их сейчас везут под малочисленным конвоем в Ноттингем.

— Успокойтесь, миледи, — произнес Робин. — Ваш муж скоро снова будет на свободе. Сэр Ричард — рыцарь, и поэтому судить его вправе только сам король. Могущество барона Фитц Олвайна имеет свой предел, он не посмеет предать смерти благородного сакса. Успокойтесь, вытрите слезы, миледи, ваш муж и ваш сын непременно будут спасены.

— Да услышит вас небо! — плакала леди Гоуэр, ломая в отчаянии руки.

— А теперь, миледи, позвольте мне дать вам совет. Возвращайтесь домой, закройте все ворота и прикажите охранникам, чтобы они без вашего ведома никого не впускали в замок. А я сейчас соберу своих ребят, и мы пустимся в погоню за ноттингемским бароном.

Попрощавшись с леди Гоуэр, Робин собрал своих дружинников, поведал им о похищении сэра Ричарда и о своем намерении вырвать друга из лап барона. Лесные ребята криками выразили свое возмущение подлостью старого лорда, а потом весело занялись приготовлениями к вылазке. Им не терпелось снова окунуться в родную стихию: скакать во весь опор, так, чтоб ветер свистел в ушах, стрелять из лука, сшибаться в удалом единоборстве. Но вот приготовления закончены, и дружина отважных лесных братьев во главе с Робинем Гудом, Маленьким Джоном, Уиллом Пунцовым и Мачем бросилась в погоню за войском барона.

После долгой и утомительной скачки дружинники влетели в Мансфельд. Там от знакомого хозяина харчевни Робин узнал, что солдаты барона только что покинули Мансфельд и направились в Ноттингем. Робин оставил своих усталых ребят в Мансфельде, а сам в сопровождении Уилла поскакал галопом в Шервудский лес. На веселый зов его рога сбежалась сотня лесных удалцов. Робин приказал им следовать за собой, он намеревался зажать в клещи войско барона. Шервудская дружина должна была преградить дорогу в Ноттингем, а барнсдейльская отрезать путь к отступлению.

Наконец лесным ребятам удалось опередить войско барона, это случилось недалеко от Ноттингема. Робин выбрал выгодную для своей дружины позицию, одному отряду приказал быть в резерве, а другому — засесть по обе стороны дороги. Вскоре показался передовой отряд войска барона. Солдаты шли прямо в расставленную им западню. Но Робин приказал беспрепятственно пропустить их, чтобы не всполошить основной отряд, который следовал за авангардом. Ничего не подозревавший основной отряд барона поравнялся с засадой. Внезапно призывно запел рог атамана, и в солдат тучей полетели стрелы.

Барон приказал своему войску остановиться и послал тридцать воинов прочесать придорожный кустарник и выбить оттуда стрелков. Он послал их на верную гибель. Атакованные с двух сторон, солдаты побросали оружие и сдались на милость победителю. Окрыленные успехом, веселые ребята устремились на свиту лорда. Это были прекрасно обученные и вооруженные воины, они оказали дружинникам Робина мощное сопротивление.

Робин и его ребята сражались за освобождение сэра Ричарда и его сына, а королевские солдаты, присоединившиеся к войску барона, — за щедрую награду, которую король обещал тому из них, кто пленит Робина Гуда. Завязалась отчаянная битва, победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Исход сражения решила барнсдейлская дружина под командованием Маленького Джона. С криками и гиканьем бросились они в самую гущу сражающихся и переломили ход битвы в пользу Робина Гуда. Стрелки окружили сэра Ричарда и его сына, отбили их у солдат барона и дали им в руки оружие. Не думая об опасности, схватывались они с воинами, защищенными стальными латами и кольчугами.

Отчаянно смелый Хэрберт сражался в первых рядах, вместе с самыми отважными дружинниками. В течение четверти часа держал он в страхе солдат, но, окруженный многочисленными врагами, едва не погиб. Молодого рыцаря спас лучник. Желая положить конец кровопролитию, он прицелился в барона и пронзил его грудь стрелой. Потом стащил старика с лошади и проломил ему голову.

— Норманнские псы, — закричал он громовым голосом, — посмотрите на своего командира, полюбуйтесь в последний раз на его безобразную морду! А теперь бросайте оружие или приготовьтесь разделить его уча...

Он не закончил, норманнский меч поразил его в грудь, и парень замертво рухнул на землю. Лишившись командира, норманны сложили оружие и запросили пощады. По приказу Робина недавние враги подбирали трупы убитых, оказывали помощь раненым и уничтожали следы сражения.

— Прощай навсегда, жестокий кровавый человек! — проговорил Робин, с отвращением глядя на труп своего заклятого врага. — Наконец-то ты получил воздаяние за свои подлости. Твое сердце было безжалостно, ты угнетал вассалов, предавал короля и был плохим отцом. Своей бесчестной жизнью на земле ты заслужил муки ада. И тем не менее я молю Бога сжалиться над твоей душой и даровать ей прощение.

— Сэр Ричард, — обратился атаман к рыцарю, когда солдаты унесли тело своего господина, — какой сегодня

грустный день! Мы спасли тебя от смерти, но не от разорения. Твои владения будут конфискованы. Как бы я хотел, мой милый Ричард, никогда не знать тебя.

— Почему же? — удивленно спросил рыцарь.

— Ты бы, возможно, выплатил свой долг аббату монастыря Святой Марии и без моей помощи. И тогда, ничем мне не обязанный, со спокойной душой отказал бы мне в убежище. Я навлек на тебя беду. Ты будешь изгнан из своего дома и из королевства, станешь таким же изгоем, как и мы, твой замок отдадут какому-нибудь норманну, дорогие тебе люди познают горе и лишения — и все из-за меня. Моя дружба таит в себе опасность, сэр Ричард.

— Дорогой мой Робин, — с невыразимой нежностью сказал рыцарь, — о чем мне сожалеть? Моя жена и мои дети живы. И разве я потерял твою дружбу? Если король изгонит меня из страны, я покину замок моих предков, обездоленный, сирый. Но я до конца своих дней буду благословлять судьбу за то, что она подарила мне дружбу самого благородного человека на земле.

Робин покачал головой.

— Поговорим серьезно, — промолвил он. — Весть об этом сражении скоро долетит до Лондона. Король будет безжалостен. Он пошлет против нас своих солдат, и ты рассчитаешься за поражение барона не только изгнанием, но и своей жизнью. Покинь свое жилище и уходи с семьей к нам в лес. Пока я жив, ты будешь в безопасности.

— С благодарностью принимаю твое великодушное предложение, благородный Робин Гуд, — ответил сэр Ричард. — Но перед тем как уйти в лес, я попытаюсь смягчить гнев короля. Предложу ему крупное пожертвование в казну, и, быть может, он помилует меня.

В тот же вечер сэр Ричард отправил послание в Лондон. В нем он умолял своего родственника, пользовавшегося большим влиянием при королевском дворе, оказать ему покровительство. Очень скоро гонец вернулся из Лондона с вестью, что король Генрих Второй, разгневанный дерзким нападением на войско барона Фитц Олвайна и гибелью старого лорда, послал во владения рыцаря де ля Плэна сильный карательный отряд с приказом взять замок штурмом, а рыцаря и его сына повесить без суда и следствия на первом придорожном дереве. А чтобы подстегнуть рвение командира карателей, нищего норманна, король вручил ему грамоту на право владения замком де ля Плэн. Лондонский родственник известил также сэра Ричарда, что шерифам Ноттингемшира, Дерби-

шира и Йоркшира обещана поистине королевская награда за голову Робина Гуда. Рыцарь тотчас сообщил Робину о нависшей над ним опасности, а затем принялся за сборы. С помощью вассалов вся мебель, оружие, драгоценная посуда были вынесены из замка и погружены в фургоны. Как только последний фургон пересек подъемный мост, сэр Ричард, его жена, Хэрберт и Лилия выехали верхом из замка и направились в зеленый лес, под покровительство Робина Гуда.

Королевским карателям брать штурмом замок не пришлось: ворота и все двери были открыты, покои и залы пусты. Новый владелец имения сэра Ричарда был разочарован, увидев такое разорение, но скоро утешился, ибо был он человек непритязательный и всю жизнь провел в походах. Он отослал солдат в Лондон и, к великому отчаянию вассалов, начал обосновываться в замке де ля Плэн.

Г Л А В А XII

Прошло еще три года. Слава Робина Гуда распространилась по всей Англии, ни у одного барона не было такого сильного и дисциплинированного войска, как у него.

Король Генрих Второй умер, и на престол взошел его сын Ричард. Расточив коронную казну, молодой король отправился в крестовый поход. Регентом королевства он назначил своего младшего брата принца Джона. Крайне скупой, распущенный, скудоумный, принц Джон никак не был создан для исполнения высокой миссии, предназначенной ему судьбой.

Поборами и налогами регент довел народ английский, разоренный Генрихом Вторым, до беспросветной нищеты. Робин Гуд щедро помогал из своей казны ноттингемширским и дербиширским беднякам, и несчастные платили ему искренней любовью. Казна знаменитого атамана была поистине неисчерпаемой, в нее лились потоки золота, изымаемого у богатых норманнов, монахов и епископов.

Марианна и Робин жили в лесу и любили друг друга так же горячо и нежно, как перед свадьбой. И Уильям их Мад жили счастливо, душа в душу. Время не охладило их любовь, и в глазах верного честного сакса его жена оставалась неуязвимой красавицей и лучшей из женщин.

Маленький Джон и Мач не переставали благодарить судьбу за счастье, которое она им подарила, дав одному в жены нежную Уинифред, а другому — резвущку Барбару.

Скоропалительные браки младших братьев Уилла тоже оказались счастливыми.

Аллан Клэр и леди Кристабель сыграли важную роль в нашем повествовании, и, перед тем как расстаться с ними навсегда, мы по-дружески навестим их в замке дю Валь, расположенном в окрестностях Мансфельда. Перестроенный по приказу рыцаря, замок являл собой образец комфорта и хорошего вкуса. Старые деревья скрывали от нескромных глаз жилище счастливой четы. В саду, окружавшем замок, звенели детские голоса. Прелестные дети с нежными личиками, яркие цветы в этом оазисе любви, оживляли своими играми и веселым смехом размеренное спокойствие обширного имения. Аллан и Кристабель, молодые телом, сердцем и душой, жили в любви и радости, день следовал за днем, месяц за месяцем, год за годом, а счастье в их доме не убывало. Как величайшей милости просили они у Бога смерти в один день.

Кристабель так больше и не увидела отца после того дня, когда наперекор его воле обвенчалась с Алланом Клэром в Линтонском аббатстве. Старик упрямо отвергал все попытки дочери и зятя к примирению. Неожиданная смерть барона глубоко взволновала Кристабель. Несмотря на его жестокое и бездушное отношение к ней, молодая женщина любила отца и давно ему все простила.

Аллан Клэр выразил желание предъявить свои права на баронство и графство Ноттингемское. Робин советовал ему не упускать такой благоприятный случай занять высокое положение в среде английской знати. Но Аллан не успел подать прошение на королевское имя: пришло известие, что Генрих Второй подарил ноттингемский замок с прилежащими землями своему младшему сыну принцу Джону.

Аллан понял всю бесполезность борьбы с могущественным противником и не захотел рисковать своим счастьем и именами. Он отказался подавать прошение королю и никогда в жизни не жалел о потере богатого наследства.

Обираемым Робинум Гудом богатым норманнам удалось наконец обратить внимание великого канцлера Англии Лоншана, епископа Эли, на свое бедственное положение.

Епископ принял твердое решение положить конец существованию дружины веселых лучников. Пятьсот отборных солдат с принцем Джоном во главе прибыли в Ноттингем. Принц дал своим людям несколько дней отдыха, а потом приказал им готовиться к выступлению. Разумеется, намерения принца сразу же стали известны Робину Гуду. Атаман

посмеялся над проектами его высочества и придумал способ раз и навсегда отвадить принца от визитов в Шервудский лес, не подвергая при этом опасности жизни своих лучников.

Он устроил засаду, а десятерым дружинникам приказал переодеться в йоменов и лесничих и послал их в ноттингемский замок. Там они представились проводниками и, потребовав хорошее вознаграждение, пообещали принцу привести его карательный отряд прямо в лагерь Робина Гуда.

Принц охотно взял на службу «проводников», и те повели войско по самым трудным и опасным дорогам. Солдаты пробирались через непроходимые чащобы, пересекали глубокие лощины и овраги, проваливались в трясины. Слышались отчаянные крики, ругань, солдаты на чем свет стоит проклинали канцлера, Робина Гуда и его неуловимых ребят.

В конце дня, измотав вконец солдат, проводники вывели их на опушку леса. Привал под открытым небом не улыбался норманнам, и они, пробежав семь миль, отделявшие лес от Ноттингема, обессиленные от усталости, умирающие от голода, вернулись в замок. Целых две недели, изо дня в день, принц Джон возобновлял карательные прогулки в Шервудский лес. Наконец ему надоело это занятие, и он убрался в Лондон, прихватив свое войско. И на этот раз карательная экспедиция против дружины Робина Гуда закончилась бесславно.

Два года спустя король Ричард вернулся из крестового похода в Англию, и регент, справедливо опасаясь королевского гнева, спрятался за крепкими стенами ноттингемского замка.

Ричарду Львиное Сердце стало известно о государственных изменах и заговорах, которые плел против него регент, и через три дня после возвращения в Лондон он выступил во главе небольшого войска против своего мятежного брата. Ноттингемский замок был осажден королевскими войсками, взят штурмом, но принцу Джону удалось скрыться.

Ричард сражался в первых рядах, как простой солдат. В самый разгар битвы на помощь ему подоспел отряд крепких парней в зеленых куртках. Благодаря им была одержана победа. После взятия замка Ричард пожелал узнать, кем были эти искусные лучники, внезапно появившиеся в критический момент и так же внезапно исчезнувшие после того, как сделали свое благородное дело. Но никто не смог ему ответить. Тогда король вызвал к себе ноттингемского шерифа. Шериф был тем самым хозяином харчевни, с которым Робин однажды сыграл злую шутку, заставив его прогуляться в лес, а потом выложить за это дело триста золотых экю.

Злопамятный хозяин харчевни ответил королю, что эти-ми лучниками несомненно были дружинники Робина Гуда.

— Этот Робин Гуд,— прибавил хозяин,— отъявленный негодяй. Он обирает несчастных путников, грабит честных людей, убивает королевских оленей и каждый день совершает тысячи разных пакостей.

Разговор короля с шерифом случайно слышал Хэлберт Линдсей, молочный брат Мод. Несмотря на все постигшие его несчастья, ему удалось удержаться на посту охранника замка. Он счел своим долгом опровергнуть клевету, возводимую бесчестным шерифом на лучшего друга. Забыв о своем скромном положении, Хэлберт приблизился к королю и проникновенно сказал ему:

— Государь, Робин Гуд — честный сакс, несчастный изгой. Это правда, что он заставляет норманнов делиться несправедливо нажитым богатством с бедняками. Все честные ноттингемцы и йоркцы произносят имя Робина Гуда с уважением и признательностью.

— Ты знаком с этим славным лучником? — спросил король.

Вопрос застал Хэлберта врасплох. Он густо покраснел и, запинаясь, ответил:

— Я его видел издали, но это было очень давно. Я только повторяю вашему величеству то, что слышал от несчастных, которых Робин Гуд спас от голодной смерти.

— Ну-ну, парень,— улыбаясь, произнес король,— подними голову и не отрекайся от своего друга. Клянусь Святой Троицей! Если этот человек действительно таков, как ты мне о нем рассказываешь, его дружба дорогого стоит. Я желаю встретиться со знаменитым изгнанником и отблагодарить его за бескорыстную, подоспевшую вовремя помощь. Никто не посмеет сказать, что Ричард Английский показал себя неблагодарным. Завтра же утром я сам пойду к нему в Шервудский лес.

Король сдержал свое слово. На следующий день он отправился в гости к Робину Гуду в сопровождении свиты рыцарей и под охраной солдат. Проводником у них был сам шериф. Нельзя было сказать, что прогулка оказалась приятной. Обошли все дороги и тропинки, осмотрели все поляны старого леса, но Робина Гуда так и не встретили. Раздосадованный король приказал привести к нему старшего лесничего и спросил у него, где скрывается Робин Гуд.

— Ваше величество может прочесывать лес в течение целого года,— ответил лесничий,— но не увидит даже тени

изгнанника. Вы отправились в его владения в сопровождении свиты, а надо вам сказать, что Робин Гуд старается избегать встреч с вооруженными отрядами. Не из страха, нет. Он прекрасно знает лес, никого не боится, и ему ничего не стоит разгромить тысячное войско. Но он очень осторожен и бережет жизни своих ребят. Если вы, ваше величество, желаете встретиться с Робинем Гудом, переоденьтесь в монаха, и я проведу вас в лес. Клянусь святым Дунстаном, все будет в порядке. Робин останавливает монахов, угощает их по-королевски, потом обирает, но никогда не обижает и не оскорбляет.

— Золотые слова, лесничий! Клянусь Святым Крестом! — смеясь, сказал король. — Я непременно последую твоему остроумному совету. Одежда монаха мало подходит мне. Ну да ничего! Пусть мне принесут рясу аббата.

Не теряя времени, Ричард надел рясу аббата, а четверым рыцарям из своей свиты приказал переодеться в монахов. По совету лесничего к седлам трех лошадей приторочили мешки с «казной».

В трех милях от замка шедший впереди лесничий обернулся к королю и сказал:

— Государь, посмотрите, во-он на той поляне стоят Робин Гуд, Маленький Джон и Уилл Пунцовый — все три главаря дружины.

— Прекрасно, — повеселел король и, пришпорив коня, сделал вид, что хочет избежать встречи с незнакомцами.

Робин бросился наперерез всадникам и схватил королевского коня под уздцы.

— Тысяча извинений, — произнес он. — Добро пожаловать в наш лес, сэр аббат.

— Ах ты нечестивец! — вскричал король, стараясь придать своему голосу интонации, свойственные служителям церкви. — Да как ты смеешь останавливать святых людей, направляющихся на поклонение мощам великомучеников?

— Я хозяин этого леса, — ответил Робин, — а это мои друзья. Мы живем охотой и милостивым подаванием великодушных служителей святой церкви.

— Клянусь душой, ты дерзкий бездельник — вот кто ты! — возразил ему король, пряча улыбку. — Кто тебе позволил пожирать моих... королевских оленей и грабить духовенство? Клянусь святым Губертом! В откровенности тебе не откажешь.

— Откровенность — единственное достоинство немощных людей, — произнес Робин. — Те, у кого есть золото,

серебро, поместья, не нуждаются в этой добродетели, они даже понятия не имеют, что это такое. Я думаю, благородный господин аббат, — с насмешкой продолжал Робин, — что вы из тех счастливых, о которых я сейчас говорил. Вот поэтому я прошу у вас милостыню для бедняков. Они наши друзья, и мы не можем позволить им умереть с голоду. Вы часто забываете, братья мои, что рядом со стенами ваших богатых жилищ ютятся домишки, где не найдешь и сухой корки хлеба, а вы владеете огромными богатствами, которые не в состоянии потратить.

— Возможно, ты говоришь правду, парень, — сказал король, забыв, что на нем ряса аббата, — ты мне нравишься. У тебя лицо честного подданного короля, хотя ты и разбойник. Я жертвую тебе все свои деньги, сорок золотых монет. Очень огорчен, но у меня нет больше ни гроша. Король, который, как тебе известно, уже несколько дней пребывает в ноттингемском замке, обчистил мою казну. Ты можешь делать с этими деньгами, что тебе заблагорассудится.

И король протянул Робину кожаный мешочек с золотыми монетами.

— Вы лучший из аббатов, ваше преосвященство, — смеясь, сказал Робин. — И, если бы я не дал обет облагать проездным налогом всех служителей церкви, я бы отказался принять ваш щедрый дар. Но я не хочу, чтобы вы с неудовольствием вспоминали о нашей сегодняшней встрече. Вы свободно пройдете через Шервудский лес. Более того, я беру себе только половину золотых монет из вашего кошелька, а остальное с благодарностью возвращаю вам.

— Как же ты благороден, царь лесов! — воскликнул Ричард, тронутый любезностью Робина. — Я с удовольствием расскажу о тебе государю. Его величество немного слышал о тебе и просил меня пожелать тебе доброго здоровья, если мне посчастливится тебя встретить. Я думаю, что король, уважающий смелых, благородных людей, кем бы они ни были, был бы рад сам поблагодарить того, кто бескорыстно помог ему открыть ворота ноттингемского замка. Он был удивлен, почему вы исчезли с вашими отважными ребятами сразу, как только замок был взят.

— Если бы я имел счастье быть представленным его величеству, я без колебания ответил бы ему на этот вопрос. Но сейчас, сэръ аббат, поговорим лучше о другом. Я всей душой люблю короля Ричарда за его истинно английское сердце. Хотя он и норманн, но мы, саксы, уважаем его за смелость и прямоту. Мы все верные подданные его

зсемилостивейшего величества и приглашаем вас, господин аббат, выпить с нами за здоровье благородного Ричарда. Мы, жители старого Шервудского леса, с удовольствием оказываем бескорыстное гостеприимство славным саксам и щедрым, великодушным монахам.

— Принимаю твое любезное приглашение, Робин Гуд, — ответил король, — и готов следовать за тобой в твой пиршественный зал.

— Благодарю вас за доверие, добрый аббат, — сказал королю Робин Гуд и, взяв его коня под уздцы, направился к тропинке, которая вела к Дереву Встреч.

За ними последовали Маленький Джон, Уилл Пунцовый и четверо рыцарей, переряженных в монахов.

Не успел маленький отряд ступить на тропинку, как дорогу ему перебежал испуганный шумом олень. Его настигла стрела Робина.

— Какой прекрасный выстрел! — весело вскричал король. — Какой прекрасный выстрел!

— Ничего особенного, сэра аббат, — произнес Робин, удивленно посмотрев на Ричарда. — Ни один из моих ребят не промахнется даже в зайца с такого расстояния. — И, увидев в глазах короля недоверие, Робин продолжал: — Даже моя жена так искусно владеет луком, что может легко сделать выстрел несравненно лучший, чем тот, который вы только что видели.

— Твоя жена? — переспросил король. — Так ты женат? Клянусь обедней! Я с удовольствием познакомлюсь с той, кто делит с тобой опасности и лишения.

— Моя жена не единственная женщина, которая предпочла верное, любящее сердце и лесное жилище жалкой неверной любви и роскошному замку.

— Я тебя представлю моей жене, сэра аббат, — не преминул вмешаться в разговор Уилл Пунцовый, — и, если ты не признаешь, что такая красавица достойна трона, я во всеуслышание объявлю, что ты слепец или что у тебя дурной вкус.

— Клянусь святым Дунстаном! — сказал король. — Народная молва по праву называет вас веселыми ребятами. Все у вас здесь есть: прекрасные жены, королевская дичь, свежая листва и полная свобода.

— И поэтому мы счастливы, мессир, — смеясь, закончил Робин.

Они наконец вышли на лужайку, где гостей ждал изысканный обед. Жареное мясо, приправленное восточ-

ными пряностями и украшеннос зеленью, источало такой аромат, что у Ричарда Львиное Сердце разыгрался зверский аппетит.

— Клянусь душой моей матери, — вскричал он (надо признать, что у старой королевы Элеоноры вовсе не было души и клясться ею было в высшей степени неосмотрительно), — вот поистине королевский обед!

И король сел за стол и ел с огромным удовольствием. Потом Ричард сказал хозяину:

— Ты обещал, если мне не изменяет память, представить меня прекрасным женщинам, населяющим твои обширные владения. Я хочу убедиться, правду ли говорил твой рыжий приятель, что они достойны украсить собой двор английского короля.

Робин послал Уилла за прекрасными лесными нимфами и приказал ребятам приготовить все для спортивных игр, которыми забавлялись лесные братья и их жены в часы досуга.

— Мы вас сейчас немного развлечем, сэр аббат, — сказал Робин, сядясь рядом с королем, — и вы сами увидите, что у нас, лесных жителей, забавы нисколько не хуже рыцарских. И когда вы будете беседовать с нашим добрым королем Ричардом, скажите ему — прошу вас об этом как о величайшей милости, — что веселые ребята из Шервудского леса ни для кого не опасны. Мы верные подданные короля и охотно оказываем гостеприимство всем, кто сочувствует и помогает беднякам.

— Будь спокоен, славный атаман. Его величество будет знать обо всех чудесах, которые я вижу, словно он сам сидел бы на моем месте рядом с тобой.

— Вы самый лучший и любезный аббат на свете, — воскликнул Робин, — и я очень счастлив, что вы обращаетесь со мной, как с братом. А теперь соблаговолите посмотреть состязания моих лучников. Равных им нет во всей Англии, вы в этом сами убедитесь.

Лесные веселые ребята так ловко, метко и уверенно стреляли из луков, что король не мог сдержать возгласов искреннего восхищения.

А потом появился Уилл Пунцовый с Марианной и Мод. Молодые женщины были одеты в роскошные, богато украшенные костюмы для верховой езды из зеленого линкольнского сукна, в руках они держали луки и колчаны со стрелами. За ними следовали Барбара, Уинифред, прелестная Лилия и красавицы жены младших Гэмвеллов. Король потерял дар речи, увидев столько молодых красавиц.

— Сэр аббат,— произнес Робин, подводя к королю Марианну,— разрешите представить вам царицу моего сердца, мою горячо любимую жену.

— Воистину хороша царица твоего отважного сердца и повелительница твоих отважных дружинников, мой славный Робин,— промолвил король. — Как же ты должен быть горд и счастлив, что сумел пробудить нежное чувство в сердце этого очаровательного создания. Госпожа,— продолжал король, обращаясь к Марианне,— позвольте мне, смиренному монаху, припасть к вашим ногам и приветствовать вас, владычицу Шервудского леса.

И король, преклонив одно колено, почтительно поцеловал белую ручку Марианны.

— Ваша любезность не знает границ, сэр аббат,— скромно потупясь, произнесла Марианна,— но позвольте вам заметить, что святому человеку не приличествует склонять голову перед женщиной и целовать ей руку. Ваша душа и ваши чувства принадлежат Богу.

— Разве можно было подумать, что жена атамана разбойников, всю жизнь прожившая в лесу, так скромна и хорошо воспитана,— прошептал король, возвращаясь на свое место под Деревом Встреч.

— Сэр аббат, а вот и моя жена! — закричал Уилл, подводя упиравшуюся Мод к королю.

Ричард посмотрел на Мод и, улыбаясь, сказал:

— Так эта прелестная особа и есть та самая красавица, которая могла бы затмить всех придворных дам?

— Да, мессир,— ответил Уилл.

— Прекрасно, мой друг, я согласен с тобой. Позволь же мне запечатлеть поцелуй на розовых щечках твоей очаровательной жены. Равной ей нет во всем королевстве.

Уильям улыбнулся, и король галантно поцеловал молодую женщину.

— Сэр аббат, позвольте мне сказать вам, что у вас отличный вкус,— произнес Уилл, приближаясь к королю.— В любое время, когда захотите, смело идите в Шервудский лес. Здесь никто не посмеет вас тронуть. Вы будете нашим желанным гостем.

— Благодарю тебя за любезность, добрый йомен,— весело сказал Ричард.— Ах, что я вижу? — вскричал он, взглянув на сестер Уилла и Лилию, склонившихся перед ним в почтительном поклоне.— Воистину благословен Шервудский лес, здесь живут храбрые, преданные йомены и прекрасные феи.— Король взял ручку молоденькой Ли-

лии.— Клянусь Богородицей! — прошептал он.— А я-то думал, что прекраснее моей Беренжеры нет женщины на земле. И вот теперь я вынужден признать, что это дитя не уступает ей ни в красоте, ни в скромности. Душечка,— обратился король к Лилии,— ты сама выбрала свою долю, твоя жизнь полна опасностей и лишена удовольствий. Не боишься ли ты, что ураганы, проносящиеся над этим старым лесом, сломают твою жизнь, словно молодое деревце?

— Отец мой,— нежным голоском ответила Лилия.— Ветер ломает только слабые деревца. Я очень счастлива здесь. В этом старом лесу живет человек, которого я люблю больше жизни. Рядом с ним я не ведаю ни горестей, ни страха.

— Ты права, дитя мое,— произнес Ричард,— что может быть надежнее любви честного мужчины.

— А я люблю его с каждым днем все крепче и крепче, но как бы горячо я его ни любила, никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня.

И Лилия покраснела. Большие синие глаза Ричарда не отрываясь смотрели на нее. Пылкий взгляд короля смутил молодую женщину, она освободила свою руку из его рук, отошла и села рядом с Марианной и Мод.

— Уверяю тебя, Робин,— сказал король,— во всей Европе не найти двора, где вокруг трона собрался бы такой цветник нежных красавиц. Я объездил весь свет, но нигде не встретил женщин нежнее и прекраснее саксонок. Будь я проклят, если любая из этих прелестных дам не стоит сотни дочерей Востока.

— Мне приятно слышать от вас похвалу нашим женам, сэр аббат,— произнес Робин.— Это доказывает, что вы настоящий англичанин. Я не странствовал по свету, как вы, и в Англии-то я знаю только Ноттингемшир, Йоркшир и Дербишир. Какой я судья в женской красоте! И тем не менее я вызову на поединок самого отважного, самого сильного рыцаря, который осмелится утверждать, что саксонки не самые красивые женщины на земле.

— Да кому придет в голову такое святотатство? — вскричал решительным тоном Уилл Пунцовый.— Я пересек французское королевство вдоль и поперек и не встретил ни одной дамы, ни одной барышни, которая сравнилась бы с моей Мод. Мод — совершенство — вот мое мнение.

— Вы служили в королевской армии? — спросил король, внимательно посмотрев на Уилла.

— Да, мессир,— ответил Уильям.— Я воевал за короля Генриха в Аквитании, Пуату, Эврэ, Бовэ, Руане и во многих других местах.

— Вот как! — промолвил король и отвернулся от Уилла, чтобы тот не узнал его.— Робин Гуд,— продолжал он,— я вижу, ваши ребята возобновляют игры. Я не хочу упустить случая полюбоваться на их состязания. Никогда в жизни не видел ничего подобного.

— Мы с удовольствием покажем вам все, что вы пожелаете, мессир. Мач, повесь на палочки-мишени гирлянды роз.

Мач выполнил приказ атамана, и вскоре палочки-мишени были украшены цветами.

— А теперь, ребята,— сказал Робин,— постарайтесь попасть стрелами в эти палочки. Тот, кто промахнется, отдаст мне свою лучшую стрелу и получит от меня оплеуху. Вы знаете, клянусь Богородицей, что я не терплю мазил. Разумеется, я буду состязаться вместе с вами, и, если промажу, любой из вас может дать мне оплеуху.

Состязания начались. Большинство лесных ребят промахнулись. Стрелы Робина Гуда расщепили одну палочку, потом другую. Уилл и Маленький Джон промазали и под общий смех получили воздаяние за свою неловкость. Потом Робин выпустил последнюю стрелу, но, желая показать аббату, что он на равных со своими дружинниками, нарочно промахнулся.

— Ах! — вскричал один дружинник.— Как могло случиться, что ты промахнулся, атаман?

— Всякое бывает. Промахнулся, значит, буду наказан, как и другие. Кто из вас поцелует меня в щеку? Маленький Джон, ты самый сильный из нас. Давай.

— Ни за что на свете,— ответил Джон.— Скорее дам свою правую руку на отсечение, чем выполню этот твой гнусный приказ.

— Ну, а ты, Уилл?

— Еще чего, Робин. Избавь меня от такого удовольствия.

— Я тоже отказываюсь,— сказал Мач.

— И мы все,— закричали лесные ребята.

— Что за смешное ребячество,— строго произнес Робин.— Я ведь без колебаний наказывал за промахи и поэтому тоже заслуживаю такой участи. Никто из вас не хочет поднять на меня руку. Ну что же, пусть рассудит нас мессир аббат. Сэр, вот вам моя лучшая стрела, прошу вас, накажите меня за промах так же, как я наказывал моих ребят.

— Не осмеливаюсь взять на себя такой грех, мой добрый Робин,— смеясь, отказался король.— У меня тяжелая рука. Если я ударю, от тебя мокрое место останется.

— Я ведь не нежная девица, сэр аббат.

— Ну, раз ты так хочешь,— задумчиво сказал король, закатывая рукава на своих мускулистых руках,— обслужу тебя. Только не плачь потом.

Он размахнулся и нанес Робину такой удар, что тот упал навзничь. Но сразу же вскочил на ноги.

— Бог свидетель,— улыбаясь, сказал он. Лицо его горело.— Вы самый сильный монах в веселой Англии. Глядя на ваши руки, ни за что не скажешь, что вы служитель Бога. Ставлю свою голову — а она оценена принцем Джоном в пятьсот золотых экю,— что вы отлично владеете мечом и дубиной.

— Возможно, что ты и прав,— засмеялся король.— Вот только забыл упомянуть копье.

— Ваши речи и ваше поведение наводят меня на мысль, что вы более привычны к суровой, полной случайностей и приключений жизни воина, чем к спокойному существованию благочестивого служителя церкви,— продолжал Робин, внимательно разглядывая короля.— Как бы я хотел узнать, кто вы такой есть на самом деле! Странные догадки...

— Гоните прочь эти догадки, Робин Гуд, и не пытайтесь раскрыть мою тайну,— вскричал король.

В это время к Робину подошел рыцарь Ричард де ля Плэн, только что вернувшийся в лес из Мансфелда. Увидев короля, рыцарь вздрогнул: он отлично знал короля в лицо. Взглянул на Робина и понял, что тот не догадывается об истинном сане своего гостя.

— Знаешь ли ты имя человека, одетого в рясу аббата? — тихо спросил сэр Ричард Робина.

— Нет,— ответил Робин.— Но вот несколько минут назад мне в голову пришла мысль, что эти рыжие волосы и эти огромные синие глаза могут принадлежать только одному человеку на свете...

— Ричарду Львиное Сердце, королю Англии! — вскричал рыцарь.

— Ах! — произнес лжеаббат, приближаясь к ним.

Робин и сэр Ричард упали перед ним на колени.

— Теперь я узнал священную особу моего государя,— сказал предводитель дружины веселых лесных ребят.— Это наш Ричард Английский. Боже, храни его отважное величество!

На лице короля появилась благосклонная улыбка.

— Государь,— продолжал Робин, не поднимаясь с колен,— ваше величество сейчас узнает о нас все. Мы несча-

стные изгнанники. Жестокие, несправедливые властители выгнали нас из жилищ наших предков. Бедные и незащищенные, мы нашли приют под зелеными сводами Шервудского леса. Мы живем охотой, милостыней. Это правда, что мы заставляем путников платить нам проездной налог, но действуем убеждением, хитростью, любезностью, а не насилем. Налог этот нам платят добровольно или нехотя. Мы никогда не берем ничего у бедняков. Государь, я прошу у вашего величества помилования себе и своим дружинникам.

— Встань, Робин Гуд,— милостиво произнес король,— и объясни мне: почему ты со своими дружинниками добровольно и так неожиданно пришел мне на помощь, когда я штурмовал ноттингемский замок?

— Государь,— продолжал Робин, почтительно склонившись перед королем,— все истинные англичане боготворят ваше величество. Вы пользуетесь всеобщим уважением как храбрейший из храбрых, милостивейший из милостивых. Вы человек с сердцем льва, гроза врагов и защитник несчастных. Принц Джон заслужил немилость вашего величества, и когда я узнал, что мой король штурмует ноттингемский замок, я привел ему на подмогу своих ребят. Замок, служивший убежищем мятежному принцу, был взят, я выполнил свой долг верноподданного и удалился в лес.

— Сердечно благодарю тебя за бескорыстную подмогу, Робин Гуд,— промолвил король,— и за добрые чувства ко мне. Ты говоришь и действуешь как и подобает честному человеку. Я доволен тобой и объявляю полное помилование всем веселым ребятам Шервудского леса. В твоих руках сосредоточена огромная власть, ты мог бы употреблять ее во зло своим ближним, но никогда не делал этого. Ты облагал налогом только богачей и был отцом родным беднякам. Я прощаю все твои грехи, они были следствием исключительного положения, в котором ты оказался не по своей вине. Особой грамотой я защищу тебя от мести и преследования князей церкви и вельмож, которые благодаря тебе были вынуждены делиться с бедными своими несметными богатствами. Завтра в присутствии моего двора я объявлю недействительным указ о твоём изгнании из королевства. Я возвращаю тебе и всем дружинникам, делившим с тобой тяготы существования вне закона, права и привилегии свободных людей. Клянусь, что при поддержке всемогущего Бога сдержу свое слово.

— Да здравствует Ричард Львиное Сердце! — закричали королевские рыцари.

— Пресвятая Дева, храни нашего короля! — взволнованно сказал Робин. Он опустился на одно колено и почтительно поцеловал руку великодушного государя.

Потом Робин выпрямился и протрубил в рог. Лесные ребята окружили плотным кольцом своего атамана и короля.

— Славные мои товарищи, — сказал им Робин, — становитесь на колени и обнажите головы. Перед вами стоит наш законный государь, король веселой Англии Ричард Львиное Сердце! Кланяйтесь нашему благородному господину и хозяину!

Дружинники повиновались приказу Робина. С радостью выслушали они сообщение своего атамана о королевском помиловании.

— А теперь, — продолжал Робин, — благодарите государя радостными криками. И на нашу улицу пришел праздник, ребята! Вы свободные люди милостью Божией и нашего благородного короля Ричарда!

Не помня себя от радости, веселые лесные ребята кричали «ура!», пели, плясали. Невообразимый шум слышался далеко окрест. Когда шум немного утих, Ричард Английский пригласил Робина и веселых ребят сопровождать его в ноттингемский замок.

— Государь, — ответил Робин, — несказанной радостью наполнилось мое сердце, когда я услышал это лестное предложение вашего величества. Я принадлежу вам душой и сердцем. Если вы пожелаете, я выберу для вас из своей дружины сто сорок непревзойденных лучников. Трудно найти телохранителей более преданных и дисциплинированных, чем они.

Королю не часто приходилось встречать такую искреннюю преданность и такое обожание даже у своих рыцарей. Удивленный и польщенный, он сердечно поблагодарил знаменитого атамана за поддержку, которую тот оказывал ему в его нелегкой борьбе с непокорными вассалами. Дружинники вернулись к прерванным играм и состязаниям, а король наполнил вином кубок, выпил его залпом и весело спросил у Робина:

— Дружище Робин, скажи мне, кто этот богатырь с удивительно простодушным и честным лицом. Он стоит под дубом и целится из лука в мишень. Клянусь душой, до сегодняшнего дня я был уверен, что нет на земле мужчины выше меня ростом. А теперь я ясно вижу, что рядом с этим парнем я общипанный цыпленок. Какие у него широкие плечи! Мощная, дышащая достоинством фигура! Ах! Бог немало потрудился над этим Геркулесом!

— Да, это удивительный человек, государь, — ответил Робин. — Непревзойденный силач. В единоборстве ему нет равных. Он один мог бы заставить отступить отряд отборных солдат. И он же плачет, как простодушный ребенок, слушая трогательный рассказ. Парень, имевший честь привлечь к себе благосклонное внимание вашего величества, — это мой брат и лучший друг. У него золотое сердце, верное, как сталь его непобедимого меча. Он отлично владеет дубиной, ни один человек во всей Англии не может похвалиться своей победой над ним. В общем, это самый лучший парень на земле.

— Очень приятно мне слушать похвалы, которые ты так щедро и искренне расточаешь этому человеку, — произнес король. — Каким же надо быть замечательным парнем, чтобы заслужить их от тебя! Я хочу поговорить с ним. Как его зовут?

— Джон Нэйлор, государь, но мы зовем его Маленький Джон.

— Клянусь обедней! — весело воскликнул король. — Маленькая дружина таких Джонов навела бы ужас на полчища неверных псов. Эй! Прекрасный английский дуб! Башня Вавилонская! Приятель! Подойди ко мне, я хочу познакомиться с тобой поближе.

Джон подошел к королю и снял с головы шапку. Ричард похвалил необычайную силу его мышц, попробовал даже бороться с ним, но был почтительно побежден богатырем соперником. После этого король наравне с дружинниками состязался в силе и ловкости, а вечером заявил, что давно он не проводил так приятно время.

Ночью сон короля Англии охраняли веселые ребята Шервудского леса. На следующий день, отдав честь изысканному завтраку, король приготовился выступить в Ноттингем.

— Дружище Робин, — обратился король к атаману, — мы хотим перерядиться в веселых лесных ребят. Прикажи выдать мне и моим рыцарям такую же одежду, какую носят твои дружинники. Мы немного развлечемся в Ноттингеме. Наши служивые проявляют особое рвение только в присутствии начальства. Посмотрим, на что годны ноттингемский шериф и его brave солдаты.

Король и его рыцари переоделись в веселых лесных ребят и, любезно распрощавшись с дамами, отправились в Ноттингем в сопровождении Робина Гуда, Маленького Джона, Уилла Пунцового, Мача и ста сорока лучников. Когда это войско приблизилось к воротам славного города Ноттингема, Ричард приказал лесным ребятам и своим

рыцарям поднять такой шум, словно они идут на приступ. Заслышав громкие победные крики, ноттингемцы высыпали на улицу, увидели вооруженных до зубов веселых ребят и решили, что король убит и дружинники Робина Гуда напали на город. В страхе за свои жизни большинство ноттингемцев спрятались в домах и забаррикадировали окна и двери. Ударили в набат, призывая на помощь шерифа и его войско, но те как сквозь землю провалились.

Королевские воины хотели было вступить в бой с лесными ребятами, но их командиры пожелали вначале выяснить, в чем дело, и умерли боевой пыл своих солдат.

— Хороши наши воины, ничего не скажешь, — произнес Ричард, насмешливо рассматривая защитников города. — Мне кажется, что в этом городе живут одни трусливые зайцы. Шериф смылся, командиры колеблются. Эти бездельники заслуживают примерного наказания.

Не успел король высказать свое нелестное мнение о ноттингемском шерифе и его воинстве, как из замка выбежали рыцари личной охраны короля, выстроились в боевую линию и взяли копыя на изготовку.

— Клянусь святым Дунстаном! С моими ребятами шутки плохи! — вскричал король и поднес к губам охотничий рог, который ему дал Робин. Он два раза протрубил сигнал, заранее условленный с командиром охраны. Командир узнал своего короля, приказал рыцарям вложить мечи в ножны и опустить копыя.

Весть о возвращении Ричарда Английского, сопровождаемого князем отверженных, быстро облетела весь город. Ноттингемцы, забаррикадировавшиеся в своих жилищах, выходили на свет Божий, мертвежно-бледные, но веселые. Они радостными криками приветствовали новость, что Робин Гуд и его веселые ребята заслужили благосклонность короля и помилованы им. Окружили Робина и дружинников, поздравляли их, пожимали им руки.

— Слава благородному Робину Гуду! Слава смелому ймену! Слава веселому милому Робину Гуду! — радостно кричала толпа.

О короле все забыли. И тогда, удивленный невниманием ноттингемцев к своей особе, Ричард воскликнул:

— Клянусь скипетром и короной! Это ты здесь король, Робин Гуд, а не я, Ричард Плантагенет!

— Ах, государь, — с горечью в голосе возразил ему атаман, — не обращайтесь внимания на показное дружелюбие и не придавайте ему значения. Оно возбуждено благосклон-

ностью вашего величества к бедному изгою. Одно-единственное слово короля Ричарда может утихомирить радостные крики, и их сменит злобное рычание. Те же самые люди будут, без раздумья и без зазрения совести, проклинать меня и презирать.

— Ты прав, мой дорогой Робин,— смеясь, промолвил король,— негодяи везде одинаковы. Я в этом только что убедился на собственной шкуре. Когда я явился под стены Ноттингема с намерением наказать мятежного принца Джона, они восприняли мое возвращение в Англию с холодным безразличием. Они признают только право сильного, и им не известно, что благодаря тебе я смог овладеть этим замком и изгнать оттуда моего брата. А теперь они делают радостные лица и обливают нас грязью своей поганой лести. Такова жизнь. Забудем о них и поговорим о наших делах. Я пообещал, мой дорогой Робин, по-королевски вознаградить тебя за оказанную услугу. Слово короля Ричарда — золотое слово, он никогда не отказывается от данных им обещаний.

— Государь,— ответил Робин,— я счастлив, что ваше все милостивейшее величество изволили повторить свое желание вознаградить меня и моих ребят за нашу ничтожную услугу. Мы принимаем из ваших рук помилование и благодарим вас за него. Государь, в Шервудском лесу нашел убежище один несчастный рыцарь, изгнанный из своего замка королем Генрихом Вторым за то, что спас от верной гибели меня и моих ребят. Этот рыцарь — отважный и честный человек, достойный отец семейства, настоящий сакс. Если вы, ваше величество, соизволите выслушать историю сэра Ричарда Гоуэра де ля Плэна и возвратите ему поместья и замок де ля Плэн, считайте, что ваше обещание выполнено.

— Дружище Робин, мы дали тебе наше королевское слово исполнить любую твою просьбу,— взволнованно произнес Ричард.— Кстати, расскажи мне, как случилось, что этот рыцарь впал в немилость к моему отцу.

Робин кратко рассказал королю полную превратностей историю сэра Ричарда.

— Клянусь Богородицей! — воскликнул король.— Судьба действительно сурово обошлась с ним, а ты протянул ему руку помощи и спас его. Но я не позволю, чтобы кто-нибудь посмел сказать, что ты превзошел величием души и благородством короля Англии. Теперь твой друг будет под моей защитой. Пригласи его подойти к нам.

Робин позвал рыцаря, и тот, с бьющимся от волнения сердцем и слабой надеждой, почтительно предстал перед королем.

— Сэр Ричард де ля Плэн,— милостиво сказал король,— твой доблестный друг Робин Гуд рассказал мне о несчастьях, постигших тебя и твою семью. Я счастлив, что могу восстановить справедливость и засвидетельствовать Робину мое искреннее восхищение его благородным поступком. Я возвращаю твои владения и уничтожаю указ о твоём изгнании. В течение одного года ты освобождаешься от всех налогов. Возвращайся в свой замок и живи спокойно. Через месяц ты получишь подписанные мной грамоты о полном помиловании. А теперь ты, Робин, проси все, что хочешь для себя. Помни, я перед тобой в неоплатном долгу.

— Государь,— произнес рыцарь, становясь на колени перед королем,— как я могу засвидетельствовать вашему величеству свою благодарность?

— Скажи мне, что ты очень счастлив,— весело подсказал ему король,— и пообещай никогда больше не обижать аббатов.

Сэр Ричард поцеловал руку великодушного короля и отошел к своим друзьям, стоявшим в нескольких шагах от его величества.

— Ну, мой славный лучник,— снова обратился король к Робину,— каково же твое заветное желание?

— Если ваше величество позволит, я выскажу его чуть позже,— ответил Робин.

— Любое твое желание будет исполнено. А теперь идем в замок. Должен же я отблагодарить тебя за щедрое гостеприимство, которое ты мне оказал вчера в Шервудском лесу. Сегодня ты мой гость в ноттингемском замке. Мы устроим в твою честь поистине королевский праздник... Ни разу в жизни не едал я таких вкусных блюд из дичи,— продолжал король,— а свежий воздух и утомление после прогулки по лесу возбудили поистине волчий аппетит, так что я съел все за милую душу.

— Ваше величество имели на это полное право,— смеясь, ответил Робин.— Ведь вы ели свою собственную дичь, убитую в вашем лесу.

— Какое это имеет значение? — весело возразил король.— Даже если все считают, что живность, населяющая Шервудский лес, является нашей исключительной собственностью, всегда найдется молодец вроде одного моего хорошего знакомого, а с ним три сотни приятелей, которых мало заботят права и привилегии короны.

Так весело и беззаботно болтая, Ричард и Робин направились в замок, и приветственные крики ноттингемцев

сопровождали английского короля и знаменитого атамана до самых ворот старой цитадели.

В тот же день король Ричард исполнил обещание, данное им Робину Гуду: он подписал грамоту о полном помиловании атамана и его веселых лесных ребят и грамоту о передаче Робину наследства его отца — титула и владения графов Хантингдонских.

На следующий день Робин собрал своих дружинников во дворе ноттингемского замка и сообщил им о счастливых и неожиданных переменах в судьбе. Искренняя радость наполнила сердца веселых ребят. Они горячо любили своего предводителя и единодушно отвергли его предложение распустить дружину. После короткого совета было решено, что ребята отныне и навсегда прекратят облагать данью богатых норманнов и духовенство и поступят на службу к богатому графу Хантингдонскому, который обязуется кормить и одевать их.

— Ребята, — сказал им Робин, — мне приятно, что вы не покидаете меня в счастье, как не покинули в горе, и согласны сопровождать меня повсюду, куда меня ни забросит служба нашему горячо любимому монарху. Поклянитесь же никому и никогда не раскрывать тайну шервудских подземелий. Кто знает, не придется ли нам когда-нибудь снова скрываться в них от наших врагов.

Лесные ребята дали эту клятву, и Робин приказал им готовиться к отбытию в Хантингдонское графство.

29 марта 1194 года король Ричард собрал коронный совет в ноттингемском замке. Много важных вопросов было рассмотрено на этом совете и среди них утверждение прав Робина Гуда на Хантингдонское графство. Король подтвердил свое желание вернуть Робину достояние его предков, незаконно удерживаемое аббатом Рэмсеем. Королевские советники торжественно пообещали Ричарду закончить это дело к полному удовлетворению законного наследника графов Хантингдонских.

ГЛАВА XIII

Готовясь покинуть, и, быть может, навсегда, старый лес, который долгое время служил ему надежным убежищем, Робин испытывал острое сожаление о прошлом и страх перед будущим. Его томил недобрый предчувствия. Поэтому он решил ожидать грамоту о введении его в права наследования под спасительной сенью Шервудского леса.

После недолгого пребывания в Лондоне Ричард отбыл в Винчестер, где состоялось его коронавание. Это радостное событие захватило всю Англию, и Робин посчитал несвоевременным напоминать королю и коронному совету о необходимости доведения его дела до конца, то есть о торжественном провозглашении его графом Хантингдонским.

После окончания коронационных празднеств Ричард отправился на континент, куда призывали его нескончаемые войны с непокорными вассалами и с Филиппом Французским. Воспользовавшись отсутствием короля в Англии, аббат Рэмсей барон Броугтон пустил в ход все свое влияние, связи при королевском дворе и огромное состояние, чтобы затормозить приведение в исполнение королевского указа, закрепляющего права законного наследника титула и владений графов Хантингдонских. Осторожный барон не осмеливался оспаривать документы, выражавшие волю Ричарда. Он довольствовался тем, что оттягивал время, осыпал подарками канцлера королевства и продолжал спокойно владеть незаконно захваченным графством.

В то время как Ричард сражался в Нормандии, а аббат Рэмсей подкупал канцлера и королевских советников, Робин Гуд доверчиво ожидал сообщения, которое известило бы его о том, что все формальности наконец выполнены и он может вступить во владение достоянием своего отца.

Одиннадцать месяцев протекли в бесплодном ожидании, терпение Робина иссякло, и он, уверенный в своей правоте и благосклонности короля, направил жалобу Хьюберту Уолтеру, архиепископу Кентерберийскому, хранителю печати и великому судье английского королевства. Архиепископ ознакомился с прошением Робина и спокойно положил его под сукно.

Злая воля тех, кто препятствовал Робину вступить во владение его имуществом, проявлялась в волоките, и вскоре законный наследник понял, что стал жертвой хорошо организованного заговора. Аббат Рэмсей барон Броугтон, граф Хантингдонский, был слишком опасным противником, и, пользуясь отсутствием Ричарда, правителя королевства и не думали беспокоить своего протезе. Поэтому Робин решил терпеливо ждать возвращения короля в Англию.

Приняв такое решение, Робин Гуд направил второе послание великому судье. В нем он выразил свое недовольство неприкрытым покровительством, которое оказывают королевские советники аббату Рэмсею, и заявил, что вновь собирает свою дружину и возвращается за прежний промы-

сел. Мера эта вынужденная, прибавил Робин, и он надеется на правосудие и милости короля Ричарда.

Хьюберт Уолтер положил под сукно и второе послание Робина. Королевское правительство беспощадно расправлялось с мятежниками, громило бесчисленные шайки разбойников, населявших английские леса, но закрывало глаза на бесчинства дружинников Робина Гуда.

Так прошло четыре года в обманчивой тишине, которая обычно предшествует всеокрушающему урагану. С быстротой молнии распространилось по Англии известие о смерти короля Ричарда и повергло в уныние сердца истинных англичан. На престол взошел принц Джон. Словно задавшись целью возбудить против себя всеобщее недовольство, он начал царствование преступлениями и постыдными жестокостями.

Однажды по пути из Хантингдона в Йорк через Шервудский лес проезжал с многочисленной свитой аббат Рэмсей. Робин воспользовался этим случаем и захватил его в плен вместе со свитой. Получил аббат свободу только за огромный выкуп и выплатил его со страшными богохульствами и клятвой жестоко отомстить обидчику. Он без промедления отправился в Лондон и со слезной жалобой припал к стопам короля. Джон нуждался в поддержке знати и поэтому внимательно выслушал аббата. В Шервудский лес был послан отряд отборных солдат под командованием сэра Уильяма Грэя, брата Джона Грэя, любимца молодого короля, с приказом разгромить дружину Робина Гуда.

Рыцарь Грэй был норманном. Побуждаемый ненавистью к саксам, он поклялся, что бросит к ногам аббата Рэмсея голову его заклятого врага.

Внезапное прибытие в Ноттингем большого отряда одетых в стальные кольчуги и вооруженных до зубов солдат повергло в ужас ноттингемцев, но когда стало известно, что этот отряд послан королем для уничтожения дружины Робина Гуда, ноттингемцы воспылали к солдатам ненавистью, и несколько человек, связанных дружбой с лесными ребятами, побежали в лес и предупредили Робина о нависшей над ним опасности.

Робин Гуд не был застигнут врасплох этой вестью. Он знал, что жестокий аббат натравит власти против него, и был начеку. Собрав по тревоге своих ребят, атаман стал готовить глубоко эшелонированную оборону для отражения нападения норманнов-карателей. Он отправил одного из лучших дружинников, переодетого в крестьянина, навстречу врагам. Парень должен был предложить солдатам провести их к дереву, слувившему местом сбора веселых лесных ребят.

Незамысловатая, казалось бы, хитрость всегда удавалась Робину. Солдаты неизменно ловились на эту удочку, попадались в ловушку и терпели поражение. И рыцарь Грэй тоже оплошал. Он доверчиво поставил лесного молодца во главе своего войска, и тот целых три часа водил солдат по чащобам, зарослям колючих кустарников и болотам. Когда же они окончательно выбились из сил, парень привел их не к Дереву Встреч, а на огромную поляну, окруженную столетними дубами и вязами. Там солдат и их командира поджидали дружинники Робина Гуда. Спрятав оружие, они делали вид, что беззаботно отдыхают и что враг застал их врасплох.

Забыв о проводнике, который предусмотрительно скользнул в чащу и присоединился к товарищам, солдаты с боевыми криками бросились на безоружных, как им показалось, лесных ребят. Но, к большому удивлению норманнов, дружинники оказались вооружены. С громкими криками и смехом направили они на незваных гостей луки и завертели дубинами, опуская их на головы измотанных утомительным переходом солдат. Один за другим падали норманны замертво. Глухие удары дубин по стальным шлемам и кольчугам мешались с криками раненых и умирающих. Веселые ребята, казалось, не сражались, защищая свои жизни, а просто тренировались в умении владеть грозным оружием на манекенах.

Сэр Уильям Грэй, руководивший действиями солдат, с ужасом и яростью видел, как гибнут его лучшие воины, и проклинал себя за то, что перед выступлением приказал им облачиться в тяжелые доспехи, стеснявшие движения. Наделенные огромной физической силой, норманны оказались беспомощными в схватке с ловкими и подвижными дружинниками.

Поражение солдат было неизбежно. Рыцарь протрубил отбой и благодаря великодушию Робина, который его не преследовал, вернулся в Ноттингем с жалкими остатками своего войска.

Признательный рыцарь пообещал на следующий же день возобновить нападение на Шервудский лес с отрядом солдат, одетых в легкие костюмы и вооруженных луками, стрелами, короткими мечами и щитами.

Робин Гуд, вовремя узнавший о враждебных намерениях сэра Грэя, построил лесных ребят в боевой порядок на той же поляне и спокойно стал поджидать рыцаря с его войском. Вскоре прибежал один из разведчиков и сообщил атаману, что видел солдат в двух милях от Древа Встреч.

Прошло более часа, но норманны не появлялись. Робин Гуд уже начал думать, что враг изменил намерение, как вдруг появился запыхавшийся лучник с известием, что норманны, по-видимому, заблудились и направляются прямо к Дереву Встреч. Там по приказу Робина спрятались все женщины — жены и дочери дружинников. С ними была Марианна, Мод, сестры и жены молодых Гэмвеллов. Страшное предчувствие сжало сердце Робина. Он побледнел и закричал ребятам:

— Бежим навстречу норманнам. Их нужно задержать, пока они не дошли до Дерева Встреч. Горе нам, если они опередят нас.

Лесные ребята вихрем побежали в сторону дороги, по которой шли солдаты, чтобы преградить им путь или примчаться раньше их к Дереву Встреч. Но солдаты намного опередили их, и предупредить страшное несчастье стало невозможно.

Норманны быстро дошли до того места, где росло Дерево Встреч. Испуганные женщины вскочили и с криками ужаса бросились врассыпную. Сэр Уильям сразу понял, кто были эти женщины, и у этого безразличного человека возникло желание выместить на беззащитных созданиях ненависть, которую он питал к их мужьям, братьям и вообще к саксам. Убийством несчастных саксонок жестокий рыцарь решил отомстить Робину Гуду и его дружинникам за свое позорное поражение. В те варварские времена это было в порядке вещей.

По приказу командира солдаты остановились, и сэр Уильям мгновенно оценил обстановку. Впереди всех бежала высокая красивая дама, остальные женщины старались не отставать от нее и прикрывали ее бегство. Норманн понял, что эта дама занимала особое положение среди своих подруг, и поэтому, подумал он, было бы отлично убить ее первой. Он взял лук, вложил в него стрелу и кладнокровно прицелился. Рыцарь был хорошим стрелком из лука, стрела попала несчастной женщине между лопаток. Обливаясь кровью, упала она на руки подруг. С душераздирающими криками окружили саксонки Марианну и, забыв об опасности, которая нависла над ними самими, склонились над ней, пытаясь привести ее в чувство.

Один человек с ужасом увидел приготовления убийцы и, желая предупредить непоправимое, прицелился рыцарю в лоб. Стрела этого человека попала в цель, но слишком поздно: сэр Уильям успел смертельно ранить Марианну. До того, как был сам убит стрелой Робина Гуда.

Леди Марianne ранена! Смертельно ранена!

Эта ужасная весть неслась из уст в уста. Глаза дружинников застлали слезы, все они с безграничной нежностью любили свою королеву. Горе Робина было неопишимо. Он не плакал, не кричал, он ожесточенно сражался. Как разъяренные тигры бросались он и Маленький Джон на норманнов, сея вокруг себя смерть. Словно какая-то нечеловеческая сила вселилась в них. Они мстили за Марианну и жестоко отомстили за нее.

Кровавое сражение длилось более двух часов. Норманнов изрубили на куски, их не брали в плен, не слушали мольбы о пощаде. Только одному солдату удалось избежать общей участи. Он бежал с поля боя и рассказал брату сэра Уильяма о страшной трагедии, которая разыгралась в Шервудском лесу.

Марианну перенесли на отдельную лужайку, и заливающаяся слезами Мод тщетно пыталась остановить кровь, которая рекой лилась из страшной раны. Когда Робин приблизился к ней, Марианна открыла глаза и с нежностью посмотрела на мужа. Робин опустился на колени рядом с раненой, его сердце разрывалось от горя, он не мог ни говорить, ни даже пошевелиться, из его груди вырывался жуткий крик, он задыхался.

— Ты не ранен, дружок? — слабым голосом спросила молодая женщина.

— Нет, нет, — прошептал Робин, с трудом разжимая губы.

— Слава Пресвятой Богородице! — улыбаясь, пронесла Марианна. — Я молилась за тебя Пресвятой Деве, и Она услышала мою мольбу. Эта ужасная битва уже кончилась, правда, Робин?

— Да, милая Марианна. Наши враги разбиты и никогда больше не вернуться... Но поговорим о тебе... Ты... я... Пресвятая Божья Матерь! — вскричал Робин. — Это страдание выше моих сил!

— Ну, мужайся, мой милый, горячо любимый Робин. Подними голову, посмотри на меня, — говорила Марианна, пытаясь улыбнуться. — Рана не глубокая, она скоро заживет. Стрелу уже извлекли. Ты же знаешь, дружок, если бы я предчувствовала что-нибудь недоброе, я бы тебе непременно сказала. Мой час еще не пробил... Ну, посмотри на меня, дорогой Робин.

И Марианна попыталась привлечь к себе Робина, но это движение исчерпало ее силы, и она потеряла сознание. Вскоре Марианна приняла в себя, она увидела склонившегося

над ней плачущего Робина и попыталась утешить его. Потом она сказала, что ей хотелось бы немного отдохнуть, и забылась глубоким сном.

Когда Марианна заснула на ложе из трав, которое устроили ей подруги, Робин пошел посмотреть, что делают его дружинники. Джон, Уилл Пунцовый и Мач перевязывали раненых и отдавали распоряжения о захоронении мертвых норманнов. Число раненых было незначительно, около десяти человек, но раны их были опасные. Убитых среди лесных ребят не было ни одного. На краю поляны было вырыто несколько глубоких ям, туда побросали трупы норманнов и сейчас зарывали их.

Проснувшись после долгого глубокого сна, Марианна снова увидела плачущего Робина. Ангельская улыбка озарила ее лицо, она попыталась успокоить того, кто любил ее нежной любовью. Сказала, что уже не чувствует никакой слабости и что непременно скоро выздоровеет.

Марианна страдала, она чувствовала смертельную тоску, знала, что надежды на выздоровление нет никакой, но горе Робина терзало ее душу, и она пыталась смягчить страшный удар, который неумолимая судьба вот-вот должна была нанести ее любимому.

На следующий день ей стало хуже, рана воспалилась, и всякая надежда на выздоровление жены покинула сердце Робина.

— Милый Робин, — произнесла Марианна, обнимая мужа горячими руками, — приближается мой последний час. Наше расставание будет тяжелым, но мы его выдержим. Нет ничего невозможного для двух любящих душ, глубоко верящих во всемогущего, всемилостивого Бога.

— О Марианна, горячо любимая Марианна! — рыдал Робин. — Неужели Пресвятая Дева нас покинула! Если ты умрешь, и я умру тоже. Разве я смогу жить без тебя?

— Ты найдешь опору в вере и в долге перед людьми и Богом, мой любимый Робин, — нежно продолжала Марианна. — Ты вынесешь это горе, посланное тебе небом, и будешь жить, спокойный и, быть может, счастливый, среди людей, которые погибнут, если ты оставишь их. Мы скоро расстанемся, дружок, но перед тем, как навсегда закрыть глаза, скажу тебе, что я тебя люблю и всегда любила. Всем сердцем, доверчиво и самоотверженно. Я посвятила тебе всю свою жизнь и как величайшей милости просила у Бога только одного — быть тебе всегда желанной.

— И Бог даровал тебе эту милость, дорогая Марианна, — произнес Робин, тщетно пытаясь сдержать свое горе. — Ты,

только ты царила в моем сердце. Рядом со мной или вдали от меня, ты всегда была моей единственной надеждой, моей радостью, моим самым нежным утешением.

— Если бы небо позволило нам прожить вместе долгую счастливую жизнь, — продолжала Марианна, — расставание было бы еще горше, потому что у тебя бы тогда было гораздо меньше сил, чтобы пережить такое неутешное горе. Но мы с тобой молоды, ты будешь жить воспоминаниями, может быть, надеждой на что-то лучшее. Возьми себя в руки, мой Робин... Позволь мне прижаться к тебе, пусть мои последние слова ласкают твой слух. Я хочу, чтобы моя душа вознеслась легко и радостно.

— Моя бесценная Марианна, не говори так! — вскричал душераздирающим голосом Робин. — Я не могу слышать, как ты спокойно говоришь о расставании. Не хочу я расставаться с тобой! О Пресвятая Матерь Божия! Святая Покровительница Всех Скорбящих! Ты всегда внимала моим смиренным мольбам! Спаси жизнь той, кого я люблю! Спаси жизнь моей жены! Молю Тебя, заклинаю Тебя на коленях!

И Робин с мольбой протянул к небу руки, лицо его было залито слезами.

— Ты напрасно молишь Пресвятую Матерь нашего Спасителя, мой любимый! — сказала Марианна, прижимаясь бледнеющим лбом к плечу Робина. — Мои дни, мои часы сочтены. Бог недавно послал мне вещий сон.

— Вещий сон? Что ты говоришь?

— Да, сон. Послушай. Мне снился ты, окруженный веселыми ребятами. Мы пировали на огромной поляне в Шервудском лесу. Деревья были украшены гирляндами роз, душистый ветерок играл флажками. Я сидела рядом с тобой, и ты держал мои руки в своих руках, мое сердце было переполнено невыразимой радостью. Вдруг перед нами возник незнакомец с бледным лицом, в черной одежде. Он постоял, а потом сделал мне рукой знак следовать за ним. Я невольно встала и ответила на призыв мрачного незнакомца. Перед тем как удалиться, я спросила у тебя разрешения взглядом, тревога сжимала мое сердце, я не могла произнести ни слова. Ты посмотрел на меня спокойно и улыбнулся. Я показала тебе на незнакомца, ты повернул голову в его сторону, посмотрел на него и снова улыбнулся. Я знаками дала понять тебе, что он хочет увести меня далеко-далеко. Ты слегка побледнел, но улыбка не покидала твоих губ. Я была в отчаянии, судорога свела мое тело, я закрыла лицо руками и разрыдалась.

Незнакомец тащил меня за собой. Когда мы оказались в нескольких шагах от поляны, перед нами возникла жен-

щина, вся ее фигура была закрыта вуалью. Незнакомец отступил назад, а женщина подняла вуаль, скрывавшую ее тело, и я узнала матушку.

Я закричала, задрожала от ужаса, удивления и счастья и протянула к матушке руки.

«Дитя мое,— нежным голосом сказала она мне,— не плачь, прими с христианским смирением судьбу всех смертных. Умри спокойно и покинь без печали этот мир тщетных удовольствий и призрачных радостей. За пределами земли существует другой мир, мир вечного блаженства. Я жду тебя там. Но перед тем как последовать за мной, посмотри!»

И матушка приложила к моему лбу свою руку. Она была холодна, как лед. Мои глаза, затуманенные слезами, прояснились, и я увидела вокруг себя хоровод молодых девушек неземной красоты. Их сияющие свежестью лица излучали божественную радость. Они ничего не говорили, а только смотрели на меня и, казалось, звали меня в свой хоровод. Я не могла оторвать восхищенного взгляда от моих будущих подруг, а матушка наклонилась ко мне и нежно сказала: «Дорогое дитя, мое сердечко, посмотри, посмотри вокруг себя. Какая красота!»

Я повиновалась и, оглянувшись, увидела огромный луг, покрытый душистыми цветами, деревья с чудесными плодами, красными яблоками, золотистыми грушами. В густой траве белели маргаритки. Разноцветные птички летали и пели. Воздух, напоенный ароматом цветов и трав, благоухал. Я была очарована, мое сердце, сжимавшееся прежде от горя, медленно оттаивало, а матушка улыбалась и повторяла: «Смотри, дитя мое, смотри».

За моей спиной послышался шум легких шагов. Этот шум, едва слышный, звучал в моих ушах чудесной музыкой, мое сердце радостно забилося, и я, не отдавая себе отчета в охватившем меня чувстве, оглянулась.

И тогда, мой Робин, я почувствовала беспредельное счастье. Я увидела тебя. Ты бежал по лугу, руки твои были протянуты ко мне, глаза сверкали.

«Робин! Робин!» — закричала я и рванулась к тебе, но матушка удержала меня. «Он сам придет к нам,— сказала она мне.— Подожди немного. Вот и он».

Она взяла наши руки, соединила их, потом поцеловала меня в лоб и сказала: «Дети мои, вот вы и пришли в мир блаженных, в мир вечного счастья и неземной любви. Будьте счастливы».

— Что было дальше, я не помню, мой милый Робин,— продолжала Марьяна после короткого молчания.— Я про-

снулась. Долго думала и поняла, что небо послало мне предупреждение и надежду. Мы расстаемся на долгие годы, но не навсегда. Мы встретимся в лучшем мире и познаем вечное блаженство.

— Дорогая, дорогая Марианна!

— Любимый мой,— продолжала молодая женщина,— я чувствую, как силы покидают меня и жизнь уходит из моего тела. Положи мою голову на свою грудь, поближе к сердцу, обними меня, и я усну последним сном.

Робин судорожно обнял умирающую, и его горячие слезы закапали на ее лоб.

— Благослови тебя Бог,— слабевшим голосом произнесла Марианна.— Благослови тебя Бог на всю твою оставшуюся жизнь. Пусть Он дарует спокойствие и счастье тебе и всем, кого ты любишь. Свет меркнет в моих глазах, и все же я хочу еще раз увидеть улыбку на твоих устах, любовь в твоих глазах. Робин, я слышу голос матушки, она зовет меня. Прощай.

— Марианна! Марианна! — закричал Робин, падая на колени перед ложем жены.— Не умолкай! Поговори со мной еще! Я не хочу, чтобы ты умирала! Нет, не хочу! Всемогущий Боже! Помоги мне! Пресвятая Дева! Сжалось надо мной!

— Милый Робин,— прошептала Марианна,— я хочу, чтобы меня похоронили под Деревом Встреч... Я хочу, чтобы моя могила была всегда покрыта цветами...

— Да, моя любимая Марианна, да, мой нежный ангел. Ты будешь спать под душистым покрывалом из цветов и трав, а когда пробьет мой последний час — я молю Бога, чтобы он скорее пробил,— я попрошу того, кто закроет мои глаза, похоронить меня рядом с тобой.

— Благодарю тебя, мой любимый! Я умираю счастливая... на твоих руках... Прощай, про...

И ее душа отлетела с последним поцелуем, руки, обнимавшие шею Робина, разжались, ее тело замерло.

Робин долго стоял на коленях, прижавшись лицом к телу жены, долго ждал, что она откроет глаза, произнесет еще хоть одно слово, ее тело вздрогнет и она оживет, но тщетно...

— Пресвятая Матерь Божия! — вскричал Робин, кладя на ложе безжизненное тело жены.— Она ушла! Ушла навсегда! Моя любовь, мое счастье, моя жена!

И обезумевший от горя, несчастный Робин выскочил из палатки с душераздирающим криком:

— Марианна умерла! Марианна умерла!

Г Л А В А XIV

Робин выполнил последнюю волю своей жены. Под Деревом Встреч вырыли могилу и опустили туда тело Марианны, ангела, защитницы и утешительницы всех, кого она любила. Девушки со всего графства пришли проститься с Марианной. Они покрыли ее могилу гирляндами роз и горько плакали, сочувствуя горю несчастного Робина.

Аллан и Кристабель, извещенные о трагической гибели Марианны, приехали на заре. Оба были в отчаянии и горько оплакивали безвозвратную потерю горячо любимой сестры.

Когда тело Марианны скрылось в могиле, Робин задрожал с головы до ног, словно грудь его пронзила смертоносная стрела, и, не слушая соболезнований и увещаний Аллана и Кристабель, испуганных таким яростным отчаянием, вырвался из рук друзей и скрылся в лесу. Несчастный Робин хотел побыть наедине со своим горем, наедине с Богом.

Время, врачующее самые тяжелые раны, так и не смогло исцелить открытую рану на сердце Робина. Он оплакивал жену, которая одним только присутствием освещала старый лес, которая нашла свое счастье в его любви и была его единственной радостью.

Жизнь в лесу стала для него невыносимой, и он переселился в замок Барнсдейл. Но и там яркие воспоминания о прошлом ранили его душу. Беспросветное отчаяние охватило Робина и парализовало его волю. Он словно умер, даже самые сладкие воспоминания не проливали бальзам на его исстрадавшуюся душу.

Черная тень грусти коснулась и веселых лесных ребят. Непросыхающие слезы атамана убили радость и веселье, царившие в Шервудском лесу. По тропинкам бродили задумчивые и поникшие, словно неприкаянные души, лесные братья. Под сенью зеленых деревьев больше не слышались ни богатырский смех монаха Тука, ни стук дубинок составляющих в ловкости и силе веселых ребят, ни восторженные восклицания, сопровождающие меткие удары; стрелы не покидали колчаны, стрельбище опустело.

Бессонница, отказ от пищи изменили облик Робина. Он побледнел, его глаза запали, сухой кашель сотрясал тело, лихорадка медленно истощала силы. Маленький Джон, молча наблюдавший за этими страшными переменами, наконец не выдержал и настоятельно посоветовал Робину покинуть Барнсдейл, Йоркшир и отправиться в странствование по Англии. Быть может, новые впечатления отвлекут его от

печальных мыслей, думал он. После долгих уговоров Робин внял советам друга и, назначив вместо себя атаманом дружины Маленького Джона, отправился в путь.

Одетый в лохмотья бедного крестьянина, он прибыл в деревушку Скарборо. Там он постучал в дверь бедной хижины и попросил хозяйку, вдову рыбака, пустить переночевать. Добрая женщина приветливо пригласила его войти в дом и угостила ужином. Потом она рассказала ему о невзгодах своей жизни. У нее было небольшое рыбацкое суденышко, которое обслуживали три матроса. Этого экипажа было недостаточно, и когда был хороший улов, они не справлялись с работой.

За небольшое жалованье Робин поступил четвертым матросом на баркас.

— Как тебя зовут, парень? — спросила старуха, довольная, что гость согласился выполнять самую тяжелую работу на баркасе.

— Симон Ли, добрая женщина, — ответил Робин.

— Отлично, Симон Ли. Завтра же примешься за работу, и, если труд рыбака придется тебе по нутру, мы с тобой отлично поладим.

На следующий день Робин Гуд ушел в море со своими новыми товарищами. Несмотря на свою ловкость и смысленность, Робин был на баркасе не помощником, а обузой. Он не имел ни малейшего представления о тяжелом труде рыбаков. К счастью для него, рыбаки оказались неплохими товарищами, и вместо брани и ругани за неопытность и неумелость Робин услышал от них только насмешки за то, что ему «взбрело в голову выйти в море с луком и стрелами».

«Если бы я встретился с этими ребятами в Шервудском лесу, — подумал Робин, — я бы, конечно, не дал им повода насмехаться надо мной. Поделом мне: не следует братья за чужое ремесло. А они свое дело знают».

Наполнив баркас до краев рыбой, матросы подняли парус и направились к берегу. Внезапно они увидели на горизонте корвет, который на всех парусах направлялся к ним. На корвете была немногочисленная команда, но рыбаков объял ужас. Они кричали, что погибли.

— Погибли? Почему же? — удивленно спросил Робин.

— Дурак ты! — ответил один из рыбаков. — Это французский корвет. Наш король воюет с Францией, и, если французы возьмут нашу лодчонку на абордаж, они не пощадят нас.

— Им это не удастся,— возразил Робин.— Мы будем упорно защищаться.

— О какой защите ты говоришь? На корвете пятнадцать человек, а нас только трое.

— Неужели вы меня не считаете за человека, ребята? — удивился Робин.

— Конечно, нет, парень. У тебя слишком белые руки, на них никогда не было мозолей. Ты не знаешь моря, и, если упадешь за борт, на земле станет на одного дурака и бездельника меньше. Не лезь в бутылку. Хотя ты мне и нравишься, но я вынужден тебе сказать, что ты зря ешь свой хлеб.

Робин улыбнулся.

— Я не тщеславный,— сказал он,— но постараюсь доказать вам, что кое на что годен, особенно в опасности. Мой лук и мои стрелы спасут нас. Привяжите меня крепко к мачте, это придаст мне устойчивость. А потом подпустите корвет на расстояние полета стрелы.

Рыбаки повиновались. После того, как они привязали Робина к мачте, он натянул лук и стал ждать. Корвет приблизился. Робин выстрелил в человека, стоявшего на капитанском мостике, тот замертво упал. За ним на тот свет последовал матрос. Рыбаки были поражены меткостью и ловкостью своего нового товарища, над которым только что насмехались. Старший матрос показал Робину на рулевого, и через секунду француз был убит. Вскоре оба судна сблизились и стали борт к борту. На французском корвете было еще десять матросов, Робин уменьшил их число до трех. Как только рыбаки увидели, что на корвете осталось только три защитника, они решили захватить судно. Это оказалось нетрудным делом, французы поняли, что сопротивление бесполезно, сбросали оружие и сдались на милость победителей. Рыбаки подарили им свой баркас и отпустили на свободу.

Французский корвет оказался очень ценной добычей: в его трюме рыбаки нашли двенадцать тысяч фунтов стерлингов. Эти деньги капитан должен был доставить королю Франции.

Захватив французское сокровище, рыбаки кротко попросили прощения у своего спасителя, над которым всего лишь несколько часов беззлобно насмехались. Они были славными и не алчными ребятами, эти скарборские рыбаки. На своем совете они решили, что все захваченные на корвете деньги следует отдать Робину, ибо только благодаря его храбрости, хладнокровию и ловкости была одержана победа над французами.

— Друзья мои,— сказал им Робин,— только мне одному принадлежит право делить добычу. Слушайте мое решение: половина корвета и добычи принадлежит старухе, хозяйке баркаса, остальное поделите между собой вы.

— Нет, нст,— запротестовали рыбаки,— мы не позволим себе обобрать тебя. Если хочешь, мы будем служить у тебя матросами.

— Благодарю вас, славные мои ребята,— ответил Робин,— но по-вашему не будет. Я захватил корвет, и я буду делить добычу. Я использую деньги на постройку хороших домов для вас и для самых бедных жителей Скарборо.

Рыбаки снова попытались уговорить Робина изменить его намерения. Они убеждали его, что он проявил бы излишнюю щедрость, даже если бы выделил беднякам Скарборо и вдове только четвертую часть добычи. Робин остался непреклонным.

Робин Гуд прожил в Скарборо несколько недель среди добрых, гостеприимных людей, которым он подарил счастье. А потом он заскучал по старому зеленому лесу и по своим дорогим товарищам. Однажды утром он собрал рыбаков и объявил, что покидает их.

— Мы должны расстаться и, быть может, никогда не увидимся. Вниманием и заботами вы исцелили мою душу. Не поминайте лихом вашего случайного гостя, вашего друга Робина Гуда.

Не успели рыбаки прийти в себя от изумления, как Робин Гуд исчез.

До сегодняшнего дня маленький залив, на берегу которого в хижине бедной вдовы нашел приют знаменитый изгнанник, носит название «Залив Робина Гуда».

На заре благоуханного июньского утра Робин подошел к опушке Барнсдейлского леса. Его сердце забилося от волнения, когда он ступил на узкую лесную тропинку, по которой так часто прогуливался с той, которую будет оплакивать до конца своих дней. Как она прекрасна была тогда, с улыбкой на устах, с сияющими глазами! Ее сердце излучало радость. Несколько минут безмолвно рассматривал Робин места, которые были свидетелями его навсегда ушедшего счастья. Он глубоко вздохнул, и ему показалось, что легкая, нежная, благоухающая тень Марианны плывет по темным тропинкам, цветущим лужайкам и полянам, мимо столетних дубов, в ярких солнечных лучах. Робин жадно следил глазами за дорогой тенью, потом побежал вслед за нею. Нежное видение привело его на перекресток дорог, где обычно собирались веселые лесные ребята.

На перекрестке никого не оказалось. Робин поднес к губам охотничий рог, и весь лес огласился призывным пением. Послышались восклицания, радостные крики, треск сучьев, зашевелились ветви деревьев, и на перекресток выскочил Уилл Пунцовый, а за ним все дружинники.

— Дорогой Робин, друг сердечный,— шептал Уилл преувеличиваясь от волнения голосом.— Вот ты и вернулся. Слава Богу! Если бы ты знал, с каким нетерпением мы тебя ждем! Правда, Маленький Джон?

— Сушая правда,— ответил Маленький Джон. Его глаза, полные слез, не отрываясь смотрели на бледное лицо брата.— Мы переживали и беспокоились за тебя. Ты сжался над нами и вернулся.

— Да, мой милый Джон, и надеюсь, что никогда больше с вами не расстанусь.

Джон взял в свои лапищи руку Робина и с такой силой дружески, от души сжал ее, что атаман не посмел вскрикнуть от боли.

— Добро пожаловать к нам, Робин Гуд! — весело кричали лесные братья.— Будь благословенно твое возвращение!

Радость и искреннее ликование, возбужденные его возвращением, словно целебный бальзам, утолили боль незаживающей душевной раны атамана. Он понял, что должен забыть о своем личном горе и посвятить жизнь этим славным ребятам, разделившим с ним его горькую судьбу. Нелегко принял Робин это мужественное решение. Сердце бунтовало. Неимоверным усилием воли подавил Робин свои страдания и, протянув руки верным друзьям и соратникам, спокойно сказал:

— До конца дней я буду вашим верным товарищем и вождем. Я, изгнанник Робин Гуд, атаман Робин Гуд, клянусь вам, что никогда не покину вас.

— Ура! — кричали лесные ребята, бросая шапки в воздух.

— Пусть в наших лесах вновь воцарятся веселье и радость. Сегодня отдыхайте, завтра устроим грандиозную охоту. Горе норманнам!

Вскоре по всей Англии заговорили о новых подвигах Робина Гуда. Богатые ноттингемширские, дербиширские и йоркширские вельможи щедро жертвовали беднякам и на содержание дружины лесных братьев.

Прошло много лет. Сэр Гай Гэмвелл и его жена умерли в преклонном возрасте. Их сыновья вышли из дружины Робина и зажили мирной жизнью со своими женами и

детьми в замке Барнсдейл. Вскоре примеру братьев последовал и Уилл Пунцовый. Он поселился в Ноттингеме со своей дорогой Мод и многочисленным потомством. Уилл и Мод любили друг друга горячо и нежно, как и в первые дни после свадьбы.

Унифред умерла, оставив Маленького Джона безутешным вдовцом. Джон и не помышлял о том, чтобы покинуть Робина. Только смерть могла разлучить верных друзей.

И Тук, славный благочестивый монах, тоже остался верен Робину. Этот бессменный духовный наставник дружины до конца дней пил как бочка, бесстрашно сражался в первых рядах лесных братьев и бахвалился своими подвигами.

Хэлберт Линдсей, молочный брат Мод, был назначен Ричардом Львиное Сердце комендантом ноттингемского замка. Он честно и с достоинством исполнял свои нелегкие обязанности, отлично ладил как с королевскими шерифами, так и с дружиной Робина Гуда. Жена Хэла, хорошенькая Грас Мэй, не утратила с годами своего очарования, а маленькая Мод обещала стать в юности замечательной красавицей.

Сэр Ричард де ля Плэн счастливо и спокойно жил со своей женой, Хэрбертом и Лилией в замке предков. Честный сакс как величайшую драгоценность хранил дружбу с Робинем и его братьями. Этой дружбе суждено было угаснуть только с последним ударом сердца достойного рыцаря. Робин и Маленький Джон любили бывать в замке де ля Плэн, и их посещения всегда были настоящими праздниками для всех обитателей этого благословенного оазиса любви и нежности.

Не прошло много времени после подписания Великой Хартии Вольностей, как король Джон снова запятнал себя кровью подданных, а потом ввязался в войну с шотландским королем. Преследуя вторгшихся в Англию шотландцев, он шел на Ноттингем, сея на своем пути разорение и ужас. Войсками короля Джона командовали бароны, с гордостью носившие жуткие, но вполне заслуженные прозвища: Джон Без Потрохов, Молеон Кровавый, Уолтер Мач Убийца, Соттим Жестокий, Годешол Бронзовое Сердце. Эти нечестивцы предводительствовали шайками заморских наемников, и там, где проходила эта саранча, оставалась выжженная земля, залитая кровью. Шум приближающихся армий бандитов звучал как похоронный звон колоколов, население в ужасе разбегалось, бросая свои дела и имущество.

До Робина Гуда докатилась кровавая слава наемников, и он решил покарать их за страдания невинных саксов.

Лесные братья с таким воодушевлением откликнулись на призыв своего атамана, что королевских солдат охватил страх. С новой силой вспыхнула священная ненависть побежденных к победителям. Саксов к норманнам.

Подготовив свою дружину к боям, Робин стал ждать непрошенных гостей.

Приблизившись к Шервудскому лесу, командующие королевскими армиями выслали на разведку небольшой отряд. Не дождавшись возвращения разведчиков, армии вошли в лес. Ужасное зрелище предстало перед их глазами. Трупы солдат передового отряда висели на ветках столетних деревьев, валялись в придорожной пыли. Это немного охладило воинственный пыл норманнов, но потом к ним вернулась уверенность в победе, и они продолжали углубляться в лес. Робин понимал, что не сможет разгромить такую многочисленную армию в открытом бою, и решил применить военную хитрость, основанную на отличной выучке и дисциплине своих дружинников. Невидимые лучники обсыпали ряды солдат градом смертоносных стрел, лесные ребята нападали на отставшие отряды наемников и полностью уничтожали их. Страх охватил королевскую армию и парализовал ее волю. Солдаты не надеялись выбраться из леса живыми и, зараженные суевериями своего времени, не сомневались, что стали добычей адских сил. Чтобы восстановить боевой порядок в войсках и спасти их от полного разгрома, один из командиров, Соттим Жестокий, приказал сделать привал, успокоил и воодушевил солдат, а когда уверился, что солдаты побороли свой страх, во главе пятидесяти храбрейших норманнов отправился прочесывать лесные заросли. Но едва маленький отряд углубился в заросли, как туча стрел накрыла солдат. Они летели с вершин деревьев, из кустов — отовсюду. Соттим Жестокий и его пятьдесят солдат были убиты на месте.

Гибель разведчиков и их храброго предводителя снова поразила страхом души королевских воинов. Словно на крыльях вылетели они из Шервудского леса и, подгоняемые гиканьем и улюлюканьем лесных ребят, в мгновение ока добежали до Ноттингема. Вне себя от ярости, они обрушились на беззащитных жителей Мансфельдской долины.

Покарав ни в чем не повинных крестьян, армия под предводительством короля Джона направилась в Йоркшир, уничтожая на своем пути все живое и сжигая города и деревни.

Пока жестокосердные норманны упивались кровью и слезами своих невинных жертв, саксы, лишившиеся всего

своего имущества, потерявшие близких, толпами вступали в дружину Робина Гуда. Они клялись жестоко отомстить норманнам за свое горе и унижение. Вскоре дружина, в которой уже насчитывалось восемьсот воинов, начала преследование кровожадных убийц.

Небесное Провидение защитило от разорения замки Аллана Клэра и Ричарда де ля Плэна. Они оказались в стороне от дороги, по которой текла кровавая орда. Король Джон не жаловал богатых саксов. Он изгонял их из принадлежащих им замков и дарил их владения своим любимцам-норманнам. Но вскоре к воротам захваченных замков подходил Робин Гуд со своими дружинниками, и новый владелец, а с ним солдаты, нанятые для охраны поместья, попадали в руки мстителей, которые безжалостно убивали их.

Отовсюду, где ступала нога саксонского мстителя, в королевский суд неслись жалобы разоренных норманнов. Обеспокоенный король послал против Робина Гуда небольшую армию, ее командующий рассчитывал окружить дружину лесных ребят в роще, где те устроили свой лагерь, и полностью разгромить их. Все солдаты полегли на опушке рощи, не увидев не то что лагеря, но и ни одного дружинника. Никто из них не вернулся и не рассказал королю о справедливом возмездии за их злодеяния.

Славное имя Робина Гуда было у всех на устах, он стал грозой норманнов, подобно Хеварду Преследователю, воевавшему с войсками Вильгельма Первого.

Джон захватил Эдинбург, но король шотландский успел бежать. Тогда он вернулся в Дувр и оттуда разослал своим армиям приказы спешить в эту крепость. Но большая часть этих армий была к этому времени разгромлена дружинниками Робина. Король Джон умер от огорчения, и на престол вступил его сын Генрих.

Регент малолетнего короля граф Пемброк всерьез занялся умиротворением враждующих партий, улучшением жизни народа, и ему удалось восстановить мир во всей Англии. В жизни Робина Гуда кончился длившийся много десятилетний период, полный опасностей и приключений. Атаман как бы получил отставку.

Спокойное, безмятежное существование было не в характере Робина, привыкшего к активной деятельности. Он впал в уныние, у него пропал интерес к жизни. Молодость давно прошла, ему уже исполнилось пятьдесят пять лет. Маленький Джон тоже достиг почтенного возраста. Время так и не исцелило сердечную рану Робина, воспоминания

о Марианне были так же свежи, как и в день их расставания навеки. Любовь больше ни разу не согрела сердце Робина, его сковал холод одиночества.

Лесные ребята заботливо убирали могилу Марианны, в любое время года она была сплошь покрыта свежими цветами. И много раз видели ребята своего атамана, бледного и мрачного, стоящим на коленях перед могилой жены.

С каждым днем грусть все больше и больше овладевала Робинем, черты его симпатичного лица заострились, ребята забыли, когда видели улыбку на его губах, он словно оторшился от мира, и редко Джону, верному, преданному Джону, удавалось услышать от него ответы на свои вопросы.

Однажды Робин, тронутый заботливостью верного товарища, внял его мольбам и согласился пойти в ближний монастырь и попытаться там найти утешение в молитвах и посте.

Аббатиса этого монастыря много раз видела Робина, знала всю его жизнь. Она ласково встретила атамана и предложила ему свою посильную помощь. Робин, тронутый доброжелательным приемом, пожаловался аббатисе на свое здоровье и попросил ее пустить ему кровь. Аббатиса согласилась. Она привела больного в келью и с удивительным искусством и осторожностью проделала эту операцию. Потом с легкостью, которая сделала бы честь опытному врачу, она наложила повязку на руку и посоветовала больному хорошо отдохнуть. Но как только монахиня вышла из кельи, жестокая улыбка появилась на ее тонких губах. Она заперла дверь на два поворота ключа и унесла ключ с собой.

Кто же такая была эта аббатиса?

Близкая родственница сэра Гая Гисборна, норманнского рыцаря, который вместе с лордом Фитц Олвайном вторгся в Барнсдейлский лес и погиб смертью, уготованной им Робину Гуду. И тем не менее этой даме и в голову бы не пришло мстить за смерть своего родственника, если бы его брат, трус, побоявшийся рисковать своей жизнью в честном бою, не внушил ей, что она сделает доброе, благочестивое дело, если ей удастся избавить Англию от такого свирепого разбойника, как Робин Гуд. Слабовольная аббатиса уступила настойчивым требованиям нечестивого норманна. Она перерезала главную артерию на руке доверчивого Робина.

Через час монахиня тихо вернулась в келью и, убедившись, что больной крепко спит, сняла повязку с его руки. Кровь снова потекла из раны. Монахиня на цыпочках вышла из кельи.

Робин проспал до утра. Он открыл глаза, попытался встать, но почувствовал страшную слабость и понял, что его конец близок. Кровь, вытекавшая из открытой раны, залила постель. С огромным трудом ему удалось подползти к двери, он попытался ее открыть, но она оказалась заперта. Нечеловеческим усилием воли он преодолел слабость, подполз к окну, распахнул его и попробовал вылезти из кельи, но силы оставили его. Он взмолился небу, и ему показалось, что ангел-хранитель поддерживает его. Тогда он поднес к губам свой охотничий рог и с трудом извлек из него несколько слабых печальных звуков.

Маленький Джон не мог долго жить в разлуке со своим любимым товарищем. Вечером он приблизился к монастырю и провел ночь под его стенами. Рано утром он проснулся и хотел было проникнуть в монастырь, чтобы навестить Робина, как вдруг до его ушей донеслось печальное пение рога.

— Измена! Измена! — закричал Джон и, как безумный, побежал в лес, где стояли лагерем дружинники.— В аббатство! Ребята, в аббатство! Робин Гуд нас зовет! Робин Гуд в опасности! На помощь!

Дружинники бросились следом за Маленьким Джоном, который уже стучал изо всех сил в ворота аббатства. Привратница отказалась впустить его. Джон не стал терять времени на бесполезные разговоры с монахиней. Он схватил огромную гранитную глыбу, лежавшую у стены, и высадил ею ворота монастыря. Вместе с ребятами он бежал на замирающий звук рога и наконец увидел Робина, лежавшего в луже крови. Богатырь почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, по его загорелому лицу скатились две горестные слезы. Он упал на колени, взял своего старого друга на руки, словно ребенка, и, заливаясь слезами, сказал:

— Хозяин, дорогой, любимый хозяин, чья преступная рука покусилась на жизнь больного? Кто посмел совершить убийство в Божьем доме? Отвечай, Христом Богом молю, отвечай!

Робин покачал головой.

— Какое это имеет теперь значение для меня? Теперь, когда последние капли крови вытекают из моих вен.

— Робин,— настаивал Джон,— скажи мне правду. Я должен ее узнать. Подлый убийца нанес тебе предательский удар? — Робин утвердительно кивнул головой.— Брат,— продолжал Джон,— утешь меня, позволь мне отомстить за твою смерть. Убийца не должен уйти от расплаты. Скажи только одно слово, дай знак, и завтра же от этого монастыря

не останется камня на камне. Я еще силен, и все наши пятьсот дружинников как один придут ко мне на помощь.

— Нет, Джон, нет. Нельзя поднимать руку на женщин, посвятивших себя Богу. Это святотатство. Та, которая убила меня, без сомнения, выполнила чью-то волю, более могущественную и сильную, чем ее вера. Угрызения совести замучат ее, а на том свете она будет жестоко наказана, если не получит прощение от Бога. Я же прощаю ее. Ты знаешь, Джон, что я за всю свою жизнь не причинил зла ни одной женщине, а монахиня для меня вдвойне почтенна и неприкосновенна. Не будем больше об этом говорить, брат. Дай мне лук и одну стрелу, поднеси меня к открытому окну. Я хочу испустить свой последний вздох там, где упадет моя последняя стрела.

Поддерживаемый Маленьким Джоном, Робин Гуд натянул лук и прицелился. Стрела словно птица пролетела над вершинами деревьев и вонзилась в землю далеко от монастыря.

— Прощай, мой меткий лук. Прощайте, мои верные стрелы,— прошептал растроганно Робин и выронил их из своих слабеющих рук.— Джон, дружище,— произнес он спокойным голосом,— отнеси меня туда, где упала стрела. Я хочу там умереть.

Маленький Джон взял Робина на руки и осторожно вынес свою драгоценную ношу во двор монастыря, где по его приказу собрались лесные ребята. Они мирно беседовали, но, увидев атамана, безжизненно склонившегося на плечо Джона, увидев его мертвенно-бледное лицо, громко закричали. В их криках слышались боль, ярость, негодование. Джон с трудом утихомирил их и заставил отказаться от мщения коварным монахиням.

— Тихо, ребята! — сказал он.— Пусть Бог творит правосудие, а мы должны позаботиться о нашем дорогом атамане. Следуйте все за мной, Робин пожелал умереть там, где вонзилась в землю его последняя стрела.

Дружинники расступились, пропуская вперед Джона. Твердым шагом вышел Джон из монастыря и направился на поиски последней стрелы Робина Гуда. Там веселые ребята расстелили на траве свои плащи, и Джон осторожно положил на них умирающего.

— А теперь,— произнес Робин слабым голосом,— созови всех лесных братьев. Я хочу провести свои последние мгновения среди моих иреданных, верных ребят.

Джон протрубил в рог сигнал непосредственной опасности. Через несколько минут вся дружина собралась вокруг

умирающего атамана. И Уилл Пунцовый тоже прибежал. Уже много лет он жил с семьей в родовом замке, но почти каждую неделю навещал старых товарищей, охотился с ними на оленей и пировал.

Невозможно описать горе Уильяма, когда он узнал, что Робин умирает, и увидел его искаженное предсмертной мукой лицо.

— Пресвятая Дева! — вскричал Уилл. — Что с тобой случилось, мой бедный брат, мой дорогой Робин? Тебе больно? Ты ранен? Жив еще человек, осмелившийся поднять на тебя свою подлую руку? Скажи мне, кто он, и завтра же ты будешь отомщен.

Робин приподнял голову, с нежностью посмотрел на Уилла и, грустно улыбнувшись, сказал:

— Благодарю тебя, мой добрый Уилл, но не надо мстить за меня. Вырви из своего сердца ненависть к убийце того, кто умирает без сожаления и без страданий. Пресвятая Мать нашего Спасителя, моя Божественная Покровительница, оставила меня, и вот я умираю. Я долго жил, Уилл, любимый и почитаемый всеми, кто меня знал. Мне очень тяжело расставаться с вами, мои добрые, дорогие друзья, — продолжал Робин, с невыразимой нежностью глядя на Маленького Джона и Уилла, — но меня утешает мысль, уверенность, что мы расстаемся не навеки. Мы встретимся в лучшем мире. Если бы ты знал, милый Уилл, как я рад, что вижу тебя у своего смертного одра. Всю свою жизнь мы прожили как нежные братья и неразлучные друзья. Благодарю тебя за все хорошее, что ты для меня сделал, благословляю тебя и молю Пресвятую Божью Матерь одарить тебя своими милостями. Ты заслужил их. Передай Мод, твоей дорогой жене, что я не забыл ее. Поцелуй ее за меня и скажи, что я желаю ей счастья. Пусть и она не забывает своего брата Робина Гуда.

Уильям безутешно плакал.

— Не плачь обо мне, — после недолгого молчания продолжал Робин. — Мне больно видеть твои слезы. Никогда не знал, что у моего любимого брата такое чувствительное сердце. Ну-ну, мужайся.

Уильям не мог вымолвить ни слова, слезы душили его.

— Старые мои товарищи, друзья моего сердца, — произнес Робин, обращаясь к дружинникам, которые понурившись стояли вокруг него, — вы делили со мной труды и опасности, радости и горести. Честные, верные, преданные... Благодарю и благословляю вас. Прощайте, мои лесные братья, прощайте, славные саксы! Вы были грозой норманнов, а бедняки любили

и почитали вас. Будьте же счастливы, благослови вас Бог. Молитесь иногда за вашего друга, вашего брата Робина Гуда.

Ответом ему были только приглушенные стоны. Обезумевшие от горя лесные ребята слушали прощальные слова своего атамана и не могли поверить, что он говорит с ними в последний раз.

— Брат мой Маленький Джон, — еле слышно продолжал Робин, — благороднейший из благородных, храбрейший из храбрых. Как я любил тебя! Мое сердце разрывается, когда я подумаю, что с тобой станет без меня. На кого ты перенесешь свою любовь? С кем ты будешь жить под сенью зеленых вековых деревьев старого леса? Джон мой! Ты останешься одиноким и несчастным. Прости меня. Я надеялся, что мы умрем с оружием в руках, защищая нашу родину. Бог судил иначе. Да святится Имя Его, да будет воля Его! Мой час пробил. У меня меркнет в глазах. Дай мне руку, Джон. Я хочу умереть, сжимая твою честную руку. Ты знаешь мое последнее желание. Похоронишь меня под Деревом Встреч, рядом с той, кто меня уже давно ждет, к кому стремится моя душа. Марианна...

— Да, да, — прерывающимся голосом проговорил несчастный Джон, — ты будешь...

— Благодарю тебя, мой старый друг. Я умираю счастливым. Скоро встречу с Марианной и никогда больше с ней не расстанусь. Прощай, Джон...

Голос знаменитого атамана пресекался, его теплое дыхание в последний раз коснулось лица Маленького Джона, и чистая душа вознеслась на небо.

— На колени, дети мои! — перекрестившись, сказал Джон. — Благородный, великодушный Робин Гуд умер.

Лесные братья склонили головы, и Уильям прочитал над телом Робина горячую молитву. Потом Маленький Джон с помощью Уилла перенес тело почившего брата туда, где тот хотел спать вечным сном.

Двое дружинников вырыли могилу рядом с могилой Марианны. С телом Робина положили его лук и стрелы. И любимого пса покойного, который, по обычаям того времени, не должен был служить другому хозяину, убили и положили в ногах атамана.

Так закончил свои дни на земле атаман лесных братьев, оставивший о себе добрую память у английского народа.

Мир его праху!

Маленький Джон поделил сокровища дружины поровну между всеми лесными братьями. Большинство дружинников

остались жить в Ноттингемшире, остальные рассеялись по соседним графствам. Только Маленький Джон не мог никак решиться выйти из Шервуда. Словно неприкаянная душа бродил он по лесным тропинкам, громко звал того, кто не мог его уже услышать. Через месяц после гибели Робина он попросил приюта у Уилла Пунцового. Тот принял его с распростертыми объятиями. И хотя сам был убит горем, нежно утешал брата. Но Джон был безутешен.

Однажды утром Уильям гулял по саду и вдруг увидел Маленького Джона. Тот неподвижно стоял, прислонившись к высокому дереву, лицом к лесу. Он был мертвенно-бледен, широко открытые глаза, устремленные в одну точку, казалось, ничего не видели. Испуганный Уилл окликнул его. Никакого ответа. Тогда он взял брата за руку и в ужасе отпрянул. Джон был мертв.

Этот неожиданный удар судьбы как громом поразил доброго Уилла. Он отнес тело Маленького Джона в дом, и на следующий день безутешное семейство Гэмвелл проводило на Хэтерсэджское кладбище останки горячо любимого брата. Могилу закрыли огромным гранитным камнем. На его поверхности искусный камнерез вырезал инициалы: Д и Н. И в наше время местные жители показывают любопытным путешественникам могилу Маленького Джона.

Существует легенда, что один антикварий, большой любитель курьезов, раскопал эту могилу, извлек из нее огромный скелет и с торжеством поместил его в своем кабинете. С этих пор в доме почтенного ученого поселились несчастья: разорение, болезни и смерть. И могильщика, потревожившего покой богатыря, тоже постигло горе: он лишился многих близких ему родственников. Тогда поняли они, что небо разгневалось на них за осквернение праха угодного Богу человека. Они вернули земле останки брата и лучшего друга Робина Гуда. И отслужили на могиле молебен за упокой его души.

С тех пор счастье и спокойствие вернулись в дома антиквария и могильщика. Всемилостивейший Бог простил им грех кощунства.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
КНЯЗЬ ОТВЕРЖЕННЫХ. <i>Роман первый</i>	9
ЛЕСНОЙ РОБИН. <i>Роман второй</i>	261

Александр ДЮМА
РОБИН ГУД
Роман

Редактор *М. А. Шахбазян*
Художественный редактор *И. А. Богров*
Технический редактор *Л. В. Владимирова*
Корректор *Г. А. Александрова*

Сдано в набор 25.12.92. Подписано в печать 25.05.93. Формат бумаги 84 × 108/32. Бумага типографская № 2 Гарнитура шрифта Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,20. Учетно-изд. л. 27,45. Тираж 100000. Заказ 04. Цена договорная

Издательство «Соло». 350006, Краснодар, ул. Северная, 271.

Республиканское издательско-полиграфическое производственное объединение «Адыгея» комитета по печати и информации Республики Адыгея. 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268.

